Глава 1. Мама

Часть 1. Детство и первые уроки

Те годы были самыми счастливыми в моей жизни. Я часто вспоминаю их, когда ночью не могу уснуть от ноющей боли в плече, когда поезд мерно стучит колёсами по рельсам, унося нас с Алом в неизвестность. Стоит мне закрыть глаза, и я снова вижу наш старый, залитый солнцем дом в Ризенбурге. Слышу, как мама напевает какой-то старинный мотив, развешивая влажное бельё во дворе, и чувствую приторно-сладкий, обволакивающий запах свежего хлеба, который она пекла по воскресеньям. Мир тогда казался нам с братом огромным, добрым и полным чудес, которые мы ещё не успели открыть.

Мама сама учила нас читать и писать. Я до сих пор помню её тонкие, тёплые пальцы, которые аккуратно водили по строчкам букваря, её тихий, спокойный голос, читающий нам сказки перед сном.

— Посмотрите на этот символ, мальчики, — тихо говорила она, указывая на старую гравюру в книге. — Это солнце. Оно дарит жизнь всему живому. Алхимия вашего отца пытается подражать ему, но истинное тепло рождается здесь, — она мягко прижимала ладонь к моей груди.

По вечерам, когда за окнами сгущались сумерки, а в доме зажигалась лампа, Триша рассказывала нам истории. Это были не только книжные легенды, но и её собственные, придуманные на ходу сказки. О путешественниках, пересекавших бескрайние пустыни на спинах гигантских мудрых черепах; об

алхимиках древности, превращавших свинец в чистое золото; о звёздах, падающих на землю и превращающихся в лазурные цветы. Нам особенно нравилась история о реках, текущих вспять, где вода поднималась вверх по течению и уносила корабли прямо в небо.

Мы с Алом слушали её, затаив дыхание. Я ловил каждое слово, боясь пропустить хотя бы одну деталь, а брат смотрел на маму широко раскрытыми карими глазами.

— Мама, а как корабли не падают из неба обратно? — часто спрашивал Ал, дёргая её за рукав платья.

— Их держит ветер, Альфонс, — Триша ласково гладила его по золотистым волосам и улыбалась. — Ветер и вера тех, кто остался на земле.

Но чаще всего мы просили рассказать одну и ту же сказку — о мальчике, который нашёл синий камень, исполняющий желания. В ней было всё, что мы любили: приключения, опасности и, конечно, счастливый конец. Мальчик загадывал желание, и оно сбывалось, принося радость его семье.

— А можно найти такой камень и попросить, чтобы папа вернулся? — однажды спросил Ал. Ему было тогда лет пять. Он ещё не до конца понимал, что такое исчезновение, и что значит, когда кто-то уходит без предупреждения.

Мама на мгновение отвела взгляд в сторону окна. Я заметил, как её пальцы дрогнули, когда она убирала непослушную прядь волос с лица брата. Она всегда делала так, когда хотела скрыть свои чувства — прятала глаза, сжимала края платка, делая вид, что

всё в порядке. Но я видел. Я всегда видел больше, чем она думала.

— Иногда самые сильные желания сбываются не так, как мы ожидаем, Альфонс, — сказала она. Её голос был ровным, слишком ровным, словно она панически боялась, что он дрогнет. — Но если очень верить и никогда не сдаваться, чудеса случаются.

Я запомнил эти слова на всю жизнь. Они стали моим девизом. Нашим невидимым якорем во все те моменты, когда мне казалось, что мы тонем в бесконечной темноте.

Мы с Алом росли, и наша любовь к алхимии росла вместе с нами. Мы перерыли весь кабинет отца, изучали его старые тяжелые книги, хотя многие формулы были слишком сложными для нашего возраста. Мы часами пытались расшифровать его неровный почерк, найти в этих бесконечных схемах ответ на вопрос, который мучил нас обоих: почему он ушёл? Что было важнее нас? Что он искал там, вдалеке, пока мы росли без него?

Пытаясь порадовать маму, мы делали ей подарки. Цветы из камня, которые мы создавали с помощью простейших алхимических трансмутаций, птиц из металла, которые могли сидеть на её плече.

— Посмотри, мама! Она почти как настоящая! — гордо кричал я, протягивая ей железную фигурку, которая со скрипом шевелила крыльями.

— Какие у меня талантливые мальчики, — Триша улыбалась, глядя на наши неуклюжие поделки. Её улыбка была особенной — в ней было столько тепла,

что даже в самые холодные зимние дни казалось, что в доме становится светлее.

Но иногда, когда она думала, что мы не смотрим, мама подолгу стояла у окна, всматриваясь в пыльную дорогу, ведущую из Ризенбурга. В её глазах была такая тоска, что у меня сжималось сердце. Я знал, что она ждёт его. Ждёт, хотя прошло уже много лет. Ждёт, хотя никто в деревне не верил в его возвращение.

Однажды ночью я застал её у окна, когда она думала, что мы спим. Луна ярко освещала её бледное лицо, и я видел, как она судорожно сжимает край платка, словно пытаясь удержать себя от падения в бездну.

— Мама, — тихо сказал я, подходя к ней со спины. — Ты ведь ждёшь папу?

Она резко обернулась. На её лице снова засияла улыбка, та самая, которую я так любил, но я заметил, как дрожат её пальцы, когда она торопливо прятала платок в карман домашнего платья.

— Да, Эдвард, — ответила она, погладив меня по щеке. — Я жду. Он хороший человек. Он очень любит нас, поверь мне.

Я хотел спросить её, почему он ушёл, если любит нас. Почему он не пишет, не даёт о себе знать, заставляя её плакать по ночам. Но я не мог. Я панически боялся, что если задам этот вопрос, её улыбка исчезнет навсегда.

Я злился на отца. Я почти не помнил его лица, только тяжелый запах табака и ощущение сильных рук, которые однажды подняли меня высоко вверх. Я помнил один зимний вечер. Мне было тогда года

четыре. Отец сидел у камина, держа меня на коленях, и показывал старый блокнот, исписанный формулами.

— Помни, сынок, — тихо говорил он, и его карие глаза за стеклами очков смотрели на меня с пугающей серьёзностью. — Алхимия — это не просто превращение элементов. Это способ менять судьбу. Но за всё нужно платить. Запомни это: за всё в этом мире приходится платить равную цену.

Я не понял тогда его слов. Я только чувствовал тепло его рук и уверенность, что он всегда будет рядом. А наутро он просто ушёл, оставив нас. И больше не вернулся.

Мы с Алом часто спрашивали маму, когда папа закончит свои дела. Она всегда отвечала одно и то же: «Когда закончит свои исследования». Но я видел, как её глаза тускнели при этих словах. И тогда я начал тихо ненавидеть отца за то, что он оставил её угасать. Но эта ненависть смешивалась с любопытством. Что же он искал? Что было важнее нас?

По ночам я пробирался в его запылённый кабинет и перелистывал книги, пытался разобрать сложные круги. Мне казалось, что если я пойму его работу, то смогу понять причину его ухода. Я не находил ответов, но находил новые вопросы. И каждый из них вёл меня всё глубже в алхимию.

Часть 2. Болезнь и угасание

Всё началось с обычной простуды в конце лета. Сначала мама просто слегка кашляла по утрам, пряча лицо в ладони.

— Это от сырости, мальчики, — мягко говорила она, заметив мой встревоженный взгляд. — От того, что я слишком долго стояла у колодца. Всё в порядке, идите играть.

Но я видел, как она судорожно сжимает рукой грудь, когда думает, что мы отвернулись. Я видел, как её лицо становится бледнее с каждым днём, а шаги — тяжелее. Вскоре кашель стал глубже, появилась постоянная слабость. Она всё чаще садилась отдохнуть, даже когда делала обычную работу по дому. Она изо всех сил старалась не показывать нам, что ей плохо, но я видел. Я всегда видел больше, чем она думала.

Однажды ночью я проснулся от того, что в доме было слишком тихо. Я встал, на цыпочках прошёл по холодному полу к её комнате и услышал приглушённый, тяжёлый кашель, а затем прерывистый шёпот:

— Ван… пожалуйста, вернись… я не хочу, чтобы они остались одни… ты ведь обещал мне…

Я стоял за дверью, сжимая кулаки до белизны суставов. Мне хотелось вбежать в комнату, обнять её, сказать, что я здесь, что я не дам ей умереть. Но я не мог. Я просто стоял в темноте и слушал, как её голос срывается в тихий, безнадёжный плач. В ту ночь я поклялся себе, что найду способ вылечить её, даже если для этого мне придётся перевернуть весь мир.

Через месяц она уже не вставала с кровати. Пинако Рокбелл, бабушка Винри, приходила каждый день. Она осматривала маму, давала ей какие-то целебные травы, но они не помогали. Болезнь прогрессировала, и я видел, как угасает свет в её глазах.

— Это не простуда, Триша, — тихо говорила Пинако, когда мы с Алом стояли в коридоре и подслушивали у приоткрытой двери. — Это что-то серьезное. Тебе нужен хороший врач в Централе. Я могу занять денег…

— У нас нет денег, Пинако, — слабо отвечала мама. — И я не могу оставить мальчиков. Я должна держаться. Ради них.

Мама держалась из последних сил. Она улыбалась нам, когда мы заходили в её комнату, продолжала рассказывать сказки, гладила нас по голове. Но я видел платки, которые она прятала под подушку — они были в крови. Я слышал, как по ночам она шептала имя отца, и каждый раз я сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Она умерла в конце осени, когда первые заморозки покрыли траву инеем. Я крепко держал её за руку, чувствуя, как последнее тепло медленно уходит из её пальцев. Ал стоял на коленях у кровати и плакал так тихо, что я слышал лишь стук собственного сердца. Я не плакал. Я смотрел на её бледное лицо, на её закрытые глаза, и чувствовал, как внутри меня закипает холодная, несокрушимая решимость.

Мы похоронили её на холме за домом, под старым дубом. Там, где она любила сидеть летом и смотреть на закат. В тот день я поклялся снова — теперь уже вслух, стоя на её могиле:

— Я верну тебя, мама. Я обещаю тебе. Чего бы это ни стоило, я найду способ.

Ал стоял рядом, шмыгая носом, и молчал. Он не верил, что такое возможно. Но он верил мне. Он всегда верил мне.

Часть 3. Письма отчаяния

После похорон мы сидели в доме, который казался пустым, холодным и мёртвым без маминого голоса. Винри приносила нам еду, пыталась расшевелить нас, но мы почти не ели. Мы просто сидели часами, глядя в одну точку, и слушали, как мерно тикают старые часы на стене, отсчитывая секунды нашего одиночества.

— Ал, — сказал я однажды, когда прошло уже несколько недель. — Ты помнишь, что говорил отец? В его старых записях было указано, что эквивалентный обмен можно обойти, если найти правильный катализатор. Чистый источник энергии.

— Но брат, это же просто теория, — Ал посмотрел на меня с сомнением. — Никто никогда не делал этого. Из чего вообще состоит этот катализатор? В книгах ничего нет.

— Значит, мы будем первыми, кто это выяснит, — твердо ответил я.

Ал посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула слабая искра надежды. Он хотел верить. Он всегда хотел верить, даже когда мир вокруг нас рушился.

— Но для этого нам нужно больше информации, — сказал он. — Нам нужно найти тех, кто знал отца. Кто мог бы помочь нам понять его исследования.

Я задумался. Мы не знали, где искать отца, но у нас были его старые письма, его блокноты. И у нас были

конкретные имена, которые он упоминал в своей переписке.

— Ты прав, — сказал я. — Мы напишем письма всем, кого он упоминал. Всем его старым друзьям, коллегам, союзникам. Кто-то из них обязательно должен знать секрет.

Ал кивнул, и мы начали работу. Мы перерыли весь кабинет отца, нашли стопки старых писем, которые он хранил в ящиках стола. Мы аккуратно переписали адреса, составили список. Маджихал из Линтера. Шоу Такер из Централа. Доктор Марко, который, по слухам, близко знал отца. И многие другие.

— Мы отправим письма им всем, — сказал я. — И будем ждать ответа.

— Но мы не можем просто сидеть и ждать, Эд, — возразил Ал. — Мама... она ведь там, на холме... Она не может ждать.

— Я знаю! — крикнул я, чувствуя, как внутри закипает гнев от собственного бессилия. — Но у нас сейчас нет другого выбора!

Письма были написаны. Ал аккуратно вывел каждое имя, каждый адрес, а я отнёс их на почту, чувствуя, как конверты тяжелеют в моей руке. Мы ждали, надеясь, что кто-то ответит. Что кто-то сможет пролить свет на тайну, которую оставил нам отец.

Но ответа не было. Дни шли, складывались в недели, и я чувствовал, как надежда ускользает, как песок сквозь пальцы. Мы перечитывали записи отца снова и снова, пытались понять, что мы упустили. Мы искали любую зацепку, любую подсказку в его кабинете.

И однажды ночью, когда луна ярко светила в окно, мои пальцы случайно нащупали в самом углу массивного дубового стола едва заметный выступ. Я сильно надавил на него — и с тихим щелчком открылась потайная деревянная панель. За ней лежала шкатулка из тёмного дерева, инкрустированная серебряными символами, которых я никогда раньше не видел. Они напоминали алхимические круги, но были гораздо сложнее, с переплетениями линий, похожими на ветви деревьев.

Я дрожащими руками открыл крышку. Внутри, на бархатной подушке, лежал камень. Он был размером с куриное яйцо, идеально гладкий, сияющий глубоким, чистейшим синим цветом, словно кусочек ночного неба, запертый в кристалл. Когда я коснулся его поверхности пальцами, по руке пробежал легкий электрический разряд, и внутри камня заклубился живой туман, тёплый и пульсирующий. Я чувствовал, как его лазурная энергия откликается на моё прикосновение, словно он ждал именно меня.

Рядом лежала записка, написанная знакомым, неровным почерком отца. Я развернул её и прочитал:

«Мои дорогие мальчики. Если вы читаете это — значит, я не вернулся. Этот камень — лазурный катализатор. Он способен на то, что всегда считалось невозможным: чистую трансмутацию души без жертвы, напрямую из Врат Истины. Я искал его всю свою жизнь. Я не успел использовать его для вашей матери, болезнь забрала её слишком быстро. Но вы сможете. Эта энергия — чистая, она не требует человеческой крови, не требует боли и смертей. Она просто течет, как вода в ручье, как ветер в листве. Используйте её с уважением. Я люблю вас. Папа».

Я перечитал записку трижды, пытаясь осознать прочитанное. Отец знал. Он знал, что оставил нам этот камень как спасение.

— Мы сделаем это, Ал, — сказал я, крепко сжимая камень в кулаке. — Мы вернем её. Ради мамы.

Часть 4. Подготовка

Мы готовились целый месяц, не выходя из подвала. Я перепроверил все расчёты отца, сравнил их с нашими учебниками и заметками. Каждая деталь, каждая линия должна была быть точной до миллиметра. В подвале мы начертили сложный круг — я использовал мел, перемешанный с моей собственной кровью, чтобы усилить нашу биологическую связь с контуром. Мы взвесили каждый элемент, составляющий человеческое тело: вода, углерод, аммиак, фосфор, кальций, соль, сера. Каждую крупицу — до последнего грамма.

Мамина кровь — несколько засохших капель, которые мы бережно сняли с её старой простыни, — лежала в самом центре круга. Это была наша последняя материальная связь с ней.

Я аккуратно вставил синий камень в углубление, специально вырезанное в центре круга. Мы с Алом взялись за руки. Нам было страшно, но отступать было поздно.

— Держись за меня, Ал, — сказал я, глядя ему в глаза. — Что бы ни случилось, не отпускай мою руку.

Мы одновременно хлопнули в ладоши и прижали ладони к контуру.

Свет вспыхнул мгновенно — чистый, ослепительный, лазурный, заливший весь наш подвал. Я чувствовал,

как эта колоссальная энергия пронизывает меня насквозь, тёплая и живая, не требующая боли, не требующая крови. Она текла по моим жилам, и в этом сиянии я вдруг ясно увидел маму — её улыбку, её карие глаза, её тёплые руки, которые гладили меня по голове.

Но в тот краткий миг, когда камень принял на себя весь основной удар трансмутации, я на долю секунды провалился в бездну. Сквозь ослепительный свет я увидел колоссальные Врата Истины — они на миг мелькнули передо мной и захлопнулись, не успев забрать мою плоть или тело Ала. Камень защитил нас, забрав плату из своего источника. Однако знание осталось во мне. С тех пор я понимал структуру материи без предварительных чертежей, хотя поначалу не мог контролировать этот дар. Это было странное, пугающее чувство — видеть, как каждая молекула складывается в узор, как металл дышит, а камень помнит свою первоначальную форму.

А потом свет плавно погас.

Мама сидела на полу в центре круга, живая. Её каштановые волосы отросли заново — густые, блестящие, до самых плеч. Щёки порозовели, а дыхание было ровным. Она медленно открыла глаза — карие, мягкие, с той же теплой искоркой, что я помнил с детства.

— Эдвард?.. — тихо прошептала она, и её голос был слабым, но настоящим. — Альфонс?.. Где мы?..

Мы с братом с криком кинулись к ней, обнимали её, плакали и смеялись одновременно. Мама обнимала нас в ответ, крепко прижимала к себе, гладила по

волосам, и я чувствовал, как её сердце бьётся — ровно, спокойно, живо. Она была настоящей.

— Как… как вы это сделали, мальчики? — спросила она чуть позже, слабо оглядывая наш подвал, разбросанные ингредиенты и светящийся круг.

— Это неважно, мама, — ответил я, прижимая её к себе ещё крепче. — Главное, что ты здесь. Ты снова с нами.

Когда я поднял синий камень с пола, то заметил, что он стал чуть меньше — на глаз, примерно на два миллиметра. На его безупречной лазурной поверхности появилась крошечная, едва заметная трещинка. Я замер. Значит, камень расходуется. Каждое использование уменьшает его массу и ресурс. Мы должны быть предельно осторожны.

Но в тот счастливый момент это не имело значения. Мама была жива.

Часть 5. Создание фальшивки и протезов

Первые дни мама была очень слаба. Она почти не вставала с постели в нашей тайной комнате, но с каждым днём крепла. Мы с Алом ухаживали за ней, готовили еду, читали ей книги. Она улыбалась нам, и это было самым большим счастьем в мире.

Но мы прекрасно понимали, что не можем оставаться в Ризенбурге. Наша мощная алхимическая вспышка была зафиксирована военными — мы видели странные огни в ночном небе, и соседи в деревне уже поговаривали о скором приезде правительственных ищеек. Нужно было срочно создать убедительное прикрытие. Мы не могли просто оставить маму и уехать — это было бы слишком подозрительно. Мы не

могли признаться в том, что успешно воскресили её — это означало бы тюрьму или пожизненные лаборатории министерства. Нам нужна была легенда, которая объяснила бы всё: и нашу алхимическую вспышку, и наше поспешное исчезновение.

И тогда я придумал план.

— Мы создадим фальшивку, Ал, — сказал я брату, когда мы сидели в подвале. — Мы сделаем вид перед военными, что пытались воскресить маму и потерпели крах. Мы создадим монстра из биомассы, который будет выглядеть как результат неудачной трансмутации.

Ал смотрел на меня с ужасом в глаз.

— Брат, ты хочешь создать гомункула? Это ведь чудовищно!

— Нет, Ал, — ответил я, качая головой. — Я хочу создать иллюзию. Мы используем те же химические вещества, что и для воскрешения, но намеренно испортим процесс, сломаем формулы. Сделаем так, чтобы получилось нечто уродливое, бесформенное. Военные увидят это и поверят, что мы просто глупые, неудачливые мальчишки, которые пытались вернуть мать и потерпели крах.

Ал колебался, его пальцы нервно перебирали края куртки.

— А что, если они не поверят нам, Эд? Что, если они начнут искать дальше?

— Тогда мы скажем, что я потерял руку и ногу в процессе трансмутации плоти, — ответил я, глядя на свои абсолютно целые руки. — Что мы пытались остановить реакцию, но она вышла из-под контроля.

Это идеально объяснит, почему мы будем носить протезы и почему мы калеки.

— Протезы? — переспросил Ал. — Но у тебя ведь целые руки!

— Винри сделает их, — пояснил я. — Она сделает фальшивые протезы — экзоскелет, каркас, который можно будет носить поверх моих настоящих конечностей для маскировки. Мы скажем ей, что нам нужно прикрытие для побега от военных. Она не узнает всей правды о маме, чтобы не подвергать её опасности, но обязательно поможет нам как механик.

Ал долго молчал, переваривая этот безумный план, взвешивая риски и шансы.

— И что будет с мамой? — спросил он наконец. — Мы ведь не можем оставить её здесь одну.

— Мы не оставим её, — ответил я. — Она уедет вместе с Пинако под чужим именем. Будет жить в другом доме, тихо. Мы с тобой будем официально Государственными алхимиками, получим доступ к архивам отца, а маму спрячем так, что ни одна ищейка Мустанга её не найдёт.

Ал кивнул. Я видел, что он согласен, хотя эта ложь и пугала его.

Мы начали работать над фальшивкой. Начертили новый круг в подвале — сознательно несовершенный, с поломанными линиями. Используя те же вещества, мы сознательно портили пропорции. В самый центр круга я положил мамины волосы, которые тайно снял с её старой расчёски.

Мы хлопнули в ладоши и прижали руки к полу.

Процесс мгновенно пошёл наперекосяк. Химикаты неистово забурлили, сплавляясь с мамиными волосами, издавая жуткое, тошнотворное зловоние тухлого мяса и жжёной кожи. Синий камень в моём кармане на мгновение вспыхнул — произошел неконтролируемый резонанс. Частица его лазурной энергии просочилась в круг и случайно стабилизировала эту биомассу. Именно поэтому наш «монстр» не рассыпался в прах сразу же.

Когда реакция завершилась, на половицах копошилось оно. Уродливое, бесформенное месиво из костей и сырой плоти, слепо тыкающееся в доски подвала и издающее хриплые, пугающие звуки. Оно было живым, но полностью лишённым разума и человеческой души.

— Боже мой… — прошептал Ал, в ужасе отворачиваясь от круга. — Что мы наделали, Эд? Оно ведь живое…

— Мы сделали то, что должны были, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрже, чем я чувствовал. — Это наша маскировка. Теперь нам нужны протезы. Идём к Винри.

Винри мы нашли в её мастерской. Она сидела за столом, окружённая инструментами, и чинила какую-то деталь. Когда мы вошли, она подняла голову и улыбнулась, но её улыбка мгновенно погасла, когда она увидела выражение наших лиц.

— Что случилось, мальчики? — спросила она, вставая. — На вас лица нет.

— Нам нужна твоя помощь, Винри, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Мы должны срочно

уехать из Ризенбурга. Военные скоро придут за нами. Нам нужно убедительное прикрытие.

Винри нахмурилась, откладывая инструмент.

— Прикрытие? О чём вы говорите?

— Мы скажем им, что пытались воскресить маму, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Что мы создали монстра, и трансмутация вышла из-под контроля. И что в процессе я потерял правую руку и левую ногу. Нам нужны фальшивые протезы, Винри. Каркас, экзоскелет, который я смогу надеть поверх моих здоровых рук и ног, чтобы выглядеть как калека перед военными. Чтобы они поверили и не искали дальше.

Винри побледнела, её глаза расширились от ужаса. Она переводила взгляд с моих рук на Ала.

— Вы... вы с ума сошли? Вы шутите? Эд, у тебя ведь целые руки! Зачем этот маскарад?

— Это не шутка, Винри, — тихо сказал Ал. — На кону наши жизни. Если военные узнают, что мы выжили после такой вспышки, нас закроют в лабораториях. Нам нужно это прикрытие, чтобы сбежать. Пожалуйста.

Винри колебалась, её пальцы судорожно сжимали гаечный ключ. Но она была нашим другом. Она была нашей семьёй. Она не могла отказать.

— Хорошо, — сказала она наконец, и в её голосе послышались слёзы. — Я сделаю это. Я соберу полый каркас, экзоскелет из стали и меди. Он будет выглядеть снаружи как настоящая автоброня, с поршнями и клапанами, но внутри останется место для твоих рук и ног. Но Эд... ты должен пообещать

мне, что когда-нибудь расскажешь всю правду. Я не хочу жить во лжи.

— Когда-нибудь, Винри, — ответил я. — Обещаю тебе. Но не сейчас.

Винри работала день и ночь без отдыха. Она создала фальшивые протезы — они выглядели снаружи как тяжелая, сложная автоброня, полые внутри. Она встроила в них специальные паровые клапаны и поршни, которые создавали иллюзию работы сложного гидравлического механизма. Когда я впервые надел этот каркас поверх своих здоровых конечностей, металл неприятно впился в кожу, оставляя красные полосы.

— Терпи, Эд, — тихо говорила Винри, затягивая крепления на моём плече. — Я встроила мягкие кожаные прокладки изнутри, но если ты будешь двигаться слишком резко или побежишь, пластины начнут тереться друг о друга и каркас может заклинить. Придётся переделывать. Помни об этом перед военными — симулируй скованность движений калеки.

— Спасибо тебе, Винри, — ответил я, пробуя пошевелить рукой. Каркас отозвался тяжелым металлическим лязгом и шипением пара. — Ты спасла нас.

— Не благодари, — ответила она, и в её голосе слышалась боль. — Просто вернитесь живыми.

Когда военные наконец прибыли в Ризенбург, всё было готово. Маму мы тайно укрыли в небольшом домике на окраине деревни вместе с Пинако. Ложь была безупречной.

Часть 6. Приезд Мустанга

Дождь лил стеной, когда они приехали. Я слышал гул автомобильных моторов, крики солдат во дворе и тяжелый топот кованых сапог по мокрой земле. Я стоял в нашем тёмном подвале, натянув поверх здоровых конечностей фальшивый экзоскелет автоброни, и чувствовал, как сердце бешено колотится в груди. Рядом со мной в центре круга копошилось наше уродливое творение из биомассы.

Дверь лаборатории с грохотом распахнулась, слетев с петель. На пороге стоял мужчина в синей военной форме, с короткими тёмными волосами и пронзительным, сканирующим взглядом тёмных глаз. Рой Мустанг. Огненный алхимик.

Я узнал его сразу. Он был тем самым человеком, которому Ал отправил письмо, когда мама ещё была больна. Мы ждали его тогда, надеялись, что он поможет нам найти врача. Он не приехал вовремя. Но теперь он стоял передо мной, глядя на нас с холодным, оценивающим любопытством.

— Значит, слухи из провинции не врали, — сказал он. Его голос был тихим, холодным и пугающе спокойным. — Человеческая трансмутация. Вы пытались вернуть свою мать, мальчишки?

Я смотрел на него снизу вверх, с трудом удерживая равновесие в тяжёлом каркасе, и чувствовал, как внутри меня закипает гнев. Он не приехал, когда мы звали на помощь. Но теперь он стоял здесь, оценивая нас, как лабораторных мышей.

— Мы… мы просто хотели снова увидеть её улыбку… — выдавил я сквозь зубы, симулируя нечеловеческую

агонию калеки и крепко сжимая левую руку. — Но вышло… это…

Мустанг подошёл ближе. Носком своего начищенного сапога он брезгливо повернул окровавленную тушу из биомассы, которая копошилась на полу круга. Монстр глухо, утробно зарычал, слепо клацнув недоразвитой челюстью.

— Поразительно, — пробормотал Мустанг, оборачиваясь ко мне. — Большинство алхимиков после такой вспышки обратного тока просто не выживает. А ты, парень… Потерять правую руку и левую ногу, но остаться в сознании и даже успеть закрепить на себе автоброню? Кто твой механик?

— Пинако… и Винри Рокбелл… — выдавил я, тяжело дыша и продолжая искусно разыгрывать роль раненого инвалида. — Они помогли мне...

Он посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом, и я заметил, как на мгновение дрогнула его бровь за стеклами очков. Он явно заметил какой-то люфт в моих пластинах или что-то заподозрил. Я замер, боясь пошевелиться. Но Мустанг ничего не сказал. Он просто стоял и смотрел на меня, словно пытался прочитать мои мысли через этот стальной маскарад.

— Человеческая душа не подлежит возврату, это абсолютный закон природы, — сказал он наконец, отворачиваясь от монстра. — Но твой талант, Эдвард Элрик… Удержать такую мощную реакцию обратного тока в твоём возрасте — это гениальность. Нам в армии очень нужны такие люди. Стань Государственным Алхимиком. Государство даст тебе огромные деньги, лучшие лаборатории мира и доступ

к секретным архивам. Сможешь найти способ вернуть свои настоящие руку и ногу. Подумай об этом.

Он резко развернулся и вышел из подвала, оставив нас в сырой темноте.

Когда звук его машины окончательно затих вдали, я подскочил на ноги, с трудом сдерживая металлический скрежет каркаса. Ал смотрел на меня с огромным облегчением и ужасом одновременно.

— Эд... он поверил нам? Он не заметил, что у тебя целая рука под сталью?

— Поверил, — ответил я, вытирая пот со лба левой рукой. — Или, по крайней мере, сделал вид, что поверил. Сейчас это не имеет значения. Мы прошли первую проверку. Теперь мы должны немедленно уходить из этого дома.

— Но брат, а как же фальшивка? — Ал указал пальцем на копошащееся месиво на полу.

— Мы не можем оставить его здесь, — жёстко ответил я, глядя на уродливую биомассу. — Если военные патрули вернутся и исследуют эту тушу подробнее, они поймут, что в ней нет человеческих костей Триши. Они поймут, что это обман. Мы должны уничтожить всё. Наш старый дом должен сгореть.

— Уничтожить? — переспросил Ал, и его голос задрожал. — Но ведь оно... оно же как-то двигается... Оно живое, Эд...

— В нём нет души, Ал! Это просто кусок химикатов и маминых волос, скреплённый лазурным резонансом! — рявкнул я, хватая со стола коробку со спичками. — Если мы оставим его, мы погубим настоящую маму. У нас нет выбора.

Я чиркнул спичкой и бросил её прямо на залитый маслом старый ковёр у стены подвала. Огонь мгновенно, с голодным рёвом взвился вверх по сухим шторам, заполняя помещение густым чёрным дымом. Монстр в круге глухо завыл, когда пламя начало лизать его биомассу.

— Это был наш дом, Эд… — тихо сказал Ал, глядя, как огонь пожирает стены нашей детской.

— Я знаю, Ал, — ответил я, насильно поворачивая его к лестнице и заставляя поршни моего каркаса зловеще лязгать. — Но у нас больше нет пути назад. Наш дом остался в прошлом. Теперь наша цель — защитить маму. Идём!

Мы выбежали из горящего здания в самый последний момент, когда деревянная крыша с оглушительным грохотом рухнула внутрь, взметнув к ночному небу миллиарды багровых искр.

Часть 7. Прощание и отъезд

На следующее утро мы стояли на вершине холма, глядя на дымящееся пепелище, которым стал наш родной дом. Сизый дым всё ещё лениво поднимался к хмурому небу, растворяясь в облаках. Винри и Пинако стояли внизу, у обгоревших развалин фундамента. Они пришли посмотреть, осталось ли хоть что-то целое, и я видел, как Винри низко опустила голову, а Пинако бережно положила руку ей на плечо.

— Мы больше никогда не вернёмся сюда, брат, — тихо сказал Ал, не снимая взгляда с углей.

— Знаю, Ал, — ответил я, сжимая кулаки в перчатках. — Но наша мама жива, она в безопасности. И это

единственное, что имеет значение. Всё остальное — просто камни.

Мы спустились вниз, чтобы попрощаться с Пинако и Винри. Я чувствовал, как слёзы подступают к глазам, но упрямо сдерживал их — Государственный алхимик не должен плакать перед своим механиком. Мы крепко обнялись на прощание.

— Берегите себя, мальчики, — тихо сказала Пинако, затягиваясь своей неизменной трубкой. — И постарайтесь не попадаться на глаза военным ищейкам в Централе со своими секретами. Если каркас начнёт люфтить — немедленно пишите Винри.

— Мы будем осторожны, бабуля, — ответил Ал, шмыгая носом.

— Эд, — Винри подошла ко мне вплотную и тихо, так, чтобы никто не услышал, проверила зажимы экзоскелета на моём плече. — Помни, что я говорила. Не делай резких движений. Если поршни заклинит, весь твой маскарад откроется. Береги себя. И возвращайся живым.

— Спасибо тебе, Винри, — искренне ответил я, перехватив её руку. — Ты спасла нас. Я вернусь, обещаю тебе.

Мы сели на утренний поезд до Централа. За окном вагона медленно проплывали зелёные холмы Ризенбурга, сменявшиеся бескрайними полями, и я чувствовал, как колоссальная усталость накатывает на меня после этих безумных дней. Но внутри меня горела твёрдая, лазурная уверенность. Мы сделали это. Мы спасли маму. Мы обманули Огненного алхимика. Мы были живы, и у нас была чёткая цель.

— Брат, — тихо сказал Ал, прерывая мои мысли и глядя на меня через проход купе. — Ты действительно думаешь, что мы правильно поступили? Эта ложь перед Винри, этот сожжённый дом…

— Мы сделали то, что были обязаны сделать ради спасения мамы, Ал, — твёрдо ответил я, поворачиваясь к окну. — И мы будем жить с этим обманом дальше, пока не найдём все ответы в архивах отца. У нас теперь есть цель, и мы пойдём по этому пути до самого конца.

Я аккуратно коснулся рукой глубокого кармана жилета, где лежал наш лазурный катализатор и старый блокнот отца. Поезд на полной скорости нёс нас вперёд, прямо в неизвестность, навстречу суровым тайнам Централа.

Часть 8. Тайна ризенбургского леса

В то самое время, когда над пепелищем нашего дома в Ризенбурге ещё поднимался тонкий сизый дым, на дальней окраине ризенбургского леса остановилась изящная крытая повозка, запряжённая парой вороных лошадей. Из кабины неторопливо, опираясь на деревянную трость, вышла женщина. На вид ей можно было дать лет шестьдесят, но в её глубоких глазах читалась пугающая, вековая древность. Её звали Данте.

Она веками внимательно наблюдала за этим миром из глубокой тени, собирая крохи алхимических катастроф и секретов бессмертия. Мощный лазурный всплеск энергии человеческой трансмутации, зафиксированный её приборами прошлой ночью, привёл её именно в этот глухой сектор.

Она медленно, размеренным шагом шла по следу сквозь чащу, замечая примятый папоротник и тёмные капли химической сукровицы на траве. В глубине оврага, под массивными корнями поваленного бурей старого дуба, судорожно копошилось наше заброшенное творение. Монстр из биомассы задыхался, его незавершённая, дефектная плоть уже начинала медленно распадаться от воздействия кислорода.

Данте остановилась над самым краем оврага, и на её бледных губах появилась холодная, торжествующая улыбка кукловода.

— Надо же... Мальчишки Хоэнхайма действительно смогли переступить через запретную черту, — тихо прошептала она, приподнимая подол платья. — Какая глупость. Они просто бросили эту плоть, не дав ей правильной подпитки и структуры.

Она медленно спустилась в овраг, запустила руку в глубокий потайной карман своего фиолетового платья и достала горсть багровых, пульсирующих кристаллов — необработанных, диких Философских камней. С силой разжав склизкую пасть копошащегося монстра, она всыпала кристаллы прямо в его нутро.

— Ешь, дитя моё, — прошептала она, отступая на шаг. — Обрети свою истинную, законченную форму.

То, что произошло в следующую секунду в полумраке леса, заставило бы любого свидетеля замереть от первозданного ужаса. Багровые Философские камни мгновенно растворились внутри биомассы, тело монстра содрогнулось от мощной алхимической судороги. Ветвистые фиолетовые молнии с сухим

треском располосовали лесную тьму, и тварь закричала — её хриплый, нечеловеческий звук ломался до тех пор, пока не превратился в чистый, пронзительный женский крик.

На сырой лесной земле теперь стояла взрослая женщина, пугающе, до дрожи похожая на Тришу Элрик. Её длинные каштановые волосы густым водопадом спадали на хрупкие плечи. Она была одета в строгое тёмно-фиолетовое платье, а на её левой ключице багровым шрамом отчётливо проступило клеймо Уробороса — змея, пожирающего собственный хвост.

Данте подошла ближе и аккуратно приподняла подбородок женщины кончиком своей деревянной трости.

— Ты прекрасна, — тихо сказала она, всматриваясь в её пустые глаза. — Твое имя отныне — Лень.

Гомункул медленно подняла голову, и её глаза налились холодным, мертвенным фиолетовым светом гомункульной связи, полностью лишённым человеческого тепла. В её искажённом, только что сотворённом сознании намертво закрепилась одна-единственная, удушающая уверенность: Эдвард Элрик нарушил великое алхимическое табу, воскресил мать, но создал лишь её — дефектное, уродливое существо, после чего трусливо поджёг дом и бросил её умирать в огне пожара.

— Ты родилась из гордыни и трусливой лжи одного самонадеянного мальчишки, Лень, — продолжала Данте, и на её губах играла тонкая ухмылка. — Он отказался от тебя. Ты должна найти его.

Лень медленно повернулась в сторону дороги, по которой уезжал наш поезд до Централа. В её фиолетовых глазах зажглась холодная, неукротимая решимость отыскать и уничтожить тех, кто сотворил её на свет из алхимического пепла. Она шагнула вперёд, и густая лесная чаща полностью сомкнулась за её спиной. Охота на братьев Элриков официально началась.

Глава 2. Кровавые розы Линтера

Часть 1. Дорога в неизвестность

Поезд мерно стучал колёсами, унося нас всё дальше от Ризенбурга. За окном проплывали бескрайние зелёные поля, сменявшиеся аккуратными квадратами фермерских угодий. Я сидел у окна, надвинув пониже дорожную шляпу, и смотрел на убегающие пейзажи, но мысли мои были далеко — там, где остался обугленный остов нашего дома и мама, которую мы спрятали под чужим именем.

Мы оставили её в маленьком домике на окраине Ризенбурга, с Пинако и Винри, которые обещали присматривать за ней. Я знал, что она в безопасности, но тревога не отпускала. Каждый стук колёс казался мне отсчётом времени, которое мы проводили вдали от неё.

Фальшивый экзоскелет, который Винри смастерила для меня, натирал правое плечо. Металлические пластины, соединённые паровыми клапанами и рычагами, создавали иллюзию механической руки, но внутри оставалась моя настоящая плоть. Каждое движение отзывалось болью, но я не мог снять эту фальшивку ни на минуту. Если армейские ищейки Мустанга зафиксируют, что под сталью скрывается

целая рука, наш блеф рухнет. Маму найдут в два счёта.

Я вспоминал тот день, когда Мустанг стоял в нашем подвале, разглядывая фальшивку. Его взгляд был холодным и оценивающим, но в нём не было жестокости. Он мог бы раскусить нас, если бы захотел. Но он не стал. Почему? Может быть, он видел что-то в наших глазах, что заставило его поверить. А может быть, ему просто было не до нас — у него были свои дела, свои тайны, свои войны. Но теперь это не имело значения. Мы были в поезде, и Централ ждал нас.

Ал сидел напротив меня, перелистывая блокнот отца. Его лицо было бледным, но в глазах горела та же решимость, что и у меня.

— Брат, — сказал он, не поднимая головы. — Мы едем в Линтер. Это единственная зацепка, которую мы нашли.

— Маджихал, — повторил я, вглядываясь в знакомый почерк на странице блокнота. — Отец писал о нём как о специалисте по фиксации душ. Если кто-то и знает, как работает алхимия в этом направлении, то это он. Может быть, он сможет объяснить нам, что такое синий камень и как он работает.

Я снова достал камень из кармана и посмотрел на него. Он всё ещё светился мягким синим светом, но трещинка на его поверхности стала чуть глубже. Каждый раз, когда мы используем его, он становится меньше и слабее. Мы должны быть осторожны. Этот камень — единственная связь между нами и тем чудом, которое мы совершили.

— Мы не знаем, чего ожидать от Маджихала, — сказал Ал, закрывая блокнот. — Он может быть другом отца. Или врагом. Но у нас нет другого выбора.

— Я знаю, — ответил я, пряча камень обратно в карман. — Но если он попытается нас обмануть, я буду готов.

Поезд замедлил ход, и проводник объявил:

— Следующая станция — Линтер. Стоянка двадцать минут.

Мы вышли на перрон, чтобы размяться и перекусить. Платформа была почти пустой, лишь несколько пассажиров сновали туда-сюда. Воздух пах свежей травой и дымом от паровоза. Вдруг мы услышали крик — какой-то мужчина в потрёпанной одежде выхватил у женщины кошелёк и бросился бежать.

— Стой! — крикнул я, бросаясь в погоню.

Моё фальшивое колено заскрежетало, но я не обращал внимания на боль. Я догнал вора, схватил его за воротник и прижал к стене. Подоспевший полицейский надел на него наручники, а затем повернулся ко мне.

— Спасибо, парень, — сказал он, оглядывая мою металлическую руку. — Ты, случаем, не алхимик?

— А что? — насторожился я.

— Просто интересно, — ответил полицейский. — У нас в Линтере есть один алхимик. Маджихал. Но с ним лучше не связываться. Говорят, по ночам по деревне бродят зомби. Не то чтобы я верил во всю эту мистику, но люди боятся.

— Зомби? — переспросил Ал, подходя ближе.

— Ну, не совсем зомби, — полицейский понизил голос. — Говорят, призрак женщины бродит по окрестностям. Белое платье, пустые глаза. И каждый раз, когда его видят, случается что-то плохое. В прошлом году одна девушка умерла — говорят, она

видела этот призрак за месяц до смерти. В этом году ещё одна.

Мы переглянулись с Алом. Это звучало не просто как слухи. Я вспомнил слова из писем отца — он упоминал, что Маджихал экспериментировал с фиксацией душ. Возможно, эти «призраки» — результат его опытов. Я отогнал эту мысль. Сейчас не время для паранойи.

Мы поблагодарили полицейского и направились в Линтер. Дорога вилась между холмами, и вскоре показались крыши деревни.

Часть 2. Прибытие в Линтер

Деревня встретила нас оглушительным грохотом фейерверков. Прямо над нашими головами взорвалась разноцветная петарда, и я едва не подпрыгнул от неожиданности.

— Что за чертовщина?! — рявкнул я, когда дым рассеялся.

Из-за угла выбежала ватага детей. Они смеялись и указывали на меня пальцами. Один из них, мальчишка лет десяти, подбежал ко мне и дёрнул за рукав плаща.

— Смотрите, железный человечек! — закричал он. — Он настоящий робот? Вы приехали на праздник?

— Я не робот! — огрызнулся я.

— Тогда почему ты такой холодный? — спросила девочка, подходя ближе и дотрагиваясь до моего металлического предплечья. — Фу, железо! Настоящее железо!

Я хотел ответить, но Ал схватил меня за плечо.

— Брат, они просто дети. Не обращай внимания.

— Но она назвала меня железным человечком!

— Потому что ты выглядишь как железный человечек, — улыбнулся Ал.

Я закатил глаза, но промолчал. Всё это было частью нашей маскировки, и я не должен был привлекать к себе лишнего внимания. Но эти дети… они напоминали мне о том, как мы с Алом играли в Ризенбурге, когда были маленькими. Тогда мир казался простым.

Девочка, дотронувшаяся до моей руки, была одета в свободные тёмно-синие брюки, светлые гольфы, коричневые башмаки. Поверх белой рубашки красовался ярко-зелёный жилет. Завершал образ огромная рыжевато-коричневая кепка, низко надвинутая на лоб.

— Это не твоё дело, малявка! — рявкнул я.

— Меня зовут Клаус, а не малявка! — фыркнула она.

— Железный человечек испугался фейерверка! — засмеялась Клаус. — Железный человечек боится шума!

— Я ничего не боюсь! — рявкнул я, чувствуя, как уши начинают гореть. — И, если ты сейчас же не уберёшься, я превращу тебя в лягушку!

— Ой, смотрите, железный человечек разозлился! — Клаус расхохоталась и побежала прочь, увлекая за собой остальных детей. Её смех звенел над площадью, и я чувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Эти дети… — проворчал я, сжимая кулаки.

— Они просто играют, — сказал Ал. — Не обращай внимания.

В этот момент на площади появился высокий мужчина в длинном плаще. Он подошёл к разбитой глиняной статуе в центре и, лёгким движением соединив ладони, восстановил её. Голубая вспышка алхимии — и статуя стояла как новая, без единой трещины.

— Маджихал, — прошептал Ал.

Я подошёл к алхимику, заставляя поршни фальшивой руки демонстративно лязгнуть.

— Вы Маджихал? — спросил я. — Мы сыновья Вана Хоэнхайма. Нам нужно поговорить с вами.

Маджихал вздрогнул при имени отца. Его карие глаза, глубокие и усталые, на мгновение вспыхнули. Он посмотрел на нас с любопытством, смешанным с настороженностью. В его взгляде я увидел боль, которую он носил в себе много лет.

— Хоэнхайм? — переспросил он, и в его голосе послышалось волнение. — Проходите в мой дом. Здесь слишком много ушей.

Мы последовали за ним через деревню. Люди провожали нас взглядами, но никто не остановил. Особняк Маджихала стоял на окраине, окружённый высокими деревьями. Он выглядел мрачно — тёмный кирпич, узкие стрельчатые окна, на карнизах застыли каменные горгульи. От него веяло сыростью и запахом старых книг.

Часть 3. Особняк Маджихала. История Карин

Внутри пахло пылью и воском, а в воздухе витал запах роз — сладкий, приторный, почти удушающий. На стенах висели портреты женщин — одна и та же красавица с длинными каштановыми волосами, в разных платьях, с разными выражениями лица. Это была Карин.

— Она была флористкой, — сказал Маджихал, заметив мой взгляд. — Выращивала редкие синие розы. Я любил её больше жизни. Она была моей музой, моим вдохновением, моим смыслом существования.

— Мы слышали, что она погибла, — сказал Ал.

Маджихал тяжело вздохнул и опустился в кресло. Его глаза наполнились болью.

— Двадцать лет назад, — начал он, и голос его дрожал. — На пути в соседний город, чтобы доставить синие розы, её лошадь и повозка сорвались с обрыва. Люди решили, что она мертва. Я искал её тело, но не нашёл. Река унесла её. Я был уверен, что потерял её навсегда. Я не мог жить без неё. Каждый день я просыпался с мыслью, что её больше нет, и каждый день я хотел умереть вместе с ней.

— Вы пытались её воскресить? — спросил я прямо.

Маджихал резко поднял голову. В его глазах мелькнул безумный огонь.

— Твой отец знал, как это сделать! — воскликнул он, и в его голосе послышалась одержимость. — Он писал мне о чистой трансмутации! О камне, который может вернуть душу без жертв! Ты знаешь о нём? Он говорил, что нашёл способ! Он говорил, что может вернуть душу в тело без эквивалентного обмена!

Я почувствовал, как синий камень пульсирует в кармане. Но я не мог показать его Маджихалу — он был слишком взволнован, слишком одержим. Если бы он узнал, что камень у меня, он мог бы попытаться отобрать его. Я видел этот блеск в его глазах — блеск безумия, который толкает людей на ужасные поступки.

— Я ничего не знаю, — солгал я.

— Но твой отец… он писал мне о синем камне. Он верил, что этот камень может дать бесконечную энергию. Я думал, он нашёл его. Ты должен знать что-то!

— Простите, — сказал Ал, мягко вмешиваясь. — Мы сами ищем ответы. Наш отец оставил нам только старые письма и блокноты. Мы надеялись, что вы сможете объяснить нам, что он искал.

Маджихал нахмурился, но постепенно успокоился. Он тяжело опустился в кресло.

Он поднял глаза, и в них была глубокая печаль.

В этот момент в комнату вошла женщина с подносом в руках. Ей было около сорока пяти, в её тёмно-каштановых волосах, собранных в небрежный пучок, была вплетена свежая синяя роза. Её лицо хранило следы былой красоты, но морщинки вокруг глаз выдавали годы. Она выглядела усталой, но в её глазах читалась доброта.

— Леби, — сказал Маджихал, и его голос смягчился. — Оставь нам чай и уходи.

Женщина кивнула и вышла. Я заметил на её шее маленькую родинку — ту самую, что была на портретах Карин.

— Ал, — прошептал я, когда Маджихал отвлёкся. — Посмотри на неё. На родинку. Она есть на всех портретах.

Ал пригляделся и побледнел.

— Ты думаешь, это… она? Но как? Она же потеряла память?

— Не знаю, — ответил я. — Но это слишком странное совпадение. Если она действительно Карин, то она всё это время была рядом с ним. А он не узнал её.

Я решил, что должен проверить эту догадку, но позже, когда Маджихал не будет рядом.

Часть 4. Клаус и её тайна

Мы вышли из особняка, чтобы осмотреть деревню. Солнце уже клонилось к закату, и улицы постепенно пустели. На окраине нас догнала Клаус. Она бежала, тяжело дыша, и её лицо было бледным.

— Вы должны помочь мне! — крикнула она. — Вы не знаете, что здесь происходит!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ал.

Клаус остановилась, тяжело дыша. Её глаза блестели от слёз, которые она пыталась сдержать. Она выглядела испуганной и одновременно решительной. В ней чувствовалась та же отчаянная храбрость, которую я видел в себе, когда мы решились воскресить маму.

— Моя сестра умерла два года назад, — сказала она, и голос её дрожал. — Она упала с обрыва. Все сказали — несчастный случай. Но я не верю в это. Мой отец говорит, что я слишком много фантазирую, но я знаю — здесь что-то нечисто.

Она вытерла слёзы.

— Её смерть была странной. Она просто… уснула. Врачи сказали, что это какая-то болезнь. Её тело было целым, без единой раны. Она просто не просыпалась. А потом умерла. Это было неестественно. Она была здоровой, сильной, а потом просто… угасла.

Она сжала кулаки.

— На похоронах я увидела женщину в белом платье. Она стояла на другом конце кладбища и смотрела на нас. Я не видела её лица, только белое платье и длинные каштановые волосы. Она стояла неподвижно, как статуя. Я хотела подойти, но отец удержал меня. Он сказал, что это просто какая-то женщина, которая пришла проводить мою сестру. Но я знала — это не так.

— Что ты хочешь сказать? — спросил я.

— Я не знаю, как Маджихал связан с этим, — ответила Клаус. — Но я чувствую, что он причастен. За месяц до смерти моя сестра говорила, что он предлагал ей работу в его доме. Она отказалась. А потом умерла. А этот призрак... я думаю, это была та самая женщина, которую я увидела на похоронах. И она была как-то связана с Маджихалом.

— Я не могу тебе помочь, — сказал я. — Мы ищем информацию, а не проблемы.

Клаус посмотрела на меня с гневом.

— Тогда вы ничем не лучше остальных! — крикнула она. — Все в этой деревне боятся его. Все делают вид, что ничего не происходит. А моя сестра мертва! И я хочу знать правду! И вообще, ты такой низкий, что тебя даже не видно!

Она показала мне язык, развернулась и побежала прочь.

— Что она сказала?! — заорал я, но Ал схватил меня за плечо.

— Брат, успокойся.

— Она обозвала меня коротышкой! Я не коротышка!

— Ты не коротышка, — вздохнул Ал. — Ты просто... ниже среднего роста.

— Это ещё хуже!

Я рванул за ней. Она споткнулась о корень и покатилась вниз по пологому склону, ведущему к реке.

— Клаус!

Она уже почти достигла воды, когда я соединил ладони и хлопнул по земле. Голубая вспышка алхимии пробежала по поверхности реки, и вода мгновенно превратилась в лёд. Клаус ударилась о ледяную корку, но не утонула.

Я спустился по склону и подошёл к ней. Она лежала на льду, тяжело дыша, и смотрела на меня расширенными глазами.

— Ты в порядке? — спросил я.

Она кивнула, всё ещё не в силах говорить.

— Вставай, — сказал я, протягивая ей руку. — И больше никогда не убегай вниз по склону, если не хочешь искупаться.

Она взяла мою руку и поднялась. В этот момент кепка слетела с её головы, и я увидел, что под ней скрывались длинные, густые тёмно-синие волосы. Я удивлённо посмотрел на неё. Всё это время я думал, что передо мной мальчишка, но она всё время говорила о себе в женском роде — я просто не обращал внимания.

Клаус покраснела и быстро надела кепку обратно.

— Ну и что? — сказала она, и теперь её голос звучал мягче, женственнее. — Ты думаешь, я не могу носить штаны? Я просто хочу, чтобы меня не похитили!

— Ты всегда была девочкой? — спросил Ал мягко.

— Да, — ответила Клаус, не глядя на нас. — Но я притворяюсь мальчиком, чтобы Маджихал не обратил на меня внимания. Он охотится за девушками. Я не знаю зачем, но я не хочу стать следующей.

— Хорошо, — сказал я. — Мы поможем тебе. Но только если ты будешь слушаться.

Клаус посмотрела на меня с надеждой.

— Правда?

— Правда, — сказал я. — Мы разберёмся в этом. Я не люблю, когда меня обзывают коротышкой, но я ещё больше не люблю, когда люди страдают.

Она улыбнулась.

— Спасибо.

Часть 5. Ночь на кладбище

Ночью мы с Алом пробрались на кладбище. Клаус настояла, чтобы пойти с нами. Она была бледна и дрожала, но держалась мужественно.

Луна светила ярко, но тени были густыми, и каждый шорох заставлял нас вздрагивать. Мы шли между могилами, когда земля под ногами провалилась — мы угодили в глубокую яму.

— Это ловушка, — прошептал Ал. — Похоже, Клаус и её друзья старались.

— Клаус, это твоих рук дело? — спросил я.

Она покраснела.

— Я хотела поймать призрака! — ответила она. — Я думала, что смогу сама разобраться.

Внезапно из тумана появилась фигура — женщина в белом платье. Она двигалась неестественно, словно

марионетка. Её шаги были неестественными, она двигалась рывками, как кукла на верёвочках.

— Это она! — крикнула Клаус. — Та самая женщина, которую я видела на похоронах! Я узнаю это платье, эти волосы!

— Назад! — раздался крик.

Маджихал появился из темноты. Он соединил ладони, и мощный поток огненной алхимии испепелил фигуру. Кукла издала тихий, жалобный звук — почти человеческий — и рассыпалась на обгоревший фарфор и клочья ткани.

Маджихал ничего не ответил. Его лицо было бесстрастным, но я заметил, как дрогнули его руки. Он просто стоял и смотрел на обгоревший фарфор с тоской.

— Зачем вы это делаете? — спросил Ал.

Маджихал повернулся к нам, и в его глазах мелькнул безумный огонь.

— Я ничего не делаю, — сказал он холодно. — Это просто совпадение.

Он развернулся и ушёл в темноту.

Жители деревни начали праздновать, уверенные, что Маджихал спас их. Клаус сжала кулаки.

— Я не знала, что это была кукла, — прошептала она. — Я думала, это настоящая женщина. Но я чувствую — он как-то связан со смертью моей сестры. Я не знаю как, но я чувствую это.

— Мы докажем это, — сказал я. — Но для этого нам нужно найти улики в его доме.

Часть 6. Утро. Отец заставляет Клаус извиниться

На следующее утро мы снова пришли в особняк Маджихала, чтобы продолжить поиски. Едва мы вошли в холл, как услышали голоса.

— Проходите, проходите, — говорил Маджихал кому-то.

В дверях появился отец Клаус. Он держал дочь за руку и тянул её вперёд. Он был высоким мужчиной с короткими чёрными колючими волосами, одетым в белую рубашку с высоким воротником и чёрный жилет. Его глаза были прищурены, но в них читалась серьёзность.

— Давай, Клаус, — сказала он строго. — Ты должна извиниться перед господином Маджихалом за своё поведение. Ты вела себя неподобающе в его присутствии.

Клаус упрямо сжала губы и не двигалась с места.

— Я не буду извиняться, — сказала она твёрдо.

— Клаус! — прикрикнул отец.

— Я ни в чём не виновата! — крикнула она, вырывая руку. — Моя сестра умерла, а он стоит на её похоронах и улыбается! Я не буду извиняться перед ним!

— Что ты несёшь? — отец растерянно посмотрел на неё. — Господин Маджихал был на похоронах твоей сестры?

— Он был там! — крикнула Клаус. — Я видела его! Он стоял и улыбался! Я не знаю, что он делает, но я чувствую — он что-то скрывает!

Она развернулась и выбежала из дома.

— Простите, господин Маджихал, — сказал отец, растерянно глядя ей вслед. — Она просто ребёнок.

Она не понимает, что говорит. После смерти сестры она стала слишком подозрительной.

— Всё в порядке, — ответил Маджихал с холодной улыбкой. — Дети есть дети. Я понимаю её боль.

Отец Клаус поклонился и поспешил за дочерью.

Мы остались одни с Маджихалом. Он посмотрел на нас, и в его глазах мелькнуло что-то опасное.

— Вы тоже здесь не просто так, — сказал он. — Я видел, как вы рылись в моих бумагах.

— Мы просто хотели узнать больше о вашей работе, — сказал я.

— Моя работа не для посторонних глаз, — ответил Маджихал. — Я предлагаю вам уйти. Пока я не рассердился.

Мы вышли из особняка.

— Он знает, что мы что-то ищем, — сказал Ал. — Нам нужно быть осторожнее.

— Мы вернёмся ночью, — ответил я. — Когда он не будет ждать.

Часть 7. Потайной ход и плен

Мы не ушли. Ночью я вернулся в особняк один. Ал ждал снаружи.

Внутри было тихо. Я крался по коридорам, прислушиваясь. И вдруг услышал тот самый звук — глухой, ритмичный стук, который доносился из-за стены. Я прижался ухом к деревянной панели — звук шёл оттуда.

Внезапно из тени выступила Леби. Она держала в руках зажжённую свечу и поднесла её прямо к моему лицу.

— Вам не следует здесь вынюхивать, мальчик, — сказала она. — Если Маджихал узнает, он будет в ярости.

Я попытался ответить, но странный аромат трав ударил в нос. Голова закружилась. Я отступил на шаг и случайно навалился на стену. Деревянная панель с треском поддалась, открывая спуск в подвал.

— Осторожно! — крикнула Леби, но было поздно.

Я упал вниз по лестнице и потерял сознание.

Когда я очнулся, мы с Алом сидели в цепях в подвале. Вокруг стояли десятки кукол — точные копии Карин. Они смотрели на нас пустыми стеклянными глазами.

Маджихал стоял у алтаря, на котором лежала кукла, одетая в белое платье — точная копия Карин.

— Ты видишь? — сказал он, указывая на кукол. — Это мои холсты. Я создаю их уже много лет, пытаясь понять, как зафиксировать душу в материальном теле.

Он подошёл к одной из кукол и провёл пальцем по её лицу.

— Я хотел вернуть Карин, — продолжил он, и в его голосе слышалась боль. — Но я не могу. Мне не хватает знаний. Твой отец знал, как вернуть душу, но я не смог постичь его секрет.

Он повернулся к нам, и в его глазах горел безумный огонь.

— И тогда я понял — я не могу вернуть душу Карин, потому что она уже ушла. Но я могу взять душу живой девушки и привязать её к кукле. Сделать её Карин. Я научился этому.

Он подошёл к одной из кукол, стоящих в стороне.

— Я взял душу одной девушки. Она пришла ко мне, когда я предложил ей работу. Я провёл ритуал. Её тело осталось лежать, как пустая оболочка — бездыханное, но без единой раны. Она просто заснула и больше не проснулась.

Он провёл пальцем по лицу куклы.

— Но душа не удержалась. Она рассыпалась через месяц. Я продолжал искать. Мне нужна свежая душа. Молодая душа.

Он повернулся к нам, и в его глазах горел безумный огонь.

— А ты расскажешь мне, как привязывать души навсегда. Твой отец знал этот секрет. И ты знаешь.

— Я ничего не знаю! — крикнул я.

— Тогда ты останешься здесь, пока не вспомнишь!

Он повернулся и направился к выходу, но перед тем как закрыть дверь, резко развернулся и ударил Леби, которая стояла в дверях с испуганным лицом. Она упала на пол без сознания.

Дверь захлопнулась за ним.

Часть 8. Освобождение и синий лепесток

Мы остались в цепях.

— Ал! Быстрее! — крикнул я.

Ал сосредоточился, и через мгновение цепи с лязгом упали на пол. Я подбежал к Леби. Она была без сознания, но жива. Когда я перевернул её на спину, из кармана её платья выпал маленький предмет — лепесток синей розы.

Я поднял его. Синяя роза — та самая, которую выращивала Карин.

— Это её, — прошептал я. — Это Карин.

Я спрятал лепесток в карман.

— Нам нужно выбраться отсюда, — сказал Ал. — И найти Клаус.

Но мы не успели сделать и шага. В этот момент на лестнице послышались шаги.

Часть 9. Клаус приходит поблагодарить

Дверь открылась, и в подвал вошла Клаус. Она была бледна, но держалась прямо.

Она не заметила нас сразу — она смотрела на алтарь, где стояла кукла, и на Леби, лежащую без сознания. Её взгляд был устремлён на пустую комнату, где только что стоял Маджихал.

— Господин Маджихал? — позвала она. — Я пришла поблагодарить вас… за то, что вы спасли нас от призрака. Я знаю, что я была груба с вами, и я хочу извиниться.

— Клаус! — закричал я из тени, выбегая вперёд. — Нет! Беги!

Она обернулась и увидела нас, свободных от цепей, но стоящих в подвале с перепуганными лицами. Её глаза расширились от ужаса.

— Что… что здесь происходит? — прошептала она.

Но было поздно. Маджихал появился из соседней комнаты, где горел алхимический круг. Он двигался бесшумно и схватил её за руку, прежде чем она успела среагировать.

— Ты пришла, — сказал он. — Как вовремя.

— Отпусти её! — закричал я, бросаясь вперёд.

Но Маджихал уже накинул верёвку на её запястья. Клаус закричала, пытаясь вырваться, но он подхватил её на руки.

— Я иду за ним! — крикнул я Алу. — Разбуди Леби!

Я бросился за Маджихалом.

Часть 10. Вторжение и откровение

Дверь в соседнюю комнату была открыта — Маджихал не успел её запереть.

Я ворвался внутрь и замер. В центре комнаты горел алхимический круг. Клаус лежала на алтаре, связанная по рукам и ногам. Она пыталась вырваться, но верёвки держали её крепко. Маджихал стоял над ней, чертя последние символы на её лбу. Он готовился привязать её душу к кукле, которая лежала рядом на алтаре.

— Остановись, Маджихал! — закричал я.

Он обернулся, и в его руках уже был меч.

— Ты не помешаешь мне! — закричал он.

— Карин никогда не умирала! — сказал я, делая шаг вперёд и вынимая из кармана синий лепесток. — Ты слышишь меня? Она жива!

Маджихал замер.

— Что? — прошептал он.

— Она выжила. Она упала с обрыва, ударилась головой и потеряла память. Она начала новую жизнь. Она вернулась сюда, к тебе. И всё это время она была рядом — Леби!

Маджихал смотрел на меня, и его глаза расширялись.

— Это ложь, — прошептал он. — Ты лжёшь.

— Посмотри на неё, — сказал я, указывая на дверь, где стояла пришедшая в себя Леби, поддерживаемая Алом. — Посмотри на родинку на её шее. Она есть на всех портретах. Это она. Карин. Живая.

Маджихал обернулся. Леби стояла в дверях, прижимая руку к ушибленной щеке, и слёзы текли по её лицу.

— Это правда, — сказала она. — Я не помнила тебя, но это правда.

Маджихал закричал и бросился на меня с мечом.

Часть 11. Битва

Маджихал замахнулся мечом. Ал блокировал удар, но Маджихал перепрыгнул через него и снова атаковал. Он двигался быстро, словно безумец, и каждый его удар был полон ярости.

— Она жива! — крикнул я. — Ты не должен делать это!

— Нет! — закричал он. — Это ложь! Я должен вернуть Карин!

Я выхватил из кармана синий лепесток и использовал алхимию, чтобы превратить его в твёрдый острый шип. Я выбил меч из его рук. Клинок взмыл в воздух и с глухим звуком вонзился в плечо Маджихала — я специально изменил траекторию в последний момент, чтобы не убить, только обезвредить.

Он упал на колени, кровь потекла по его одежде. Он был жив — тяжело ранен, но жив.

— Карин… — прошептал он, глядя на Леби. — Прости меня… Я не знал… Я был слеп…

Леби опустилась на колени рядом с ним.

— Я прощаю тебя, — сказала она, и слёзы текли по её лицу. — Я всегда прощала тебя.

Часть 12. Сожжение кукол

Мы освободили Клаус. Она была в шоке, но жива.

Маджихал поднялся, шатаясь, прижимая руку к раненому плечу. Он посмотрел на кукол, потом на Леби, потом на нас.

— Я должен сделать это, — сказал он хрипло. — Я должен уничтожить их. Всех.

Он подошёл к куклам. Леби встала рядом с ним, поддерживая его.

— Я помогу тебе, — сказала она.

Маджихал вытащил из кармана спички. Он подошёл к первой кукле и поджёг её. Пламя быстро охватило фарфор и ткань.

— Что ты делаешь? — крикнула Клаус.

— Я отпускаю их, — ответил Маджихал. — Каждую душу, которую я запер в этих куклах. Они заслуживают свободы.

Он поджёг вторую куклу, потом третью. Огонь быстро распространялся, подвал наполнился дымом. Но Маджихал использовал алхимию, чтобы создать барьер вокруг огня — он не давал пламени перекинуться на стены и потолок. Он контролировал огонь, направляя его только на кукол.

— Ты сгоришь вместе с ними! — крикнул Ал.

— Может быть, — ответил Маджихал. — Но я должен это сделать.

— Нет, — сказала Леби, крепче сжимая его руку. — Ты не сгоришь. Я не позволю.

Она помогла ему отойти от огня. Пламя бушевало, но барьер держался. Куклы плавились, превращаясь в пепел. В этом пламени сгорали не только куклы, но и годы его одержимости, его боли, его безумия. Он освобождался.

Мы выбежали из подвала. Когда мы выскочили из дома, я оглянулся. Из окон подвала валил дым, но дом не горел. Огонь был полностью под контролем.

Клаус стояла на коленях, глядя на дым, поднимающийся из подвала.

— Все они ушли, — прошептала она. — Все души... свободны.

Часть 13. Прощение и воссоединение

Из дома вышли Маджихал и Леби. Он был бледен, опирался на её плечо, но его глаза больше не горели безумным огнём. В них была боль, но и надежда.

Он подошёл к нам и остановился перед Клаус.

— Я убил твою сестру, — сказал он тихо. — Я не могу вернуть её. Я не могу исправить то, что сделал. Но я хочу попросить у тебя прощения.

Клаус смотрела на него. Её лицо было бледным, но в глазах не было ненависти.

— Она была в одной из этих кукол, — сказала она. — Я никогда не узнаю, в какой. Но она свободна. Это главное.

Она помолчала.

— Я не прощаю тебя, — сказала она наконец. — Не сейчас. Но я не хочу, чтобы ты умер. Я хочу, чтобы ты жил и помнил о том, что сделал. Каждый день.

Маджихал опустил голову.

— Я буду помнить, — сказал он. — Обещаю.

Леби подошла к нему и взяла его за руку.

— Мы останемся здесь, — сказала она. — В этом доме. Мы начнём новую жизнь. Я буду рядом с ним. Я помогу ему искупить свою вину.

Она повернулась к нам.

— Спасибо вам, — сказала она. — За то, что открыли мне глаза. Теперь я знаю, кто я. И я знаю, что должна делать.

Маджихал посмотрел на неё, и в его глазах появилась искра надежды.

— Ты прощаешь меня? — прошептал он.

— Я люблю тебя, — ответила она. — Я всегда любила тебя. Я прощаю тебя.

Они стояли вместе, глядя на дым, поднимающийся из подвала. Дом остался целым. Он мог бы стать для них новым началом.

Часть 14. Финал и прощание

На следующее утро мы стояли на дороге, готовясь покинуть Линтер. Особняк стоял невредимым, хотя из подвала всё ещё поднимался лёгкий дым.

Клаус подошла к нам. Она сняла свою мальчишескую одежду и была в простом голубом платье. Её волосы были распущены.

— Я хочу извиниться, — сказала она. — За то, что обзывала вас.

— Не нужно, — сказал я. — Ты была права.

Клаус посмотрела на особняк.

— Он убил мою сестру, — сказала она. — Но он заплатит за это. Каждый день. И Леби будет рядом с ним.

— Да, — сказал Ал. — Они получили второй шанс.

Клаус повернулась к нам.

— Спасибо вам, — сказала она. — За всё.

Она сорвала одну синюю розу с куста и спрятала её в карман.

— Я буду помнить вас, — сказала она. — И когда я вырасту, я тоже стану алхимиком.

— Удачи, малявка, — сказал я, потрепав её по голове.

Мы сели в повозку. Когда она тронулась, я высунулся из окна и крикнул:

— Тебе чертовски идёт это платье!

Клаус рассмеялась и помахала нам рукой.

Часть 15. Тень в лесу

Когда повозка скрылась за поворотом, на опушку леса вышла женщина с фиолетовыми глазами. Лень стояла неподвижно, глядя вслед уезжающим братьям. Её лицо было бесстрастным.

— Маджихал, — прошептала она. — Ещё один безумец, игравший с душами. Жаль, что он оказался бездарным.

Она сжала руку в кулак.

— Но они скоро придут в Централ. И тогда всё изменится.

Она повернулась и исчезла в густой чаще. Её фиолетовые глаза сверкнули в последний раз, и лес

сомкнулся за её спиной. Охота продолжалась. Она ждала своего часа.

Часть 16. В поезде

Поезд мерно стучал колёсами, унося нас всё дальше от Линтера.

— Брат, — сказал Ал, — ты думаешь, мы правильно поступили? Мы оставили Маджихала живым.

— Он получил шанс, — ответил я. — И Леби будет рядом с ним. Может быть, они смогут начать всё сначала. Он искупит свою вину, если сможет.

— А Клаус? — спросил Ал. — Она никогда не узнает, в какой именно кукле была душа её сестры.

— Она уже отпустила это, — сказал я. — Она поняла, что важно не то, какая именно кукла, а то, что её сестра свободна. Она сильная. Она справится.

Я достал из кармана синий камень и посмотрел на него. Он не уменьшился — я не использовал его в Линтере. Но трещинка на его поверхности стала чуть заметнее. Я спрятал его обратно. Каждый раз, когда я смотрел на него, я вспоминал маму и ту ночь, когда мы вернули её к жизни.

— Наш следующий шаг — Централ, — сказал я. — Там мы найдём ответы. И там мы встретимся с женщиной, которая носит лицо мамы.

Ал кивнул, и его лицо стало серьёзным.

— Будь осторожен, брат.

— Я всегда осторожен, — усмехнулся я, хотя внутри всё сжималось от предчувствия.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в неизведанное. Но я знал — мы не остановимся, пока не найдём правду. Мы оставили позади Линтер, где семья

воссоединилась и начала новую жизнь. Мы оставили позади Клаус, которая нашла в себе силы жить дальше. Мы оставили позади Маджихала и Леби, получивших второй шанс.

Глава 3. Человек с механической рукой

Часть 1. Дорога в Централ

Поезд мерно стучал колёсами по рельсам, унося нас всё дальше от Линтера. За окном расстилались бескрайние зелёные поля, сменявшиеся аккуратными квадратами фермерских угодий. Я сидел у окна, надвинув пониже дорожную шляпу, и чувствовал, как ноет правое плечо после недавней схватки в подвале Маджихала. Металлические пластины фальшивого экзоскелета, которые Винри с такой тщательностью подогнала перед нашим отъездом из Ризенбурга, при каждом движении врезались в кожу, оставляя красные полосы. Она сделала их полыми внутри, чтобы я мог носить их поверх собственных рук и ног, и встроила паровые клапаны и поршни, создающие иллюзию сложного механизма. Но даже самая лучшая подгонка не могла сделать сталь невесомой. Я привык к этой боли — за эти недели я привык ко многому.

Мы сделали своё дело в Линтере. Маджихал остался жив, Карин вернула память, Клаус обрела покой. Я сжал в кармане синий камень — он был на месте, тёплый, пульсирующий. Мы не использовали его в Линтере, и я был рад, что сэкономил энергию. Двадцать восемь миллиметров. Каждая трещинка на его поверхности напоминала мне о том, что ресурс не бесконечен. Но сейчас я старался не думать об этом. Сейчас я должен был сосредоточиться на том, что ждало нас впереди.

Ал сидел напротив, его лицо было бледным, но в глазах горела та же решимость, что и у меня. Он

перелистывал блокнот отца, и я знал, что он ищет новые зацепки, новые имена, которые могли бы привести нас к разгадке тайны синего камня. Мы уже нашли Маджихала, но он не дал нам ответов — только подтвердил, что отец действительно искал способ обойти закон эквивалентного обмена. Теперь нам нужно было двигаться дальше, и Централ казался единственным местом, где мы могли найти то, что искали.

— Брат, тебе нужно ослабить фиксатор, — тихо сказал он, не поднимая головы.

— Нельзя, — процедил я сквозь зубы. — Проводник то и дело косится на нас. Стоит мне расслабить плечо, пластины разойдутся, и этот каркас обвиснет. Придётся объяснять, почему у «инвалида» вдруг появилась целая рука.

Ал вздохнул, но спорить не стал. Он знал, что я прав. Маскировка была нашей единственной защитой. Мы не могли рисковать.

Я посмотрел в окно. За стеклом проплывали аккуратные домики, поля, редкие леса. Централ приближался. Город, где решались судьбы. Город, где мы могли найти ответы. Но я знал, что этот город таил в себе и опасности.

— Ты думаешь, Маджихал действительно сможет начать новую жизнь? — спросил Ал, нарушая тишину.

— Он получил шанс, — ответил я. — И Леби будет рядом с ним. Может быть, они смогут начать всё сначала. Он искупит свою вину, если сможет.

— А Клаус? — спросил Ал. — Она никогда не узнает, в какой именно кукле была душа её сестры.

— Она уже отпустила это. Она поняла, что важно не то, какая именно кукла, а то, что её сестра свободна. Она сильная. Она справится.

Я коснулся кармана, где лежал синий камень. Двадцать восемь миллиметров. Мы не знали, как он работает и откуда взялся, но мы знали, что он связан с нашим отцом. Отец оставил его нам в тайнике, вместе с запиской, в которой говорилось о чистой трансмутации души без жертв. Мы использовали его, чтобы вернуть маму, и это сработало. Но мы не знали, как создать новый камень, когда этот иссякнет. Нам нужны были ответы. И мы надеялись найти их в Централе.

— Как ты думаешь, что нас ждёт в Централе? — спросил Ал, отрывая взгляд от блокнота.

— Мустанг, — ответил я. — Он дал нам шанс стать Государственными алхимиками. Если мы сможем получить это звание, у нас будет доступ к государственным архивам и секретным библиотекам. Там мы сможем найти записи отца, его исследования, его переписку с другими алхимиками. Может быть, мы узнаем, как восполнить энергию синего камня.

— Но мы должны быть осторожными, — сказал Ал. — Мы не знаем, кто в Централе друг, а кто враг.

— Я знаю. Поэтому мы будем держаться вместе.

Поезд замедлил ход, и проводник объявил:

— Следующая станция — Централ. Стоянка десять минут.

Мы вышли на перрон. Платформа была заполнена людьми — солдатами, торговцами, путешественниками. Я смотрел на них и думал о том, что у нас была только одна цель — найти способ защитить маму. Мы не знали, сколько у нас времени,

но мы знали, что должны использовать каждую минуту.

— Эд, — сказал Ал, указывая на телефонную будку. — Мустанг просил позвонить ему, как только мы прибудем.

Я кивнул и направился к будке. Телефонный аппарат был старым, с потрескавшимся диском. Я набрал номер штаба, и на том конце послышался сухой, деловой голос:

— Полковник Мустанг.

— Это Эдвард Элрик, — сказал я. — Мы прибыли в Централ.

— Хорошо, — ответил Мустанг, и в его голосе послышалась едва заметная усмешка. — Есть более ранний поезд, который отправляется через двадцать минут. Успеете на него — сможете сдать экзамен раньше. Нет — придётся ждать несколько месяцев.

— Мы успеем! — крикнул я и бросил трубку.

Я выбежал из будки и крикнул Алу:

— Ал! У нас двадцать минут! Мустанг предлагает более ранний поезд!

— Тогда бежим! — ответил он.

Мы рванули к платформе, расталкивая прохожих. Моё фальшивое колено заскрежетало, но я не обращал внимания на боль. Мы вбежали в поезд за секунду до отправления, и двери закрылись прямо за нашими спинами. Я тяжело дышал, прислонившись к стене вагона, и чувствовал, как сердце колотится в груди.

— Ты думаешь, Мустанг специально так делает? — спросил Ал, переводя дыхание.

— Конечно, — ответил я. — Он проверяет нас. Хочет увидеть, насколько мы готовы идти на риск.

Мы заняли места в вагоне. Поезд тронулся, и я смотрел в окно на проплывающие дома Централа. Город был огромным, шумным, полным огней и теней. Я чувствовал, как внутри закипает смесь страха и предвкушения.

Часть 2. Встреча с Хьюзом

В вагоне было многолюдно. Мы сидели в углу, стараясь не привлекать внимания. Я смотрел на пассажиров — они казались такими обычными, такими беззаботными. Они не знали о наших тайнах, о синем камне, о том, что мы сделали. Они просто жили своей жизнью.

Внезапно я заметил, что кто-то приближается к нам. Это был высокий мужчина в гражданском костюме с доброй улыбкой. Его глаза светились теплотой, а в руках он держал стопку фотографий. Он подошёл к нам и остановился.

— Вы, наверное, Эдвард и Альфонс Элрики? — спросил он.

Я насторожился, но Ал ответил первым:

— Да, это мы. А вы?

— Меня зовут Маес Хьюз, — представился мужчина, протягивая руку. — Я майор военной разведки. Полковник Мустанг рассказывал о вас. Он попросил меня присмотреть за вами, пока вы не доберётесь до штаба.

Я осторожно пожал его руку, стараясь не слишком сжимать пальцы. Хьюз, казалось, не заметил ничего необычного. Он сел рядом с нами и начал рассказывать о своей жене Грейсии, которая ждала ребёнка. Он показывал нам фотографии —

миловидную женщину с тёплой улыбкой, и на каждой фотографии он смотрел на неё с такой любовью, что у меня сжалось сердце.

— Моя Грейсия — самая замечательная женщина в мире! — говорил он с сияющими глазами. — Вот, посмотрите, какая она красивая! А когда родится наш ребёнок, я буду самым счастливым отцом!

Я улыбнулся, несмотря на усталость. Хьюз напоминал мне маму — такой же тёплый и любящий.

— А вы, ребята, чем занимаетесь? — спросил Хьюз, пряча фотографии в карман.

— Мы едем в Централ, чтобы сдать экзамен на звание Государственного алхимика, — ответил Ал.

— О, это замечательно! — воскликнул Хьюз. — Мустанг говорил, что ты, Эдвард, очень талантлив. Я слышал, ты уже успел прославиться — в Линтере ты остановил безумного алхимика, который создавал кукол.

Я удивился. Откуда он знает о Линтере? Но затем я вспомнил, что Мустанг, вероятно, следил за нами. Он был полковником военной разведки, и у него были свои источники.

— Слухи распространяются быстро, — сказал я уклончиво.

— Да, — улыбнулся Хьюз. — Но я рад, что вы справились. В этом мире слишком много безумцев, которые играют с жизнями людей.

Он помолчал, а затем понизил голос:

— Знаете, я работаю в разведке, и у меня есть доступ к кое-какой информации. Если вам понадобится что-то узнать — обращайтесь. Я помогу, чем смогу.

Я удивлённо посмотрел на него.

— Зачем вы это предлагаете? — спросил я, не скрывая подозрения.

— Потому что вы мне нравитесь, — просто ответил Хьюз. — И потому что я знаю, каково это — искать правду. Я тоже когда-то был молодым и искал ответы. И я знаю, как важно иметь союзников.

Ал переглянулся со мной, и я кивнул. Хьюз казался искренним. Может быть, он действительно мог стать нашим союзником.

— Спасибо, майор, — сказал Ал. — Мы ценим вашу помощь.

— Не благодарите, — ответил Хьюз. — Просто будьте осторожны. В Централе много опасностей, и не все они очевидны.

Я хотел спросить его, что он имел в виду, но в этот момент поезд резко дёрнулся, и мы услышали крики из соседнего вагона. Что-то тяжёлое с грохотом ударило о пол. Пассажиры закричали, и я почувствовал, как внутри закипает адреналин.

— Что это? — спросил Ал, вскакивая.

— Похоже на нападение, — ответил Хьюз, мгновенно посерьёзнев. — Оставайтесь здесь.

Он потянулся к кобуре, но в этот момент дверь нашего вагона с грохотом распахнулась, и внутрь ворвались вооружённые люди в масках. Их предводитель, здоровенный мужчина с механической правой рукой, закричал:

— Всем сидеть! Этот поезд захвачен! Нам нужен генерал Хакуро!

Пассажиры закричали, и я увидел, как Хьюз пытается потянуться к оружию, но террористы наставили на него винтовки.

— Сидеть! — закричал главарь, направляя оружие на Хьюза.

Я медленно поднялся, стараясь не делать резких движений. Моя фальшивая рука зловеще лязгнула, выпустив струю пара. Главарь повернулся ко мне.

— Эй, ты, коротышка! — закричал он. — Сядь!

— Не люблю, когда мне указывают, — нагло ухмыльнулся я.

В следующее мгновение я соединил ладони и припечатал левую руку к полу. Синяя вспышка алхимии пробежала по металлу, и стальные листы пола превратились в оковы, которые мгновенно приковали ноги террористов к полу. Они закричали, пытаясь вырваться, но было поздно. Ал точным ударом ноги выбил винтовку у второго бандита и отправил его в нокаут. Третий попытался выстрелить, но я использовал алхимию, чтобы превратить его оружие в бесполезную груду металла.

— Что за чертовщина?! — закричал главарь, глядя на свои ноги, прикованные к полу.

— Меня зовут Эдвард Элрик, — я подошёл к нему вплотную. — И ваша маленькая революция закончена.

Хьюз, который уже освободился от оцепенения, быстро связал обезвреженных террористов.

— Молодцы, ребята, — сказал он, тяжело дыша. — Но это ещё не всё. Генерал Хакуро в головном вагоне, и там ещё несколько террористов.

— Ал, ты разберись с теми, кто внизу, — сказал я. — А я пойду сверху.

— Будь осторожен, брат.

— Всегда.

Я выбрался на крышу поезда. Ветер бил в лицо, и я чувствовал, как холодный воздух обжигает щёки. Впереди, на крыше головного вагона, я заметил двоих террористов. Они стояли спиной ко мне и не видели меня.

Я крался по крыше, стараясь не шуметь. Моя фальшивая нога издавала металлический скрежет, но ветер заглушал звук. Внезапно чья-то рука схватила меня за плечо. Я обернулся и увидел Хьюза.

— Не бойся, парень, — улыбнулся он. — Я с тобой. Давай действовать вместе.

Мы быстро обезвредили террористов на крыше. Один из них, увидев мою фальшивую руку, закричал:

— У этого парня механическая рука! Он не человек!

— Ты прав, — усмехнулся я, используя его страх. — Я — чудовище!

Я отшвырнул его, и он покатился по крыше. Хьюз тем временем обезвредил второго, и мы спустились в вагон, где укрывался главарь банды, Бальд. Он уже освободился от оков и метался в ярости.

— Ты! — зарычал он, когда я вошёл. — Ты разрушил всё!

— Ты сам выбрал этот путь, — ответил я.

Бальд занёс свою механическую руку, но я был быстрее. Я соединил ладони, и моя алхимия размягчила металл в суставах его протеза. Он попытался ударить меня, но Ал, появившийся в дверях, точным ударом отправил его в нокаут.

Когда поезд прибыл в Централ, нас встречали военные. Бальд попытался напасть на Мустанга, но Огненный алхимик лениво щёлкнул пальцами, и мощный язык пламени обрушился на террориста. Бальд упал без сознания.

— Меньше пафоса, Эдвард, — усмехнулся Рой, глядя на меня.

Я злобно уставился на него.

— Ты меня разыграл, — прорычал я. — Ты знал о захвате и специально отправил нас на этот состав.

— Возможно, — усмехнулся он. — Но теперь, благодаря твоим подвигам, ты можешь сдавать экзамен на звание Государственного Алхимика завтра утром. А пока отдыхайте. Вас поселят в особняке Шоу Такера.

— Такера? — переспросил я. — Создателя первой говорящей химеры?

— Он самый, — кивнул Мустанг. — Надеюсь, вы поладите.

Часть 3. Особняк Такера

Особняк Такера стоял на окраине Централа, окружённый высокими деревьями. Здание выглядело мрачно — тёмный кирпич, узкие стрельчатые окна, на карнизах застыли каменные горгульи. От него веяло сыростью и запахом старых книг. Но внутри было тепло и уютно, и я чувствовал, как напряжение начинает отпускать меня.

Дверь открылась прежде, чем мы успели постучать. На пороге стоял мужчина лет сорока с усталым, но цепким взглядом. Шоу Такер — тот самый «Сшивающий Жизнь», создатель первой говорящей химеры. Он был худощав, с залысинами и длинными, чуть сальными волосами, но его руки — тонкие, с

длинными пальцами — двигались с поразительной точностью.

— Эдвард и Альфонс Элрики, — произнёс он с лёгкой улыбкой. — Полковник Мустанг предупреждал о вашем визите. Проходите, располагайтесь. Библиотека в вашем распоряжении.

— Мы ищем кое-какие записи, — осторожно ответил я. — Наш отец, Ван Хоэнхайм, упоминал ваши работы.

При имени отца Такер слегка напрягся, но быстро взял себя в руки.

— Хоэнхайм… да, мы переписывались много лет назад. Увы, я не знаю, где он сейчас. Но я могу показать вам его письма, если они вам помогут.

Он провёл нас в гостиную. За его спиной, прижимаясь к ноге, стояла маленькая девочка лет четырёх с каштановыми косичками и огромными карими глазами. Она с любопытством рассматривала мои «механические» конечности.

— Это моя дочь Нина, — представил Такер. — А это Александр.

Огромный пёс лениво поднял голову и вильнул хвостом. Нина подошла ко мне ближе и дотронулась до металлического предплечья.

— Вы хорошие? — спросила она.

— Мы будем стараться, — ответил я, улыбнувшись.

Такер принёс нам чай и показал комнаты. Мы разместились в небольшой, но уютной спальне на втором этаже. За окном уже сгущались сумерки, и я слышал, как вдалеке шумит город.

— Брат, — сказал Ал, когда мы остались одни. — Ты думаешь, Такер действительно поможет нам?

— Он единственный, кто знал отца, — ответил я. — И он дал нам доступ к своей библиотеке. Это уже что-то.

— Но мы должны быть осторожны, — сказал Ал. — Мустанг сказал, что Такер — гениальный алхимик, но он также говорил, что тот был близок к безумию.

— Я знаю, — ответил я. — Но у нас нет другого выбора.

Мы спустились вниз, и Такер показал нам свою библиотеку. Это была огромная комната, заставленная стеллажами с книгами и свитками. Пахло пылью и старым пергаментом. Я чувствовал, как внутри закипает волнение.

— Здесь вы найдёте многое, — сказал Такер. — Но будьте осторожны. Некоторые книги опасны.

— Спасибо, — ответил я. — Мы будем осторожны.

Часть 4. Ночь в особняке

Ночью я лежал на кровати и смотрел в потолок. Мысли о маме, о том, что нас ждёт впереди, не давали мне уснуть. Я слышал, как за стеной спит Ал, как тихо дышит Нина в соседней комнате. Всё было спокойно, но я знал, что это спокойствие обманчиво.

— Брат, — раздался голос Ала из темноты. — Ты не спишь?

— Нет. Думаю о завтрашнем дне.

— Мы найдём способ защитить маму, — сказал Ал. — Мы всегда находили.

Я улыбнулся в темноту.

— Ты прав. Мы справимся.

Я закрыл глаза. Завтра нас ждал экзамен, и я должен был быть готов.

Глава 4. Сталь и лепестки

Часть 1. Утро перед экзаменом

Солнце только начинало вставать над Централом, когда я проснулся в своей комнате в особняке Такера. Первые лучи пробивались сквозь шторы, освещая пылинки, танцующие в воздухе. Я лежал на кровати и смотрел в потолок, чувствуя, как внутри закипает смесь волнения и решимости. Сегодня был день экзамена.

Я медленно поднялся, стараясь не разбудить Ала, который спал на соседней кровати. Его дыхание было ровным и спокойным. Я тихо оделся, натягивая рубашку и застёгивая пуговицы. Затем настала очередь фальшивого экзоскелета — той самой автоброни, которую Винри с такой тщательностью собрала для меня в Ризенбурге.

Металл был холодным, когда я прикоснулся к нему. Я надел сначала левую ногу, затем правую руку, чувствуя, как стальные пластины обхватывают мои здоровые конечности. Винри сделала их полыми внутри, чтобы я мог носить их поверх собственных рук и ног. Она встроила паровые клапаны и поршни, которые создавали иллюзию сложного механизма. Когда я двигался, конструкция издавала тихий шипящий звук — именно так, по её замыслу, должна была звучать настоящая автоброня.

Я подошёл к зеркалу и посмотрел на своё отражение. Мальчишка с растрёпанными светлыми волосами и стальными конечностями. Я выглядел как калека, как жертва неудачной алхимической трансмутации. Именно так я и должен был выглядеть.

— Ты уже встал? — раздался сонный голос Ала. Он приподнялся на кровати и посмотрел на меня. — Ты опять не спал?

— Спал, — соврал я. — Просто проснулся раньше.

Ал вздохнул, но спорить не стал. Он оделся, и мы спустились вниз.

Нина уже сидела за столом с Александром, который лениво вилял хвостом. Такер стоял у плиты и готовил завтрак. Запах свежего хлеба и жареного мяса наполнил кухню, и я почувствовал, как мой желудок заурчал.

— Доброе утро, — сказал Такер, обернувшись. — Сегодня важный день. Я желаю вам удачи на экзамене.

— Спасибо, — ответил я, садясь за стол.

Нина посмотрела на меня и улыбнулась. Она дотронулась до моего металлического предплечья.

— Ты сегодня будешь героем, Эдвард?

— Может быть, — ответил я. — А может, просто стану алхимиком.

— Это одно и то же, — сказала Нина и засмеялась.

Я улыбнулся, глядя на неё. Мы завтракали, и я чувствовал, как усталость постепенно отступает. Такер рассказывал о своей работе, о своих исследованиях химер, и я слушал его с интересом.

— Мы должны идти, — сказал Ал, вставая из-за стола. — Нам нужно успеть на экзамен вовремя.

— Удачи вам, — сказал Такер. — Я буду держать за вас кулаки.

Нина помахала нам рукой, и мы вышли из особняка. Солнце уже поднялось высоко, и улицы Централа были полны людей. Мы шли по мостовой, и я чувствовал, как на нас смотрят прохожие. Некоторые с любопытством, другие с сочувствием — мой фальшивый экзоскелет привлекал внимание.

— Брат, — сказал Ал, когда мы подошли к зданию экзаменационной комиссии. — Ты готов?

— Всегда готов, — ответил я, хотя внутри всё сжималось от волнения.

Ал остался ждать меня в коридоре, а я вошёл в экзаменационный зал. Внутри было тихо и холодно. За столом сидели несколько человек в военной форме — они были экзаменаторами. Их взгляды были холодными и оценивающими.

— Эдвард Элрик? — спросил один из них, пожилой мужчина с седыми усами. — Проходите. Первым испытанием будет медицинский осмотр.

Я кивнул и последовал за ним в соседнюю комнату. Там меня встретил военный хирург — сухой мужчина с пенсне и вечно недовольным лицом. Он указал на кушетку и приказал:

— Снимайте плащ и рубашку. Мне нужно осмотреть места крепления протезов.

У меня пересохло во рту. Под экзоскелетом скрывалась абсолютно целая, живая рука и нога. Одно прикосновение — и весь наш блеф рухнет. Я стиснул зубы и начал стягивать рубашку, стараясь двигаться медленно и неуклюже.

Хирург подошёл ко мне и уже протянул руку к зажимам наплечника, как вдруг дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет влетел майор Маес Хьюз. В

руках он держал стопку фотографий, и его лицо сияло от восторга.

— Доктор! Я вас заждался! — закричал он. — Вы не поверите, что моя Элисия выкинула вчера! Она впервые улыбнулась! Смотрите, вот она! — он сунул фотографию прямо под нос хирургу.

Пока доктор пытался вежливо отмахнуться от восторженного майора, я понял: это мой шанс. Я дёрнул плечом, активируя скрытый внутренний рычаг экзоскелета, который Винри встроила для экстренных случаев. Паровой клапан с громким шипением выпустил густую струю белого пара прямо в лицо хирургу.

— Что за чёрт?! — вскрикнул тот, отшатываясь и кашляя. — Ваш протез неисправен!

Я быстро накинул рубашку обратно, стараясь выглядеть смущённым и растерянным.

— Прошу прощения, доктор. Эти армейские штуковины вечно барахлят.

Хьюз похлопал меня по плечу и подмигнул. Его глаза сияли, и я понял, что он всё понял.

— Дайте парню спокойно жить, доктор, — сказал Хьюз. — Поставьте ему «годен» и идите смотреть мои снимки.

Хирург раздражённо махнул рукой и поставил в карте официальную отметку. Я вышел из кабинета, чувствуя, как сердце колотится в груди.

— Хьюз, — сказал я, когда мы отошли в коридор. — Ты сделал это специально?

— Что именно? — притворно удивился он. — Я просто хотел поделиться радостью отцовства. Элисия действительно впервые улыбнулась вчера.

Я улыбнулся, несмотря на напряжение. Хьюз был настоящим союзником.

— Спасибо, — сказал я. — Я твой должник.

— Не благодари, — ответил он, похлопывая меня по спине. — Просто сдай этот экзамен.

Я кивнул и направился в следующий зал, где должен был пройти письменный тест.

Часть 2. Письменный экзамен

Зал для письменного экзамена был огромным. Ряды столов тянулись до самого горизонта. Я занял своё место в центре зала.

Экзаменаторы раздали нам листы с заданиями. Я взял ручку и начал читать. Первые вопросы были простыми — основы алхимии, которые я выучил ещё в детстве, читая книги отца. Я отвечал быстро, почти не задумываясь, и через час я уже закончил первую половину теста.

Но потом задания стали сложнее. Мне нужно было рассчитать сложные алхимические круги, определить структуру редких материалов и предложить решения для нестандартных трансмутаций. Я с лёгкостью справлялся с ними, используя свой дар, полученный у Врат Истины. Я видел структуру материи без чертежей, и это позволяло мне решать задачи быстрее и точнее, чем другие кандидаты.

Экзаменаторы переглядывались, когда я щёлкал сложнейшие уравнения. Я закончил тест за полчаса до истечения времени. Каждый мой ответ был безупречен.

Когда я вышел из зала, Ал ждал меня в коридоре. Его лицо было встревоженным, но он улыбнулся, когда увидел меня.

— Как прошло? — спросил он.

— Отлично, — ответил я. — Теперь осталась практическая часть.

— Мустанг уже здесь, — сказал Ал. — Он сказал, что на практическую часть допускают только одного кандидата от нашей группы. Он выбрал тебя.

Я кивнул. Так даже лучше.

— Где он? — спросил я.

— В главном зале. Он ждёт тебя.

Я направился в главный зал.

Часть 3. Практический экзамен

Огромный военный полигон Централа был залит пасмурным светом. Трибуны заполнили генералы, офицеры и сам фюрер Кинг Брэдли. Я стоял в центре полигона, чувствуя, как на меня смотрят сотни глаз.

Кандидаты один за другим демонстрировали свои способности. Один из них — рослый парень с амбициями — попытался воздвигнуть колоссальную гранитную колонну. Однако его расчёты оказались ошибочными, и пилон треснул у самого основания. С жутким грохотом монолит начал заваливаться прямо на зрительские сектора.

Я действовал на рефлексах. Рванувшись вперёд, я соединил ладони и припечатал левую ладонь к летящему обломку. Лазурная вспышка озарила полигон. Я не чертил круг. Мой дар, полученный у Врат Истины, позволял мне видеть структуру материи без чертежей. Я знал, из чего состоит камень, и мог перестроить его молекулярную решётку за доли секунды.

Синий камень в моём кармане на мгновение вспыхнул, и я направил его энергию в ладонь. Моя воля перестроила материю. Секунду спустя вместо смертоносных обломков посыпались миллионы нежных розовых лепестков. Они кружились в воздухе, падали на мундиры, на лица, укрывали полигон ковром живого цвета.

Наступила оглушительная тишина. А потом — гром оваций. Зрители аплодировали стоя. Генералы переглядывались, и я видел удивление в их глазах. Фюрер поднялся со своего кресла.

— Государственный алхимик Эдвард Элрик, — произнёс он громко. — Отныне и навсегда ты носишь титул «Стального алхимика».

Он подошёл ко мне и вручил серебряные карманные часы. Металл был холодным и тяжёлым. Я сжал их в фальшивой перчатке, чувствуя, как они оттягивают карман моего жилета. Победа.

Ал подбежал ко мне, сияя.

— Брат, ты это видел?! — воскликнул он. — Ты превратил камень в лепестки!

— Я превратил его обратно в элементы, — поправил я, но улыбка сама расплывалась на моём лице.

Я достал из кармана синий камень и посмотрел на него. Он не уменьшился, но трещинка на поверхности стала чуть заметнее. Я спрятал его обратно.

— Теперь мы Государственные алхимики, — сказал Ал. — У нас есть доступ к архивам, к библиотекам.

— Я знаю, — ответил я. — Но это только начало.

Мы двинулись по коридору.

Часть 4. Встреча с секретаршей

Мы спускались по роскошной мраморной лестнице главного министерства, когда я вдруг замер. Навстречу нам поднималась женщина в строгом синем мундире. Я остановился как вкопанный.

Передо мной стояла женщина с лицом моей матери. Те же каштановые волосы, та же линия скул, тот же изгиб губ. Но её глаза были не карими — они отливали холодным фиолетовым светом. Я смотрел на неё, и внутри меня всё оборвалось. Моя рука сама потянулась к карману, но я остановил себя.

Она улыбнулась — той же улыбкой, что я помнил с детства, но в ней не было тепла. Только холодная, расчётливая вежливость.

— Эдвард Элрик, — произнесла она, и её голос был мягким, но лишённым всякой искренности. — Поздравляю с назначением. Я — Джульетта Дуглас, секретарь фюрера. Впредь я буду курировать ваши дела.

Я смотрел на неё, не в силах произнести ни слова. Это лицо — оно было точной копией лица мамы. Те же ямочки на щеках, тот же изгиб бровей. Но глаза… глаза были чужими. Я знал, что мама жива. Я сам воскресил её. Но эта женщина была не мамой. Она была кем-то другим, кто носил её лицо.

— Я… я помню вас, — выдавил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы были на трибунах.

— Да, — ответила она. — Я слежу за всеми талантливыми алхимиками.

Она перевела взгляд на мою фальшивую автоброню, и я почувствовал, как её глаза задерживаются на стальных пластинах.

— Ваши протезы… они так естественно двигаются.

— Спасибо, — ответил я. — Мой механик очень старалась.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило меня вздрогнуть. Она прошла мимо, оставив после себя запах духов. Я стоял, не в силах двинуться с места. Ал подошёл ко мне и схватил за рукав.

— Брат, — прошептал он. — Она… она же вылитая мама!

— Я знаю, — ответил я, чувствуя, как внутри закипает холодный гнев. — Но это не мама.

— Кто она?

— Я не знаю. Но я должен выяснить.

Я сжал кулаки. Это лицо не могло быть случайностью. Кто-то знал о нашей трансмутации? Или это было просто совпадение? Я не мог сказать наверняка. Но я знал, что должен быть осторожен.

— Мы должны быть осторожными, — сказал Ал. — Она знает, кто мы.

— Я знаю. Но она не знает, что мы знаем о ней. Это наше преимущество.

Мы двинулись дальше.

Часть 5. День рождения у Хьюзов

На следующее утро, когда мы уже начали готовиться к нашему первому заданию, в дверь особняка постучали. На пороге стоял майор Хьюз, сияя шире обычного.

— Эд! Ал! — воскликнул он, врываясь в гостиную. — Я знаю, что вы заняты, но сегодня особенный день! Вы не забыли?

Я нахмурился.

— Какой день?

— Твой день рождения, Эдвард! — Хьюз рассмеялся. — Грейсия уже приготовила праздничный ужин. Вы должны прийти! Нина, ты тоже!

Нина захлопала в ладоши, и мы не смогли отказаться.

В доме Хьюза было тепло и уютно. Его жена Грейсия встретила нас с доброй улыбкой. Она была очень беременна и передвигалась с трудом, но на её лице сияло счастье.

— Проходите, проходите, — сказала она. — Я слышала, вы стали Государственными алхимиками. Уверена, у вас всё получится.

Мы сели за стол, и Хьюз с гордостью рассказывал о том, как они с Грейсией готовятся к появлению малыша. Он показывал нам детскую комнату, кроватку и маленькие распашонки. Я смотрел на него и думал о том, как сильно он любит свою семью.

Но внезапно Грейсия побледнела и схватилась за стол.

— Маес, — сказала она, и её голос дрогнул. — Кажется, это началось.

Хьюз замер. Его лицо мгновенно стало серьёзным.

— Что? Сейчас?

— Да, — выдохнула она, и я видел, как по её лбу выступил пот.

Хьюз заметался по комнате, пытаясь собраться с мыслями. Он схватил пальто и бросился к выходу.

— Я за врачом! — крикнул он. — Эд, Ал, Нина — вы остаётесь с Грейсией! Не оставляйте её!

И он выбежал в снежную бурю. Грейсия лежала на диване, и я чувствовал, как мои руки начинают дрожать. Нина суетилась рядом, пытаясь помочь, а Ал стоял растерянный.

— Воды, — сказала Грейсия, стиснув зубы. — Мне нужна тёплая вода.

Я бросился на кухню, налил воду в таз и понял, что она холодная. Не раздумывая, я соединил ладони и коснулся воды. Голубая вспышка алхимии — и вода стала тёплой. Я замер, глядя на свои руки. Я сделал это без круга. Раньше я не мог так.

— Эд! — крикнул Ал. — Неси воду!

Я вернулся в гостиную и помогал, как мог. Нина держала Грейсию за руку, пытаясь успокоить её. Мы делали всё, что могли, пока Хьюз не вернулся с врачом.

Через час, когда всё закончилось, Хьюз сидел на диване, держа на руках маленький свёрток. Он смотрел на дочь с таким благоговением, что у меня перехватило дыхание.

— Это Элисия, — прошептал он. — Моя дочь.

Я смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается тепло. Мы помогли. Мы сделали что-то важное. И в тот момент я понял, что алхимия — это не только экзамены и поиски. Это ещё и возможность помогать тем, кто рядом.

Позже, когда мы возвращались в особняк Такера, я всё ещё сжимал в кармане синий камень. Но теперь он казался мне не просто артефактом. Он был напоминанием о том, что мы делаем всё это не зря.

Часть 6. Возвращение в особняк

Мы шли по ночным улицам Централа. Дождь перестал, и луна светила ярко, отражаясь в мокрых камнях мостовой. Я смотрел на свои руки — на стальные пластины, скрывающие мою настоящую плоть. Сегодня я стал Государственным алхимиком. Сегодня я встретил женщину с лицом мамы. Сегодня я помог родиться Элисии.

— Брат, — сказал Ал, когда мы подошли к особняку Такера. — Ты думаешь, она знает? Та женщина... Джульетта Дуглас... она знает, кто мы?

— Не знаю, — честно ответил я. — Но она видела мои протезы. Она заметила что-то. Я чувствую это.

— Что мы будем делать?

— Мы будем искать ответы, — сказал я. — Как всегда.

Мы вошли в особняк. Нина уже спала, и в доме было тихо. Такер ждал нас в гостиной, и я видел, как он смотрит на нас с любопытством.

— Как прошёл экзамен? — спросил он.

— Мы сдали, — ответил я. — Я стал Государственным алхимиком.

— Поздравляю, — сказал Такер, и в его голосе послышалась искренняя радость. — Я знал, что у вас всё получится.

Мы поднялись в свою комнату. Я сел на кровать и достал из кармана серебряные часы. Они были холодными и тяжёлыми, и я смотрел на них, чувствуя, как внутри закипает решимость.

— Завтра мы начнём поиски, — сказал я. — Мы найдём записи отца. Мы узнаем правду о синем камне.

— И о той женщине, — добавил Ал.

— И о ней, — согласился я.

Я лёг на кровать и закрыл глаза. Завтра нас ждал новый день. Новые поиски. И я знал, что мы готовы к ним.

Глава 5. Ночь плача химеры

Часть 1. Церемония наречения

Серебряные карманные часы приятно оттягивали карман моего жилета. Я то и дело касался их пальцами сквозь ткань, всё ещё не веря, что мы это сделали. Два дня назад я был просто Эдвардом Элриком, беглецом из Ризенбурга, скрывающимся от военных. А теперь я — Государственный алхимик. Официально. С документом, печатью и этим холодным кусочком металла, который открывал двери в государственные архивы и секретные лаборатории. Мы прошли через нападение на поезд, через экзамен, через роды у Хьюзов — и теперь наконец достигли цели, ради которой приехали в Централ.

Ал шёл рядом, улыбаясь, и даже серый дождь Централа не мог испортить его настроение. Мы только что вернулись из штаба, где я получил своё первое официальное задание. Винри шла с нами, сжимая в руках сумку с покупками — она уговорила меня потратить часть жалованья на новые инструменты для своей мастерской. Она приехала в Централ навестить нас, и я был рад видеть её знакомое лицо среди этой серой казённщины.

— Брат, ты теперь официально государственный алхимик, — сказал Ал, когда мы подходили к

особняку Такера. — Как думаешь, Мустанг уже приготовил для нас какое-нибудь опасное задание?

— Не сглазь, — буркнул я, но улыбнулся. — Дай мне хотя бы день насладиться победой.

— Ты не умеешь наслаждаться победой, — усмехнулся Ал. — Ты уже думаешь о следующем шаге.

Он был прав. Я уже перебирал в голове, с чего начать поиски в государственных архивах. Письма отца, которые мы получили от Такера, были зашифрованы — или, по крайней мере, написаны так, что я не мог понять их смысла. Может быть, в библиотеках Централа хранились ключи к этой загадке. Синий камень в моём кармане тихо пульсировал — двадцать восемь миллиметров чистой энергии, которая медленно, но верно убывала с каждым использованием.

Винри подошла ко мне и ткнула пальцем в плечо. Её прикосновение было тёплым, и я на мгновение расслабился — с ней я мог не притворяться. Она знала правду о моих протезах, знала, что я не калека, и это знание было единственной отдушиной в этом мире лжи.

— Эд, ты опять задумался. Мы только что получили звание, а ты уже строишь планы на захват мира.

— Я не строю планы на захват мира, — огрызнулся я. — Я просто хочу найти ответы.

— Ответы подождут, — сказала Винри. — Сначала нужно отпраздновать. Я знаю одно место в Централе, где подают отличный мясной пирог.

Я вздохнул, но не стал спорить. Винри была права — иногда нужно было просто остановиться и перевести дух. В последние дни мы столько пережили, что голова шла кругом. Нападение на поезд, экзамен, роды у Хьюзов, встреча с Джульеттой Дуглас — каждое событие откладывалось в памяти тяжёлым грузом.

Церемония наречения состоялась в кабинете полковника Мустанга, вопреки моим ожиданиям. Я надеялся на торжественную церемонию в большом зале, с флагами и оркестром — или хотя бы с парой генералов, которые пожали бы мне руку. Но вместо этого нас привели в душную комнату, заваленную бумагами, где пахло табаком и старым кофе.

— Эдвард Элрик, — произнёс Мустанг, даже не поднимая глаз от документов. — Отныне ты Государственный алхимик Аместриса. Твой титул — «Стальной». Носи его с честью и не позорь звание.

— Это всё? — возмутился я. — Никакой церемонии?

— А ты хотел оркестр и фейерверки? — усмехнулся Мустанг, наконец поднимая взгляд. — Ты теперь собака военных. Привыкай.

— Собака? — переспросил я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Именно. У военных есть хозяева, и ты теперь один из них. Ты выполняешь приказы, получаешь жалованье и доступ к ресурсам. Взамен ты отдаёшь свою свободу. Это сделка. Если она тебя не устраивает — можешь уйти. Но тогда не получишь доступ к архивам, к лабораториям, к информации.

Я стиснул зубы. Он был прав. И он знал это. Я вспомнил слова Хьюза о том, что Мустанг не умеет говорить приятное, но он впечатлён мной. Может быть, это действительно был комплимент — в его собственном, извращённом понимании.

Второй лейтенант Жан Хавок, стоявший у двери и куривший сигарету с видом человека, который видел слишком много, тихо хмыкнул.

— Не обращай внимания, парень, — сказал он, когда мы вышли из кабинета. — Полковник просто занят. У него есть кое-какие планы насчёт расследования нападений на лаборатории в городе. Говорят, воруют алхимические материалы. И он считает, что ты сможешь помочь.

— Собака военных… — буркнул я, всё ещё обиженный.

— Это комплимент, — усмехнулся Хавок. — Мустанг не умеет говорить приятное. Но он впечатлён тобой. Поверь мне. Он не стал бы тратить время на того, кто ему неинтересен.

Я пожал плечами, но внутри потеплело. Может быть, быть «собакой военных» не так уж плохо. Главное — не забывать, ради чего я здесь. Ради мамы, ради правды, ради синего камня, который становился всё меньше с каждым днём.

Мы вышли из штаба на моросящий дождь. Централ был огромен и холоден, но в этом холоде было что-то притягательное. Город, где решались судьбы. Город, где я мог найти ответы.

— Эд, — сказала Винри, когда мы подошли к особняку. — Я рада, что ты стал Государственным алхимиком. Ты заслужил это.

— Спасибо, — ответил я, и мои слова были искренними. — Я тоже рад, что ты здесь.

— Я всегда буду рядом, — сказала она, и в её глазах мелькнула та же тёплая искорка, что и в детстве.

Мы вошли в особняк.

Часть 2. Тишина в особняке

Особняк Такера встретил нас тишиной. Слишком тишиной.

Я остановился на пороге, прислушиваясь. Обычно Нина уже бежала к нам, когда мы возвращались, с криками «Эдвард! Альфонс!» и визгом, который мог разбудить мёртвого. Александр топал следом, виляя хвостом, и его тяжёлые лапы гулко стучали по деревянному полу. Но сегодня в холле было пусто. Только старые часы мерно тикали на стене, отсчитывая секунды, которые казались слишком громкими в этой неестественной тишине.

— Странно, — сказал Ал, прислушиваясь. — Обычно Нина уже бежит к нам с Александром.

Я нахмурился. Действительно. Девочка всегда выскакивала навстречу, стоило нам войти в дверь. Словно чувствовала, что мы вернулись. Сегодня же в холле было пусто, и эта тишина казалась зловещей. Я вспомнил, как в детстве, когда мама болела, в доме тоже становилось тихо. Слишком тихо. И каждый раз эта тишина означала беду.

— Такер? — крикнул я. — Мы вернулись!

Ответа не было. Только эхо моего голоса отразилось от высокого потолка и затерялось где-то в глубине дома. Где-то наверху скрипнула половица, и я напрягся.

— Может быть, они ушли в город? — предположил Ал.

— Нина никогда не уходит без Александра, — ответил я. — А я слышу, как он дышит. Он здесь.

Действительно, из-под двери гостиной доносилось тихое сопение — пёс спал. Но Нины рядом с ним не было. Я подошёл к двери и приоткрыл её. Александр лежал на ковре, положив голову на лапы, и смотрел на меня грустными глазами. Он словно ждал, что я что-то сделаю. Что я помогу.

Из кабинета на первом этаже донёсся шум — что-то упало, звякнуло стекло. Мы переглянулись и осторожно двинулись на звук.

Дверь была приоткрыта. Я толкнул её плечом и замер.

Шоу Такер сидел на полу среди разбросанных бумаг, сжимая голову руками. Рядом с ним валялась пустая бутылка из-под виски. Комната была в беспорядке — стулья опрокинуты, книги разбросаны, на столе — остатки какого-то механизма, который он разобрал в приступе отчаяния. Его руки дрожали, и я заметил, что пальцы его были в чернилах — он что-то писал, но бросил на полпути.

— Такер? — Ал шагнул вперёд. — Что случилось?

Он поднял на нас глаза — красные, опухшие, полные отчаяния. Я никогда не видел человека в таком состоянии. Он выглядел так, словно потерял всё, и даже не знал, зачем ему просыпаться завтра. Это был взгляд человека, который стоит на краю пропасти и уже не видит дна.

— Вы… вернулись, — прошептал он. — Поздравляю с серебряными часами…

— Что с вами? — я опустился на корточки перед ним. — Где Нина?

При имени дочери Такер вздрогнул. Его лицо исказилось, и я видел в его глазах такую боль, что у меня сжалось сердце. Это была та же боль, которую я видел в глазах мамы перед её смертью. Боль потери, которую невозможно унять.

— Она… наверху. Рисует. — Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, почти жуткой. — Она всегда рисует. Она рисует маму, которую никогда не видела. Она рисует семью, которой у нас нет.

— Что случилось, Такер? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то — отчаяние, которое могло толкнуть на что угодно. Я видел это выражение раньше. У людей, готовых переступить черту. Я видел его в зеркале, когда мы с Алом решались воскресить маму.

— Гранд приедет через два дня, — сказал он, и голос его дрожал. — Бригадный генерал Баск Гранд. Он будет проверять мои исследования. Если я не покажу

ему новую говорящую химеру, меня лишат звания и финансирования. Мы вернёмся в нищету. Нина... она заслуживает лучшего...

— Такер, вы создадите новую химеру? — спросил Ал, и в его голосе послышалась тревога.

— Я не знаю, — прошептал он. — Я не знаю, что делать.

— Не делайте глупостей, Такер, — сказал я жёстко. — Мы поможем вам найти другой способ.

Он не ответил. Он просто смотрел в одну точку, и я не знал, слышит ли он меня вообще. Я вспомнил, как сам сидел на полу в подвале нашего дома, сжимая голову руками, когда думал, что потерял маму навсегда. Такер был там же. В той же пропасти.

Мы поднялись на второй этаж. Дверь в комнату Нины была приоткрыта, и оттуда доносилось тихое пение. Девочка сидела на полу, окружённая цветными карандашами и листами бумаги. Александр дремал рядом, положив голову на её колени. Картина была такая мирная, что я почти забыл о том, что видел внизу.

— Эдвард! Альфонс! — закричала она, увидев нас. — Вы вернулись! Вы теперь настоящие алхимики?

— Вроде того, — улыбнулся я, присаживаясь рядом. — Что рисуешь?

— Маму! — радостно ответила она, протягивая мне листок. — Я рисую маму, чтобы она знала, что я её помню.

Я взял рисунок. На нём была изображена женщина с длинными тёмными волосами и улыбкой. Внизу детским почерком было выведено: «Моя мама. Я люблю тебя. Приходи скорее».

В горле пересохло. Я смотрел на рисунок и думал о том, что эта девочка никогда не видела свою мать. Она знала её только по фотографиям и рисункам, которые сама создавала. И она продолжала верить, что мама вернётся. Потому что отец внушал ей эту ложь каждый день.

— Ты... пишешь ей письма? — спросил я осторожно.

— Каждый день! — гордо сказала Нина. — Папа говорит, что она уехала далеко-далеко, но, если я буду писать, она обязательно вернётся. Я оставляю письма на столе, а папа говорит, что отправляет их по почте. Но мне кажется, что письма слишком толстые — может, они не доходят?

Она засмеялась, а я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Я знал, что такое ждать маму, которая не вернётся. Но я хотя бы понимал, что она умерла. А Нине внушали ложную надежду. И эта ложь была жестокой — она готовила девочку к тому, что мама никогда не вернётся, но не позволяла ей смириться с этим.

— Можно мне посмотреть на твои письма? — спросил Ал.

— Конечно!

Нина подбежала к столу и начала рыться в ящике. Но через мгновение её лицо омрачилось.

— Странно... — сказала она. — Здесь были письма. Куда они делись?

Я переглянулся с Алом. Я уже догадывался, что случилось. И эта догадка наполняла меня холодным гневом.

— Может, папа перенёс их? — предположил Ал.

— Наверное, — Нина пожала плечами. — Ладно, я нарисую новые! Мама обязательно получит их!

Мы оставили её рисовать и вышли в коридор. Я чувствовал, как внутри нарастает тревога. Эта девочка не знала правды. И правда могла разрушить её маленький мир.

— Ал, — сказал я тихо. — Она пишет письма матери каждый день. А где они?

— Может, Такер действительно отправляет их?

— Не знаю, — ответил я. — Но я хочу проверить.

Часть 3. Ночное расследование

Ночью, когда особняк погрузился в тишину, я пробрался в кабинет Такера. Тени плясали на стенах, и каждый скрип половиц заставлял меня вздрагивать. В камине ещё тлели угли, отбрасывая тусклый красный свет на разбросанные бумаги. Воздух был тяжёлым и спёртым, пахло виски, потом и отчаянием.

Я подошёл к столу и начал перебирать документы. Отчёты, чертежи, письма. Ничего необычного. Но я заметил, что один из ящиков стола был заперт. Я использовал алхимию, чтобы открыть его, и замер.

Внутри лежали рисунки Нины. И письма. Письма к маме, которые Такер выбросил.

Одно из них я развернул. Детским почерком было написано: «Дорогая мама! Вчера я научилась читать! Папа сказал, что ты скоро вернёшься. Я так жду…»

Я почувствовал, как кровь закипает в жилах. Такер выбрасывал письма собственной дочери. Он врал ей, что мама вернётся, и уничтожал её надежду. И в этом была какая-то страшная логика — он готовил её к тому, что мама никогда не вернётся, но не мог сказать ей правду. Он боялся, что правда убьёт её. Но ложь тоже убивала — медленно, незаметно, день за днём.

Я спрятал письма обратно и вышел из кабинета. В коридоре я столкнулся с Алом.

— Брат, — сказал он, — ты что-то нашёл?

— Письма, — ответил я. — Он выбросил их. Все.

Ал побледнел.

— Зачем?

— Чтобы Нина не надеялась, — сказал я. — Чтобы она не ждала. Он думает, что так будет лучше.

— Но это не так, — сказал Ал. — Она будет ждать всю жизнь.

— Я знаю.

Мы стояли в темноте, и я чувствовал, как внутри закипает гнев. Но гнев не был направлен на Такера. Он был направлен на систему, которая заставляла его выбирать между ложью и нищетой. Я вспомнил,

как сам стоял перед выбором — сказать маме правду о её болезни или позволить ей умереть в неведении. И я выбрал правду. Но у Такера этого выбора не было.

На следующее утро я отправился в Национальную центральную библиотеку. Если Такер что-то скрывает, его исследования должны были храниться там. И если я найду их, возможно, я смогу помочь ему найти другой способ.

Библиотека оказалась огромной — бесконечные ряды стеллажей, запах старой бумаги и тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц. Я подошёл к столу регистрации, где сидела девушка-архивариус с очками и вечно растрёпанными волосами. Она что-то увлечённо читала и не замечала меня.

— Мне нужны материалы по исследованиям Шоу Такера, — сказал я.

Девушка подняла на меня глаза.

— Без разрешения бригадного генерала Баска Гранда я не могу вам их выдать. Его исследования засекречены с тех пор, как он создал свою первую химеру.

— Но я государственный алхимик! — я вытащил серебряные часы.

— Это не имеет значения, — спокойно ответила она. — Только личное разрешение генерала Гранда. И даже тогда большая часть его записей считается утерянной. Говорят, он сам спрятал их перед тем, как создать ту химеру.

Я стиснул зубы. Значит, Такера кто-то прикрывал. Это только укрепляло мои подозрения. Гранд явно знал о

его экспериментах и либо поощрял их, либо закрывал на них глаза. В любом случае, это было опасно.

Выходя из библиотеки, я случайно задел плечом мужчину в длинном плаще. Он резко обернулся, и я видел его лицо — бледное, с жёсткими чертами и пронзительными глазами, в которых горела ненависть. Его рука, которую я случайно зацепил, была покрыта странными татуировками, тускло светящимися алым.

— Извините, — буркнул я.

Но он отшатнулся, вырвал руку и бросился бежать. Я попытался догнать его, но он скрылся в толпе. Я слышал, как он бормотал: «Проклятие... брат... алхимики...»

Я замер, глядя ему вслед. Кто это был? И почему его татуировки светились? Я вспомнил рассказы об Ишварцах и их священных символах. Если он был одним из них, то его ненависть к алхимикам была понятна. Но что он делал в Централе?

Под ногами я заметил маленькую книгу — он уронил её, когда убегал. Я поднял её. Это был старый религиозный текст, исписанный на языке Ишвара. Я сунул его в карман — может, пригодится.

Часть 4. Разговор с Хьюзом

Я отправился к майору Хьюзу. Если кто и мог пролить свет на дело Такера, то только он. Хьюз знал всё, что происходило в Централе, и его добродушная маска скрывала острый ум и глубокое понимание людей.

Хьюз встретил меня в своём кабинете, заваленном фотографиями Грейсии и Элисии.

— Эд! — воскликнул он, когда я вошёл. — Смотри, какая у меня дочка! Ты видел эти снимки? Она уже улыбается! Грейсия говорит, что она похожа на меня! Представляешь, она уже узнаёт мой голос!

— Майор, — перебил я, — мне нужна информация о Такере.

Хьюз мгновенно посерьёзнел. Он отложил фотографии и жестом пригласил меня сесть. Его лицо стало сосредоточенным, и я заметил, как он на мгновение сжал челюсти.

— Что ты хочешь знать?

— Его жена, — сказал я. — Где она?

Хьюз вздохнул. Он откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок, словно собираясь с мыслями.

— Такер приехал в Централ два года назад, — начал он. — Его жена умерла ещё до этого. В Ризенбурге, если я не ошибаюсь. — Он помедлил. — А та химера, которую он создал для получения звания… она сказала только одно слово: «Убей меня».

По спине пробежал холод. Я вспомнил слова Такера о том, что он «привязывал» души живых девушек к куклам. Если его жена была жива, то что же он создал для получения звания?

— Она хотела умереть?

— Да, — кивнул Хьюз. — Это всё, что она сказала. Ничего больше. — Он посмотрел на меня с тревогой. — Эд, ты не думаешь, что…

Договорить он не успел. В дверь постучали, и вошёл взволнованный офицер.

— Майор Хьюз! В городе снова нападение на лабораторию! Украдены реактивы и оборудование! Охранник ранен, но жив.

Хьюз вскочил.

— Эд, прости, мне нужно идти.

— Я с тобой, — сказал я.

Часть 5. Нападение на лабораторию

Место происшествия было в беспорядке. Вся лаборатория была перевёрнута вверх дном — столы опрокинуты, оборудование разбито, стены покрыты следами от алхимических вспышек. Раненый охранник сидел в углу, держась за плечо. Я помог ему перевязать рану, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Что здесь произошло? — спросил я.

— Не знаю, — ответил охранник, морщась от боли. — Они ворвались ночью. Двое или трое. Они знали, что ищут. Украли реактивы и алхимические материалы. Я пытался остановить их, но они были слишком быстры.

— Они были алхимиками? — спросил Ал, который подошёл к нам.

— Не знаю, — повторил охранник. — Но один из них использовал алхимию без круга.

Я переглянулся с Алом. Это мог быть тот татуированный человек из библиотеки. Или кто-то другой, связанный с запрещёнными экспериментами.

Я вспомнил его ненависть к алхимикам, его слова о брате. Возможно, это был он.

Мы вышли из лаборатории. Дождь снова начал моросить, и я чувствовал, как напряжение нарастает.

— Эд, — тихо сказал Ал, — это может быть связано с теми, кто интересуется философским камнем.

— Я знаю, — ответил я. — Нам нужно найти этих людей до того, как они навредят кому-то ещё.

Я отправился к Хьюзу, чтобы обсудить версии, но в его кабинете я вдруг почувствовал, как земля уходит из-под ног. Воспоминания о маме, о девочках, которые теряют матерей, смешались в голове. Я провалился в темноту.

Я очнулся в своей комнате в особняке Такера. Ал сидел рядом, его лицо было встревоженным.

— Брат, ты в порядке? Ты упал в обморок. Хьюз принёс тебя сюда. Сказал, что ты переволновался.

— Что случилось? — спросил я, садясь на кровати.

— Ничего, просто шок. Ты слишком много пережил за последние дни.

Я потёр виски. Воспоминания о нападении, о маме смешались. Я должен был найти ответы. И я знал, где их искать.

— Ал, — сказал я. — Я не хочу, чтобы Нина стала такой, как та девочка, что потеряла маму. Мы должны помочь Такеру. Но по-честному.

Ал кивнул.

— Тогда идём.

Часть 6. Подвал

Той же ночью я снова спустился в подвал. Я обыскал каждый угол, каждую щель, пока не нашёл замаскированную дверь за стеллажом с химикатами. Тяжёлая гермодверь была заперта, но я просунул пальцы левой, живой руки в замочную скважину и, используя дар Врат, перестроил механизм. Раздался щелчок, и дверь открылась.

— Ал, — позвал я. — Идём.

Мы спустились по узкой каменной лестнице. Запах сырости и химикатов становился всё сильнее. Внизу, в просторном полумрачном зале, горела тусклая лампа. А за массивной железной решёткой в дальнем углу сидело существо.

Я замер.

Крупное, мохнатое, покрытое густой светлой шерстью. Но его лицо… оно было почти человеческим. Непропорциональным, искажённым, но человеческим. Я смотрел на него, и в груди разрастался холод. Я вспомнил, как мы с Алом стояли в подвале нашего дома, глядя на фальшивку, которую создали из волос мамы. Это было похоже. И в то же время совсем другое.

Существо медленно подняло голову и посмотрело на нас. В его глазах плескалась невыносимая скорбь.

— Вы… — раздался хриплый, механический голос. — Кто вы?

Я шагнул вперёд.

— Мы друзья. Мы живём здесь. Вы… вы Элеонора Такер?

Она кивнула — медленно, с трудом.

— Да… я его жена… — Она помедлила. — Он превратил меня в это… два года назад… я слышу девочку… мою дочь… она поёт… она смеётся… но я не могу выйти…

Я чувствовал, как ком подступает к горлу. Глядя на неё, я вспомнил свою маму — ту, которая умерла, и ту, которую мы вернули. Такер сделал то же, что и мы — попытался обмануть смерть. Но его путь был другим. Жестоким. Он лишил жену человеческого облика, заключил её в тело зверя. И теперь она страдала, слыша голос дочери, но не имея возможности выйти к ней.

— Мы спасём вас, — сказал я. — Я обещаю.

— Но как? — спросил Ал. — Обратная трансмутация такого сложного организма требует колоссальной энергии.

— У меня есть синий камень, — сказал я, доставая из кармана отцовский кристалл. — Он принял на себя удар при воскрешении мамы. Если он смог вернуть душу в тело, должен справиться и с этим.

Я начертил на полу сложнейший круг обратной декомпозиции. Соединил его с контуром для катализатора, в центр которого поместил синий камень.

— Ал, — сказал я. — Прикрой меня. Если Такер спустится — не дай ему помешать.

— Понял, — ответил Ал, становясь у лестницы.

Я остался один с химерой. Элеонора смотрела на меня с надеждой. В её глазах я видел ту же мольбу, что когда-то была в глазах мамы, когда она лежала на смертном одре.

— Я попробую, — сказал я. — Держитесь.

Я подошёл к ней и проверил пульс. Он был слабым, но был. Она была жива. Я глубоко вздохнул и соединил ладони.

Лазурная вспышка.

Свет залил всю подземную лабораторию. Камень вспыхнул как маленькое солнце, принимая на себя удар эквивалентного обмена. Я чувствовал, как энергия пронизывает мои пальцы, перестраивая молекулярные связи, разделяя волчью плоть и человеческую.

Химера закричала. Но в этом крике не было боли — только освобождение. Словно она наконец вырвалась из клетки, в которой томилась два долгих года.

Свет погас.

На полу лежала женщина. Истощённая, бледная, с тёмными кругами под глазами. Но целая. Живая. Человеческая.

Я подполз к ней, чувствуя, как кружится голова.

— Элеонора? — прошептал я.

Она открыла глаза. Карие, тёплые, человеческие.

— Спасибо... — выдохнула она. — Спасибо...

Синий камень со звоном покатился по гранитным плитам. Я поднял его дрожащей рукой. Он уменьшился — ещё на один миллиметр. Осталось двадцать шесть.

На лестнице послышался топот. В подвал вбежала Нина, за ней — Ал и запыхавшийся Такер.

Нина застыла на пороге. Она смотрела на незнакомую худую женщину на полу. Девочка спряталась за Александра.

— Кто... кто это? — испуганно спросила она.

Элеонора подняла голову. Её глаза наполнились слезами.

— Нина... — прошептала она. — Это я... твоя мама...

Нина всмотрелась в лицо женщины. Потом её взгляд упал на родинку на левой руке Элеоноры — ту самую, которую она всегда рисовала на своих рисунках.

— Мама? — голос девочки дрогнул. — Мама!

Она бросилась вперёд и обняла женщину. Элеонора прижала дочь к груди, слёзы текли по её щекам.

— Нина... моя девочка... — шептала она. — Я вернулась... я вернулась...

Шоу Такер застыл на пороге. Он смотрел на свою жену — живую, настоящую — и его лицо исказилось. Но он не шагнул вперёд. Он боялся. Боялся, что это сон, что она исчезнет, если он прикоснётся к ней.

— Элеонора... — прошептал он. — Ты... ты жива...

Она подняла на него глаза. В них была боль, гнев и… любовь.

— Шоу, — сказала она тихо. — Я знаю, что ты сделал. Я знаю, что ты хотел сделать. Но… я вижу, как ты изменился. Ты плакал. Ты хотел спасти нас. Я не могу простить тебя сразу. Но я готова попробовать. Ради Нины.

— Я чудовище, — прошептал Такер. — Я не заслуживаю…

— Ты заслуживаешь шанса, — перебила Элеонора. — Как и я. Как и Нина.

Она протянула ему руку. Такер шагнул вперёд, потом упал на колени и обнял жену и дочь. Рыдания сотрясали его тело.

— Прости меня… прости… я был чудовищем… Я больше никогда…

Нина обняла его за шею.

— Папа, не плачь, — сказала она. — Мама вернулась. Всё будет хорошо.

Я поднялся, чувствуя, как дрожат ноги. Ал поддержал меня.

— Брат, ты в порядке?

— Да, — ответил я. — Мы сделали это.

Часть 7. Шрам

Но на этом всё не закончилось.

Внезапно в доме раздался грохот. Кто-то выбил входную дверь. Мы бросились наверх и увидели его —

того самого человека из библиотеки, с татуировками на руке. Он стоял в гостиной, и его глаза горели яростью.

— Алхимики, — прорычал он. — Вы создаёте мерзость. Вы играете с жизнью и смертью. Это — грех.

— Кто ты? — закричал я, выбрасывая вперёд фальшивую руку.

— Я — Шрам, — ответил он. — Я уничтожаю алхимиков и всё, что они создают. Твоя работа, Такер, — он перевёл взгляд на бледного алхимика, — осквернила этот мир. И я пришёл очистить его.

Он перевёл взгляд на лестницу, где стояли Элеонора и Нина, прижимающаяся к матери. Рядом с ними, оскалившись и рыча, стоял Александр.

— Ещё одна химера, — прошептал Шрам. — И то, что ты породил, Такер.

— Нет! — закричал я. — Она не химера! Я вернул её! Она человек!

Шрам посмотрел на меня с презрением. Затем его взгляд упал на Элеонору, и он на мгновение замер. Он всматривался в неё, словно пытаясь понять. Его рука с татуировками дрогнула.

— Ты... — произнёс он медленно. — Ты была химерой. Но теперь ты человек. Этого не может быть.

— Это правда, — сказал я. — Я использовал чистую энергию, чтобы вернуть её. Без жертв.

Шрам нахмурился. В его глазах мелькнуло сомнение. Он смотрел на Элеонору, и я видел, как он пытается примирить свою ненависть к алхимикам с тем, что видел перед собой.

— Ты лжёшь, алхимик. Такое невозможно.

— Возможно, — сказал Ал, выступая вперёд. — Мы доказали это. Ты видишь её своими глазами. Она жива и здорова. Ты хочешь уничтожить невинных?

Шрам колебался. Он переводил взгляд с Элеоноры на Нину, на Александра, который рычал, защищая семью.

— Эта девочка невинна, — сказал он наконец. — И это животное — не творение алхимии. Я не убиваю невинных.

Он повернулся к Такеру, который стоял на коленях, прижимая к себе жену и дочь.

— Ты, Такер. Ты создал химеру из своей жены. Ты мог бы пойти дальше, но остановился. Ты не тронул дочь.

Он шагнул вперёд, но я встал между ним и Такером.

— Нет. Ты не тронешь его.

— Ты защищаешь грешника, — прошипел Шрам.

— Я защищаю человека, который раскаялся, — сказал я. — Он признал свою вину. Он готов искупить её. Он будет сотрудничать с военными. Если ты убьёшь его сейчас — ты не отомстишь, ты просто убьёшь отца маленькой девочки.

Шрам замер. Его глаза вспыхнули яростью, но он не двигался. Я видел, как он борется с собой — его

ненависть к алхимикам сталкивалась с тем, что он видел перед собой.

— Я запомню тебя, Стальной алхимик, — сказал он. — Ты защищаешь алхимиков, которые творят зло. Ты сам станешь моей целью.

Он занёс руку, но в этот момент Ал создал вокруг Нины, Элеоноры и Александра полупрозрачный алхимический барьер, а я приготовился к бою. Но в следующее мгновение стекло разлетелось вдребезги. Огненная стрела влетела в комнату и ударила в стену рядом со Шрамом. В окне стоял полковник Мустанг, его глаза горели яростью.

— Шрам! — рявкнул он. — Я искал тебя!

Шрам зашипел, отступил в тень, а затем исчез.

— Мустанг! — закричал я. — Как ты...

— Хьюз предупредил меня о возможной атаке, — быстро сказал он. — Я следил за районом. Увидел вспышку — и рванул сюда.

Я перевёл дух. Александр заскулил, и Нина обняла его за шею. Элеонора прижимала дочь к себе.

— Ты в порядке? — спросил Ал, подбегая ко мне.

— Да, — ответил я. — Все живы.

Мустанг подошёл к Такеру, который всё ещё стоял на коленях.

— Такер, — сказал он холодно. — Ты нарушил закон. Ты создал химеру из человека. Это запрещено.

— Я знаю, — прошептал Такер. — Я заслуживаю наказания. Но… — он поднял глаза на жену и дочь, — я хочу искупить свою вину. Я расскажу всё, что знаю. О своих экспериментах. О том, как я пытался закрепить души. О переписке с отцом Эдварда.

Я замер.

— Ты знал моего отца?

— Да, — кивнул Такер. — Он много лет назад прислал мне письма. Он искал способ фиксации души. Он говорил о каком-то камне… синем камне. — Он посмотрел на мой карман. — Я видел, как он реагирует на твою алхимию. Когда ты использовал его в подвале, я чувствовал эту энергию. Это тот самый камень, о котором писал твой отец.

Он достал из внутреннего кармана потрёпанную пачку писем, перевязанных бечёвкой.

— Вот. Это всё, что у меня осталось. Его письма. Он писал о том, что ищет альтернативу философскому камню. Что-то чистое, что не требует жертв. Я не знаю, как его создать, может быть, эти письма помогут тебе.

Я взял письма дрожащими руками. Почерк отца — я узнал его сразу.

— Спасибо, — сказал я. — Это… это много значит.

Часть 8. Новая химера

Мустанг подошёл к Такеру.

— Такер, — сказал он. — Ты будешь сотрудничать. Ты расскажешь всё о своих экспериментах. Я не буду

арестовывать тебя, но ты будешь работать под моим надзором. Ты докажешь, что способен на чистую науку. Если ты нарушишь слово — я лично отправлю тебя в тюрьму.

— Обещаю, — сказал Такер. — Я докажу, что могу.

— Мы поможем ему, — сказал я. — Мы создадим химеру. Чистую. Из животных.

Мы работали до самого утра. Ал чертил круги, я рассчитывал пропорции, используя свои знания структуры материи. Такер, впервые за долгое время, не пытался обмануть — он просто помогал, следуя нашим инструкциям. Его руки больше не дрожали. Он знал, что делает.

— Нам нужны два животных, — сказал я. — Лиса — она умная и хитрая. И попугай — он умеет говорить.

— У меня есть и то, и другое в лаборатории, — сказал Такер.

Мы спустились в подвал, где в клетках сидели рыжая лиса и яркий попугай.

— Готовы? — спросил я.

Ал и Такер кивнули.

Я подошёл к клеткам и посмотрел на животных. Лиса смотрела на меня умными жёлтыми глазами, попугай нахохлился на жёрдочке.

— Мы создадим нечто прекрасное, — сказал я. — Без боли. Без страха.

Я соединил ладони и прикоснулся к контуру. Я не использовал синий камень — я экономил его,

оставляя для действительно невозможного — возвращения души. Но мой дар, полученный у Врат Истины, позволял мне чувствовать структуру материи, перестраивать её без круга. Энергия потекла через мои пальцы, перестраивая молекулярные связи двух существ в одно целое. Я чувствовал каждую клетку, каждое волокно, каждую мысль. Лиса и попугай сливались в гармоничное создание.

Вспышка.

Два животных исчезли. На их месте стояла химера. Это была крупная, грациозная лиса с густой рыже-золотистой шерстью, переливающейся на свету. Два пушистых хвоста плавно покачивались, а на голове красовался небольшой хохолок из ярко-зелёных перьев, напоминающий о попугае. Её глаза — янтарные, умные, живые — смотрели на нас с любопытством.

Она открыла пасть и произнесла чистым, ясным, мелодичным голосом:

— Здравствуйте. Я — химера. Меня создали вы. Я говорю.

Такер рухнул на колени, глядя на неё с благоговением.

— Это… это невероятно… Она говорит! По-настоящему! И она прекрасна!

— Это чистая наука, — сказал я. — Без жестокости.

Химера подошла к Такеру и ткнулась носом в его руку.

— Ты создал меня, — сказала она. — Но ты не причинил мне боли. Спасибо.

Такер заплакал. Настоящие слёзы текли по его щекам. Он обнял химеру, прижимая её к себе, и я видел, как его плечи дрожат.

— Я... я не заслуживаю...

— Ты заслуживаешь шанса, — сказала химера. — Все заслуживают шанса.

Часть 9. Аттестация

Через час в особняк прибыл генерал Баск Гранд с проверкой. Он был высоким, сухим мужчиной с острым взглядом и седыми усами. Он вошёл в гостиную, и его глаза быстро оценили обстановку.

— Такер, — произнёс он сухо. — Я пришёл на вашу аттестацию. Надеюсь, у вас есть что показать.

Такер выпрямился и указал на химеру. Его голос дрожал, но звучал твёрдо.

— Генерал, позвольте представить вам новую говорящую химеру. Создана исключительно из животных — лисы и попугая. Без единого человеческого компонента.

Химера грациозно шагнула вперёд, склонила голову и произнесла:

— Добро пожаловать, генерал. Я рада приветствовать вас.

Гранд нахмурился, подошёл ближе, осмотрел создание со всех сторон. Он провёл рукой по густой шерсти, заглянул в янтарные глаза.

— Покажи, что ты умеешь, — сказал он. — Ответь на мои вопросы.

— Спрашивайте, — ответила химера.

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени. Но вы можете назвать меня. Я буду рада.

— Какое сейчас время года?

— Осень. Я чувствую запах дождя и сухих листьев.

— Скажи что-нибудь умное.

Химера склонила голову набок.

— Умное — это субъективно, генерал. Но я могу сказать, что мудрость — это не знание, а способность применять его с добротой.

Гранд улыбнулся — впервые за всё время.

— Невероятно, — сказал он. — Лиса и попугай. Она говорит свободно, отвечает на вопросы. Это действительно научный прорыв.

Он повернулся к Такеру.

— Аттестация пройдена. Финансирование продолжается. Отличная работа, Такер. Надеюсь, впредь вы будете придерживаться этических норм.

— Обещаю, — сказал Такер.

Когда генерал ушёл, Такер повернулся к нам. В его глазах блестели слёзы.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Спасибо вам. За всё. За то, что вы вернули мне семью. За то, что дали шанс искупить вину.

— Вы заслужили этот шанс, — сказал Ал. — Вы сделали правильный выбор.

Такер посмотрел на Элеонору, на Нину, которая обнимала Александра и гладила новую химеру.

— Я буду работать честно, — сказал он. — Я больше никогда не совершу такого.

Часть 10. Прощание

Мы собрали вещи в тот же вечер. Особняк Такера больше не казался мне мрачным склепом — в нём слышался смех Нины, лай Александра, и мелодичный голос новой химеры, которая училась произносить новые слова. Семья воссоединилась. И это было самое главное.

— Вы уезжаете? — спросила Нина, когда мы вышли на крыльцо.

— У нас есть дела, малышка, — сказал я, приседая перед ней на корточки. — Но мы ещё увидимся.

Она обняла меня за шею, и я почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Я обнял её в ответ, чувствуя тепло маленького тела. В ней было столько жизни, столько надежды — и я не хотел, чтобы этот свет погас.

— Береги маму, — сказал я. — И Александра. И новую химеру.

— Я буду! — пообещала она.

Элеонора стояла на пороге, держа за руку мужа. Такер больше не выглядел отчаявшимся — в его глазах теплилась надежда. Я видел, как он смотрит на жену и дочь, и понимал — он сделает всё, чтобы защитить их.

— Мы начнём новую жизнь, — сказала Элеонора. — Без лжи. Без боли.

Я кивнул.

— Это всё, что имеет значение.

Новая химера вышла на крыльцо и села рядом с Ниной. Её янтарные глаза смотрели на нас с мудростью, которой не было у обычных животных. Она была живым доказательством того, что алхимия может быть чистой.

— Спасибо, Стальной алхимик, — сказала она. — Ты дал мне жизнь и голос. Я буду беречь эту семью.

Я улыбнулся.

— Я знаю, что ты будешь. Вы все будете счастливы.

Мы с Алом вышли за ворота. Осенний ветер швырнул в лицо сухие листья. Впереди нас ждал Централ, полный тайн, — библиотеки, архивы, и та женщина с лицом мамы, которая работала у фюрера. Но теперь у нас было больше, чем когда-либо. У нас были письма отца, и мы знали, куда двигаться дальше.

— Брат, — сказал Ал, когда мы отошли на достаточное расстояние. — Ты спас их. Ты спас всех.

— Мы спасли, — поправил я. — Мы сделали это вместе.

Я коснулся кармана, где лежал синий камень. Двадцать шесть миллиметров. Мы использовали его, чтобы вернуть Элеоноре человеческий облик. Но теперь у нас было больше — у нас была пачка писем отца, переданная Такером. И мы знали, что Шрам охотится на алхимиков. Но мы также знали, что у нас есть союзники — Хьюз, Мустанг, теперь Такер. Мы не одни.

— Ал, — сказал я, глядя на угасающий закат. — Мы должны найти Шрама. И мы должны понять, что искал отец. Эти письма — ключ.

— Ты думаешь, ответы есть в архивах?

— Должны быть, — ответил я. — Отец знал что-то, чего не знаем мы. И Такер подтвердил это. Мы найдём его исследования.

Мы пошли дальше, оставляя за спиной особняк, где семья воссоединилась и начала новую жизнь. Впереди нас ждал Централ — огромный, холодный, полный опасностей и секретов. Где-то там работала Джульетта Дуглас с лицом нашей матери. Где-то там скрывался Шрам. И где-то там хранились записи отца. Но теперь у нас была цель, и мы знали, что сможем её достичь.

— Знаешь, Ал, — сказал я. — Может быть, мы действительно можем изменить мир. По-настоящему. Без боли и жертв.

Ал улыбнулся.

— Я всегда верил в это, брат. И мы докажем это. Всем.

Мы шли по мокрому асфальту, и я сжимал в кармане письма отца и синий камень. Наша ложь о протезах, воскрешение мамы, спасение Элеоноры — всё это было частью одного пути. Пути к правде. И мы не остановимся, пока не найдём её.

Мы вышли на главную улицу Централа. Город просыпался, и я чувствовал, как внутри закипает решимость. Мы были готовы к тому, что нас ждёт.

Часть 11. Тень в Централе

В ту же ночь, когда мы покинули особняк Такера, в кабинете фюрера горел тусклый свет. Женщина с лицом мамы стояла у окна и смотрела на ночной Централ. Огни города мерцали внизу, но её глаза были устремлены вдаль, туда, где скрывался источник всей её боли.

— Они освободили химеру, — сказала она, не оборачиваясь. — Они используют синий камень.

Из тени выступила другая женщина — высокая, стройная, с холодными фиолетовыми глазами.

— Мы знаем. Мы следили за ними.

— Это опасно, — сказала женщина с лицом мамы. — Каждый раз, когда они используют его, он становится слабее.

— Тогда мы должны помочь им, — усмехнулась вторая. — Направить их.

Женщина с лицом мамы повернулась, и её фиолетовые глаза сверкнули в темноте.

— Да. Мы направим их. Они приведут нас к синему камню.

За окном завыл ветер, и ночной Централ погрузился в тишину. Охота продолжалась. Но теперь у нас было оружие против неё — письма отца и знание, что мы делаем это ради тех, кто дорог нам.

Часть 12. В поезде

Поезд мерно стучал колёсами, унося нас всё дальше от Централа. Наше следующее задание лежало в Йоусвелле, городе угольной пыли. Но мысли мои были заняты другим — письмами отца и тайной синего камня. Каждый стук колёс приближал нас к разгадке — или к новой опасности.

— Брат, — сказал Ал, сидя напротив меня. — Ты думаешь, мы сможем сделать что-нибудь до того, как камень иссякнет?

Я достал из кармана синий камень. Двадцать шесть миллиметров. Он всё ещё светился мягким синим светом, но трещинка на его поверхности стала глубже. Он напоминал мне о том, что время уходит, что каждый день приближает нас к моменту, когда мы должны будем сделать выбор.

— Мы должны, — ответил я. — Иначе всё, что мы сделали, будет напрасным.

Винри, сидевшая рядом со мной, положила руку на моё плечо. Её прикосновение было тёплым и уверенным.

— Мы справимся, Эд. Мы всегда справлялись.

Я улыбнулся ей, чувствуя тепло её руки. Может быть, она была права. Может быть, мы действительно могли изменить мир. Мы уже изменили его для семьи Такера. Мы изменили его для мамы. И мы изменим его для всех, кто в этом нуждается.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в новое приключение. Путь к правде продолжался. И мы были готовы идти по нему до конца.

Я сжал в кармане письма отца и посмотрел в окно. Впереди нас ждал Йоусвелл — город угольной пыли, где, по слухам, скрывались новые тайны. Я не знал, что мы там найдём. Но я знал, что мы не остановимся, пока не узнаем правду.

Глава 6. Философский камень

Часть 1. Дождь и размышления

Два дня прошло с тех пор, как мы покинули особняк Такера. Дождь лил не переставая, превращая улицы Централа в мутные реки. Серые струи хлестали по мостовой, разбиваясь о камни, и даже фонари казались размытыми пятнами в этой промозглой мгле. Я стоял под козырьком штаба, глядя, как вода стекает по моей куртке, смешиваясь с холодом, который пробирал до костей. Но холод снаружи был ничем по сравнению с тем, что творилось у меня внутри.

Мысли метались в голове как безумные. Семья Такера спасена — Нина и Александр живы, Элеонора вернулась к человеческому облику. Но Шрам ушёл. Он ворвался в дом, он угрожал убить их, и я не мог позволить этому повториться. Я вспоминал его взгляд, когда он смотрел на Элеонору — смесь ненависти и отвращения. Он видел в ней чудовище.

Он видел чудовище в каждом из нас, в каждом алхимике.
В кармане лежали письма отца. Я перечитал их уже несколько раз, но каждый раз находил что-то новое — намёки на исследования, которых я не понимал, ссылки на работы, которые, возможно, хранились в архивах Централа. Отец писал о чистой трансмутации, о камне, который может обойти закон эквивалентного обмена. Он искал альтернативу Философскому камню. И теперь я должен был понять, что именно он нашёл.
— Эд, — раздался голос Ала за моей спиной. — Ты уже час стоишь здесь. Промокнешь до нитки.
— Мне всё равно, — ответил я, не оборачиваясь.
Ал подошёл ближе и встал рядом, глядя на дождь. Я чувствовал его присутствие — тёплое, надёжное, как всегда. Брат был моим главным якорем в этом бушующем море.
— Ты думаешь о Шраме, — сказал он не вопросом, а утверждением.
— А ты нет? — я резко повернулся к нему. — Он ворвался в дом, он хотел убить Нину и Элеонору. Если бы мы не успели, если бы Мустанг не появился...
— Но мы успели, — тихо сказал Ал. — Они живы. И мы найдём Шрама. Но не сейчас, брат. Мы не знаем, где он. Нам нужно больше информации.
Я отвернулся. Брат был прав. Но эта правота не делала меня спокойнее. Я сжал кулаки, чувствуя, как сталь фальшивой руки впивается в ладонь — боль от этого была привычной, почти успокаивающей. Я не мог позволить себе забыть, что ношу эту маскировку не для собственного удовольствия, а чтобы защитить маму. Каждое моё движение, каждое слово должно было убеждать окружающих в том, что я — калека. Винри сделала всё возможное, чтобы протезы выглядели убедительно, но я знал, что одна ошибка может всё разрушить.
— Я знаю, — сказал я глухо. — Но я не могу сидеть сложа руки, когда он где-то там, свободный.

— Мы найдём его, — повторил Ал. — Но сначала нам нужно понять, что он ищет. Почему он охотится на алхимиков.
— Он ищет Философский камень, — сказал я. — Он считает, что это орудие зла, и хочет уничтожить его вместе с теми, кто его создаёт.
— Тогда нам нужно найти его первыми.
Я посмотрел на дождь и почувствовал, как внутри закипает новое чувство — не гнев, а холодная решимость. Вода стекала по моему лицу, смешиваясь с потом и усталостью, но я не чувствовал холода. Только огонь внутри, который подстёгивал меня двигаться вперёд.
— Ты прав. Мы найдём его первыми. — Я глубоко вздохнул и оторвался от перил. — Пойдём. Нам нужно вернуться в штаб. Я хочу поговорить с Мустангом.
— О чём? — спросил Ал.
— О том, что мы нашли в библиотеке Такера. О Философском камне.
Мы пошли по мокрой мостовой, и дождь снова начал моросить. Централ был огромен и холоден, но мы с братом знали: у нас есть цель, и мы продолжим идти по следу отца, несмотря ни на что.

Часть 2. Приказ Мустанга

На следующее утро меня вызвали в кабинет Мустанга. Я вошёл, хмурый и невыспавшийся, и застал полковника за разбором бумаг. Он сидел за своим массивным столом, окружённый горами документов, и выглядел уставшим — но его глаза оставались острыми, как лезвия бритвы.
— Элрик, — сказал Мустанг, даже не поднимая головы. — Ты назначен ответственным за систематизацию исследований Такера.
— Что?! — я чуть не подскочил на месте. — Ты хотите, чтобы я копался в бумагах этого человека?
— Его исследования — собственность государства, — сухо ответил Мустанг, наконец поднимая взгляд. — Теперь, когда он под надзором, мы должны разобрать его архив. Кто-то должен это сделать.

— Но я не хочу! — воскликнул я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — У меня есть другие дела! Мне нужно найти Шрама, мне нужно понять, что такое синий камень!
— Ты Государственный алхимик, — Мустанг произнес это с ледяным спокойствием. — Ты делаешь то, что приказывают.
Я стиснул зубы. Полковник был прав, и это бесило меня ещё больше. Я хотел возразить, но слова застряли в горле. Вместо этого я глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.
— Хорошо, — сказал я сквозь зубы. — Я сделаю это. Но я хочу кое-что спросить.
— Спрашивай.
— Что ты знаешь о Философском камне?
Мустанг замер. Его лицо стало непроницаемым, но я заметил, как дрогнула его рука, лежащая на столе.
— Это легенда, — ответил полковник после паузы. — Никто не видел его. Говорят, он может обойти закон эквивалентного обмена, но это лишь сказки для наивных.
— Но он существует, — сказал я, чувствуя, как внутри закипает азарт. — Отец верил в это. И Такер тоже. Я нашёл его записи.
Мустанг помолчал, глядя на меня с выражением, которое трудно было прочитать — смесь уважения, тревоги и чего-то ещё, похожего на сожаление.
— Если Философский камень существует, — сказал он наконец, — он опасен. Он может уничтожить всё, что мы знаем. Поэтому я советую тебе забыть о нём.
— Я не могу, — ответил я. — Это может помочь мне понять, как работает синий камень. А синий камень — это ключ к защите тех, кого я люблю.
Мустанг вздохнул, откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок, словно собираясь с мыслями.
— Делай, что хочешь, — сказал он, возвращая взгляд мне в глаза. — Но будь осторожен. Если ты найдёшь Философский камень… не пытайся использовать его.

Это не принесёт ничего хорошего. Я видел, что он делает с людьми.
Я вышел из кабинета, чувствуя, как внутри закипает новая решимость. Мустанг не сказал всего, но я знал: полковник боится этого камня. И это только укрепляло моё желание во всём разобраться.
Библиотека Такера была опечатана. Военные солдаты стояли у входа, но меня пропустили по приказу Мустанга. Я вошёл в кабинет, где пахло пылью и старой бумагой — запах, который я помнил с детства, когда мы с Алом перерывали книги отца. Всё было перевёрнуто вверх дном — после ареста Такера здесь уже поработали следователи.
Я сел за стол и начал перебирать бумаги. Отчёты, чертежи, схемы трансмутационных кругов. И вдруг мои пальцы наткнулись на папку с пометкой: *«Философский камень — теория»*.
— Ал, — позвал я. — Иди сюда.
Ал подошёл и заглянул через мое плечо.
— Что это?
— Такер писал об этом. Философский камень. Он упоминается в отцовских записях. Отец искал его, но, судя по всему, не нашёл.
Я пролистал страницы, останавливаясь на особо интересных местах. На полях папки тянулись сложные, непонятные формулы — расчёты редких металлов, пропорции каких-то неизвестных мне химических катализаторов и энергетических вспышек. Из чего именно создаётся это легендарное вещество, здесь не было написано ни слова, лишь общие абстрактные теории.
— Судя по заметкам отца, он считал Философский камень мифом, — продолжил я. — Или, по крайней мере, думал, что цена за этот обход закона эквивалентного обмена слишком высока. Но какая именно цена — тут не указано.
— Звучит как опасная тайна, — сказал Ал.
— Возможно, — я захлопнул папку. — Но отец верил, что существует нечто иное — чистый источник

энергии. Наш синий камень. Они могут быть как-то связаны. Если Философский камень — это какая-то тёмная сторона алхимии, то синий камень — его светлая альтернатива. Мы обязаны выяснить это, Ал. Мы возьмём папку с собой. А пока нужно решить, что делать со Шрамом.

Часть 3. Решение уйти

Я вышел из библиотеки с тяжёлым сердцем. Философский камень — ещё одна загадка, ещё один поворот на пути, который становился всё запутаннее. Мы с братом искали ответы, а находили лишь новые вопросы. Но теперь у нас была цель — узнать правду, какой бы скрытой она ни была.

Я отправился в штаб, чтобы найти Мустанга. Мне нужно было отвлечься, сделать что-то, чтобы не сойти с ума от мыслей о Шраме, который мог вернуться в любой момент.

— Полковник, — сказал я, входя в его кабинет. — Я хочу участвовать в поиске того, кто напал на семью Такера.

Мустанг поднял бровь.

— Ты имеешь в виду Шрама?

— Да. Он угрожал им. Он может вернуться. Я хочу найти его и остановить.

Мустанг помолчал, глядя на меня испытующе. Его взгляд был тяжёлым, как свинец.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но есть условие.

— Какое?

— Ты должен временно сложить свои полномочия Государственного алхимика для этого расследования.

Я замер. Слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как сталь.

— Что?

— Ты слышал, — сказал Мустанг. — Если ты хочешь заниматься этим делом как частное лицо — я не могу тебе запретить. Но если ты хочешь использовать ресурсы армии — ты должен быть послушным солдатом. А солдаты подчиняются приказам. Сейчас твой приказ — разбирать бумаги Такера. Если ты

хочешь охотиться на Шрама вне рамок этого задания, ты должен делать это сам, сдав часы.
Я решительно снял с груди серебряные часы и положил их на стол. Металл звякнул о дерево, и этот звук показался мне оглушительным.
— Я ухожу.
Мустанг не удивился. Он просто кивнул, словно ожидал этого.
— Как хочешь.
Я вышел из кабинета, чувствуя, как внутри всё кипит. На улице меня ждал брат.
— Брат? — Ал посмотрел на мою пустую грудь. — Ты...
— Я ушёл, — сказал я, стараясь говорить спокойно, но голос дрожал. — Я не хочу быть псом военных, когда на кону безопасность людей. Я хочу найти Шрама и защитить тех, кто нуждается в помощи. И я сделаю это сам.
— Эд, — Ал положил руку мне на плечо. — Я тоже хочу найти его. Но ты не должен делать это один.
Я в смятении оттолкнул его руку.
— Оставь меня, Ал. Мне нужно подумать.
Я ушёл в дождь, не обернувшись. Вода хлестала по лицу, смешиваясь со слезами злости, которые я не мог сдержать. Я чувствовал себя потерянным, но в то же время — свободным.

Часть 4. Блуждания по городу

Я бродил по городу несколько часов. Дождь наконец стих, и солнце пробивалось сквозь облака, освещая мокрые улицы. Я сидел на скамейке в парке, глядя на прохожих. Каждый из них жил своей жизнью, не зная о той тени, что нависла над Централом. Дети смеялись, женщины несли сумки с продуктами, мужчины спешили на работу — и всё это казалось мне нереальным, словно сцена из чужого фильма.
Я достал из кармана письма отца и перечитал их снова. Тот писал о чистой энергии, о лазурном катализаторе, который мог бы обойти закон эквивалентного обмена. Он искал альтернативу Философскому камню — что-то, что не требовало бы

жертв. Но он не успел завершить свою работу. Он оставил нам синий камень и надежду, что мы сможем сделать то, что не смог он.
— Ты — алхимик, — раздался голос за моей спиной.
Я резко обернулся. Передо мной стоял тот самый человек из библиотеки — с татуировками на руке. Шрам. Он был бледен, но в его сканирующих глазах горела та же холодная решимость, что и в прошлый раз.
— Ты кто? — спросил я, вставая и готовясь к бою. Моя фальшивая рука издала предупредительный скрежет, но я знал, что под ней скрывается настоящая плоть.
— Я тот, кто знает, что такое алхимия на самом деле, — ответил Шрам, и в его сильном голосе не было прямой угрозы, только усталая мудрость. — Ты Государственный алхимик?
— Нет, — сказал я. — Я сдал часы.
Шрам внимательно посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло удивление.
— Ты выглядишь так, словно потерял что-то важное.
— Я пытаюсь защитить людей от таких, как ты, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я чувствовал.
— Ты ошибаешься, — ответил Шрам. — Я не убиваю невинных. Я уничтожаю мерзость, созданную алхимией, и одновременно ищу своего брата, который пропал много лет назад. Я охочусь на тех, кто играет с жизнью и смертью, потому что, возможно, они знают, что с ним случилось. И я вижу, что ты — не такой, как другие. Ты ищешь правду, а не власть.
Шрам развернулся, собираясь уйти, но я окликнул его:
— Зачем ты пришёл? Зачем ты сказал мне это?
Она остановился, не оборачиваясь.
— Потому что я хочу, чтобы ты знал: я не враг тебе, пока ты не встанешь на путь зла. Но если ты

попытаешься остановить меня на моем пути правосудия, я не буду колебаться.
Он исчез в переулке, оставив меня одного. Я смотрел ему вслед, чувствуя, как внутри закипает смесь гнева и недоумения. Преследовать его сейчас было бессмысленно — я не знал, куда он идёт, и был слишком вымотан.
Я вернулся к штабу и сел на ступеньки. Ал нашёл меня через час.
— Брат, — сказал он, садясь рядом. — Я говорил с Хьюзом. Он сказал, что в городе неспокойно. Кто-то грабит лаборатории, крадёт алхимические материалы.
— Это Шрам, — сказал я. — Он ищет Философский камень, чтобы уничтожить его. Или, возможно, информацию о брате.
— В любом случае, мы должны быть осторожными, — ответил Ал.
Я кивнул.
— Я знаю.
Мы сидели в тишине, глядя на заходящее солнце. Оно пробивалось сквозь облака, окрашивая небо в золотистые и багровые тона.
— Ал, — сказал я наконец. — Я не могу просто сидеть и ждать. Я должен что-то делать.
— Тогда мы будем делать это вместе, — ответил мой брат, и его голос был полон решимости.

Часть 5. Винри в опасности

Тем временем, пока мы с братом сидели у штаба, на вокзал Централа прибыл поезд из Ризенбурга.
Винри Рокбелл вышла из вагона, поправляя сумку на плече. Её длинные светлые волосы были заплетены в хвост, а на лице сияла улыбка. Она приехала проведать нас и заодно проверить, как держатся мои фальшивые протезы. Она скучала по нам — по нашим спорам, упрямству и той железной решимости, которая двигала нами.
— Надеюсь, они не слишком заняты, — пробормотала она, оглядывая огромный вокзал.

Она вышла на улицу и направилась к штабу. Но по пути её внимание привлёк большой фургон с надписью *«Мясная лавка Барри — свежее мясо каждый день»*. Из него доносился запах реактивов и сырости, а на боку красовалась яркая реклама. Винри остановилась, разглядывая фургон с профессиональным любопытством механика.
— Интересно, как устроена система охлаждения в таких машинах? — пробормотала она, подступая ближе.
Из фургона вышла девушка в переднике — невысокая, с острыми чертами лица и цепким взглядом. Ну, то есть Винри тогда *подумала*, что это девушка.
— Хотите посмотреть? — спросила она писклявым, фальшивым голосом и улыбнулась. — У нас лучшие мясные изделия в Централе!
— Я механик, — ответила Винри. — Мне просто интересно, как работает холодильное оборудование.
— Проходите, — «продавщица» распахнула дверцу фургона. — Я всё покажу.
Винри без задней мысли шагнула внутрь. Там было темно и очень холодно. С потолка свисали туши мяса, и воздух пах сыростью и сталью. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок — что-то было не так.
— Где же холодильный агрегат? — спросила Винри, оглядываясь.
Дверца фургона захлопнулась с гулким металлическим лязгом.
— Он здесь, — раздался голос за её спиной, но теперь он стал низким, хриплым и мужским. — Но он тебе больше не понадобится.
Винри обернулась и в ужасе отшатнулась. Этот псих прямо при ней сорвал с головы парик, отбросил его в сторону вместе с девичьим передником и выхватил огромный тесак.
— Ты слишком любопытная, девочка, — усмехнулся Барри. — Но не волнуйся. Ты мне пригодишься. Я хочу, чтобы твой дружок Эдвард знал, что я могу

добраться до его близких. Прежняя обида на алхимиков должна быть утолена.
Винри закричала, но фургон уже тронулся с места, заглушая её крик рёвом мощного мотора.

Часть 6. По следу

Я стоял на перекрёстке недалеко от парка, не зная, куда идти. Я уже собирался повернуть обратно к штабу, чтобы найти Ала, когда заметил на мостовой маленький блестящий предмет, застрявший между камнями.
Я нагнулся и поднял его. Это был винт — маленький, аккуратный, с идеальной резьбой.
— Винри… — прошептал я.
Я лихорадочно посмотрел вперёд. На мокром асфальте отчетливо видны были следы колёс — большие, широкие, от грузового фургона. Они вели прямо к старым складам на окраине.
Я со всех ног побежал по следу, на ходу выкрикивая имя брата. Ал услышал меня и мгновенно присоединился к погоне.
Лавка-склад стояла на самой окраине города, в тени старых зданий. Вывеска гласила: *«Мясная лавка Барри — свежее мясо каждый день»*. Мы с братом подошли к двери и прислушались. Стояла тишина, нарушаемая лишь каплями воды, падающими с ржавой крыши.
Я толкнул дверь. Она была не заперта.
Внутри пахло кровью и сырым мясом. Повсюду висели туши, на столах лежали разделочные доски и огромные ножи. В углу стоял тот самый фургон. Я увидел, что передняя дверца приоткрыта, и внутри мелькнула тень.
— Винри! — крикнул я, не сдерживая эмоций. — Ты здесь?!
Ответа не последовало. Я шагнул вглубь лавки, и вдруг что-то тяжёлое сзади обрушилось мне на голову. Удар — и мир для меня на мгновение померк.

Часть 7. Плен

Я очнулся привязанным к стулу в глубине разделочного цеха. Голова раскалывалась, а руки были скованы цепями. Я дёрнулся — бесполезно. Но я заметил, что мой фальшивый протез всё ещё на месте — Барри не тронул его, приняв за настоящий железный протез.
— Очнулся, малыш? — раздался издевательский голос из темноты.
Из тени вышел мужчина. Крупный, с бычьей шеей и мясистым лицом. На нём был заляпанный кровью передник, а в руке он держал огромный мясницкий нож.
— Кто ты? — спросил я, пытаясь освободиться, но цепи держали намертво.
— Меня зовут Барри, — усмехнулся тот, выходя на свет и поигрывая своим тесаком. — Но друзья называют меня Барри Мясник. Хотя… у меня нет друзей. Все они стали материалом.
— Где Винри? — закричал я, наплевав на его пафосные бредни, потому что паника за неё уже сжимала мне горло.
— Твоя подружка? — Барри кивнул в сторону угла. — Она там. Жива. Пока что.
Я повернулся и увидел Винри — этот ублюдок приковал её цепями к массивной балке. Её глаза были расширены от страха, но она не плакала. Она была сильной — я всегда знал это. Она смотрела на меня с тревогой, но держалась мужественно.
— Эд! — крикнула она. — Берегись, он безумен!
— Не волнуйся, — сказал Барри, поигрывая ножом. — Я просто хочу, чтобы люди боялись. Чтобы они знали, что есть кто-то, кто может прийти за ними в любой момент. Я коллекционирую страх, понимаешь? Алхимики думают, что они боги, но перед моим клинком вы все одинаково беззащитны.
— Ты просто трусливый псих, — ответил я.
— Может быть, — усмехнулся Барри. — Но я — псих, который умеет делать больно.

Он подошёл к Винри и провёл тупой стороной ножа по её щеке. Я зарычал, яростно дёрнувшись в цепях:
— Не смей трогать её!
— А то что? — Барри рассмеялся. — Ты привязан. Ты беспомощен. Даже твоя железная рука тебе не поможет.
Он не знал, что моя рука фальшивая и под ней скрывается живая плоть. Он решил, что это настоящий протез, и не стал его снимать. Это было его главной ошибкой.
— Винри! — крикнул я, ловя момент, когда Барри отвернулся. — Ты можешь дотянуться до зажима на моем каркасе?
— Что? — она взглянула на меня с непониманием.
— Там фиксатор! Если ты вытащишь штифт, я смогу освободить руку от пластины!
Винри мгновенно всё поняла. Она начала медленно, сантиметр за сантиметром тянуться ко мне, пока Барри ходил по комнате, наслаждаясь своей мнимой властью и рассуждая о величии страха.
Винри дотянулась до моего фиксатора и точным движением вытащила штифт. Я, изогнувшись, освободил свою настоящую левую руку. Быстрым движением я начертил на удерживающей меня цепи алхимический круг декомпозиции.
— Что ты там делаешь? — Барри заметил движение, его голос стал тревожным.
Я закончил круг. У меня была свободна только одна рука, но этого было достаточно.
— Хлопок, — прошептал я.
Я соединил пальцы, и цепь, которой я был прикован, вспыхнула голубым светом, распавшись на куски с металлическим звоном.
— Что за... — Барри бросился ко мне, но я уже был свободен.
Я вскочил и точным ударом ноги в грудь отбросил маньяка к стене. Тот выронил нож. Я подбежал к Винри и, использовав алхимию, чтобы перестроить структуру замка, освободил её.

— Беги на улицу, зови Ала! — крикнул я.
Винри выбежала из лавки, а я повернулся к Барри. Тот уже поднялся, его лицо исказилось от ярости.
— Ты заплатишь за это, мелкий ублюдок! — зарычал он, хватая запасной нож со стола.
Он бросился на меня, и я едва успел уклониться. Остриё ножа прошло в миллиметре от лица. Я отскочил, схватил со стола толстую разделочную доску и использовал её как щит. Удар ножа расколол доску, но я точным перехватом выбил оружие из его руки.
— Сдавайся, Барри! Твоя игра окончена! — крикнул я.
— Никогда! — заревел маньяк.
Он бросился врукопашную, но я был быстрее. Я перехватил его руку с ножом и со всей силы впечатал его лицом в грязный пол, заламывая руку за спину. Он хрипел и дёргался под моим весом, но вырваться из хватки уже не мог.
— Ах ты жалкий, трусливый лжец! — рявкнул я, фиксируя его на полу и припоминая ему весь этот маскарад. — Ты пугаешь людей, распускаешь слухи и наряжаешься в бабское тряпьё, потому что сам боишься до смерти! Ты ведь никого ещё не убил, а про «материал» просто наврал, чтобы казаться страшнее! Но ты безумен, раз всерьёз планировал начать резать людей под этой своей дебильной маской. И это делает тебя ничуть не лучше настоящего мясника!
В этот момент в лавку ворвался Альфонс, а за ним — вызванные Винри военные патрульные. Солдаты грубо встряхнули Барри, рванули его вверх и защёлкнули на его запястьях тяжелые армейские наручники. Он всё ещё что-то безумно орал про месть и про то, что «он вернётся», но его крики быстро затихли, когда его швырнули в кузов конвойного фургона.
Я опустился на деревянный ящик, чувствуя, как дрожат руки от перенапряжения. Ал подбежал ко мне, его лицо выражало крайнее облегчение.

— Брат! Слава Богу, вы целы! Я обыскал весь квартал, пока Винри не позвала патруль.
— Да, — сказал я, пытаясь унять дрожь и ухмыляясь. — Мы в порядке.
— Эд! — Винри бросилась ко мне и крепко обняла. — Ты спас меня. Спасибо.
— Я просто защищал своего механика, — ответил я, обнимая её в ответ. — Кто же ещё будет чинить этот каркас, если не ты?

Часть 8. Возвращение

Позже мы сидели в комнате отдыха Главного штаба. Винри пила горячий чай, я сидел рядом, всё ещё восстанавливая силы. Её руки слегка дрожали, но она мужественно улыбалась.
— Эд, — сказал Винри, ставя чашку на стол. — Почему ты так легко сдал свои часы Мустангу?
Я вздохнул, потирая затекшее плечо.
— Я думал, что смогу найти Шрама и решить все проблемы, если буду действовать сам, как свободный человек. Но я ошибся. Мир оказался сложнее. Этот Барри… он ведь просто подражатель. Но Хьюз проверил рапорты: у Барри есть железное алиби на ночь нападения на Такера.
Ал подсел к нам, подтверждая мои слова:
— Я говорил с Хьюзом. Барри официально под арестом. Никаких реальных жертв за ним не числится, он никого не убил. Но за подготовку к преступлению, нападение и похищение суд впаяет ему ровно один год тюремного заключения и крупный штраф. Пусть посидит в одиночке этот год, раз уж так сильно не любит людей. Но Шрам — это кто-то другой, и он всё ещё на свободе в этом городе.
— Да, — кивнул я. — Но это ещё не все новости. Пока я копался в библиотеке Такера, я нашёл его скрытые записи по теории Философского камня. Он и наш отец переписывались об этом. Такер верил, что этот камень существует и может обойти закон эквивалентного обмена. Но цена его создания окутана тайной. В этих набросках лишь общие фразы

про колоссальные объёмы энергии. Из чего именно он состоит — мы пока не знаем.
Винри посмотрела на меня с тревогой.
— Эд, это звучит опасно. Какая бы тайна там ни была скрыта.
— Я знаю, — ответил я, и в моих глазах загорелась та самая холодная, упрямая решимость. — Отец искал альтернативу — чистый источник энергии. Возможно, это и есть наш синий камень. Они связаны. Если Философский камень — это какая-то тёмная сторона, то синий камень — его светлая альтернатива. И я обязан найти его формулу. Ради мамы. Ради нас всех.
— Тогда я с вами, — твёрдо сказала Винри. — Кто-то же должен присматривать за твоей фальшивой автоброней, пока вы ищете свои лазурные ответы.
Я искренне улыбнулся ей.

Часть 9. Возвращение в армию

На следующее утро я вернулся в кабинет Мустанга. Я стоял перед его столом, чувствуя, как внутри всё сжимается от гордости, но я знал, что поступаю правильно. Без ресурсов военной машины и доступа к секретным архивам Централа нам с Алом не найти формулу синего камня.
— Полковник, — сказал я, прямо глядя на Мустанга. — Я хочу вернуться.
Мустанг поднял на меня глаза. Его лицо было непроницаемым, но в уголках губ играла едва заметная понимающая улыбка.
— Ты уверен, Элрик? Ты ведь так громко хлопал дверью два дня назад.
— Я понял, что совершил глупость, — честно признался я. — Мне нужна поддержка армии и доступ к секретным библиотекам, чтобы продолжить исследования отца, найти чистый путь и защитить людей от тех, кто хочет использовать алхимию во зло.
Мустанг молча кивнул, открыл ящик стола и протянул мне серебряные часы на цепочке.

— Добро пожаловать обратно, Стальной алхимик. Твоё расследование по делу Такера официально возобновлено. Но помни: ты подчиняешься моим приказам.
— Разумеется, полковник, — я перехватил часы, чувствуя их приятную, привычную тяжесть.
Мы с Алом и Винри вышли из штабного крыла на улицы Централа. Солнце наконец-то пробилось сквозь тучи, освещая мостовую.
— Ну что, Стальной, — Винри шутливо толкнула меня в плечо. — Куда теперь?
— Мустанг готовит для нас новое назначение, — ответил я, сжимая часы в ладони. — Наш следующий шаг — Йоусвелл, город угольной пыли. По слухам, там скрываются следы древней алхимии. Мы найдём ответы, Ал. Обязательно найдём.
Ал улыбнулся и кивнул. Мы с братом и наш верный механик были готовы продолжить свой путь к истине, несмотря на любые опасности, что ждали нас впереди.

Глава 7. Йоусвелл – город угольной пыли

Часть 1. Новое задание
Утро в Централе встретило нас ярким солнцем, которое пробивалось сквозь остатки вчерашних туч. Мы только что вернулись из штаба, где я получил своё первое официальное задание после возвращения в армию. Ал ждал меня на улице, и я чувствовал, как внутри закипает предвкушение. Наконец-то мы могли заняться чем-то реальным, а не просто разбирать бумаги Такера.
Мы встретились с Алом у штаба. Он стоял с картой в руках, его серьёзные глаза внимательно изучали маршрут.
— Брат! — воскликнул Ал, увидев меня. — Я нашёл Йоусвелл на карте. Это на востоке, недалеко от границы с Ксельсесом. Мустанг сказал, что там

проблемы с добычей — коррупция и недовольство рабочих.
— Йоусвелл, — повторил я, вглядываясь в карту. — Угольные шахты. Место, где люди работают в аду, а начальство купается в роскоши. Знакомо.
— А ещё он сказал, что тамошний комендант, лейтенант Йоки, не очень любит проверяющих, — добавил Ал. — По слухам, он держит весь город в страхе и забирает почти всё, что зарабатывают шахтёры.
— Тем лучше, — усмехнулся я. — Если он думает, что сможет запугать Государственного алхимика, он ошибается. Мне не впервой иметь дело с такими типами.
В письмах Такера упоминалось, что в этом регионе могли быть следы синего камня. Я вздохнул и посмотрел на небо. Нас было трое — я, Ал и наши Синие Камни. Этого достаточно, чтобы справиться с неожиданностями. Но я знал, что каждый из нас может пострадать, и это пугало меня больше, чем я готов был признать.

Часть 2. Дорога в Йоусвелл

Поезд до Йоусвелла шёл несколько часов. За окном проплывали бескрайние зелёные поля, сменявшиеся выжженными пустошами. Я сидел у окна, глядя на убегающие пейзажи, и думал о том, что нас ждёт. Синий камень лежал в кармане — тёплый, пульсирующий, как живое сердце. Двадцать шесть миллиметров. После превращения Элеоноры он стал меньше, и это беспокоило меня больше, чем я готов был признать. Каждое использование приближало нас к моменту, когда камень может иссякнуть, а мы всё ещё не знали, как его восполнить.
Я сжал в кармане письма отца. Такер отдал их мне перед отъездом, и я перечитал их уже несколько раз. В них отец упоминал о регионе Йоусвелла как о месте, где могли находиться следы древней алхимии. Я не знал, что именно он искал, но надеялся, что мы найдём хоть какую-то зацепку.

— Брат, — сказал Ал, прерывая мои мысли. — Ты думаешь, Йоусвелл действительно так плох, как говорят?
— Мустанг сказал, что там проблемы с добычей, — ответил я. — Но он не уточнил, какие именно. Может, коррупция. Может, что-то более серьёзное. Но я чувствую, что это не просто бюрократия.
Когда повозка замедлила ход на въезде в поселение, возница объявил:
— Прибыли. Йоусвелл.
Мы вышли и сразу почувствовали разницу с Централом. Город встретил нас холодным, пронизывающим ветром и запахом угольной пыли. Она оседала на одежде, на лице, проникала в лёгкие. Высокие горы породы, низкие дома, покрытые сажей, и редкие прохожие, которые смотрели на нас с подозрением. Всё вокруг было серым, словно сам город погрузился в вечную тень.
Мы двинулись по главной улице. Люди прятались в дверях, закрывали окна, когда мы проходили мимо. Они знали, что алхимики приносят беду. И, глядя на них, я понимал, почему они так боятся.
— Нам нужно найти место, где можно остановиться, — сказал Ал. — И узнать, что здесь происходит.
— Есть только одна гостиница, — ответил я. — На окраине. Надеюсь, нас там примут.

Часть 3. Гостиница Халлинга

Гостиница стояла на окраине города — обшарпанное здание с облупившейся краской и покосившейся вывеской. Внутри было тепло, но воздух всё равно казался тяжёлым. За стойкой стоял высокий мужчина с седыми волосами и серьёзным лицом. Его звали Халлинг.
— Нам нужна комната, — сказал я, доставая документы.
Халлинг посмотрел на меня, потом на мою фальшивую руку, и его лицо окаменело. Он окинул нас взглядом, в котором читалась смесь страха и ненависти.

— Вы — Государственный алхимик? — спросил он, и в его главном тоне послышалась сталь.
— Да, — ответил я, не понимая его реакции. — Я здесь с проверкой шахт.
Халлинг медленно обошёл стойку, подошёл ко мне вплотную и, не говоря ни слова, схватил за шиворот и вышвырнул на улицу. Я пропахал носом грязную мостовую, фальшивое колено заклинило, и я с трудом поднялся, чувствуя, как внутри закипает ярость.
— Убирайтесь! — закричал он, стоя на пороге. — Нам не нужны собаки военных! Вы приносите только беды! Сначала Йоки, теперь вы! Убирайтесь, пока я не позвал стражу!
— Халлинг, мы не враги! — крикнул Ал, пытаясь успокоить его через приоткрытую дверь.
— Все вы враги! — заорал трактирщик. — Убирайтесь!
Я хотел ответить, но Ал схватил меня за плечо.
— Брат, успокойся. Он просто напуган. Он потерял всё из-за военных, и теперь он видит в нас угрозу.
— Напуган? — переспросил я, потирая ушибленное колено. — Он меня вышвырнул! Я мог бы превратить его гостиницу в груду камней!
— Я знаю, — сказал Ал. — Но дай мне поговорить с ним.
Ал подошёл к двери и что-то тихо сказал Халлингу. Я не слышал слов, но видел, как лицо трактирщика смягчилось. Он кивнул и впустил Ала внутри. Через некоторое время Ал вышел ко мне. Его лицо было мрачным.
— Брат, я узнал кое-что. Халлинг рассказал, что Йоки забирает почти всё, что они зарабатывают. Люди едва сводят концы с концами. Многие умирают от голода и болезней, а Йоки только смеётся над ними. Он заставляет их платить непомерные налоги, и, если они не платят — угрожает тюрьмой или отправкой в шахты. Деньги уходят на его особняк и на взятки военным. Он купил всех, кто мог бы ему помешать.
— Я так и думал, — сказал я, стиснув зубы. — Но что мы можем сделать? Мы здесь одни, а у него целая

армия.
— Халлинг сказал, что у Йоки есть ассистентка — девушка-алхимик, — продолжил Ал. — Она помогает ему держать людей в страхе. Если мы сможем переубедить её или найти способ обойти её алхимию, у нас будет шанс.
— Значит, у нас есть цель, — сказал я. — Найти эту ассистентку и понять, что здесь происходит.
Мы отошли за угол и стали наблюдать за гостиницей, ожидая развития событий.

Часть 4. Лейтенант Йоки и его ассистентка

Ждать пришлось недолго. Через полчаса к гостинице подъехал роскошный экипаж. Из него вышел толстый мужчина в военной форме с надменным выражением лица и маленькими, хитрыми глазами. Рядом с ним шла молодая девушка в чёрном платье. На её шее висел изящный кулон в виде звезды с маленьким синим камнем в центре. Я заметил на нём едва различимый алхимический круг.
— Это Йоки, — прошептал Ал. — А девушка — Лайла. Она алхимик. Она выглядит несчастной. У неё глаза человека, который делает то, что ненавидит. Похоже, она не совсем по своей воле здесь.
— Возможно, Йоки держит её какими-то обязательствами, — сказал я. — Или у неё есть свои причины.
Йоки вошел в гостиницу, и через мгновение мы услышали его визгливый голос:
— Халлинг! Время платить налоги! Ты думал, что сможешь спрятаться?
Халлинг вышел из-за стойки, бледный, но с достоинством.
— Лейтенант, мы уже заплатили на этой неделе. У нас больше нет денег. Мои дети голодают, шахтёры работают за гроши, а вы требуете ещё.
— Этого недостаточно! — рявкнул Йоки. — Твои налоги выросли. Или ты платишь, или я закрываю твою гостиницу и отправляю тебя в шахты. Там ты быстро поймёшь, что такое настоящая работа!

— Это несправедливо! — закричал один из шахтёров, бывших в зале. — Ты грабишь нас! Мы работаем день и ночь, а ты забираешь всё! У нас нет даже на хлеб!
Шахтёр бросился на Йоки, но Лайла шагнула вперёд. Её кулон блеснул, и она выставила ладонь. Воздух перед ней сжался, и шахтёр отлетел к стене, упав без сознания.
— Кто-нибудь ещё хочет попробовать? — спросила Лайла холодно, но я заметил, как дрожат её пальцы. Она сжимала кулон, словно ища в нём опору. Она не хотела этого делать — это было видно по её глазам.
Йоки улыбнулся, довольный эффектом.
— Вот так. А теперь, Халлинг, плати.
Из задней комнаты выбежал мальчик лет двенадцати — чумазый, с растрёпанными волосами и большими зелёными глазами. Его звали Кайл.
— Не трогайте моего отца! — закричал он. — Мы заплатили всё, что могли! У нас ничего не осталось! Мама больна, а вы забираете последнее!
Йоки посмотрел на него с отвращением.
— Ещё один? Уберите его. Отправьте в шахты, пусть поработает. Может быть, там он научится уважать старших.
Солдат занёс руку, чтобы схватить мальчика, но я выскочил из укрытия и перехватил его запястье.
— Стоять! — крикнул я, сжимая его руку так, что он взвыл. — Не смей трогать ребёнка!
Йоки обернулся, и его глаза расширились, когда он увидел мою фальшивую руку и серебряные часы.
— Вы… вы Государственный алхимик?
— Эдвард Элрик, — сказал я, отпуская солдата. — Стальной алхимик. Я здесь, чтобы проверить шахты. И я вижу, что здесь творится.
Йоки мгновенно переменился. Его надменная ухмылка сменилась подобострастной улыбкой.
— Ах, Стальной алхимик! Прошу прощения, я не знал, что вы уже прибыли! Проходите, проходите в мой особняк! Я с удовольствием приглашаю вас на ужин! У меня есть отличное вино и лучшие повара.

Я посмотрел на Халлинга, потом на мальчика, который смотрел на меня с надеждой. Я знал, что должен войти в доверие к Йоки, чтобы собрать официальные улики.
— Хорошо, — сказал я. — Я приду. Но не думайте, что я позволю вам продолжать в том же духе. Я буду следить за каждым вашим шагом.
— Конечно, конечно! — засуетился Йоки. — Всё объясню! Это просто недоразумение!

Часть 5. Особняк Йоки

Особняк Йоки был роскошным — единственным зданием в городе, не выглядевшим убого. Золотые канделябры, мраморные полы, дорогие картины — всё это кричало о том, что здесь живёт человек, который не знает нужды. Меня провели в столовую, где стол ломился от яств. Йоки усадил меня на почётное место и начал говорить без умолку, расхваливая свои «успехи». Я слушал вполуха, наблюдая за Лайлой. Она стояла рядом с его креслом, потупив взгляд.
— Это моя ассистентка, Лайла, — сказал Йоки. — Талантливый алхимик. Без неё я бы не справился.
Я посмотрел на неё. Вблизи она была очень изящной — тонкие черты лица, большие глаза фиолетового цвета. Её кулон слегка покачивался при каждом движении.
— Лайла мечтает стать Государственным алхимиком, — продолжал Йоки. — Не правда ли, Лайла?
Она послушно кивнула, не поднимая глаз:
— Да, лейтенант.
— Это замечательно, — сказал я. — Но, чтобы стать Государственным алхимиком, нужно не только уметь использовать алхимию. Нужно понимать, что такое эквивалентный обмен. И что за всё нужно платить.
Лайла подняла на меня глаза, и в них мелькнула искра любопытства.
— Эквивалентный обмен… — повторила она. — Я слышала об этом. Но я не до конца понимаю, как это применимо к жизни.

— Это просто, — сказал я. — Чтобы получить что-то, нужно отдать что-то равной ценности. Это закон алхимии и закон жизни. Ты отдаёшь свой талант Йоки, но что получаешь взамен? Ты помогаешь ему угнетать людей. Ты разрушаешь их жизни. Это ли та цена, которую ты хочешь платить за его обещания?
Она задумалась, неосознанно поглаживая кулон. Йоки, видя, что разговор уходит в опасную сторону, поспешно вмешался:
— Эдвард Элрик! Я слышал, вы гениальный алхимик! Уверен, ваша проверка пройдёт отлично. Но, может быть, вы могли бы… немного смягчить отчёт? В обмен на… — он достал тяжелый мешочек с золотыми монетами. — …небольшой подарок.
Я посмотрел на золото. В нём было то, что притягивало взгляд эгоистичных людей, но я знал, что это грязь.
— Вы пытаетесь меня подкупить?
— Я бы сказал, это… взаимовыгодный обмен, — улыбнулся Йоки. — Вы делаете хороший отчёт, а я даю вам вознаграждение.
Я взял мешочек, взвесил его в руке, затем демонстративно отбросил на стол.
— Я подумаю, — сказал я, пряча руки в карманы. — Но не надейтесь, что я закрою глаза на ваши преступления.

Часть 6. Пожар

Ночью я не спал. Я лежал в роскошной комнате, которую предоставил мне Йоки, и думал о том, как вывести его на чистую воду. Внезапно я услышал гул и крики с улицы. Я подошёл к окну и увидел багровое зарево — горела гостиница Халлинга.
Я выбежал из особняка. Когда я добежал до места, здание уже было частично объято пламенем. Рядом на мостовой стояла фигура в чёрном платье — Лайла. Её кулон ярко светился, и она выставляла ладони, создавая направленные воздушные волны, которые сбивали пламя и… намеренно обрушивали горящие балки наружу, не давая огню уйти вглубь комнат, где

спали люди. Она пыталась саботировать приказ Йоки сжечь всех заживо.
— Ал! — закричал я. — Вытаскивай людей!
Ал уже был там. Он ворвался в задымленный холл и вынес на руках Кайла. Мальчик был испуган, но полностью цел.
Я подбежал к обрушившейся стене, используя алхимию, чтобы сдвинуть тяжёлые горящие балки. Моя фальшивая автоброня скрежетала, но под ней послушно работали живые мышцы. Халлинг и его семья были спасены.
Я повернулся к Лайле, которая опустила руки. Её кулон медленно затухал.
— Йоки приказал тебе сжечь их, — сказал я, тяжело дыша. — Но ты меняла воздушные потоки, чтобы спасти людей.
Лайла опустила голову, по её щеке стекла слеза, смешанная с копотью.
— Он угрожал, что если я не сделаю этого, он уничтожит мою семью в Централе. У меня не было выбора. Но я не могла позволить им умереть...
Часть 7. Утро после пожара
На следующее утро Кайл подошёл ко мне, когда я стоял у дымящихся руин.
— Эдвард, — сказал он, глядя с надеждой. — Ты же алхимик. Ты можешь превратить уголь в золото? Мы станем богатыми и сможем дать отпор Йоки!
Я покачал головой.
— Не могу, Кайл. Это запрещено. И даже если бы я сделал это, Йоки всё равно забрал бы всё налогами. Но я могу вернуть вам ваш дом.
Я подошёл к обломкам и соединил ладони. Лазурная вспышка Синего Камня озарила площадь — и камни, доски и балки сами поднялись в воздух, очищаясь от гари и собираясь в прежнем порядке. Мой дар Врат позволял видеть структуру материи, восстанавливая её без чертежей. Через несколько минут гостиница стояла как новая.
Халлинг и Лайла смотрели на это с открытыми ртами.

— Это... невероятно, — прошептал трактирщик. — Вы вернули мне дом.
— Эквивалентный обмен, — сказал я Йоки, который как раз прибежал на площадь вместе со стражей. — Я восстановил гостиницу, а все жители Йоусвелла теперь официально подтвердят министерству твои должностные преступления. Твой арест — это лишь вопрос часов.
Йоки в панике попытался приказать солдатам схватить нас, но патрульные, увидев серебряные часы Государственного алхимика и собравшуюся грозную толпу шахтёров, просто опустили винтовки. Йоки был взят под стражу.

Часть 8. Становление Лиры

Лайла стояла у края площади, глядя на восстановленный дом. В руках она держала свой кулон — целый, но теперь кажущийся ей чужим. Она смотрела на него с глубокой внутренней болью.
Я подошёл к ней.
— И что ты будешь делать теперь?
Она посмотрела на меня, и в её больших фиолетовых глазах впервые мелькнула чистая, осознанная надежда.
— Я не знаю, Эдвард. Я всегда слепо делала то, что говорил Йоки, ради безопасности близких. Теперь он арестован, и у меня нет прежних оков. Но у меня больше нет и пути.
— У тебя есть путь, — сказал я, ласково потрепав её по плечу. — Ты хотела стать Государственным алхимиком. Ты невероятно талантлива, твоя воздушная алхимия спасла этих людей ночью. Ты можешь использовать свой дар во благо, помогая тем, кто в этом нуждается. Начни всё сначала.
Лайла долго смотрела на свой кулон, а затем решительным движением сорвала его с шеи и протянула мне на ладони.
— Лайла... это имя навсегда связано с моим позорным прошлым и службой Йоки, — тихо, но очень твёрдо произнесла она. — Я хочу оставить его здесь, в этой

угольной пыли. Отныне я хочу носить имя **Лира**. Оно звучит как начало чего-то чистого. Как надежда.
— Отличный выбор, Лира, — открыто улыбнулся я, принимая кулон как символ её освобождения. — Оно тебе очень подходит.
Ал подошел к нам и тепло улыбнулся девушке:
— Лира. Красивое имя. Добро пожаловать к нам.
Она впервые по-настоящему, лучезарно просияла:
— Спасибо, Альфонс. Спасибо, Эдвард.

Часть 9. Финал в Йоусвелле

Позже на площади жители праздновали освобождение от тирании Йоки. Халлинг крепко пожал мне руку:
— Я был неправ, когда вышвырнул тебя. Ты не такой, как другие военные собаки. Спасибо.
— Не благодарите меня, — сказал я. — Благодарите Кайла и Лиру, которая не дала огню поглотить вас.
Мы направились на вокзал. Теперь нас было трое. Поезд тронулся, и я смотрел в окно на удаляющийся Йоусвелл. Мы оставили там свободу, но впереди нас ждал Лиор — город, где, по слухам, скрывались тайны философского камня.
Лира села напротив Ала, и я заметил, как они увлечённо начали обсуждать теорию воздушных потоков. Между ними зарождалось что-то очень тёплое и настоящее. В моём кармане лежал Синий Камень, и я точно знал: наша лазурная команда стала сильнее, и теперь Лира пройдёт этот путь вместе с нами до самого конца.

Глава 8. Город фальшивых чудес

Часть 1. Прибытие в Лиор

Поезд, на котором мы покинули Йоусвелл, нёс нас на восток, прочь от города угольной пыли и людского отчаяния. За окном мелькали унылые, выжженные солнцем пустоши, сменявшиеся редкими зелёными

островками деревень. Я сидел, откинувшись на спинку сиденья, и чувствовал, как ноет правое плечо — фальшивый экзоскелет, хоть и сидел удобнее прежнего, всё равно напоминал о себе при каждом движении. Металл есть металл, и я уже смирился с тем, что эта броня — моя вторая кожа, пока мы не раскроем тайну синего камня.

В Йоусвелле мы оставили надежду. Мы восстановили гостиницу, дали людям возможность бороться с Йоки и показали Лире, что даже после самых тёмных поступков можно найти искупление. Но вопросов у нас оставалось больше, чем ответов. Философский камень, синий камень — всё это было связано нитями, которые вели к отцу. И теперь, когда мы ехали в Лиор, я чувствовал, что мы приближаемся к чему-то важному.

— Брат, ты уверен, что нам стоит ехать именно в Лиор? — спросил Ал, сидевший напротив. Он вертел в руках карту, которую мы купили на станции перед отъездом. — Там говорят о чудесах, но это может быть просто очередной обман, как в Йоусвелле.

— Там говорят о чудесах, Ал, — ответил я, вытаскивая из кармана блокнот отца. — Корнелло — местный священник — якобы творит чудеса руками. Воскрешает мёртвых, исцеляет больных. Если это правда, то это может быть связано с философским камнем. Или хотя бы с синим камнем.

— Или просто алхимия, — заметила Лира, сидевшая рядом с Алом. Её чёрные волосы были собраны в аккуратный хвост, а серьёзные глаза уже не казались мне чужими. На шее у неё висел простой серебряный кружок без камня — тот самый кулон, который она

купила в Йоусвелле, чтобы заменить старый. Она носила его как символ своей новой жизни, начала, свободного от прошлого. — Но если он использует что-то похожее на твой синий камень, мы должны это проверить. В Йоусвелле я видела, как коррупция и ложь разрушают людей. Здесь может быть то же самое.

— Именно, — кивнул я. — Нам нужно понять, как работает его «магия». Может быть, это ключ к тому, чтобы понять, что искал отец. И если Корнелло замешан в чём-то более серьёзном, чем просто обман, мы должны остановить его.

Ал посмотрел на меня, и я заметил, как он сжал кулаки. Он знал, что мы идём на риск, но он был готов. Мы оба были готовы.

— Лира права, — сказал Ал. — Мы должны помочь людям, если можем. Мы не можем пройти мимо, когда кто-то страдает.

Я усмехнулся и посмотрел в окно. Вдали уже виднелись шпили города. Лиор приближался, и я чувствовал, как внутри закипает напряжение. Мы не знали, что нас ждёт, но мы были готовы.

Часть 2. Встреча с Корнелло

Лиор встретил нас оглушительным грохотом фейерверков. Прямо на перроне взрывались разноцветные петарды, дети бегали с бумажными флагами, на которых было нарисовано солнце с лучами, а воздух был наполнен запахом сладкой ваты и радостными криками. Город праздновал день бога Лето.

— Какой-то странный энтузиазм, — заметила Лира, поправляя свой новый кулон. — Словно все в трансе. Как будто их загипнотизировали.

— Веди себя осторожнее, — сказал я, оглядываясь. — Мы здесь не для развлечений. Здесь явно что-то нечисто. После Йоусвелла я уже знаю, как выглядят города, которые держат в страхе.

Мы двинулись по главной улице. Везде висели портреты Корнелло — улыбающегося мужчины с блестящей лысиной и пронзительным взглядом. Рядом с ним изображался бог Лето — солнце с человеческим лицом.

— Похоже, у них тут культ личности, — заметила Лира, разглядывая один из плакатов. — И этот Корнелло — его центр. Люди молятся на него, а не на бога.

— Мы должны найти его и выяснить, что он делает, — сказал я. — Если он использует философский камень, даже несовершенный, это может быть связано с тем, что ищет отец.

Мы зашли в небольшую придорожную закусочную, чтобы перекусить. Внутри стоял старый радиоприёмник, из которого доносился голос Корнелло, монотонно вещающий о величии бога Лето. Я попытался опереться на стойку левой рукой, но из-за затекшей ноги покачнулся и случайно задел аппарат. Он с грохотом упал на пол, разлетевшись на куски.

— Вы что творите?! — испуганно вскрикнул хозяин заведения.

— Ой, извините! — Ал мгновенно бросился вперёд. Мой брат, привыкший к точной работе, соединил ладони и коснулся обломков. Короткая вспышка — и радиоприёмник в ту же секунду собрался воедино, как ни в чём не бывало. Из динамика снова раздался голос Корнелло, продолжающий прерванную речь.

Окружающие посетители ошарашенно зашептались. Кто-то выдохнул:

— Это же чудо! Он коснулся, и всё восстановилось!

— Нет, — сказала Лира, решительно выступая вперёд. — Это наука. Алхимия. Это не божественное вмешательство, а знание. Ваш Корнелло использует те же приёмы, но называет их чудесами.

Но её слова потонули в восхищённых возгласах. Люди не хотели слушать — они хотели верить.

Из толпы зевак к нам подошла молодая девушка. У неё была смуглая кожа, большие и глубокие глаза, в которых сейчас читалась скорбная, но фанатичная вера. Длинные, прямые тёмно-каштановые, почти чёрные волосы густым водопадом спадали на спину, а пышная, ярко-розовая чёлка несколькими прядями задорно торчала вверх и закрывала лоб. Одета она была в простое летнее платье-сарафан нежно-кремового оттенка на тонких бретельках, длиной чуть ниже колен. На ногах — открытые тёмно-бордовые шлепанцы-сандалии, а на левом запястье красовался аккуратный синий браслет. Её звали Роза.

— Вы тоже можете творить чудеса, как отец Корнелло? — спросила она, переводя взгляд с Ала на меня.

— Вообще-то, Государственный Алхимик — это я! — возмущённо рявкнул я, демонстративно вытаскивая из кармана серебряные часы. Фальшивая рука зловеще лязгнула, выпустив струю пара.

Роза улыбнулась, но в её глазах была тоска — та самая тоска, которую я видел у людей, потерявших надежду.

— Я слышала, что вы можете помочь. Мой жених, Кейн… он погиб год назад. Отец Корнелло обещал воскресить его, если я буду верить и усердно трудиться во имя бога Лето. Я уже год работаю, молюсь, жертвую последние деньги, но Кейн не возвращается.

Я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Её голос дрожал, когда она говорила о Кейне, и я видел, как сильно она надеется. Она была похожа на нас, когда мы пытались воскресить маму — такая же отчаянная вера в невозможное.

— Роза, — сказал я как можно мягче. — Я знаю кое-что об алхимии. Воскресить мёртвого невозможно. Корнелло обманывает тебя. Он использует твою веру и твои деньги.

— Ты не знаешь отца Корнелло! — вспыхнула она. — Он — святой! Он исцеляет больных, он возвращает зрение слепым! Я видела это своими глазами! Ты просто не веришь, потому что ты алхимик, а не верующий!

Она развернулась и убежала, оставив нас в тяжёлом молчании.

Лира положила руку мне на плечо.

— Она не поверит нам, пока не увидит правду сама, — сказала она. — Мы должны найти доказательства. Мы должны показать ей, что Корнелло обманщик.

— Я знаю, — ответил я. — Нам нужно попасть на проповедь Корнелло. Увидеть его «чудеса» своими глазами. И если там замешаны гомункулы, как в Йоусвелле, мы должны быть готовы.

Часть 3. Проповедь

Главный собор Лиора был забит до отказа. Люди стояли в проходах, на коленях, с воздетыми руками. На возвышении восседал грузный мужчина с блестящей лысиной и маленькими безумными глазами — отец Корнелло. На его правом пальце тускло поблёскивал багровый камень — пульсирующий, живой, но какой-то нездоровый, словно он вот-вот должен был рассыпаться. На его плече сидел небольшой зелёный попугай, который время от времени повторял: «Слава Лето!» — и это создавало дополнительный эффект божественного присутствия.

— Верьте, и бог Лето благословит вас! — провозгласил он и лёгким взмахом руки превратил разбитый кувшин в идеально целый, сверкающий золотом. Толпа ахнула. Следом он подозвал к себе калеку, и, прикоснувшись к его ноге, сделал так, что тот встал и пошёл. Это было зрелище, от которого у многих на глазах выступили слёзы.

— Это обычная алхимия, — прошептал я Алу. — Но он использует камень, чтобы игнорировать закон эквивалентного обмена. Он не отдаёт ничего взамен, он просто черпает энергию из камня.

— Камень на его пальце, — добавила Лира, вглядываясь. — Он похож на тот, что был у Йоки? Возможно, это и есть философский камень.

— Слишком яркий и нестабильный, — ответил я. — Скорее всего, подделка. Или несовершенная копия. Гомункулы могли дать ему такой камень для своих целей, как они дали его Йоки. Они используют его как пешку.

Корнелло заметил нас. Его глаза сузились, и я увидел, как в них мелькнула тревога.

— Кто эти неверующие? — громко спросил он, указывая на нас пальцем. — Вы пришли осквернить святое место? Вы пришли посеять сомнения в сердцах верующих?

Толпа загудела, оборачиваясь. Корнелло поднял руку, и его камень вспыхнул багровым светом. Посох в его руке превратился в тяжёлый пулемёт, и он открыл огонь поверх голов.

— Выходим! — крикнул я.

Мы бросились к выходу, но на пути выросла каменная стена. Я соединил ладони и припечатал левую руку к стене, превратив её в дверь. Мы выскочили на улицу и нырнули в переулок.

— Он нас заметил, — тяжело дыша, сказала Лира. — Теперь он будет искать. Он не позволит нам раскрыть его тайну.

— Значит, мы должны действовать быстрее, — ответил я. — Сегодня ночью мы проберёмся в его кабинет и найдём улики. У нас нет другого выхода.

— Я с вами, — сказала Лира, сжимая свой серебряный кулон. — Моя воздушная алхимия может помочь открыть замки. И я знаю, как обмануть охрану — я видела, как это делал Йоки.

Ал кивнул.

— Тогда у нас есть план. Мы проникаем в собор ночью, находим кабинет Корнелло, ищем доказательства его обмана.

Часть 4. Ночное проникновение

Ночь выдалась тёмной и тихой. Собор охранялся всего несколькими сонными стражниками. Лира использовала свою воздушную алхимию, чтобы открыть замок на задней двери — лёгкий хлопок, и засов бесшумно отодвинулся. Ал следил за коридорами, прислушиваясь к каждому шороху.

Мы нашли кабинет Корнелло. Я начал перебирать бумаги на столе, а Ал обыскивал шкафы. Лира стояла на страже у двери, прислушиваясь к шагам в коридоре. Вдруг я услышал странный звук — тихое, хриплое бормотание, доносившееся из-за занавески в углу комнаты. Это был не голос человека, но в нём было что-то знакомое.

— Что это? — прошептал Ал.

Я медленно отодвинул занавеску. За ней, в просторной клетке, сидел крупный белый попугай с ярко-жёлтым хохолком и чёрными, умными глазами. Он был заметно больше обычного попугая — примерно с крупную ворону или небольшого ястреба, — но его размеры не достигали человеческих. Он

сидел на жёрдочке и повторял одно и то же слово, которое разрывало мне сердце:

— Роза... Роза... Роза...

— Это создание... — прошептала Лира, прижимая руку к губам. — Оно повторяет её имя. Корнелло использовал души Кейна?

— Нет, — сказал я, чувствуя, как внутри закипает гнев. — Это просто химера. Белый попугай, созданный с помощью алхимии. Корнелло научил его говорить голосом Кейна. Он обещает вернуть близких, а взамен показывает им таких птиц, которые повторяют их имена. Это хуже, чем в Йоусвелле — там хотя бы не играли с надеждами людей.

— Это ужасно, — прошептала Лира. — Он заставляет людей верить, что их любимые вернулись, а сам просто... использует птицу.

В этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Роза. Её глаза расширились от ужаса, когда она увидела белого попугая. Её лицо, обрамлённое розовой чёлкой, побледнело, и она прижала руку к груди, словно пытаясь унять бешено бьющееся сердце.

— Это... это Кейн? — прошептала она, и её голос дрогнул. — Он обещал мне, что Кейн вернётся... Он сказал, что я увижу его...

— Нет, Роза, — сказал я, подходя к ней. — Это не Кейн. Это просто крупный белый попугай, которого Корнелло создал с помощью алхимии. Он не воскресил его. Он создал эту птицу, чтобы

обманывать тебя и других. Он питается твоей верой и твоими деньгами.

Роза покачнулась. Ал подхватил её под руку.

— Он обещал мне... — прошептала она. — Он сказал, что Кейн вернётся, если я буду верить... Я столько молилась, столько жертвовала...

— Он обманул тебя, — сказала Лира мягко, положив руку на плечо Розы. — Но теперь ты знаешь правду. Ты можешь начать новую жизнь. Я знаю, как это трудно — осознать, что тебя использовали. Но ты справишься.

Роза опустилась на колени перед клеткой. Белый попугай смотрел на неё своими чёрными, умными глазами и продолжал повторять:

— Роза... Роза... Роза...

— Это не Кейн, — прошептала она. — Я знаю. Но почему... почему он говорит его голосом?

— Потому что Корнелло научил его, — сказал я. — Он использовал записи голоса Кейна, его слова, всё, что мог найти. Он создал иллюзию, чтобы ты продолжала верить.

Внезапно за нашими спинами раздался голос:

— Любопытные мальчики. И девочка.

Мы обернулись. В дверях стояли Похоть и Обжорство. Похоть улыбнулась своей холодной улыбкой, и я снова увидел тот же фиолетовый свет в её глазах, что и в Йоусвелле.

— Вы не должны были видеть это, — сказала она. — Но раз уж вы здесь… Мы не можем позволить вам разрушить наш план.

— Вы — те самые гомункулы! — крикнул я, выбрасывая вперёд фальшивую руку. — Вы дали ему этот камень, как дали Йоки!

— Мы — те, кто дал Корнелло этот камень, — спокойно ответила Похоть. — Но он оказался слишком глуп. Он верит, что сможет править миром с помощью этой дешёвой подделки. Он не знает, что мы используем его. Как и Йоки. Как и всех остальных.

— Мы остановим вас, — сказала Лира, сжимая свой простой серебряный кулон. Она не использовала его для алхимии, но он давал ей силу — силу напоминать себе, кто она теперь.

Похоть рассмеялась, но в этот момент из коридора донёсся топот — это Корнелло, привлечённый шумом, спешил к нам. Гомункулы переглянулись.

— Нам пора, — сказала Похоть. — Наслаждайтесь своим триумфом, Стальной алхимик. Но помните: мы всегда рядом.

Они исчезли в тени, оставив нас наедине с ворвавшимся Корнелло.

— Вы! — закричал он, увидев белую птицу и Розу. — Вы разрушите всё! Вы погубите мою церковь!

Он вскинул руку с камнем, но я был быстрее. Я соединил ладони и создал каменный щит, который заблокировал его атаку. Корнелло выстрелил из пулемёта, но Лира создала воздушный барьер, который отразил пули.

— Ал, уводи Розу! — крикнул я.

Ал схватил Розу за руку и увлёк за собой вниз по лестнице. Я остался один с Корнелло. Зелёный попугай, который сидел у него на плече, взлетел с громким криком и заметался по комнате, создавая суматоху. Корнелло попытался отмахнуться от него, но птица вцепилась когтями в его рукав, мешая целиться.

— Ты не победишь меня! — кричал Корнелло, стреляя. — У меня есть философский камень! Я могу сделать всё, что захочу!

— Твой камень — фальшивка! — ответил я, уклоняясь от пуль. — Он вот-вот разлетится! Посмотри на него! Гомункулы дали тебе игрушку, а ты поверил, что стал богом!

Корнелло опустил взгляд на свою руку — камень начал покрываться мелкими трещинами. Он в ужасе закричал и бросился на меня. Я увернулся и побежал на колокольню, где меня ждали Ал и Лира с подготовленным планом.

— Быстро, Ал! — крикнул я. — Подключай колокол к системе громкоговорителей!

Ал уже возился с проводами, подсоединяя микрофон к колокольному усилителю. Лира прикрывала нас, создавая воздушные барьеры от пуль, которыми Корнелло поливал колокольню. Внизу на площади собралась толпа, привлечённая шумом.

Корнелло, запыхавшись, взбежал по лестнице. Зелёный попугай всё ещё висел на его плече, отчаянно хлопая крыльями.

— Ты думал, что сможешь меня перехитрить, мальчишка? — взревел он, наводя пулемёт на меня. — Я уничтожу вас всех! Я сотру вас в порошок!

Я нагло ухмыльнулся.

— Ты уже сам себя уничтожил.

Я нажал кнопку микрофона, и голос Корнелло, записанный во время его хвастовства в подземелье, разнёсся из динамиков на площади:

— ...Глупые, доверчивые пешки! Я сделаю их своей армией и захвачу мир! Они поверят в любое чудо, которое я им покажу! Они заплатят мне за всё!

Толпа замерла. Люди смотрели на колокольню с недоверием и гневом.

— Это ложь! — закричал Корнелло, бросаясь к микрофону. — Они подставили меня! Это вражеская провокация!

Но было поздно. Люди начали кричать: «Лжец!», «Обманщик!», «Верни наши деньги!». Корнелло в бешенстве вскинул руку с камнем и превратил каменные статуи богов на площади в огромных големов.

— Смотрите! Вот оно, моё истинное чудо! — заорал он. — Я бог! Я создаю жизнь!

Големы двинулись вперёд, сотрясая землю.

Я шагнул к краю колокольни и хлопнул в ладоши. Синяя вспышка озарила площадь. Я соединил свои руки с землёй, и из неё поднялась колоссальная статуя бога Лето — точная копия той, что стояла в

соборе, но созданная мной с помощью дара Врат Истины. Она перехватила контроль над големами и заставила их застыть.

Корнелло в ужасе попятился. Он попытался активировать камень, но тот с глухим звоном рассыпался в пыль.

— Нет! — закричал Корнелло, падая на колени. — Нет! Мой камень! Всё, что я построил!

Он упал на колени, глядя на свою пустую руку. Толпа смотрела на него с презрением. Кто-то крикнул:

— Лжец!

— Обманщик!

— Сжечь его!

Корнелло попытался убежать, но люди окружили его. Я спустился с колокольни и поднял руку, останавливая толпу.

— Не убивайте его, — сказал я. — Пусть он работает на благо Лиора — строит дороги, ухаживает за больными. Это будет его искуплением. И он выплатит компенсацию всем, кого обманул. Он будет жить и помнить о своей вине.

Жители загудели, но постепенно успокоились. Корнелло сидел на коленях, опустив голову.

— Я согласен, — прошептал он. — Я буду работать. Я искуплю свою вину. Я выплачу компенсацию каждому, кого обманул. Я построю дороги, отремонтирую дома. Я сделаю всё, чтобы загладить свою вину.

Толпа медленно расходилась. Роза стояла в стороне, глядя на нас. В её глазах блестели слёзы. Её розовая чёлка прилипла к влажному лбу, а руки дрожали.

— Кейн… — прошептала она. — Он действительно мёртв? Мне больше не на что надеяться?

Я посмотрел на неё, и в этот момент заметил, что на столе Корнелло лежит стопка писем. Я подошёл и взял одно из них.

— Роза, — сказал я, читая письмо. — Твой Кейн жив. Он в больнице в Централе. Он потерял память после аварии, но он жив. Корнелло знал об этом — он получал письма из больницы, но скрывал это от тебя. Он хотел, чтобы ты продолжала верить и платить.

Роза подняла на меня глаза, и в них блеснула надежда.

— Правда? Ты не шутишь?

— Правда, — подтвердила Лира, подходя к ней и мягко касаясь её плеча. — Ты можешь поехать к нему. Он ждёт тебя. Я знаю, как это важно — верить, что любимый человек жив. И когда ты найдёшь его, вы сможете начать всё сначала.

Роза закрыла лицо руками и разрыдалась, но это были слёзы облегчения.

— Как он выжил? — прошептала она. — Я думала, он умер… Я столько плакала…

— Он потерял память после аварии, — сказал я. — Но он жив. Корнелло получал письма из больницы и скрывал это от тебя. Теперь ты знаешь правду.

— Спасибо вам, — прошептала она. — Спасибо, что вернули мне надежду.

Часть 5. Прощание с Лиором

На следующее утро мы стояли на краю города, глядя на уходящее солнце. Роза стояла рядом с нами, на её лице впервые за долгое время сияла улыбка. Она поправила свою розовую чёлку и посмотрела на нас с благодарностью.

— Спасибо вам, — сказала она. — Спасибо, что вернули мне надежду. Я поеду в Централ и найду Кейна. Я верю, что мы сможем начать всё сначала.

— Береги себя, Роза, — сказал я. — И когда Кейн вернётся — скажи ему, что он счастливчик. Что у него есть такая верная девушка.

Мы направились к выходу из города. Лира шла рядом с Алом, и я заметил, как она незаметно коснулась его руки.

— Ты хорошо держалась, — сказал Ал, улыбнувшись ей.

— Я училась у лучших, — ответила она, и в её глазах блеснула искорка. — Вы научили меня, что правда важнее страха.

Я шёл чуть позади, глядя на них. Мы сделали это. Мы помогли людям. Мы дали им надежду.

В тени собора стояли Похоть и Обжорство. Похоть смотрела на нас с холодной усмешкой.

— Они разрушили наш план, — прошептал Обжорство. — Корнелло был нашим козырем.

— Неважно, — ответила Похоть. — Этот город был просто приманкой. Настоящие искатели камня теперь на крючке. Мы проследим за ними. Они приведут нас к синему камню.

Она развернулась и исчезла в тени вместе со своим спутником.

Мы шли по дороге, оставляя Лиор позади. Город начинал новую жизнь, а мы продолжали свой путь.

— Брат, — сказал Ал, когда мы отошли на достаточное расстояние. — Ты думаешь, Корнелло действительно сможет искупить свою вину?

— Он получил шанс, — ответил я. — Всё зависит от него. Но я надеюсь, что он воспользуется им. Тяжёлая работа и осознание своей вины могут изменить человека. Мы видели это в Йоусвелле. Мы видели это с Лирой.

— А Роза? — спросила Лира. — Ты думаешь, она сможет найти Кейна?

— Она сильная, — сказал я. — Она справится. Она прошла через обман и нашла в себе силы жить дальше. Это уже победа.

Я коснулся кармана, где лежал синий камень. Двадцать шесть миллиметров. Мы не использовали его в Лиоре — я экономил его для действительно важного. Но трещинка на его поверхности стала чуть заметнее. Я чувствовал, что время уходит, и мы должны найти способ сделать новый камень, пока этот не иссяк.

— Вперёд, — сказал я, глядя на горизонт. — Нас ждут новые ответы. Письма отца указывают на восток.

Говорят, там есть город, который уходит под воду. Акуройя. Может быть, там мы найдём то, что ищем.

Мы двинулись дальше, оставляя Лиор позади. Солнце садилось, окрашивая небо в золотистые и багровые тона. Я смотрел на дорогу, уходящую за горизонт, и чувствовал, как внутри закипает решимость. Мы не нашли философский камень, но мы помогли людям. И это было не менее важно.

Часть 6. Тень в Лиоре

Когда наши фигуры скрылись за поворотом, Похоть и Обжорство вышли из тени собора. Похоть смотрела на дорогу, по которой мы ушли, и на её лице играла холодная улыбка.

— Они ищут философский камень, — сказала она. — Это может быть полезно.

— Мы будем следить за ними? — спросил Обжорство.

— Да, — ответила Похоть. — Они приведут нас к тому, что нам нужно. А когда они найдут секрет камня… мы заберём его.

Она повернулась и исчезла в тени, оставляя Лиор позади.

Часть 7. В поезде

Поезд мерно стучал колёсами, унося нас всё дальше от Лиора. Я сидел у окна и смотрел на убегающие поля. Ал и Лира сидели напротив, их руки были переплетены. Я смотрел на них и чувствовал, что мы на верном пути. Мы искали правду, и мы находили её в каждом городе, в каждом лице, в каждой истории.

— Брат, — сказал Ал, поворачиваясь ко мне. — Ты думаешь, мы правильно поступили? Мы оставили Корнелло живым.

— Он получил шанс, — ответил я. — И если он действительно хочет измениться, он сможет. Тяжёлая работа и выплата компенсаций — это будет его искуплением. Мы не имеем права убивать, даже таких, как он.

— А Роза? — спросила Лира. — Её Кейн действительно жив?

— Да, — сказал я. — Я проверил через Хьюза. Он в больнице в Централе. Потерял память, но жив. Она сможет найти его. Я дал ей адрес.

Лира улыбнулась.

— Это хорошо. Она заслужила счастье. Она слишком долго жила во лжи.

Я смотрел в окно на убегающие поля и думал о том, что нас ждёт впереди. Мы не нашли ответов о синем камне в Лиоре, но мы помогли людям. Мы сделали правильный выбор.

Я достал из кармана синий камень. Двадцать шесть миллиметров. Трещинка стала глубже, но он всё ещё светился.

Поезд нёсся вперёд, унося нас на восток, к Акуройе — городу, который, по слухам, медленно уходил под воду. Я чувствовал, что там нас ждут новые открытия и новые опасности. Но мы были готовы.

Ал и Лира сидели напротив, их руки были переплетены. Я смотрел на них и чувствовал, что мы

на верном пути. Мы искали правду, и мы находили её в каждом городе, в каждом лице, в каждой истории.

Глава 9. Акуройя — город, уходящий под воду

Часть 1. Прибытие в Акуройю

После Лиора мы взяли курс на восток. Поезд медленно тащился через бескрайние пустынные степи, и я чувствовал, как усталость накапливается в каждом суставе. Фальшивый экзоскелет натирал плечо, но я старался не подавать виду. Синий камень в кармане тихо пульсировал. Мы всё ещё не знали, как его восполнить, и это грызло меня изнутри. Каждое использование отцовского кристалла уменьшало его массу, и я понимал, что рано или поздно нам придётся найти способ восстановить его энергию, иначе мы потеряем единственный ключ к защите мамы.

За окном мелькали унылые, выжженные солнцем пустоши, сменявшиеся редкими зелёными островками деревень. Я сидел, откинувшись на спинку сиденья, и чувствовал, как ноет правое плечо — фальшивый экзоскелет, хоть и сидел удобнее прежнего после ремонта Винри, всё равно напоминал о себе при каждом движении. Винри подогнала его перед отъездом, но металл есть металл, и я уже смирился с тем, что эта броня — моя вторая кожа, пока мы не раскроем тайну синего камня.

Винри сидела рядом со мной, перелистывая книгу по механике, которую купила в Йоусвелле. Она была погружена в чтение, но я знал, что она следит за каждым моим движением. Её присутствие

успокаивало меня. Она была частью нашей команды, и я был рад, что она с нами. В Йоусвелле она помогла нам с ремонтом оборудования, и я знал, что её навыки могут пригодиться в любом городе.

— Брат, следующий город — Акуройя, — сказал Ал, сверяясь с картой. Его голубые глаза внимательно пробегали по строкам, а золотистые волосы слегка растрепались от ветра, врывавшегося в приоткрытое окно. — Говорят, это город на воде. Каналы вместо улиц, гондолы вместо экипажей. Звучит как место, где можно отдохнуть.

— Звучит романтично, — заметила Лира, сидевшая рядом с Алом. Её ровное чёрное каре было аккуратно приглажено, а фиолетовые глаза с любопытством рассматривали проплывающий за окном пейзаж. За время совместных странствий она стала не просто попутчицей, а близким другом. Её присутствие успокаивало Ала, и я замечал, как он становится мягче, когда она рядом. — Я всегда хотела увидеть город, где дома отражаются в воде. Это, наверное, красиво.

— Только не говори, что мы будем там отдыхать, — проворчал я, поправляя воротник. — У нас нет времени на прогулки. Нам нужно найти способ восполнить энергию камня, а не любоваться каналами.

— А кто сказал про отдых? — усмехнулась Лира, поворачиваясь ко мне. — Мы всегда можем найти полезное дело. Например, узнать, почему город тонет. Я читала в библиотеке Такера заметки о подземных водах. Акуройя медленно уходит под

землю. Местные говорят, что через сто лет от города ничего не останется.

— Ты знаешь об этом? — удивился Ал, поворачиваясь к ней. В его глазах мелькнуло восхищение. — Ты всегда находишь что-то полезное в тех книгах.

— Я стараюсь, — ответила она, и её щёки слегка порозовели. — Когда ты рядом, мне легче сосредоточиться.

Я нахмурился. Это звучало как проблема, которая могла быть связана с алхимией. Если город тонет, возможно, кто-то использует подземные воды для экспериментов. Или, что ещё хуже, это может быть связано с философским камнем. Я вспомнил записи Марко, которые мы нашли в библиотеке, — он писал о том, как нестабильная алхимическая энергия может разрушать целые регионы, отравляя воду и почву. Акуройя могла быть ещё одним примером таких последствий.

— Мы должны проверить это, — сказал я. — Если вода уходит, возможно, это не природное явление. Помнишь, что писал Марко о том, как алхимия может влиять на подземные воды? Вдруг здесь то же самое?

— Ты думаешь, здесь кто-то использует алхимию для своих целей? — спросил Ал, и его голос стал серьёзным.

— Не знаю, — ответил я. — Но мы должны убедиться.

Винри оторвалась от книги и посмотрела на меня. Её глаза были внимательными, и я знал, что она уже оценивает возможные риски.

— Если там есть механизмы, я смогу их осмотреть, — сказала она. — И если это алхимия, я, возможно, смогу понять, как она работает.

Поезд замедлил ход, и проводник объявил:

— Следующая станция — Акуройя. Стоянка двадцать минут.

Мы вышли на перрон. Город встретил нас влажным, солёным ветром и запахом рыбы, водорослей и цветов. Акуройя действительно была прекрасна — изумрудные каналы, изящные мостики, дома с черепичными крышами, отражающиеся в воде. Вокруг сновали гондольеры, выкрикивая приветствия, и дети бегали по набережным, смеясь и играя. Но я заметил, что вода в каналах была мутной, а на стенах домов виднелись тёмные пятна — следы подтоплений.

— Красиво, — выдохнула Лира, оглядываясь по сторонам. — Но я чувствую какую-то тревогу. Слишком тихо для такого оживлённого места. И вода... она кажется грязной.

— Ты права, — сказал Ал, оглядываясь. — Я чувствую запах гнили. Что-то здесь не так.

Винри подошла к краю канала и присела на корточки. Она опустила руку в воду, затем поднесла пальцы к носу.

— Вода пахнет химикатами, — сказала она, нахмурившись. — Не просто гнилью. Здесь есть примеси. Что-то вроде промышленных отходов.

— Значит, кто-то сбрасывает что-то в каналы, — сказал я. — Это может быть связано с алхимией. Или

с чем-то более простым, например, с фабриками. Но мы должны проверить.

Мы направились в центр города, где находился штаб местной полиции. Нам нужно было официально зарегистрироваться как путешествующим государственным алхимикам. В участке нас встретил суровый детектив с усами и вечно хмурым лицом. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и курил дешёвую сигарету, не обращая на нас внимания.

— Ещё один алхимик? — проворчал он, глядя на мои серебряные часы. — Надеюсь, вы не будете устраивать беспорядки. У нас и так хватает проблем.

— Мы просто ищем информацию, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — О городе, о его проблемах. Мы слышали, что Акуройя тонет.

— Проблемах? — детектив усмехнулся, но в его глазах мелькнула тревога. — У нас одна проблема — Сайрен. Воровка-призрак, которая обчищает богачей. Вчера из особняка мэра пропал редкий синий алмаз. И, судя по всему, это снова она. Она оставляет записки, издевается над нами. Мы уже два месяца пытаемся её поймать, но она всегда уходит.

— Сайрен? — переспросила Лира, подходя ближе. — Я слышала о ней. Говорят, она оставляет записки с анонсами своих краж. И всегда выбирает только богатых.

— Именно, — кивнул детектив. — Она крадёт у богатых и, как говорят, помогает бедным. Но это не оправдывает воровство. Мы должны найти её.

— Может быть, стоит проверить больницу? — предложил Ал. — Говорят, там работает молодая медсестра, которая помогает бедным. Если Сайрен действительно помогает бедным, возможно, деньги уходят туда.

— Какая связь? — спросил детектив, скептически поднимая бровь.

— Воровка крадёт у богатых, а больница помогает бедным, — ответила Лира. — Возможно, деньги Сайрен уходят именно туда. Стоит проверить.

Детектив задумался, затем махнул рукой.

— Идите, проверьте. Но если вы ошибаетесь, я не буду тратить время на ваши фантазии.

Мы вышли из участка и направились в городскую больницу — невысокое здание с белыми колоннами, которое выглядело старым и обветшалым. Внутри пахло хлоркой, лекарствами и чем-то кислым. У стойки регистрации сидела женщина в белом халате, но наша цель была другой. Мы прошли в палату, где медсестра перевязывала раненого пациента.

Она была невысокой, с короткими светлыми волосами, которые были зачёсаны назад и спрятаны под чепец. Её лицо было бледным, но в нём чувствовалась какая-то внутренняя сила. На вид ей было около двадцати. Она работала быстро и аккуратно, но её движения были странно плавными, словно она привыкла двигаться бесшумно и незаметно.

— Простите, — обратился я к ней. — Мы ищем главного врача.

— Я могу помочь, — ответила она, поднимая на нас глаза. Её голос был мягким, но в нём звучала сталь. — Меня зовут Клара. Я медсестра. Главный врач сейчас занят, но я могу передать ему вашу просьбу.

— Клара? — переспросила Лира, внимательно глядя на неё. — Интересное имя. Вы давно работаете здесь?

— Около года, — ответила Клара, и в её взгляде мелькнула настороженность. — Я приехала сюда, чтобы помогать людям. Здесь много бедных, и они не могут позволить себе хорошее лечение.

Клара слегка улыбнулась, но я заметил, как её взгляд скользнул по моим фальшивым протезам и задержался на мгновение. Она явно знала, кто мы, или, по крайней мере, догадывалась.

— Если вы ищете информацию о городе, я могу рассказать, — сказала она, закончив перевязку. — Акуройя умирает. Вода поднимается, фундаменты гниют. Богачи уезжают, бедные остаются. Но мы держимся.

— И как вы держитесь? — спросил Ал, подходя ближе.

— Трудом и верой, — ответила Клара. — И помощью тех, кто не равнодушен. У нас есть несколько благотворителей, которые жертвуют деньги на лекарства и еду. Но их всё меньше.

Я заметил, что она говорит это с лёгкой горечью, словно знает, что помощи недостаточно.

Мы вышли из больницы, и Лира задумчиво посмотрела на меня.

— Она знает больше, чем говорит, — сказала она. — И её руки… они слишком ловкие для простой медсестры. Я заметила, как она двигалась — словно привыкла к быстрым, точным движениям.

— Ты думаешь, она и есть Сайрен? — спросил я.

— Возможно, — ответила Лира. — Но нам нужно доказательство.

— Тогда мы устроим засаду, — сказал Ал. — Если Сайрен планирует очередную кражу, мы сможем её поймать.

Винри, которая до этого молча осматривала механизмы в коридоре, подошла к нам.

— Я заметила кое-что, — сказала она. — В больнице есть подземный ход. Я видела люк в подсобке. Он ведёт в систему канализации. Если Сайрен — это Клара, она может использовать его, чтобы передвигаться незаметно.

— Отличное наблюдение, — сказал я. — Тогда у нас есть план.

Часть 2. Засада

Ночью мы устроили засаду в особняке мэра. Мы знали, что Сайрен планирует украсть ещё один ценный артефакт — старинную шкатулку с бриллиантами, которая хранилась в сейфе мэра. Лира спряталась на балконе, Ал — у дверей, а я ждал в зале, прислушиваясь к каждому шороху. Винри осталась снаружи, чтобы перекрыть возможные пути отхода.

Внезапно свет погас. Из вентиляции вырвался густой туман, и в центре комнаты появилась фигура в чёрном облегающем комбинезоне без рукавов. На голове был капюшон с длинными заячьими ушами, лицо скрывала белая полумаска, из-под которой виднелись короткие светлые волосы. Губы были накрашены тёмной помадой. Это была Сайрен.

— Я знала, что вы будете здесь, — сказала она, и её голос был точь-в-точь как у Клары. — Стальной алхимик и его компания. Вы не разочаровали.

Она ловко увернулась от моего выпада и прыгнула к окну. Я бросился за ней, но она была быстрее. Однако Лира уже ждала на балконе. Она хлопнула в ладоши, и мощный поток воздуха сбил Сайрен с ног.

— Попалась! — крикнула Лира.

Но воровка была хитра. Она распахнула ворот комбинезона, и я увидел на её груди сложный алхимический круг. Вспышка — и она исчезла в тумане, оставив после себя лишь запах озона.

— Она использовала алхимию без круга, — сказал Ал, подбегая. — Но у неё был круг на теле. Значит, она не простой вор.

— Она алхимик, — ответил я, чувствуя, как внутри закипает любопытство. — И она знала, что мы будем здесь. Она хотела, чтобы мы её поймали, но не совсем. Это было испытание.

Мы вернулись в больницу на следующее утро. Клара стояла у окна, глядя на каналы. Когда мы вошли, она обернулась и сняла чепец. Её светлые волосы рассыпались по плечам.

— Вы знаете, кто я, — сказала она без тени страха. — И я знаю, что вы не станете меня арестовывать.

— Откуда такая уверенность? — спросил я, подходя ближе.

— Потому что вы ищете правду, а не награду, — ответила Клара. — Вы видели, что я не краду для себя. Все деньги уходят на больницу, на приюты, на помощь бедным. Акуройя тонет, и никто не хочет помочь. Только я.

— Но ты нарушаешь закон, — сказала Лира, подходя ближе. — Ты воруешь.

— Я спасаю жизни, — твёрдо ответила Клара. — Можете сдать меня полиции, но тогда умрут дети. Городские власти давно забросили нас. Они строят новые дома на холмах, а мы, бедняки, остаёмся здесь, на дне.

Ал посмотрел на меня, и я понял, что он думает о том же, что и я. Мы не могли позволить этому продолжаться, но и не могли оставить людей без помощи.

— Есть другой способ, — сказал я. — Мы можем помочь тебе легально. Я поговорю с мэром.

Клара удивлённо подняла брови.

— Вы серьёзно?

— Мы всегда серьёзны, — улыбнулась Лира. — Покажи нам, что нужно сделать, и мы вместе восстановим город.

— Вы не понимаете, — сказала Клара, и её голос дрогнул. — Мэр — коррумпированный человек. Он не станет слушать вас. Он заинтересован только в своей выгоде.

— Тогда мы заставим его слушать, — сказал я. — У меня есть доступ к военным ресурсам. И я знаю, как давить на таких людей.

Винри подошла к нам и тихо сказала:

— Я осмотрела подземные ходы. Они ведут к старой системе водоснабжения. Если мы сможем её восстановить, вода перестанет подниматься. Но для этого нужно, чтобы мэр выделил средства.

— Я займусь мэром, — сказал я. — А ты, Клара, продолжай помогать людям. Но больше никаких краж.

Клара посмотрела на меня, и в её глазах мелькнула надежда.

— Обещаю, — сказала она.

Часть 3. Встреча с мэром

На следующий день мы встретились с мэром. Он был толстым, напыщенным человеком, который жил в роскоши, пока его город умирал. В его кабинете висели дорогие картины, а на столе стояла ваза с фруктами — явный контраст с нищетой на улицах.

— Акуройя? — фыркнул он, когда я заговорил о проблемах города. — Зачем вам эта дыра? Стройте дамбы, каналы… Это стоит огромных денег. У города нет таких средств.

— Мы найдём деньги, — сказал я. — Но вы должны перестать взимать непомерные налоги с бедных. И вы должны выделить средства на ремонт больницы и приютов.

Мэр попытался возразить, но Лира использовала свою воздушную алхимию, чтобы сбить с его стола бумаги, и он в страхе согласился. Мы договорились, что часть государственных средств, выделенных на укрепление фундаментов, пойдёт на помощь больнице и приютам.

— Вы не пожалеете, — сказал я, выходя из кабинета.

Клара, которая стояла рядом, прошептала:

— Спасибо вам. Я обещаю, что больше не возьму чужого. Я буду работать в больнице и помогать людям честно.

Позже мы стояли на набережной. Клара сняла свой костюм Сайрен и оставила его в канале, где он медленно ушёл под воду. Теперь она была просто Кларой — медсестрой с добрым сердцем и светлыми волосами, развевающимися на ветру.

— Я хочу открыть бесплатную клинику, — сказала она. — Для всех, кто не может заплатить.

— Это хороший план, — сказал Ал. — Я помогу тебе с алхимическими расчётами для вентиляции и водоснабжения. Мы можем сделать так, чтобы здание было безопасным и сухим.

— А я помогу с ремонтом, — добавила Лира. — Моя воздушная алхимия пригодится для очистки воздуха в палатах. И я могу помочь с организацией.

Винри подошла к Кларе и протянула ей небольшой чертёж.

— Я набросала схему водоснабжения, — сказала она. — Если вы установите эти насосы, вода перестанет подниматься. Это недорого и эффективно.

Клара посмотрела на чертёж, и её глаза наполнились слезами.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо вам всем.

Я улыбнулся, глядя на их оживлённую беседу. Лира и Ал стояли рядом, и я заметил, как она невольно коснулась его руки. Между ними росло что-то большее, чем дружба. В лучах заката их лица казались особенно тёплыми, и я понял, что наша команда стала настоящей семьёй.

— Эй, мальчики! — раздался голос. Мы обернулись — на мосту стоял майор Хьюз с фотографиями Элисии. — Я слышал, вы тут устроили целую революцию!

— Хьюз? — удивился я. — Что вы здесь делаете?

— Проверяю городские отчёты по поручению Мустанга, — усмехнулся он. — И заодно показываю всем, какая у меня красавица дочка. Посмотрите, она уже сидит!

Мы рассмеялись. В этот солнечный день Акуройя казалась почти счастливой. Хьюз рассказал, что Мустанг заинтересовался состоянием города и готов выделить дополнительные средства на укрепление фундаментов, если местные власти согласятся на реформы. Мэр под давлением общественности согласился.

— Вы сделали большое дело, — сказал Хьюз. — Я горжусь вами.

— Спасибо, майор, — ответил я.

Вечером мы сидели на крыше больницы, глядя на закат. Клара приготовила чай, а Лира и Ал обсуждали структуру подземных вод и способы их отвода. Я смотрел на них и чувствовал, что мы на правильном пути.

— Знаешь, брат, — сказал Ал, — когда мы начинали, я не думал, что наши путешествия будут такими.

— Они только начинаются, — ответил я. — Но мы справимся.

Лира взяла Ала за руку, и на её лице засияла улыбка. В её фиолетовых глазах отражался закат, и я понял, что наша команда стала сильнее.

— Ты как? — тихо спросил Ал, глядя на Лиру.

— Я в порядке, — ответила она. — Просто… я рада, что мы здесь. Вместе.

— Я тоже, — сказал он, сжимая её ладонь. — Без тебя я бы не справился.

— Ты бы справился, — улыбнулась она. — Но я рада, что могу быть рядом.

Винри сидела рядом со мной и тихо сказала:

— Мы сделали хорошее дело, Эд. Мы дали им надежду.

— Да, — ответил я. — Мы не можем изменить весь мир сразу, но можем помочь тем, кто рядом.

Я коснулся кармана, где лежал синий камень. Двадцать шесть миллиметров. Мы всё ещё не знали, как его восполнить, но теперь у нас было больше — у нас была надежда и вера в то, что мы делаем правильные вещи.

Часть 4. Ночь в Акуройе

Позже, когда город погрузился в темноту, я стоял на балконе больницы и смотрел на каналы. Вода в них казалась чёрной и маслянистой, отражая огни редких фонарей. Где-то вдалеке слышалась музыка — кто-то играл на гитаре, и этот звук, смешанный с плеском воды, создавал странное, успокаивающее ощущение.

Винри вышла ко мне и встала рядом.

— Ты не спишь? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Думаю о том, что мы узнали. О Кларе, о городе, о том, как всё связано.

— Ты думаешь, это связано с философским камнем? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но я чувствую, что мы приближаемся к чему-то важному. Письма отца, Такер, Марко, Йоусвелл, Лиор, Акуройя — всё это части одной головоломки.

— Мы найдём ответы, — сказала Винри. — Мы всегда находили.

Я улыбнулся ей.

— Спасибо, что ты с нами.

— Я всегда буду с вами, — ответила она. — Ты знаешь это.

Мы стояли в тишине, глядя на ночной город. И я чувствовал, что мы на верном пути.

На следующее утро мы сели на поезд до Централа. Клара стояла на перроне, махая нам рукой. Её светлые волосы развевались на ветру, а на лице сияла искренняя улыбка.

— Спасибо вам! — крикнула она. — Я никогда не забуду того, что вы сделали для Акуройи!

— Береги себя, Клара! — крикнула Лира в ответ. — И не забывай, что настоящая сила — в доброте, а не в алмазах!

— Я запомню! — ответила Клара.

Поезд тронулся, увозя нас из города, который начал возрождаться. Я смотрел в окно на каналы и мосты, и на душе было тепло. Мы помогли не только Кларе, но и всем жителям Акуройи. И это стоило больше, чем любые поиски философского камня.

Ал и Лира сидели рядом, тихо разговаривая о чём-то своём. Я заметил, как она улыбнулась чему-то, что он сказал, и как он смущённо отвёл взгляд. Между ними росло что-то настоящее, и я был рад, что они нашли друг друга.

Винри сидела рядом со мной и читала книгу по механике, которую купила в Йоусвелле. Она была погружена в чтение, но я знал, что она следит за каждым моим движением.

— Брат, — сказал Ал, поворачиваясь ко мне. — Ты думаешь, мы когда-нибудь найдём способ восстановить камень?

— Мы найдём, — ответил я. — Мы всегда находили. И теперь у нас есть новые друзья, которые помогут нам.

— Ты прав, — сказала Лира. — Мы справимся. Вместе.

Я улыбнулся, глядя на них, и перевёл взгляд в окно. Поезд нёсся на восток, к новым приключениям, новым опасностям и, возможно, к новым ответам. Мы не знали, что нас ждёт впереди, но я знал одно: мы не остановимся, пока не найдём правду. И пока мы вместе, мы непобедимы.

Часть 5. Тень в Акуройе

Когда поезд скрылся за поворотом, на пустой перрон вышли две фигуры. Похоть и Обжорство стояли в тени вокзального здания, глядя вслед уходящему составу.

— Они снова ушли, — сказал Обжорство.

— Да, — ответила Похоть. — Но они оставили после себя надежду. Это хорошо. Надежда делает людей слабыми и предсказуемыми.

— Что будем делать? — спросил Обжорство.

— Ждать, — ответила Похоть. — Они приведут нас к синему камню. А когда они найдут его… мы заберём всё.

Она повернулась и исчезла в тени, оставляя Акуройю позади. Город начинал новую жизнь, но тени прошлого всё ещё висели над ним.

Часть 6. В поезде

Поезд мерно стучал колёсами, унося нас всё дальше от Акуройи. Я сидел у окна и смотрел на убегающие поля. Винри дремала, положив голову мне на плечо. Ал и Лира сидели напротив, тихо переговариваясь.

— Брат, — сказал Ал, поворачиваясь ко мне. — Ты думаешь, мы правильно поступили? Мы оставили Клару жить своей жизнью.

— Да, — ответил я. — Она заслужила второй шанс. И она использует его с умом. А мы должны двигаться дальше.

— Куда теперь? — спросила Лира.

— В Ксенотайм, — ответил я. — По слухам, там есть что-то, что может быть связано с философским камнем. Красная вода. И Нэш Трингам, который её создал.

— Это опасно, — сказала Лира.

— Всё, что мы делаем, опасно, — ответил я. — Но мы должны идти вперёд.

Я посмотрел в окно на убегающие поля и думал о том, что нас ждёт впереди. Мы не нашли ответов о синем камне в Акуройе, но мы помогли людям. Мы сделали правильный выбор. В моём кармане лежал синий камень, и я чувствовал, как он пульсирует в такт с моим сердцем. Мы найдём способ восполнить его энергию. Мы остановим гомункулов. Мы защитим маму.

Поезд нёсся вперёд, унося нас на восток, к новым приключениям, новым опасностям и, возможно, к новым ответам. Мы не знали, что нас ждёт впереди,

но я знал одно: мы не остановимся, пока не найдём правду. И пока мы вместе, мы непобедимы.

Глава 10. Ксенотайм — город увядших надежд

Стук колёс, мерный, убаюкивающий, казался единственным живым звуком в этом бесконечном, выжженном пространстве. Поезд, на котором мы покинули Акуройю, нёс нас на восток, прочь от солёного ветра и изумрудных каналов, где мы оставили Клару с её новой клиникой и надеждой на возрождение. Теперь за окном простирались пустоши — серые, безжизненные, словно сама земля устала от времени и перестала рождать что-либо, кроме пыли и тоски.

Я сидел у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу, и смотрел на убегающие пейзажи. Винри дремала рядом, положив голову на моё плечо — она устала после долгой дороги и бессонных ночей в Акуройе, где мы помогали Кларе восстанавливать больницу и чинить водопровод. Её дыхание было ровным, и я старался не двигаться, чтобы не разбудить её. Моя правая рука, скрытая под стальными пластинами фальшивого экзоскелета, слегка онемела от долгого сидения, но я не смел пошевелиться — Винри заслужила отдых.

Напротив сидели Ал и Лира. Их руки были переплетены, и они тихо разговаривали о чём-то своём — я слышал обрывки фраз о книгах, о растениях, о том, как Лира мечтает когда-нибудь увидеть настоящий тропический лес. Ал слушал её с той мягкой улыбкой, которая появлялась у него только рядом с ней. За время наших странствий они стали не просто попутчиками — между ними росло что-то тёплое, настоящее, и я замечал, как Ал всё

чаще ищет её взгляд, как его лицо светлеет, когда она смеётся.

Я был рад за него. После всего, что мы пережили — после воскрешения мамы, после того как мы сожгли наш дом и бежали из Ризенбурга, после встреч с Маджихалом и Клаус, после всей этой лжи и тайн, — Ал заслужил счастье. И Лира, которая тоже прошла через ад, служа Йоки в Йоусвелле, казалась идеальной парой для него. Она понимала его, как никто другой.

— Брат, — голос Ала прервал мои размышления. — Ты не спишь?

— Нет, — ответил я, отрываясь от окна. — Думаю о том, что нас ждёт.

— Ксенотайм, — сказала Лира, и в её голосе послышалась смесь любопытства и тревоги. — Город увядших надежд. Красивое название, но зловещее. Я читала о нём в старых книгах, которые мы нашли в библиотеке Такера. Там когда-то добывали золото, но месторождения иссякли, и город пришёл в упадок. А потом появился алхимик, который нашёл что-то, что отравило всю округу.

— Ты говоришь о Красной воде? — спросил Ал, и его голос стал серьёзным.

— Да, — кивнула Лира. — Клара рассказывала мне, когда мы чинили трубы в Акуройе. Она слышала от своих пациентов, что в Ксенотайме есть источник, который даёт невероятную силу, но забирает жизнь. Люди, которые пили ту воду, становились сильнее, но через несколько месяцев умирали в страшных муках. Их кожа покрывалась язвами, а внутренности плавились изнутри.

Я почувствовал, как холод пробегает по спине. Это звучало слишком похоже на то, что мы видели в

подвалах Маджихала, когда он пытался привязать души к куклам. Но там была алхимия, а здесь — вода. Может быть, это одно и то же? Может быть, кто-то использовал алхимию, чтобы создать этот источник?

— Мы должны быть осторожны, — сказал я, понижая голос, чтобы не разбудить Винри. — Если Красная вода действительно опасна, нам нужно понять, как она работает, и найти способ её нейтрализовать. Мы не можем просто пройти мимо.

Ал кивнул, и я увидел в его глазах ту же решимость, что и у меня. Мы оба знали: мы не можем оставить людей страдать, если можем помочь. Это было частью нас — той частью, которую воспитала мама, когда читала нам сказки о путешественниках, которые спасали целые города.

Поезд замедлил ход, и за окном начали появляться первые признаки жизни — редкие деревья, чахлые кусты, а затем и серые, обветшалые дома. Город приближался, и я чувствовал, как внутри закипает предвкушение, смешанное с тревогой.

Когда состав окончательно остановился, мы вышли на перрон. Ксенотайм встретил нас запахом гнили. Он был повсюду — в воздухе, в воде, в самих камнях мостовой. Даже ветер, который дул с востока, казалось, нёс с собой тяжесть этого умирающего места. Дома стояли пустые, с выбитыми окнами, а улицы были покрыты слоем серой пыли. Здесь не было надежды — только тихое отчаяние, которое оседало на коже, как та самая пыль.

— Здесь нечем дышать, — сказала Лира, прикрывая рот платком. Её глаза, фиолетовые, как сумерки, оглядывали улицы с настороженностью.

— Это из-за шахт, — объяснил Ал, оглядываясь. — Красная вода отравила почву, и теперь город медленно умирает. Я читал, что подземные источники

пропитаны ею, и она просачивается в грунтовые воды, отравляя всё вокруг.

— Как и её жители, — добавил я, чувствуя, как горечь поднимается изнутри. — Мы видели такое в Йоусвелле и Лиоре, но здесь всё иначе. Здесь люди даже не пытаются бороться. Они просто ждут конца.

Мы прошли по главной улице. На нас смотрели из окон — не с любопытством, а с подозрением, смешанным со страхом. Люди прятались в дверях, закрывали ставни, когда мы проходили мимо. Они знали, что алхимики приносят беду. И, глядя на них, я понимал, почему они так боятся.

Внезапно мы услышали крик. Детский, отчаянный, полный боли. Мы бросились на звук. На перекрёстке, у старого колодца, лежала перевёрнутая шахтёрская вагонетка. Под ней, придавленная колесом, плакала девочка лет пяти. Её нога была неестественно вывернута, и она кричала, зовя на помощь.

— Элиза! — закричал мужчина, подбегая к ней. — Держись, малышка!

Я не думал. Я просто действовал. Рывок вперёд, соединённые ладони — живая левая и стальная правая, скрытая под пластинами экзоскелета. Клапаны брони выдохнули пар, и я припечатал руку к металлу. Синяя вспышка алхимии — и вагонетка, заскрежетав, приподнялась, освобождая ногу девочки. Я опустился на колени и помог ей подняться.

— Всё в порядке. Ты цела?

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Худенькая, бледная, с тёмными кругами под глазами — как все дети в этом городе. Её волосы были редкими и тусклыми, а одежда — старой и застиранной.

— Ты… ты алхимик? — спросила она дрожащим голосом.

— Да, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Но я не злой. Я здесь, чтобы помочь.

Мужчина — Белсио, как я узнал позже — схватил меня за руку и начал благодарить. Он был высоким, худым, с глубокими морщинами на лице и руками, покрытыми мозолями. Он работал в шахтах всю свою жизнь, и это было видно по каждому его движению.

— Вы не представляете, что вы сделали! — воскликнул он, сжимая мою ладонь. — Элиза — моя единственная дочь. Если бы она пострадала… я не знаю, что бы я делал.

— Не благодарите, — ответил я, чувствуя неловкость. — Мы просто были рядом. Но скажите, что здесь происходит? Почему город выглядит так, будто его покинули?

Белсио вздохнул, и его лицо омрачилось. Он оглянулся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто, и понизил голос:

— Это всё из-за Красной воды. Она появилась несколько лет назад, когда один алхимик — его звали Нэш Трингам — начал экспериментировать с подземными источниками. Он думал, что сможет очистить их и дать городу новую жизнь. Но вместо этого он только всё испортил. Вода стала красной, ядовитой, и теперь она убивает нас.

— Нэш Трингам? — переспросил Ал, подходя ближе. — Мы слышали это имя. Он был тем, кто создал философский камень?

Белсио нахмурился.

— Не знаю я никакого философского камня. Знаю только, что после его экспериментов люди начали

болеть. Сначала кашель, потом слабость, а потом... — он замолчал, глядя на свою дочь, которая прижималась к его ноге. — Потом они умирали. И никто не мог им помочь.

Я почувствовал, как внутри закипает гнев. Снова алхимия, снова эксперименты над людьми, снова страдания. Когда это закончится?

— Мы должны найти Нэша, — сказал я, поворачиваясь к Алу и Лире. — Он должен ответить за то, что сделал.

— Нэша уже давно нет в городе, — покачал головой Белсио. — Он сбежал, когда понял, что натворил. Оставил жену, сыновей, всё. С тех пор о нём ничего не слышно.

— А его сыновья? — спросила Лира. — Они здесь?

— Расселл и Флетчер, — кивнул Белсио. — Они пытаются исправить ошибки отца. Выдают себя за государственных алхимиков, говорят, что они Эдвард и Альфонс Элрики. Но они всего лишь дети, как и вы. Они не могут сделать ничего, что уже не было бы испорчено.

Я почувствовал, как кровь закипает в жилах. Кто-то выдаёт себя за нас? Это было уже слишком. Мы должны были разобраться в этом.

Мы помогли отнести Элизу в дом Белсио. Внутри пахло травами и лекарствами — жалкая попытка лечить то, что отравлено Красной водой. На столе стояли глиняные горшочки с настоями, которые, по словам Белсио, его жена собирала в лесу, но они почти не помогали.

— Вы путешественники? — спросил Белсио, наливая нам воды. — В Ксенотайм редко кто заезжает. А те,

кто приезжает, обычно уезжают так же быстро, как и появились.

— Мы ищем информацию о Красной воде, — сказал я прямо, глядя ему в глаза. — И о том, что здесь происходит. Мы хотим помочь.

Белсио вздохнул и сел напротив нас. Его лицо было усталым, но в глазах всё ещё теплилась надежда — та самая надежда, которую я видел в Акуройе и Лиоре, у людей, которые не хотели сдаваться.

— Красная вода — проклятие этого города, — сказал он. — Она была открыта алхимиком по имени Нэш Трингам. Он хотел спасти Ксенотайм, но вместо этого отравил его. А теперь его сыновья пытаются завершить его работу. Они говорят, что нашли способ очистить воду, но у них ничего не получается. Люди всё равно умирают.

— Почему они выдают себя за нас? — спросил Ал, и в его голосе послышалась обида. — Зачем им это?

— Они думают, что имя государственных алхимиков откроет им двери, — ответил Белсио. — Они хотят получить доступ к архивам, к лабораториям, к оборудованию. Они считают, что только так смогут закончить то, что начал их отец. Но они ошибаются. Никто не хочет помогать им, потому что все боятся Красной воды.

Я сжал кулаки. Мы должны были разобраться с этим. Мы должны были найти Расселла и Флетчера и остановить их, пока они не наделали ещё больше бед.

Мы оставили Белсио и Элизу и отправились в город. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени ложились на пустынные улицы. Винри проснулась и теперь шла рядом со мной, её глаза были настороженными.

— Эд, — сказала она тихо, чтобы не привлекать внимания. — Что мы будем делать? Мы не можем просто уйти отсюда, оставив этих людей умирать.

— Мы не уйдём, — ответил я. — Мы найдём Трингамов и узнаем, что они задумали. И если нужно, мы остановим их.

— Но они же дети, как и мы, — заметила Лира. — Они просто хотят исправить ошибки своего отца. Может быть, мы сможем помочь им, а не сражаться с ними.

Ал посмотрел на неё, и я заметил, как его взгляд смягчился. Она всегда видела в людях лучшее, даже когда они ошибались.

— Ты права, — сказал он. — Мы должны попытаться поговорить с ними сначала. Если они действительно хотят помочь, мы сможем объединить усилия.

Я кивнул, хотя внутри меня всё ещё кипело возмущение. Но я знал, что Ал и Лира правы — агрессия никогда не была лучшим решением.

Мы шли по главной улице, когда внезапно заметили движение в одном из переулков. Двое парней, один высокий с золотистыми волосами, другой пониже, с тёмными, — они стояли у старого колодца и о чём-то спорили. Я узнал их по описанию Белсио — это были Расселл и Флетчер Трингамы.

— Это они, — прошептал Ал.

Мы подошли ближе. Расселл, высокий, с золотистыми волосами, зачёсанными на одну сторону, и серо-голубыми глазами, повернулся к нам. На его правой руке был фальшивый протез — он явно пытался копировать меня. Флетчер, его младший брат, стоял рядом с обеспокоенным лицом.

— Кто вы? — спросил Расселл, и в его голосе послышалось напряжение.

— Мы те, чьи имена вы используете, — ответил я, стараясь говорить спокойно. — Я Эдвард Элрик, а это мой брат Альфонс.

Расселл замер. Его глаза расширились, и я увидел, как он побледнел. Он явно не ожидал встретить настоящих Элриков.

— Вы… вы настоящие? — прошептал он.

— А ты думал, мы просто легенда? — усмехнулся я. — Зачем вы выдаёте себя за нас? Что вы пытаетесь сделать?

Флетчер шагнул вперёд, и его голос дрожал, когда он заговорил:

— Мы не хотели причинять вред. Мы просто пытаемся спасти этот город. Наш отец… он создал Красную воду, и теперь она убивает людей. Мы хотим исправить его ошибку.

— Исправить ошибку, выдавая себя за других? — спросила Лира, и её голос был мягким, но в нём чувствовалась сталь. — Это нечестно.

— Мы знаем, — сказал Расселл, и его голос сорвался. — Но у нас не было выбора. Никто не хотел слушать нас. Люди боялись, что мы такие же безумцы, как наш отец. А имя государственных алхимиков открывает двери. Мы думали, что если сможем получить доступ к оборудованию и книгам, то найдём способ очистить воду.

— И вы нашли его? — спросил Ал.

— Мы нашли теорию, — ответил Флетчер, и его глаза загорелись надеждой. — Если мы сможем создать алхимический круг, который будет нейтрализовать Красную воду, то сможем очистить весь город. Но для этого нам нужна энергия. Много энергии. Мы

пытались использовать обычные источники, но они слишком слабы.

Я задумался. У меня был синий камень — лазурный катализатор, который мы использовали, чтобы воскресить маму. Он был чистым источником энергии, не требующим жертв. Но мог ли я доверять этим парням? Они были детьми отца, который создал эту катастрофу. Но в их глазах я видел то же отчаяние, что и у нас, когда мы пытались вернуть маму.

— У нас есть источник энергии, — сказал я, и Ал удивлённо посмотрел на меня. — Но мы должны быть уверены, что вы не используете его во вред.

— Мы обещаем, — сказал Расселл, и его голос звучал искренне. — Мы просто хотим спасти наш город. Мы не хотим никому причинять боль.

Я посмотрел на Ала и Лиру. Они кивнули. Мы решили довериться им.

Мы отправились в их убежище — старую лабораторию в подвале разрушенного здания на окраине города. Там стояли столы с химикатами, книги, чертежи. В центре комнаты был начерчен огромный алхимический круг — сложный, с множеством пересекающихся линий.

— Это наш план, — сказал Флетчер, указывая на круг. — Если мы активируем его с достаточной энергией, он сможет преобразовать Красную воду в обычную. Но мы никогда не пробовали, потому что не было источника.

Я достал из кармана синий камень. Он пульсировал мягким голубым светом, и я чувствовал, как его энергия отзывается на моё прикосновение.

— Это — синий камень, — сказал я. — Он даёт чистую энергию, не требующую жертв. Мы можем использовать его, чтобы активировать ваш круг.

Расселл смотрел на камень с благоговением. Его руки дрожали, когда он протянул их, чтобы коснуться его.

— Это невероятно, — прошептал он. — Откуда он у вас?

— Это долгая история, — ответил я. — Но сейчас важно то, что мы можем использовать его, чтобы спасти ваш город.

Мы начали подготовку. Флетчер и Расселл объяснили нам, как работает круг, и мы вместе проверили все расчёты. Винри осмотрела оборудование и нашла несколько неисправностей, которые могла исправить с помощью своих инструментов. Лира создала воздушные потоки, чтобы очистить помещение от пыли, а Ал помогал мне закреплять синий камень в центре круга.

— Мы готовы, — сказал Расселл, когда всё было на месте. — Если вы активируете круг, мы сможем начать очистку.

Я кивнул. Я чувствовал, как внутри закипает напряжение. Это был риск — мы не знали, что произойдёт, когда энергия синего камня столкнётся с Красной водой. Но мы не могли отступить.

Я соединил ладони и прикоснулся к кругу. Энергия хлынула через меня — тёплая, живая, чистая. Я направлял её в линии круга, и они начали светиться голубым светом. Ал стоял рядом, готовый поддержать меня, если что-то пойдёт не так.

Но в тот момент, когда энергия достигла центра, произошло нечто неожиданное. Круг вспыхнул багровым светом, и я почувствовал, как чья-то чужая

сила пытается перехватить контроль. Это была Красная вода — она сопротивлялась, не желая исчезать.

— Держись! — крикнул Ал, и я услышал, как он хлопнул в ладоши, усиливая мою алхимию.

Но мы не могли справиться в одиночку. Красная вода была слишком сильной. Она просачивалась через линии круга, угрожая вырваться наружу.

— Мы должны отключить круг! — закричал Расселл.

— Нет! — ответил я. — Если мы остановимся, всё будет напрасно.

И тогда я увидел, как Флетчер шагнул вперёд. В его руках были семена — обычные семена растений, которые он держал в кармане. Он бросил их в центр круга, и в тот же момент его алхимия заставила их прорасти. Корни устремились в багровую массу, впитывая Красную воду, словно губка.

— Растительная алхимия, — прошептал он. — Она может очищать воду. Я использовал её, чтобы пытаться нейтрализовать яд, но без энергии она была бесполезна.

Теперь, с энергией синего камня, растения росли с невероятной скоростью. Они оплетали круг, впитывая Красную воду, превращая её в чистую воду. Я чувствовал, как напряжение ослабевает, как энергия стабилизируется.

Мы стояли, тяжело дыша, и смотрели, как круг медленно гаснет. На месте багрового сияния осталась чистая, прозрачная вода, которая стекала по корням и исчезала в земле.

— Мы сделали это, — прошептал Расселл.

— Да, — ответил я, чувствуя, как усталость накатывает на меня. — Мы сделали это.

Но радость была недолгой. Внезапно с улицы донесся шум — топот сапог, крики, лязг металла. Мы выбежали из подвала и увидели, что город окружён солдатами. Во главе стоял высокий мужчина в роскошной одежде — Мугиар, как я узнал позже.

— Тringамы! — крикнул он, указывая на нас. — Вы думали, что сможете скрыться от меня? Вы использовали мои деньги, мои ресурсы, чтобы создать этот круг! А теперь вы хотите уничтожить то, что я создал!

— Мы не уничтожаем, мы спасаем! — крикнул Расселл. — Красная вода убивает людей!

— Она даёт силу! — закричал Мугиар в ответ. — Она делает нас богатыми! Ты думаешь, я позволю тебе разрушить мой бизнес?

Я шагнул вперёд, вставая между ними и Мугиаром. Моя фальшивая рука скрежетнула, когда я сжал кулаки.

— Красная вода отравляет всё вокруг, — сказал я. — Она убивает людей. Ты не можешь просто так продолжать её использовать.

— А ты кто такой? — спросил Мугиар, и в его голосе послышалось презрение. — Ещё один сопляк, который думает, что может указывать мне?

— Я Эдвард Элрик, государственный алхимик, — сказал я, доставая серебряные часы. — И я пришёл, чтобы остановить тебя.

Мугиар рассмеялся, но в его глазах мелькнула тревога. Он не ожидал встретить настоящего государственного алхимика.

— Ты не сможешь остановить меня, — сказал он, делая шаг назад. — У меня есть солдаты, у меня есть Красная вода, у меня есть власть!

— Власть, основанная на страданиях, недолговечна, — сказал Ал, вставая рядом со мной. — Мы остановим тебя.

Началась битва. Солдаты Мугиара бросились на нас, но мы были готовы. Я использовал алхимию, чтобы создавать стены из земли и камня, защищая нас от пуль. Ал создавал барьеры, а Лира использовала воздушную алхимию, чтобы отбрасывать солдат назад. Винри, вооружившись гаечным ключом, ловко уклонялась и отключала их оружие.

Но Мугиар был хитёр. Он отступил в своё поместье, которое стояло на холме, и активировал огромный резервуар с Красной водой. Струи ядовитой жидкости хлынули в город, угрожая затопить всё вокруг.

— Нет! — крикнул Флетчер. — Он уничтожит всё!

— Мы должны остановить его! — сказал Расселл.

Мы бросились к поместью. Внутри царил хаос — Мугиар стоял у резервуара, и его тело пульсировало багровым светом. Он больше не был человеком — он стал монстром, созданным из жадности и отчаяния. Красная вода пульсировала в его жилах, искажая его тело, превращая его в нечто нечеловеческое.

— Вы думали, что сможете обмануть меня? — кричал он. — Я заберу всё! Я стану богом этого города!

Он взмахнул рукой, и потоки Красной воды хлынули на нас. Я создал каменный щит, но он треснул под напором.

— Брат! — крикнул Ал. — Мы не справимся!

— Держись! — ответил я, чувствуя, как синий камень в кармане пульсирует.

И тогда я увидел Флетчера. Он стоял у стены, и его глаза были полны слёз. Он смотрел на своего брата, и в его взгляде была такая боль, что я на мгновение замер.

— Расселл... прости меня... — прошептал он.

— Флетчер! — крикнул я. — Держись!

Я разбил цепи, которыми были скованы трубы, и освободил поток воды. Вода хлынула в резервуар, смешиваясь с Красной водой, и я использовал синий камень, чтобы активировать круг очистки. Растения, которые Флетчер вырастил, устремились в эпицентр, впитывая яд.

Но Мугиар не сдавался. Он бросился на меня, и мы начали бой. Его сила была невероятной — он двигался быстрее, чем любой человек, и его удары сокрушали камень. Но я был упрям.

— Ты не сможешь победить меня! — кричал он.

— Я не собираюсь побеждать тебя, — ответил я. — Я собираюсь остановить тебя.

В финальный момент, когда резервуар взорвался, я выдернул Мугиара из-под волны и обрушил свод над источником. Синий камень в моём кармане вспыхнул и погас. Я коснулся его — он стал чуть меньше, но я знал, что это была необходимая цена.

Корни деревьев, которые Флетчер направлял, впитали и нейтрализовали остатки Красной воды. Город начал дышать свободнее. Люди выходили из домов, глядя на чистое небо, которое впервые за долгие годы не было затянуто багровой дымкой.

Мы стояли в руинах поместья, тяжело дыша. Мугиар лежал без сознания, его тело больше не пульсировало красным светом. Солдаты, увидев его падение, побросали оружие.

— Мы сделали это, — сказал Ал, и в его голосе было облегчение.

— Да, — ответил я. — Мы сделали это.

Расселл и Флетчер стояли рядом с нами. В их глазах блестели слёзы — слёзы облегчения и надежды.

— Спасибо, — сказал Расселл. — Мы не знали, что делать. Мы думали, что всё потеряно.

— Вы не одни, — сказала Лира, кладя руку на плечо Флетчера. — Иногда нужно просто попросить о помощи.

Нэш Трингам, отец Расселла и Флетчера, появился из тени. Он выглядел изможднённым, седым, но в его глазах горела решимость. Он пришёл, чтобы искупить свою вину.

— Я должен был вернуться раньше, — сказал он, глядя на сыновей. — Я должен был помочь вам. Я слишком долго убегал от своих ошибок.

— Ты здесь сейчас, — ответил Расселл. — Это главное.

Мы помогли им восстановить город. Винри починила систему водоснабжения, а Ал и Лира очистили воздух от остатков яда. Я использовал синий камень, чтобы создать небольшой запас чистой энергии для будущих нужд.

Вечером мы сидели на холме, глядя на закат. Ксенотайм, наконец, дышал свободно. Люди праздновали, и впервые за долгие годы в городе слышался смех.

— Брат, — сказал Ал, когда мы остались одни. — Ты думаешь, мы сможем когда-нибудь вернуться домой?

— Когда-нибудь, — ответил я. — Но сначала мы должны закончить то, что начали. Мы должны найти способ защитить маму, остановить тех, кто хочет использовать алхимию во зло.

— Тогда мы будем продолжать, — сказал он, и в его голосе была уверенность.

Лира подошла к нам и села рядом с Алом. Их руки переплелись, и я заметил, как Ал улыбнулся ей. Между ними зарождалось что-то большее, чем дружба.

— Мы сделали хорошее дело, — сказала Лира. — Мы спасли этот город.

— Да, — ответил я. — Но это только начало. Нас ждёт Восточный город. Там мы встретимся с полковником Мустангом. Он сможет помочь нам найти ответы.

— Я слышал о нём, — сказал Расселл, подходя к нам. — Он — Огненный алхимик. Говорят, он очень силён.

— И очень опасен, — добавил я. — Но он — наш союзник.

Мы попрощались с Трингамами. Нэш обещал остаться в городе и помочь восстанавливать его. Расселл и Флетчер решили продолжить работу отца, но уже не как самозванцы, а как настоящие алхимики, которые хотят помочь людям.

Мы сели в поезд до Восточного города. За окном проплывали зелёные поля, и я чувствовал, как усталость постепенно отпускает меня. Винри дремала, положив голову мне на плечо. Ал и Лира сидели напротив, их руки были переплетены.

— Брат, — сказал Ал, когда поезд набрал скорость. — Ты думаешь, мы когда-нибудь найдём способ защитить маму навсегда?

— Мы должны, — ответил я, сжимая в кармане синий камень. — Иначе всё, что мы сделали, будет напрасным.

Я смотрел в окно на убегающие поля, и внутри меня закипала новая решимость. Впереди нас ждал Восточный город, встреча с Мустангом, и, возможно, новые ответы. Мы не знали, что нас ждёт, но мы были готовы.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в новое приключение. Мы оставили позади Ксенотайм — город, который начал возрождаться. Мы оставили позади Трингамов, которые нашли свой путь. И мы знали, что впереди нас ждут новые испытания.

Но мы не боялись. Потому что у нас была цель, и у нас была надежда.

Глава 11. Огонь против стали

Восточный город встретил нас хмурым рассветом, когда серое небо только начинало светлеть за горизонтом, окрашивая крыши казарм в бледно-сиреневые тона. Поезд, который привёз нас из Ксенотайма, стоял на перроне, тяжело дыша паром, словно уставшее животное, и я чувствовал, как моя собственная усталость смешивается с тревогой. Винри дремала, прислонившись к моему плечу, и её дыхание было ровным — за время пути она так и не проснулась, измотанная бессонными ночами в Ксенотайме, где мы помогали восстанавливать систему водоснабжения. Я не решался пошевелиться, чтобы не разбудить её, хотя правое плечо уже начало неметь от долгого сидения.

Моё внимание привлёк Ал, который стоял у открытого окна вагона и вглядывался вдаль. Ветер трепал его золотистые волосы, и в его глазах отражался холодный свет утра. Он был спокоен, но я знал его слишком хорошо — эта внешняя невозмутимость всегда скрывала внутреннее напряжение.

— Брат, — сказал он, оборачиваясь ко мне, — Восточный город выглядит не таким мрачным, как я думал. Здесь чувствуется порядок. Армейский, но порядок.

— Мустанг любит порядок, — ответил я, стараясь говорить тихо, чтобы не разбудить Винри. — Говорят, он превратил этот гарнизон в образцовое подразделение. Даже генералы из Централа приезжают учиться у него.

— Ты его боишься? — спросил Ал, и в его голосе послышалось любопытство.

Я задумался. Боюсь ли я Мустанга? Он был тем человеком, который стоял в нашем доме в Ризенбурге, когда мы инсценировали провал воскрешения. Он видел монстра, которого мы создали, видел меня «калекой», прикованным к фальшивым протезам. Он мог раскрыть нашу ложь в любой момент, но он этого не сделал. Он предложил мне стать государственным алхимиком. Он дал нам шанс.

— Не боюсь, — сказал я наконец. — Но я уважаю его. И я не доверяю ему полностью. Он слишком умён для того, чтобы верить в случайности. Он знает больше, чем показывает.

— Как и все военные, — заметила Лира, которая сидела напротив и внимательно слушала наш разговор. Её фиолетовые глаза сверкали в тусклом свете вагона, и я чувствовал, как она впитывает каждое слово.

— Возможно, — согласился я.

Поезд замедлил ход, и проводник объявил станцию. Мы вышли на перрон, и я сразу ощутил разницу между Ксенотаймом и этим местом. Здесь воздух был сухим и прохладным, без той гнилой тяжести, что висела над бывшим городом шахтёров. Впереди нас ждал штаб Восточного командования — массивное здание из серого камня, с высокими колоннами и гербом Аместриса над входом.

— Мы идём прямо к Мустангу? — спросила Винри, зевая и поправляя сбившиеся волосы.

— Да, — ответил я. — У нас нет времени на прогулки. Нужно найти Марко как можно быстрее.

Мы двинулись по главной улице. Солдаты в синей форме маршировали по мостовой, и я слышал, как они переговариваются между собой, поглядывая на нас с любопытством. Мой фальшивый экзоскелет привлекал внимание — тяжёлые металлические пластины на правой руке и ноге, паровые клапаны, поршни, которые создавали иллюзию сложной механики. Люди привыкли видеть калек, но я выглядел иначе — слишком молодым, слишком живым для человека, который потерял конечности. Я чувствовал на себе взгляды и знал: ложь должна быть безупречной.

Когда мы подошли к штабу, нас встретил майор Маес Хьюз. Он вышел из дверей с широкой улыбкой и стопкой фотографий в руках — я узнал его сразу. Это был тот самый офицер, который помог нам на поезде, когда мы ехали в Централ на экзамен. Его добродушное лицо и вечная страсть к фотографированию семьи делали его человеком, которому хотелось доверять.

— Эдвард! Альфонс! — воскликнул он, обнимая нас по очереди. — Я знал, что вы рано или поздно

появитесь! Полковник уже ждёт, но сначала — смотрите! — он достал из кармана свежую фотографию, на которой была изображена маленькая девочка с пухлыми щёчками и смешными косичками. — Это Элисия! Она уже сидит! Грейсия говорит, что она похожа на меня, но я считаю, что она — копия своей матери!

Винри улыбнулась, разглядывая фото. Она всегда любила детей, и эта искренняя радость на лице майора была заразительной. Даже Лира, которая обычно держалась настороженно, позволила себе лёгкую улыбку.

— Она прекрасна, майор, — сказала Винри.

— Ещё бы! — гордо ответил Хьюз. — Ладно, идёмте, Мустанг уже заждался. Только предупреждаю: он сегодня не в духе. Опять эти бюрократические отчёты, а ещё вчера пришло письмо из Централа с требованием усилить патрулирование на южных границах. Вы же знаете, как он реагирует на приказы из столицы.

Мы прошли по длинному коридору. Стены были увешаны картами и портретами бывших командующих. Я слышал, как за дверями доносятся голоса солдат, звон посуды, запах кофе и бумаги. Восточный город жил своей жизнью, и мы были лишь временными гостями.

Кабинет Мустанга находился на втором этаже. Хьюз открыл дверь и жестом пригласил нас войти. Полковник сидел за массивным дубовым столом, заваленным папками и документами. На его лице застыло выражение глубокой усталости, но глаза — тёмные, внимательные — сразу же впились в меня, когда я переступил порог.

— Эдвард Элрик, — произнёс он, и в его голосе не было ни тепла, ни враждебности — только спокойная,

оценивающая интонация. — Ты выглядишь лучше, чем в последний раз. Хотя твоя броня явно требует ремонта. Кто чинил её в последний раз?

— Винри Рокбелл, — ответил я, чувствуя, как его взгляд скользит по моим металлическим пластинам. — Она всегда помогает мне с обслуживанием.

— Хороший механик, — кивнул Мустанг. — Но это не главное. Зачем вы приехали, Элрики?

— Мы ищем доктора Тима Марко, — сказал Ал, выступая вперёд. — Мы знаем, что он жив. Мы знаем, что он скрывается под чужим именем. Полковник, вы должны знать, где он.

Мустанг откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Его лицо оставалось непроницаемым, но я заметил, как на мгновение дрогнули его пальцы.

— Марко, — повторил он, и в голосе послышалось что-то похожее на сожаление. — Ты прав, я знаю, где он. Но информация такого рода не даётся просто так. Ты должен её заслужить.

— Я готов, — сказал я, хотя внутри уже догадывался, что он предложит.

— Публичный поединок, — произнёс Мустанг, и на его губах появилась лёгкая усмешка. — Ты против меня. Если ты сведёшь бой вничью или победишь, я скажу тебе, где искать Марко. Откажешься — можешь искать его сам. Но учти: у тебя нет времени, Элрик. Твой синий камень не вечен.

Я замер. Откуда он знает о синем камне? Я не говорил ему об этом. Но затем я вспомнил, что Мустанг был в Ризенбурге, когда мы создавали фальшивку. Он видел наш круг. Он мог догадаться, что мы использовали нечто большее, чем обычную алхимию.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не притворяйся, — ответил он, и в его голосе послышалась сталь. — Я видел следы алхимии в вашем доме. Я знаю, что вы сделали. И я знаю, что вы ищете философский камень — или его альтернативу. Но я не буду читать тебе лекции. Просто скажи: ты согласен на поединок или нет?

Я посмотрел на Ала. Его лицо было бледным, но в глазах горела та же решимость, что и у меня. Лира сжала его руку, словно пытаясь передать ему свою силу. Винри стояла позади, и я чувствовал, как она напряжена — она боялась за меня.

— Хорошо, — сказал я. — Я согласен.

— Отлично, — усмехнулся Мустанг. — Завтра в десять утра на полигоне. Не опаздывай.

Мы вышли из кабинета, и я почувствовал, как напряжение начинает отпускать меня. Но внутри закипала тревога. Мустанг был опасен — я знал это. Он был Огненным алхимиком, ветераном Ишварской войны, и его сила была легендарной. Смогу ли я противостоять ему с моей фальшивой автоброней?

— Брат, — сказал Ал, когда мы отошли на достаточное расстояние. — Ты уверен? Он силён. Он может убить тебя.

— Он не убьёт меня, — ответил я. — Ему нужна информация, а не моя смерть. И мне нужна информация о Марко. Это единственный способ.

— Но твоя рука… — начал Ал, но я перебил его.

— Моя рука — моё дело. Я справлюсь.

— Мы все справимся, — сказала Лира, подходя ближе. — Мы не дадим тебе упасть.

Я улыбнулся ей. В её голосе была такая уверенность, что я почти поверил, что всё будет хорошо.

Винри подошла ко мне и положила руку на плечо. Её прикосновение было тёплым, и я чувствовал, как часть тревоги уходит.

— Я проверю крепления, — сказала она. — Если ты собираешься драться, броня должна сидеть идеально.

— Спасибо, Винри, — ответил я. — Ты всегда знаешь, что делать.

Мы нашли небольшую гостиницу недалеко от штаба. Винри сразу же принялась за работу, откручивая и подтягивая болты на моём экзоскелете. Ал и Лира сидели в углу, тихо разговаривая, и я слышал, как Лира пытается успокоить Ала.

— Он справится, — говорила она. — Твой брат сильнее, чем думает.

— Я знаю, — отвечал Ал. — Но я не могу перестать волноваться.

Я закрыл глаза и попытался представить завтрашний бой. Мустанг будет использовать огонь — его фирменная алхимия, основанная на хлопке пальцами. Мне нужно было быть быстрее. Я должен был использовать свою способность видеть структуру материи, но без круга. Это был мой козырь, и я не мог его раскрыть. Но я знал, что могу положиться на свою рефлексы и на то, что научился за месяцы путешествий.

Ночь прошла беспокойно. Я ворочался на кровати, прислушиваясь к каждому шороху за окном. Винри спала на соседней койке, и её ровное дыхание успокаивало меня. Где-то за стенами слышались голоса солдат, смех, звуки паровых машин — обычная

жизнь Восточного города, которая продолжалась, несмотря на мои внутренние тревоги.

Я думал о маме, о том, как она ждёт нас в Ризенбурге, о том, как мы воскресили её, используя синий камень. Я думал о Лени — гомункуле, который родился из нашей ошибки, о том, что она теперь бродит где-то, возможно, ищет нас. Я думал о Шраме, о его ненависти к алхимикам, о его брате, которого он потерял. Все эти мысли переплетались в моей голове, не давая уснуть.

На следующее утро я проснулся раньше всех. Солнце только начинало вставать, окрашивая небо в бледно-розовые тона. Я оделся, проверил крепления экзоскелета — Винри сделала всё идеально, металл сидел плотно, но не давил. Я чувствовал себя готовым, хотя внутри всё сжималось от предчувствия.

Перед тем как выйти, я задержался на мгновение у зеркала. Я снял правую перчатку и посмотрел на свою настоящую руку — живую, с тонкими линиями на ладони, с чувствительной кожей, которая помнила прикосновения мамы, тепло костра, холод воды. Мои пальцы сжались в кулак. Я не был калекой. Я никогда им не был. И это знание придавало мне сил, даже когда металл экзоскелета давил на плечо, напоминая о той лжи, которую я носил на себе ради неё — ради мамы, ради Ала, ради всех, кто верил в нас.

Я надел перчатку обратно и вышел из комнаты.

Полигон находился на окраине города — огромное открытое пространство, окружённое трибунами. Солдаты уже собирались, предвкушая зрелище. Я видел знакомые лица: майор Хьюз стоял у края поля, размахивая фотографией Элисии, и кричал что-то про её первые шаги. Лейтенант Хоукай стояла рядом, её лицо было непроницаемым, но я чувствовал, что она

наблюдает за каждым моим движением. Её рука лежала на кобуре, и я знал, что она готова вмешаться, если что-то пойдёт не так.

Мустанг уже ждал меня в центре поля. Он был одет в стандартную военную форму, но на его руках я заметил белые хлопчатобумажные перчатки — его фирменные катализаторы для огненной алхимии.

— Пришёл, — сказал он, и в его голосе послышалась усмешка. — Я думал, ты сбежишь.

— Я не сбегаю, — ответил я, вставая в боевую стойку. — Я пришёл за информацией.

— Тогда начнём, — сказал он, и щёлкнул пальцами.

Из ниоткуда вырвался язык пламени, и я едва успел отскочить в сторону. Огонь обжёг землю там, где я стоял секунду назад, оставляя чёрный след. Я соединил ладони и ударил по земле — из неё взметнулась каменная стена, закрывая меня от следующей атаки.

— Хорошо, — сказал Мустанг, и я услышал, как он хлопнул в ладоши. — Но слишком медленно.

Огненный шар врезался в мою стену, разбивая её на мелкие осколки. Я укрылся за обломками, чувствуя, как жар обжигает лицо. Моя фальшивая рука скрипнула, когда я опёрся на неё, чтобы подняться.

— Ты силён, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но я не сдамся.

Я использовал алхимию, чтобы создать из земли длинный каменный клинок, и бросился вперёд. Мустанг отступил на шаг, уклоняясь, и снова щёлкнул пальцами. Огонь обрушился на меня, но я использовал клинок как щит, отражая пламя. Металл экзоскелета нагрелся, и я чувствовал, как жар проникает сквозь пластины, обжигая кожу.

— Твоя броня не выдержит, — сказал Мустанг, и в его голосе послышалась насмешка. — Ты слишком полагаешься на неё.

— Она выдержит, — ответил я, хотя внутри сам не был уверен.

Бой продолжался. Я использовал все свои навыки, чтобы уклоняться от его атак, но он был быстрее. Его огонь был вездесущим — он вырывался из земли, из воздуха, из его пальцев. Я чувствовал, как силы покидают меня, но я не мог остановиться.

В какой-то момент я заметил, что Мустанг замер на мгновение — его взгляд стал рассеянным, словно он провалился в воспоминания. Это был мой шанс. Я рванул вперёд и приставил свой каменный клинок к его шее.

— Довольно! — раздался голос с трибуны. Это был фюрер Кинг Брэдли — он наблюдал за боем лично. — Ничья!

Я опустил клинок и тяжело задышал. Мустанг смотрел на меня, и на его лице появилась лёгкая улыбка.

— Неплохо, Элрик, — сказал он. — Ты сдержал слово. Я сдержу своё.

Мы вышли с полигона под аплодисменты солдат. Ал подбежал ко мне, его лицо было бледным, но в глазах горела гордость.

— Брат, ты это сделал! — воскликнул он. — Ты выстоял!

— Едва, — ответил я, чувствуя, как усталость накатывает на меня. — Но я сделал это.

— Ты был великолепен, — сказала Лира, подходя ближе. — Я никогда не видела ничего подобного.

— Спасибо, — ответил я, чувствуя, как её слова согревают меня.

Позже мы сидели в кабинете Мустанга. Он стоял у окна, глядя на закат, и его лицо было серьёзным.

— Доктор Тим Марко жив, — сказал он, не оборачиваясь. — Он скрывается под чужим именем в небольшом провинциальном городке на юге Аместриса. Я дам вам координаты.

— Спасибо, — сказал я, и в моём голосе послышалась искренняя благодарность.

— Не благодари, — ответил Мустанг, поворачиваясь к нам. — Это был договор. Я его выполнил. Но я должен предупредить тебя: Марко — опасный человек. Он был частью экспериментов с философским камнем в Ишваре. Он знает больше, чем говорит. Если ты встретишься с ним, будь осторожен.

— Я буду, — сказал я.

Мы вышли из штаба, и я почувствовал, как напряжение начинает отпускать меня. Ал шёл рядом, его рука была сжата в кулак. Лира и Винри ждали нас у ворот, их лица были полны надежды.

— Мы сделали это, — сказал Ал.

— Да, — ответил я. — Но это только начало.

В этот момент из штаба вышла старший лейтенант Риза Хоукай. Она держала на руках маленького щенка — чёрного, с блестящей шерстью и преданными глазами. Это был тот самый щенок, которого Ал подобрал на вокзале днём ранее, когда мы только прибыли в город.

— Я назову его Чёрный Хаяте, — сказала Хоукай, глядя на пса с неожиданной нежностью.

Но стоило щенку сделать лужу прямо на уставной ковёр, как Риза молниеносно выхватила пистолет и выпустила обойму в стену вокруг испуганного пса, создав идеальный круг из пулевых отверстий.

— Ещё одна лужа — и пули пройдут ближе, — сказала она с ледяной улыбкой. — Понял?

Щенок преданно заскулил. Мы невольно рассмеялись — даже Винри, которая обычно не одобряла жестокость, не смогла сдержать улыбку.

— Ну и компания, — прошептала она.

— Ты как? — спросил Ал, поворачиваясь к Лире. — Ты весь день была на ногах.

— Я в порядке, — ответила Лира, и на её лице появилась улыбка. — Просто я рада, что всё закончилось хорошо.

— Это ещё не конец, — сказал я, глядя на закат. — Но мы наконец нашли след Марко.

Ал подошёл ко мне, и его лицо стало серьёзным.

— Брат, ты понимаешь, что мы сейчас в самом центре событий? Мустанг дал нам координаты, но это только начало. Нам предстоит встретиться с человеком, который знал отца.

— Я знаю, — ответил я. — И я готов.

— Мы готовы, — сказала Лира, вставая рядом с Алом. — Мы все вместе.

Я посмотрел на них — на Ала, на Лиру, на Винри, которая уже доставала гаечный ключ, чтобы проверить мою броню, — и почувствовал, как усталость отступает. Мы сделали шаг вперёд, и впереди нас ждал доктор Марко. Человек, который мог рассказать нам правду о синем камне.

— Завтра мы отправляемся на юг, — сказал я. — Мы найдём его.

Ал кивнул, и Лира улыбнулась.

— Встретимся утром, — сказал Ал, сжимая её руку.

— Я буду ждать, — ответила она.

Винри подошла ко мне и сжала мою руку.

— Эд, — сказала она, — я хочу остаться здесь, в Восточном городе. Мне нужно кое-что проверить. Я слышала, что в местных мастерских есть редкие детали для автоброни. Я хочу изучить их и, может быть, найти что-то полезное для твоего экзоскелета.

Я посмотрел на неё. В её глазах горела та же решимость, что и у меня.

— Ты уверена? — спросил я.

— Уверена, — ответила она. — Я догоню вас. Вы же едете к Марко. Мне нужно время, чтобы разобраться с этими механизмами.

Я колебался, но затем кивнул.

— Хорошо. Но будь осторожна.

— Я всегда осторожна, — улыбнулась она. — В отличие от тебя.

Мы обнялись, и я чувствовал, как тепло её рук согревает меня.

— Я догоню вас, — сказала она. — Обещаю.

Мы разошлись по своим комнатам. Я остался стоять у окна, глядя на ночной Восточный город. Синий камень лежал в моём кармане, и я чувствовал его пульсацию. Мы наконец нашли нить, которая вела нас к Марко. И я знал, что завтрашний день станет началом нового этапа нашего пути.

Утро следующего дня встретило нас ясным небом и лёгким ветром, который приносил запах пыли и сухой травы. Мы собрались на вокзале, где нас ждал поезд на юг. Хьюз пришёл проводить нас, его лицо сияло доброй улыбкой, а в руках он сжимал очередную фотографию Элисии.

— Вы обязательно должны навестить нас, когда вернётесь, — сказал он, обнимая меня и Ала. — Грейсия приготовит свой знаменитый яблочный пирог. Вы не представляете, как она печёт!

— Обязательно, майор, — ответил я, чувствуя, как тепло разливается в груди. — Мы приедем.

Поезд тронулся, и я смотрел в окно, пока Восточный город медленно исчезал за горизонтом. Ал и Лира сидели напротив, их руки были переплетены, и я слышал, как они тихо переговариваются о чём-то своём. Винри осталась в Восточном городе, как и обещала, но я знал, что она скоро присоединится к нам.

— Брат, — сказал Ал, поворачиваясь ко мне. — Ты думаешь, Марко согласится помочь нам?

— Он должен, — ответил я. — Он знал отца. Он работал над философским камнем. Если кто-то и может объяснить нам, как работает синий камень, то это он.

— А что, если он откажется? — спросила Лира.

— Тогда мы заставим его, — сказал я, и в моём голосе послышалась сталь. — Мы не можем позволить себе остановиться.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в неизвестность. Я смотрел на убегающие поля и думал о том, что нас

ждёт впереди. Мы искали правду, и мы находили её в каждом городе, в каждом лице, в каждой истории. И я знал, что мы не остановимся, пока не найдём все ответы.

В кармане у меня лежал синий камень — он стал чуть меньше после Ксенотайма, но всё ещё пульсировал теплом. Я сжал его в пальцах и почувствовал, как его энергия откликается на моё прикосновение. Мы сделали правильный выбор. Мы спасли Ксенотайм. Мы нашли путь к Марко. И мы продолжали идти вперёд, несмотря ни на что.

Ал и Лира продолжали тихо разговаривать, и я слышал, как она смеётся над его шутками. Между ними зарождалось что-то тёплое и настоящее, и я был рад, что после всего, что мы пережили, у Ала появился кто-то, кто делает его счастливым.

Поезд мерно стучал колёсами, и я чувствовал, как усталость медленно отпускает меня. Мы были на правильном пути. Мы были вместе. И это было главное. Впереди нас ждал юг, где скрывался доктор Марко, и я знал — мы найдём его, чего бы это ни стоило.

Глава 12. Правая рука разрушения

Часть 1. Южный экспресс и грызущая тайна
Мерный, убаюкивающий и бесконечный стук колёсных пар южного экспресса тяжёлым эхом заполнял всё пространство нашего тесного купе. Поезд на полной скорости разрезал густые предрассветные сумерки, унося нас всё дальше от Централа вглубь южных провинций Аместриса. За заиндевевшим, покрытым каплями влаги окном стремительно проносились размытые силуэты скалистых предгорий и редких станций, чьи блёклые

керосиновые фонари лишь на миг выхватывали из темноты бурные струи непрекращающегося дождя. В кармане моего плаща лежали чёткие координаты, полученные лично от полковника Мустанга перед самым отъездом. По его строгой наводке, именно здесь, в тихом провинциальном городке, скрывался от правительственных ищеек доктор Тим Марко. Бывший высокопоставленный учёный министерства обороны, работавший в годы войны над секретными проектами, теперь жил под вымышленным именем доктора Мауро.
Ал сидел напротив меня, бережно перелистывая потрёпанные, пожелтевшие страницы отцовского блокнота. Лира устроилась рядом с ним, её фиолетовые глаза были полны сосредоточенного, напряжённого ожидания. Мы мчались к человеку, который не просто лично знал нашего отца, Вана Хоэнхайма, но и обладал знаниями, способными пролить свет на истинную природу лазурных катализаторов.
Я коснулся рукой кармана жилета, где лежал наш собственный Синий Камень. Он медленно, но верно уменьшался в размерах с каждым использованием. Нам жизненно необходимы были ответы до того, как этот лазурный источник окончательно иссякнет, оставив нашу воскрешённую мать без защиты.

Часть 2. Доктор Мауро и аптекарский сад
Южный провинциальный городок встретил нас сонной, удушливой тишиной и узкими пыльными улицами. Воздух здесь был густым и влажным, пахнущим согретой солнцем землёй и цветущими травами. Мы без особого труда расспросили местных жителей и нашли дорогу к самой окраине, где у подножия пологого холма располагался небольшой одноэтажный дом с аккуратным аптекарским садом.

Местные бедняки отзывались о докторе Мауро с искренним благоговением: он бесплатно лечил шахтёров, помогал сиротам и брался за самые безнадёжные, запущенные случаи, когда обычная медицина пасовала.
Я подошёл к покосившемуся деревянному крыльцу и демонстративно, громко постучал в дверь металлической перчаткой фальшивого экзоскелета. Шарниры каркаса отозвались глухим, механическим лязгом.
Дверь нам открыл высокий, сильно исхудавший мужчина с седеющими волосами и бесконечно усталыми, глубоко запавшими глазами. Стоило его взгляду упасть на серебряный корпус Государственных часов, покачивающихся на моем поясе, как он мгновенно побледнел. Его лицо исказилось от ужаса, а правая рука инстинктивно и молниеносно потянулась к рукояти старого армейского пистолета, надёжно спрятанного во внутреннем кармане потрёпанного медицинского халата.
— Убирайтесь, — низким, прерывистым от волнения голосом произнёс он, намертво преграждая нам путь в дом. — Я больше не принимаю незнакомцев. Если вы прибыли с приказами от военных из Централа — немедленно убирайтесь прочь. Моё отшельничество окончено, и я не собираюсь возвращаться к работе на министерство.
— Доктор Марко, мы пришли не от Огненного алхимика и не по приказу штаба, — спокойно сказал Альфонс, делая шаг вперёд и мягко поднимая руки ладонями вверх. — Мы сыновья Вана Хоэнхайма. Мы ищем чистую алхимию, которую вы когда-то изучали вместе с ним.
Учёный замер, его рука на пистолете заметно дрогнула. Он внимательно, мучительно долго всматривался в наши лица, словно пытаясь отыскать в чертах сходство со своим старым коллегой. Наконец он тяжело, со свистом вздохнул, убрал оружие и

шире распахнул дверь, жестом приглашая нас войти в прохладный, затенённый полумрак своего дома.

Часть 3. Исповедь дезертира и лазурный шифр

Внутри дома было тихо, пахло сухими лекарственными травами, перекаленным спиртом, йодом и старой бумагой. Доктор Марко усадил нас за массивный дубовый стол, а сам опустился в кресло напротив, нервно перебирая пальцами края скатерти.

— Я действительно Тим Марко, — наконец произнёс он, и в его голосе послышалась глубокая, грызущая душу застарелая боль. — Много лет назад в строго засекреченных правительственных лабораториях Централа я возглавлял проект по созданию Философского камня. Государство требовало идеального, сокрушительного оружия, и я слепо шёл у них на поводу, искренне веря, что совершаю великий научный прорыв. Но когда началась Ишварская война, и мои черновые разработки применили на поле боя...

Он закрыл лицо руками, его худые плечи судорожно вздрогнули от подступивших воспоминаний.

— Я увидел истинную изнанку своей науки. Кровавый, удушающий кошмар, стирающий с лица земли целые жилые кварталы. Осознав, какую страшную, невыносимую боль и смерть приносит Философский камень, я больше не мог оставаться безвольным орудием в руках генералитета. Я дезертировал, выкрав часть секретных отчётов, чтобы они никогда больше не послужили злу.

Марко поднял на нас глаза, и в них впервые промелькнула искра фанатичной, чистой решимости.

— Я бежал сюда, на юг, но не один. Вместе со мной из столицы тайно ушли те немногие коллеги и ассистенты, кто верил, что алхимия должна созидать и исцелять, а не разрушать жизни. Мы не просто

прятались. Наша небольшая подпольная группа отчаянно пыталась искупить этот страшный грех перед погибшими. Сам этот чистый лазурный катализатор — Синий Камень, способный обойти закон эквивалентного обмена и не требующий человеческой крови — придумал и рассчитал ваш отец, Ван Хоэнхайм. Он нашёл способ черпать колоссальную энергию напрямую из Врат Истины. Я лишь помогал ему в исследованиях, ассистировал при опытах и скрупулёзно заносил каждую деталь и формулу в каталоги. На основе его теории мы смогли запустить контр-трансмутацию и теперь с помощью лазурной силы исцеляем местных бедняков, вытаскивая их с того света. Это наше единственное честное искупление.

Часть 4. Тайник в Центральной библиотеке

Я медленно залез во внутренний карман куртки, достал наш Синий Камень и бережно положил кристалл на стол.

— Отец оставил нам в тайнике точно такой же, — сказал я, всматриваясь в лазурные грани. — Но его ресурс тает с каждым использованием. Мы должны научиться создавать новые катализаторы, чтобы защитить маму и докопаться до истины.

Марко с благоговением, дрожащими пальцами коснулся светящейся лазурной грани.

— Хоэнхайм действительно завершил формулу… Но мои подробные личные записи, чертежи декомпозиционного оборудования и точные химические пропорции для стабилизации Синего Камня спрятаны не здесь. Если армейские ищейки доберутся до меня, этот дом сожгут до основания вместе со всеми бумагами. Я тайно вывез их в столицу и надёжно спрятал в Централе, в Первом

филиале Национальной библиотеки. Найдите их, пока до архивов не добрались гомункулы.
Он быстро взял со стола огрызок карандаша, набросал несколько коротких строк на клочке пергамента и протянул мне. Я прочитал: *«Истинная правда за правдой скрыта. Ищи в Первом филиале Национальной центральной библиотеки»*. Я кивнул и надёжно спрятал записку в потайной карман.

Часть 5. Налёт Баска Гранда и правая рука разрушения

Договорить доктор Марко не успел. Снаружи раздался резкий, оглушительный скрежет тормозов, за которым последовал тяжелый топот десятков армейских сапог по деревянному настилу. Входная дверь с грохотом разлетелась в щепки, и в комнату, вскинув винтовки, ворвались вооружённые солдаты Централа, а за ними — бригадный генерал Баск Гранд.
— Доктор Марко! — громко рявкнул генерал, сверкнув своими пышными стальными усами и сурово оглядев комнату. — Вы арестованы за дезертирство! Ваше многолетнее отшельничество окончено. Нам абсолютно плевать на ваши лазурные лекарства и подпольные госпитали для бедняков, военной машине нужны ваши ишварские отчёты и Философский камень!
Я инстинктивно рванулся вперёд, собираясь защитить бледного доктора, но стальные пластины моего помятого в прошлых стычках экзоскелета противно и намертво заклинило в коленном шарнире от резкого движения. Гранд уже вскинул свою руку, на которой тускло поблёскивало алхимическое боевое орудие.
Внезапно из густой, непроницаемой тени за массивным книжным шкафом бесшумно и

стремительно выскользнула высокая фигура в изорванном дорожном плаще. Шрам появился так молниеносно, что конвойные солдаты не успели даже вскинуть винтовки. Его правая рука, сплошь покрытая зловещими, замысловатыми татуировками декомпозиции, со свистом опустилась прямо на наплечник генерала. Мощный разрушительный импульс алхимии Ишвара в одно мгновение в щепки разбил тяжелые стальные доспехи Гранда.
Бригадный генерал с глухим стоном рухнул на колени, а затем повалился на пол, полностью потеряв сознание.
— Он жив, я не убиваю поверженных и безоружных, — ледяным, бесстрастным тоном произнёс Шрам, бросив короткий взгляд на испуганного доктора Марко и его замерших в углу ассистентов.
В ту же секунду из разбитого окна ловко выскользнул Зависть. Гомункул с диким, мерзким хохотом подхватил обмякшее тело бессознательного генерала, закинул его на плечо и мгновенно исчез в темноте ночного двора. Солдаты внутренней охраны, лишившись своего командующего и перепуганные появлением гомункула, в полной панике бросились наутёк, бросая оружие.

Часть 6. Вынужденный побег на север
Дом погрузился в тревожную, звенящую тишину. Шрам медленно повернулся к нам, его красные ишварские глаза зловеще блеснули в полумраке из-под низко надвинутого капюшона.
— Мы ещё встретимся, Стальной алхимик, — глухо бросил он, развернулся и бесшумно растворился в ночной прохладе за разбитым окном.
Доктор Марко тяжело прислонился к стене, его руки всё ещё мелко дрожали от пережитого шока. Он прекрасно понимал, что его мирная, уединённая

жизнь на южной окраине окончательно и безвозвратно разрушена. Вместе с ним испуганно переглядывались и другие медики из его подпольной группы.
— Гранд быстро придёт в себя, или Брэдли пришлёт за мной новых, более опасных гомункулов, — тихо произнёс доктор, торопливо собирая в дорожную сумку остатки лазуритных реактивов и медикаментов. — Вам нельзя оставаться со мной, это смертельно опасно.
— Вы едете с нами, Марко, — решительно и твёрдо отрезал я, силой выпрямляя заклинивший поршень экзоскелета. — Мы не оставим вас и ваших людей здесь на убой. Мы укроемся в безопасном месте, а затем вместе тайно доберёмся до Центральной библиотеки и поднимем каталоги с формулами нашего отца.
Марко удивлённо посмотрел на нас с Альфонсом, и в его усталых глазах впервые за долгие годы скитаний блеснула немая, глубокая человеческая благодарность. Он молча, согласно кивнул.
Мы покинули разоренный дом под покровом ночной темноты и укрылись в заброшенном деревянном сарае на самом краю плато. Мы сидели на сухой соломе, напряжённо прислушиваясь к далёкому вою ветра. Лира тихо села между мной и Алом, её рука бережно лежала на моём плече, а Марко устроился напротив. Я крепко сжимал в кармане записку с шифром. Мы обрели надёжных союзников, и теперь наш путь лежал прямо в опасные архивы столицы.

Глава 13. Резня в Ишваре

Часть 1. Ночные откровения
В старом сарае на краю плато было темно. Единственный бледный луч луны пробивался сквозь щели в деревянных стенах, тускло освещая наши лица. Мы сидели на сухой соломе, напряжённо

прислушиваясь к каждому шороху ночной пустыни, но вокруг стояла звенящая тишина. Доктор Марко сидел напротив меня, его лицо казалось бледным, но в глазах горел тяжёлый, мрачный огонь. Лира тихо устроилась рядом с Альфонсом, её ладонь бережно лежала на его плече.

— Вы должны знать всю правду, — глухо произнёс Марко, словно вытаскивал из себя давно похороненные воспоминания. — О том, что на самом деле произошло в Ишваре. Только тогда вы поймёте, почему мы сбежали из Централа. Почему мы не можем просто вернуться к нормальной научной жизни.

— Расскажите, доктор, — тихо попросил я.

Марко глубоко, прерывисто вздохнул. Его голос поначалу заметно дрожал, но с каждым новым словом становился всё твёрже:

— Этот разрушительный конфликт назревал годами. Всё началось с религиозного раскола. Ишварцы свято верили, что классическая алхимия — это страшный грех перед их Творцом. Они считали, что мы пытаемся играть в Бога, искажая первозданную структуру материи. Напряжение между их коренным народом и правительством Аместриса росло. А затем один армейский офицер случайно ранил ишварского ребёнка. Это стало той самой безумной искрой, которая мгновенно разожгла пламя гражданской войны.

Он на мгновение замолчал, и я видел, как его пальцы до белизны суставов сжались в кулаки.

— Эта кровопролитная война длилась долгих семь лет. Ишварцы сражались отчаянно, с пугающим мужеством. Они до последнего вздоха защищали свои дома, свои семьи, свою древнюю веру. Но у них не было ни единого шанса против регулярной армии Аместриса. У них не было нашей разрушительной науки. У них была только слепая вера. И этого оказалось слишком мало.

Часть 2. Очищенная вода

Марко перевёл дыхание, и в сарае снова воцарилась тяжёлая, свинцовая тишина. Даже ночной ветер за стенами, казалось, полностью стих.
— В самом конце войны высшее военное командование приняло страшное решение, — Марко опустил голову, и его голос опустился до шёпота. — Государственные алхимики были массово брошены в Ишвар для окончательного подавления восстания. Генерал Баск Гранд и другие командующие заставили нас использовать очищенную красную воду, чтобы колоссально усилить наши боевые способности. Ту самую ядовитую Красную воду, следы которой вы позже обнаружили в Ксенотайме. С её помощью государственные алхимики уничтожали ишварские города, стирая с лица земли целые жилые кварталы. Это была не война, Эдвард. Это было тотальное, безжалостное истребление.
Я потрясённо смотрел на него, чувствуя, как внутри меня волной закипает глухой гнев. Лира испуганно прикрыла рот ладонью, её фиолетовые глаза лихорадочно блестели от подступающих слёз.
— Но вы ведь не хотели этой трагедии, — тихо произнёс Альфонс. — Вы ведь не могли желать такого кошмара.
— Я мог бы отказаться, Альфонс, — с невыносимой, горькой укоризной ответил Марко. — Я мог бы бросить всё ещё тогда, но я оказался трусом. Я малодушно думал, что если буду беспрекословно выполнять приказы верхушки, то смогу выжить. Я упрямо продолжал ассистировать Хоэнхайму, надеясь, что его Синий Камень станет спасением, но параллельно записывал и то, что требовали военные. Я стал безвольной частью этого ишварского кошмара.
Он поднял на меня взгляд, полный глубокой боли.
— Во время той войны я близко знал двух удивительных врачей из Аместриса, — сказал он. — Они были полевыми медиками и лечили абсолютно всех без разбора — и наших раненых солдат, и покалеченных ишварских повстанцев. Они свято

верили, что клятва врача и ценность человеческой жизни стоят намного выше любой грязной политики. Их звали Урей и Сара Рокбелл.
Я мгновенно замер, а сердце в груди пропустило удар. Рокбеллы. Родители нашей Винри. Лира тихо ахнула, испуганно переглянувшись с побелевшим Альфонсом.
— Генерал Баск Гранд посчитал их милосердие государственной изменой и приказал немедленно арестовать врачей, — продолжил Марко. — Выполнить этот грязный приказ должен был молодой полковник Рой Мустанг, который только что получил своё звание. Гранд хотел лично проверить его абсолютную лояльность системе. Он хотел увидеть, сможет ли Мустанг подчиниться жестокому приказу.
— И что произошло дальше? — спросил я, чувствуя, как у меня пересохло во рту.
— Мустанг не смог переступить через свою человечность, — тихо ответил Марко, и на его лице впервые промелькнула слабая улыбка. — Он встал перед ними и наотрез отказался выполнять это требование. Вместо этого он тайно арестовал их и отправил в Центральную тюремную инспекцию под вымышленными именами, чтобы надежно спрятать от Гранда и спасти им жизни. На самом деле родители Винри живы и все эти семь лет тайно находятся под стражей в глубоких подземных ярусах столицы, числясь в документах как безымянные арестанты. Именно этот поступок Роя окончательно открыл мне глаза. Осознав, что среди военных еще остались люди, я тайно дезертировал вместе со всей своей группой подпольщиков. Мы бежали из Ишвара и долго скрывались на Юге, пока Мустанг строил карьеру в Централе, пытаясь добраться до архивов и вытащить врачей законным путем.
Альфонс ошеломлённо выдохнул.
— Они действительно живы? — переспросил он, словно не веря собственным ушам.

— Живы, — твёрдо подтвердил Марко. — Мустанг тогда рискнул всей своей карьерой и жизнью, чтобы защитить их. Именно этот поступок Роя окончательно открыл мне глаза.
— Вы помогли ему сохранить душу, доктор, — тихо сказала Лира.
— Я просто помог нам обоим остаться людьми, — горько покачал головой Марко. — Но это, увы, не изменило участи Ишвара. Большинство его коренных жителей были лишены всего. А те редкие беженцы, кто чудом выжил в той войне, навсегда остались без домов, без недель и без всякой надежды на справедливость.
Он замолчал, и в сыром полумраке сарая снова повисла тяжёлая, давящая тишина.
— Мы обязаны рассказать об этом Винри, — твёрдо сказал я, поднимаясь с соломы. — Она имеет полное право знать, что её родители живы.
— Обязательно расскажете, Эдвард, — тихо согласился Марко. — Но сначала мы должны спастись сами и поднять из архивов библиотеки каталоги Хоэнхайма. Без формул чистой лазурной энергии нам не одолеть эту систему.

Часть 3. Джульетта Дуглас

На самом рассвете, когда первые холодные лучи солнца только коснулись горизонта, нас резко разбудил нарастающий гул мощных автомобильных моторов. Мы осторожно выглянули из щелей сарая и похолодели: на пыльную площадь перед домом Марко стремительно въезжали бронированные армейские машины. Вооружённые до зубов солдаты Централа быстро брали здание в плотное оцепление. Генерал Баск Гранд, очевидно, быстро пришёл в себя после сокрушительного удара Шрама и вернулся со всей своей гвардией.
— Они всё-таки вычислили этот сектор, — тихо сказал я, натягивая плащ и проверяя фиксаторы экзоскелета. — Доктор, мы должны помочь вам и вашей группе пробиться через оцепление.

— Нет, Эдвард, даже не думай, — твёрдо и решительно ответил Марко, преграждая мне путь к выходу. — Если вы сейчас вмешаетесь, Гранд мгновенно схватит и вас как соучастников. Вы просто погубите себя. Вы должны во что бы то ни стало уходить через задние холмы. Бегите в столицу, найдите мои зашифрованные записи. Чистый Синий Камень существует, и только он сможет остановить этот кошмар.
Прежде чем мы успели возразить, доктор Марко решительно вышел из сарая и спокойным, размеренным шагом направился прямо к своему дому, добровольно сдаваясь военным, чтобы надежно отвлечь их внимание от нашего укрытия. Мы с Алом и Лирой осторожно последовали за ним, скрытно пробираясь между густыми кустами на склоне холма. Прямо перед крыльцом из тени штабного автомобиля грациозно вышла статная женщина в строгом синем мундире. Её длинные каштановые волосы плавно развевались на утреннем ветру, а фиолетовые глаза с ледяным торжеством сверкали в лучах солнца. Это была Джульетта Дуглас — личный секретарь Фюрера, носившая лицо нашей матери. На её левой ключице багровым шрамом отчётливо проступало клеймо Уробороса — змея, пожирающего собственный хвост.
— Доктор Тим Марко, — произнесла она, и её мягкий, пугающе знакомый голос заставил меня внутренне сжаться. — Фюрер Кинг Брэдли приказал немедленно взять вас под стражу. Ваши лазурные исследования и ишварские отчёты отныне официально объявляются собственностью государства.
Марко остановился перед ней, его лицо было бледным, но взгляд оставался абсолютно прямым.
— Я пойду с вами без сопротивления, — тихо, но отчётливо сказал он. — Но взамен я требую, чтобы ваши карательные отряды немедленно покинули этот город и не трогали мирных жителей.
Джульетта Дуглас снисходительно, холодно улыбнулась.

— Разумеется, доктор. У Главного командования нет никаких причин задерживать местных жителей.
Она на секунду повернула голову в сторону нашего холма, словно её фиолетовый взгляд мог пробить густую листву кустов, и добавила, повысив голос:
— Эдвард Элрик, я настоятельно советую вам проявить благоразумие и не вмешиваться в дела министерства. Возвращайтесь к своим обязанностям.
Я в ярости сжал кулаки, но Альфонс крепко удержал меня за плечо, не позволяя совершить глупость.
Солдаты подхватили доктора Марко под руки и посадили его на заднее сиденье броневика.
— Прощайте, мальчики! — оборачиваясь в самый последний раз, крикнул нам Марко. — Найдите мои записи в столице! Помните о формуле Хоэнхайма!
Машина с ревом тронулась с места, увозя доктора Марко прочь в сторону Централа.

Часть 4. Конец генерала

Когда основная колонна военных машин скрылась за поворотом пыльной дороги, у разбитого крыльца дома остался лишь штабной автомобиль генерала Баска Гранда. Сам генерал стоял на пороге с самодовольной ухмылкой, с презрением глядя на опустевший аптекарский сад дезертира.
— Отличная работа, операция завершена безупречно, — громко проговорил он, обращаясь к оставшимся конвойным. — Брэдли будет доволен. Теперь вся лазурная альтернатива Марко под нашим полным контролем.
Внезапно из густой тени за углом здания бесшумно и стремительно выскользнула высокая фигура. Зависть подошел к генералу со спины с пугающей кошачьей грацией. Его длинные тёмно-зелёные волосы растрепались по плечам, а на бледном лице играла мерзкая, торжествующая ухмылка.
— Ты действительно отлично справился со своей задачей, генерал Гранд, — ехидно прошипел гомункул. — Ты помог нам выкурить Марко из его норы. Но ты стал слишком много знать о планах

Фюрера и о секретных армейских проектах. А хозяин очень не любит лишних свидетелей.
Гранд резко, в полной панике обернулся, пытаясь вскинуть своё алхимическое оружие на руке, но Зависть действовал со сверхчеловеческой скоростью. Гомункул нанёс один короткий, сокрушительный удар наотмашь прямо в челюсть военного. Раздался глухой хруст, и Баск Гранд, даже не успев вскрикнуть, кубарем покатился по ступеням крыльца, распластавшись на земле в глубоком обмороке.
— Заберите эту тушу, — лениво приказал Зависть растерянным солдатам личной охраны генерала, которые от страха перед гомункулом послушно опустили винтовки. — Мы везём его в Централ. В самые глубокие подземные карцеры. Там, в темноте, он будет молчать обо всём, что видел. Навсегда.
Солдаты торопливо подхватили бессознательное тело Гранда, погрузили его в автомобиль и на полной скорости рванули вслед за уехавшей колонной.
Зависть медленно повернулся в сторону нашего холма, его фиолетовые глаза на миг вспыхнули диким, издевательским огнём. Он шутливо отдал нам честь двумя пальцами и с тихим смехом мгновенно растворился в утреннем тумане.
Мы с Алом и Лирой медленно вышли из своего укрытия и спустились к разоренному дому доктора. Вокруг царил полный хаос: разбитые аптечные склянки и осколки деревянной двери.
— Записи Марко… — тихо, сдерживая дрожь в голосе, произнёс Альфонс. — Они действительно наша единственная надежда. Мы обязаны добраться до Центральной библиотеки раньше гомункулов.
Я решительно сжал в кармане записку Марко с шифром Хоэнхайма. Впереди нас ждала столица Аместриса, полная заговоров, но у нас не осталось иного пути. Мы должны были поднять архивы лазурита, чего бы нам это ни стоило.

Глава 14. Утраченное

Часть 1. Вечерний экспресс и ментальный каркас

Мерный, ритмичный и убаюкивающий стук колёсных пар южного экспресса полностью заполнял всё замкнутое пространство нашего тесного, погружённого в полумрак купе. Поезд на полной скорости разрезал густые, тяжёлые вечерние сумерки, стремительно унося нас прочь от провинциального перрона, где всего несколько часов назад гомункулы и карательные отряды Джульетты Дуглас на глазах у ошеломлённых горожан взяли под стражу доктора Марко.

В воздухе купе всё ещё висел невидимый, но удушающий груз. Тяжёлая, вымученная исповедь Марко о трагедии в Ишваре, услышанная нами в сыром придорожном сарае, до сих пор эхом горела в ушах. Алхимия, которую мы с Альфонсом с самого раннего детства считали чистой, доброй сказкой из отцовского кабинета, обернулась кошмаром — разрушительным инструментом для истребления и подавления, способным за секунды стирать с лица земли целые жилые кварталы.

Я сидел у самого окна, низко надвинув на глаза дорожную шляпу, и изо всех сил прижимал правую руку к телу. Мой фальшивый экзоскелет — громоздкая, сложная конструкция из полых стальных пластин, поршней и клапанов, наспех собранная Винри для маскировки — неприятно давил на плечо, оставляя на коже глубокие красные полосы. Под этим холодным железом скрывалась абсолютно целая, полностью здоровая и невредимая живая плоть. Но сейчас, когда через узкий проход от нас на соседней полке восседал майор Алекс Луи Армстронг, мне приходилось каждую секунду симулировать привычную тяжесть, жёсткость и скованность движений «инвалида», тратя на удержание этого блефа колоссальные ментальные силы.

В кармане куртки жгла бумагу короткая записка Марко: *«Истинная правда за правдой скрыта. Ищи в Первом филиале Национальной центральной библиотеки»*. Это была наша единственная соломинка, ради которой мы мчались обратно в столицу.
— Брат, — негромкий, пугающе глухой голос Альфонса заставил меня резко вздрогнуть.
Он сидел напротив, бледный, неподвижно уставившись в деревянный пол вагона. Лира устроилась рядом с ним, её фиолетовые глаза были полны глубокой тревоги. Она осторожно, бережно коснулась его руки, но Ал даже не пошевелился. Он был полностью раздавлен. Осознание того, что алхимия — это не только созидание ради любви к маме, но и страшная, разрушительная сила, окончательно подкосило его веру в нашу науку.
— Всё в порядке, Ал, — тихо ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно увереннее. — Мы доберёмся до Централа. Мы поднимем его записи и найдём чистый путь Хоэнхайма.
Поезд начал заметно замедлять ход. Со скрежетом скрипнули тормоза, и за мутным стеклом замелькали блёклые, качающиеся огни маленькой промежуточной станции. Проводник лениво объявил в коридоре десятиминутную стоянку.
— Я выйду. Нужно подышать воздухом, — глухо бросил Ал, тяжело поднимаясь с сиденья.
— Юные Элрики, не задерживайтесь! Поезд тронется быстро! — зычно прогремел майор Армстронг, сверкнув в полумраке своей благородной лысиной, но Ал уже бесшумно скользнул в тамбур. Лира без лишних слов поднялась и последовала за ним.

Часть 2. Лесная чаща и крик души

Когда спустя пять минут я вышел из душного вагона на дощатый перрон, удушливый страх мгновенно сжал мне горло. Платформа была абсолютно пустой, одинокие керосиновые фонари раскачивались от порывов ветра, но ни Ала, ни Лиры нигде не было видно.
— Ал! — крикнул я, панически оглядываясь по сторонам. — Ал, где ты?!
— Парень, — лениво окликнул меня сонный станционный смотритель, высунувшись из будки и кивнув в сторону тёмной, глухой стены густого леса, подступавшего к самым путям. — Твой приятель и черноволосая девчонка пошли туда. Минут пять назад. Твой брат выглядел совсем сам не свой, шёл как лунатик, а девчонка пыталась его догнать.
Я не стал возвращаться за Армстронгом. На ходу застёгивая плащ, я сорвался на бег и скрылся в густой, пахнущей сыростью и хвоей лесной чаще.
В лесу было темно и тихо. Я продирался сквозь цепкие, колючие кусты, и стальные пластины моего экзоскелета противно, громко скрежетали по веткам. Я отчаянно выкрикивал имя брата, пока голос не начал срываться на хрип.
Наконец, я на полной скорости выскочил на небольшую, залитую лунным светом поляну и резко замер. В самом центре неё стоял Ал. Перед ним переминался с ноги на ногу незнакомый деревенский мальчишка, который с вызовом и детским упрямством смотрел на моего брата. Мальчик просил Ала помочь ему в какой-то местной ребяческой потасовке, наивно приняв его из-за внушительного, широкого телосложения за сильного воина, способного решить любые проблемы. Но Ал, чья душа всё ещё кровоточила от ишварских откровений Марко, лишь медленно качал головой.
— Сила не в том, чтобы причинять боль другим, — тихо, но с пугающей, ледяной тоской в голосе говорил Альфонс, глядя на ребёнка. — Сила в том, чтобы защищать тех, кто тебе дорог. Алхимия,

которую мы учили ради любви к маме, может быть опасным оружием. Я не хочу быть соучастником этого кошмара. Я просто шёл, чтобы заглушить этот гул в голове.
Лира стояла чуть позади Ала, её фиолетовые глаза были полны глубокого сострадания. Она повернулась ко мне, заметив моё появление:
— Эд, не кричи на него. Ему нужно было просто вырваться из этого душного купе.
Я виновато смолк, тяжело дыша. Мальчишка, окончательно поняв, что «грозный воин» не собирается ввязываться в драку, разочарованно фыркнул и скрылся в кустах.

Часть 3. Экстренный сброс и ложная пустота
Едва мальчик исчез в зарослях, как с противоположной стороны поляны бесшумно и стремительно выскользнула маленькая, босая девочка в изодранном платьице. Её глаза дико, лихорадочно блестели от первозданного страха. Прежде чем я успел сделать хотя бы вдох или сообразить, что происходит, она молниеносным, отчаянным движением рванулась прямо ко мне, уцепилась ручонками за нижние фиксаторы моего экзоскелета на правой ноге и с силой дёрнула замаскированный рычаг экстренного сброса.
Винри встроила этот фиксатор для непредвиденных, экстренных случаев, и механизм под натяжением сработал безупречно. Полые стальные пластины фальшивого протектора голени с громким металлическим лязгом и шипением пара отвалились, оставшись в руках у маленькой воровки. Девочка перепугано вскрикнула, прижала помятый каркас к своей груди и пулей бросилась обратно в лесную чащу.

— Эй! Стой! Отдай, это моё! — в полной панике заорал я, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Этот стальной каркас был основой всей нашей маскировки. Если кто-то из военных увидит, что под «автоброней» скрывается абсолютно целая, здоровая и невредимая нога, вся наша легенда рухнет в одно мгновение, выдав чудо воскрешения. Игнорируя удивлённых Ала и Лиру, я, сильно прихрамывая из-за отсутствия половины экзоскелета, бросился вдогонку за девчонкой.

Погоня вывела меня на дальнюю опушку леса, где у самого склона холма стоял покосившийся, старый деревянный дом с заколоченными досками окнами. Девочка шмыгнула прямо в приоткрытую деревянную дверь, и я, тяжело дыша, ворвался следом за ней.

— А ну верни ногу, маленькая ты… — слова мгновенно застряли у меня в горле.

Внутри дома было темно и пахло сухими лекарственными травами, старой кожей и мазями. В самом центре комнаты, в старом деревянном кресле-качалке, сидел пожилой мужчина. Его лицо было бледным, полностью покрытым глубокими, суровыми морщинами, а седые волосы растрёпаны. Его правая штанина была аккуратно подогнута и заколота старой булавкой — ноги выше колена не было.

Девочка испуганно прижалась к его плечу, бережно удерживая помятые стальные пластины моего экзоскелета. Заметив меня на пороге, старик не на шутку разволновался. Переводя взгляд с моей ободранной ноги на внучку, он строго и громко позвал её, требуя немедленных объяснений:

— Алана! Алана, девочка моя, что ты опять натворила?! Где ты это взяла? Отдай сейчас же!

Часть 4. Разговор со старым ветераном

У меня мгновенно пересохло во рту. Вся моя ярость испарилась, уступив место удушающему, липкому стыду. Эта маленькая босая Алана совершила кражу из чистой, наивной любви к своему деду, искренне веря, что эти железные куски помогут ему снова ходить. А я? Я носил это железо ради грандиозной, выверенной лжи, скрывая под ним абсолютно здоровую, целую плоть.
Старик медленно опустил руку на голову внучки, успокаивая её, а затем поднял на меня свои тяжёлые, тусклые глаза. В них не было страха. Только вековая, свинцовая усталость.
— Прости её, алхимик, — тихо, но веско произнёс он, и его глубокий голос заставил меня внутренне сжаться. — Обычное дитя. Не понимает, что сталь не заменит то, что унёс огонь.
— Вы... вы были солдатом? — спросил я, и мой голос сорвался на шёпот.
— Я потерял её в Ишваре, — старик горько, безрадостно усмехнулся, коснувшись пальцами подогнутой штанины. — Был в пехоте. Видел, к чему приводят эти разрушительные алхимические приказы... Нога осталась там, в песке. Мне предлагали армейские протезы, автоброню. Но я наотрез отказался.
— Почему? — вырвалось у меня. — Ведь с ней было бы гораздо легче.
— Эта пустота — мой шрам, мальчик. Она каждый божий день напоминает мне о том, что я пережил. Напоминает, что я должен помнить о погибших товарищах и о трагедии этой войны. Истинная утрата должна оставаться честной. Её нельзя заменить подделкой, фальшивым железом, чтобы сделать вид перед самим собой, будто ничего страшного не случилось.
Каждое его слово било по мне, как тяжелый кузнечный молот. Он принимал свою физическую пустоту как священную, честную память. А я искусственно создал иллюзию пустоты, чтобы

спрятать чудо воскрешения матери. Мне стало невыносимо, до тошноты стыдно перед этим ветераном.
— Мы с Алом… мы просто хотим исправить прошлое, — пробормотал я, виновато опуская глаза в пол. — Найти ответы. Вернуть то, что у нас отняли.
Старик тяжело вздохнул, и в его кресле что-то жалобно, протяжно скрипнуло:
— Ты слишком наивен, мальчик, если думаешь, что сможешь исправить прошлое. То, что ушло, принадлежит истории. Не ищи силы, способной повернуть время вспять — её просто нет. Прошлое абсолютно неизменно. Береги то, что у тебя есть сейчас. Своего брата. Своих друзей. Это гораздо больше, чем осталось у большинства из нас после войн.
Алана робко взглянула на меня, тихо шмыгнула носом и протянула мне стальные пластины. Её ладошки были холодными.
— Прости, железный брат… — совсем тихо прошептала она.
— Всё в порядке, — я аккуратно взял каркас и быстрыми, привычными движениями защёлкнул фиксаторы обратно на своей здоровой голени. Металл послушно, звонко лязгнул, возвращая мне статус «калеки». — Спасибо тебе. И… береги дедушку.
Старик молча кивнул мне на прощание:
— Иди. И никогда не позволяй прошлому определять твоё будущее.

Часть 5. Назад к экспрессу и смена маршрута
Когда я вернулся на поляну, Ал и Лира всё ещё стояли у края просеки. Из леса с шумом вывалился запыхавшийся, сильно раскрасневшийся майор Армстронг. Марафоны по чаще явно не входили в его

планы, но увидев, что все живы, он мгновенно расплылся в своей фирменной благородной улыбке:
— Юные Элрики! О, и прекрасная Лира! Я обыскал весь перрон! Поезд даёт финальный гудок, мы должны немедленно вернуться в вагон, иначе Централ уедет без нас!
Он буквально подхватил нас с Алом под мышки своими мощными ручищами и, увлекая за собой Лиру, понёсся обратно к путям. Мы влетели в тамбур в ту самую секунду, как состав с тяжёлым скрежетом тронулся с места.
Мы сидели в купе, тяжело дыша. Армстронг ушёл в соседний вагон за горячим чаем, оставив нас одних. Лира тихо сидели рядом с Алом, бережно потирая его холодные, дрожащие ладони.
Альфонс долго смотрел в тёмное окно, где в предрассветных сумерках медленно исчезали очертания лесной станции. В его глазах больше не было бунта, только глубокая, осознанная тоска. Он медленно повернулся ко мне, и его голос дрогнул:
— Брат… я не хочу сейчас в Централ.
Я удивлённо поднял на него глаза.
— Ал, но как же записки Марко? — спросил я, чувствуя, как внутри снова нарастает тревога.
— Марко под стражей, в Централе нас ждут гомункулы, армия и новые тайны. После его рассказа об Ишваре, после этого леса… мне страшно, Эд. Перед тем как прыгнуть в эту столичную бездну, мне жизненно необходим глоток дома. Я хочу поехать в Ризенбург. Я хочу увидеть маму. Хочу обнять её, почувствовать, что она жива и в безопасности, чтобы вспомнить, ради чего мы вообще всё это начали.
Лира посмотрела на меня и мягко кивнула, полностью поддерживая Ала. Ему, живому человеку из плоти и крови, этот приют был нужен как воздух. Да и мне, если честно, тоже.
— Хорошо, Ал. На следующей узловой станции мы пересядем на ветку до Ризенбурга. Мы едем домой.

Поезд нёсся вперёд, временно меняя наш маршрут. Мы откладывали Централ. Нам нужно было коснуться тепла нашей воскрешённой матери, прежде чем столица поглотит нас целиком.

ГЛАВА 15. Дом, где ждёт семья

Часть 1. Возвращение в Ризенбург

За окном вагона мерно проплывали бескрайние зелёные поля, постепенно сменявшиеся пологими холмами, покрытыми яркой, сочной весенней зеленью. Солнце светило по-летнему ярко, и в купе было тепло, почти душно, отчего воздух казался густым и пахнущим разогретым дорожным сукном. Мы возвращались в Ризенбург. Домой. Туда, где прошло наше детство, и туда, где нас ждал единственный надёжный приют после всего того безумия, через которое нам пришлось прорваться в Централе.

Я сидел у самого окна, лениво прислонившись лбом к прохладному стеклу. Моё правое плечо и колено привычно, изнуряюще ныли — фальшивый металлический экзоскелет, хоть и сидел значительно удобнее прежнего после ювелирной настройки старого мастера Доминика в горах Раш-Вэлли, всё равно напоминал о себе при каждом резком толчке вагона. Металл есть металл. Я уже давно смирился с тем, что эта полая стальная броня — моя вторая кожа, тяжёлый маскировочный каркас, который я обязан носить поверх своих абсолютно целых, здоровых и невредимых рук и ног ради сохранения нашей главной тайны.

Винри дремала рядом со мной, её голова мирно покоилась на моём левом, живом плече. Она безумно

устала после всех тех страшных потрясений, что обрушились на нас в столице, и я старался лишний раз не шевелиться, чтобы не потревожить её хрупкий сон. Её светлые волосы слегка растрепались, а на бледном лице наконец-то исчезло то испуганное, затравленное выражение, с которым она бежала из мясной лавки Барри.

Ал и Лира сидели напротив нас, их пальцы были крепко, доверчиво переплетены. Они тихо, почти шёпотом разговаривали о чём-то своём, и я замечал, как Лира время от времени тепло улыбается чему-то, что брат шептал ей на ухо. За время нашего совместного, полного опасностей путешествия Лира стала не просто попутчицей — она стала неотъемлемой частью нашей немногочисленной лазурной команды, частью нашей семьи. Я видел, как Ал смотрит на неё, как его лицо мгновенно светлеет, когда она находится рядом, и глубоко внутри я был искренне рад за брата. После всего того ада, через который мы прошли, он заслужил право на обычное человеческое счастье.

Майор Алекс Луи Армстронг сидел через проход, поглядывая на нас со своей неизменной одобрительной, благородной улыбкой. Его внушительная, мускулистая фигура едва умещалась на узком сиденье вагона, а на лысине то и дело вспыхивали яркие янтарные блики от солнца. Его присутствие в купе казалось мне одновременно раздражающим и успокаивающим — он был сильным, надёжным союзником, готовым в любую секунду закрыть нас своим телом, хотя его вечный пафос и фамильные мускулы иногда утомляли до глубины души.

— Брат, — негромко сказал Ал, нарушая затянувшуюся тишину и аккуратно переводя взгляд на меня. — Ты думаешь, полковник Мустанг сможет удержать ситуацию в Централе под контролем после нашего поспешного отъезда?

— Мустанг — хитрый и расчётливый лис, Ал, — ответил я, поправляя воротник куртки левой рукой. — Он прекрасно знает, что делает. Раз уж Брэдли и гомункулы начали открытую охоту за нами из-за Пятой лаборатории, наш побег на Север был единственным способом увести удар от его штабной группы. Теперь, когда у нас в кармане лежит Синий Камень, а в вещмешке Лиры — ещё три новых лазурных кристалла, мы должны сосредоточиться на защите нашего собственного дома.
— Но самое главное, что мы везём с собой, — это правда, — тихо заметила Лира, поворачиваясь ко мне, и её фиолетовые глаза сосредоточенно блеснули. — Правда, которую доктор Марко открыл нам перед своим арестом. Правда о том, что случилось во время Ишварской войны, и о том, на какие колоссальные жертвы пошёл Мустанг, чтобы спасти невинных.
Я молча кивнул, и моё сердце в груди пропустило удар от нахлынувшего волнения. Я невольно опустил левую ладонь во внутренний карман жилета, бережно нащупывая прохладный корпус нашего первородного Синего Камня. Он уменьшился до двадцати трёх миллиметров, его лазурное тепло пульсировало слабо, но ровно. Мы везли на Север не просто катализатор. Мы везли домой тех, кого вся страна уже долгих семь лет считала безвозвратно погибшими на ишварском песке.
Поезд начал заметно замедлять свой ход. С тяжёлым, пронзительным скрежетом скрипнули тормозные колодки, колёса в последний раз стукнули на стыках рельсов, и проводник лениво объявил на весь коридор:
— Станция Ризенбург. Стоянка поезда — десять минут.

Часть 2. Встреча с Пинако

Мы вышли из душного вагона на дощатый перрон, и знакомый, до боли родной запах свежего домашнего хлеба, цветущих трав, парного молока и влажной северной земли мгновенно ударил в нос. Всё вокруг

было точно таким же, как и в годы нашего раннего детства. Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая бескрайние ризенбургские холмы в тёплые, багровые и золотистые тона. Мы с Алом медленно шли по пыльной грунтовой дороге, и каждый шаг по этой родной земле отзывался в моей груди щемящей, кусачей тоской.
— Мы наконец-то дома, брат, — тихо сказал Ал, оглядывая проплывающие мимо аккуратные фермерские домики с черепичными крышами.
— Да, Ал, — ответил я, силой выпрямляя заклинивший поршень на левой ноге. — Домой.
Мы быстро подошли к широкому двору дома Рокбеллов. Трёхногий пёс Ден, сидевший у крыльца, мгновенно почувствовал наше приближение, вскочил и с радостным, оглушительным лаем бросился нам навстречу, преданно виляя хвостом. На этот шум из дверей дома показалась бабушка Пинако — маленькая, сухонькая, с неизменной дымящей трубкой в зубах. Она остановилась на пороге, окинула нашу потрёпанную компанию долгим, притворно строгим взглядом и со вздохом покачала седой головой.
— Ну, наконец-то, сорванцы, — сказала она, выпуская изо рта сизый клуб дыма. — Я уже начала думать, что вы окончательно позабыли дорогу к собственной деревне, застряв в своих столичных министерствах. Выглядите ужасно, оба. Пыльные, худые, как церковные мыши. Особенно ты, Эдвард. Твой плащ висит на тебе как на пугале.
— Бабуля, мы… — попытался было оправдаться я, шагнув вперёд, но она лишь раздражённо махнула рукой.
— Твоя фальшивая автоброня выглядит так, будто ты провёл её через гидравлический пресс, — фыркнула Пинако, затягиваясь трубкой. — Винри из-за вас места себе не находила все эти недели. Она всё утро гремела инструментами в мастерской и без умолку

ворчала, что ты, Эд, наверняка снова сломал её лучший каркас в первой же столичной потасовке.
В этот самый момент из открытого окна инженерной пристройки со свистом вылетел тяжёлый стальной гаечный ключ и с глухим, сочным стуком приземлился точно мне в лоб. Я покачнулся от неожиданности, перед глазами на секунду заплясали яркие лазурные искры, и я едва не рухнул в пыль, судорожно схватившись за ушибленное место.
— Эдвард Элрик! — раздался гневный, звонкий голос Винри. Она стремительно выбежала на крыльцо, сжимая в руках ещё один массивный ключ. Её светлые волосы были небрежно собраны в хвост, на щеке виднелось пятно от машинного масла, а на лице застыло выражение самого праведного, яростного гнева. — Посмотри, во что ты превратил мой шедевр! Пластины погнуты, поршни люфтят! Ты опять использовал экзоскелет в реальном бою, на который он совершенно не рассчитан?!
— Винри, успокойся, ради всего святого! — запричитал я, пятясь назад и продолжая тереть шишку на лбу левой рукой. — Это была не моя вина! Там были гомункулы, лаборатория начала рушиться...
— Ты всегда находишь глупые оправдания! — она в два прыжка слетела со ступеней и бесцеремонно принялась дёргать зажимы на моём правом плече. Её пальцы двигались быстро, профессионально. — Мне понадобится как минимум три дня полной тишины и тонна первосортного титана, чтобы полностью перебрать этот маскарад и подогнать крепления под твой дурацкий рост! Ты ведь опять немного подрос, Эд!
— Подрос?! — я мгновенно просиял, мгновенно позабыв про ушибленный лоб. — Слышал, Ал?! Она сказала, что я подрос!
— Совсем чуть-чуть, брат, не обольщайся, — усмехнулся Ал, и Лира рядом с ним тихо, мелодично рассмеялась, глядя на нашу привычную ризенбургскую перепалку.

Когда первая суматоха наконец-то улеглась, мы всей толпой вошли в прохладную гостиную дома Рокбеллов. Внутри пахло сухими целебными травами, свежеиспечённым хлебом и воском. Всё здесь было точно таким же, как и в нашей детской памяти — старый диван с потёртой кожаной обивкой, массивный дубовый стол и старинные настенные часы, которые всегда спешили на несколько минут. Армстронг вежливо остался караулить во дворе, сославшись на то, что его фамильное телосложение может разрушить уют этой маленькой комнаты.

Часть 3. Винри узнаёт правду о родителях

Мы сели вокруг большого стола, и Пинако молча принялась разливать по чашкам горячий, ароматный травяной чай. Напряжение, которое грызло меня изнутри всю дорогу от Централа, теперь достигло своего пика. Я смотрел на Винри, которая устроилась на стуле рядом со мной, её пальцы всё ещё были испачканы в смазке после беглого осмотра моего экзоскелета. Она переводила внимательный взгляд с моего бледного лица на притихшего Альфонса, словно инстинктивно чувствуя, что мы привезли с собой какую-то огромную, пугающую тайну.

— Эд, — тихо сказала она, откладывая инструмент в сторону. Её голос больше не был гневным — в нём послышалась робкая, затаённая тревога. — Ты что-то скрываешь от меня. Я знаю тебя с самого раннего детства, Эдвард. Ты всегда прячешь глаза и начинаешь судорожно сжимать кулаки, когда боишься сказать правду. Что случилось в Централе?

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как у меня пересохло во рту, и посмотрел на брата. Ал молча, ободряюще кивнул мне, и его забинтованная ладонь сильнее сжала руку Лиры.

— Винри, — начал я, и мой голос противно дрогнул от подступивших к горлу слёз. — Всё то, что нам годами рассказывали об Ишварской войне... Все те официальные армейские рапорты, которые ты получала из министерства... Всё это было одной

большой, чудовищной ложью. Твои родители… Урей и Сара… Они не погибли на том фронте семь лет назад. Они живы, Винри.
Она замерла как вкопанная. Её пальцы судорожно застыли на краю чашки, лицо в одно мгновение стало бледнее мела, а глаза расширились от немого, первозданного шока.
— Что?.. — прошептала она, и её голос сорвался на едва различимый хрип. — Эд… Это глупая, жестокая шутка? Зачем ты говоришь такие вещи? Мои родители… Их расстреляли за измену… Бабушка сама получила похоронку…
— Это не шутка, Винри, — мягко и очень серьёзно вмешался Ал, подаваясь вперёд через стол. — Доктор Марко лично рассказал нам всю правду в своём южном убежище. Во время той страшной ишварской бойни твои отец и мать совершили великий акт милосердия — они лечили абсолютно всех без разбора, и наших раненых солдат, и покалеченных ишварских повстанцев. Генерал Баск Гранд посчитал их сострадание государственной изменой и отдал суровый приказ молодому полковнику Рою Мустангу — немедленно расстрелять полевых медиков прямо у стен госпиталя, чтобы проверить его абсолютную лояльность системе.
Винри испуганно прикрыла рот ладонью, крупные слёзы мгновенно брызнули из её глаз, капая на полированное дерево стола.
— Мустанг не смог этого сделать, Винри, — продолжил я, и в моём голосе появилась сталь. — Он посмотрел на них, вспомнил о своей собственной человечности и наотрез отказался выполнять преступный приказ Гранда. Рискуя всей своей карьерой и жизнью перед трибуналом, он тайно арестовал твоих родителей под вымышленными именами и под конвоем отправил в Центральную тюремную инспекцию. Он надёжно спрятал их в самых глубоких, секретных подземных карцерах столицы как безымянных узников, чтобы Гранд

никогда не смог до них добраться. Они провели в этих застенках долгих семь лет, Винри. Мустанг не мог вывезти их из города, не подняв тревоги у гомункулов, но он сохранил им жизни.
— И где… где они сейчас?! — закричала она, вскакивая со стула, её плечи судорожно вздрагивали от рыданий. — Если они были в Централе… Если Мустанг прятал их… Где они, Эд?!
Я поднялся со своего места, бережно перехватил её дрожащие руки своими ладонями и открыто улыбнулся сквозь подступившие слёзы:
— Мы с Алом нашли их, Винри. Узнав об этом от Марко, мы тайно вывели их из подземного плена перед самым нашим бегством из столицы, используя суматоху в министерстве после взрыва в лаборатории. Мы под покровом ночной темноты, на перекладных поездах привезли их сюда, на Север. Они здесь, Винри. Они в этом доме.

Часть 4. Встреча с родителями

Винри пошатнулась от нахлынувшего колоссального потрясения, и я едва успел поддержать её под локоть, не позволяя упасть. Она переводила дикий, безумный от немого ожидания взгляд с меня на приоткрытую деревянную дверь, ведущую в дальнюю гостиную Пинако.
— Они… они правда здесь? — прошептала она, словно панически боялась, что этот призрачный мираж растает, стоит ей сделать хотя бы один неосторожный вдох. — Эд… Моя мама… Мой папа… Они живы?
— Живы, Винри, — тихо подтвердил Ал, поднимаясь со стула. — Иди к ним. Они ждали этой встречи долгих семь лет.
Винри медленно, словно лунатик, сделала один робкий шаг к двери, затем другой. Её пальцы судорожно потянули за ржавую латунную ручку, и дверь со слабым, протяжным скрипом распахнулась. В центре небольшой, залитой мягким закатным светом комнаты стояли двое. Измождённая, бледная

после семи лет подземного плена, но удивительно статная женщина со светлыми волосами, точь-в-точь как у самой Винри, и высокий мужчина с усталым, изрезанным суровыми ишварскими морщинами лицом. На нём был простой серый гражданский плащ, а в глазах застыло выражение такого невыносимого, трепетного родительского ожидания, что у меня самого перехватило дыхание. Это были Урей и Сара Рокбелл.

Винри замерла на пороге, её гаечный ключ с громким металлическим звоном выпал из ослабевших пальцев и покатился по половицам пола. Она смотрела на них, размазывая слёзы по щекам обеими руками, и её губы судорожно приоткрылись:

— Мама… папа… — пронзительный, разрывающий душу детский крик вырвался из её груди.

Сара Рокбелл испуганно ахнула, её руки судорожно взметнулись к лицу, и она в один прыжок пересекла комнату, со всего размаху падая на колени прямо перед дочерью и крепко, до хруста костей обнимая её за талию. Винри рухнула следом за ней, уткнувшись лицом в её мокрое от слёз плечо и разрыдавшись в полный голос. Урей подошёл к ним, его огромные, мозолистые руки полевого врача бережно обхватили их обеих, закрывая от всего мира и прижимая к своей сильной груди.

— Винри… Моя маленькая, любимая девочка… — Сара рыдала, баюкая светлые волосы дочери и целуя её в лоб. — Мы здесь… Мы выжили в этих застенках только ради одной-единственной мысли… Мы знали, что рано или поздно вернёмся к тебе… Мы так сильно любим тебя…

— Почему… почему Мустанг не сказал мне раньше?! — сквозь рыдания кричала Винри, мёртвой хваткой вцепившись пальцами в потрёпанное платье матери. — Я столько лет плакала на их могилах… Я думала, что осталась совсем одна с бабушкой…

— Рой защищал тебя, Винри, — тихо, со вздохом произнёс Урей, и крупные слёзы покатились по его

суровым щекам. — Если бы гомункулы Брэдли пронюхали, что выжившие ишварские медики скрываются на Севере или имеют связь с мастерской Пинако, всю эту деревню стёрли бы с лица земли за одну ночь. Мустанг совершил великий, благородный подвиг, когда сохранил наши имена в тайне. Он сберёг нашу семью для этого лазурного рассвета. А мальчики... Эдвард и Альфонс... они совершили невозможное, когда вывели нас из Централа.
Я стоял в проёме двери, прислонившись плечом к косяку, и чувствовал, как тяжёлый стальной обруч вины, который грыз мою душу все эти месяцы путешествий, окончательно и бесповоротно тает, уступая место долгожданному внутреннему теплу. Ал подошёл ко мне со спины и молча положил руку на моё левое плечо. Мы сделали это. Наша ложь, наши маскировочные протезы и наш Синий Камень были потрачены не зря — мы вернули Винри её родителей.
Пинако стояла у окна, неторопливо затягиваясь своей трубкой, но я заметил, как по её сухим, покрытым морщинами щекам тоже лениво стекают крупные, чистые слёзы. Она слишком долго несла этот груз тайны в одиночку, оберегая покой внучки, и теперь её старое сердце наконец-то могло выдохнуть.
Лира тихо плакала в углу гостиной, и в её фиолетовых глазах отражалось глубокое, немалое сострадание к этой обретённой семье. Она сама была сиротой, потерявшей всё в Йоусвелле, и это воссоединение Рокбеллов стало для неё личным, лазурным манифестом того, что наша наука способна исцелять самые страшные раны прошлого.
Часть 5. Возвращение в армию и семейный вечер
Позже, когда первые бурные эмоции воссоединения наконец-то улеглись, мы все вместе сели за огромный праздничный стол в гостиной дома Рокбеллов. Пинако достала из погреба свои лучшие запасы, Сара и Урей сидели по обе стороны от сияющей, заплаканной Винри, ни на секунду не разжимая её ладоней.
Воздух в комнате был наполнен таким невероятным,

ослепительным теплом и покоем, какого этот старый дом не видел с самого дня исчезновения нашего отца.
Я сидел чуть поодаль, левой рукой аккуратно перебирая вилки на столе. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке работал теперь безупречно после переборки, но внутри меня всё равно продолжала тлеть тихая, грызущая тревога. Мы вернули родителей Винри, но юридически они всё ещё оставались беглыми государственными преступниками, дезертирами Ишварской кампании. Если ищейки Фюрера Брэдли зафиксируют их присутствие на Севере, Ризенбург станет новой мишенью для карательных отрядов Кимбли. Нам жизненно необходима была полная, официальная амнистия от министерства, и получить её мы могли только одним путём — довериться Мустангу до конца и вернуться в ряды Государственных алхимиков.
— Эд, — Винри шутливо, но очень нежно толкнула меня в плечо, вырывая из моих глубоких размышлений. Она протянула мне большой кусок ароматного яблочного пирога. — Ты опять заперся в своём мире и хмуришься как старый дед. Посмотри вокруг. Мои родители дома. Мы вместе. Хватит строить планы по захвату Централа хотя бы в этот вечер.
— Я не строю планы по захвату Централа, Винри, — улыбнулся я, принимая пирог левой ладонью и чувствуя её тепло. — Я просто думаю о том, как сделать так, чтобы этот мир на холмах остался здесь навсегда. Наш Синий Камень пульсирует ровно, и я точно знаю, что мы на верном пути. Наш следующий шаг — Ксенотайм и Восточный город, нам нужно официально подтвердить Мустангу, что его ишварская тайна под надёжной защитой.
— Мы поедем с вами, Элрики, — твёрдо произнёс Урей Рокбелл, поднимая свой стакан с соком и прямо глядя мне в глаза. — Наша клятва врачей обязывает нас помогать раненым. Если полковник Мустанг

разворачивает восстание против гомункулов в столице, мои полевые хирургические навыки пригодятся его штабной группе на передовой. Мы больше не будем трусливо прятаться в подвалах. Мы защитим наше будущее вместе.
— Спасибо вам, доктор, — искренне ответил Ал, и его карие глаза засияли от гордости за наших союзников.
— Ваша поддержка делает нашу лазурную команду непобедимой.
Лира тихо склонила голову на плечо Альфонса, её фиолетовые глаза отражали мягкий янтарный свет лампы. Семейный вечер в Ризенбурге подходил к своему завершению, но это было не окончание истории — это было лишь начало нашего грандиозного, чистого пути к истине, который мы были готовы пройти до самого победного конца.

Часть 6. Встреча с мамой

Я тихо поднялся из-за праздничного стола, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, накинул на плечи плащ и незаметно выскользнул на крыльцо дома Рокбеллов. Ризенбургская ночь уже полностью вступила в свои права — прохладный, свежий ветер весело шелестел листвой цветущих яблоневых садов, а высоко в чистом тёмном небе мерцали мириады ярких звёзд, складывающихся в замысловатые алхимические узоры.
Я медленно, тяжело хромая на левую ногу из-за затекшего в поезде сустава, побрёл по пыльной тропинке вверх, к вершине нашего родного холма. Там, где когда-то стоял наш старый детский дом, теперь зияло лишь пустое, заросшее сочной зелёной травой пепелище. Лишь несколько обгоревших, покрытых мхом бревен фундамента напоминали о том, что здесь когда-то была жизнь, звучал мамин смех и пахло воскресным хлебом.
Я опустился на колени прямо в мягкую прохладную траву и бережно коснулся левой, живой рукой земли. Она была тёплой, пульсирующей, словно сама природа Ризенбурга помнила каждый наш шаг. Слезы

сами собой покатились по моим щекам, размазывая дорожную копоть.
— Мама… — прошептал я, и мой голос сорвался на тихий, сдавленный хрип от нахлынувших воспоминаний. — Я не знаю, слышишь ли ты меня сейчас из своего приюта. Но мы сделали это. Мы нашли родителей Винри, вытащили их из застенков Централа и вернули домой. Мы обманули Мустанга, сохранили наш Синий Камень, и теперь наша лазурная команда стала сильнее. Наш катализатор тает, осталось двадцать три миллиметра, но внутри меня горит твёрдая, лазурная уверенность — мы найдём способ защитить тебя навсегда и докопаться до истины отца.
Ветер на вершине холма внезапно полностью затих. Всё вокруг погрузилось в звенящую, могильную тишину, нарушаемую лишь далёким плеском реки в каньоне. Я закрыл глаза, пытаясь унять бешеное сердцебиение, и вдруг отчётливо услышал тихий, мягкий шорох шагов по траве прямо за моей спиной. Я резко обернулся, выставив левую руку вперёд, а шарниры моего экзоскелета на правой руке натужно скрипнули поршнями, выдвигая скрытый клинок.
На самом краю холма, залитая мягким серебристым светом полной луны, стояла она. Триша Элрик — наша живая, настоящая, спасённая от лап смертельной болезни мама. На ней было надето простое домашнее платье, её длинные каштановые волосы плавно развевались на ночном ветру, а на бледных губах играла та самая лучезарная, тёплая улыбка, которую я помнил каждую секунду своей жизни. В её карих глазах светилась безграничная, чистая материнская нежность.
— Эдвард, — тихо, ласково произнесла она, и её голос прозвучал для меня как точное эхо каноничных сказок нашего детства.
Я застыл как вкопанный, не в силах сделать даже вдох. Слёзы ручьём хлынули из моих глаз, полностью ослепляя меня. Мама медленно подошла ближе,

опустилась на колени прямо в траву передо мной и крепко, нежно обняла меня за шею, прижимая мою голову к своему тёплому плечу. Я почувствовал запах её волос, запах лаванды и домашнего тепла, и все мои защитные барьеры, вся моя напускная суровость Государственного алхимика в одну секунду рухнули без следа. Я судорожно, в полный голос разрыдался, уткнувшись носом в её платье и мёртвой хваткой вцепившись левой рукой в её плечи.
— Мама... Господи, мама... Ты здесь... Ты живая... — хрипел я, захлёбываясь слезами счастья и чувствуя, как её сильные, нежные руки бережно гладят меня по растрёпанным золотистым волосам.
— Я знаю, Эдвард... Я знаю всё, мой упрямый старший сын, — тихо, со вздохом облегчения шептала она, баюкая меня в своих объятиях. — Пинако тайно написала мне письмо в моё укрытие, как только вы уехали в Централ. Она не хотела, чтобы я жила во лжи. Я знаю о вашем Синем Камне, знаю о той страшной ночи, когда вы рискнули своими душами ради моей жизни. Я знаю о фальшивом экзоскелете, который ты носишь ради маскировки нашего побега, и о гомункуле Лени, которая родилась из вашей детской ошибки в подвале. Но я не злюсь на вас, Эдвард. Как я могу злиться на своих маленьких мальчиков за то, что их любовь ко мне оказалась сильнее законов самой природы? Я безгранично горжусь вами.
Я поднял на неё свои заплаканные глаза, всматриваясь в её родное лицо. В лунном свете она казалась прекрасной, ослепительной святыней, ради защиты которой я был готов перевернуть всю эту прогнившую военную машину Брэдли.
— Мы исправим всё, мама, — твёрдо сказал я, вытирая слёзы ладонью и чувствуя, как Синий Камень в моём кармане откликается ровным, лазурным теплом на её присутствие. — Мы найдём формулу восполнения энергии катализатора, запечатаем гомункулов и вернёмся на этот холм навсегда. Наш

старый дом сгорел, но мы построим новый. Чистый. Где больше не будет лжи, боли и страха перед армейскими ищейками.
— Я знаю, что вы справитесь, Эдвард, — мама Триша ласково поцеловала меня в лоб, и её пальцы бережно коснулись зажимов моего наплечника. — Вы с Альфонсом стали настоящими, сильными мужчинами. Но никогда не забывайте, ради чего вы встали на этот путь. Сила Синего Камня принадлежит вам по праву любви, используйте её только ради созидания и защиты живых. А теперь пойдём в дом. Ал и Лира уже заждались нас на крыльце.
Она поднялась с травы, крепко взяла меня за левую, живую руку, увлекая за собой вниз по склону холма. Я шёл рядом с ней, чувствуя, как поршни моего маскировочного экзоскелета работают плавно, бесшумно и легко, а в груди разливается колоссальная, лазурная уверенность в нашем общем созидательном будущем. Семья Элриков вернулась к своим истокам, и отныне наш дом был надёжно защищён силой нашей нерушимой любви.

Глава 16. Заметки Марко

Поезд мерно стучал колёсами, унося нас из Ризенбурга обратно в Централ. За окном проплывали зелёные поля, сменявшиеся аккуратными квадратами фермерских угодий, и я смотрел на них, но мысли мои были далеко — там, где нас ждали записи Марко. Я сидел у окна, чувствуя, как усталость после долгой дороги медленно отпускает меня, уступая место нетерпеливому предвкушению. Наконец-то мы сможем изучить то, что доктор Марко спрятал в библиотеке. Ал сидел напротив, перелистывая блокнот отца, и его лицо было сосредоточенным. Лира сидела рядом с ним, их руки были переплетены,

и я замечал, как она время от времени касалась его плеча, словно пытаясь передать ему своё спокойствие.

Винри осталась в Ризенбурге с родителями и мамой, как и обещала. Мы прощались с ней утром, и я видел, как она стояла на крыльце дома Рокбеллов рядом с мамой. Её светлые волосы развевались на ветру, и она улыбалась, но в глазах я видел тревогу. Она не хотела, чтобы мы уезжали, но понимала, что это необходимо.

— Я буду ждать вас, — сказала она перед нашим отъездом. — Берегите друг друга.

— Мы вернёмся, — ответил я. — Обещаю.

Теперь, сидя в поезде, я думал о ней и о том, как много она для меня значит. Она была рядом с самого детства, через все испытания, через все потери. Я не знал, что бы я делал без неё.

— Брат, — сказал Ал, поднимая глаза от блокнота, — ты думаешь, мы сможем найти записи Марко?

— Должны, — ответил я, поправляя воротник куртки. — Это единственный способ понять, как работает философский камень. Марко ясно дал понять, что все его исследования по заказу военных спрятаны в Первом корпусе Национальной библиотеки. Если мы поднимем эти архивы, мы не просто узнаем формулу Философского камня. Мы поймём, как именно работает наш синий камень — лазурный катализатор.

— И про катализатор отца там тоже будет? — спросила Лира, и в её голосе послышалась надежда.

— Обязательно, — кивнул я. — Доктор Марко тесно работал с Хоэнхаймом. Если в этой стране и остался человек, способный пролить свет на тайну чистого

источника энергии, то это Марко. Или то, что он успел записать.

Поезд начал замедлять ход, и проводник объявил Центральный вокзал. Мы подхватили свои сумки и вышли на перрон. Столица встретила нас привычной суетой, шумом паровых двигателей и запахом угольного дыма. Едва мы сделали несколько шагов к выходу, как сквозь толпу к нам пробились знакомые фигуры в синей военной форме — лейтенант Мария Росс и подпоручик Денни Брош.

— С возвращением, — произнесла Росс. — Полковник Мустанг ожидает вас в своём кабинете.

— Мы не поедем к Мустангу, лейтенант, — решительно сказал я. — Нам нужно попасть в Первый корпус Национальной библиотеки. Прямо сейчас.

Росс внезапно изменилась в лице. Её брови поползли вверх, а улыбка растаяла, уступив место выражению глубокого смятения. Брош за её спиной побледнел, его рука нервно сжала кобуру.

— В библиотеку? — переспросила Росс, и её голос стал тихим. — Зачем вам туда именно сегодня?

— Мы ищем конкретный архив, — вмешался Ал. — Доктор Марко спрятал там свои старые каталоги по биологии и минералогии.

Росс и Брош обменялись быстрыми взглядами. Внутри меня зашевелилось нехорошее предчувствие.

— Что случилось, лейтенант? — спросил я. — Говорите как есть.

Росс тяжело вздохнула и опустила голову. Её плечи поникли, и я понял, что она боится сказать мне правду.

— Эдвард… Мне жаль. Первый корпус Национальной библиотеки сгорел прошлой ночью. Здание выгорело до основания.

Я не поверил её словам. Оттолкнув Броша, который попытался удержать меня за плечо, я сорвался на бег. Ал и Лира бросились следом, игнорируя крики военной полиции на привокзальной площади. Мы мчались по широким улицам Централа, срезая углы через дворы, пока не выскочили на площадь перед правительственным архивным кварталом.

Там, где ещё вчера стояло величественное здание с колоннами и огромными арочными окнами, теперь зияло кошмарное, закопчённое пожарище. От Национальной библиотеки остались лишь обугленные скелеты несущих стен да горы серого, тлеющего пепла, от которых в ясное утреннее небо всё ещё поднимались тонкие, сизые струйки удушливого дыма. В воздухе всё ещё витал запах гари и тлеющей бумаги. Пепел кружился над площадью, медленно опускаясь на мостовую, словно чёрный траурный снег.

— Нет… — выдохнул я, оседая на колени перед натянутой военной оградой. — Этого не может быть. Всё, что мы искали… Всё, ради чего мы прошли этот путь, просто превратилось в труху за одну ночь?

— Записи Марко… — прошептал Ал. — Все они были здесь. Мы опоздали.

Я опустился на колени и коснулся пепла. Он был холодным, но я чувствовал под пальцами следы мощной, разрушительной алхимии. А ещё я чувствовал присутствие гомункулов — их энергия оставила на камнях едва заметный, но узнаваемый след. Это была та же энергия, что я чувствовал в Лиоре и Йоусвелле.

— Здесь была битва, — сказал я, поднимаясь. — Похоть и Обжорство выслеживали кого-то. Библиотека загорелась во время схватки. Или они уничтожали то, что не должно было попасть в наши руки.

Когда мы, совершенно опустошённые, медленно брели по длинному коридору Главного армейского штаба, из-за поворота нам навстречу стремительно вышел майор Маес Хьюз. Его неизменная военная фуражка была сдвинута на затылок, а под глазами залегли глубокие тени от бессонной ночи. Увидев наши понурые лица, он тут же остановился.

— Эдвард! Альфонс! — воскликнул он, быстро подходя к нам и оглядываясь по сторонам. — Я как раз искал вас через Росс. Вы уже были на площади? Видели, что осталось от Первого корпуса?

— Видели, — глухо ответил я, не поднимая головы. — Всё сгорело. Документы Марко уничтожены.

— Пожар был не случайным, — тихо, но веско произнёс Хьюз, переводя нас в тихую нишу у окна, подальше от патрульных. — Мои ребята из следственного отдела подняли ночные рапорты. Очевидцы слышали взрывы внутри здания до того, как показалось пламя. Там была битва. Кто-то очень не хотел, чтобы архивы Марко уцелели. Но… — Хьюз вдруг хитро прищурился, и в его глазах за стеклами очков промелькнула та самая живая, упрямая искра. — Это ещё не конец, Стальной. Кое-кто в этой библиотеке оказался умнее поджигателей.

Я резко поднял голову, впиваясь взглядом в его лицо.

— Что вы имеете в виду, майор?

— В Первом корпусе работала одна совершенно удивительная девушка, — Хьюз улыбнулся, понизив голос до шёпота. — Её зовут Шеска. У неё редчайший

дар — абсолютная фотографическая память. Она способна прочесть документ один раз и спустя годы воспроизвести его на бумаге вплоть до последней запятой и наклона букв. Её уволили из министерства пару месяцев назад, но она всё ещё живёт здесь, в Централе, на самой окраине. И она прекрасно помнит всё, что доктор Марко сдавал в архив. Я знаю её точный адрес. Мы можем пойти к ней прямо сейчас, пока до неё не добрались те, кто устроил ночной пожар.

Дом Шески на дальней окраине столицы больше напоминал безумный бумажный лабиринт, чем жилое помещение. Старые фолианты, газетные вырезки, бухгалтерские книги и чертежи громоздились ровными стопками от самого пола до потрескавшегося потолка, оставляя лишь узкие проходы между комнатами. Нам пришлось буквально выкапывать испуганную, взъерошенную девушку из этого бумажного плена. Узнав от Хьюза, что её любимая библиотека сгорела дотла, Шеска расплакалась, размазывая слёзы по круглым стёклам очков. Но когда мы объяснили, насколько важны для безопасности всей страны те бумаги, которые сдавал на хранение доктор Марко, она решительно вытерла нос огромным платком и кивнула.

— Доктор Марко… Да, да, я помню его приходы, — запричитала она, быстро перебирая пальцами. — Он сдавал три толстые папки под грифом особой секретности. Но это были не научные формулы. На первый взгляд это выглядело как обычная поваренная книга. Кулинарные рецепты, пропорции специй, температурные режимы для запекания мяса, смеси трав. Я перечитывала её несколько раз, потому что мне было интересно, что скрывается за этими рецептами. Каждый рецепт был зашифрован сложнейшим алхимическим кодом, где вместо граммов и ложек использовались атомные доли

элементов. Мне нужно три дня. Ровно три дня полной тишины, чтобы я могла сесть и страница за страницей, строчка за строчкой восстановить всё это на бумаге из своей головы. Каждую деталь, каждый скрытый символ.

Все эти три дня тянулись для нас как вечность. Хьюз выделил нам небольшую комнату в глубине своего следственного отдела, куда Брош и Росс приносили нам еду. Лейтенант Мария Росс каждый день проверяла, как мы себя чувствуем, и я видел в её глазах беспокойство за нас. Подпоручик Денни Брош, который обычно был спокоен, тоже нервничал, часто поглядывая на дверь. Мы с Алом почти не спали, прислушиваясь к каждому шороху. На исходе третьих суток уставшая, бледная Шеска с огромными синяками под глазами вынесла нам массивную, тяжелую пачку листов, исписанных её аккуратным, мелким почерком.

Мы тут же разложили листы на большом дубовом столе, заперев дверь на засов. Майор Хьюз стоял у двери, прислушиваясь к коридору, пока Росс и Брош охраняли вход снаружи. Перед нами действительно пестрели названия: «суп из редких корнеплодов», «запечённый мясной пирог с дикими травами», «особый соус для дичи». Но теперь, зная ключ, я принялся методично переводить эти кулинарные метафоры на строгий, холодный язык высшей алхимии. С каждой расшифрованной строчкой моё дыхание становилось всё более прерывистым, а руки начинали мелко дрожать.

— Боже мой… — прошептал я, чувствуя, как к горлу подступает ледяной ком. — Вот она, истинная полярность контура. Для создания Философского камня… Для его стабилизации и запуска реакции… требуются живые человеческие души. Не металлы, не редкие минералы Аместриса. Каждый такой камень

требует принесения в жертву тысяч людей. Это конвейер смерти.

Ал мгновенно побледнел, его пальцы судорожно впились в край стола. Лира в ужасе прикрыла рот ладонью, в её фиолетовых глазах отразился неподдельный страх перед тем чудовищным открытием, которое мы только что сделали. Но я не остановился. Я лихорадочно перевернул ещё несколько страниц, углубляясь в личные комментарии Марко, которые Шеска также восстановила с безупречной точностью. Там доктор Марко упоминал нашего отца.

— «Хоэнхайм нашёл иной путь», — прочитал я вслух, и мой голос сорвался от волнения. — «Он показал мне, что колоссальный объём чистой энергии можно аккумулировать в кристаллической решётке обычного лазурита, если использовать контр-трансмутацию и черпать силу напрямую из Врат, минуя Закон Равноценного Обмена. Это лазурный источник. Чистый камень. Он не требует жертв. Но военное министерство отказалось от этой разработки и сделало выбор в пользу кровавых ишварских исследований...»

Я замолчал, чувствуя, как слова отца и Марко отдаются в груди. Значит, отец нашёл путь. Он создал чистый камень — тот самый, который лежал у меня в кармане. Тот, который мы использовали, чтобы вернуть маму. Тот, который не требовал смертей. Марко также писал, что сырьё для синего камня — обычный лазурит, который можно найти в любых минеральных отложениях. Это был дешёвый, доступный материал, который не требовал жертв. В отличие от философского камня, который создавался из человеческих жизней.

— Синий камень... — прошептал Ал. — Он действительно существует. Он не требует жертв.

— Да, — ответил я, сжимая в кармане холодный кристалл. — Отец нашёл его. Он создал его. И он оставил его нам.

Мы смотрели друг на друга, и я видел, как в глазах Ала загорается надежда. Мы держали в руках доказательство того, что наш путь был правильным. Что мы не ошиблись, когда воскресили маму. Что синий камень — это не просто артефакт. Это ответ. Это альтернатива философскому камню. Это чистая энергия, которая не требует смерти.

— Теперь мы знаем, что это возможно, — сказал я. — Мы знаем, что есть другой путь.

— Но нам нужно найти лабораторию, — сказала Лира. — Где-то в Централе есть место, где они продолжают создавать философский камень.

Я захлопнул пачку листов. Формула Философского камня и подтверждение чистого пути нашего отца были у нас в руках. Мы знали правду. Но это было лишь знание теории. Нам нужно было копать дальше, чтобы понять, где проводятся эксперименты сейчас.

— Мы найдём его, — сказал Ал. — Мы должны.

В этот момент в комнату постучали. Это был майор Армстронг, который прибыл в Централ с докладом для Мустанга и заодно решил проведать нас. Его мускулистая фигура заполнила дверной проём, а на лице сияла одобрительная улыбка.

— Юные Элрики! Я слышал, вы сделали прорыв в расшифровке записей Марко! — прогрохотал он. — Это великое достижение для науки Аместриса!

— Спасибо, майор, — ответил я, чувствуя, как его энтузиазм немного поднимает настроение. — Но нам всё ещё нужно найти лабораторию.

— Мы найдём её, — сказал Армстронг, и его голос был полон уверенности. — И я помогу вам, если потребуется.

Глава 17. Правда за правдой

На следующее утро я проснулся раньше всех. Солнце только начинало вставать над Централом, окрашивая небо в бледно-золотистые тона. Я сидел на краю кровати и смотрел на пачку листов, которые мы получили от Шески. Они лежали на столе, и я чувствовал, как они притягивают мой взгляд. Внутри этих страниц был ответ. Я знал это.

Ал уже был на ногах. Он стоял у стола, перебирая бумаги, и его лицо было сосредоточенным. Лира сидела рядом с ним, её руки перебирали карты, которые принёс Хьюз. Мы всё ещё были в комнате, которую выделил нам майор, и я чувствовал, как напряжение закипает в воздухе. В углу стоял майор Армстронг, внимательно наблюдая за нашей работой. Росс и Брош уже были на посту у дверей, готовые в любой момент предупредить нас об опасности.

— Я почти закончил, — сказал Ал, не поднимая головы. — Здесь есть ссылки на объект в Централе. Я расшифровал название.

— Что это? — спросил я, подходя к столу.

— Это лаборатория, — ответил Ал. — Пятая лаборатория.

Я замер. Пятая лаборатория. Это название звучало знакомо. Где-то я уже слышал его. В записях отца. В разговорах с Марко. Это было место, где проводились эксперименты по созданию философского камня.

— Ты уверен? — спросил я, чувствуя, как внутри закипает тревога.

— Да, — ответил Ал. — Здесь есть описание. В лаборатории проводились эксперименты с Красной водой. Там создавали философский камень.

Я подошёл к столу и посмотрел на лист, который держал Ал. Там были схемы, чертежи, описания. Это была Пятая лаборатория. Она находилась прямо в Централе.

— Где именно она находится? — спросил я, разворачивая карту, которую мы разложили на столе.

Ал взял карандаш и обвёл на карте участок на окраине города.

— Здесь, — сказал он. — Рядом с Центральной тюрьмой.

Я посмотрел на карту. Он был прав. Лаборатория находилась прямо напротив тюремного комплекса. Это было идеальное место для проведения экспериментов — заключённые были рядом, их можно было использовать, не привлекая внимания.

— Они используют заключённых, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Они привозят их в лабораторию через подземные переходы. Никто не видит, что происходит.

Ал побледнел. Лира прикрыла рот рукой.

— Это чудовищно, — прошептала она.

— Мы должны остановить их, — сказал я. — Мы должны проникнуть туда и уничтожить всё.

— Это опасно, — сказала Лира. — Там могут быть гомункулы.

— Я знаю, — ответил я. — Но мы не можем позволить им продолжать.

Хьюз вошёл в комнату. Он выглядел уставшим, но в его глазах горела решимость. Следом за ним в комнату вошли Мустанг и Хоукай — полковник лично решил проверить наши успехи.

— Я слышал, что вы нашли лабораторию, — сказал Мустанг. — Это Пятая лаборатория.

— Да, — ответил я. — Она рядом с тюрьмой. Они используют заключённых.

Мустанг помрачнел. Его лицо стало жёстким, и я увидел, как он сжал кулаки.

— Я знаю это место, — сказал он. — Официально оно законсервировано уже пять лет. Но мы всегда подозревали, что там что-то происходит. Теперь у нас есть доказательства.

— Мы должны проникнуть туда, — сказал я. — Мы должны уничтожить всё, что там есть.

— Я помогу вам, — сказал Хьюз. — У меня есть доступ к планам здания. Я знаю, где находятся входы и выходы.

— Я тоже пойду, — сказал Армстронг, выступая вперёд. — Мои фамильные техники пригодятся в бою с гомункулами.

— И мы, — сказала Росс, входя в комнату вместе с Брошем. — Мы не позволим вам идти туда одним.

Мы начали готовиться. Ал и Лира изучали карты, которые принёс Хьюз, а я перечитывал записи Марко, пытаясь понять, что именно мы ищем. Мы работали в той же комнате, где расшифровывали заметки, и я чувствовал, как напряжение закипает в воздухе.

— Мы должны быть осторожными, — сказал Хьюз. — Если гомункулы узнают, что мы знаем о лаборатории, они попытаются остановить нас.

— Мы знаем, — ответил я. — Но мы не можем позволить им продолжать.

Хьюз разложил перед нами план здания.

— Вот план Пятой лаборатории, — сказал он. — Главный вход охраняется. Но есть запасной выход через подземный туннель, который соединяет лабораторию с тюрьмой. Через него можно проникнуть внутрь незамеченными.

Мы изучили план. Туннель был старым и, судя по всему, редко использовался. Это был наш лучший шанс.

— Мы пойдём через туннель, — сказал я. — Завтра ночью.

— Мы будем готовы, — сказал Ал.

— Я пойду с вами, — сказал Хьюз. — Я знаю это здание. Я проведу вас.

— И я, — сказал Армстронг. — Мои техники помогут нам пробиться, если потребуется.

— Я тоже иду, — сказала Росс, и в её голосе была сталь. — Вы не пойдёте туда без прикрытия.

— Но вы рискуете, — сказала Лира.

— Мы знаем, — ответил Брош. — Но мы не можем оставаться в стороне.

Мы работали до позднего вечера. Я перечитывал расшифровки Шески, пытаясь найти дополнительные детали о лаборатории. Ал и Лира изучали карты и планы подземных переходов. Хьюз и Армстронг обсуждали тактику проникновения. Росс и Брош проверяли оружие и готовили снаряжение.

— Мы сделаем это, — сказал Ал, когда мы сели отдохнуть. — Мы проникнем в лабораторию и уничтожим всё.

— Да, — ответил я. — Мы сделаем это.

Однако, когда мы начали обсуждать детали, я понял, что не могу рисковать. Если военные узнают о наших планах, они зачистят лабораторию вместе со всеми уликами и свидетелями, едва почуют угрозу. Гомункулы имеют влияние в высших кругах, и я не мог доверять никому, кроме тех, кто был со мной в этой комнате.

— Именно поэтому мы не можем просто пойти к Мустангу или подать официальный рапорт, — жёстко отрезал я, затягивая ремни своего экзоскелета. Металл послушно и глухо звякнул под плащом. — Военные зачистят лабораторию вместе со всеми уликами и свидетелями, едва почуют угрозу. Мы проникнем туда сами. Сегодня ночью.

Хьюз хотел возразить, но я поднял руку, останавливая его.

— Майор, я знаю, что вы хотите помочь. Но если мы привлечём слишком много внимания, всё будет напрасным. Мы должны действовать быстро и тихо. Вы можете прикрыть нас снаружи, но внутрь пойдём только мы.

Армстронг шагнул вперёд, его мускулистое тело сверкало в свете лампы.

— Юный Элрик, я понимаю ваше беспокойство. Но вы не можете идти туда без поддержки. Если внутри окажутся гомункулы, вам понадобится помощь.

— Я знаю, — ответил я. — Но если мы возьмём с собой слишком много людей, нас заметят. Мы должны быть незаметными.

Мы дождались, пока Централ погрузится в глухую ночную тьму. Промозглый, ледяной ветер гнал по пустынным улицам правительственного сектора обрывки старых газет и сухие листья. Небо заволокло тяжёлыми, рваными тучами, полностью скрывшими луну, что было нам только на руку. Мы с Алом и Лирой бесшумно продвигались вперёд, стараясь держаться в густых тенях каменных заборов и раскидистых тополей, полностью проигнорировав приказ лейтенанта Марии Росс не покидать ведомственную гостиницу.

Вскоре перед нами выросли мрачные, давящие очертания Лаборатории №5. Пятиэтажный корпус из грязно-серого камня выглядел абсолютно мёртвым: заколоченные досками нижние окна, облупившаяся штукатурка и ржавые листы железа на карнизах. Весь периметр объекта был окружён высоким сетчатым забором, поверх которого тянулось несколько рядов колючей проволоки. Напротив, через узкую тупиковую улочку, высились глухие серые стены Центральной тюрьмы. Место казалось вырезанным из живой ткани города.

— Смотрите аккуратнее, — прошептал я одними губами, останавливаясь у кирпичного столба ограждения и осматривая натянутую проволоку. — На углах забора видны датчики старой сигнализации. Военные могли оставить контур под напряжением для защиты от бродячих псов или любопытных. Мы должны пройти без единого звука.

Мы подошли к самому тёмному участку. Живой, здоровый Альфонс уверенно шагнул вперёд. Он был выше меня на целую голову, и его крепкие, плотские руки легко подхватили меня под пояс, приподнимая вверх. Я аккуратно перемахнул через верхний край забора, стараясь не зацепиться плащом за колючие шипы, и мягко приземлился на сырую, поросшую бурьяном землю внутри территории. Следом Ал помог

перебраться Лире — она двигалась плавно, как кошка, её фиолетовые глаза сосредоточенно сканировали темноту двора. Через секунду Ал подтянулся сам и бесшумно спрыгнул рядом со мной.

Главный вход в лабораторию предсказуемо оказался наглухо заблокирован — массивные дубовые двери были стянуты толстыми стальными балками и скреплены армейскими алхимическими печатями. Ломать их означало поднять грохот на весь район. Я поднял голову, осматривая фасад здания, и мой взгляд зацепился за широкую вентиляционную решётку под самым навесом крыши третьего яруса.

— Я полезу первым, — шепнул я брату и Лире, доставая из потайного кармана куртки слесарную отвёртку. — Проверю проход. Если внутри чисто, я спущусь на первый этаж и открою вам аварийный выход изнутри. Выждите пять минут у стены.

Я ухватился пальцами за выступы декоративной каменной кладки и ловко полез вверх по вертикальной стене. Экзоскелет на моей правой руке глухо и ритмично поскрипывал при каждом переносе веса тела, имитируя жёсткое сопротивление тяжёлой гидравлики автоброни. Но под этими полыми пластинами скрывались мои абсолютно целые, здоровые руки и ноги, поэтому я двигался гибко, быстро и практически бесшумно, не обременённый реальным весом настоящих боевых протезов. Добравшись до уровня третьего этажа, я зацепился ногой за карниз, в несколько точных движений выкрутил старые, заржавевшие винты вентиляционной решётки и аккуратно снял тяжёлую железную раму.

Из открывшегося прохода пахнуло вековой пылью, сыростью и какими-то застарелыми, приторными химикатами. Я заглянул внутрь узкого, тёмного вентиляционного хода, включая карманный фонарик,

и осторожно протиснулся вперёд, скрываясь в чёрной пасти трубы. Проникновение на секретный объект началось.

Глава 18. Душа Хранителя

Вентиляционная труба Пятой лаборатории казалась бесконечной, удушливой кишкой. Я полз на четвереньках по толстому слою вековой пыли, бережно переставляя левую руку и стараясь не стучать металлическими пластинами фальшивого экзоскелета о железные стыки короба. Запах застарелых химикатов, серы и плесени въедался в одежду, мешая дышать. Наконец, ход расширился и упёрся в массивную вертикальную техническую шахту. Посветив фонариком вниз, я увидел ржавые скобы пожарной лестницы. Перемахнув через край, я быстро заскользил вниз, пока мои ноги не коснулись холодного бетонного пола первого этажа.
Вокруг стояла звенящая, зловещая тишина пустого здания. Я быстро сориентировался в полумраке заброшенных коридоров, пробрался к тяжёлой гермодвери аварийного выхода и с трудом повернул заржавевший штурвал запорного механизма. Металл неохотно заскрежетал, запоры отошли, и Ал с Лирой бесшумно скользнули внутрь, плотно закрыв за собой дверь.
— Ну и место… — шёпотом произнёс Ал, оглядывая серые каменные стены и свисающие с потолка оборванные силовые кабели. — От него веет смертью.
— Мы ещё не на самом дне, — ответил я, поправляя плащ. — Идёмте. Архивные карты Марко указывали на нижние, подземные ярусы.
Мы начали спускаться по крутой винтовой лестнице, уходящей глубоко под фундамент здания. Чем ниже мы спускались, тем невыносимее становился воздух. К резким кислотным испарениям примешивался тот самый приторный, солоноватый привкус застоявшейся крови, от которого у меня перехватило

дыхание. Лестница вывела нас в гигантский круглый зал, который когда-то служил главным испытательным полигоном министерства.
Нашему взору открылась чудовищная картина. Прямо в каменном полу, занимая почти всю площадь зала, был вырезан колоссальный по своим размерам алхимический круг декомпозиции. Его глубокие линии были заполнены застывшим тёмно-красным веществом, и вся эта гигантская матрица едва заметно, зловеще пульсировал тусклым багровым светом, словно само здание было живым и дышало тьмой. Вдоль стен тянулись длинные деревянные столы, заваленные разбитыми колбами, перегонными кубами и грудами секретных отчётов, на которых красовались штампы Министерства обороны. На многих листах были чётко видны схемы распределения заключённых, привозимых сюда на убой.
— Это просто чудовищно… — прошептала Лира, испуганно прижимаясь к плечу Альфонса. — Они действительно создавали здесь Философские камни. Прямо под ногами у ничего не подозревающего города.
— Ал, посмотри на этот внешний контур концентрических линий, — я быстро подошёл к центральному подиуму, где сходились основные энергетические магистрали. — Эта матрица… её можно перестроить. Мой дар, который я получил, когда заглянул за Врата Истины, позволяет мне видеть структуру материи без чертежей. Если я сейчас изменю полярность ключевых узлов, разомкну багровый круг смерти и замкну всю эту колоссальную систему на формулу кристаллической решётки лазурита, мы сможем использовать это оборудование, чтобы синтезировать новый чистый Синий Камень из минералов фундамента и стен здания. Прямо сейчас, пока нас не накрыли.
— Брат, ты уверен, что это безопасно? — Ал взволнованно посмотрел на меня, его рука легла на

моё плечо. — Эта лаборатория старая, а объём энергии, который ты хочешь пропустить через контур, просто колоссален. Если система не выдержит...
— У нас нет другого выбора, Ал, — твёрдо прервал его я, доставая из кармана плаща наш старый лазурный катализатор. Он уменьшился до размеров небольшой пуговицы и продолжал медленно таять. — Старый камень на исходе. Без нового источника чистой силы мы не сможем защитить маму и докопаться до истины. Лира, Ал — помогите мне зафиксировать полярность и удержать потоки. Начнём.
Я глубоко вздохнул, резко соединил ладони и с силой прижал их к центральной стальной плите алхимического круга.
Моя воля яростным потоком ворвалась в древнюю, закостенелую матрицу. Багровый свет контура мгновенно затрещал, словно сопротивляясь чужеродному вмешательству, воздух вокруг нас налился тяжёлым статическим электричеством. Я почувствовал, как через мои руки, пробивая экзоскелет, течёт чистая, первозданная энергия Земли. Я лихорадочно перестраивал геометрию линий в своей голове, стирая старые формулы смерти и заменяя их на чистые структуры лазурного источника.
Лира мгновенно вскинула руки вверх. Её фиолетовые глаза вспыхнули ярким пурпурным светом, и со свистом запущенная воздушная алхимия закружилась вокруг нас плотным, спрессованным куполом. Она удерживала колоссальное атмосферное давление, не позволяя энергетическим выбросам разорвать нас на части. Альфонс встал с противоположной стороны подиума, прижав ладони к основанию колонны; он методично контролировал приток нужных минеральных элементов и солей из глубин фундамента, подпитывая контур.

Линии круга на полу сменили цвет. Багровая грязь вспыхнула ослепительным, чистейшим лазурным сиянием. В самом центре контура, поглощая колоссальное напряжение, начал кристаллизоваться новый, идеально гладкий Синий Камень, увеличиваясь в размерах с каждым мгновением. Но приборы лаборатории не были рассчитаны на такую чистую, высокочастотную полярность. Силовые кабели заискрили, стены подземного зала задрожали с нарастающим гулом. Под потолком с оглушительным скрежетом лопнула магистральная распределительная труба, соединённая с верхними резервуарами.
Я поднял голову и замер. Прямо над нами, под самым потолочным сводом, располагалась сложная сеть массивных, оплетённых датчиками давления баков. Сквозь трещины в их трубах под колоссальным напором била густая, вязкая багровая жидкость. Свет фонаря выхватил маркировку на стальной обшивке. Мы стояли прямо под гигантскими накопительными резервуарами с Красной водой.

Глава 19. Красное сияние

Жидкость хлестала из пробитых внутренним давлением труб огромными багровыми водопадами, с оглушительным шумом разбиваясь о гранитный подиум у наших ног. Яркое сияние нашего новорождённого Синего Камня, кристаллизующегося в самом центре перестроенного круга, вступило в безумный, необратимый резонанс с хлынувшей сверху Красной водой. Воздух в подземном зале мгновенно налился тяжёлым, удушливым озоном и едким химическим паром, а всё замкнутое пространство вокруг нас окрасилось в зловещий, пульсирующий алый блеск. Старые стены и бетонные своды лаборатории словно налились кровью, отражая каждую алхимическую вспышку. Потоки Красной

воды затапливали высеченные в граните желоба, заставляя древнюю матрицу Марко искрить и трещать под напором чужеродной, агрессивной энергии, которая пыталась подчинить себе лазурный свет.
— Эд, берегись! — истошно крикнул Ал, но его голос тут же утонул в гуле вибрирующих высоковольтных кабелей и пронзительном свисте перегретого пара, вырывающегося из повреждённых вентилей.
— Свежее… свежее мясо пришло! — раздался из густого багрового тумана дальнего коридора утробный, пронзительный клёкот, от которого по спине пробежал ледяной пот.
Я резко обернулся, выставляя вперёд левую руку и инстинктивно прикрывая собой Ала и Лиру. Из алого марева, тяжело и ритмично переваливаясь с ноги на ногу, выросла колоссальная, бесформенная фигура Обжорства. Его чудовищные челюсти судорожно сжимались и разжимались с глухим костяным стуком, а из разинутой пасти прямо на залитый Красной водой каменный пол капала густая, липкая слюна, мгновенно вступавшая в реакцию с химикатами.
Прямо за его спиной медленно, с неподражаемой хищной грацией истинного лидера шла Похоть. Её черное платье шуршало по мокрому бетону, а фиолетовые глаза в отсветах алого блеска казались абсолютно мёртвыми, напрочь лишёнными человеческого тепла. Каждое её движение было выверенным и плавным, словно она пришла не на бой, а на прогулку в свои личные владения.
— Надо же, какие упрямые, непослушные мальчишки, — её бархатный голос эхом отразился от сводов зала, пробивая даже гул лопающихся энерголиний. — Вы всё-таки разгадали кулинарный код Марко. Но этот камень… он принадлежит не вам. Отдайте его, и, возможно, я позволю твоему брату и этой девчонке уйти отсюда живыми.

— Пошла ты к чёрту! — заорал я, наотрез отказываясь разжимать пальцы и отступать от алтаря хотя бы на один дюйм.
Я рванулся вперёд. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке жёстко звякнул металлическими зажимами, когда я на ходу с силой соединил ладони. Вспышка лазурной алхимии сорвала верхнюю защитную панель с моего протеза. Пользуясь своим даром Врат, я мгновенно перестроил структуру искорёженных железных балок у стены, превращая их в длинный, бритвенно-острый клинок, проросший прямо из стального щитка предплечья. Под полым каркасом моя настоящая, живая рука напряглась до предела, сухожилия натянулись как струны, но я заставил себя симулировать привычное механическое сопротивление протеза перед лицом врагов, чтобы ни одна деталь нашего блефа не вскрылась раньше времени.
— Обжорство, съешь их, — лениво приказала Похоть, даже не пошевелив пальцем.
Толстяк с диким, нечеловеческим ревом бросился на нас, сотрясая бетонный пол своей массивной тушей. Его пасть неестественно раскрылась, растягиваясь до невероятных, пугающих размеров и обнажая ряды острых, готовых крушить камень зубов. Он ринулся вперед, намереваясь сожрать меня вместе с гранитным подиумом и перестроить структуру моего тела внутри своего бездонного чрева.
— Ал, уводи Лиру! Держитесь за подиумом! — выкрикнул я, совершая резкий кувырок в сторону, чтобы в самый последний момент уклониться от разинутой пасти монстра.
Мой каменный клинок со свистом рассёк воздух, целясь в складки жира на шее Обжорства, но толстяк с пугающей для его туши скоростью уклонился, и моё оружие лишь выбило сноп ярких лазурных искр из гранитной плиты. В ту же секунду прямо передо мной из багрового пара выросла Похоть. Её тонкие женские пальцы с сухим, резким металлическим

щелчком удлинились, превращаясь в смертоносные, тонкие стальные лезвия, способные пробить армейскую броню насквозь.
— Твоя сталь против моей, Стальной алхимик? — прошептала она, и её копьё-удлинитель с глухим свистом ударило мне прямо в грудь.
Я едва успел выставить блок, скрестив руки перед лицом. Клинок на моей правой руке принял на себя колоссальный по силе удар. Металл заскрежетал так, что заложило уши, экзоскелет жалобно взвыл внутренними клапанами, с шипением выпуская струю горячего пара. Отдача была настолько мощной, что меня отбросило назад на несколько метров, и я едва удержался на ногах, проскользив подошвами по скользкой от Красной воды брусчатке. Вибрация от удара прошла через фальшивый протез и болезненно отозвалась в костях моего настоящего плеча, заставив меня стиснуть зубы, чтобы не выказать слабости.
— Лира, держи купол! — Ал заземлил контур, вскидывая руки и укрепляя основание подиума. Воздушный барьер Лиры со свистом закружился вокруг них плотным, спрессованным вихрем, отбивая яростные атаки Обжорства, который скрежетал зубами и ломал каменные глыбы, пытаясь прорваться к пульсирующему Синему Камню.
Похоть двигалась с невероятной скоростью, смазываясь в алом полумраке. Её лезвия мелькали со всех сторон, оставляя глубокие, рваные борозды на несущих колоннах зала. Я лихорадочно хлопал в ладоши, возводя одну каменную стену за другой, но её стальные когти с пугающей лёгкостью крушили гранит, превращая его в мелкий щебень и пыль. Один из её быстрых выпадов располосовал мой плащ, стальное остриё с резким лязгом чиркнуло по металлическому наплечнику экзоскелета, содрав краску и остановившись всего в паре миллиметров от живой плоти. Я чувствовал, как раскалённый воздух обжигает лицо, а помятый каркас фальшивой

автоброни начинает опасно люфтить из-за согнувшихся под давлением гидравлических поршней.
Синий Камень в центре круга сиял уже на пределе, поглощая колоссальную энергию Земли и фундамента. Багровый блеск Красной воды вокруг становился невыносимо ярким, превращая весь зал в пульсирующий ад. Из-за критического избытка лазурной энергии под самым куполом лаборатории начали греметь первые предупредительные взрывы. Энергетические магистрали Марко лопались, выжигая проводку и обрывая датчики давления.
Внезапно стены содрогнулись от мощного глухого удара. Внутреннее давление газов и алхимический резонанс разорвали вентиляционные шахты верхних ярусов, и зал мгновенно заволокло густым, непроницаемым сизым туманом, смешанным с известковой крошкой. Старые железобетонные перекрытия затрещали, но старинная, вековая кладка Пятой лаборатории выдержала первый натиск, не позволяя куполу рухнуть на наши головы. Вспышки алого блеска сквозь туман стали прерывистыми, превращая зал в пульсирующий, смертельно опасный лабиринт, где каждый шаг мог стать роковым.
В этот момент, когда Похоть уже заносила свои когти для нового, решающего удара, а Обжорство яростно крушил воздушный щит Лиры, из багровой дымовой завесы в дальнем конце зала вынырнули тяжелые тени конвойных. Крик ужаса, раздавшийся оттуда, заставил меня замереть на месте и опустить руки. Гомункулы полностью перехватили контроль над ситуацией: под прикрытием хаоса они вывели на подиум из подземных переходов пленных заключённых, выстроив их живым щитом вокруг алхимической матрицы. Вспышки алого блеска выхватили испуганные, бледные лица людей, заставив нас с Алом опустить оружие и застыть в немом оцепенении перед лицом надвигающейся катастрофы.

Глава 20. Сотворённый человек

Алый блеск бурлящей Красной воды затапливал зал Пятой лаборатории, превращая руины в подобие раскалённого горна. Воздух разрывало от жуткого статического напряжения, от которого волоски на руках вставали дыбом, а на зубах скрипела известковая пыль. Похоть и Обжорство внезапно отступили на шаг, послушно склонив головы и растворяясь в клубах багрового пара. Из этой кровавой дымовой завесы, лениво перешагивая через обломки оплавленных кабелей, вышел Зависть. На этот раз он не кривлялся и не паясничал. Его фиолетовые глаза горели холодным, расчётливым торжеством хищника, который точно загнал свою добычу в угол.

Тяжёлая кованая решётка в глубине зала с протяжным, ржавым скрежетом поползла вверх. Конвойные в тёмной форме без опознавательных знаков грубо вывели в самый центр зала измученных, истощённых людей — заключённых из Центральной тюрьмы. Мужчины в изодранных робах, женщины, прижимающие к себе испуганных подростков. Все они жались друг к другу, ослеплённые яростным, неестественным сиянием алхимических контуров на полу. Они дрожали от холода и первозданного, дикого страха.

— Ну же, Стальной, — голос Зависти прозвучал вкрадчиво, но в нём звенела смертельная, леденящая душу угроза. — Перед тобой готовый материал и идеальный, настроенный самим Марко круг декомпозиции плоти. Создай для нас истинный, совершенный Философский камень. Если ты откажешься — Обжорство сожрёт твоего драгоценного младшего брата прямо у тебя на глазах, сантиметр за сантиметр.

Альфонс попытался рвануться ко мне, выкрикивая моё имя, но Похоть мгновенно преградила ему путь, занеся свои бритвенно-острые стальные лезвия над его шеей. Лира отчаянно удерживала остатки своего воздушного барьера, её пальцы мелко дрожали от колоссального перенапряжения, а лицо покрылось каплями пота.
Я посмотрел на лица заключённых. Они смотрели на меня — на тринадцатилетнего мальчишку в разорванном красном плаще, с Государственными часами в руке — как на своего палача или последнего спасителя. В их широко распахнутых глазах плескался чистый, невыносимый ужас. Я мгновенно вспомнил нашу страшную ночь в Ризенбурге, вспомнил маму и тот багровый свет, который чуть не поглотил нас. Мы с Алом пошли на страшное алхимическое табу ради любви и спасения семьи, но здесь… здесь от меня требовали хладнокровного, осознанного убийства ни в чём не повинных людей ради чужой прихоти.
— Пошли вы все к чёрту! — заорал я так, что мой голос сорвался на яростный, сдавленный хрип. Я с силой разжал кулаки, демонстративно убирая левую руку от медной алхимической панели Марко. — Я не стану убийцей! Равноценный обмен — это чушь и обман, если ради него нужно забирать чужие жизни! Моя алхимия никогда, слышите, никогда не будет созидать на костях невинных! Я отказываюсь!
— Какая глупая, предсказуемая человеческая гордыня, — Похоть разочарованно вздохнула и сделала короткий, небрежный знак рукой Обжорству. В этот самый момент я решительно и громко хлопнул в ладоши. Моя воля яростным, неукротимым вихрем ворвалась в разрушающуюся систему лаборатории. Я не собирался создавать их кровавый Философский камень. Используя свой уникальный дар Врат Истины, который позволял мне видеть структуру материи без предварительных чертежей, я начал лихорадочно перестраивать молекулярные связи всей

лаборатории. Я замыкал глубокие линии круга на формулу лазурного источника моего отца. Я хотел силой своей мысли переделать процессоры Марко под массовое создание чистых Синих Камней, чтобы накопить колоссальную энергию Земли и полностью выжечь, перегрузить их багровую матрицу смерти. Но я фатально недооценил тот колоссальный объём Красной воды, который скопился в резервуарах под самым потолком. Лазурная энергия чистого Синего Камня, который начал стремительно кристаллизоваться на гранитном подиуме, вступила в яростный, неуправляемый конфликт с прибывающей багровой массой. Весь алхимический контур под нашими ногами безумно задрожал. Полярность силовых линий начала хаотично меняться, взрывая бетонную плитку. Через мой фальшивый экзоскелет на правой руке прошёл страшный, ослепляющий разряд обратного тока. Шарниры и поршни намертво заклинило со скрежетом. Я почувствовал, как колоссальный поток энергии вырывается из-под моего контроля, намертво затягивая меня внутрь сияющего, лазурно-багрового вихря распадающейся материи. Я стремительно терял контроль над процессом трансмутации. Стены лаборатории вокруг нас начали плавиться от безумной температуры, превращаясь в мутное, текучее стекло.
— Эд!.. — истошно, во весь голос закричал Ал, пытаясь пробиться ко мне через бушующий барьер, но ветвистые энергетические молнии швыряли обломки гранита и арматуры во все стороны, не подпуская его ни на шаг.
Внезапно давящую тишину и гул зала разорвал оглушительный, частый автоматный залп. Несколько пуль со свистом пробили распределительные щиты прямо над головой Зависти, заставив гомункула в ярости отскочить назад в тень. Из полуразрушенного технического прохода, тяжело и прерывисто дыша, сжимая в руках армейский карабин, ворвалась младший лейтенант Мария Росс. Её лицо было

бледным, полностью покрытым черной копотью, но взгляд оставался стальным и непреклонным. Она полностью проигнорировала весь этот алхимический хаос и, стреляя на ходу по конвойным, бросилась прямо к центральному подиуму.
— Назад от него, твари!.. — закричала она, всаживая остатки обоймы в тушу Обжорства, заставляя монстра попятиться.
Росс в два прыжка взлетела на подиум и подбежала ко мне, на лету хватая за воротник разорванного плаща. Своей сильной, натренированной рукой она буквально выдернула меня из самого эпицентра взбесившегося алхимического контура, силой разрывая мою связь с плитой за секунду до того, как лазурный вихрь окончательно выжег бы мои нервные окончания и душу. От этого сильного, спасительного толчка мы оба кубарем покатились по мокрому, залитому Красной водой полу.
Альфонс, мгновенно сориентировавшись в наступившей неразберихе, бросился к испуганным заключённым. Действуя плечом к плечу с Марией Росс, они принялись яростно выталкивать и буквально выгонять пинками ошеломлённых людей в открытый технический коридор, прочь из этого проклятого зала, спасая их жизни за секунды до неминуемой катастрофы.
Колоссальный выброс энергии, который я успел запустить перед потерей контроля, не пропал даром. Мощный синий импульс чистой силы прошил стены лаборатории насквозь, до самого основания разрушая сдерживающие блоки глубоких подземных карцеров тюремного ведомства. С глухим, мертвенным грохотом тяжелые стальные двери секретных блоков номер одиннадцать и двенадцать сорвались с петель, вылетая наружу.
Из темноты самого глубокого подземелья, яростно срывая с себя остатки тяжелых алхимических цепей, с диким, раскатистым хохотом вырвался гомункул Жадность. Его тело мгновенно покрылось

непробиваемой, угольно-черной углеродной бронёй. Следом за ним, окутанный багровыми искрами взрывоопасных солей, на свободу выскочил Багровый Алхимик — Золф Дж. Кимбли. Его безумные глаза горели фанатичным, пугающим огнём человека, который слишком долго ждал момента, чтобы снова нести разрушение и смерть.
— Свобода!.. — пророкотал металлический, пугающий голос Жадности, и он первым бросился в коридоры, круша на своём пути растерянных солдат внутренней охраны тюрьмы.
Я, превозмогая адскую, пульсирующую боль в обожжённой левой руке и полностью заклинившем экзоскелете, сквозь слёзы снова соединил ладони. Отрезанный Марией Росс от главного круга, я направил оставшиеся крупицы своей воли напрямую в куски разбитого лазурита, которые были в беспорядке разбросаны на рабочем столе Марко. Мой дар Врат работал на самом пределе человеческих возможностей, переплавляя и очищая структуру минералов. Лазурный свет на одно короткое мгновение полностью ослепил зал, заставив Похоть прикрыть лицо руками. Нам удалось: прямо из осколков на столе кристаллизовались, звеня, выпали три новых, идеально гладких Синих Камня — чистые, мощные источники лазурной силы. Лира успела молниеносным движением подхватить их, надёжно пряча в свою дорожную сумку, а Ал подбежал и подхватил меня под плечи, волоча к выходу.
Но перегруженная Красная вода, замкнутые контуры Земли и высвобожденная Кимбли разрушительная алхимия взрывоопасных солей привели к неизбежному финалу. Лопнувшие процессоры и автоклавы Марко одновременно сдетонировали. Прогремел мощный взрыв. Однако старинная, вековая кладка и тяжелые железобетонные перекрытия здания устояли — объект не рухнул, полностью заполнившись едким сизым дымом,

раскалённым паром, копотью и мириадами летящих во все стороны искр.
Тяжёлая взрывная волна с силой швырнула меня на бетонные обломки у стены. Помятый, искорёженный каркас экзоскелета принял на себя весь основной удар, спасая моё тело от смертельных повреждений, но сознание мгновенно и бесповоротно покинуло меня. Я окончательно потерял контроль над реальностью, проваливаясь в ледяную, звенящую темноту глубокого небытия.

Глава 21. Стальное сердце

Я очнулся от резкого, бьющего в нос запаха антисептиков, спирта и перекалённой хлорки. Белый, безупречно стерильный потолок Центрального госпиталя давил на глаза, заставляя зажмуриться от яркого дневного света. Я с трудом повернул голову, чувствуя, как каждая мышца шеи отзывается тупой, изнуряющей болью. Рядом с кроватью, на низком деревянном стуле, сидела бледная, заплаканная Винри. На тумбочке возле моей койки уже лежали аккуратно разложенные инструменты, гаечные ключи и сильно помятые, закопчённые пластины моего фальшивого экзоскелета. Она успела снять их, пока я спал, чтобы проверить состояние кожи под ними. Под этой громоздкой конструкцией скрывалась абсолютно целая, здоровая плоть. Наш блеф продолжался. Настоящий, живой Альфонс и Лира стояли чуть позади неё, плотно закрывая собой больничное окно от любых чужих глаз.
Дверь палаты резко, с грохотом распахнулась. В комнату стремительно вошли лейтенант Мария Росс и подпоручик Денни Брош, официально назначенные охранять Государственного алхимика. Лицо Росс было темнее грозовой тучи, а пальцы крепко, до белизны суставов, сжимали папку с отчётами.
Я попытался приподняться на койке, инстинктивно симулируя привычную гримасу невыносимой боли и

картинно хватаясь за совершенно здоровое бедро :
— Ох... моя левая нога... кажется, крепления автоброни сильно погнулись при взрыве на том складе... Нервные окончания так и жжёт...
Мария Росс не проронила ни слова. Она стремительно подошла к кровати и прежде, чем я успел среагировать, со всего размаху влепила мне звонкую, оглушительную пощёчину. В палате повисла мёртвая, звенящая тишина. Брош испуганно схватился за фуражку, а Винри замерла с гаечным ключом в руке, вытаращив глаза.
— Ты хоть понимаешь, что ты натворил, мелкий ты дурак?! — голос Росс сорвался на крик, а в глазах блеснули слезы искренней ярости и испуга. — Ты полез в смертельную ловушку! Тайком от всех! Вы все трое могли остаться под обломками этой лаборатории! Ты думаешь только о своем алхимическом поиске, а о том, что чувствуют те, кто за вас отвечает, ты хоть раз подумал?! Вы дети! Обычные дети, которые берут на себя слишком много! Вы должны доверять взрослым, ты не можешь тащить всё это безумие на своих плечах!
Я замер, прижимая ладонь к горящей, пульсирующей щеке. Наглость и привычное упрямство испарились в одно мгновение. Гнев Росс не был армейской муштрой или придиркой конвоира — это был гнев человека, которому было по-настоящему, до смерти страшно за мою жизнь.
— Простите... — тихо буркнул я, впервые в жизни послушно опустив глаза в одеяло. — Я должен был найти ответы. Я не хотел подставлять вас.
Росс тяжело вздохнула, справляясь с бушующими эмоциями, и со вздохом покачала головой.
— Просто будь осторожнее, Эдвард. Мы не хотим потерять тебя.
Моё внимание привлекла ещё одна проблема — моя фальшивая правая рука. Винри, когда ремонтировала её в последний раз в Ризенбурге, из-за спешки забыла поставить один важный стопорный

винт. Из-за этого при нагрузке в лаборатории весь механизм перекосило, шестерни начали тереться друг о друга, и теперь конструкция опасно люфтила, грозя в любой момент заклинить и выдать окружающим военным целую плоть под стальными пластинами.
— Мне нужно, чтобы Винри закончила ремонт, — сказал я, указывая на тумбочку. — Моя рука нуждается в срочной переборке. Механизм работает с перебоями.
— Мы не будем мешать, — кивнула Росс, беря подпоручика за рукав. — Брош, выставите пост у дверей палаты. Из комнаты никого не выпускать без моего ведома.
Когда они вышли, Винри молча опустилась на стул и принялась за работу над протезом. Она действовала аккуратно, искусно делая вид перед Брошем, карауливший за стеклом двери, что работает с креплениями настоящей автоброни. Она демонстративно, с сильным лязгом закручивала гайки на полых металлических пластинах экзоскелета, имитируя сложный ремонт «повреждённых нервных окончаний», чтобы никто в госпитале ни в коем случае не догадался, что мои руки и ноги абсолютно целы.
— Эд, я забыла поставить винт, — тихо сказала она, и в её голосе послышалась глубокая вина. — Это моя ошибка. Если бы я не забыла, каркас экзоскелета не повело бы от удара, и ты бы не пострадал так сильно при обвале.
— Винри, — мягко сказал я, перехватив её пальцы. — Это не твоя вина. Я сам виноват. Я слишком много требую от этой конструкции. Я слишком часто использую её в реальном бою, на который она не рассчитана.
Она посмотрела на меня, и я увидел, как её лицо заметно смягчилось. Она кивнула, шмыгнула носом и принялась затягивать крепления наплечника.

— Но ты создал синий камень, — прошептала она, не поднимая глаз от металла. — Я слышала, о чём шептались Ал и Лира, когда вас привезли. Ты действительно сделал это? Без человеческих жертв?
— Да, — ответил я, и в моём голосе вопреки слабости послышалась гордость. — Мы создали его. Чистую лазурную энергию, которая не требует смертей. Это наш единственный шанс остановить гомункулов и защитить маму.
— Это невероятно, — прошептала Винри, затягивая последний болт на предплечье. — Вы с Алом сделали невозможное.
На следующий день, когда полдень уже перевалил за середину, в палату вошёл майор Хьюз. Он выглядел невероятно уставшим — под глазами залегли темные тени, мундир был помят, видимо, он провёл всю ночь, исследуя руины Пятой лаборатории и поднимая старые архивные рапорты, но в глазах его сияла гордость.
— Эд, — сказал он, придвигая стул и садясь напротив моей койки. — Я хочу тебе кое-что рассказать. Я лично осмотрел то, что осталось от подземных ярусов лаборатории до того, как туда прибыли зачистные отряды из Главного командования. Там действительно были записи о химерах, чертежи секретного каталитического оборудования и приказы за подписью Баска Гранда. Он годами тайно приводил заключённых из Центральной тюрьмы через подземный переход. Они использовали их как расходный материал для создания экспериментального Философского камня.
— Я знаю, — глухо ответил я, сжимая простыню здоровой левой рукой. — Гомункулы хотели, чтобы я активировал круг и трансмутировал тех людей, которых они заперли в зале.
— Расскажи мне всё, — серьёзно попросил Хьюз, доставая свой неизменный блокнот. — Что именно ты там видел? Кто они такие?

Я глубоко вздохнул и начал рассказывать, больше не пытаясь скрыть правду. Я подробно описал гомункулов, с которыми мы столкнулись — Похоть, Обжорство и Зависть. Взяв карандаш у Винри, я нарисовал на полях блокнота Хьюза несколько точных рисунков: зловещий символ Уробороса, кусающего себя за хвост, который я видел на их телах, и геометрию кругов, которые они использовали для декомпозиции человеческой плоти. Я рассказал о том, что они одержимы идеей стать настоящими людьми и что для этого им нужен законченный, стабильный Философский камень. Напоследок я упомянул слова доктора Марко из расшифрованных Шеской записей — о том, что Философский камень активно использовался высшим генералитетом во время Ишварской войны.

— Но мы перестроили их круг, майор, — сказал я, и в моём голосе появилась твёрдая уверенность. — Мы создали чистый Синий Камень. Энергию, которая не требует крови. Это наш ответ гомункулам и всей этой прогнившей системе.

— Ты сделал невозможное, Эдвард, — сказал Хьюз, и в его глазах за стёклами очков вспыхнуло глубокое уважение. — Ты создал реальную альтернативу их кровавой науке. Это полностью меняет правила игры.

Хьюз бережно убрал блокнот во внутренний карман шинели и ободряюще положил руку мне на плечо.

— Ты поступил правильно, что рассказал мне всё без утайки, — сказал он. — Теперь это моя работа. Я займусь этим делом по линии военной разведки. А ты отдыхай. Ты заслужил это.

Когда Хьюз ушёл, Винри вернулась к моей постели. Она закончила полную переборку экзоскелета и теперь сидела рядом с Алом, который всё это время молча сидел на стуле в самом тёмном углу палаты, пытаясь заставить его хотя бы улыбнуться. Лира тихо гладила Ала по здоровому левому плечу.

— Эд, — сказала Винри, бережно протягивая мне стакан тёплого молока, — выпей. Тебе нужно как можно скорее восстановить силы после такой кровопотери и истощения.
— Я не хочу, — буркнул я, демонстративно отворачиваясь к стене. — Терпеть его не могу.
— Ты должен! — настойчиво потребовала она, придвигая стакан ближе к моему носу.
В этот момент Альфонс, который сидел неподвижно в углу, медленно поднял голову. Его руки были плотно перевязаны белыми медицинскими бинтами, а на бледном лице застыло выражение глубокой, грызущей изнутри тоски. Я посмотрел на его хмурый вид и попытался разрядить обстановку, привычно усмехнувшись:
— Алу вот не нужно пить это дурацкое молоко, чтобы вырасти таким здоровым амбалом. Посмотри, какой он огромный.
Ал внезапно нахмурился, его губы задрожали, а в глазах полыхнула непривычная, пугающая ярость.
— Я не просил тебя делать меня таким большим, — ответил он, и в его обычно мягком голосе послышалась такая беспросветная, ледяная горечь, что у меня перехватило дыхание. — Заткнись, Эдвард. Просто заткнись.
Я мгновенно замолчал, ошеломлённо глядя на брата. Между нами повисла тяжёлая, звенящая тишина. Мы фактически не разговаривали друг с другом с глазу на глаз с той самой секунды, как покинули рушащиеся подземные залы лаборатории.
Винри заметила эту стену, выросшую между нами. Она перевела взгляд с моего испуганного лица на замкнувшегося Ала, и в её глазах вспыхнул праведный, обиженный гнев. Она с размаху поставила стакан на тумбочку, так что молоко едва не выплеснулось на инструменты.
— Да что, чёрт возьми, происходит между вами двумя?! — в сердцах спросила она, и её голос задрожал от подступающих слёз. — Вы не

разговариваете! Вы избегаете смотреть друг другу в глаза! Я знаю вас всю свою жизнь, с самого раннего детства, но вы никогда, слышите, никогда не рассказываете мне, что с вами происходит на самом деле!
— Винри, послушай, — попытался вставить я, протягивая к ней левую руку.
— Нет, не хочу я ничего слушать! — перебила она, яростно смахнув слезу со щеки. — Я до смерти устала от ваших бесконечных тайн и секретов! Вы думаете, что я ничего не пойму? Что я слишком глупая или слишком слабая, чтобы выдержать вашу правду?! Вы мои самые близкие друзья! Моя единственная семья! А ведёте себя со мной так, будто я какая-то посторонняя, чужая девчонка, которой нельзя доверять!
Она резко вскочила со стула, развернулась и пулей выбежала из госпитальной палаты, оглушительно хлопнув дверью.
Я остался лежать на подушках, чувствуя, как невыносимая, удушающая вина стальным обручем сжимает мне грудь. Она была абсолютно права. Мы слишком много и слишком долго скрывали от неё, пытаясь уберечь от нашего собственного кошмара.
В коридоре, едва сдерживая рыдания, Винри наткнулась на майора Хьюза, который как раз заполнял бумаги у поста дежурной медсестры. Увидев её зарёванное лицо, он понимающе улыбнулся и мягко преградил ей путь.
— Вы, должно быть, Винри Рокбелл, — сказал он, приветливо протягивая ей руку. — Я майор Маес Хьюз. Я очень много слышал о вас от ребят. Хотите немного отвлечься от этой больничной серости? Завтра у моей маленькой дочки Элисии день рождения. Ей исполняется три года. Приходите к нам в гости, Грейсия будет очень рада новому лицу. Вам нужно перевести дух.
Винри посмотрела на его добрые, искренние глаза за стеклами очков, и в её взгляде мелькнула глубокая,

немая благодарность. Она вытерла слёзы ладонью и робко кивнула.
— Спасибо, майор, — тихо сказала она. — Я приду. Мне действительно нужно немного побыть вне этих стен.
На следующий вечер Винри стояла в просторной, залитой тёплым светом ламп гостиной уютного дома Хьюзов, наблюдая за весёлым детским праздником. Маленькая Элисия, наряженная в пышное розовое платьице, звонко смеялась, бегала по ковру и хлопала в ладоши, получая подарки от гостей. Шеска, смущённо улыбаясь, протянула девочке большую, ярко раскрашенную книгу сказок, и малышка тут же восторженно назвала её «моим Книжным червяком». Винри мягко улыбнулась, глядя на эту мирную картину, но в её глазах всё ещё стояла затаённая грусть.
— Они действительно похожи на сестёр, правда? — раздался тихий голос Хьюза. Он подошёл к ней со спины, держа в руках два бокала с соком, и протянул один девушке. — Ты знаешь, Винри, у тебя ведь тоже есть братья. Замечательные, упрямые братья Элрики, которые любят тебя больше всего на свете.
— Настоящие братья доверяют друг другу и говорят правду, — горько ответила Винри, пригубив сок и не снимая взгляда с играющей Элисии. — А они… они скрывают от меня буквально каждый свой шаг. Они заперлись в своем мире, куда мне нет доступа.
— Мужчины — особенно такие упрямые ослы, как Эдвард и Альфонс — часто скрывают свои самые страшные проблемы и раны только для того, чтобы их тяжесть не легла на плечи тех, кого они любят больше жизни, — мягко и очень серьёзно сказал Хьюз, глядя на неё поверх очков. — Они оберегают тебя, Винри. Это их способ защитить твой покой. Но поверь моему опыту: когда им действительно понадобится твоя помощь, когда они поймут, что не справляются сами — они придут к тебе и попросят.

Потому что без тебя они просто пропадут. Поверь мне.
Перед самым её уходом Грейсия, лучезарная и тёплая жена Хьюза, бережно протянула Винри большую коробку, перевязанную нарядной белой бечевой, внутри которой лежал свежеиспечённый, ароматный домашний торт.
— Это для Эдварда, — с доброй улыбкой сказала Грейсия, поправляя воротник куртки Винри. — Я знаю от Маеса, что у него ведь тоже совсем скоро день рождения. Передай ему от нас. Пусть этот торт немного подсластит его больничные будни.
Винри бережно взяла коробку, её сердце налилось теплом, и она искренне, открыто улыбнулась Грейсии, благодаря её за заботу.
Винри вернулась в больницу с тортом. Ал попросил Броша вывести его на улицу, пока Винри будет ремонтировать мою руку.
— Я хочу побыть один, — сказал он.
Винри не стала спорить. Она села рядом со мной и начала работать над протезом.
— Эд, — сказала она, не поднимая глаз. — Почему вы с Алом не разговариваете? Что случилось?
Я вздохнул.
— Я почти сделал это, Винри, — сказал я. — Я почти трансмутировал заключённых, чтобы создать Философский камень. Чтобы вернуть Ала к нормальной жизни. Но я остановился. Я остановился только потому, что Ал смотрел на меня.
— Ты сделал правильный выбор, — сказала Винри. — Ал бы не простил тебя, если бы ты убил людей ради него.
— Я знаю, — ответил я. — Но я не знаю, как сказать ему это. Как объяснить, что я готов был пойти на это.
— Просто поговори с ним, — сказала Винри. — Он твой брат. Он поймёт.
Когда ремонт был закончен, я вышел на улицу. Ал сидел на скамейке, глядя в небо. Холодный проливной дождь мгновенно швырнул мне в лицо

пригоршню колких капель, едва я подошёл ближе. Вода заливала глаза, смешиваясь с внутренней горечью. Я тяжело хромал на левую ногу — фальшивый каркас экзоскелета без идеальной подгонки неприятно давил на колено, но я упрямо шёл вперёд.
— Ал, — сказал я, садясь рядом на мокрое дерево. — Я должен кое-что сказать тебе.
— Что? — спросил он, не поворачивая головы.
— Я почти сделал это, — сказал я. — Я почти трансмутировал тех людей. Я готов был убить их, чтобы вернуть тебя. Но я остановился, потому что ты смотрел на меня. Ты остановил меня.
Ал молчал.
— Я не хочу, чтобы ты думал, что я готов пожертвовать всем ради тебя, — продолжил я. — Потому что я готов. Но я знаю, что ты не хочешь этого. И я уважаю твой выбор.
— Мы создали синий камень, — тихо сказал Ал. — Это наш шанс. Мы не должны его упустить.
— Я знаю, — ответил я. — И мы не упустим.
Ал повернулся ко мне. В его глазах была глубокая, невыносимая рана.
— Ты когда-то говорил, что хочешь поговорить со мной о чём-то важном, — сказал он. — Но ты боялся. Что это было?
Я замер. Он вспомнил тот разговор в Ризенбурге, когда я не решился сказать ему правду.
— Я боялся, что ты не настоящий, — сказал я, и эти слова дались мне с огромным трудом, словно я выталкивал из себя раскалённые угли. — Я боялся, что твоя душа — это всего лишь иллюзия. Что я создал тебя.
Ал посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнул яростный, неуправляемый гнев.
— Значит, я фальшивка? — сказал он, и его живой голос сорвался на болезненный хрип, перекрывая шум накрапывающего дождя. — Мои воспоминания — ложь? Моя жизнь — ложь?

— Нет! — крикнул я. — Ты настоящий! Ты мой брат! Я знаю это!
— Как ты можешь знать? — спросил Ал, делая шаг назад. — Ты сам сказал, что боялся, что я не настоящий. Как я могу быть уверен, что я существую?
Он со всей силы толкнул меня своими перевязанными руками прямо в грудь. От неожиданности и скользкой травы я не удержался на ногах. Я плашмя рухнул назад, прямо в сырую больничную грязь, и острая боль пронзила мою руку и спину, заставив экзоскелет жалобно звякнуть. Винри, которая как раз выбежала на крыльцо, испуганно охнула, бросила коробку с тортом и подбежала ко мне, помогая подняться.
— Ал! — крикнул я ему вслед, размазывая грязь по лицу. — Подожди!
Но Ал уже бежал прочь из больничного двора, вытирая злые слёзы рукавом куртки и скрываясь за массивными железными воротами госпиталя. Я попытался рвануться за ним, но Винри крепко перехватила меня за плечи, силой удерживая на месте.
— Пусть он уйдёт, — сквозь слёзы крикнула она. — Ему нужно время.
Я бессильно опустил голову, прекращая сопротивление. Дождь заливал мне лицо, смешиваясь с горькими слезами. Я не знал, вернётся ли мой единственный брат после этой правды, но я точно знал одно: наш чистый Синий Камень в кармане — наша последняя надежда, и я докажу ему, что его жизнь абсолютно настоящая/

Глава 22. Связанные души

Холодный дождь стеной лил над Централом, превращая серые столичные улицы в бурные, мутные реки. Тяжёлые, грязные струи с силой хлестали по мостовой, с шумом разбиваясь о гранитные камни, и

даже редкие газовые фонари казались лишь размытыми, блёклыми пятнами в этой промозглой, давящей мгле. Я стоял у огромного окна нашей больничной палаты, прислонившись лбом к ледяному стеклу, и безучастно смотрел на город, который буквально тонул в потоках воды. Мои мысли лихорадочно метались, но одна из них — самая страшная и болезненная — набатом стучала в висках: Ал ушёл. Мой младший брат сбежал, и в этом был виноват только я. Я умудрился сказать ему то, чего никогда, ни при каких обстоятельствах не должен был озвучивать. Я вывалил на него свой самый жуткий ночной кошмар, и этим полностью разбил его сердце.

— «Я боялся, что ты не настоящий», — эти собственные слова до сих пор ядовитым эхом звучали у меня в голове, заставляя внутренности сжиматься от стыда.

Я ведь ляпнул это, не подумав о последствиях. Я просто хотел быть до конца честным, хотел открыться ему после всего пережитого ада в Пятой лаборатории, а вместо этого заставил его сомневаться в собственной человечности.

— Эд, — негромкий, полный искренней тревоги голос Винри заставил меня вздрогнуть. Она тихо подошла со спины. — Ты уже больше часа не шевелясь стоишь у этого окна. Тебе нельзя так долго на ногах, ты ещё слишком слаб. Ложись в постель, ты должен отдохнуть.

— Я не могу, Винри, — ответил я глухо, даже не оборачиваясь к ней и продолжая всматриваться в залитое дождём стекло. — Какое, к чёрту, восстановление сил? Ал сейчас где-то там, на этих улицах, совсем один под проливным дождём. Из-за моей глупости он уверен, что он — всего лишь алхимическая фальшивка. Он думает, что все его детские воспоминания, вся его жизнь — это ложь, которую я искусственно записал в его голову. Ты понимаешь, что я сделал?

— Ты найдёшь его, Эд, — мягко, но уверенно сказала Винри, аккуратно касаясь моей руки. — Ты всегда его находил, где бы он ни прятался. Вы ведь братья.
— А если в этот раз я опоздал? — спросил я, чувствуя, как голос предательски срывается на хрип, а к глазам подступают горькие слёзы. — Что, если я сломал между нами что-то такое, что уже никогда не починить? Что, если я потерял его навсегда?
Винри обошла меня и положила обе ладони мне на плечи, заставляя посмотреть на неё. В её глазах тоже блестели слёзы, но взгляд оставался твёрдым.
— Ты не потерял его. Он твой брат. Он вернётся. Он любит тебя, Эд.
Я хотел было ответить, возразить, но тяжёлый ком намертво застрял у меня в горле. Вина за содеянное с такой силой сжимала мне грудь, что дышать становилось трудно. Я понятия не имел, какими словами теперь исправить то, что я так бездумно разрушил.
— Нет, я не могу просто сидеть и ждать, — решительно сказал я, наконец отворачиваясь от окна и хватая со стула свой промокший красный плащ. — Я должен найти его. Прямо сейчас.
— Ты с ума сошел?! Куда ты соберёшься в таком состоянии, да ещё и под такой ливень? — всплеснула руками Винри, пытаясь преградить мне путь к двери.
— Твоё тело истощено после сложной трансмутации в лаборатории, ты ещё от обвала не оправился!
— Мне плевать на моё тело! — яростно отрезал я, накидывая плащ на плечи и наспех затягивая ремни экзоскелета. Металл привычно, глухо звякнул. — Я не останусь в этой сухой, тёплой палате ни единой секунды, пока мой брат страдает где-то в подворотне по моей вине!
Я стремительно вышел из палаты, даже не оборачиваясь. Винри что-то отчаянно кричала мне вслед, пыталась побежать за мной по больничному коридору, но я не слушал. В моей голове была только

одна цель — Альфонс. Я обязан был отыскать его, чего бы мне это ни стоило.
Ледяной столичный дождь мгновенно швырнул мне в лицо пригоршню колких капель, едва я выскочил на крыльцо госпиталя. Вода заливала глаза, смешиваясь со слезами, которые я больше не мог и не хотел сдерживать. Я бежал по тёмным, грязным улицам Централа, совершенно не разбирая дороги, тяжело хромая на левую ногу — фальшивый каркас экзоскелета без должной настройки неприятно давил на колено, но я упрямо игнорировал эту боль.
Я лихорадочно проверял все места, где мы успели побывать за эти дни. Я прибежал на Центральный вокзал, метался между перронами, заглядывал в залы ожидания — пусто. Я обошёл все окрестные скверы и парки, промокший до нитки плащ тяжёлым грузом тянул меня к земле, а ноги скользили по размокшей грязи. Я выкрикивал его имя в пустых, глухих переулках до тех пор, пока полностью не сорвал голос, но ответом мне был лишь монотонный, глухой шум падающей с неба воды. Его нигде не было.
И тогда я понял: Ал не хотел, чтобы его нашли. Он намеренно уходил от меня, прячась в самых потаённых углах этого огромного города. Он бежал от моей правды. От бессилия я остановился под навесом старого здания и прислонился к стене. Дождь лил по моему лицу, и я чувствовал, как слёзы смешиваются с водой.
— Ал... — прошептал я, закрывая глаза руками и чувствуя, как внутри всё выгорает от отчаяния. — Ну, где же ты, глупый мой младший брат?..

Ал шёл по пустынным улицам. Дождь лил, и он не знал, куда идёт. Он просто шёл, пытаясь убежать от того, что я сказал ему. Он даже не замечал, что

сквозь серую стену ливня за ним неотступно, бесшумным призраком следует Лира. Заметив его побег из госпиталя, она не раздумывая бросилась следом. Девушка держалась на расстоянии, прячась в проёмах дверей и за раскидистыми деревьями, полностью вымокнув, но упрямо не теряя его широкую фигуру из виду. Она понимала, что сейчас Алу нельзя оставаться наедине со своими разрушительными мыслями.
Внезапно он услышал крики и топот. Из-за угла выбежали два мальчика, тяжело дыша. Они явно кого-то боялись. Один из них, постарше, сжимал в руках свёрток с едой. Младший споткнулся и упал, и из его кармана выпала цепочка с медальоном.
— Рик! — крикнул старший, подбегая к брату. — Вставай! Быстрее!
— Мой медальон! — воскликнул младший, хватая его с земли. — Я не могу его потерять!
Они спрятались в том же переулке, где стоял Ал. Мальчики замерли, увидев его. В их глазах был страх, но также и решимость. Лира скользнула в этот же переулок следом, аккуратно притаившись за выступом разбитой кирпичной кладки у самого входного проёма.
— Не бойтесь меня, — сказал Ал мягко. — Я не причиню вам вреда.
— Кто ты? — спросил старший, прикрывая собой брата.
— Меня зовут Альфонс, — ответил Ал. — Я просто… я ищу ответы.
Мальчиков звали Рио и Рик. Они были ишварцами и жили в тайном лагере беженцев за рекой. Рио был старшим, он всегда защищал младшего брата. Рик был младше, но в его глазах горел огонь, который не могли погасить никакие трудности.
— Ты ишварец? — спросил Рио, всё ещё настороженно глядя на Ала.
— Нет, — ответил Ал. — Но я хочу понять, что такое быть изгоем. Я хочу понять, что такое потерять всё.

Рио и Рик переглянулись. В их взглядах мелькнуло что-то похожее на понимание. В этот момент Лира сделала шаг из своего укрытия, и Ал удивлённо обернулся на тихий шорох её мокрого плаща.
— Лира? Ты всё это время шла за мной? — тихо спросил он.
— Я не могла оставить тебя одного, Ал, — мягко ответила она, подступая ближе. Её фиолетовые глаза смотрели на него с глубоким сочувствием. — Нам всем сейчас тяжело. Позволь мне быть рядом.
Ал молча кивнул, чувствуя, как часть ледяной стужи в груди немного отступает от её присутствия. Рио внимательно посмотрел на девушку, затем снова на Ала.
— Пойдёмте с нами, — сказал Рио. — Мы покажем вам наш лагерь.
По дороге Ал заметил, что Рик постоянно сжимает в руке медальон. Он был старым, потёртым, но мальчик явно дорожил им.
— Что это? — спросил Ал.
— Медальон моей мамы, — ответил Рик, и в его голосе послышалась грусть. — Это всё, что у меня осталось от неё.
— Наша мама погибла во время войны, — сказал Рио, и его голос стал жёстким. — Она бросила нас. Она убежала и оставила нас одних.
— Она не бросала нас! — возразил Рик. — Она просто... она не могла...
— Хватит! — оборвал его Рио. — Не хочу говорить об этом.
Ал почувствовал, что между братьями есть глубокая рана, которую они не решались вскрыть. Он решил не расспрашивать дальше, но в его душе зародилось сочувствие к этим мальчикам, которые, как и он, искали правду. Лира шла чуть позади Ала, внимательно прислушиваясь к разговору и осторожно оглядываясь по сторонам.
Лагерь ишварцев находился в старом заброшенном районе за рекой. Сюда съезжались выжившие после

войны, те, кто потерял дома и семьи. Они жили в бараках, в палатках, в покинутых зданиях, пытаясь выжить в мире, который отверг их.
Ала и Лиру провели в один из бараков, где они увидели человека, которого никак не ожидали встретить. Шрам сидел на старой койке, его правая рука была перевязана. Он был ранен, но в его глазах всё ещё горел тот же холодный огонь. Лира инстинктивно напряглась, помня, какую опасность таит в себе этот человек, но Ал удержал её за руку, показывая, что бояться нечего.
— Ты, — сказал Шрам, узнав Ала. — Что ты здесь делаешь?
— Я ищу ответы, — ответил Ал. — Как и ты, наверное.
Шрам усмехнулся, но в этой усмешке не было злобы.
— Ты слишком наивен, мальчик, — сказал он. — Ответы не всегда делают нас счастливыми.
— Я знаю, — сказал Ал. — Но я не могу жить в неведении.
Шрам посмотрел на него долгим взглядом, и в его глазах мелькнула тень чего-то похожего на понимание.
— Ты ищешь правду о себе, — сказал он. — Я знаю это чувство. Я тоже когда-то искал правду — о том, что случилось с моим братом. Я нашёл ответы, но они не принесли мне покоя, потому что брат так и не вернулся. Теперь я продолжаю искать его, надеясь, что он ещё жив.
— Что ты имеешь в виду? — спросил Ал.
— Правда не всегда делает нас сильнее, — ответил Шрам. — Иногда она разрушает нас. Но если ты готов принять это, я помогу тебе.
На следующее утро Рик проснулся рано и вдруг побледнел.
— Медальон! — воскликнул он, хватаясь за шею. — Я потерял его!
— Когда ты мог его потерять? — спросил Рио, нахмурившись.

— Наверное, когда мы убегали от торговца, — сказал Рик. — Я должен найти его!
— Нет! — твёрдо сказал Рио. — Это слишком опасно. Там могут быть наёмники.
— Это всё, что у меня осталось от мамы! — крикнул Рик. — Я не могу оставить его!
Ал видел, как сильно Рик привязан к этому медальону. Он понимал его — у каждого человека должна быть хоть одна вещь, которая связывает его с прошлым.
— Я пойду с ним, — сказал Ал. — Мы найдём медальон.
— Я тоже пойду, — сказал Шрам, поднимаясь с койки. — Если наёмники действительно там, вам понадобится помощь.
Лира решительно шагнула вперёд, поправляя ремень сумки, где лежали Синие Камни.
— Я иду с вами. Оставлять детей одних в такой момент нельзя.
Рио не хотел отпускать брата, но понимал, что не сможет его остановить.
— Хорошо, — сказал он. — Но я иду с вами.
Они отправились на поиски медальона. Рик вёл их по своим следам, и вскоре они нашли его на земле в том переулке, где Рик упал накануне.
— Я нашёл его! — радостно крикнул Рик, поднимая медальон. — Он цел!
Но радость была недолгой. Внезапно их окружили наёмники. Они вышли из тени, и в их руках блестело оружие.
— Мы нашли вас, ишварские крысы, — сказал их предводитель. — Вы не спрячетесь от нас.
Началась битва. Шрам и Ал сражались плечом к плечу, пытаясь защитить Рика и Рио. Но наёмников было слишком много. В какой-то момент один из них выхватил нож и со всей силы метнул его прямо в Рика.
— Рик! — закричал Рио.

Нож ударил Рика прямо в грудь. Но вместо того, чтобы пронзить его, он с сухим металлическим звоном ударился о медальон. Медальон раскололся, и из него высыпались маленькие таблетки. Лира мгновенно сориентировалась: поняв, что на детей нацелено оружие остальных бандитов, она вскинула руки. Её воздушная алхимия со свистом закружилась мощным, прозрачным спрессованным куполом вокруг испуганных Рика и Рио, укрывая их в глубине подворотни. Сплошной поток воздуха со свистом отбивал летящие камни и шальные выстрелы, пока Ал и Шрам сдерживали натиск врагов на передовой.
Все замерли. Рик был жив. Медальон спас его.

Тем временем под навесом старого здания я медленно поднимался на ноги, кутаясь в мокрый плащ. Отчаяния уступало место злости на самого себя, когда внезапный глухой грохот со стороны реки заставил меня вздрогнуть. Небо над заброшенными складами на мгновение осветилось резкими, прерывистыми фиолетовыми вспышками воздушной алхимии Лиры. Опыт подсказал мне: там идёт бой, и Лира сдерживает кого-то на пределе сил. Игнорируя ноющую боль в колене, я сорвался на бег, ориентируясь на сияющие в дождевых струях потоки энергии. Это вывело меня прямо к нужному ишварскому переулку.
Я ворвался туда в самый разгар новой атаки бандитов, яростно хлопая в ладоши на ходу и с грохотом круша каменную кладку, чтобы отрезать нападающих от защитного купола.
— Ал! Ты в порядке?! — крикнул я, занимая позицию рядом с братом.
— Да, — ответил Ал, и на его лице впервые за эти дни промелькнула слабая улыбка. — Ты пришёл.

— Я всегда приду за тобой, — сказал я, вставая перед ним.
Вместе мы отбили атаку наёмников. Шрам сражался с их предводителем, а мы защищали Рика и Рио, пока Лира надёжно удерживала воздушный щит над детьми.
Когда битва закончилась, я подошёл к Алу. Он стоял, глядя на меня, и в его глазах была боль, которую я никогда не видел раньше, но теперь она смешивалась с пониманием. Лира медленно опустила руки, убирая барьер, и подошла к нам вместе с мальчиками.
— Я не настоящий, — тихо сказал Ал, глядя мне в глаза. — Я так сильно боялся, что я не настоящий. Что мои воспоминания — ложь. Что моя жизнь — ложь.
Я замер. Его слова ударили меня сильнее, чем любой удар в лаборатории. Я крепко схватил его за плечи, чувствуя, как под пальцами перекатываются его настоящие, живые мышцы.
— Ты настоящий, Ал! — твёрдо сказал я, чувствуя, как слёзы душат меня. — Ты мой брат. Из плоти и крови. И я люблю тебя. Никто и никогда не сможет убедить меня в обратном.
— Но как ты можешь знать? — спросил Ал, и его голос дрожал. — Ты сам говорил, что боялся…
— Я боялся, что ты будешь ненавидеть меня! — перебил я, сжимая его плечи ещё сильнее. — Я боялся, что ты не сможешь простить меня за то, что ради твоего спасения я готов был пойти на трансмутацию заключённых в той проклятой Пятой лаборатории! Но я никогда, слышишь, никогда не сомневался в том, что ты настоящий! Ты мой брат, и я знаю это, потому что чувствую твою живую душу.
Ал посмотрел на меня. В его глазах я увидел ту же решимость и то же тепло, что и всегда. Сомнения, которые посеяли гомункулы, наконец-то растаяли. Он сделал шаг вперёд и крепко обнял меня.

— Спасибо, Эд, — тихо сказал он. — Я тоже люблю тебя, брат.
Когда мы уже собирались уходить, к нам подошёл Шрам. Он посмотрел на Ала, а затем перевёл свой тяжёлый, полный застарелой ненависти взгляд на серебряные Государственные часы, висящие на моём поясе. Его правая рука, покрытая шрамами и татуировками декомпозиции, слегка дёрнулась, но он сдержал себя.
— Ты искал правду, мальчик, — сказал он Алу. — Я могу сказать тебе одну вещь. Ты — человек. Я знаю это, потому что вижу твои глаза. В них есть боль, есть сомнения, есть надежда. Только настоящий человек может чувствовать это. Я тоже надеюсь — надеюсь, что однажды найду брата живым.
Шрам резко развернулся ко мне, и его голос обдал меня ледяным презрением:
— Я иду с вами дальше, Эдвард Элрик. Но не надейся, что я простил Государственных алхимиков за то, что вы сделали с моей родиной. Я иду, только чтобы защитить Альфонса и лично увидеть, куда приведёт ваш Синий Камень. Если ты применишь свою армейскую алхимию во вред невинным — моя правая рука не пощадит тебя.
Я молча встретил его взгляд, крепко сжав кулаки. Нам обоим было ради чего бороться.
На следующее утро лагерь ишварцев начал восстанавливаться. Ал, я, Лира и Шрам стояли у ворот и смотрели на восходящее солнце.
— Мы должны идти, — сказал я, поправляя ремни своего экзоскелета. — Нам нужно найти ответы на вопросы о философском камне и гомункулах.
— Мы справимся, — сказал Ал, и в его глазах была уверенность. — Мы всегда справлялись.
Я улыбнулся.
— Да, — сказал я. — Мы всегда справлялись.
Мы двинулись в путь, оставляя позади лагерь ишварцев. Впереди нас ждали новые испытания, но мы знали, что мы готовы.

Глава 23. Слова прощания

Хьюзу снова снился Ишвар.

Это был не просто обычный сон — это было мучительное возвращение в тот самый ад, из которого он когда-то выбрался, но который никогда не отпускал его душу до конца. Он стоял посреди выжженной, растрескавшейся пустыни, и горячий ветер нёс удушливый запах гари, пороховой пыли и близкой смерти. Вокруг него на сотни метров тянулись тела — ишварцы, женщины, маленькие дети, немощные старики. Их бледные лица были обращены к безжалостному небу, а глаза, пустые и остекленевшие, смотрели в абсолютную никуда.

Хьюз слишком хорошо знал, что это всего лишь старое воспоминание. Он знал, что с тех пор прошло уже много долгих лет. Но внутренняя боль от увиденного была такой же острой, как в тот самый день, когда он впервые узрел этот кошмар своими собственными глазами. Каждый раз, возвращаясь в этот сон, он отчаянно надеялся, что сможет хоть что-то изменить в прошлом. Но реальность оставалась неумолима — он мог только стоять и смотреть.

— Ты должен наконец двигаться дальше, Рой, — тихо, но твёрдо произнёс Хьюз, останавливаясь в паре шагов от Мустанга, который неподвижно застыл на вершине бархана. — Ты не можешь вечно мучить себя этим прошлым. Оно сожрёт тебя изнутри.

Мустанг медленно повернулся к нему. Его глаза были красными от многодневной бессонницы и скрытых, невыплаканных слёз. В его взгляде читалась такая невыносимая, свинцовая тяжесть, что Хьюз на секунду забыл, как дышать.

— Я убивал людей, Маес, — сказал Мустанг хрипло, и его голос сорвался на болезненный шёпот. — Я сжигал их заживо. Я видел, как они корчатся и умирают в моём огне. Я до сих пор каждую ночь слышу их предсмертные крики. И я никогда, слышишь, никогда не смогу забыть их лица.

— Ты не хотел этой бойни, Рой, — ответил Хьюз, делая шаг вперёд. — Ты просто выполнял приказы командования. Ты был солдатом.

— Я мог отказаться, Маес, — глухо отозвался Мустанг, и его кулаки сжались до белизны суставов. — Но я сам пошёл туда, глупо надеясь что-то изменить на этой войне, а в итоге стал обычным соучастником этой бессмысленной бойни.

Хьюз молча покачал головой. Он слишком хорошо помнил, как Рой вернулся из Ишвара и часами сидел неподвижно в своём кабинете. Война никогда не заканчивается подписанием мирного договора; она продолжается внутри каждого, кто выжил.

— У меня есть план, Маес, — тихо, почти заговорщически произнёс Мустанг, глядя на затухающий закат. — Я хочу изменить эту проклятую страну, чтобы ишварская трагедия больше никогда не повторилась. Я намерен дойти до самого верха. Я стану Фюрером.

Хьюз искренне, тепло улыбнулся. Это был его прежний друг — упрямый, амбициозный и верный своей цели до самого конца.

— Тогда я помогу тебе, Рой, — твёрдо пообещал Хьюз. — Я буду твоими глазами и ушами в военной разведке столицы. Мы перевернём эту прогнившую систему вместе, чего бы нам это ни стоило.

В этот самый момент ослепительная белая вспышка разорвала сон. Хьюз почувствовал, как его кто-то

настойчиво и испуганно трясёт за плечо, заставляя открыть глаза и вернуться в реальность. Над ним стояла Шеска, её лицо выражало крайнюю степень волнения, а руки мелко дрожали от тяжести массивной папки с документами.

— Майор Хьюз!.. — взволнованно зашептала она, оглядываясь на дверь. — Фюрер Кинг Брэдли только что лично прибыл в штаб!.. Он требует вас к себе в кабинет для немедленного разговора о результатах расследования в Пятой лаборатории!..

Хьюз мгновенно сел на кровати, сбрасывая остатки ишварского кошмара. В критические моменты его разум всегда начинал работать безупречно и холодно. Поправив мундир и застегнув пуговицы, он бросил быстрый взгляд в зеркало — на бледное, уставшее лицо, маскирующее глубокую внутреннюю тревогу. Он понимал: визит Брэдли — это знак, что его расследование затронуло слишком опасные верхи.

— Скажи Фюреру, что я сейчас буду, — спокойно распорядился Хьюз, проверяя фиксацию кобуры на поясе.

Кабинет майора Хьюза всегда оставался самым уютным и мирным местом в Централе. На стенах висели десятки фотографий улыбающейся Грейсии и маленькой Элисии. Фюрер Кинг Брэдли стоял у огромного окна, заложив руки за спину. Когда Хьюз вошёл, Фюрер медленно повернулся, и на его лице застыла его фирменная, пугающе идеальная и абсолютно неестественная улыбка. В его единственном открытом глазу читалось ледяное спокойствие.

— Майор Хьюз, — спокойно проговорил Брэдли, и его голос звучал ровно. — До меня дошли слухи, что вы

вплотную занялись делом заброшенной Пятой лаборатории, несмотря на приказ закрыть объект.

— Так точно, Фюрер, — ответил Хьюз, чётко чеканя слова, хотя сердце колотилось быстрее обычного. — Расследование выявило, что на объекте тайно проводились незаконные опыты по созданию Философского камня с привлечением заключённых из Центральной тюрьмы. В этом замешаны высокопоставленные чины министерства.

Майор намеренно утаил от Фюрера информацию о Синем Камне, которую я раскрыл ему в палате госпиталя. Как опытный разведчик, Хьюз мгновенно сообразил, что Кингу Брэдли нельзя знать о существовании чистой лазурной альтернативы. Он выдал Фюреру лишь сухие, стандартные факты о попытках трансмутации Философского камня, чтобы надёжно защитить нашу разработку, скрыть её от гомункулов и выиграть для нас драгоценное время.

Брэдли слегка прищурился, и его улыбка на долю секунды стала хищной, почти змеиной.

— Это очень серьёзное заявление, майор. У вас есть неопровержимые доказательства ваших слов?..

— Материалы собираются, — рапортовал Хьюз, глядя прямо в лицо Фюреру. — Но для окончательного завершения дела нам жизненно необходим официальный допрос доктора Тима Марко. Только он может раскрыть всю цепочку.

— Хорошо, майор. Я поручу своей секретарше, Джульетте Дуглас, проработать этот вопрос. Она подготовит все данные по Марко и передаст их вам.

Хьюз вежливо поклонился, но внутри у него всё похолодело. Джульетта Дуглас — женщина с лицом Триши Элрик, о которой в бреду после лаборатории шептал Эдвард. Ловушка стремительно

захлопывалась. Разведчик мгновенно понял: если Фюрер привлекает к делу своего личного секретаря-гомункула, значит, доктор Марко в смертельной опасности, а само расследование находится под полным контролем врага.

Когда Брэдли ушёл, Хьюз стоял у окна и перебирал в голове варианты. Он уже принял решение: инсценировать свою смерть, увезти семью на юг и помогать братьям Элрикам из подполья. Но сначала нужно было завершить дела в штабе.

Он направился к выходу, но в коридоре его остановил знакомый голос:

— Майор Хьюз?

Хьюз обернулся. Перед ним стояла лейтенант Мария Росс — та самая, что недавно охраняла братьев Элриков. Она улыбалась, но что-то в её облике показалось Хьюзу странным.

— Лейтенант, — сказал он, настороженно глядя на неё. — Что вы здесь делаете? Я думал, вы в карауле.

— Я пришла помочь вам, майор, — ответила «Росс», и её голос звучал ровно, почти механически. — Полковник Мустанг просил передать, что он уже в курсе дела. Вам нужно немедленно встретиться с ним.

Хьюз нахмурился. Что-то было не так. Он знал Марию Росс уже несколько лет и доверял ей. Но сейчас, глядя на неё, он чувствовал неладное. Его взгляд скользнул по её лицу, и вдруг он понял, что именно его насторожило.

Под левым глазом лейтенанта Росс всегда была маленькая родинка — едва заметная, но Хьюз, как опытный разведчик, запоминал такие детали. Он знал, что у Марии есть эта родинка. Он видел её

сотни раз. Но сейчас её не было. Кожа под глазом была идеально чистой.

— Лейтенант, — сказал Хьюз, и его голос стал холодным. — Повернитесь, пожалуйста, к свету.

— Что? — переспросила «Росс», и в её глазах мелькнула тень замешательства.

— Повернитесь, — повторил Хьюз, и в его голосе послышалась сталь. — Я хочу рассмотреть ваше лицо получше.

«Росс» на мгновение замерла, и Хьюз увидел, как её глаза дёрнулись — словно она поняла, что её раскрыли. Она медленно повернулась, и Хьюз шагнул вперёд. Он заглянул ей в лицо, и сомнений не осталось: родинки не было.

— Ты не Росс, — сказал он, отступая на шаг и хватаясь за кобуру. — Кто ты?

«Росс» рассмеялась. Это был не её смех — холодный, пустой, лишённый всякой теплоты. Её лицо начало меняться, плавиться, превращаясь в нечто иное. Через секунду перед Хьюзом стоял высокий, неестественно стройный гомункул с длинными тёмно-зелёными волосами, собранными в хвост, и пронзительными фиолетовыми глазами с вертикальными зрачками. На его лице застыла холодная, насмешливая улыбка.

— Ты слишком проницателен, майор, — сказал Зависть, и его голос был полон презрения. — Я так надеялся, что ты не заметишь эту мелкую деталь. Родинка под левым глазом… кто бы мог подумать, что ты такой наблюдательный.

Хьюз выхватил пистолет, но Зависть был быстрее. Он выбил оружие из рук майора и нанёс удар, от которого Хьюз отлетел к стене. Хьюз вскочил,

готовясь к бою, но в этот момент Зависть улыбнулся, и его тело снова начало меняться.

Фигура гомункула исказилась, стала мягче, женственнее. Волосы удлинились, черты лица смягчились, и через мгновение перед Хьюзом стояла Грейсия — его жена, в том самом платье, которое он любил на ней больше всего. Она улыбалась, протягивая к нему руки.

— Маес, — сказала она, и её голос звучал точно так же, как всегда. — Я так соскучилась. Я пришла, чтобы забрать тебя домой.

Хьюз замер. Его рука, уже готовая нанести удар, опустилась. Он смотрел на лицо Грейсии — такое родное, такое любимое — и не мог заставить себя ударить.

— Грейсия… — прошептал он, и в его голосе послышалась боль.

На одно мгновение он позволил себе поверить, что это действительно она. Что всё, что произошло, было просто сном. Что он может вернуться домой, обнять жену и дочь, и забыть обо всём этом кошмаре.

Но этого мгновения Зависти было достаточно.

Гомункул выхватил пистолет, который Хьюз выбил у него минуту назад, и выстрелил в упор.

Оглушительный грохот разорвал тишину коридора. Тяжёлая свинцовая пуля ударила Хьюза прямо в левую часть груди.

Майор покачнулся и упал на колени, мир вокруг него начал стремительно меркнуть. Он чувствовал, как дикая боль разливается по телу, и в ужасе думал о Грейсии и Элисии, которых он больше никогда не увидит.

Но пуля не пробила его сердце. Вместо этого она ударилась о что-то невероятно твёрдое, и Хьюз услышал чистый металлический звон. Он мгновенно понял, что произошло — пуля попала точно в его массивный стальной портсигар, лежавший во внутреннем кармане мундира. Тот самый портсигар, который Грейсия подарила ему в день их свадьбы. Он всегда носил его с собой как талисман, и теперь эта помятая железка спасла ему жизнь.

Зависть опешил. Он ошеломлённо смотрел на упавший из-под мундира помятый кусок металла и не мог поверить своим глазам. Но Хьюз, превозмогая дикую боль от удара, уже вскочил на ноги. Он резко рванулся вперёд, выбил пистолет из руки гомункула и нанёс мощный удар наотмашь. Зависть отлетел к стене, а Хьюз, не теряя ни секунды, бросился бежать по потайным переходам, которые знал только он один. Ему удалось оторваться от преследования в лабиринтах штаба.

Всё это произошло за считанные секунды. Когда я, вбежал в коридор, я увидел только следы борьбы и лежащий на полу помятый портсигар. Но Хьюза уже не было. Я поднял портсигар — на нём была свежая вмятина от пули — и понял, что майор снова выжил. Он инсценировал свою смерть для всех, чтобы спасти семью.

Спустя несколько дней Хьюз уже стоял на перроне Центрального вокзала, одетый в простой гражданский костюм. Он крепко, бережно прижимал к груди свёрток с Элисией, а Грейсия нежно обнимала его за руку. Дождь, портивший утро, наконец прекратился, и сквозь тучи пробились первые тёплые лучи солнца. Проводить майора в долгожданный отпуск пришла вся их штабная команда, которая верила в официальную легенду о его отбытии в тыл: подполковник Армстронг, лейтенант Росс, сержант Брош и Шеска. Они стояли

плотным кольцом вокруг Хьюзов, стараясь весело шутить, но в воздухе всё равно висело тяжёлое предчувствие грядущих перемен.

— Майор Хьюз!.. Подождите!..

По платформе, расталкивая редких пассажиров, на всех парах неслись мы с Алом. Винри и Лира бежали следом, едва успевая за нашими широкими шагами. Мой экзоскелет на правой ноге громко лязгал, но мне было плевать.

— Мы успели!.. — выдохнул я, затормозив у самого вагона и тяжело дыша. — Хотели пожать вам руку перед вашим отъездом.

Хьюз искренне просиял и спустился обратно на перрон. Он крепко, по-отцовски обнял нас с братом. Я почувствовал, как его пальцы слегка дрогнули на моем плече — майор явно волновался, хотя его лицо оставалось абсолютно спокойным.

— Ну вы и сорванцы, — тепло рассмеялся он, взъерошив мои волосы. — Рад, что вы успели. Берегите себя, парни. Вы делаете великое и чистое дело. Не сдавайтесь.

— И вы берегите себя, майор, — серьёзно и тихо ответил Ал.

Хьюз повернулся к Винри и задорно подмигнул ей: — Следи за этими упрямцами, девчонка. И не позволяй Эдварду слишком много ворчать на судьбу.

Майор поднялся в тамбур, поезд издал протяжный, пронзительный свисток и медленно покатился по рельсам. Хьюз долго махал нам рукой из окна вагона, пока состав не набрал полную скорость, унося его счастливую семью прочь от интриг и гомункулов Централа. Мы стояли на пустеющем перроне, провожая поезд долгими взглядами.

Час спустя мы уже сидели в купе южного экспресса, который уносил нас прочь от столицы. Мелкие деревеньки, зелёные холмы и редкие перелески летели за окном, а изнуряющая усталость последних дней наконец начала медленно отступать. Винри мирно дремала на жёстком сиденье, полностью положив голову мне на плечо. Напротив сидели Ал и Лира, тихо и спокойно обсуждая наш дальнейший маршрут до Дублита.

Я смотрел в мутное окно вагона, полностью погружённый в свои глубокие думы. Как вдруг на одной из крошечных полустанций, мимо которых наш экспресс пролетел на полной скорости без остановки, мне показался знакомый силуэт. Там, прямо посреди пустой, залитой солнцем платформы, стоял улыбающийся Маес Хьюз в простом гражданском костюме. Он весело и беззаботно махал нашему поезду рукой, а Грейсия и маленькая Элисия стояли рядом с ним, абсолютно счастливые и безмятежные.

— Хьюз?.. — ошеломлённо прошептал я, подавшись всем телом вперёд к стеклу.

Я бурно протёр глаза ладонями, моргая, и снова уставился в стекло, но минутный мираж уже полностью растаял — платформа осталась далеко позади, и только ветер кружил сухую листву над рельсами.

— Эд, тебе что-то привиделось? — сонно спросила Винри, слегка приоткрыв глаза от моего резкого движения.

— Нет, ничего, — улыбнулся я, поудобнее перехватывая её руку своей левой, живой ладонью. — Просто показалось.

Но глубоко внутри я точно и незыблемо знал: это был самый правильный и чистый знак. Хьюз в безопасности, мой брат Ал снова со мной, его вера в

себя восстановлена, а впереди нас ждёт Дублит и наш суровый учитель Изуми Кёртис. Наш лазурный Синий Камень сиял в сумке Лиры, и я твёрдо знал, что отныне мы обязательно со всем справимся.

Мысль о маме, живой и ждущей нас, наполняла меня надеждой. Мы вернёмся к ней, когда закончим всё, что должны. Она будет ждать — она всегда ждала. И теперь у нас есть ради чего бороться: ради неё, ради Ала, ради Винри, ради всех, кто стал нам семьёй.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в новое приключение. Путь к правде продолжался. И мы были готовы идти по нему до конца.

Глава 24. Её причина

Мерный, убаюкивающий стук колёс южного экспресса заполнял всё пространство нашего тесного купе, погружённого в полумрак. Поезд на полной скорости разрезал густые вечерние сумерки, унося нас всё дальше от интриг и серых гранитных мостовых Централа. За заиндевевшим окном стремительно проносились тёмные силуэты лесов и редких провинциальных станций, чьи блёклые фонари лишь на миг выхватывали из темноты струи непрекращающегося дождя. Внутри купе горела лишь одна тусклая лампа под потолком, заливая потемневшую деревянную обшивку мягким янтарным светом и порождая длинные, колеблющиеся тени.

Атмосфера внутри была натянута как струна, готовая лопнуть от малейшего неосторожного движения. Мы ехали на юг, к нашему суровому учителю Изуми Кёртис. Шрам остался в Централе — у него были свои дела, и он пообещал догнать нас, если сможет. Так что нас было четверо: я, Ал, Лира и Винри, которая дремала, положив голову мне на плечо. Но именно сейчас, когда мы наконец-то вырвались из столичного

плена, одна тайна висела между нами, требуя объяснений.

Я сидел у окна, поправляя ремни фальшивого экзоскелета. Моя правая рука, скрытая под стальными пластинами, слегка онемела, но я не смел пошевелиться, чтобы не разбудить Винри. Она заслужила отдых. Ал и Лира сидели напротив, их пальцы были переплетены. Они тихо разговаривали о чём-то своём, и я слышал, как Лира иногда смеётся — тихо, почти неуверенно, словно она всё ещё не привыкла к этому чувству.

Я смотрел на неё и вспоминал нашу первую встречу в Йоусвелле. Тогда она была Лайлой — ассистенткой Йоки, девушкой с фиолетовыми глазами, которая помогала угнетать людей. Но я сразу заметил: она не хотела этого. Её пальцы дрожали, когда она поднимала руку против шахтёров. Она сжимала свой кулон, словно ища в нём опору. Она была такой же пленницей, как и жители того проклятого города.

Я знал, что рано или поздно настанет момент, когда она расскажет нам свою историю. И этот момент наступил.

Внезапно Лира подняла голову и посмотрела на меня. В её фиолетовых глазах мелькнула та самая грусть, которую я видел в ней с момента нашей встречи в Йоусвелле. Она глубоко вздохнула, и я понял: настал момент, когда она решила открыться.

— Эд, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Я должна кое-что тебе сказать. Я знаю, мы уже давно вместе. Ты доверил мне Синие Камни, Ал назвал меня частью семьи. Но я никогда не рассказывала вам всю правду о себе. О том, почему я действительно решила идти с вами, когда вы остановили Йоки и освободили Йоусвелл.

Я поднял голову и внимательно посмотрел на неё. Ал напрягся рядом с ней, его рука крепче сжала её ладонь. Даже Винри, почувствовав напряжение, приоткрыла глаза и села рядом со мной, отбросив сонливость.

— Мы слушаем, — сказал я, и мой голос прозвучал мягче, чем я ожидал.

Лира опустила глаза, и я видел, как её пальцы дрожат, перебирая край плаща. Она собиралась с силами, словно ей предстояло вытащить из себя давно застрявшую занозу.

— Я потеряла родителей в Ишварской войне, — начала она, и её голос дрогнул. — Мне было восемь лет, когда военные пришли в нашу деревню. Не ишварцы, нет. Наши собственные солдаты Аместриса. Они сказали, что мы укрываем повстанцев. Это была ложь. Мы просто жили в приграничном городке, но этого было достаточно. Они сожгли наши дома, убили моих родителей. Я выжила только потому, что спряталась в погребе за бочками с соленьями.

Она замолчала, и я видел, как по её щеке скатилась слеза. Она не вытирала её, словно позволяя себе наконец эту слабость.

— После этого я скиталась по городам, — продолжила она, и её голос стал ровнее, но в нём появилась сталь. — Я работала на разных людей, делала то, что они просили, лишь бы выжить. Я научилась прятать свои эмоции, притворяться той, кем меня хотели видеть. В Йоусвелле я служила Йоки, как и многие другие. Он нашёл меня, когда я пыталась украсть еду на рынке. Он сказал, что даст мне кров и работу, если я буду использовать свою воздушную алхимию, чтобы держать шахтёров в страхе. Я согласилась. Я ненавидела себя за это, ненавидела каждую секунду, когда поднимала руку

против тех, кто просто хотел есть и дышать. Но у меня не было выбора. Если бы я отказалась, он убил бы меня или отправил в шахты. Я видела, что он делал с теми, кто перечил ему.

Она сжала кулаки, и я заметил, как по её рукам пробежала дрожь.

— А потом пришли вы, — продолжила она, и в её голосе послышалась надежда. — Ты, Эдвард, с твоей фальшивой автоброней и железной решимостью. Ты остановил Йоки. Ты спас людей — не потому, что тебе заплатили или приказали, а потому что это было правильно. Я наблюдала за вами из тени, когда вы восстанавливали гостиницу Халлинга. Я видела, как вы рисковали своими жизнями ради незнакомцев.

Она подняла глаза, и в них больше не было слёз. Только твёрдая решимость.

— Тогда я поняла, — сказала она, и её голос окреп. — Я поняла, что вы — те, кто может изменить этот мир. Не потому что вы сильные алхимики или у вас есть Синие Камни. А потому что вы не боитесь делать правильные вещи, даже когда это опасно. Я захотела быть частью этого. Я захотела искупить свою вину за те годы, что я помогала угнетателям. Я захотела стать лучше.

Она посмотрела на меня, и в её глазах была такая искренность, что у меня сжалось сердце.

— Я никогда не предам вас, — сказала она. — Я даю тебе слово. Я хочу быть с вами до конца. И если однажды мне придётся заплатить за мои прошлые ошибки, я заплачу. Но до тех пор я буду сражаться рядом с вами.

Я смотрел на неё, и я чувствовал, как внутри закипает тепло. Она была такой же, как мы. Она

искала искупления. Она искала смысл. И она была готова идти с нами до конца.

Ал, сидевший рядом с ней, молча обнял её за плечи, притягивая к себе. Она уткнулась лицом в его плечо, и я услышал, как она тихо всхлипнула. Он гладил её по голове, и я видел, как его глаза наполнились теплом, которого я не видел в нём с самого начала нашего путешествия.

— Ты уже стала лучше, Лира, — сказал Ал, и его голос был мягким, но уверенным. — Ты была с нами в Йоусвелле, в Лиоре, в Пятой лаборатории. Ты рисковала своей жизнью ради нас. Ты — часть нашей семьи. И мы никогда не оставим тебя.

Винри подошла ко мне и тихо сказала:

— Она сильная, Эд. Я чувствую это. Она будет с нами до конца.

— Я знаю, — ответил я. — Она уже доказала это.

Я поднялся со своего места и подошёл к Лире. Я протянул ей свою левую, живую руку, и она сжала её. Её пальцы были холодными, но она улыбнулась — впервые за весь наш разговор — искренне и открыто.

— Мы справимся, — сказал я, и мой голос звучал увереннее, чем я чувствовал. — У нас есть ты, у нас есть Ал, у нас есть Синие Камни. Мы — команда. И мы изменим этот мир. Я обещаю тебе.

Она кивнула, и в её фиолетовых глазах загорелся тот же огонь, который я видел в Йоусвелле, когда она встала перед толпой и сказала правду.

Поезд продолжал свой путь, унося нас всё дальше на юг. За окном уже начинало светать — первые лучи солнца пробивались сквозь тучи, окрашивая небо в золотистые тона. Я смотрел на наших спутников: Ала, который обнимал Лиру, Винри, которая прижималась

к моему плечу. Шрама не было с нами, и я чувствовал странную лёгкость — без его настороженного взгляда нам было легче дышать. Он остался в Централе, но я знал: он найдёт нас, когда придёт время. Если придёт.

Я смотрел на Лиру и думал о том, как много она нам дала. Её воздушная алхимия спасла нас в Пятой лаборатории. Её верность и преданность были безупречны. Она была не просто попутчицей — она стала нашей сестрой.

— Знаешь, Лира, — сказал я, нарушая тишину. — Ты не обязана была рассказывать нам всё это. Но ты рассказала. И это многое значит.

— Я хотела, чтобы вы знали, — ответила она, и её голос был тёплым. — Чтобы вы понимали, почему я здесь. И чтобы вы знали: я никогда не оставлю вас.

Я улыбнулся и кивнул. Винри сжала мою руку, и я почувствовал, как тепло разливается внутри меня.

— Тогда идём дальше, — сказал я. — Нас ждёт Дублит. И наш учитель Изуми Кёртис.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в новое приключение. Мы оставляли позади столицу, интриги и гомункулов. Впереди нас ждал юг, где мы надеялись найти ответы. И мы знали: мы справимся. Потому что мы были вместе.

Каменистая горная тропа, петляя между острыми уступами каньона, уходила всё выше и выше, прочь от шумных, наполненных лязгом железа улиц Раш-Вэлли. Сухой, раскалённый воздух долины здесь, на высоте, постепенно сменялся прохладным, резким ветром, который с нарастающим гулом гулял между отвесными скалами. Идти было тяжело. Мой фальшивый экзоскелет на левой ноге, не подогнанный до конца после госпиталя, при каждом

шаге неприятно давил на коленный сустав. Металлические пластины на правой руке глухо звякали, но я упрямо шёл вперёд, стараясь не подавать виду, что хромаю.

Панинья уверенно шла впереди нашей процессии. Её высококлассные стальные протезы ног с лёгким, ритмичным шипением пара касались камней, позволяя ей без труда преодолевать крутые подъёмы. Сразу за ней буквально летела Винри, полностью погружённая в свои мысли — она то и дело бормотала себе под нос чертежи коленных шарниров Паниньи, которые так поразили её на смотровой площадке. Ал и Лира шли чуть позади меня, тихо переговариваясь. Сумка Лиры, где лежали три наших новых Синих Камня, мерно покачивалась на её плече.

— Долго ещё? — буркнул я, вытирая рукавом пот со лба.

— Почти пришли, Государственный, не ворчи, — обернулась Панинья, нагло ухмыльнувшись. — Вон за тем утёсом уже виден дом старика.

Действительно, обогнув огромный гранитный валун, мы вышли к небольшому уединенному плато. Прямо у подножия отвесной скалы стоял приземистый, крепкий дом, сложенный из дикого камня и толстых брёвен. Рядом с ним располагалась просторная деревянная пристройка, из открытых окон которой валили клубы густого сизого дыма, а наружу доносился мерный, тяжёлый грохот кузнечного молота. Воздух здесь был насквозь пропитан запахом окалины и древесного угля.

Едва мы ступили на территорию двора, как грохот в мастерской внезапно прекратился. Из дымного проёма вышел рослый, широкоплечий мужчина преклонного возраста с суровым, изрезанным

глубокими морщинами лицом. Его седые волосы были завязаны в тугой узел на затылке, а на засаленный кожаный фартук налипла металлическая стружка. В его мощных, покрытых ожогами руках был зажат тяжёлый кузнечный клещ. Это был сам мастер Доминик.

— Панинья, я же говорил тебе не таскать в мой дом чужаков, — его низкий, рокочущий голос мгновенно заставил всех замереть. Он бросил быстрый, проницательный взгляд на мою компанию, и его глаза на секунду задержались на серебряной цепочке моих Государственных часов, торчащей из жилета. — Особенно армейских псов. Убирайтесь отсюда. Я не работаю на военных и не собираюсь тратить своё время на разговоры.

— Мастер Доминик, пожалуйста, выслушайте! — Винри решительно шагнула вперёд, бесстрашно глядя прямо в суровые глаза старика. — Я пришла не от армии! Меня зовут Винри Рокбелл, я инженер автоброни из Ризенбурга. Я увидела ноги Паниньи… Это невероятная, гениальная работа! Я умоляю вас, возьмите меня в ученики! Я хочу понять, как вам удалось добиться такой идеальной синхронизации поршней без потери мощности!

Доминик молча и холодно оглядел Винри с ног до головы. Его лицо оставалось каменной маской.

— Мне не нужны ученики, девчонка, — отрезал он, разворачиваясь обратно к кузнечной печи. — Твои глаза полны столичной теории, но здесь, в горах, нужна чистая практика и понимание живого металла. Возвращайся в свой Ризенбург. Панинья, выводи их.

Винри буквально застыла на месте, её лицо побледнело, а в глазах блеснули слёзы горькой обиды и разочарования. Она так долго мечтала об этой встрече, и этот суровый, безапелляционный

отказ ударил по ней сильнее любого молота. Ал мягко подошёл к ней и положил руку на её плечо, пытаясь утешить, но она лишь упрямо покачала головой, отказываясь уходить со двора.

Поскольку старик наотрез отказался даже разговаривать с нами, а солнце уже стремительно клонилось к закату, Панинья уговорила нас переждать вечер в небольшой деревянной сторожке на краю плато. Разводить лагерь в горах ночью было слишком опасно — погода в Раш-Вэлли менялась непредсказуемо.

К полуночи на долину обрушился яростный, жуткий шторм. Ледяной шквальный ветер с рёвом бился в стены нашей сторожки, а небо то и дело разрывали ослепительные, ветвистые вспышки молний, за которыми следовал оглушительный грохот грома, сотрясающий скалы. Мы сидели у небольшого очага, прислушиваясь к буре.

Внезапно дверь нашей сторожки с грохотом распахнулась от сильного порыва ветра. На пороге стояла бледная, насмерть перепуганная Панинья. Её одежда была насквозь мокрой от ливня.

— Винри! Помоги! — отчаянно закричала она, перекрывая шум бури. — В соседнем посёлке за каньоном обвалилась старая крепь! Шахтёры везли сюда раненого паренька, подмастерье Доминика. Мост в город полностью размыло селем, у парня тяжёлые травмы плоти, а старик ничего не смыслит в медицине! Он истекает кровью!

Винри подскочила как ужаленная. В её глазах мгновенно исчезла вся недавняя обида, уступив место чёткой, холодной решимости врача. Наследственность её погибших в Ишваре родителей-докторов в эту секунду проявилась в ней в полную силу.

— Эд, Ал, Лира — за мной, живо! — скомандовала она, хватая свою походную аптечку. — Мне понадобятся ваши руки и горячая вода!

Мы ворвались в главный дом Доминика. Внутри, в небольшой комнате, на кровати метался от боли молодой подмастерье, его лицо было бледным, а из груди вырывались глухие, мучительные стоны. Старый кузнец стоял рядом, его огромные руки, способные гнуть сталь, сейчас бессильно дрожали, а на лице читался первозданный, дикий страх за жизнь своего воспитанника.

— Назад, старик, не мешайся под ногами! — жёстко скомандовала Винри, оттесняя его плечом. — Ал, Лира — немедленно на кухню, топите печь, мне нужно много кипятка и чистых простыней! Эд, встань рядом, будешь держать лампу и помогать мне фиксировать его положение!

Винри действовала невероятно профессионально, чётко и быстро. Шторм за окном бесновался с новой силой, молнии ежесекундно выхватывали из темноты её сосредоточенное лицо. Травмы были крайне сложными — обломки дерева глубоко ушли в плоть, повреждая крупные сосуды, и малейшая ошибка могла стоить парню жизни. Винри хладнокровно отдавала команды, её пальцы двигались аккуратно и уверенно, несмотря на то, что дом буквально содрогался от ударов грома.

Прошло три бесконечных, мучительных часа, которые показались нам вечностью. Я держал лампу левой рукой, чувствуя, как от напряжения затекли все мышцы. И вот, в самый пик грозы, когда очередной удар молнии озарил комнату ослепительным белым светом, Винри закончила накладывать последний сложный шов. Дыхание раненого парня выровнялось, он глубоко и спокойно уснул.

— Всё кончено… Сосуды зашиты. Жить будет, — тихо, из последних сил улыбнулась Винри, едва удерживаясь на ногах от колоссального переутомления.

Старый Доминик медленно подошёл к кровати. Из его суровых глаз, которые, казалось, никогда не знали слёз, готовы были покатиться крупные капли. Он бережно проверил пульс своего подмастерья, а затем поднял взгляд на Винри. В этом взгляде больше не было ни капли прежнего холода или презрения — там горела безграничная, немая человеческая благодарность.

На следующее утро шторм полностью утих, уступив место ясному, прохладному горному рассвету. Мы сидели на веранде дома, греясь в первых лучах солнца и пили тёплый чай. Доминик вышел к нам, держа в руках массивный деревянный ящик с инструментами и плотный запечатанный конверт.

— Я был неправ, Винри Рокбелл, — негромко, но твёрдо произнёс старик, останавливаясь перед ней. — Твои руки созданы не только для того, чтобы крутить холодное железо. В них есть редкий дар — даровать и сохранять жизнь. Мой характер слишком суров, и я уже стар, чтобы учить тебя тонкостям современной автоброни. Ты переросла мою кузницу, даже не начав. Но я не отпущу тебя с пустыми руками.

Он протянул ей конверт.

— Это моё личное рекомендательное письмо к моему лучшему другу в Раш-Вэлли — мастеру Гарфиэлю. Он лучший специалист по облегчённым боевым конструкциям в этой стране. С моим письмом он возьмёт тебя в свою мастерскую без лишних вопросов. Ты научишься у него всему.

Винри бережно приняла конверт, её лицо просияло от чистого, неподдельного счастья.

Затем Доминик повернулся ко мне и кивнул на мою правую руку и левую ногу.

— А теперь ты, Стальной алхимик. Зайди в мою мастерскую. Твой фальшивый экзоскелет — забавная игрушка для маскировки, но после взрыва в лаборатории его каркас полностью повело. Шестерни трутся друг о друга, и если я не переберу его прямо сейчас, в Дублите ты просто заклинишь и выдашь свою целую плоть первому встречному патрулю.

Я удивлённо хмыкнул, но спорить не стал. В его кузнице старик за два часа точных, мощных ударов молота и ювелирной регулировки полностью перебрал крепления моего маскировочного каркаса. Он заменил погнутые поршни на новые, титановые, и когда я примерил конструкцию обратно, экзоскелет сел как влитой — движения стали плавными, бесшумными, а ложное сопротивление гидравлики работало безупречно.

Час спустя мы уже стояли на краю плато, готовые спуститься обратно к вокзалу. Панинья весело махала нам рукой с крыльца дома, а Доминик молча провожал нас долгим, уважительным взглядом.

— Мы задерживаемся, Эдвард, — сказала Винри, поправляя лямку рюкзака. — Поезд на Дублит отходит через час. Нам нужно спешить.

— Знаю, — ответил я, чувствуя, как внутри закипает привычная энергия. — Мы готовы. Наш Синий Камень на месте, ты получила свою причину остаться в Раш-Вэлли, а нас ждёт Дублит. Вперёд!

Наша невозможная, странная команда, ведомая неудержимым профессиональным восторгом Винри и послушной воровкой Паниньей, начала свой тяжелый,

затяжной подъем по крутым, каменистым и опасным горным тропам Раш-Вэлли. Мы уходили всё выше и выше в суровые, величественные скалистые горы, где в полном уединении скрывался от мира великий и таинственный мастер, готовый перевернуть всю нашу дальнейшую судьбу.

Глава 25. Учитель

Поезд нёс нас на юг, прочь от серого Централа, прочь от грохота Раш-Вэлли, где мы оставили Винри с её новой надеждой и рекомендательным письмом к мастеру Гарфиэлю. За окном проплывали зелёные поля, сменявшиеся холмами, и я чувствовал, как напряжение медленно отпускает меня. Винри осталась там, в долине мастеров, чтобы учиться и совершенствовать свои навыки. Мы расстались на вокзале, и я видел, как она стояла на перроне, махая нам рукой. Её светлые волосы развевались на ветру, и она улыбалась, но в глазах я видел тревогу. Она не хотела, чтобы мы уезжали, но понимала, что это необходимо.

— Я буду ждать вас, — сказала она перед нашим отъездом. — Берегите друг друга.

— Мы вернёмся, — ответил я. — Обещаю.

Теперь, сидя в поезде, я думал о ней и о том, как много она для меня значит. Она была рядом с самого детства, через все испытания, через все потери. Я не знал, что бы я делал без неё. Но я знал: она должна была остаться. Раш-Вэлли был её шансом стать настоящим мастером, и я не имел права отнимать у неё эту возможность.

Ал и Лира сидели напротив, их руки были переплетены. Они тихо разговаривали о чём-то своём, и я видел, как Лира улыбнулась чему-то, что сказал Ал. За время нашего путешествия она стала не

просто попутчицей — она стала частью нашей семьи. Я видел, как Ал смотрит на неё, как его лицо светлеет, когда она рядом. И я был рад, что у брата есть кто-то, кто делает его счастливым.

Но даже в этом моменте спокойствия мои мысли возвращались к тому, что мы оставили позади. Централ, гомункулы, Хьюз, Марко — всё это было связано нитями, которые мы должны были распутать. И я знал, что впереди нас ждут новые испытания.

— Брат, — сказал Ал, прерывая мои мысли. — Ты думаешь, Изуми примет нас?

— Она должна, — ответил я, вытаскивая из кармана блокнот отца. — Я написал ей письмо, ещё когда мы были в Централе. Я рассказал ей о синем камне, о гомункулах, о том, что мы пытаемся сделать. Она не могла остаться в стороне.

— Но она строгая, — сказала Лира. — Ты говорил, что она не прощает ошибок.

— Она не прощает, — согласился я. — Но она всегда верит в нас. Даже когда мы ошибаемся.

— Ты уверен, что она не прогонит нас? — спросил Ал, и в его голосе послышалось сомнение. — Мы ведь нарушили величайший закон алхимии.

— Она знает, — ответил я. — Я написал ей правду. Всю правду. О маме, о синем камне, о том, что мы сделали. Если она решит прогнать нас, мы уйдём. Но я верю, что она поймёт.

Ал опустил голову, и я видел, как его пальцы дрожат, перебирая страницы блокнота. Он боялся. Мы оба боялись. Изуми была нашей последней надеждой. Если она отвернётся от нас, мы останемся одни.

Лира, сидевшая рядом с ним, мягко коснулась его руки.

— Мы справимся, — сказала она, и её голос был тёплым. — Мы всегда справлялись.

Поезд начал замедлять ход, и проводник объявил Дублит. Мы подхватили свои сумки и вышли на перрон. Город встретил нас влажным, тёплым воздухом, пахнущим морем и цветами. Мы двинулись по улицам, и я чувствовал, как внутри закипает волнение.

— Мы почти пришли, — сказал я, глядя на карту, которую нарисовала Шеска. — Дом Изуми на окраине города. Нам нужно пройти через парк.

Мы шли по тенистым аллеям, и я чувствовал, как напряжение постепенно отпускает меня. Вокруг цвели деревья, и воздух был наполнен ароматом цветов. Но даже в этом спокойном месте я не мог избавиться от чувства, что за нами наблюдают. Я знал, что гомункулы не оставят нас в покое, и каждая минута промедления могла стать роковой.

Наконец мы дошли до дома Изуми. Он стоял на окраине города, окружённый высокими деревьями. Здание выглядело старым, но ухоженным, и от него веяло сыростью и запахом старых книг.

Изуми стояла на крыльце, и я чувствовал, как её взгляд пронизывает меня насквозь. Она была высокой, сильной женщиной с короткими тёмными волосами и пронзительными глазами. На ней был простой халат, и она смотрела на нас с лёгкой улыбкой.

— Вы пришли, — сказала она, и её голос был тёплым, но серьёзным. — Я знала, что вы придёте.

— Учитель, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Мы должны поговорить.

— Я знаю, — ответила Изуми. — Проходите в дом. У нас есть время.

Мы вошли в дом. Внутри было уютно, пахло травами и старой мебелью. На стенах висели старые фотографии и алхимические схемы. Рядом с Изуми стоял Сиг — её муж, массивный, добродушный мужчина с огромными руками. Он приветливо кивнул нам и жестом пригласил к столу.

Мы сели за стол, и Изуми налила нам чай. Рядом с ней, у её ног, сидел старый пёс, которого я не помнил с детства. Видимо, Чико уже не было в живых, или это был новый пёс. Изуми погладила его по голове, и он лизнул её руку.

— Рассказывайте, — сказала она. — Я хочу знать всё.

Я начал рассказывать. О синем камне, о том, как мы нашли его в тайнике отца. О гомункулах, которых мы встретили. О нашем путешествии через города, о том, как мы пытались найти ответы. И, наконец, я рассказал ей главное — о том, как мы воскресили маму.

— Мы не просто пытались, учитель, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Мы сделали это. Мы использовали синий камень, чтобы вернуть её душу. Она жива. Мама жива.

Тишина повисла в воздухе. Изуми замерла, и я видел, как её лицо сначала побледнело, затем стало непроницаемым. Пёс, почувствовав напряжение, поднял голову и настороженно посмотрел на нас.

— Что ты сказал? — переспросила она, и в её голосе послышался холод.

— Мы нашли способ, — сказал Ал, выступая вперёд. — Синий камень, который создал наш отец, позволил

нам вернуть её душу без жертв. Она жива, учитель. Мы не лжём.

Изуми смотрела на нас. Её глаза метались между мной и Алом, и я видел, как в них борются гнев, удивление и страх.

— Вы… вы действительно сделали это? — спросила она, и её голос дрогнул. — Вы вернули мёртвую?

— Да, — ответил я твёрдо. — Мы не знали, что это возможно. Но синий камень дал нам такую возможность. Мы не приносили жертв. Мы использовали чистую энергию.

Изуми закрыла глаза. Я видел, как её плечи напряглись, а руки сжались в кулаки. На мгновение мне показалось, что она сейчас взорвётся от гнева. Но вместо того чтобы ударить, она сделала шаг назад и глубоко вздохнула. Её руки дрожали, но она сдерживала себя.

— Вы сделали невозможное, — сказала она наконец. — Вы нарушили величайший закон алхимии. И вы заплатили за это высокую цену. Ваша способность использовать алхимию без круга — следствие того, что вы сделали.

— Мы знаем, — сказал я. — Но мы не могли поступить иначе. Мы не могли жить без неё.

Изуми посмотрела на нас долгим взглядом. Её гнев постепенно уступал место печали.

— Вы сделали невозможное, — повторила она. — Но вы не понимаете, какую цену можете заплатить. Синий камень… он не бесконечен. Вы должны быть готовы к тому, что когда-нибудь он иссякнет.

— Мы знаем, — ответил Ал. — Но мы хотим научиться использовать его с умом. Мы пришли к вам, чтобы вы научили нас.

Она тяжело вздохнула и покачала головой.

— Вы мои ученики. Я не могу отвернуться от вас. Но вы должны понять: то, что вы сделали, изменило не только вашу жизнь. Это изменило саму ткань мира. И я боюсь, что вы ещё не осознали всех последствий.

— Каких последствий? — спросил я.

— Ответы вы получите, когда будете готовы, — сказала она. — А пока — завтра мы начнём обучение. Настоящее обучение. Вы должны научиться контролировать свою силу. И вы должны научиться прощать себя.

Она повернулась и ушла в дом. Пёс, помедлив, поднялся и последовал за ней, бросив на нас короткий взгляд.

Вечером мы сидели за ужином в доме Изуми. Мейсон, её помощник, подавал на стол, а Сиг сидел во главе с неизменным добродушным видом. Винри с нами не было, и я чувствовал её отсутствие, но Лира и Ал сидели рядом, и это утешало меня.

Изуми рассказывала о своей жизни, о том, как она училась алхимии, как встретила Сига. Я слушал и чувствовал, как напряжение отпускает меня. Но внезапно разговор повернулся в неожиданную сторону.

— Почему у вас нет детей? — спросила Лира, и я заметил, как лицо Изуми окаменело на мгновение.

Мейсон кашлянул и перевёл разговор на другую тему, но я видел, как в глазах Изуми мелькнула боль.

— Может, выйдете во двор и покажете свои навыки? — предложил Мейсон. — Я слышал, вы многому научились.

Мы вышли во двор. Солнце уже садилось, и небо окрашивалось в багровые тона. Ал первым продемонстрировал свою алхимию — он создал из земли небольшой цветок, который засиял в лучах заката. Я увидел, как Изуми одобрительно кивнула.

Но прежде, чем я успел показать свои умения, на улице послышался шум. Мы обернулись и увидели, что к дому бежит девочка с заплаканным лицом.

— Госпожа Изуми! — закричала она, подбегая к нам. — Помогите! Моя кошка Чико в беде!

Мы побежали за ней. Девочка вела нас через улицы, и я чувствовал, как внутри закипает тревога. Мы добежали до старого здания, где на крыше, спасаясь от собаки, сидела кошка. Она была беременна и вот-вот должна была родить.

Изуми и Сиг быстро разогнали собаку. Мы забрались на крышу, где нашли кошку с новорождёнными котятами. Один из них едва не упал, и я, не раздумывая, использовал алхимию, чтобы создать мягкую платформу и поймать его.

Изуми заметила это.

— Без круга, — сказала она тихо. — Ты использовал алхимию без круга.

Я опустил взгляд. Я знал, что она заметит.

— Да, — ответил я. — Я не мог позволить ему упасть.

Но всё обошлось. Кошка была слаба, но жива. Девочка забрала её и котят домой, благодарно кивая нам. Мы стояли на крыше и смотрели им вслед.

Изуми повернулась ко мне. В её глазах была та же сталь, что и всегда.

— Ты спас их, — сказала она. — Ты использовал свою силу, чтобы помочь. Но помни: даже самая сильная алхимия не может вернуть тех, кого уже нет. Ты должен понимать границы.

Я кивнул. Её слова отозвались во мне болью, потому что я знал, о чём она говорит. О маме. О том, что мы пытались сделать.

— Идёмте, — сказала она. — Нам нужно поговорить.

Мы остались одни во дворе. Изуми стояла, глядя на нас, и молчала. Ветер шелестел листьями, и я слышал, как вдалеке шумит море.

— Я должна рассказать вам кое-что, — сказала она. — О себе.

Она стояла на краю обрыва, глядя на море. Ветер трепал её волосы, и я видел, как она сжимает руки, словно пытаясь удержать себя от падения.

— Я тоже пыталась, — сказала она. — Много лет назад, когда я была беременна, я заболела. Сиг дал мне лекарство, чтобы спасти меня. Но ребёнок… он родился мёртвым.

Я почувствовал, как холод пробегает по спине. Я смотрел на неё и не мог найти слов. Ал замер рядом со мной, его лицо побледнело. Лира прикрыла рот рукой.

— Я не могла смириться с этим, — продолжила она. — Я попыталась вернуть его. Я использовала человеческую трансмутацию, чтобы воскресить его. Но это не сработало. Вместо этого я потеряла часть

себя. Мои внутренние органы были уничтожены. Я больше никогда не смогу иметь детей.

Она повернулась ко мне, и в её глазах была боль.

— Вы должны понять, что алхимия — это не способ вернуть то, что потеряно. Это способ двигаться вперёд. Вы не можете изменить прошлое. Но вы можете изменить будущее.

— Мы знаем, — ответил я. — Но мама жива. И мы не можем просто забыть, что мы сделали.

— Я и не прошу вас забывать, — сказала она. — Я прошу вас жить дальше. И защищать то, что вы создали.

Мы стояли на берегу, глядя на море, и я чувствовал, как внутри разливается спокойствие. Мы сделали первый шаг. Мы признались в том, что сделали. И мы знали, что учительница не отвернётся от нас.

— Завтра мы начнём обучение, — сказала Изуми. — Настоящее обучение. Вы должны научиться контролировать свою силу. И вы должны научиться прощать себя.

— Мы постараемся, — ответил я.

Она улыбнулась и положила руку мне на плечо.

— Я знаю, что постараетесь. Вы мои ученики.

Позже, когда мы вернулись в дом, я стоял у окна и смотрел на море. Лира подошла ко мне и взяла меня за руку.

— Ты как? — спросила она.

— Устал, — честно ответил я. — Но я рад, что мы здесь.

— Я тоже, — сказала она. — Здесь спокойно.

Я обнял её и прижал к себе. Мы стояли в тишине, глядя на ночное небо, и я чувствовал, как внутри разливается тепло. Мы были не одни. Мы никогда не были одни.

Глава 26. Одно есть всё, всё есть одно

Ночь прошла спокойно. Я лежал на кровати в своей комнате в доме Изуми, слушая, как за окном шумит море, и чувствовал, как усталость понемногу отпускает меня. Тепло домашнего очага, запах трав и старых книг — всё это напоминало мне о детстве, о времени, когда мир казался простым и понятным. Но я знал, что это спокойствие обманчиво.

Утром меня разбудил стук в дверь. Я открыл глаза и увидел Ала, который стоял на пороге с встревоженным лицом.

— Брат, — сказал он. — Изуми хочет видеть нас. Она говорит, что мы должны пройти последнее испытание.

Я сел на кровати и потёр глаза. Последнее испытание. Эти слова отозвались во мне тяжёлым эхом. Я знал, что Изуми не станет просто так говорить о таких вещах. Если она сказала, что мы должны пройти испытание, значит, оно будет серьёзным.

Мы спустились вниз. Изуми стояла у окна, глядя на море, и её лицо было серьёзным. Рядом с ней стоял Сиг, его рука лежала на её плече, словно он пытался поддержать её. Лира уже сидела за столом, и я видел, как тревога отражается в её глазах. Она не знала, что нас ждёт, но была готова идти с нами.

— Вы должны понять, что такое жизнь и смерть на самом деле, — сказала Изуми, поворачиваясь к нам. — Вы должны вспомнить урок, который я пыталась вам преподать. Только тогда вы сможете двигаться дальше.

— Какой урок? — спросил я, хотя внутри уже догадывался, о чём она говорит.

— Вы должны вспомнить, что значит «одно есть всё, всё есть одно», — ответила она. — Завтра мы отправляемся на остров Йок.

Я почувствовал, как по спине пробегает холод. Остров Йок. Это было то самое место, куда Изуми отправила нас с Алом, когда мы были детьми. Там, на этом острове, мы учились выживать без алхимии, учились понимать природу и себя. Но тогда мы были детьми. Теперь мы были другими.

— На остров Йок? — переспросил Ал, и я увидел, как он побледнел. — Но зачем?

— Вы забыли то, чему я учила вас, — сказала Изуми. — Вы нарушили величайшее табу. Вы вернули мать к жизни. Но вы всё ещё не понимаете, что такое жизнь и смерть.

Я хотел возразить, но она подняла руку, останавливая меня. В её глазах была та же сталь, что и всегда, но я видел в них и что-то другое — печаль, смешанную с надеждой.

— Вы должны понять, что такое «одно есть всё, всё есть одно» на практике, — продолжила она. — Как в тот раз, когда вы были детьми.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает смесь гнева и понимания. Она была права. Мы действительно забыли этот урок. Мы были так заняты

поисками философского камня, что потеряли из виду самое главное.

Мы собрались в путь. Лира хотела пойти с нами, но Изуми сказала, что это испытание должны пройти только мы с Алом.

— Я буду ждать тебя, — сказала Лира, глядя на Ала. — Возвращайся.

— Я вернусь, — пообещал он. — Обещаю.

Она сжала его руку, и я видел, как в её глазах мелькнула тревога. Но она отпустила его, позволяя нам уйти.

— Берегите друг друга, — сказала она нам обоим.

Я кивнул и вышел вслед за Алом и Изуми.

Мы вышли из дома и направились к пристани. Небо было ясным, и солнце светило ярко, но я чувствовал, как внутри закипает страх. Мы с Алом стояли на пирсе, глядя на лодку, которая должна была увезти нас на остров.

— Мы снова здесь, — сказал Ал тихо.

— Да, — ответил я. — И снова без алхимии.

Изуми села в лодку, и мы последовали за ней. Сиг остался на берегу, и я видел, как его массивная фигура медленно уменьшается по мере того, как мы отдаляемся от берега.

Мы плыли молча. Вода была спокойной, и я смотрел на горизонт, где виднелся тёмный силуэт острова. Он приближался медленно, и я чувствовал, как внутри нарастает напряжение.

Лодка причалила к острову. Мы вышли на берег. Всё было таким же, как в детстве — густой лес, скалы, дикие звери. Пахло влажной землёй и листьями. Я

слышал, как вдалеке поют птицы, и чувствовал, как ветер шевелит мои волосы.

Изуми повернулась к нам. В её глазах была та же сталь, что и всегда.

— Вы останетесь здесь, — сказала она. — Вы вернётесь, когда поймёте. А я вернусь за вами.

Она развернулась и пошла вглубь острова. Я смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри закипает паника.

— Учитель! — крикнул я. — Вы не можете просто оставить нас здесь!

— Могу, — ответила она, не оборачиваясь. — И оставлю.

Она исчезла в лесу. Мы остались одни. На необитаемом острове. Без еды, без крова, без алхимии. Как в детстве.

Мы стояли на берегу, глядя на удаляющуюся лодку, и я чувствовал, как внутри поднимается паника. То же самое чувство я испытывал много лет назад, когда мы впервые оказались здесь. Тогда я был просто мальчишкой, который хотел научиться алхимии. Теперь я был тем, кто нарушил величайшее табу.

— Мы снова здесь, — сказал Ал тихо.

— Да, — ответил я. — И снова без алхимии.

Мы двинулись вглубь острова. Всё было таким же, как в детстве — густой лес, скалы, дикие звери. Я узнавал знакомые места: старый дуб, у которого мы прятались от дождя, ручей, где мы ловили рыбу, поляну, где мы пытались разжечь костёр.

— Помнишь того человека в маске? — спросил Ал, нарушая тишину.

— Помню, — ответил я. — Он преследовал нас. Мы думали, что он хочет убить нас.

— А потом мы поняли, что он просто проверял нас, — сказал Ал. — Мейсон.

— Да, — кивнул я. — Мейсон. Он всегда был рядом с Изуми.

Мы подошли к знакомому месту — небольшой поляне, где мы спали в детстве. Всё было таким же, как и тогда. Трава была мягкой, и я чувствовал, как её запах напоминает мне о том времени, когда мы были детьми.

— Мы должны выжить, — сказал я. — Как в тот раз.

— Но мы не те, что раньше, — ответил Ал. — Мы изменились. Мы воскресили маму. Мы знаем больше, чем тогда.

— Тогда мы должны понять, что такое жизнь на самом деле, — сказал я. — Изуми права.

Мы сели на траву и замолчали. Я смотрел на небо, которое виднелось сквозь ветви деревьев, и думал о том, что Изуми хотела нам сказать. О жизни и смерти. О том, что такое «одно есть всё, всё есть одно».

Первые дни были тяжёлыми. Мы пытались ловить рыбу, но без алхимии это было почти невозможно. Ал нашёл съедобные грибы, но я помнил, что в детстве мы наткнулись на ядовитые, и чуть не отравились. Мы были осторожны, но голод давал о себе знать.

— Мы должны быть осторожнее, — сказал я, когда мы сидели у костра, который нам удалось разжечь с трудом.

— Как в тот раз, когда мы пытались поймать кролика, — сказал Ал.

Я помнил этот день. Мы поймали кролика, но не могли заставить себя убить его. Мы колебались, и в этот момент появилась лиса. Она вырвала кролика у нас из рук и убежала. Мы погнались за ней и нашли её логово с детёнышами. Лиса отдала кролика им.

— Тогда я понял, что такое жизнь, — сказал я. — Что смерть одного означает жизнь для других.

— И это был первый шаг к пониманию фразы Изуми, — добавил Ал.

Мы продолжали искать еду. Я заметил стаю лис, которые наблюдали за нами. Одна из них подошла ближе, и я увидел на её морде шрам — тот самый, который она оставила на моей руке много лет назад.

— Это та самая лиса, — сказал я.

— Ты уверен? — спросил Ал.

— Да. Я помню этот шрам.

Лиса смотрела на нас, и в её глазах не было страха. Она просто наблюдала. Я смотрел на неё и думал о том, что она тоже часть этого мира. Часть того, что мы называем жизнью.

На четвёртый день мы нашли старую хижину, которую построили в детстве. Внутри всё было покрыто пылью, но мы смогли разжечь огонь и приготовить еду. Сидя у костра, я чувствовал, как

усталость и голод отступают, уступая место теплу и покою.

— Мы выживем, — сказал я. — Как и в прошлый раз.

— Но мы не должны забывать, зачем мы здесь, — ответил Ал. — Изуми хочет, чтобы мы поняли.

— Я знаю. «Одно есть всё, всё есть одно».

Мы сидели у костра, и я думал о том, что это значит. Тогда, в детстве, я понял это, когда увидел лису с детёнышами. Я понял, что моя жизнь — часть чего-то большего. Что если я умру, моё тело станет частью земли, частью природы. И это не конец — это продолжение.

— Мы воскресили маму, — сказал я. — Но мы не думали о последствиях.

— Мы заплатили за это, — ответил Ал. — И мы должны жить с этим.

— Что, если мы ошиблись? — спросил я, и мой голос дрогнул. — Что, если мы нарушили нечто большее, чем просто закон алхимии?

— Мы не знали, — сказал Ал. — Но теперь мы знаем. И мы должны сделать всё, чтобы исправить это.

Я посмотрел на него и увидел в его глазах ту же решимость, что и у меня. Мы были братьями. Мы были частью друг друга. И мы должны были пройти через это вместе.

На следующее утро мы проснулись с новым чувством. Мы больше не боялись. Мы знали, что должны сделать. Мы нашли логово лисы и наблюдали за ней. Она кормила своих детёнышей, и я видел, как она заботится о них. Она отдавала им всю себя, не думая о себе.

— Она живёт ради них, — сказал я.

— Да, — ответил Ал. — И это и есть жизнь.

Мы поняли. Жизнь — это не просто существование. Это забота о других. Это отдача себя. Это связь со всем, что нас окружает. Когда мы воскресили маму, мы думали, что возвращаем ей жизнь. Но мы не поняли, что жизнь — это нечто большее, чем просто биение сердца. Это связь с миром, с природой, с другими людьми.

— «Одно есть всё, всё есть одно», — сказал я. — Мы — часть этого мира. И мы должны заботиться о нём.

— И о тех, кто в нём живёт, — добавил Ал. — О маме. О Винри. О Лире. О всех, кого мы любим.

Мы вернулись на берег. Лодка уже ждала нас. В ней сидели Изуми, Сиг и Лира. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается тепло.

— Вы поняли? — спросила Изуми, когда мы подошли.

— Да, — ответил я. — Мы поняли.

Она улыбнулась и кивнула. В её глазах не было стали — только тепло и гордость.

— Тогда садитесь.

Мы сели в лодку. Лира сжала руку Ала, и я чувствовал, как её пальцы переплетаются с его. Я посмотрел на остров, который медленно исчезал за горизонтом. Мы оставляли его позади, но я знал, что урок, который мы получили, останется с нами навсегда. Мы поняли, что такое жизнь. И мы знали, что должны защищать её — любой ценой.

— Мы сделали это, — сказал Ал.

— Да, — ответил я. — Мы сделали это.

Мы плыли молча, глядя на закат. И я чувствовал, как внутри разливается спокойствие. Мы были готовы к тому, что нас ждёт впереди. Мы были готовы защищать тех, кого любим.

Когда мы вернулись в Дублит, нас встретил Сиг. Он помог нам выйти из лодки и проводил в дом. Внутри нас ждала Лира, и я видел, как её глаза наполнились облегчением, когда она увидела Ала.

— Ты вернулся, — сказала она, подходя к нему и беря его за руки.

— Я обещал, — ответил он, и я видел, как его лицо светлеет при виде неё.

Изуми стояла в стороне и смотрела на нас. В её глазах была гордость.

— Вы сделали первый шаг, — сказала она. — Но это только начало. Завтра мы продолжим обучение. Вы должны научиться применять этот урок в жизни.

— Мы готовы, — сказал я.

Она улыбнулась и кивнула.

— Тогда завтра мы начнём. А сегодня — отдыхайте. Вы заслужили это.

Мы разошлись по своим комнатам. Я стоял у окна и смотрел на море. Мысли о маме, о Винри, о том, что нас ждёт впереди, кружились в голове, но теперь я чувствовал не страх, а спокойствие. Мы сделали это. Мы поняли урок. И мы были готовы идти дальше.

Глава 27. Невинное дитя

Мы вернулись в Дублит. Дом Изуми встретил нас теплом и уютом, и я чувствовал, как напряжение отпускает меня после суровых дней на острове Йок. Но вместо того чтобы сразу отправиться в Ризенбург, как мы планировали, Изуми сказала, что мы должны задержаться.

— Есть кое-что, что я должна показать вам, — сказала она, и в её голосе послышалась тревога.

Я посмотрел на неё и понял, что она что-то скрывает. В её глазах мелькнула тень, которую я не мог понять. Сиг стоял рядом, и его лицо было серьёзным.

— Что случилось, учитель? — спросил Ал, подходя ближе.

— Я не знаю точно, — ответила она, и её голос был тихим. — Но я чувствую, что что-то приближается. Что-то, что связано с вами.

Мы переглянулись. Я не знал, что она имела в виду, но я доверял её интуиции. Она была моей учительницей, и она никогда не ошибалась.

— Мы останемся, — сказал я. — Насколько нужно.

Она кивнула и улыбнулась.

— Спасибо, Эдвард.

На следующее утро мы отправились на прогулку по берегу. Солнце только начинало подниматься, окрашивая небо в золотистые и розовые тона. Винри, конечно, не было с нами — она осталась в Раш-Вэлли, и я чувствовал её отсутствие. Но Ал и Лира шли

рядом, их руки были переплетены, и я видел, как они улыбаются друг другу. Море было спокойным, и я чувствовал, как ветер шевелит мои волосы.

Мы шли по берегу, наслаждаясь тишиной. Всё было мирно, но я знал, что это спокойствие обманчиво. Изуми шла чуть впереди, её взгляд был устремлён вдаль, словно она искала что-то.

— Учитель, что мы ищем? — спросила Лира, подходя к ней.

— Я не знаю, — ответила Изуми, не оборачиваясь. — Но я чувствую, что мы должны быть здесь.

Мы продолжили идти. Внезапно из леса, который подступал к самому берегу, выбежал мальчик. Он был бледным, с тёмными, почти чёрными волосами до плеч. На вид ему было лет десять-одиннадцать. Он был абсолютно голый, и его тело было покрыто грязью и царапинами. На его правой руке я заметил старый шрам — похожий на след от укуса, но нечёткий, словно заживший много лет назад.

Мальчик остановился на краю берегу и смотрел на нас с любопытством, без страха. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них была та же тоска, что я видел в глазах Изуми, когда она рассказывала о своей потере.

— Кто ты? — спросил я, готовясь к бою.

Мальчик не ответил. Он просто стоял и смотрел на нас. Затем он поднял руку, и я увидел, как его пальцы начали меняться — кожа превращалась в камень.

— Он использует алхимию! — крикнул Ал, делая шаг вперёд.

— Без круга, — добавил я, чувствуя, как холод пробегает по спине.

Я бросился на мальчика и схватил его за руки. Он не сопротивлялся — он просто смотрел на меня широко раскрытыми глазами, а затем разрыдался. Его тело начало дрожать, и каменная кожа на пальцах исчезла, уступая место обычной плоти.

— Что ты делаешь?! — раздался голос Изуми. Она подбежала к нам и оттолкнула меня. — Отойди от него!

Она опустилась на колени перед мальчиком и укутала его в свою шаль. Он прижался к ней, и я видел, как его плечи вздрагивают от рыданий.

— Тихо, тихо, — сказала она, гладя его по голове. — Всё хорошо. Ты в безопасности.

Мальчик перестал плакать и посмотрел на неё. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и я видел в них ту же тоску, что и в глазах Изуми.

— Кто я? — спросил он, и его голос был тихим, но в нём слышалась боль. — Я не знаю, кто я.

— Ты не помнишь? — спросила Изуми, и её голос был мягким.

— Я помню только боль, — ответил он. — И темноту. И Врата.

Я замер. Врата. Он сказал «Врата». Я смотрел на него, и внутри меня всё сжалось. Я знал, что это значит.

— Ты видел Врата? — спросил я, и мой голос дрогнул.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула искра узнавания.

— Ты тоже видел их, — сказал он. — Я знаю. Я чувствую это.

Я не мог ответить. Я просто смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает смесь страха и понимания.

— Как тебя зовут? — спросила Изуми, пытаясь отвлечь его.

Он задумался. Его глаза стали пустыми, словно он пытался вспомнить что-то важное.

— Гнев, — сказал он наконец, и его голос стал твёрже. — Меня зовут Гнев. Потому что я родился из гнева моей матери.

Изуми замерла. Её лицо побледнело, и я видел, как её руки начали дрожать.

— Что ты сказал? — прошептала она.

— Я родился из гнева моей матери, — повторил он, глядя на неё. — Она пыталась вернуть меня. Но я вернулся таким.

Тишина повисла в воздухе. Изуми смотрела на него, и я видел, как слёзы текут по её щекам.

— Ты… ты мой сын? — спросила она, и её голос сорвался.

— Я не знаю, — ответил он. — Я помню только боль. И темноту. И Врата. Но я знаю, что ты — моя мать. Я чувствую это.

Изуми прижала его к себе, и я видел, как её плечи вздрагивают от рыданий. Он не отталкивал её. Он просто стоял и позволял ей обнимать его.

— Прости меня, — прошептала она. — Прости меня за всё.

Мы стояли и смотрели на них. Я чувствовал, как внутри разливается боль. Она была такой же, как мы.

Она тоже пыталась вернуть того, кого любила. И она тоже заплатила за это высокую цену.

Мы вернулись в дом. Гнев — теперь мы знали его имя — сидел за столом и жадно ел, словно не видел еды несколько дней. Лира сидела рядом с ним, пытаясь успокоить его. Изуми стояла у окна, и я видел, как её плечи всё ещё дрожат.

— Он — гомункул, — сказала она, не оборачиваясь. — Я создала его, когда пыталась вернуть своего сына. Моя плоть, которую я отдала у Врат, стала основой для его существования. Но он не носит мои руки или ноги — он носит мою боль. Он — моя неудавшаяся попытка воскресить мёртвого. Моё наказание.

— Мы поможем вам, — сказала Лира. — Мы поможем ему.

Изуми повернулась к нам. В её глазах была благодарность.

— Спасибо, — сказала она. — Это много значит для меня.

Мы провели день, пытаясь понять Гнева. Он не знал, что значит быть человеком, но он хотел научиться.

— Ты знаешь, что ты такое? — спросил я его, когда мы сидели на веранде.

— Я знаю, что я — гомункул, — ответил он. — Я знаю, что я родился из боли. Но я не знаю, как быть человеком.

— Это не твоя вина, — сказал я. — Ты не выбирал быть таким.

— Тогда кто виноват? — спросил он, и в его голосе послышалась боль.

— Никто, — сказал я. — Иногда вещи просто случаются. И мы должны научиться жить с ними.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула искра надежды.

— Ты поможешь мне? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Я помогу тебе.

Ночью я вошёл в комнату мальчика. Он сидел на кровати и смотрел в стену. Я сел рядом и посмотрел на него.

— Ты не боишься меня? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Потому что я знаю, что ты такое. И я знаю, что ты не хочешь причинять вред.

Он кивнул.

— Я хочу играть, — сказал он.

Я улыбнулся.

— Хорошо. Давай играть.

Мы играли весь вечер. Я показывал ему, как рисовать на песке, как бросать камни в воду. Он смеялся, и я видел, как в его глазах появляется свет. Он был ребёнком — просто ребёнком, который не знал, кто он.

Пока мы говорили с Гневом, в лесу, недалеко от Дублита, стояла Лень. Она смотрела на дом, и в её фиолетовых глаза горел холодный свет. Рядом с ней стояла Похоть.

— Они нашли его, — сказала Лень. — Гнев.

— Это меняет наши планы? — спросила Похоть.

— Нет, — ответила Лень. — Это только ускоряет их. Элрики должны продолжать поиски философского камня. И мальчик — ключ к этому.

Она сжала руку в кулак.

— Скоро всё изменится. Эдвард заплатит за то, что создал меня и бросил. Я заставлю его страдать. Как он заставил страдать меня.

Она исчезла в лесу, оставив после себя только холодный ветер.

На следующее утро мы собрались в Ризенбург. Гнев стоял на крыльце и смотрел на нас. Его глаза были грустными, но в них была решимость.

— Я останусь с учителем, — сказал он. — Она обещала научить меня контролировать свою силу.

— Я буду ждать тебя, — сказал он мне. — Ты вернёшься?

— Да, — ответил я. — Я вернусь. Обещаю.

Мы попрощались с Изуми и Сигом. Лира обняла учительницу, и я видел, как слёзы блестят в её глазах.

— Берегите друг друга, — сказала Изуми. — И помните: вы всегда можете вернуться.

Мы сели в поезд, который уносил нас в Ризенбург. За окном проплывали зелёные поля, и я чувствовал, как внутри закипает предвкушение. Ризенбург ждал нас. Мама ждала нас. Но теперь у нас была ещё одна цель — защитить Гнева и помочь ему найти себя.

Когда поезд тронулся, я выглянул в окно. Гнев стоял на крыльце рядом с Изуми и махал нам рукой. В его глазах больше не было страха — только надежда.

— Мы вернёмся, — сказал Ал, глядя на него.

— Да, — ответил я. — Мы вернёмся.

Поезд нёсся вперёд, унося нас в Ризенбург. Я смотрел на убегающие поля и думал о том, что мы оставляем позади. Гнев оставался с Изуми. Он был в безопасности. Он был дома.

— Ты думаешь, он сможет стать человеком? — спросила Лира.

— Он уже человек, — ответил я. — Он просто не знал этого.

Ал взял Лиру за руку, и они сидели молча, глядя в окно. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается тепло. Мы были вместе. Мы были семьёй.

И я знал, что мы вернёмся. Мы вернёмся в Дублит. Мы вернёмся к Гневу. Мы вернёмся ко всем, кого любили. Потому что это было наше обещание. И мы всегда держали свои обещания.

Глава 28. Штурм Южной штаб-квартиры

Мы не доехали до Ризенбурга. На полпути, когда поезд мерно стучал колёсами по рельсам, а за окном

проплывали бескрайние поля, нас настигла тревожная весть.

Винри, которая вышла на очередной станции купить газету и свежие булочки к завтраку, вернулась в вагон бледной. Её руки дрожали, а в глазах стоял такой ужас, что я вскочил с места, не дожидаясь, пока она заговорит.

— Эд, — сказала она, и голос её срывался. — Гнева похитили. Неизвестные ворвались в дом Изуми и схватили его. Сейчас его везут в Южную штаб-квартиру. Арчер приказал арестовать его как гомункула.

Я почувствовал, как внутри закипает гнев, смешанный с ледяным страхом. Гнев — тот самый мальчик с тёмными волосами, который смотрел на меня глазами, полными доверия. Тот, кто сказал, что останется с Изуми, потому что она обещала научить его контролировать свою силу. Тот, кто просто хотел играть, как обычный ребёнок.

— Мы едем в Южную штаб-квартиру, — сказал я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я чувствовал. — Немедленно.

Мы выскочили из поезда на ближайшей станции. Ал бежал рядом, его лицо было бледным, но в глазах горела та же решимость, что и у меня. Лира и Винри не отставали. Мы взяли билеты на юг, и я чувствовал, как время уходит сквозь пальцы.

— Брат, — сказал Ал, когда мы сели в новый поезд. — Что они хотят с ним сделать?

— Они хотят использовать его, — ответил я, сжимая кулаки. — Он — гомункул, рождённый из человеческой трансмутации. Они хотят либо уничтожить его, либо сделать оружием. Но я не позволю им.

Винри взяла меня за руку, и я чувствовал, как её пальцы дрожат.

— Мы не опоздаем, — сказала она. — Мы спасём его.

— Должны, — ответил я. — Иначе я не смогу смотреть в глаза Изуми.

Я сжал в кармане синий камень. Двадцать шесть миллиметров. Он пульсировал, и я чувствовал его тепло. Он был моей связью с мамой, с тем чудом, которое мы совершили. И теперь я должен был использовать его, чтобы защитить другого ребёнка, который тоже был частью этого чуда.

Пока мы мчались на юг, в Южных трущобах происходили свои события. Я узнал об этом позже, когда мы разбирали произошедшее.

Бывший лейтенант Йоки, тот самый, которого мы разоблачили в Йоусвелле, бродил по трущобам, пытаясь найти способ вернуть себе власть. Он наткнулся на лагерь ишварцев, где скрывался Шрам. Йоки узнал его и, движимый жаждой мести и обещанием награды, бросился к телефонной будке.

— Центральное командование? — сказал он в трубку. — Это Йоки. Я знаю, где находится Шрам.

На том конце ответила женщина. Её голос был холодным и ровным.

— Где? — спросила она.

— В лагере беженцев на юге, — ответил Йоки. — Я могу показать вам.

— Мы обещаем награду, — ответила женщина. — Ждите.

Йоки положил трубку и улыбнулся, чувствуя, как в его душе закипает предвкушение. Он не знал, что эта информация не пригодится — главные события разворачивались в другом месте, в Южной штаб-квартире, где Гнев уже ждал своей участи.

Мы прибыли в Южную штаб-квартиру уже затемно. Здание было массивным, с высокими стенами и охраной у ворот. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает смесь гнева и страха. Гнев был там, за этими стенами, и я знал, что должен сделать всё, чтобы спасти его.

— Как мы попадём внутрь? — спросила Винри, оглядывая высокие стены.

— Я не знаю, — ответил я. — Но мы должны попытаться.

В этот момент мы услышали шум. Кто-то атаковал здание. Мы увидели, как солдаты падают один за другим, а среди них мелькает знакомая фигура. Я узнал её мгновенно — это была Изуми.

— Учитель! — крикнул Ал, и его голос эхом разнёсся по ночному воздуху.

Она была там, пробиваясь через охрану, используя свою алхимию. Её лицо было бледным, и я заметил на её губах кровь — болезнь давала о себе знать. Но в глазах горела та же сталь, что и всегда. Она была неутомима, словно сама смерть не могла остановить её.

— Учитель! — закричал я, когда она прорвалась через ворота. — Что вы делаете?!

Она обернулась и увидела нас. В её глазах мелькнуло удивление, а затем — понимание.

— Я спасаю мальчика, — ответила она. — Он не должен быть здесь.

Я хотел возразить, сказать, что мы должны помочь, но она уже повернулась и побежала внутрь здания. Мы последовали за ней, не раздумывая. Винри и Лира бежали рядом, и я чувствовал, как наши дыхания сливаются в едином ритме.

Внутри было темно и холодно. Мы слышали крики и звуки битвы. Изуми пробивалась вперёд, не останавливаясь, и я видел, как она использует свою алхимию, чтобы сокрушать стены и двери.

— Учитель, подождите! — крикнул я, но она не слушала. Её глаза горели той же яростью, что я видел у неё много лет назад, когда она впервые показала нам свою силу. Она была как ураган — неудержимая и беспощадная.

Мы ворвались в главный холл штаб-квартиры. Там нас встретил отряд солдат, но Изуми даже не замедлила шаг. Она хлопнула в ладоши, и пол под ногами солдат вздыбился, швыряя их в разные стороны. Ал и Лира присоединились к бою — Ал создавал каменные барьеры, прикрывая нас от выстрелов, а Лира использовала воздушную алхимию, чтобы отбрасывать врагов.

Я бежал вперёд, следуя за Изуми. Она знала, где держат Гнева. Мы прорвались через несколько коридоров, сокрушая двери и стены, пока не оказались перед массивной стальной дверью.

— Здесь, — сказала она, тяжело дыша. — Он здесь.

Она ударила по двери своей алхимией, и та с грохотом рухнула внутрь. Мы ворвались в камеру.

Гнев сидел на полу, прикованный цепями к стене. Его лицо было бледным, на щеках виднелись следы от слёз, но глаза сияли, когда он увидел Изуми.

— Ты пришла, — сказал он, и в его голосе была такая надежда, что у меня сжалось сердце.

— Я всегда приду за тобой, — ответила она, освобождая его от цепей.

Она взяла его на руки, и в этот момент в коридоре появился генерал-лейтенант Арчер. Его лицо было искажено яростью, а тело, наполовину заменённое военной автоброней, тяжело гудело гидравликой.

— Вы не уйдёте, — прорычал он, и его механический голос эхом отразился от стен. — Этот гомункул — собственность государства. Я арестую вас всех.

— Попробуй, — ответила Изуми, и в её голосе не было страха.

Она использовала алхимию, чтобы создать барьер между ними и нами. Стена из камня и земли взметнулась вверх, отделяя нас от Арчера. Я видел, как он пытается пробить её, но она держалась.

— Бегите! — крикнула Изуми. — Я задержу его!

Мы побежали по коридору, и я слышал, как позади нас гремит битва. Я хотел обернуться, но Ал схватил меня за руку.

— Она справится, — сказал он. — Мы должны вывести Гнева.

Мы выбежали из здания, но на выходе нас ждал сюрприз. Кимбли и Бидо уже были там. Кимбли держал в руках солдата и улыбался — той самой улыбкой, которая заставляла мою кровь стыть в жилах.

— Привет, — сказал он. — Я искал вас.

Он использовал алхимию, чтобы отбросить солдата в сторону. Тот ударился о стену и потерял сознание, но остался жив. Я бросился вперёд, готовясь к бою, но Кимбли не собирался сражаться. Он просто стоял и улыбался, словно наслаждаясь нашей паникой.

— Кимбли, — сказал я, сжимая кулаки. — Отойди с дороги.

— Не сегодня, — ответил он. — У меня другие планы.

Он отступил в сторону, и я увидел, что за ним стоит фюрер Кинг Брэдли с мечом в руках. Его глаза были холодными и пустыми, а на лице застыла фальшивая улыбка.

— Я ждал вас, — сказал он.

Я замер, всматриваясь в его лицо. Что-то было не так. Его глаза казались пустыми, а улыбка — фальшивой. Я понял, что это не настоящий фюрер.

— Это Зависть, — сказал я. — Он гомункул.

Он бросился на нас, но в этот момент из дверей штаб-квартиры выбежал Армстронг. Он встал между нами и гомункулом, и я видел, как его мышцы напряглись, готовые к бою.

— Уходите! — крикнул он. — Я задержу его!

Мы не стали спорить. Мы побежали, оставляя позади хаос битвы. Изуми несла мальчика, и я видел, как её

дыхание становится всё тяжелее. Она была слаба, но не сдавалась.

Мы выбежали за пределы штаб-квартиры. Сзади слышались крики и звуки битвы. Я оглянулся и увидел, как Армстронг сражается с Завистью, его кулаки сверкают алхимией. Он был силён, но я знал, что гомункул — это не обычный противник.

— Учитель, — сказал я, когда мы остановились. — Вы ранены?

— Всё в порядке, — ответила она, хотя кровь на её губах говорила об обратном. — Я справлюсь.

Гнев смотрел на нас с удивлением. Его тёмные глаза были широко открыты, и я видел, как он пытается понять, что происходит.

— Вы спасли меня, — сказал он. — Зачем?

— Потому что ты часть нас, — ответил я. — И мы не бросаем своих.

Он улыбнулся. В его глазах не было страха — только надежда.

— Я хочу остаться с вами, — сказал он. — Я не хочу быть один.

— Ты не будешь один, — сказала Изуми, прижимая его к себе. — Мы будем с тобой.

Мы направились к поезду. Нам нужно было вернуться в Дублит, в безопасное место, где никто не сможет найти нас. Я смотрел на Изуми и чувствовал, как внутри разливается уважение. Она рисковала своей жизнью, чтобы спасти мальчика. Она была настоящей матерью.

Когда мы вернулись в Дублит, Изуми была слаба, но держалась. Сиг встретил нас на перроне и помог ей дойти до дома. Я видел, как его лицо исказилось от тревоги, когда он увидел её состояние.

— Ты рисковала, — сказал он. — Ты могла умереть.

— Я должна была спасти его, — ответила она. — Он — невинное дитя.

Мы вошли в дом. Гнев сидел на диване и смотрелся нас с любопытством. Его глаза были спокойными, и я видел, как он пытается понять, что здесь происходит.

— Это твой дом? — спросил он.

— Да, — ответила Изуми. — И теперь это твой дом тоже.

Он улыбнулся. В его глазах не было страха — только радость.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что не бросили меня.

— Мы никогда не бросим тебя, — сказал я. — Ты — часть нас.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри разливается тепло. Мы сделали это. Мы спасли его. И теперь у нас была семья, которая была готова защищать друг друга.

Позже, когда мы сидели в гостиной и смотрели на закат, Изуми повернулась ко мне. Её лицо было бледным, но в глазах горела та же сталь.

— Ты должен знать, — сказала она. — Гнев — это только начало. Гомункулы не остановятся. Они будут искать его. И они будут искать вас.

— Мы знаем, — ответил я. — Но мы готовы.

Она улыбнулась.

— Я знаю, что готовы. Вы — мои ученики.

Глава 29. Грех

Ночь опустилась на Дублит. В доме Изуми было тихо. Гнев спал в своей комнате, и я слышал его ровное дыхание через тонкую стену. Изуми сидела в гостиной, глядя на море, и я чувствовал, как её мысли блуждают где-то далеко. Она всё ещё не могла оправиться от того, что её сын, которого она пыталась воскресить много лет назад, теперь стоял перед ней живой — но не таким, как она мечтала.

Я не мог уснуть. Я стоял у окна своей комнаты и смотрел на тёмное небо, где мерцали звёзды. Мысли о гомункулах, о синем камне, о маме — всё это кружилось в голове, не давая покоя. Что мы делали? Мы нарушили величайший закон алхимии, и теперь каждый наш шаг был под угрозой. Гнев был живым доказательством того, что человеческая трансмутация никогда не приводит к добру. Он был рождён из боли Изуми, из её отчаянной попытки вернуть мёртвого ребёнка. И теперь он страдал от этого.

Я закрыл глаза и попытался успокоиться. Но внезапно дом сотряс удар. Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвались вооружённые люди. Их лица были скрыты масками, но я видел, как их глаза горят решимостью.

— Где мальчик? — спросил их главарь. Его голос был грубым и холодным.

— Убирайтесь из моего дома! — закричала Изуми, вскакивая с места.

Она использовала алхимию, чтобы создать барьер, но солдаты были готовы. Они прорвались в комнату Гнева и схватили его. Я слышал, как мальчик закричал, и этот крик разорвал моё сердце.

— Нет! — крикнула Изуми, бросаясь вперёд.

Но солдаты выбежали из дома, унося мальчика. Изуми попыталась последовать за ними, но Сиг удержал её. Я видел, как она вырывается, как её глаза горят яростью, но болезнь и усталость взяли своё.

— Ты не сможешь их догнать, — сказал он. — Ты слишком слаба.

— Я должна спасти его! — крикнула она, и в её голосе была такая боль, что у меня сжалось сердце. — Он — мой сын!

Я стоял и смотрел на это, чувствуя, как внутри закипает гнев. Гнев — тот самый мальчик, который сказал мне «я хочу играть», который улыбнулся, когда я обещал вернуться. Они забрали его.

— Мы найдём его, — сказал я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я думал. — Мы вернём его.

Но я знал, что это будет нелегко. Солдаты были профессионалами, и они уже скрылись в ночи. Мы не знали, куда они увезли Гнева. Однако у нас были связи, и мы знали, что можем рассчитывать на помощь Шрама и его людей.

Гнева привезли в Южную штаб-квартиру. Я узнал об этом позже, когда мы связались с нашими

источниками. Он сидел в камере, связанный по рукам и ногам. Его глаза были широко раскрыты от страха, и я видел, как он дрожит.

Дверь открылась, и в камеру вошёл Зависть. Его лицо было холодным, а в глазах горел фиолетовый свет. Он смотрел на мальчика с любопытством, как учёный, изучающий подопытное животное.

— Привет, мальчик, — сказал он. — Я знаю, кто ты.

— Кто я? — спросил Гнев, и его голос дрожал.

— Ты — гомункул, — ответил Зависть. — Ты родился из человеческой трансмутации. Твоя мать пыталась вернуть тебя, но вместо этого создала тебя — несовершенное, уродливое создание.

Гнев смотрел на него, и я видел, как в его глазах мелькнула боль. Он не знал, что он такое. Он не знал, почему он родился таким.

— Я не хочу быть гомункулом, — сказал он. — Я хочу быть человеком.

— Ты не можешь быть человеком, — сказал Зависть. — Но ты можешь стать сильным. Ешь.

Он достал из кармана красные камни. Они пульсировали, и я видел, как внутри них клубится тёмная энергия. Это были несовершенные философские камни — слабые заменители настоящих, которые могли подпитывать гомункулов и делать их сильнее.

— Что это? — спросил Гнев.

— Философский камень, — ответил Зависть. — Он питает гомункулов. Если ты съешь их, ты станешь сильнее. Ты сможешь защитить себя.

— Я не хочу, — сказал Гнев.

— Ты должен, — сказал Зависть. — Если ты не съешь их, ты умрёшь. Твоё тело нестабильно. Эти камни дадут тебе силу, чтобы выжить.

Гнев взял камень и съел. Внезапно его тело пронзила боль. Он упал на пол, и его глаза засветились красным светом. Я слышал, как он кричит, и этот крик разрывал мне сердце.

— Ты вспоминаешь, — сказал Зависть. — Ты вспоминаешь, кто ты есть.

Гнев увидел Врата. Он увидел Изуми, стоящую перед ними. Он увидел, как её тело растворяется, а её плоть становится основой для новой жизни.

— Я помню всё, — прошептал он. — Я помню, как она оставила меня.

— Она бросила тебя за Вратами, — сказал Зависть. — Она не хотела тебя. Она хотела вернуть своего ребёнка, но вместо этого создала тебя — монстра.

Гнев поднял голову. В его глазах горел холодный свет. Я видел, как внутри него борется гнев и боль.

— Я не хочу быть гомункулом, — сказал он. — Я хочу быть человеком.

— Ты не можешь быть человеком, — сказал Зависть. — Но ты можешь стать сильным. Ешь ещё.

Гнев взял ещё один камень и съел его. Его тело снова пронзила боль, но на этот раз он не кричал. Он принимал её.

Мы узнали, что Гнева похитили и везут в Южную штаб-квартиру. Мы немедленно отправились туда.

Изуми, несмотря на свою слабость, настояла на том, чтобы идти с нами. Мы не могли её остановить.

Когда мы прибыли, здание было окружено солдатами. Я чувствовал, как внутри закипает гнев, смешанный со страхом. Мы пробились внутрь. Ал и Лира сражались плечом к плечу, используя свои силы. Винри прикрывала нас, и я видел, как она дерётся с решимостью, которая заставляла меня гордиться ею.

Мы нашли камеру. Когда мы вошли, Гнев сидел на полу, и его глаза светились красным светом. Его лицо было бледным, и я видел, как его тело дрожит.

— Гнев! — крикнул я. — Ты в порядке?

Он поднял голову и посмотрел на меня. В его глазах была боль.

— Я знаю, кто я, — сказал он. — Я — гомункул. Я рождён из греха.

— Нет, — сказала Изуми, подходя к ним. — Ты — мой сын. Ты рождён из любви.

— Ты оставила меня, — сказал он. — Ты бросила меня за Вратами.

— Я не хотела, — сказала она. — Я не знала, что ты жив.

— Ты оставила меня, — повторил он.

Изуми опустилась на колени и обняла его. Я видел, как слёзы текут по её лицу.

— Прости меня, — сказала она. — Прости меня за всё.

Гнев смотрел на неё. В его глазах боролись гнев и любовь. Он хотел ненавидеть её, но не мог. Он был её сыном, и она была его матерью.

— Я должен рассказать вам правду, — сказал он. — О гомункулах. Мы рождаемся из человеческой трансмутации. Когда кто-то пытается воскресить мёртвого, они создают гомункула. Мы — их грех, их наказание.

Я почувствовал, как холод пробегает по спине.

— Мы воскресили маму, — сказал я. — Мы создали Лень.

— Да, — сказал Гнев. — Она родилась из вашего греха. Как и я родился из греха Изуми. Каждый гомункул — это результат неудавшейся попытки воскресить кого-то. Мы — напоминание о том, что мёртвых нельзя возвращать.

Он посмотрел на меня, и в его глазах была решимость.

— Я хочу забрать твоё тело, — сказал он. — Твои конечности принадлежат мне.

— Что? — переспросил я, чувствуя, как внутри закипает страх.

— Я должен стать человеком, — сказал он. — И для этого мне нужно твоё тело.

Он бросился на меня, и я едва успел увернуться. Его руки превратились в камень, и он ударил меня. Я отскочил, чувствуя, как его сила растёт.

— Гнев, остановись! — крикнула Изуми. — Ты не должен делать этого!

— Я должен! — крикнул он. — Я хочу быть человеком!

Я использовал алхимию, чтобы создать барьер, но он прорвал его. Я чувствовал, как его сила растёт, и понимал, что не смогу долго сдерживать его. Он был

быстрее, сильнее, и каждый его удар был полон ярости.

— Отпусти его! — крикнула Изуми.

Она использовала алхимию, чтобы создать барьер между нами. Гнев отступил, тяжело дыша. Его глаза горели красным светом, но я видел, как в них появляются слёзы.

— Ты не хочешь этого, — сказала она. — Ты не хочешь быть монстром.

— Я хочу быть человеком, — сказал он.

— Ты уже человек, — сказала она. — Ты — мой сын. И я люблю тебя.

Гнев смотрел на неё. В его глазах появились слёзы.

— Ты правда любишь меня? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Я всегда любила тебя.

Он упал на колени и заплакал. Изуми обняла его, и я видел, как её руки дрожат.

— Я прощаю тебя, — сказал он. — Я прощаю тебя за всё.

Тем временем в Южных трущобах происходили свои события. Полковник Рой Мустанг стоял во главе отряда солдат. Он смотрел на лагерь беженцев, и в его глазах была решимость.

— Мы должны арестовать Шрама, — сказал он.

Они вошли в лагерь. Беженцы смотрели на них с подозрением и страхом. Я знал, что Мустанг не хотел этого, но он должен был сделать свою работу.

— Мы ищем Шрама, — сказал Мустанг. — Мы не причиним вреда никому, кто не сопротивляется.

Внезапно из толпы выбежал Шрам. Его глаза горели яростью, и я видел, как его татуированная рука светится разрушительной алхимией.

— Вы не получите меня, — сказал он. — Я не сдамся.

Он использовал свою алхимию, чтобы атаковать солдат. Мустанг уклонился и приготовился к бою.

— Ты не сможешь убежать, — сказал он.

— Я не собираюсь убегать, — ответил Шрам. — Я собираюсь сражаться. И пока я жив, я буду искать брата и наказывать тех, кто мог быть причастен к его исчезновению.

Они вступили в бой. Мустанг использовал свою огненную алхимию, но Шрам был быстр. Он уклонялся и контратаковал.

— Ты силён, — сказал Мустанг. — Но ты не сможешь победить меня.

— Я не пытаюсь победить тебя, — ответил Шрам. — Я пытаюсь защитить свой народ.

Он использовал свою алхимию, чтобы создать стену из камня, и скрылся за ней. Мустанг смотрел ему вслед, и я видел, как его лицо становится мрачным.

— Он ушёл, — сказала Хоукай.

— Мы найдём его, — ответил Мустанг. — Он не сможет прятаться вечно.

Мы вернулись в Дублит. Гнев сидел на диване, и его глаза были спокойными. Изуми сидела рядом с ним, её рука лежала на его плече. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается тепло. Мы

сделали это. Мы спасли его. И теперь у нас была семья, которая была готова защищать друг друга.

— Ты как? — спросил я Гнева.

— Я устал, — ответил он. — Но я рад, что вы здесь.

— Мы всегда будем здесь, — сказал я.

.

Глава 30. Данте из чащи

Мы вернулись в Дублит на рассвете. Солнце только начинало подниматься над морем, окрашивая волны в золотистые и розовые тона, и я чувствовал, как усталость после ночного штурма Южной штаб-квартиры медленно отпускает меня. Но вместе с усталостью уходило и чувство безопасности — я знал, что гомункулы не отступятся.

Гнев сидел в углу повозки, которую нанял Сиг, и смотрел на проплывающие мимо дома. Его тёмные глаза были широко раскрыты, но в них уже не было того страха, что я видел в камере. Теперь в них читалась настороженность, смешанная с чем-то похожим на надежду. Но я также видел в его взгляде тоску — он искал что-то, чего сам не мог понять. Он искал свою мать, но не ту, что стояла рядом с ним, а ту, что жила в его сбивчивых, болезненных воспоминаниях. Лень.

— Ты как? — спросил я, садясь рядом с ним.

Он поднял на меня глаза. В них всё ещё мерцал тот странный фиолетовый отблеск, который я заметил ещё в лаборатории, но теперь он был слабее, словно Гнев учился контролировать свою природу. Его тело, которое так часто менялось, сейчас казалось стабильным, но я знал, что это лишь видимость. Внутри него бушевала буря.

— Я не знаю, — ответил он тихо. — Я чувствую себя… странно. Как будто внутри меня есть что-то, что я не могу контролировать. Словно я одновременно и ребёнок, и чудовище, и я не знаю, что из этого настоящий.

— Это твоя сила, — сказал я. — Ты гомункул. Но это не значит, что ты должен быть злым. Ты можешь выбрать, кем быть.

— Как ты? — спросил он, и в его голосе послышалась искренняя заинтересованность.

Я улыбнулся.

— Как я. Я тоже сделал выбор. И я выбрал защищать тех, кто мне дорог.

Он кивнул, и на его лице появилась лёгкая улыбка. Она была робкой, словно он не знал, как правильно улыбаться, но в ней было что-то настоящее.

Когда мы добрались до дома Изуми, она уже стояла на крыльце, опираясь на плечо Сига. Её лицо было бледным, но в глазах горела та же сталь, что и всегда. Она шагнула вперёд, когда увидела Гнева, и обняла его с такой силой, что он на мгновение застыл.

— Ты в безопасности, — прошептала она. — Ты больше никогда не попадёшь к ним.

— Я знаю, — ответил он, и я услышал, как его голос дрогнул. — Ты защитишь меня.

— Всегда, — сказала Изуми. — Я всегда буду защищать тебя.

Мы вошли в дом. Внутри пахло травами и старой мебелью, и я чувствовал, как напряжение начинает отпускать меня. Винри, которая всё это время была с нами, сразу же принялась осматривать мою

фальшивую автоброню, бормоча что-то о том, что «этот парень опять её перегрузил». Ал и Лира сидели в углу, их руки были переплетены, и я видел, как Лира улыбнулась чему-то, что сказал Ал. За время нашего путешествия она стала не просто попутчицей — она стала частью нашей семьи.

Гнев стоял у окна и смотрел на море. Его лицо было спокойным, и я видел, как он пытается понять, что значит быть частью этого мира, что значит быть сыном Изуми, а не просто гомункулом. Но я также видел, как его взгляд время от времени становится рассеянным, словно он слышит чей-то голос, которого нет в этой комнате.

Я подошёл к нему.

— Ты думаешь о ней? — спросил я.

Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнула тень боли.

— Я не знаю, кто она, — ответил он. — Но я чувствую её. Каждую ночь, когда я закрываю глаза, я вижу её лицо. Оно такое же, как у тебя, но в нём нет тепла. Только боль. И я не знаю, почему я хочу найти её.

— Это Лень, — сказал я. — Она гомункул, как и ты. Она родилась из той же боли, что и ты. Она носит лицо моей матери, но внутри неё нет души. Только пустота.

— Я хочу найти её, — сказал он. — Я должен понять, почему я чувствую её.

— Мы поможем тебе, — сказал я. — Но сначала ты должен отдохнуть. Ты слишком слаб.

Он кивнул и отошёл от окна. Я смотрел ему вслед, и я чувствовал, как внутри закипает тревога. Он был слишком похож на нас, когда мы начали свой путь.

Он тоже искал ответы. Он тоже хотел понять, кто он на самом деле.

Ночь опустилась на Дублит. Я не мог уснуть. Мысли о гомункулах, о Гневе, о том, что нас ждёт впереди, кружились в голове, не давая покоя. Я стоял у окна своей комнаты и смотрел на тёмное небо, где мерцали звёзды.

Внезапно я услышал голос за спиной:

— Эдвард.

Я резко обернулся. В дверях стояла женщина. Она была старой, с морщинистым лицом и седыми волосами, собранными в небрежный пучок. Её глаза, некогда серо-голубые, теперь казались выцветшими, но в них всё ещё читалась та же древность, что я чувствовал в особняке. Она опиралась на деревянную трость, и каждое её движение было медленным, словно она несла на себе груз веков.

— Кто вы? — спросил я, напрягаясь и готовясь к бою. Моя фальшивая рука скрежетнула, но я сдержал себя. — Как вы сюда попали?

— Меня зовут Данте, — ответила она, и в её голосе не было угрозы — только спокойная, вековая уверенность. — Я знаю, кто вы такие, Эдвард и Альфонс Элрики. Я была учительницей Изуми Кёртис много лет назад. Я учила её алхимии, когда она была молодой и полной надежд. Я знаю её боль, её потерю. Я знаю о мальчике, которого она пыталась воскресить. Я знаю, что он теперь здесь, в этом доме, и что он называет себя Гневом.

Я смотрел на неё, и внутри меня закипала смесь удивления и настороженности. Она была

учительницей Изуми? Изуми никогда не рассказывала о ней. Или, может быть, она просто не хотела вспоминать.

— Зачем вы пришли? — спросил я. — Чего вы хотите?

— Я пришла помочь вам, — ответила Данте. — Я знаю, что такое гомункулы. Я знаю, как они рождаются, как они живут и что им нужно, чтобы выжить. Гнев нестабилен. Его тело, его душа — всё это висит на волоске. Если вы не найдёте способ его стабилизировать, он погибнет. Или, что ещё хуже, он станет оружием в руках тех, кто хочет использовать его против вас.

Я смотрел на неё, и внутри меня закипала надежда.

— Вы знаете, как ему помочь? — спросил я.

— Я знаю, — ответила она. — Но сначала вы должны понять одну вещь. Гнев ищет свою мать. Не Изуми. Он не чувствует её как мать. Он чувствует связь с той, кто родилась из той же попытки воскрешения. Он считает своей матерью ту, кто носит лицо твоей матери — Лень.

Я почувствовал, как внутри всё оборвалось. Она говорила о Лени. О той, что родилась из нашего греха.

— Это невозможно, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Лень — это гомункул, как и он. Она не может быть его матерью.

— В его сознании — может, — ответила Данте. — Гнев родился из попытки Изуми воскресить сына. Лень родилась из попытки воскресить твою мать. Они связаны общей природой — они оба продукт неудачной человеческой трансмутации. Гнев чувствует эту связь. Он не знает, что Изуми — его создательница. Он чувствует только боль и пустоту.

Лень — единственная, кто разделяет эту боль. Поэтому он ищет её.

Я опустил голову. Её слова были жестокими, но я знал, что они правдивы. Гнев не чувствовал Изуми как мать. Он чувствовал только Лень, потому что она была такой же, как он — несовершенной, сломленной, рождённой из боли.

— Что мы должны делать? — спросил я. — Как помочь ему?

— Вы должны позволить ему найти её, — ответила Данте. — Он должен увидеть Лень своими глазами. Он должен понять, что она — не его мать. Только тогда он сможет принять Изуми. Но если вы попытаетесь удержать его силой, он сломается. Его тело не выдержит.

Я молчал. Её слова звучали как приговор. Мы не могли удержать Гнева. Мы не могли заставить его остаться. Мы должны были позволить ему идти к той, кого он считал своей матерью, даже если это означало, что он попадёт в руки врагов.

— Я должен поговорить с Изуми, — сказал я.

— Она уже знает, — ответила Данте. — Я сказала ей всё, когда пришла. Она согласилась отпустить его.

Я смотрел на неё, и я чувствовал, как внутри закипает смесь благодарности и страха. Она пришла, чтобы помочь нам, но её помощь была горькой.

— Почему вы помогаете нам? — спросил я. — Что вы получите взамен?

— Я хочу, чтобы вы поняли, — ответила она, и её голос стал тише. — Алхимия — это не игра. Человеческая трансмутация — это величайший грех. Вы уже заплатили за него высокую цену. Но вы

можете искупить свою вину. Вы можете остановить гомункулов. И я помогу вам в этом.

Она шагнула ближе, опираясь на трость, и в её выцветших глазах мелькнула тень чего-то, что я не мог понять.

— Завтра я расскажу вам больше, — сказала она. — О том, как остановить гомункулов. О знаке Фламеля. О том, что вы должны сделать. А пока — будьте готовы. Гнев уйдёт. И вы должны позволить ему уйти.

Она развернулась и медленно, опираясь на трость, направилась к двери. Её движения были тяжёлыми, словно каждое давалось ей с трудом. Я смотрел ей вслед, и я чувствовал, как внутри закипает смесь страха и надежды.

Она остановилась на пороге и, не оборачиваясь, добавила:

— И ещё, Эдвард. Ты должен знать. Гнев не сможет долго существовать без поддержки. Его тело нестабильно. Если он не найдёт то, что ищет, он погибнет. Время работает против вас.

Она вышла, оставляя меня одного с вопросами, которые разрывали мне душу.

На следующее утро я спустился в гостиную. Изуми сидела на диване, и её лицо было бледным. Гнев стоял у окна, глядя на море. Я видел, как его плечи напряжены, как он сжимает кулаки.

— Ты знаешь, — сказал я ему.

Он повернулся ко мне, и в его глазах была решимость.

— Я должен найти её, — сказал он. — Я должен найти мою мать.

Изуми поднялась с дивана. Её лицо было бледным, но в глазах не было слёз.

— Я отпускаю тебя, — сказала она, и её голос дрожал, но был твёрдым. — Ты должен найти свой путь. Но помни: я всегда буду ждать тебя. Я всегда буду твоей матерью.

Гнев смотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень сомнения. Он хотел сказать что-то, но не смог. Он просто кивнул и развернулся к двери.

— Я вернусь, — сказал он. — Когда я найду свою мать. Когда я пойму, кто я.

Он вышел из дома, и я смотрел ему вслед. Ветер шелестел листьями, и я чувствовал, как внутри разливается боль. Мы отпустили его. Мы позволили ему идти к Лени. И я знал, что это был единственный способ спасти его.

Изуми стояла у окна, глядя на дорогу, по которой ушёл Гнев. Её руки дрожали, но она не плакала.

— Он вернётся, — сказала она. — Я знаю.

Я подошёл к ней и положил руку на её плечо.

— Мы будем ждать, — сказал я. — Мы всегда будем ждать.

На следующее утро мы с Алом и Лирой отправились в особняк Данте, как она и просила. Он стоял на окраине Дублита, окружённый высокими деревьями. Здание выглядело старым, но ухоженным, и от него веяло сыростью и запахом старых книг. Вокруг

особняка росли странные цветы, которых я никогда раньше не видел — их лепестки мерцали в лунном свете, создавая жутковатую атмосферу.

Дверь открылась, и нас встретила женщина, которую я не узнал. Она была одета в простое платье, и её лицо было спокойным. Она выглядела как горничная, но в её глазах читалась та же древность, что и у Данте.

— Проходите, — сказала она. — Госпожа Данте ждёт вас.

Мы прошли в гостиную. Данте сидела в кресле, и я сразу увидел в ней ту же мудрость, что и в прошлую ночь. Она была старой, с морщинистым лицом и седыми волосами, но её глаза были такими же острыми.

— Садитесь, — сказала она. — Нам нужно поговорить.

Мы сели напротив неё. Я чувствовал, как внутри закипает напряжение.

— Вы сказали, что знаете, как остановить гомункулов, — начал я. — Что вы знаете о них?

— Я знаю, что они рождаются из человеческой трансмутации, — ответила Данте. — Каждый гомункул — это результат неудавшейся попытки вернуть мёртвого. Они нестабильны, их тела и души постоянно балансируют на грани. Но есть способ ослабить их, лишить их связи с красными камнями, которые дают им силу.

— Какой способ? — спросил Ал.

— Знак Фламеля, — ответила Данте. — Древний символ, который использовали алхимики прошлого. Крест, обвитый змеёй, с расправленными крыльями и короной наверху. Если вы сможете начертить его и

заключить гомункула в круг с этим знаком, его связь с камнями нарушится. Он потеряет свою силу.

— Как мы сможем его использовать? — спросил я.

— Я не знаю, — ответила Данте. — Но в моей библиотеке есть книги, которые могут помочь вам. Ищите их. Возможно, вы найдёте ответы.

Она посмотрела на нас долгим взглядом.

— Гнев ищет свою мать, — сказала она. — Не Изуми. Он чувствует связь с той, кто родилась из той же попытки воскрешения — с Ленью. Если он найдёт её, он может стать её оружием. Или её жертвой. Вы должны быть готовы к этому.

— Мы будем, — сказал я. — Спасибо за предупреждение.

— Не благодарите, — ответила Данте. — Просто помните: иногда единственный способ победить врага — это понять его.

Мы вышли из особняка, и я чувствовал, как внутри закипает решимость.

— Нам нужно найти способ использовать знак Фламеля, — сказал я. — Это наш единственный шанс.

— Мы найдём его, — ответил Ал. — Мы всегда находили.

Но я знал, что это будет нелегко. Мы не знали, как работает знак Фламеля. Мы не знали, как его использовать против гомункулов. И мы не знали, сможем ли мы остановить Гнева, прежде чем он найдёт Лень.

Когда мы вернулись в дом Изуми, нас встретила тишина. Гнев уже ушёл. Изуми стояла у окна, и её лицо было бледным.

— Он ушёл, — сказала она. — Он ищет её.

— Мы знаем, — ответил я. — Мы позволили ему уйти.

— Это правильно, — сказала она. — Он должен найти свой путь.

Я подошёл к ней и встал рядом.

— Мы найдём его, — сказал я. — Мы вернём его.

Она повернулась ко мне, и в её глазах была благодарность.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо за всё.

— Мы сделали это вместе, — ответил я. — И мы справимся.

Мы стояли у окна, глядя на закат. И я знал, что впереди нас ждут новые испытания. Но мы были готовы. Потому что у нас была цель. И у нас была семья.

В лесу, недалеко от Дублита, Гнев остановился. Он смотрел на дорогу, которая вела в Централ. Он знал, что Лень ждёт его там. Он чувствовал её присутствие, её боль. И он знал, что должен найти её.

— Я иду к тебе, — прошептал он. — Я найду тебя. И я узнаю, кто я на самом деле.

Он шагнул вперёд, и лес сомкнулся за его спиной. Охота продолжалась. И она только начиналась.

Глава 31. Ал в плену

Мы шли по дороге из Дублита, когда на нас напали. Мы с Алом немного отстали от остальных — Винри и Лира пошли вперёд, чтобы купить еду в ближайшей деревне, а Изуми и Сиг остались в Дублите, чтобы присмотреть за домом после того, как ушёл Гнев. Мы с Алом шли по лесной тропе, разговаривая о том, что нам рассказала Данте.

— Знак Фламеля, — сказал Ал. — Ты думаешь, он действительно может помочь нам?

— Я надеюсь, — ответил я. — Но сначала мы должны найти способ его активировать. Данте сказала, что в её библиотеке есть книги. Мы должны найти их.

— А что, если мы не найдём? — спросил Ал, и его голос был тихим. — Что, если мы не сможем остановить гомункулов?

— Мы найдём, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Мы всегда находили. Мы справимся.

Ал кивнул, но я видел, как его пальцы дрожат, перебирая край куртки. Он боялся. Мы оба боялись. Но мы знали, что должны идти вперёд.

Внезапно из тени вышли четверо. Они двигались бесшумно, словно хищники, преследующие добычу. Их лица были искажены звериными чертами — у одного были клыки, торчащие изо рта, у другого — звериные глаза, светящиеся в темноте. У третьего были чешуйчатые руки, а у четвёртого — длинный змеиный хвост, обвивающий ногу.

Это были химеры.

— Брат! — крикнул Ал, когда они набросились на нас.

Я использовал алхимию, чтобы создать барьер, но они были слишком быстры. Один из них, массивный мужчина с мощными плечами, схватил Ала за руку, и я слышал, как он вскрикнул от боли. Женщина с серебристыми волосами прыгнула вперёд и обвила меня своим змеиным хвостом, пытаясь сковать мои движения.

— Отпусти его! — закричал я, бросаясь вперёд.

Я использовал алхимию, чтобы создать каменный кулак, и ударил женщину. Она отлетела в сторону, но её хвост остался на моей ноге, и я споткнулся. В этот момент я увидел, как Ала уносят в лес.

— Ал! — крикнул я, пытаясь подняться.

Но было поздно. Они исчезли в темноте, унося с собой моего брата. Я бросился за ними, но лес был слишком густым, и я потерял их след.

Я упал на колени, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. Земля была холодной и влажной, и я сжимал кулаки, вонзая ногти в ладони.

— Ал! — крикнул я, но ответа не было.

Только ветер шелестел листьями, и ночные птицы пели свои песни, не обращая внимания на мою боль.

Ал открыл глаза и сразу понял, что он не в лесу.

Вокруг было темно, но не той естественной темнотой, что бывает ночью. Это был искусственный мрак, созданный толстыми стенами и отсутствием окон. Воздух был тяжёлым, спёртым, с примесью запаха сырости и металла. Он лежал на холодном каменном полу, и его руки были связаны за спиной грубой верёвкой.

Он попытался подняться, но боль в плече пронзила его тело, и он снова упал.

— Не дёргайся, — раздался голос из темноты. — Это только навредит тебе.

Ал поднял голову. Из тени выступила фигура — женщина с короткими тёмными волосами и внимательными глазами. Её лицо было спокойным, почти доброжелательным, но Ал знал, что за этим спокойствием скрывается опасность.

— Кто ты? — спросил Ал, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем он чувствовал.

— Меня зовут Мартел, — ответила она. — Я здесь, чтобы следить за тобой.

— Где я?

— В убежище Жадности, — ответила Мартел. — Он скоро придёт. У него есть к тебе вопросы.

— Какие вопросы? — спросил Ал.

— О синем камне, — ответила Мартел. — Он хочет знать, как он работает. Он хочет стать человеком.

Ал смотрел на неё, и он знал, что не может позволить себе паниковать. Он должен был сохранять спокойствие и ждать.

Через некоторое время дверь открылась, и в комнату вошли двое — мужчина и женщина. У них были такие же звериные черты, как у тех, кто похитил его. Женщина была высокой, с серебристыми волосами и холодными глазами. Мужчина был массивным, с мощными плечами и добродушным лицом.

— Ты очнулся, — сказала женщина. — Я Роа. Это Дольчетто. Мы здесь, чтобы присмотреть за тобой.

— Где я? — снова спросил Ал.

— В нашем убежище, — ответил Дольчетто. — Мы не хотим причинять тебе вреда. Нам просто нужно, чтобы ты подождал хозяина.

— Хозяина? — переспросил Ал. — Жадность?

— Да, — кивнул Роа. — Он скоро придёт.

Ал смотрел на них, и он чувствовал, как внутри закипает смесь страха и любопытства.

— Почему вы служите ему? — спросил он. — Вы же люди. Почему вы помогаете гомункулу?

Роа и Дольчетто переглянулись. В их глазах мелькнула боль.

— Мы не всегда были такими, — сказал Дольчетто. — Мы были солдатами. Мы воевали на востоке. Мы получили ранения, и нас использовали для экспериментов. Нас превратили в химер. Жадность спас нас. Он дал нам убежище. Мы обязаны ему.

— Мы не можем покинуть его, — добавил Роа. — Мы слишком сильно изменились. Мы не сможем жить нормальной жизнью. Здесь мы в безопасности.

— Вы не должны служить ему, — сказал Ал. — Вы можете быть свободными. Вы можете найти другой путь.

— Мы уже свободны, — ответил Роа. — Мы выбрали служить ему. Это наш дом.

Через некоторое время дверь открылась, и в комнату вошёл мужчина. Он был высоким, с тёмными волосами и пронзительными глазами, в которых горел холодный свет. На его лице застыла улыбка —

не злая, не добрая, а такая, которая заставляла Ала чувствовать себя неуютно. Это был Жадность.

— Альфонс Элрик, — сказал он. — Наконец-то мы встретились.

— Жадность, — ответил Ал, и его голос не дрогнул.

Гомункул рассмеялся.

— Ты знаешь меня. Это хорошо. Это значит, что мы можем пропустить формальности и перейти к делу.

Он подошёл к Алу и остановился прямо перед ним. Его глаза впились в лицо мальчика, словно он пытался прочитать его мысли.

— Я хочу знать о синем камне, — сказал он. — Всё. Как он работает, как он создаётся, как его можно использовать.

— Зачем тебе это? — спросил Ал.

— Я хочу стать человеком, — ответил Жадность. — Я хочу чувствовать, хочу любить, хочу быть свободным. Я хочу перестать быть монстром. Ты знаешь, что это такое — быть гомункулом? Я был создан для того, чтобы быть оружием. Но я не хочу быть оружием. Я хочу быть живым.

— Ты уже живой, — сказал Ал. — Ты чувствуешь, ты думаешь, ты хочешь. Это уже делает тебя живым.

Жадность нахмурился.

— Это не то же самое. Я не могу чувствовать так, как чувствуют люди. Я не могу любить. Я не могу быть свободным. Я всегда буду рабом своей природы.

— Ты можешь изменить свою природу, — сказал Ал. — Если ты действительно хочешь измениться, ты сможешь. Мой брат научил меня, что выбор важнее судьбы.

Жадность смотрел на него, и в его глазах мелькнула тень сомнения.

— Ты говоришь как ребёнок, — сказал он. — Ты не знаешь, что такое быть гомункулом.

— Я знаю, что такое хотеть, — ответил Ал. — Я знаю, что такое терять. Но я также знаю, что можно изменить свою жизнь, если сделать правильный выбор.

Жадность замолчал. Он смотрел на Ала долгим взглядом, и в его глазах боролись гнев и любопытство.

— Ты интересный мальчик, — сказал он наконец. — Но ты не ответил на мой вопрос.

Он подошёл ближе и наклонился к Алу.

— Я хочу знать о синем камне. И я получу эту информацию, хочешь ты этого или нет.

Пока Ал был в плену, в Централе происходили свои события. Гнев, который ушёл из Дублита, чтобы найти Лень, наконец нашёл её. Она стояла на крыше старого здания, и её фиолетовые глаза смотрели на него с холодным любопытством.

— Ты пришёл, — сказала она, и её голос был мягким, но пугающе знакомым.

— Я искал тебя, — ответил Гнев. — Я чувствую тебя. Я знаю, что ты — моя мать.

Лень усмехнулась. Она была красивой — такой же красивой, как Триша Элрик, которую я помнил с детства. Но в ней не было тепла. Только пустота.

— Я не твоя мать, — сказала она. — Но я знаю, что ты чувствуешь. Я тоже была создана из боли. Я тоже была создана из потери.

— Тогда кто я? — спросил Гнев, и в его голосе послышалась боль.

— Ты — гомункул, как и я, — ответила Лень. — Ты родился из попытки твоей матери воскресить тебя. Но она не смогла. И вместо этого она создала тебя — несовершенного, сломленного.

Гнев смотрел на неё, и я видел, как его глаза наполнились слезами.

— Я хочу быть человеком, — сказал он.

— Ты никогда не будешь человеком, — ответила Лень. — Но ты можешь быть сильным. Ты можешь быть свободным. Ты можешь выбрать свой путь.

— Как ты? — спросил Гнев.

— Как я, — ответила Лень. — Я выбрала свой путь. Я не хочу быть оружием в руках Данте. Я хочу быть свободной. И ты тоже можешь быть свободным.

Гнев смотрел на неё, и я видел, как в его глазах загорается надежда.

— Я хочу быть с тобой, — сказал он. — Я хочу быть рядом с тобой.

Лень усмехнулась, и её фиолетовые глаза сверкнули.

— Тогда иди за мной, — сказала она. — Я покажу тебе, что значит быть свободным.

Она развернулась и исчезла в темноте, а Гнев последовал за ней. Он больше не искал Изуми. Он нашёл свою мать — или ту, кого считал своей матерью.

Пока Гнев следовал за Ленью, Данте покинула Дублит. Я узнал об этом на следующее утро, когда пришёл в её особняк, чтобы найти книги о знаке Фламеля.

Особняк был пуст. Двери были открыты, и внутри не было ни души. Я прошёл по комнатам, но везде была только пыль и тишина.

— Данте? — крикнул я. — Вы здесь?

Ответа не было.

Я нашёл её библиотеку. Книги были на месте, но самой Данте не было. Я заметил на столе записку, написанную дрожащим почерком:

«Я должна уйти. Прошлое настигло меня. Я не могу оставаться здесь. Но я оставляю вам ключ к разгадке. Ищите в книгах. И помните: иногда единственный способ победить врага — это понять его. Данте».

Я сжал записку в руке. Она ушла. Она оставила нас одних.

— Куда она поехала? — спросила Лира, заглядывая мне через плечо.

— Не знаю, — ответил я. — Но она сказала, что ключ в книгах.

Я подошёл к полке и начал искать. Книги были старыми, пыльными, и я чувствовал, как от них исходит древняя энергия. Я искал знак Фламеля, но ничего не находил.

— Мы найдём, — сказал Ал, хотя его не было рядом. Я просто вспомнил его слова.

Я должен был найти способ спасти его. И я знал, что ключ где-то здесь.

Глава 32. Теория алчности

Я сидел в библиотеке Данте, сжимая в руках старую книгу с изображением знака Фламеля. Пыльные страницы шелестели под моими пальцами, и я чувствовал, как внутри закипает надежда. Я нашёл его. Я нашёл способ спасти Ала.

— Знак Фламеля, — прошептал я, перечитывая строки. — Крест, обвитый змеёй, с расправленными крыльями и короной наверху. Он разрывает связь между гомункулом и красными камнями, которые он поглотил. Если мы сможем начертить его и заманить Жадность внутрь круга, он потеряет свою силу.

Лира стояла рядом, её фиолетовые глаза внимательно следили за моими пальцами, которые водили по строкам. Комната была погружена в полумрак, лишь одна лампа освещала древние страницы. В особняке было тихо — Данте уехала, и мы остались одни с её тайнами. Где-то в коридорах скрипели половицы, и я чувствовал, как время уходит сквозь пальцы. Ал был в плену. Каждая минута промедления отдаляла его от меня.

— Но как мы заманим его сюда? — спросила Лира, и в её голосе послышалась тревога. — Жадность не придёт просто так. Он не доверяет нам. Он слишком долго был гомункулом, чтобы верить словам.

— Он придёт, если узнает, что Данте здесь, — ответил я, и в моей голове начал вырисовываться план. — Жадность ищет её. Он хочет знать, зачем она создала его. Он хочет спросить её, почему она сделала его таким — несовершенным, сломленным, вечно жаждущим того, чего он не мог иметь. Если мы

создадим иллюзию, что она здесь, он придёт. Он не сможет удержаться.

— Но Данте уехала, — сказала Лира, и в её голосе послышалась тревога. — Мы не знаем, куда она направилась. Мы даже не знаем, вернётся ли она. Она оставила только записку и эти книги. Мы не знаем, можно ли ей доверять.

Я сжал записку в кармане. *«Я должна уйти. Прошлое настигло меня. Я не могу оставаться здесь. Но я оставляю вам ключ к разгадке. Ищите в книгах. Данте».*

— Она ушла, — сказал я. — Но она оставила нам всё, что нам нужно. Мы используем манекен. Мы сделаем его похожим на Данте. Я скажу Жадности, что она мертва. Он поверит мне, потому что он отчаянно хочет найти её. Он искал её так долго, что его желание ослепило его. Он потерял рассудок в этой погоне.

— Это опасно, — сказал я. — Если он узнает, что это ловушка, он убьёт тебя.

— Я знаю, — ответила Лира, и её голос был твёрдым. — Но я должна это сделать. Ал в опасности. Он мой друг. Я не могу просто сидеть и ждать, пока кто-то другой спасёт его. Я не могу потерять его.

Я смотрел на неё, и я чувствовал, как внутри закипает смесь гордости и страха. Она была готова рискнуть всем ради моего брата. Я не мог позволить ей сделать это в одиночку.

— Мы сделаем это вместе, — сказал я. — Мы начертим круг в доме Данте. Мы поставим манекен в центре. А когда Жадность войдёт, я активирую знак Фламеля. Ты будешь говорить с ним. Ты отвлечёшь его, пока я не завершу круг.

Лира кивнула.

— Я готова.

Мы начали готовиться. Мы нашли старую одежду Данте в шкафу. Она была простой, но элегантной — фиолетовое платье, которое пахло лавандой и древностью. Мы использовали алхимию, чтобы создать манекен, похожий на неё. Его лицо было покрыто тканью, создавая иллюзию мёртвого тела. Мы работали всю ночь. Лира подгоняла ткань, а я чертил линии круга на полу в одной из комнат особняка.

Круг был сложным. Я никогда не видел ничего подобного. Линии переплетались в замысловатые узоры, а в центре возвышался знак Фламеля — крест, обвитый змеёй, с расправленными крыльями и короной наверху. Я чувствовал, как от него исходит древняя сила. Мой дар Врат позволял мне видеть структуру материи, и я понимал, что этот знак был создан не просто так — он был ключом к природе гомункулов.

— Когда Жадность войдёт в эту комнату, я активирую круг, — сказала Лира. — Это ослабит его. Тогда ты должен будешь атаковать.

— Я буду готов, — сказал я. — Я сделаю всё, чтобы спасти Ала.

Лира кивнула и направилась к выходу.

— Я буду ждать в гостиной, — сказала она. — Когда Жадность придёт, я скажу ему, что Данте мертва.

— Будь осторожна, — сказал я.

Она улыбнулась и вышла из комнаты.

Тем временем, пока мы готовили ловушку, Гнев продолжал следовать за Ленью. Они шли через лес, и Гнев чувствовал, как его тело становится всё более нестабильным. Он был слаб, но он не мог остановиться. Он должен был найти свою мать.

Лень шла впереди, её фиолетовые глаза светились в темноте. Она не оборачивалась, но Гнев знал, что она чувствует его присутствие. Она была единственной, кто понимал его боль.

— Ты устал, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты должен отдохнуть.

— Я не могу, — ответил Гнев. — Я должен найти тебя. Я должен понять, кто я.

— Ты уже знаешь, кто ты, — сказала Лень. — Ты — гомункул. Ты родился из боли. Ты не можешь быть человеком.

— Тогда зачем ты ведёшь меня? — спросил Гнев, и в его голосе послышалась боль. — Если я никогда не смогу быть человеком, зачем ты даёшь мне надежду?

— Потому что я хочу, чтобы ты понял, — ответила Лень. — Ты не один. Ты — часть меня. И я не оставлю тебя. Мы оба рождены из греха. Мы оба ищем то, чего никогда не сможем получить.

Гнев смотрел на неё, и я видел, как в его глазах мелькнула надежда. Он был слишком слаб, чтобы бороться. Он был слишком слаб, чтобы понять, что она использует его.

Жадность бежал по улицам Дублита, держа Ала за руку. Его дыхание было тяжёлым, а броня на его теле трескалась от усталости. Он знал, что ему нужно

убежище — место, где его не найдут ни военные, ни другие гомункулы. И он знал такое место.

Он добрался до особняка Данте. Он толкнул дверь, и она открылась. Внутри было темно, и пахло пылью и старыми книгами. Он прошёл в гостиную, и там он увидел Лиру.

Она стояла в центре комнаты, одетая в простое платье, и её лицо было спокойным. На столе рядом с ней стояла небольшая лампа, которая отбрасывала тени на стены. Она выглядела так, будто ждала его.

— Где она? — спросил Жадность, глядя на Лиру. — Где Данте?

— Она мертва, — ответила Лира, и её голос был холодным.

Жадность замер. Его лицо исказилось, и я видел, как в его глазах мелькнула боль. Его хватка на руке Ала ослабла, но он всё ещё держал его. Казалось, мир рухнул вокруг него.

— Что ты сказала? — переспросил он, и его голос был тихим, почти шёпотом.

— Данте мертва, — повторила Лира. — Она лежит в той комнате. Я нашла её сегодня утром. Кто-то убил её.

— Это ложь, — сказал Жадность, но его голос дрожал. — Она не могла умереть. Она была бессмертной. Она была моей создательницей. Она дала мне жизнь. Она дала мне силу.

— Иди и посмотри сам, — ответила Лира, указывая на дверь в дальнем конце коридора.

Жадность посмотрел на Ала, затем на дверь. Он колебался. Он не хотел отпускать Ала, но его

любопытство было сильнее. Он должен был знать правду.

— Ты останешься здесь, — сказал он Алу, толкая его к стене. — Не двигайся.

Он направился к двери, и его шаги были тяжёлыми, словно он нёс на себе непосильный груз. Он открыл дверь и вошёл в комнату.

На полу лежал манекен, который мы сделали. Он был одет в платье Данте, и его лицо было покрыто тканью, создавая иллюзию мёртвого тела. Рядом с манекеном был начерчен огромный алхимический круг. Его линии пульсировали мягким голубым светом.

Жадность опустился на колени перед манекеном. Его руки дрожали, и я видел, как он пытается сдержать слёзы. Это было зрелище, которое я никогда не забуду — гомункул, который всегда казался таким сильным и непоколебимым, сейчас выглядел как потерянный ребёнок.

— Нет, — прошептал он. — Нет, она не могла умереть. Она была моей создательницей. Она дала мне жизнь. Она дала мне силу. Я искал её так долго. Я хотел спросить её, почему она создала меня. Почему она сделала меня таким. Почему она обрекла меня на эту вечную пустоту.

— Она не могла ответить на твой вопрос, — раздался голос Лиры за его спиной. — Но я могу.

Жадность обернулся. Лира стояла в дверях, и её лицо было спокойным. Она держала в руках старую книгу, которую мы нашли в библиотеке.

— Что ты знаешь? — спросил он, и его голос был хриплым. Глаза его покраснели от сдерживаемых слёз.

— Я знаю, что ты — гомункул, — ответила Лира. — Я знаю, что ты был создан из останков человека. И я знаю, что эти останки всё ещё здесь.

Она указала на стол в углу комнаты. На нём лежали кости. Они были старыми, пожелтевшими, но я сразу понял, что они принадлежали человеку. Они лежали на бархатной подушке, словно их хранили как реликвию.

— Это твои кости, — сказала Лира. — Данте создала тебя из них. Ты был человеком, Жадность. Ты был кем-то, кто жил и умер, и её алхимия воскресила тебя в новой форме. Она не дала тебе выбора. Она сделала тебя таким, каким ты стал.

Жадность смотрел на кости, и я видел, как его лицо исказилось от боли. Он протянул руку, чтобы коснуться их, но его пальцы дрожали.

— Это ложь, — сказал он, но его голос был слабым. — Это не может быть правдой. Я не был человеком. Я всегда был гомункулом. Я всегда был монстром.

— Это правда, — ответила Лира. — И теперь ты знаешь, почему она создала тебя. Она хотела, чтобы ты был её слугой. Она не любила тебя. Ты был просто инструментом. Ты был экспериментом. Ты был её ошибкой.

Жадность закричал. Это был крик боли и отчаяния, который эхом разнёсся по комнате. Он бросился к костям, пытаясь схватить их, но Лира была быстрее. Она использовала алхимию, чтобы активировать круг.

Свет вспыхнул, и Жадность упал на колени. Из его тела начали выпадать красные камни. Они падали на пол, оставляя тёмные следы, и я видел, как его броня начала трескаться. Он пытался встать, но силы покидали его.

— Что ты делаешь? — закричал он, пытаясь вырваться из круга. — Что это за знак? Что ты делаешь со мной?

— Это знак Фламеля, — ответила Лира. — Я нашла книгу в библиотеке Данте, где описывался этот знак. Она говорила, что он может ослабить гомункулов. Я поняла, что это именно то, что нам нужно. Это ключ к твоему освобождению.

— Ты предала меня! — закричал Жадность, но его голос был слабым. — Я доверял тебе!

— Я не предала тебя, — ответила Лира. — Я просто даю тебе шанс стать тем, кем ты хочешь быть. Ты всегда хотел быть человеком. Я знаю это. Ты сказал мне это сам в ту ночь, когда мы встретились впервые. Ты сказал, что хочешь чувствовать. Ты хочешь любить. Ты хочешь быть свободным. Теперь у тебя есть этот шанс.

Внезапно дверь за моей спиной с грохотом распахнулась. Я ворвался в комнату, тяжело дыша. Я видел Лиру, стоящую у круга, и Жадность, который бился в центре, пытаясь вырваться из голубого сияния. Красные камни всё ещё выпадали из его тела. Я видел, как он теряет свою силу, свою броню, свою сущность.

— Что ты сделала? — крикнул я, глядя на Лиру, хотя уже знал ответ.

— Я ослабила его, — ответила она. — Теперь он не сможет использовать свою броню. Ты должен атаковать его сейчас. Ты должен завершить то, что я начала.

Я посмотрел на манекен Данте, лежащий на полу, и я понял, что план сработал. Жадность был в ловушке. Он был в нашей власти.

— Ты не сможешь победить меня, Стальной, — сказал Жадность, и его голос был хриплым. — Даже ослабленный, я сильнее тебя. Я всегда был сильнее тебя.

— Я не собираюсь побеждать тебя, — ответил я. — Я собираюсь спасти тебя. Как я спас других.

Он попытался атаковать меня, но его движения были медленными, неуклюжими — он терял силы с каждым выпавшим камнем. Я использовал синий камень, чтобы усилить свою алхимию, и я начал трансформировать его броню. Я видел структуру материи, перестраивал её, делал её хрупкой.

— Твоя броня состоит из углерода, — сказал я, уклоняясь от его удара. — Я могу изменить его структуру. Сделать её хрупкой, как графит. Это не больно, Жадность. Это освобождение.

Жадность попытался атаковать меня снова, но я был быстрее. Я использовал алхимию, чтобы изменить структуру его брони, и она начала рассыпаться на глазах. Она падала на пол кусками, обнажая его настоящую плоть. Я ударил его, и он упал на колени.

— Ты… ты не хочешь убить меня? — спросил он, и его голос был слабым. В его глазах больше не было агрессии — только страх и надежда.

— Нет, — ответил я. — Я хочу помочь тебе. Я хочу дать тебе то, чего ты всегда хотел.

Я использовал синий камень, чтобы направить энергию в его тело. Я чувствовал, как его тело начало меняться. Броня исчезла, и его кожа стала мягкой, человеческой. Красные камни, которые выпали из его тела, начали светиться и превращаться в пыль. Его лицо разгладилось, черты стали мягче, человечнее.

Жадность открыл глаза. Его тело было слабым, но он был жив. Он был человеком.

— Я… я человек? — прошептал он, глядя на свои руки. Он касался своей кожи, своего лица, своей груди, словно не мог поверить, что это реальность.

— Да, — ответил я. — Ты человек. Ты свободен.

Жадность посмотрел на меня, и я видел, как его глаза наполнились слезами. Он смотрел на свои руки, касался своего лица, своей груди, словно не мог поверить, что это реальность. Он поднял голову и посмотрел на меня с благодарностью, которую я редко видел в чьих-то глазах.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, что дал мне шанс. Я никогда не думал, что это возможно.

— Ты должен знать правду о гомункулах, — сказал он, глядя на меня. — Мы созданы из останков людей. Если ты сможешь найти эти останки, ты сможешь ослабить нас. Ты сможешь превратить нас обратно в людей. Это ключ к нашему освобождению.

Он посмотрел на кости на столе, затем на меня.

— Я был человеком, — сказал он. — Теперь я снова им стал. Спасибо тебе. Спасибо, что не убил меня. Спасибо, что поверил в меня.

Он поднялся на ноги, и его тело дрожало. Он сделал шаг вперёд, и я заметил, как он неуверенно ступает, словно учится ходить заново. Он был слаб, но в его глазах горел огонь жизни.

— Куда ты пойдёшь? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил он. — Но я должен найти свой собственный путь. Я должен понять, что значит быть человеком. Я должен научиться жить заново.

— Ты справишься, — сказал я. — Я верю в тебя.

Он улыбнулся и развернулся, уходя в ночь, оставляя нас одних в особняке Данте.

Я подошёл к Алу, который всё ещё стоял у стены, и обнял его. Его руки дрожали, но он улыбался. Он был цел. Он был жив. Это было всё, что имело значение.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Я знал, что ты придёшь. Я никогда не сомневался в тебе.

— Мы пришли, — сказал я. — Все вместе.

Лира стояла рядом, и я видел, как слёзы текут по её лицу. Она смотрела на Ала, и в её глазах была такая радость, что у меня сжалось сердце. Она рисковала своей жизнью ради него. Она придумала этот план. Она стояла перед Жадностью и не дрогнула.

— Мы сделали это, — сказала она. — Мы спасли его.

— Да, — ответил я. — Мы спасли его. Ты спасла его, Лира. Без тебя мы бы не справились.

Я повернулся к Лире и взял её за руки. Она удивлённо посмотрела на меня.

— Ты спасла его, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Ты рисковала своей жизнью, чтобы помочь нам. Ты придумала этот план, ты нашла книгу, ты активировала круг. Без тебя мы бы не справились. Ты — моя лучшая подруга, Лира. Я хочу, чтобы ты знала это. Ты всегда была рядом, даже когда нам было трудно. Ты верила в нас. Ты рисковала собой, не думая о последствиях. И я никогда не забуду этого.

Она смотрела на меня, и я видел, как её глаза наполнились слезами. Она пыталась сдержать их, но они всё равно текли по её щекам.

— Спасибо, Эд, — прошептала она. — Это много значит для меня. Ты тоже мой лучший друг. Всегда.

Она обняла меня, и я чувствовал, как её руки дрожат. Я обнял её в ответ, и мы стояли так несколько мгновений, чувствуя, как тепло разливается внутри нас.

Ал подошёл к нам и обнял нас обоих. Его руки были слабыми, но в них чувствовалась сила, которая появлялась только у тех, кто прошёл через испытания.

— У меня лучшие друзья в мире, — сказал он, и я чувствовал, как его голос дрожит от счастья. — И лучший брат.

Мы стояли втроём, обнявшись, и я чувствовал, как внутри разливается тепло. Мы были вместе. И это было главное.

Потом я повернулся к столу, где лежали кости. Они всё ещё лежали на бархатной подушке, жёлтые и старые, но теперь, когда Жадность стал человеком, они больше не нужны были ему. Но я знал, что их нельзя оставлять здесь. Кто-то мог найти их и использовать. Они всё ещё хранили древнюю алхимическую энергию.

— Что мы будем с ними делать? — спросила Лира, глядя на кости.

— Я не знаю, — честно ответил я. — Жадность теперь человек. Эти кости больше не нужны ему. Они

просто… останки того, кем он был когда-то. Но мы не можем оставить их здесь. Кто-то может найти их и использовать против нас.

— Мы не можем оставить их здесь, — сказала Лира. — Кто-то может найти их и использовать. Данте могла вернуться. Или гомункулы могли прийти сюда.

Я кивнул. Она была права.

— Мы заберём их с собой, — сказал я. — Мы спрячем их в безопасном месте. Там, где никто не сможет найти их.

Я подошёл к столу и осторожно взял кости. Они были лёгкими, почти невесомыми, и я чувствовал, как от них исходит холод. Я завернул их в ткань, которую нашёл на столе, и спрятал в свою сумку. Я чувствовал их тяжесть, но знал, что это правильное решение.

— Мы похороним их, — сказал я. — Где-нибудь в тихом месте. Где они смогут найти покой. Они заслужили это.

Мы вышли из особняка. Ночь была тёплой, и звёзды мерцали над нами. Я сжимал в руке сумку с костями и чувствовал, как внутри закипает новая решимость.

На следующее утро мы стояли на холме, глядя на город. Солнце только начинало подниматься, окрашивая небо в золотистые и розовые тона. Я держал в руках свёрток с костями.

— Мы должны найти место, — сказал я. — Где они смогут обрести покой.

Мы нашли тихое место в лесу, недалеко от Дублита. Я вырыл яму и положил кости в неё. Мы стояли молча,

глядя на землю, которая теперь скрывала останки того, кем когда-то был Жадность.

— Прощай, — сказал я. — Найди свой покой.

Мы засыпали яму и пошли обратно. Я чувствовал, как внутри разливается спокойствие. Мы сделали это. Мы спасли Ала. Мы превратили Жадность в человека. Мы дали ему шанс на новую жизнь.

Позже мы сидели на крыше дома Изуми и смотрели на закат. Я чувствовал, как усталость медленно отпускает меня. Ал был рядом, его рука лежала на моём плече. Лира сидела с другой стороны, и я чувствовал, как её присутствие придаёт мне сил.

— Гнев всё ещё с Ленью, — сказал Ал. — Он считает её своей матерью.

— Я знаю, — ответил я. — Но мы не можем заставить его вернуться. Он должен найти свой путь.

— А Данте? — спросила Лира. — Она исчезла. Мы не знаем, где она.

— Я не знаю, — ответил я. — Но она оставила нам ключ. Знак Фламеля. Мы можем использовать его, чтобы остановить гомункулов.

Я сжал в кармане книгу, которую нашёл в библиотеке Данте. Я знал, что это только начало. Но мы сделали первый шаг. Мы спасли Ала. Мы превратили Жадность в человека. И мы знали, что сможем справиться с остальным.

— Мы справимся, — сказал я. — Мы всегда справлялись.

Глава 33. Первое тело

Особняк Данте стоял пустым уже несколько недель. Пыль оседала на старых книгах, паутина оплетала люстры, а в воздухе витал запах затхлости и забвения. В одной из комнат, где когда-то стоял манекен, изображающий её, теперь лежали лишь обломки — разбитое лицо, порванное платье, сломанный каркас. Данте смотрела на это с презрением, но в её глазах была не только злость. Была ещё и боль.

— Жадность, — прошептала она, и в этом имени было столько ненависти, что стены, казалось, содрогнулись. — Они превратили его в человека. Они освободили его.

Она сжала кулаки, и её тень на стене заколебалась, пульсируя багровыми искрами — отражение той древней алхимической энергии, которая текла в её жилах уже много веков. Она планировала уничтожить Жадность. Она создала его, и она должна была уничтожить его. Он был ошибкой, которую нужно было исправить. Но Элрики вмешались. Они дали ему то, чего он хотел — человечность.

— Глупые мальчишки, — прошипела она, и голос её дрожал от ярости. — Они не понимают, что натворили. Жадность не должен был стать человеком. Он должен был умереть. Я создала его, чтобы он был моим орудием, моим клинком. А теперь он бродит по миру свободный, как птица.

Она прошла по комнате, касаясь пальцами старых книг, которые когда-то были её сокровищем. Она помнила каждую из них. Помнила, как читала их в своём первом теле, когда была молодой, полной надежд и веры в алхимию. Тогда она верила, что

сможет изменить мир. Что сможет победить смерть. Что сможет стать бессмертной.

— Я стала бессмертной, — сказала она, и в её голосе была горечь. — Но я потеряла себя. Я потеряла своё тело. Я потеряла свою душу.

Она посмотрела на свои руки — руки старухи, которой она была последние десятилетия. Это было удобное тело, но оно не было её. Оно было чужим, как старая одежда, которую носили слишком долго.

— Я верну себе своё тело, — сказала она, и в её голосе появилась сталь. — Я верну себе свою жизнь. И тогда я уничтожу всех, кто встанет на моём пути.

Она повернулась и вышла из особняка, оставляя позади пыль и тишину.

Данте знала, что братья Элрики не просто освободили Жадность. Они использовали для этого нечто особенное. Она чувствовала это, когда следила за ними из тени — их алхимия была другой, чистой, не требующей жертв. Это не был философский камень. Это было нечто новое.

— Синий камень, — прошептала она, стоя на крыше старого здания и глядя на ночной Дублит. — Они создали синий камень. Я чувствую его энергию. Она течёт по городу, как река.

Она знала, где искать. Её источники сообщили ей о Пятой лаборатории — месте, где братья Элрики проводили свои эксперименты. Она не знала, что именно там произошло, но она знала, что там есть то, что ей нужно.

Она отправилась в путь, когда луна уже поднялась высоко. Ночной Дублит был тих, и лишь редкие фонари освещали улицы. Данте шла быстро, но бесшумно, её шаги были мягкими, как у кошки. Она знала город как свои пять пальцев — каждый переулок, каждый тайный ход, каждый подвал.

Когда она добралась до Лаборатории №5, здание выглядело заброшенным. Военные опечатали его, но печати были сломаны — кто-то уже был здесь. Данте нахмурилась. Она надеялась, что камень всё ещё там.

Она проникла внутрь через вентиляционный ход — узкий, тёмный, пахнущий ржавчиной и пылью. Она ползла медленно, ощущая, как старые трубы скрипят под её весом. Когда она выбралась в главный зал, её глазам открылась картина разрушения. Алхимический круг был частично стёрт, оборудование разбито, стены покрыты следами алхимических вспышек.

Но она чувствовала его. Энергию синего камня.

Она прошла по коридорам, следуя за этим чувством, пока не оказалась в небольшой комнате, где на столе лежал маленький синий камень. Он светился мягким голубым светом, и Данте почувствовала, как от него исходит чистая, тёплая энергия. Она подошла ближе и протянула руку.

— Это он, — прошептала она. — Он создал его. Он использовал мои знания, чтобы создать его.

Она взяла камень в руки, и тепло разлилось по её пальцам, наполняя её тело силой, которую она не чувствовала уже много лет. Она закрыла глаза и позволила энергии проникнуть в неё, омывая каждую клетку.

— Он создал альтернативу философскому камню, — сказала она, открывая глаза. — Чистую энергию. Без жертв. И теперь она принадлежит мне.

Она сжала камень в руке, и её глаза загорелись холодным светом.

— Это идеально.

Данте покинула Пятую лабораторию, сжимая синий камень в руке. Она знала, что ей нужно делать. Она знала, куда ей нужно идти.

Она направилась к старому дому, который стоял на окраине страны, в глухом лесу, где никто не мог найти её. Это был дом, в котором она жила много веков назад, когда она была человеком. Когда она была молодой, живой и полной надежд.

Дорога была долгой. Она шла через леса, через горы, через пустынные равнины. Она не останавливалась ни на минуту, потому что знала — время работает против неё. Каждая секунда, проведённая в этом теле, была секундой, украденной у неё.

По пути она вспоминала. Вспоминала свою первую жизнь, когда она была просто девушкой с золотистым каре и серо-голубыми глазами, которая мечтала стать великим алхимиком. Она вспоминала, как впервые увидела алхимический круг, как впервые соединила ладони и почувствовала, как энергия течёт через неё. Она вспоминала, как впервые создала философский камень, как впервые почувствовала вкус бессмертия.

— Я была так наивна, — сказала она, останавливаясь на вершине холма и глядя на закат. — Я думала, что бессмертие — это дар. Но это проклятие. Вечная жизнь без цели, без смысла, без надежды.

Она сжала синий камень в руке.

— Но теперь я могу всё изменить. Я могу вернуть своё тело. Я могу начать всё сначала.

Она добралась до старого дома через два дня. Дом был старым и разрушенным, его стены покрыты мхом, а крыша провалилась во многих местах. Но Данте знала, что под ним скрывается то, что ей нужно. Она спустилась в подвал, который был скрыт под слоями пыли и времени. Там, в центре комнаты, стоял старый алхимический круг, начерченный её собственной рукой много веков назад.

— Я вернулась, — прошептала она. — Я вернулась, чтобы забрать то, что принадлежит мне.

Она подошла к кругу и провела пальцами по его линиям. Они были стёрты временем, но она помнила их наизусть. Она помнила каждый символ, каждую руну, каждую линию. Она сама создала этот круг, чтобы сохранить свою жизнь, чтобы стать бессмертной.

— Я использовала тебя, чтобы стать бессмертной, — сказала она. — Теперь я использую тебя, чтобы стать человеком.

Она встала в центр круга и сжала синий камень в руке. Она чувствовала, как его энергия пульсирует, и она знала, что должна сделать.

— Я верну своё первое тело, — сказала она. — Я стану той, кем была.

Перед тем как начать трансмутацию, Данте закрыла глаза и позволила воспоминаниям нахлынуть на неё.

Она вспомнила своё первое тело. Ей было двадцать лет, когда она впервые соединила ладони и почувствовала, как энергия течёт через неё. Она была молодой, красивой, с золотистыми волосами, собранными в аккуратное каре, и серо-голубыми глазами, в которых отражалась мудрость, накопленная за долгие годы. Она была полна жизни и надежд.

Она вспомнила, как впервые увидела философский камень. Это было в старой библиотеке, в книге, которая пылилась на полке. Она читала о нём и мечтала создать его. Она хотела стать бессмертной, чтобы никогда не умирать, чтобы видеть, как мир меняется, чтобы учиться и расти вечно.

Она вспомнила, как создала свой первый философский камень. Это было в этом самом доме, в этом самом круге. Она использовала свою кровь, свою душу, свою жизнь. Она заплатила высокую цену за бессмертие. Она потеряла своё тело.

— Я была глупа, — сказала она, и в её голосе была боль. — Я думала, что бессмертие — это дар. Но это проклятие. Я потеряла себя. Я потеряла всё.

— Но теперь я могу всё исправить, — сказала она. — Я могу вернуть своё тело. Я могу начать всё сначала.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Она чувствовала, как энергия синего камня пронизывает её тело, и она начала активировать круг.

— Я хочу своё тело, — прошептала она. — Я хочу быть человеком.

Свет вспыхнул — ослепительный, синий, чистый. Он залил весь подвал, и Данте почувствовала, как её тело начинает меняться.

Она чувствовала, как её кожа становится мягче, моложе, свежее. Она чувствовала, как её волосы меняют цвет, становясь золотистыми, как солнечный свет, как они укорачиваются до аккуратного каре, обрамляющего её лицо. Она чувствовала, как её глаза меняют цвет, становясь серо-голубыми, как небо в зимний день.

Она чувствовала, как её кости перестраиваются, как её мышцы наполняются силой, как её сердце начинает биться ровно и сильно. Она чувствовала, как её душа возвращается в тело, которое было её, которое принадлежало ей по праву.

Она закричала, но этот крик был криком освобождения.

Когда свет погас, она стояла на коленях, тяжело дыша. Её тело было новым — молодым, сильным, прекрасным. Она чувствовала, как её золотистые волосы касаются её плеч, как её серо-голубые глаза смотрят на мир с новой ясностью.

Она подняла руки и посмотрела на них. Они были молодые, гладкие, без морщин. Они были её.

— Я сделала это, — прошептала она, и в её голосе была радость. — Я вернула своё тело.

Она подошла к старому зеркалу, которое стояло в углу, и посмотрела на своё отражение. В нём отражалась молодая женщина с золотистыми волосами до плеч, уложенными в аккуратное каре, и серо-голубыми глазами, которые смотрели на неё с узнаванием.

— Это я, — сказала она, и в её голосе была уверенность. — Это настоящая я.

Она улыбнулась, и её отражение улыбнулось в ответ. Она была красивой. Она была молодой. Она была человеком.

— Теперь никто не узнает меня, — сказала она. — Я могу начать всё сначала.

Данте стояла перед зеркалом и рассматривала своё новое тело. Она поворачивалась, поправляла платье, проводила пальцами по своим золотистым волосам. Они были мягкими, шелковистыми, и она чувствовала, как они касаются её плеч.

— Я забыла, как это приятно, — сказала она. — Быть молодой. Быть красивой. Быть собой.

Она подошла к старому шкафу и открыла его. Внутри висело простое, но элегантное платье, которое она носила много веков назад. Она надела его с удовольствием, чувствуя, как ткань ложится на её новое тело.

— Я готова, — сказала она, поворачиваясь к двери. — Я готова начать всё сначала.

Она вышла из дома и направилась в город. Теперь у неё была новая цель — уничтожить Жадность и тех, кто освободил его.

Но сначала она должна была привыкнуть к своему новому телу. Она должна была научиться двигаться в нём, говорить в нём, жить в нём.

Она шла по лесу, и ветер играл с её золотистыми волосами. Солнце светило на её лицо, и она

чувствовала его тепло. Она слышала пение птиц, шелест листьев, журчание ручья.

— Я жива, — сказала она, и в её голосе было удивление. — Я по-настоящему жива.

Она остановилась на холме и посмотрела на город, который виднелся вдалеке. Дублит. Город, где всё началось. Город, где всё закончится.

— Я иду к тебе, Эдвард Элрик, — сказала она, и её серо-голубые глаза сверкнули холодным светом. — Я иду к тебе, и ты даже не узнаешь меня.

Тем временем в лесу, недалеко от Дублита, Гнев продолжал следовать за Ленью. Он был слаб, его тело дрожало от напряжения, но он не мог остановиться. Он должен был найти свою мать.

Лень шла впереди, её фиолетовые глаза светились в темноте. Она не оборачивалась, но Гнев знал, что она чувствует его присутствие.

— Ты устал, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты должен отдохнуть.

— Я не могу, — ответил Гнев. — Я должен найти тебя. Я должен понять, кто я.

— Ты уже знаешь, кто ты, — сказала Лень. — Ты — гомункул. Ты родился из боли. Ты не можешь быть человеком.

— Тогда зачем ты ведёшь меня? — спросил Гнев, и в его голосе послышалась боль.

— Потому что я хочу, чтобы ты понял, — ответила Лень. — Ты не один. Ты — часть меня. И я не оставлю тебя.

Гнев смотрел на неё, и я видел, как в его глазах мелькнула надежда. Он был слишком слаб, чтобы бороться. Он был слишком слаб, чтобы понять, что она использует его.

Мы с Алом и Лирой вернулись в Дублит после спасения Ала. Мы сидели в доме Изуми и обсуждали наши следующие шаги. Гнев всё ещё был с Ленью, и мы знали, что должны найти его, прежде чем он потеряет себя.

— Мы должны найти способ использовать знак Фламеля, — сказал я. — Это наш единственный шанс остановить гомункулов.

— Мы найдём его, — ответил Ал. — Мы всегда находили.

Но я знал, что это будет нелегко. Мы не знали, как работает знак Фламеля. Мы не знали, как его использовать против гомункулов. И мы не знали, сможем ли мы остановить Гнева, прежде чем он найдёт Лень.

— Брат, — сказал Ал, нарушая тишину. — Ты думаешь, мы сможем спасти его?

— Мы должны, — ответил я. — Он — часть нас. И мы не бросаем своих.

Глава 34. Воссоединение падших

Городской бар был залит тусклым жёлтым светом, который дрожал в такт потрескиванию газовых ламп. Запах старого дерева, пролитого пива и табачного дыма смешивался в густой, тягучий коктейль, который, казалось, оседал на коже. В углу, за

столиком, который никто из посетителей не решался занять, сидели трое.

Похоть смотрела в свой бокал, но не видела его. Её мысли были далеко — в особняке Данте, где Жадность, вместо того чтобы умереть, стал человеком. Она не понимала, как это могло произойти. Гомункул, созданный из человеческой трансмутации, превратился в обычного человека и просто ушёл. Она видела это своими глазами. И это беспокоило её больше, чем она хотела признать.

— Жадность больше не с нами, — сказала она, поднимая глаза на Зависть. — Он стал человеком. Эдвард Элрик превратил его в человека.

Зависть, сидевший напротив в облике долговязого мужчины с вечно недовольным лицом, нахмурился. Он отпил из своего стакана и поставил его на стол с глухим стуком.

— Это невозможно, — сказал он, но в его голосе не было уверенности. — Гомункулы не могут стать людьми.

— Могут, — ответила Похоть, и в её голосе послышалось что-то, чего она сама не ожидала. — Я видела это. Он стоял передо мной, и в его глазах больше не было пустоты. Он был живым. Настоящим.

Обжорство, сидевший рядом с Завистью, с жадностью поглощал всё, что попадалось ему на глаза. Он жевал, не переставая, и его глаза были устремлены на тарелки с едой, которые появлялись перед ним. Но в его взгляде не было агрессии — только ненасытный голод. Он не обращал внимания на разговор, полностью погружённый в своё занятие. Его мысли были далеки от таких сложных вопросов.

Зависть усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень тревоги.

— Хозяин будет недоволен, — сказал он. — Жадность был его творением. Теперь он просто человек. Бесполезный.

— Но он жив, — сказала Похоть, и её голос дрогнул. — Он свободен.

— Свободен? — переспросил Зависть, и его голос стал жёстче. — Мы — гомункулы. Мы не можем быть свободными. Мы служим хозяину. Это наша природа.

— Тогда почему я спрашиваю себя, откуда я пришла? — сказала Похоть, и её фиолетовые глаза сверкнули в полумраке. — И куда я пойду, если стану человеком?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и липкий, как дым. Зависть смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она не могла понять — может быть, страх, может быть, любопытство.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — сказал он наконец. — Мы живы сейчас. И мы никуда не денемся. Это всё, что тебе нужно знать.

Он щёлкнул пальцами, и владелец бара, который как раз подошёл сказать, что заведение закрывается, рухнул на пол без звука. Зависть кивнул Обжорству, и тот с готовностью наклонился над телом. Похоть смотрела на это, и внутри неё шевелилось что-то, чему она не могла дать имени.

Она уже задавала себе этот вопрос раньше. Когда-то, очень давно, в другой жизни, которая не была её жизнью. Воспоминания женщины, чьё лицо она носила, всплывали в её сознании, когда она видела людей, которые страдали. Когда она видела, как кто-то умирал.

Внезапно с улицы донёсся оглушительный грохот. Крик, звон разбитого стекла, ржание лошадей.

Похоть встала, и её движения были плавными, как у кошки. Она выскользнула из бара и оказалась на улице, где толпа уже собралась вокруг перевёрнутого экипажа.

В центре этой суеты стоял человек. Он был молод, с растрёпанными тёмными волосами и глазами, в которых горела лихорадочная решимость. Он держал в руке багровый камень — несовершенный философский камень, который пульсировал слабым, умирающим светом. Его пальцы дрожали, когда он чертил алхимический круг прямо на мостовой, пытаясь спасти раненого.

— Держись! — крикнул он, и голос его срывался. — Я вылечу тебя!

Похоть смотрела на него, и в её сознании всплыло воспоминание. Два года назад. Грязевой оползень. Перевёрнутая карета. И этот же человек, стоящий на коленях перед другой женщиной, с тем же отчаянным выражением лица. Она носила лицо той женщины. Она чувствовала её боль. Она была ею, но не до конца.

— Лужон, — прошептала она.

Он услышал. Он поднял голову, и его глаза встретились с её фиолетовым взглядом. На его лице отразилась такая смесь удивления, надежды и боли, что Похоть на мгновение замерла.

— Ты… — прошептал он. — Ты здесь.

Он хотел шагнуть к ней, но толпа оттеснила его. Похоть развернулась и исчезла в тени, но она знала, что он последует за ней.

Похоть остановилась в тёмном переулке, прислонившись к холодной стене. Её дыхание было ровным, но внутри неё бушевал хаос. Она видела его. Лужон. Тот самый человек, который два года назад пытался спасти женщину, чьи воспоминания теперь жили в ней. Та женщина умерла у него на руках, и Похоть носила её лицо, её голос, её боль. Она не хотела этого. Она не просила об этом. Но воспоминания приходили сами, когда она видела его.

— Ты исчезла, — раздался голос за спиной.

Похоть обернулась. Лужон стоял в конце переулка, тяжело дыша. В его руках всё ещё был багровый камень, который почти перестал светиться.

— Два года, — сказал он, и его голос был хриплым. — Я искал тебя.

— Я была занята, — ответила Похоть, и её голос был холодным, как лёд. — У меня были другие дела.

— Другие дела, — повторил он, и в его голосе послышалась горечь. — Я оставил свою деревню. Я оставил Лидию. Я искал тебя.

— Ты должен был искать новый камень, — сказала Похоть, и в её голосе не было сочувствия. — Болезнь вернулась. Ты знал, что это произойдёт.

— Я знал, — ответил он, и его голос дрогнул. — Но я также знал, что единственный способ найти новый камень — это найти тебя.

Похоть смотрела на него, и в её сознании всплывали обрывки чужих воспоминаний. Она видела себя в другой жизни — женщиной, которая любила мужчину с таким же отчаянным взглядом. Она видела, как он пытался спасти её, и как она умирала у него на руках.

— Ты глуп, Лужон, — сказала она, и в её голосе послышалось что-то, чего она сама не ожидала. — Я — гомункул. Я не могу любить тебя.

— Я знаю, — ответил он, и в его глазах была такая боль, что Похоть на мгновение замерла. — Но я всё равно люблю тебя.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Она чувствовала, как внутри неё закипает смесь гнева и… чего-то ещё, чему она не могла дать имени. Это были воспоминания женщины, чьё лицо она носила. Воспоминания о том, как она любила этого человека. Как она верила в него. Как она умирала у него на руках.

— Ты должен идти, — сказала она наконец. — Болезнь убивает твоих людей. Ты должен спасти их.

— Я спасу их, — ответил он. — Но только если ты поможешь мне.

Похоть смотрела на него, и она знала, что должна отказаться. Она знала, что её хозяин не простит ей, если она поможет ему. Но она также знала, что не может оставить его. Не может оставить его одного, как она оставила его два года назад.

— Хорошо, — сказала она. — Я помогу тебе.

Мы добрались до деревни Лужона через два дня. Это было маленькое поселение, затерянное среди холмов, с низкими каменными домами и узкими улочками. Но воздух здесь был тяжёлым, и я чувствовал, как в нём витает запах смерти. Люди лежали на кроватях, их тела были покрыты серой коркой, которая медленно превращала их в камень.

— Это здесь, — сказала Похоть, и её голос дрожал. — Это деревня Лужона. Люди умирают от болезни, которую я не могу остановить.

Лира стояла рядом с Алом, и я видел, как она сжимает его руку. Её лицо было бледным, но в глазах горела решимость. После всего, что мы пережили, она научилась не бояться боли других — она научилась помогать им.

Мы вошли в дом, где лежали больные. Лужон стоял у постели старика, пытаясь использовать свой багровый камень, чтобы облегчить его страдания. Но камень почти погас, и я видел, как его руки дрожат.

— Это бесполезно, — сказал он, опуская руки. — Я не могу спасти их. Мой камень почти иссяк.

— Мы поможем вам, — сказал я, шагнув вперёд.

Лужон поднял голову. В его глазах была надежда, которую он боялся показать.

— Вы можете помочь им?

— Мы попытаемся, — ответил я.

Ал подошёл к больному и начал осматривать его. Его руки двигались уверенно, и я видел, как он пытается понять, что именно происходит с телом.

— Это алхимия, — сказал он наконец. — Кто-то использовал трансмутацию, чтобы превратить их тела в камень.

— Но зачем? — спросила Похоть.

— Чтобы создать философский камень, — ответил я. — Они использовали людей как материал.

— Кто? — спросил Лужон, и в его голосе послышалась ярость.

— Мы не знаем, — ответил я. — Но мы найдём их и остановим.

Я подошёл к больному и соединил ладони. Я чувствовал, как энергия течёт через меня, перестраивая молекулярные связи, очищая тело от болезни. Свет вспыхнул — чистый, синий, живой. Тело старика начало меняться, и серая корка начала исчезать.

— Это… невероятно, — прошептал Лужон.

— Это алхимия, — ответил я. — Чистая алхимия.

Я продолжал работать, и один за другим люди начали просыпаться. Их тела больше не были покрыты серой коркой. Они были живы. Они были здоровы.

Когда я закончил, я чувствовал, как усталость накатывает на меня. Ал поддержал меня, и я опёрся на его плечо.

— Ты как? — спросил он.

— Устал, — честно ответил я. — Но я рад, что мы смогли помочь им.

Лужон подошёл ко мне и протянул мне осколок синего камня, который я оставил ему.

— Возьми, — сказал он. — Это поможет тебе защитить деревню, если болезнь вернётся.

— Спасибо, — ответил я. — Но ты должен знать: этот камень не бесконечен. Используй его с умом.

— Я буду, — сказал он, и я видел, как его глаза наполнились благодарностью.

Похоть стояла в стороне и смотрела на нас. В её глазах была смесь боли и надежды.

— Вы сделали невозможное, — сказала она. — Вы спасли их.

— Мы просто сделали то, что должны были, — ответил я.

Мы стояли на краю деревни, готовясь к отъезду. Лидия и Лужон стояли рядом, и я видел, как она сжимает его руку.

— Мы останемся здесь, — сказала Лидия. — Мы будем заботиться о деревне.

— Это хорошее решение, — сказал Ал. — Вы нужны друг другу.

Лужон посмотрел на меня, и в его глазах была благодарность.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Ты спас нас.

— Я просто сделал то, что должен был, — ответил я.

Мы сели в повозку, которая ждала нас у ворот. Похоть стояла у дороги и смотрела нам вслед.

— Мы ещё увидимся, Стальной алхимик, — сказала она. — Я чувствую это.

— Возможно, — ответил я. — Но когда мы встретимся, я надеюсь, что это будет не на поле боя.

Она ничего не ответила. Она просто исчезла в тени, оставляя нас одних на дороге.

Когда повозка скрылась за поворотом, на опушку леса вышла женщина с золотистыми волосами, собранными в аккуратное каре, и серо-голубыми глазами. Она стояла неподвижно, глядя вслед

уезжающим братьям. Её лицо было бесстрастным, но в глазах горел холодный свет.

— Эдвард Элрик, — прошептала она. — Ты даже не узнал меня.

Она сжала руку в кулак.

— Ты думаешь, что победил. Ты думаешь, что спас этих людей. Но ты не понимаешь, что это только начало. Я вернула своё тело. Я снова молода и сильна. И я сделаю всё, чтобы уничтожить тебя и твоих братьев.

Она повернулась и исчезла в густой чаще. Её золотистые волосы блеснули в лучах заходящего солнца, и лес сомкнулся за её спиной.

Охота продолжалась. И она ждала своего часа.

Глава 35. Грех и искупление

Поезд медленно тащился по рельсам, унося ишварцев в военные лагеря на юге. Вагоны были переполнены, и воздух в них был тяжёлым от запаха пота, страха и безысходности. За окнами проплывали выжженные солнцем равнины, и я чувствовал, как внутри закипает смесь гнева и сочувствия.

Мы сидели в углу одного из вагонов, стараясь не привлекать внимания. Рядом со мной сидела Лира, её руки были сжаты в кулаки, а глаза смотрели на ишварцев с болью. Ал держал её за руку, и я видел, как он пытается успокоить её.

— Они не должны быть здесь, — прошептала Лира. — Они не преступники. Они просто люди, которые хотели жить в мире.

— Я знаю, — ответил я. — Но мы ничего не можем сделать. Пока что.

Я смотрел на ишварцев. Они сидели на полу, прижавшись друг к другу, их лица были бледными, а глаза — пустыми. Среди них я заметил детей. Маленькие девочки и мальчики, которые смотрели на мир с таким страхом, что у меня сжалось сердце. Они не понимали, почему их везут в лагеря. Они не понимали, почему их семьи разрушены.

— Это несправедливо, — сказал Ал, и его голос был тихим, но в нём слышалась сталь. — Мы должны что-то сделать.

— Мы сделаем, — ответил я. — Но сначала мы должны понять, что здесь происходит.

Поезд внезапно дёрнулся и остановился. В вагоне послышались голоса, и я услышал, как кто-то кричит:

— Вода! У нас нет воды! Люди умирают от жажды!

Я поднялся и выглянул в окно. Мы остановились на станции, где не было даже колонки с водой. Военные суетились, пытаясь решить проблему, но было видно, что они не готовы к такой ситуации. Их форма была мятая, а лица уставшими. Они сами не знали, что делать.

— Брат, — сказал Ал, подходя ко мне. — Мы должны помочь.

— Я знаю, — ответил я.

Мы вышли из вагона. Вокруг нас были ишварцы, которые смотрели на нас с подозрением и страхом. Они не знали, кто мы, и боялись, что мы — ещё одни солдаты, которые хотят причинить им вред. Но я заметил среди них знакомые лица — Рик и Рио. Они стояли в стороне, и в их глазах была та же боль, что и у всех. Они были старше, чем когда я видел их в последний раз, но я сразу узнал их.

— Рик! Рио! — крикнул я, подходя к ним.

Они обернулись, и я увидел, как их лица изменились. Они узнали меня.

— Эдвард, — сказал Рик, и в его голосе было удивление. — Что ты здесь делаешь?

— Мы путешествуем, — ответил я. — Ищем информацию о философском камне. А вы? Почему вы здесь?

Рио нахмурился, его глаза стали жёсткими.

— Ты всё ещё ищешь его? — спросил он. — После всего, что случилось? После того, как он разрушил наши жизни?

— Я должен, — ответил я. — Это единственный способ помочь моему брату. И помочь другим. Я не могу остановиться.

Рик и Рио переглянулись. В их глазах мелькнула боль, но я видел, как они борются с собой.

— Мы слышали о том, что сделали военные, — сказал Рик, и его голос дрогнул. — Они использовали нас. Они создали философский камень из наших людей. Из наших семей. Наши родители… они были среди них.

— Мы знаем, — сказал Ал, подходя ближе. — Мы пытаемся найти способ остановить их. Мы не хотим, чтобы это повторилось.

— Ты не сможешь остановить их, — сказал Рио, и в его голосе была горечь. — Они слишком сильны. У них есть армия, у них есть алхимия, у них есть власть. Мы — просто беженцы. Мы ничего не можем сделать.

— Мы попытаемся, — ответил я. — Мы не сдадимся.

В этот момент к нам подошёл старик. Его лицо было покрыто морщинами, а глаза смотрели с мудростью,

которую я редко видел. Он опирался на деревянный посох, и его движения были медленными, но в нём чувствовалась сила.

— Ты ищешь философский камень, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — Я знаю, кто может помочь тебе.

— Кто? — спросил я, чувствуя, как внутри закипает надежда.

— В Кишуа есть старик, — сказал он. — Он был изгнан из Ишвара за то, что нарушил табу. Он знает о философском камне больше, чем кто-либо. Он видел, как его создавали. Он знает, какую цену за него платят.

— Как мы найдём его? — спросил Ал.

— Рик и Рио отведут вас, — сказал старик, поворачиваясь к мальчикам. — Вы должны помочь им. Это важно. Они — наша последняя надежда.

Рик и Рио переглянулись. В их глазах была нерешительность, но они кивнули.

— Мы поможем, — сказал Рик.

Мы должны были уйти с поезда, но сделать это было нелегко. Военные патрулировали станцию, и я знал, что если нас поймают, то мы не сможем помочь ишварцам.

— У нас есть план, — сказал я, глядя на Ала. — Мы создадим хаос. Когда военные будут заняты, мы уйдём.

— Но как? — спросила Лира. — Их слишком много.

— Мы уберём лёд, который блокирует воду, — сказал я. — Когда вода хлынет, военные будут отвлекаться. Они побегут к трубе, и у нас будет шанс.

Мы подошли к трубе, которая была забита льдом. Я использовал алхимию, чтобы убрать лёд, и вода хлынула наружу с такой силой, что военные бросились к ней. Они кричали, пытаясь остановить поток, но было поздно.

— Сейчас! — крикнул я.

Мы побежали. Вокруг нас была суета, и никто не обращал на нас внимания. Рик и Рио бежали рядом, и я видел, как их глаза горят надеждой. Они верили, что мы сможем помочь им.

Внезапно я услышал голос за спиной:

— Стой!

Я обернулся. Это был сержант Фьюри. Он смотрел на меня с удивлением, и я знал, что если он закричит, нас схватят.

— Прости, — сказал я, и ударил его. Он упал на землю без сознания.

Мы побежали дальше, скрываясь за вагонами. Я слышал крики военных, но они не знали, где мы. Мы выскочили из поезда и помчались в сторону холмов, оставляя станцию позади.

— Мы сделали это! — крикнул Рик, тяжело дыша. — Мы свободны!

— Ещё нет, — ответил я. — Нам нужно добраться до Кишуа.

Мы шли пешком несколько часов. Пустыня была безжалостной, солнце палило нещадно, и я чувствовал, как силы покидают меня. Но мы не могли остановиться. Мы должны были найти Шрама.

Рик и Рио шли впереди, указывая путь. Они знали эти места лучше нас, и я доверял им.

— Мы почти пришли, — сказал Рио, когда солнце начало клониться к закату. — Вон там, за теми холмами, начинается Кишуа.

Мы ускорили шаг. Когда мы вошли в город, я увидел разрушенные здания и пустые улицы. Кишуа был мёртв. Война уничтожила его.

— Это здесь, — сказал Рик, указывая на палатку, которая стояла на окраине города. — Там живёт старик.

Я подошёл к палатке и заглянул внутрь. Там сидел старый ишварец. Его лицо было покрыто татуировками, и я сразу заметил знак на его щеке — знак изгнания. Он был бледен и худ, но в его глазах горел огонь, который не могли погасить годы скитаний.

— Ты ищешь философский камень, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым.

— Да, — ответил я. — Я хочу знать, как его создать.

Старик посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах я видел боль, которую он носил в себе много лет.

— Ты знаешь, что это требует жертв? — спросил он. — Ты знаешь, какую цену за него платят?

— Я знаю, — ответил я. — Но я ищу альтернативу. Я ищу способ обойти этот закон.

— Альтернативы нет, — сказал он. — Философский камень всегда требует жертв. Ты можешь только изменить количество жертв. Но цена всегда будет плачена. Кровь, души, жизни — всё это уходит в камень. Ты не можешь создать его без страданий.

Я смотрел на него, и я чувствовал, как внутри закипает боль.

— Я не могу принять это, — сказал я.

— Ты должен, — ответил старик. — Это единственный путь. Ты не можешь изменить законы алхимии. Ты можешь только научиться жить с ними.

Я повернулся и вышел из палатки. Внутри меня закипала ярость, но я знал, что он прав.

— Мы нашли его, — сказал Ал, подходя ко мне. — Что он сказал?

— Он сказал, что альтернативы нет, — ответил я. — Философский камень всегда требует жертв.

Ал опустил голову. Я видел, как в его глазах мелькнула боль.

— Мы найдём другой способ, — сказал он. — Мы всегда находили.

— Я знаю, — ответил я. — Но сейчас мы должны идти. Нам нужно найти Шрама.

Рик и Рио подошли к нам. Их лица были серьёзными.

— Мы пойдём с вами, — сказал Рик. — Мы знаем эти места. Мы поможем вам найти Шрама.

— Спасибо, — сказал я. — Это много значит для нас.

Мы двинулись в путь, оставляя позади разрушенный Кишуа. Впереди нас ждал Ишвар, и я знал, что это будет наша последняя битва.

Мы шли по пыльной дороге, и солнце клонилось к закату. Рик и Рио шли впереди, указывая путь. Их лица были уставшими, но в глазах горела решимость.

— Мы должны расстаться здесь, — сказал Рио, останавливаясь. — Дальше начинаются земли, где военные патрулируют каждый шаг. Мы не можем рисковать.

— Я понимаю, — ответил я. — Спасибо вам за помощь. Вы спасли нас.

— Это мы должны благодарить вас, — сказал Рик. — Вы помогли нашему народу. Мы никогда не забудем этого.

Они обняли нас, и я чувствовал, как их руки дрожат. В их глазах были слёзы, но они улыбались.

— Берегите себя, — сказал Ал.

— И вы, — ответил Рио.

Они развернулись и пошли обратно, исчезая в сумерках. Я смотрел им вслед, и я чувствовал, как внутри разливается тепло.

— Мы сделали хорошее дело, — сказал я.

— Да, — ответил Ал. — Мы сделали хорошее дело.

Мы повернулись и пошли дальше, в сторону Ишвара. Ночь опускалась на пустыню, и я чувствовал, как ветер дует в лицо. Звёзды начали появляться на небе, и я смотрел на них, думая о том, что нас ждёт.

— Брат, — сказал Ал. — Ты думаешь, мы сможем найти Шрама?

— Мы должны, — ответил я. — Он единственный, кто знает правду о философском камне. Он видел, как его создавали. Он знает, какую цену за него платят.

— А что, если он не захочет помогать нам? — спросила Лира.

— Тогда мы заставим его, — ответил я, и в моём голосе была решимость. — Мы не можем позволить себе остановиться.

Мы шли в темноте, и звёзды светили над нами. Я знал, что впереди нас ждут новые испытания. Но я также знал, что мы справимся. Потому что у нас была цель. И у нас была семья.

На рассвете мы услышали звук мотора. Из пустыни вынырнул мотоцикл с коляской, и за рулём сидела женщина с длинными тёмными волосами. Я узнал её — это была Мартел, одна из химер, служивших Жадности. Но теперь она выглядела иначе — её лицо было спокойным, а в глазах не было прежней жестокости.

— Альфонс, — сказала она, останавливаясь перед нами. — Я искала тебя.

— Мартел, — ответил Ал, и в его голосе послышалось удивление. — Что ты здесь делаешь?

— Я хочу помочь вам, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Я знаю, что вы ищете Шрама. Я отвезу вас к нему.

— Зачем тебе это? — спросил я, насторожившись.

— Потому что я хочу отомстить гомункулам, — ответила она. — Они убили Жадность. Они превратили его в человека и убили его.

— Но Жадность жив, — сказал Ал. — Он стал человеком. Он свободен.

Мартел замерла. Её глаза расширились, и я увидел, как в них мелькнула надежда.

— Что? — прошептала она. — Он жив?

— Да, — ответил я. — Мы видели его. Он стал человеком. Он ушёл, чтобы найти свой собственный путь.

Мартел смотрела на нас, и я видел, как её лицо меняется — от удивления до облегчения.

— Тогда я должна найти его, — сказала она. — Я должна увидеть его.

— Мы поможем тебе, — сказал Ал. — Но сначала мы должны найти Шрама.

— Хорошо, — ответила Мартел. — Я отвезу вас к нему. А потом я найду Жадность.

Она кивнула, и мы сели в мотоцикл. Пустыня простиралась перед нами, и я чувствовал, как ветер дует в лицо. Мы были готовы к тому, что нас ждёт.

Тем временем в Централе Лень стояла у окна в кабинете фюрера. Её фиолетовые глаза смотрели на город, который тонул в вечерних сумерках. Она была спокойна, но в её взгляде чувствовалась угроза.

— Они идут в Ишвар, — сказала она, не оборачиваясь.

За её спиной стояли Похоть, Обжорство и Зависть. Похоть выглядела задумчивой, Обжорство жевал что-то, не обращая внимания на разговор, а Зависть смотрел на Лень с холодным любопытством.

— Мы знаем, — ответил Зависть. — Мы следили за ними. Они думают, что найдут ответы в Ишваре.

— Они не должны найти правду, — сказала Лень, и её голос стал холодным. — Если они узнают, что философский камень был создан в Ишваре, они перестанут искать его. Они поймут, что это бесполезно.

— Тогда мы должны остановить их, — сказала Похоть, и в её голосе послышалась решимость.

— Нет, — ответила Лень, поворачиваясь к ним. — Мы позволим им идти. Они приведут нас к Шраму. А Шрам приведёт нас к философскому камню. Мы будем ждать. И когда настанет время, мы нанесём удар.

Она сжала руку в кулак.

— Мы не можем позволить им уничтожить наш план. Мы должны защитить то, что принадлежит нам.

Она повернулась к окну, и её фиолетовые глаза сверкнули в темноте.

Охота продолжалась. И она только начиналась.

Глава 36. Пламенный алхимик, холостой лейтенант и тайна склада №13

Пыль пустыни оседала на наших лицах, когда мотоцикл Мартел нёсся по каменистой дороге, уводя нас всё глубже в южные провинции. Ветер свистел в ушах, заглушая мысли о том, что мы оставили позади — Кишуа, старика с его горькой правдой о философском камне, Рика и Рио, которые снова

исчезли в сумерках, чтобы продолжить свою борьбу. Я сжимал в руке блокнот отца, чувствуя, как его страницы шуршат под пальцами. Внутри меня всё ещё звучали слова старого ишварца: *«Альтернативы нет. Философский камень всегда требует жертв»*. Я не мог принять это. Я не должен был принимать это.

Ал сидел позади меня, его руки крепко держались за мои плечи. Лира прижималась к его спине, её фиолетовые глаза были устремлены вдаль, туда, где горизонт сливался с небом. Мартел вела мотоцикл уверенно, её длинные тёмные волосы развевались на ветру. Она была молчалива, но я знал, что она думает о Жадности — о том, что он теперь человек и бродит где-то по миру. Её надежда найти его была такой же сильной, как моя надежда найти Шрама.

Внезапно наше движение прервал звук — не гул мотора, а пронзительный, настойчивый свист. Мартел остановилась, и мы увидели, как из-за ближайшего бархана вынырнул маленький армейский разведывательный дрон. Он кружил над нами, словно металлический ястреб, а затем сбросил небольшой конверт, который упал прямо мне в руки.

Я развернул его. Внутри лежала записка, написанная знакомым, немного неровным почерком:

«Эдвард. В Централе неспокойно. Солдаты в панике из-за таинственного склада №13, который появляется ночью и исчезает к утру. Ходят слухи о призраках и странных звуках. Я не верю в мистику, но это может быть связано с гомункулами или с теми, кто пытается скрыть следы философского камня. Приезжайте, как сможете. Нужна ваша помощь. — Майор Хьюз».

Я сжал записку в кулаке. Хьюз был нашим союзником, и если он просил помощи, значит, дело серьёзное. Но мы были так близко к Ишвару. Я посмотрел на Ала, затем на Лиру.

— Что там? — спросил Ал, перекрикивая ветер.

— Хьюз пишет, что в Централе творится что-то странное, — ответил я. — Таинственный склад, слухи о призраках. Он думает, что это может быть связано с гомункулами.

— Мы не можем просто бросить поиски Шрама, — сказала Лира, и в её голосе послышалась тревога. — Мы так близко.

— Я знаю, — ответил я. — Но если Хьюз прав и это связано с философским камнем, мы не можем игнорировать это. Возможно, это ловушка, или, наоборот, ключ к разгадке. Мы должны проверить.

Мартел заглушила мотор и повернулась к нам. Её глаза были серьёзными.

— Я отвезу вас в Централ, — сказала она. — Это займёт день, не больше. А потом я продолжим поиски Жадности.

Я кивнул. Мы развернулись и направились обратно к столице, оставляя пустыню позади.

В Централе тем временем царило напряжение. Солнце только начинало подниматься над городом, когда я услышал громкий стук в дверь. От неожиданности я чуть не свалился с кровати — мы с Алом засиделись допоздна, обсуждая встречу с Мартел и предстоящий путь в Ишвар, и спали всего пару часов. После долгой дороги мы едва успели добраться до ведомственной гостиницы, как нас разбудил этот стук.

— Вставайте! — раздался голос лейтенанта Хэвока за дверью. — Полковник собирает всех на совещание! Через пятнадцать минут!

Я потёр глаза и сел на кровати. Ал уже был на ногах, поправляя рубашку. Лира, которая спала в соседней комнате, выглянула в коридор.

— Что-то случилось? — спросила она, зевая.

— Понятия не имею, — ответил я, натягивая куртку. — Но раз Мустанг собирает всех с утра пораньше, значит, что-то серьёзное.

Мы быстро привели себя в порядок и направились в конференц-зал. По пути я заметил, что Хэвок выглядит неважно — под глазами залегли тени, мундир мятый, а в руке он сжимал давно потухшую сигарету. Он шёл, уставившись в пол, и даже не заметил нас, когда мы прошли мимо.

— Хэвок, ты в порядке? — спросил Ал.

Он вздрогнул и поднял голову.

— А? Да, всё нормально, — ответил он слишком поспешно. — Просто не выспался. И вообще, личное не обсуждается.

Мы вошли в конференц-зал. Там уже собрались Фалман, Бреда и Фьюри. Они стояли у стены и о чём-то тихо переговаривались, поглядывая на Хэвока с явным сочувствием. В центре комнаты стоял полковник Рой Мустанг, его лицо было серьёзным, а руки в белых перчатках сжаты в кулаки. Рядом с ним сидела старший лейтенант Риза Хоукай с неизменным пистолетом на поясе.

— Садитесь, — сказал Мустанг, когда мы заняли свои места. — В последнее время в штабе ходят тревожные слухи. Солдаты говорят о таинственном тринадцатом складе. О том, что он появляется только

ночью, и оттуда доносятся странные звуки — скрежет, стоны, звуки, похожие на работу алхимического оборудования.

— Тринадцатый склад? — переспросил я. — Но военных складов здесь всего двенадцать. Я сам видел карту.

— Именно, — кивнул Мустанг. — Кто-то создаёт панику. И пока мы не разберёмся в этом, солдаты будут бояться и терять боеспособность. Сегодня ночью мы проведём проверку. Все вы участвуете.

Хэвок, который всё это время сидел с отсутствующим видом, вдруг встрепенулся.

— Полковник, это же просто глупые слухи! — воскликнул он. — Зачем тратить на это время? Это же просто страшилки для новобранцев.

Мустанг посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Лейтенант, если мои подчинённые не могут сосредоточиться из-за каких-то призраков, я должен разобраться в этом. Ты согласен?

Хэвок открыл рот, собираясь возразить, но Фалман положил руку ему на плечо и покачал головой. Хэвок вздохнул и откинулся на спинку стула, выглядя так, будто его приговорили к казни.

После совещания я поймал Фалмана в коридоре.

— Что происходит с Хэвоком? — спросил я. — Он выглядит так, будто мир рухнул.

Фалман огляделся по сторонам, убедился, что никого нет, и понизил голос:

— Его девушка ушла к полковнику. Хэвок водил её в театр на прошлой неделе, а Мустанг… ну, сам понимаешь. Теперь Хэвок не может смотреть на

полковника без зубовного скрежета. Он вчера весь вечер сидел в баре и жаловался на жизнь.

— И это всё? — переспросил я. — Из-за девушки?

— Для Хэвока это не просто девушка, — вздохнул Фалман. — Это была его последняя надежда на личное счастье. После того, как его бросили в прошлый раз, он долго не мог прийти в себя. Он даже хотел перевестись в другой гарнизон, но его держат здесь.

Я покачал головой. Казалось бы, взрослый мужчина, офицер, а ведёт себя как подросток.

К обеду Мустанг заметил, что Хэвок не может сосредоточиться на работе. Он сидел за столом, уставившись в одну точку, и перекладывал бумаги с места на место.

— Лейтенант, — сказал Мустанг, подходя к его столу. — Ты выглядишь так, будто тебя переехал поезд. Что случилось?

— Ничего, полковник, — ответил Хэвок, даже не поднимая глаз.

— Я знаю, что ты следил за мной по приказу внутреннего расследования, — спокойно сказал Мустанг. — И я знаю, что ты злишься на меня из-за личного.

Хэвок побледнел и поднял голову.

— Откуда вы…

— Фалман рассказал мне, — ответил Мустанг. — Ты думаешь, я не знаю, что происходит в моём собственном штабе? Но я не злюсь на тебя. Ты выполнял приказ.

Хэвок опустил голову.

— Но это ещё не всё, так? — продолжил Мустанг. — Ты злишься на меня из-за девушки. Это была твоя последняя надежда, и ты считаешь, что я украл её у тебя.

— Это было подло, полковник, — сказал Хэвок, и в его голосе послышалась горечь. — Вы знали, что она мне нравится. А вы просто пришли и забрали её.

Мустанг вздохнул и сел напротив.

— Послушай, Хэвок. Ты хороший солдат. Один из лучших. Но ты позволяешь личным неудачам разрушать твою работу. Если ты не можешь найти себе девушку сам, я помогу тебе. Ты только скажи, чего ты хочешь.

— Что? — Хэвок поднял голову, и в его глазах мелькнула надежда.

— Я серьёзно, — сказал Мустанг. — Я устал видеть твою кислую мину каждый день. Если тебе нужна помощь, я организую встречу с кем-нибудь.

— С кем, например?

— Не знаю. Спроси у Армстронга, у него есть сестра.

Хэвок побледнел ещё сильнее.

— Только не это. Она… у неё руки как у кузнеца.

Мустанг усмехнулся, но не стал настаивать.

— Тогда найди сам, но быстро. У нас есть дела поважнее, чем твои страдания.

Мустанг повернулся к Фалману, который стоял у двери.

— Фалман, — сказал он. — Найди Хэвоку девушку. Весёлую, уравновешенную красавицу, как он любит. Это приказ.

Фалман растерянно заморгал.

— Но, полковник, я не сводник…

— Ты меня слышал, — отрезал Мустанг и вышел из комнаты.

Фалман вздохнул и побрёл по коридору, размышляя, где найти девушку для Хэвока. Внезапно он столкнулся с Шеской, которая несла стопку книг и чуть не уронила их.

— Простите! — воскликнул Фалман, помогая ей собрать упавшие тома. — Я не заметил вас.

— Ничего страшного, — ответила Шеска, поправляя очки. — Вы кого-то ищете?

— Да, — сказал Фалман. — Мне нужна девушка для лейтенанта Хэвока. Весёлая, уравновешенная красавица. Вы не знаете кого-нибудь?

В этот момент из-за угла вышел майор Армстронг. Его мускулистая фигура, как всегда, возвышалась над всеми, а на лице сияла благородная улыбка.

— Я слышал, вы ищете девушку для нашего дорогого Хэвока? — спросил он, и его голос эхом разнёсся по коридору. — Я знаю идеальную кандидатуру! Моя младшая сестра, Кэтрин, как раз мечтает найти достойного мужчину!

Фалман и Шеска переглянулись. В глазах Фалмана читался страх.

— Она… она похожа на вас? — осторожно спросил Фалман.

— Конечно! — гордо ответил Армстронг, сверкая мускулами. — Она носит те же семейные ресницы! Она истинная Армстронг!

— О боже, — прошептал Фалман.

Но было уже поздно. Армстронг схватил его за плечо и поволок к выходу.

— Мы немедленно едем в особняк! — воскликнул он. — Кэтрин будет в восторге! Она давно ждёт достойного мужчину, а Хэвок — отличный офицер, верный, надёжный. Почему бы не попробовать?

Фалман пытался сопротивляться, но куда там — Армстронг был сильнее. Я, Ал и Лира тоже решили поехать — уж слишком забавным выглядело это представление. Тем более что в Централе было неспокойно, и любой повод отвлечься от тревожных мыслей был на вес золота. Мартел осталась с нами, хотя выглядела скептически. Она сказала, что хочет понять, что за странности творятся в столице, и если это связано с гомункулами, она должна быть рядом.

Когда мы подъехали к особняку Армстронгов, я сразу понял, что это место создано для людей, которые любят производить впечатление. Высокие колонны, мраморные лестницы, гербы на каждой стене — всё кричало о богатстве и древности рода. Хэвок стоял у ворот, и его лицо было белее мела. Рядом с ним стояли Бреда и Фьюри, пытаясь его приободрить.

— Представь, как роскошно ты будешь жить, если женишься на ней, — говорил Бреда.

— И она будет носить одно из этих платьев, — добавил Фьюри, указывая на портрет в холле.

— А что, если она похожа на своего брата? — простонал Хэвок. — Я не хочу жениться на женщине с такими же бицепсами! Я слышал, она может поднять пианино одной рукой!

— Не будь трусом, Хэвок! — рявкнул Армстронг, появляясь в дверях. — Моя сестра — прекрасная девушка!

Он схватил Хэвока за шиворот и буквально втащил его внутрь. Мы последовали за ними.

Внутри нас встретили родители Армстронгов. Они были такими же массивными и внушительными, как и их сын, и я заметил, как Хэвок с каждым шагом становится всё бледнее и бледнее.

— Наша семья, — говорил отец Армстронга, — служит Аместрису уже несколько поколений. Мы гордимся нашей силой и мужеством. Наши предки сражались в самых кровопролитных битвах, и мы всегда побеждали.

Хэвок кивал, не в силах вымолвить ни слова. Затем в комнату вошла Кэтрин. Я ожидал увидеть женщину с кубиками пресса и стальными мышцами, как у её брата. Но Кэтрин оказалась стройной девушкой с длинными светлыми волосами и нежными чертами лица. Она была одета в простое голубое платье, и её улыбка была искренней и тёплой.

Хэвок замер. Его глаза расширились, и я увидел, как на его лице появляется надежда.

— Это… это невероятно, — прошептал он. — Она прекрасна.

Кэтрин подошла к нему и улыбнулась.

— Приятно познакомиться, лейтенант Хэвок, — сказала она. — Мой брат много рассказывал о вас. Он говорил, что вы — один из лучших офицеров в штабе.

Хэвок открыл рот, но не смог произнести ни слова. Он просто стоял и смотрел на неё, как заворожённый.

Но когда Кэтрин подошла к пианино и одной рукой подняла его, чтобы передвинуть, Хэвок снова побледнел. Инструмент весил несколько центнеров, но Кэтрин держала его так же легко, как обычную книгу.

— Я люблю сильных мужчин, — сказала она, улыбаясь. — Как мой брат. Вы, наверное, тоже сильный, лейтенант?

Хэвок судорожно сглотнул.

— Я… я могу поднять… бумаги, — выдавил он. — И… и папки с отчётами.

Кэтрин вежливо улыбнулась и покачала головой.

— Простите, — сказала она. — Я ищу мужчину с более мускулистым телосложением. Как у моего брата. Вы, наверное, замечательный человек, но я хочу, чтобы мой муж мог защитить меня в любой ситуации.

Хэвок замер. Его лицо исказилось — надежда, которая только что расцвела, угасла за секунду. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого рухнул на пол в глубоком обмороке.

Мы все стояли и смотрели на это. Ал тихо вздохнул, Лира прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться. Армстронг наклонился над Хэвоком и покачал головой.

— Слабоват для нашей семьи, — сказал он. — Но у него есть потенциал. Может быть, если он начнёт тренироваться… Но нет, он слишком поздно начал.

Мы везли Хэвока обратно в штаб в повозке. Он лежал на сиденье с закрытыми глазами и иногда вздыхал, словно переживал во сне свою неудачу. Бреда и Фьюри ехали рядом, пытаясь его приободрить.

— Бедный Хэвок, — сказала Лира, глядя на него. — Он действительно хотел понравиться ей. Он даже купил новый галстук для этой встречи.

— Да, — ответил Ал. — Но у него не было шанса. С такими-то родственниками.

— По крайней мере, он попытался, — сказал я. — Это уже больше, чем делают многие.

Когда мы прибыли в штаб, Хэвок очнулся. Он сел и посмотрел на нас мутными глазами.

— Что случилось? — спросил он. — Где я?

— Ты упал в обморок, — ответил я. — Прямо перед Кэтрин. И она сказала, что ей нужен мужчина с более мускулистым телосложением.

Хэвок закрыл лицо руками.

— Это был позор, — простонал он. — Я опозорился перед всей семьёй Армстронгов.

— Не переживай, — сказал Ал, похлопывая его по плечу. — Ты найдёшь кого-нибудь ещё. Есть много других девушек.

— Нет, — сказал Хэвок, поднимая голову. — Я сдаюсь. Я останусь холостяком до конца своих дней. Это легче, чем снова проходить через такие унижения. Я буду один, и мне будет хорошо.

И он ушёл, понурив голову, оставляя нас в коридоре.

К вечеру я почти забыл о похождениях Хэвока — слишком много других забот крутилось в голове. Тайна склада №13 не давала мне покоя. Что, если это действительно связано с гомункулами? Что, если они используют этот склад для своих экспериментов? Я должен был выяснить это.

Но когда Фалман и Фьюри вбежали в штаб с бледными лицами, я понял, что сейчас будет продолжение.

— Мы видели его! — воскликнул Фалман. — Тринадцатый склад! Он стоит на месте старого

склада, который был снесён пять лет назад! Мы своими глазами видели, как он появился из ниоткуда!

— И оттуда доносились странные звуки, — добавил Фьюри. — Будто кто-то копал землю. Или… что-то другое. Мы не могли разобрать.

Мустанг, услышав их слова, поднялся из-за стола.

— Хватит паники, — сказал он. — Сегодня ночью мы проведём проверку. Я лично хочу посмотреть на этот таинственный склад.

Ночью мы собрались у главных ворот. Мустанг стоял во главе группы. Хоукай держала пистолет наготове. Хэвок, который всё ещё был подавлен после встречи с Кэтрин, стоял позади с отсутствующим видом, но даже он понимал, что это важно. Рядом с ним стояли Фалман, Бреда и Фьюри.

— Мы идём к складу, — сказал Мустанг. — Держитесь вместе и не разбредайтесь. Если это ловушка, мы должны быть готовы.

Ночь была тёмной, и лишь луна освещала дорогу. Ветер дул с востока, и я чувствовал, как холод проникает под одежду. Когда мы подошли к складу, я сразу понял, что это место выглядит зловеще. Тёмные стены, ржавая крыша, запертая дверь. На двери красовалась цифра «13», нанесённая свежей краской.

— Кто-то явно постарался, чтобы напугать солдат, — сказал я.

— Или чтобы отвлечь наше внимание от чего-то другого, — добавила Лира, и я заметил, как её фиолетовые глаза внимательно сканируют окрестности.

Мустанг толкнул дверь. Она со скрипом открылась. Внутри было темно, пахло сыростью и пылью. Мы

вошли внутрь, и наши шаги эхом разнеслись по пустому помещению.

В центре склада я заметил свежевскопанную землю. Она была влажной, и я чувствовал, как от неё исходит холод. Это было странно — в Централе не было дождей уже несколько дней, а земля казалась мокрой, словно её только что полили.

— Здесь что-то зарыто, — сказал я, опускаясь на корточки.

— Может быть, это труп? — прошептал Фалман.

— Или клад, — мрачно пошутил Хэвок, но в его голосе не было веселья. Он тоже чувствовал, что это место непростое.

— Или что-то связанное с алхимией, — добавил я. — Я чувствую остаточную энергию. Кто-то использовал здесь трансмутацию.

— Мы раскопаем это завтра утром, — сказал Мустанг. — А сейчас — возвращаемся в штаб. Нужно подготовиться.

На следующее утро мы снова собрались у склада. Солнце уже поднялось, разгоняя ночную тьму. Мы начали копать. Земля была мягкой, и через несколько минут я наткнулся на что-то твёрдое.

— Здесь что-то есть, — сказал я, вытаскивая находку.

Это были кости. Не человеческие — слишком маленькие и неправильной формы.

— Кости животных, — сказал я, рассматривая их. — Но зачем их закапывать здесь?

— Кто-то зарыл здесь мёртвое животное? — спросил Хэвок, нахмурившись.

В этот момент из-за угла выбежал Чёрный Хайятэ, пёс Хоукай. Он подбежал к яме и начал радостно лаять, размахивая хвостом.

— Чёрный Хайятэ! — крикнула Хоукай. — Что ты здесь делаешь?

Пёс заскулил и начал выкапывать из ямы кости, которые мы только что нашли. Он схватил одну из них в зубы и побежал прочь, счастливо виляя хвостом.

Мы все замерли. Фалман медленно повернулся к Фьюри.

— Ты хочешь сказать… что таинственный тринадцатый склад, все эти слухи о призраках, ночные звуки — это просто пёс?

— Похоже на то, — ответил Фьюри, и его голос дрожал от сдерживаемого смеха.

— Но кто тогда написал «13» на двери? — спросил я.

— Может быть, местные мальчишки, — предположила Лира. — Или кто-то хотел подшутить над солдатами.

Мустанг смотрел на убегающего пса, и на его лице появилось выражение, которое я ещё никогда не видел — смесь раздражения, изумления и едва сдерживаемого смеха. Он закрыл лицо рукой и вздохнул так тяжело, будто нёс на себе весь мир.

— Мы потратили на это целую ночь, — сказал он. — Мы подняли по тревоге весь штаб. И всё это — из-за собаки, которая прятала кости.

Хэвок не выдержал. Он расхохотался так громко, что эхо разнеслось по всему складу. Это был первый раз,

когда я видел его таким весёлым после неудачи с Кэтрин.

— Мы искали убийцу, а нашли собачьи игрушки! — воскликнул он. — Это же гениально! Кто бы мог подумать?

Его смех был заразительным. Фалман, Бреда и Фьюри тоже начали смеяться. Даже Хоукай не смогла сдержать улыбку, глядя на своего пса, который с гордостью нёс свою кость в зубах.

Я стоял и смотрел на это. Ал улыбнулся, Лира прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться слишком громко. В этот момент я понял, что мы слишком много времени проводим в поисках серьёзных ответов и забываем о том, что жизнь иногда подкидывает нам такие глупые, но такие нужные поводы для смеха.

Мустанг повернулся и пошёл обратно в штаб, тихо бормоча что-то о «бесполезной трате времени». Но я заметил, что даже он не смог полностью скрыть улыбку.

Вечером я нашёл Хэвока на крыше штаба. Он сидел на краю, глядя на закат. В руке он держал бутылку воды, но не пил — просто смотрел на горизонт.

— Ты как? — спросил я, садясь рядом.

— Лучше, — ответил он. — Смех помог. Знаешь, когда мы копали этот склад, я понял одну вещь.

— Какую?

— Я слишком серьёзно отношусь к своей личной жизни, — сказал он. — А жизнь — она просто есть. Иногда смешная, иногда грустная, иногда бессмысленная. Как этот склад с собачьими костями.

— Мудрые слова, — сказал я.

— Не смейся, — сказал он, но в его голосе не было злости. — Может быть, я не гениальный алхимик, как ты, но я умею делать выводы.

— Это уже много, — сказал я.

Мы сидели в тишине, глядя на закат. Ветер дул с востока, и я чувствовал, как холод постепенно уходит.

— Знаешь, Элрик, — сказал Хэвок, — я рад, что ты здесь. Ты хороший друг.

— Я тоже рад, что ты здесь, Хэвок, — ответил я. — Даже если ты иногда ведёшь себя как подросток.

— Эй! — возмутился он, но я видел, что он улыбается.

Позже, когда Хэвок ушёл, я остался на крыше один. Смотрел на звёзды и думал о том, что произошло за этот день. Мы смеялись над глупым складом. Мы пережили неудачу Хэвока в любви. Мы нашли ответ на тайну, которую искали. И в этом было что-то важное.

— Брат, — раздался голос Ала за спиной. — Ты не замёрз?

— Нет, — ответил я. — Просто думаю.

Он сел рядом. Мы сидели в тишине, глядя на ночное небо.

— Мы слишком много ищем ответы на серьёзные вопросы, — сказал я. — А иногда ответ лежит на поверхности.

— Или под землёй, — улыбнулся Ал. — Вместе с собачьими костями.

Я усмехнулся.

— Да, — сказал я. — Иногда нужно просто посмеяться и двигаться дальше.

— Как Хэвок?

— Как Хэвок.

Мы сидели и смотрели на звёзды. Я знал, что впереди нас ждут новые испытания — Ишвар, Шрам, гомункулы. Но сейчас я мог просто быть здесь, с братом, и чувствовать, что мы справимся.

Мустанг стоял у окна в своём кабинете и смотрел на ночной город. Хоукай сидела за столом и заполняла бумаги.

— Полковник, — сказала она, не поднимая глаз. — Вы действительно думали, что на складе есть что-то серьёзное?

— Я думал, что это может быть связано с нашими врагами, — ответил он. — Но, похоже, иногда враги бывают меньше, чем мы думаем.

— Четыре лапы и хвост, — сказала Хоукай, и в её голосе послышалась лёгкая улыбка.

— Именно, — ответил Мустанг и покачал головой.

Через несколько минут в кабинет постучали. Вошёл Хэвок, держа в руках бумаги.

— Полковник, — сказал он. — Я принёс отчёт по вчерашней операции.

— Оставь на столе, — сказал Мустанг, не оборачиваясь.

Хэвок положил бумаги и уже собрался уходить, но остановился.

— Полковник, — сказал он. — Я хочу извиниться за своё поведение. Я слишком много внимания уделял личным проблемам и забывал о работе.

Мустанг повернулся и посмотрел на него.

— Ты хороший солдат, Хэвок. Не позволяй мелочам мешать тебе.

— Постараюсь, — ответил Хэвок.

Он вышел из кабинета. В коридоре он столкнулся с Фалманом.

— Всё хорошо? — спросил Фалман.

— Да, — ответил Хэвок. — Всё хорошо. Жизнь продолжается.

Они пошли вместе по коридору, оставляя позади тайну тринадцатого склада и неудачное свидание с Кэтрин. Впереди их ждали новые дни, новые задачи и, возможно, новые неудачи. Но сегодня они могли просто дышать.

А мы с Алом и Лирой сидели в нашей комнате и перебирали записи Марко. Синий камень лежал у меня в кармане, и я знал, что завтра нас снова ждёт дорога — в Ишвар, к Шраму, к разгадке тайны гомункулов. Но сегодняшний день был хорошим. Сегодня мы просто были вместе — и этого было достаточно.

Глава 37. Вниз по течению реки

Утро в Централе встретило нас серым, хмурым небом и мелким моросящим дождём. Мы стояли у ворот ведомственной гостиницы, собирая свои немногочисленные вещи. Хэвок, несмотря на свою вчерашнюю неудачу с Кэтрин, пришёл проводить нас. Он выглядел уставшим, но в его глазах больше не было той безнадёжной тоски, что я видел раньше.

— Вы уверены, что не хотите остаться ещё на пару дней? — спросил он, пряча руки в карманы. — Мустанг говорил, что у него есть для вас новое задание.

— Мы не можем, Хэвок, — ответил я, поправляя лямку рюкзака. — Нам нужно найти Шрама. Время уходит.

— Шрам… — Хэвок покачал головой. — Будьте осторожны с ним. Он опасен.

— Мы знаем, — сказал Ал, подходя ближе. — Но он — единственный, кто может помочь нам.

Майор Хьюз, который пришёл проводить нас вместе с Грейсией и маленькой Элисией, обнял нас по очереди. Его лицо было серьёзным, но в глазах теплилась надежда.

— Я буду держать вас в курсе событий в Централе, — сказал он. — Если что-то изменится, я дам знать. Берегите себя, парни.

— Спасибо, майор, — ответил я. — И берегите свою семью.

Мы попрощались и направились к воротам, где нас ждала Мартел. Она стояла у своего мотоцикла, её длинные тёмные волосы развевались на ветру. Она была спокойна и сосредоточена, готовая к долгой дороге.

— Мы едем на юг, — сказал я, садясь в коляску. — В сторону Ишвара.

— Я знаю, — ответила Мартел. — Я слышала разговоры в городе. Шрам скрывается в пустыне. Но путь будет долгим.

Мы двинулись в путь. Мотоцикл Мартел нёсся по каменистой дороге, и я чувствовал, как ветер дует в лицо, унося прочь запахи Централа. Мы оставляли позади столицу с её интригами, тайнами и глупыми историями о тринадцатом складе. Впереди нас ждала пустыня, Ишвар и Шрам.

Но через несколько часов пути случилось то, чего я не ожидал. Скрежет разрываемого металла и глухой, удушливый хлопок лопнувшего поршня оборвали мерное, монотонное ворчание дизельного двигателя. Трактор, который мы с таким трудом раздобыли на задворках привокзального депо перед нашим поспешным бегством из Централа, судорожно дернулся всем своим грузным корпусом. Из-под помятого радиатора мгновенно вырвался густой, маслянистый шлейф чёрного дыма.

— Чёрт! — выругался я, вцепившись в поручни. — Только этого нам не хватало!

Машину повело в сторону. Тяжёлое переднее колесо на полной скорости врезалось в массивный придорожный валун. От сильного удара меня буквально выбросило из жёсткого сиденья. Я кубарем полетел по сухой, растрескавшейся глине, собирая спиной всю придорожную пыль и жёсткую колючую траву.

— Эд! — панический, сорвавшийся на хрип крик Альфонса заставил меня резко замереть, зажмурившись от боли.

Я медленно, со стоном поднялся на колени, отплёвываясь от едкой пыли. Каждое движение отзывалось тупой, изнуряющей болью в правом плече — фальшивый металлический экзоскелет, который так тщательно перебрал старый кузнец Доминик в горах Раш-Вэлли, от сильного удара неприятно сместился. Полые титановые пластины и поршни, создающие для окружающих военных иллюзию тяжёлой автоброни, сейчас жёстко врезались в мою настоящую, абсолютно целую и здоровую плоть. Мне приходилось тратить колоссальные ментальные силы, чтобы удержать этот маскировочный каркас и симулировать скованность движений раненого калеки. Если патрули внутренней охраны Брэдли, прочёсывающие южные магистрали, увидят под сталью здоровую руку — вся наша легенда о чуде человеческой трансмутации рухнет в ту же секунду.

— Я в порядке, Ал… Плоть цела, — процедил я сквозь зубы, левой рукой поправляя согнувшийся наплечник. Металл экзоскелета ответил натужным, предупредительным скрежетом клапанов, выпустив короткую струю горячего пара.

Трактор замер у обочины, лениво догорая и испуская зловонный запах пережжённого мазута и раскалённого кокса. Мы находились в глубоких, пустынных предгорьях, на полпути между Централом и иссушенными южными провинциями. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась безжизненная серая степь, переходящая у горизонта в мрачные, давящие силуэты скалистых каньонов.

— Отлично. Просто великолепно, — я в сердцах пнул тяжёлый сапог трактора, отчего титановая пластина на моей правой ноге противно лязгнула. — Мы не проехали и трети пути к границам Ишвара, а эта развалюха решила окончательно испустить дух.

Лира медленно поднялась с задней скамьи коляски, торопливо отряхивая свой дорожный плащ от копоти. Её чёрное каре растрепалось от ветра, а фиолетовые глаза сосредоточенно осматривали пустынную дорогу. Она крепче прижала к груди свою походную сумку. Я знал, что там, среди её скромных вещей, надёжно спрятаны три наших новых, идеально гладких Синих Камня — чистые источники лазурной энергии, которые мы синтезировали на руинах Пятой лаборатории, перестроив кровавый круг Марко.

Мартел заглушила свой мотоцикл и подошла к нам. Её лицо было спокойным, но я заметил, как её глаза внимательно сканируют горизонт. За время нашего совместного пути она стала надёжным союзником — её знание южных земель и связей с подпольем не раз выручало нас. Она была химерой, но теперь, когда Жадность стал человеком, она искала свой собственный путь. И этот путь вёл её с нами.

— Нам нельзя оставаться на этой обочине, Эдвард, — тихо, но очень твёрдо произнесла она, и её чистый голос заставил меня внутренне подобраться. — Военные патрули генерала Арчера прочёсывают все крупные тракты. Если нас зажмут на открытом пространстве, три Синих Камня в моей сумке не спасут нас от артиллерийского обстрела. Нужно уходить к реке. Я видела на карте, что в низине каньона есть старое русло.

Я залез во внутренний карман куртки, нащупывая наш первородный Синий Камень. Кристалл, когда-то оставленный отцом в тайнике, после Лиора заметно уменьшился, зафиксировавшись на отметке в **23 миллиметра**. Его лазурное тепло пульсировало слабо, прерывисто, словно живое угасающее сердце. Время безжалостно уходило. Мы уже использовали его для превращения Жадности в человека, и каждый миллиметр, каждая трещинка на его поверхности напоминали мне о том, что ресурс не бесконечен.

Если мы не найдём способ восполнить его энергию до того, как камень иссякнет, мы потеряем нашу главную защиту — и маму, и всех, кого мы любили.

— Мартел права, брат, — Ал закинул рюкзак на свои широкие плечи, его перевязанные белыми медицинскими бинтами пальцы плотно сжали лямки. После нашего тяжёлого разговора под госпитальным ливнем в его взгляде больше не было экзистенциального страха — он точно знал, что его душа настоящая. — Идти пешком через плато самоубийство. Спустимся к воде. Там может быть рабочая переправа или лодка местных рыбаков.

Мартел кивнула и, не говоря ни слова, направилась к мотоциклу. Мы оставили дымящиеся обломки трактора у придорожного камня и медленно, стараясь держаться в тени скалистых выступов, начали затяжной спуск вглубь каньона, навстречу глухому, рокочущему шуму бурной южной реки.

— Знаешь, — сказал я, когда мы шли по каменистому склону, — я думал, что после Централа и этой истории со складом мы хотя бы немного передохнём. Но нет, судьба решила иначе.

— Ты всегда ворчишь, когда устаёшь, — улыбнулся Ал. — Это значит, что ты на верном пути.

Я хмыкнул, но ничего не ответил. Ветер дул в лицо, и я чувствовал, как где-то в груди закипает привычная решимость. Мы потеряли трактор, но у нас были ноги, голова и, самое главное, цель. Мы должны были найти Шрама, прежде чем это сделают гомункулы.

К вечеру предгорья окончательно погрузились в густые, холодные сумерки. Воздух в ущелье стал

влажным, тяжёлым, насквозь пропитанным резким запахом речной тины, мокрого гранита и гниющих водорослей. Река, к которой мы вышли, оказалась широкой, полноводной артерией, чья мутная, маслянистая вода с тихим рокотом разбивалась о ржавые остовы старых барж, брошенных здесь ещё со времён Ишварской войны.

Мы остановились на ночлег в заброшенной, покосившейся рыбацкой хижине на самом берегу. Внутри пахло сыростью, солью и старыми сетями. Я сел на перевёрнутый деревянный ящик, бессильно откинув голову назад и слушая, как капли затяжного дождя начинают монотонно барабанить по дырявой черепичной крыше. Мысли метались в голове как безумные.

— Эд, — тихий, но натянутый как струна голос Альфонса заставил меня резко открыть глаза. Он стоял у приоткрытой двери, глядя на тёмную воду. — Зачем мы на самом деле идём в Ишвар?

Я нахмурился, чувствуя, как внутри снова просыпается застарелое раздражение.

— Ты прекрасно знаешь зачем, Ал. Мы ищем Шрама. Он — единственный, кто выкрал секретные отчёты Марко из библиотеки до пожара. Он знает структуру Философского камня, и он продолжает уничтожать Государственных алхимиков по всей стране. Если мы не остановим его, он превратит южные провинции в новую бойню.

— Шрам — ишварец, Эд! — Ал резко повернулся ко мне, и в его карих глазах отразились тусклые отсветы нашей керосиновой лампы. Его голос дрожал от сдерживаемых эмоций. — Его народ был безжалостно, тотально истреблён Государственной армией Аместриса. Наших Синих Камней, которые Лира носит в сумке, осталось всего три. Наш

собственный катализатор уменьшился до двадцати трёх миллиметров! Каждое применение лазурита приближает нас к моменту, когда он полностью иссякнет, оставив маму Тришу в Ризенбурге без защиты! Мы должны тратить это драгоценное время на поиски формулы восполнения энергии камня, на архивы отца, а не лезть в чужую войну ради министерства, которое объявило нас дезертирами!

— В чужую войну?! — я резко вскочил с места, и поршни моего экзоскелета на правой руке издали резкий, зловещий металлический клик. — Шрам убивает людей, Ал! Невинных алхимиков, у которых есть семьи, такие же как Винри или Пинако! И если у нас есть сила, способная разорвать этот круг декомпозиции и спасти человеческие жизни, мы обязаны вмешаться! Это не приказы Мустанга, это наш собственный выбор! Я не могу просто трусливо сидеть в кустах и ждать, пока Синий Камень иссякнет, зная, что за углом режут людей!

— Ты никогда не думаешь о последствиях! — крикнул Ал в ответ, делая шаг вперёд, его широкие плечи судорожно вздрагивали. — Ты всегда просто слепо бросаешься вперёд, ведомый своей импульсивностью! Ты думаешь, что если ты стал «Стальным алхимиком» и получил эти серебряные часы, то ты обязан отвечать за весь мир?! Но ты не бог, Эд! Ты всего лишь тринадцатилетний мальчишка, который совершил страшный грех в подвале нашего дома! И если из-за твоей очередной «праведной» погони за Шрамом мы потеряем маму… я никогда, слышишь, никогда тебя не прощу!

Слова брата ударили меня под дых сильнее, чем когти Похоти в лаборатории. Вся моя былая уверенность в секунду испарилась, уступив место удушающей, липкой вине. Я открыл рот, чтобы что-то крикнуть, возразить, но воздух словно застрял в лёгких.

Лира решительно встала между нами, её фиолетовые глаза гневно сверкнули в полумраке хижины. Она уперла руки в бока, заставляя нас обоих отшатнуться.

— Прекратите это безумие! Оба! Вы — братья Элрики! Единственные, кто смог преодолеть барьер Врат Истины ради любви к матери! Вы выстояли против гомункулов, вы вернули Жадности человеческое лицо! И теперь вы готовы разорвать друг друга на куски из-за страха перед будущим?! Мы — лазурная команда, и если мы разделимся сейчас, Данте поодиночке сотрёт нас в порошок. Ал, выйди на улицу, подыши воздухом. Эд, успокойся.

Альфонс тяжело вздохнул, его губы дрожали. Не проронив больше ни слова, он резко развернулся, толкнул хлипкую деревянную дверь и бесшумно скрылся в сырой ночной темноте у реки. Лира бросила на меня короткий, полный сострадания взгляд и решительно направилась вслед за ним.

Мартел, до этого молча сидевшая в углу, подняла голову и посмотрела на меня. В её глазах не было осуждения — только усталая мудрость человека, который видел слишком много.

— Он боится за тебя, Эдвард, — тихо сказала она. — И за мать. Вы оба боитесь. Но вы не должны позволять страху разрушать то, что вы построили.

Я остался стоять один посреди пустой хижины, слушая, как капли дождя мерно стекают по моим стальным пластинам, оставляя на холодном железе тёмные дорожки.

Ночь полностью поглотила ущелье, когда я медленно вышел из хижины на галечный берег реки. Дождь

почти прекратился, и полная луна ярко светила сквозь рваные тучи, серебря мутные, маслянистые волны. Я тяжело хромал на левую ногу — экзоскелет без должной смазки поршней противно скрипел при каждом шаге, но я упрямо шёл вперёд по влажному песку, ориентируясь на тихий шорох прибрежной гальки.

Я знал, где искать брата. Ещё в самом раннем детстве в Ризенбурге, когда мы ссорились из-за сломанных игрушек или невымытой посуды, Ал всегда уходил к реке. Он мог часами сидеть на берегу, молча глядя на воду, пока обида внутри него полностью не утихала.

Я нашёл его у старой полузатопленной деревянной пристани. Ал сидел на корточках прямо у самой кромки воды, его перевязанные бинтами пальцы аккуратно, методично перебирали влажную глину. Рядом с ним на песке уже стояла маленькая, искусно слепленная фигурка грациозного льва — точно такого же, каких он лепил в детстве из ризенбургской земли. Лира тихо сидела на краю дощатого настила чуть позади него, бережно положив ладонь на его широкое плечо. Её присутствие успокаивало его, и я видел, как его дыхание выравнивается.

— Ты совершенно не изменился, Ал, — тихо сказал я, останавливаясь в нескольких шагах от них. — Всё та же старая привычка — лепить львов у зыбучей воды.

Альфонс не повернул головы, продолжая аккуратно выравнивать глиняную гриву фигурки.

— Я помню тот день, Эд, — негромко, с глубокой тоской в голосе произнес он. — Мне было лет шесть. Ты случайно разбил мамину любимую фарфоровую тарелку в кладовой, испугался её гнева и свалил всю вину на меня. Я разозлился, ушёл к реке и сидел

здесь до самых сумерек, лепя точно такого же льва. А потом пришёл ты. Ты принёс мне половину своего яблочного пирога, сел рядом и сказал, что сломал тарелку не нарочно, а просто испугался. И что ты никогда больше не будешь врать мне.

Я почувствовал, как горячие слёзы обжигают мне глаза, смешиваясь с каплями ночной влаги. Я подошёл ближе и опустился на колени прямо в мокрый песок рядом с ним, полностью наплевав на сохранность шарниров экзоскелета.

— Ал… Прости меня, — мой голос сорвался на сдавленный хрип. — Прости меня за моё упрямство. Ты абсолютно прав. Я бываю невыносимо импульсивным, самоуверенным и часто бегу вперёд, не глядя по сторонам. Но я делаю это не потому, что мне плевать на маму или на тебя. Наоборот, Ал. Я до смерти боюсь. Каждый раз, когда я вижу этот Синий Камень в своей руке, я боюсь, что проснусь утром, а этот лазурный свет окончательно угас, и вся наша жизнь снова превратится в тот кошмар. Мой бег вперёд, моя попытка остановить Шрама и гомункулов — это просто дурацкий способ доказать самому себе, что мы ещё можем контролировать эту ситуацию. Что мы можем защитить наш дом.

Ал наконец перестал перебирать глину. Он медленно повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде больше не было прежней обиды — только безграничная, чистая братская любовь, которая связывала нас крепче любых алхимических кругов.

— Мы — братья Элрики, Эд, — тихо, но очень уверенно сказал он, и его перевязанная бинтами рука легла на мой стальной наплечник. — Мы совершили невозможное вместе. И мы пройдём этот путь до самого конца тоже вместе. Больше никаких секретов друг от друга.

Лира тепло, лучезарно улыбнулась, глядя на наше примирение, и её фиолетовые глаза блеснули в лунном свете. Она осторожно поднялась с настила и села между нами, протягивая свои ладони к костру.

— Ну вот и отлично, — прошептала она. — Наша лазурная команда снова в сборе. А теперь, мальчики, посмотрите на реку. Вы ничего не замечаете?

Я оторвал взгляд от песка и внимательно всмотрелся в мутную гладь. Речное течение, до этого бурно рокотавшее в каньоне, здесь, у излучины, странно изменилось. Вода была неестественно спокойной, маслянистой, словно её движение искусственно сдерживал какой-то колоссальный невидимый барьер. На поверхности медленно кружились хлопья серой алхимической извести, а из темноты нижнего плеса доносился странный, едва различимый гул, похожий на вибрацию высоковольтных кабелей.

Наш Синий Камень в моём кармане внезапно ответил на этот гул — он коротко, предупреждающе вспыхнул лазурным светом прямо сквозь ткань жилета.

— Течение реки полностью заблокировано ниже по течению, примерно в паре километров отсюда, — раздался из темноты прибрежных кустов низкий, хриплый и до боли знакомый голос.

Мы мгновенно подскочили на ноги. Я выставил левую руку вперёд, а поршни моего экзоскелета на правой руке натужно скрипнули, выдвигая скрытый клинок. Из чернильной тьмы раскидистых ив на галечный берег медленно, бесшумным призраком вышла высокая фигура. Мужчина до самого подбородка закутался в свой разорванный дорожный плащ, но знаменитый шрам в виде креста на бледном лбу и тяжёлый, немигающий взгляд красных ишварских глаз выдавали его с поличным. Это был Шрам.

Лира инстинктивно отступила на шаг, её рука сама потянулась к сумке с Синими Камнями, но Альфонс мягко придержал её за плечо, показывая, что прямой угрозы нет. Шрам остановился в пяти шагах от нас, намертво скрестив руки на груди. Его правая рука, сплошь покрытая зловещими татуировками декомпозиции материи, тускло пульсировала в лунном свете.

— Шрам? — я удивлённо опустил клинок. — Что ты здесь делаешь? Какого чёрта ты бродишь в этих предгорьях, когда Мустанг и патрули Арчера перекрыли все южные тракты?

— Я ищу своего брата Якоба, Эдвард Элрик, — ледяным, бесстрастным тоном ответил он, и его взгляд скользнул по моим Государственным часам на поясе. — Мои источники в лагерях беженцев сообщили, что карательные отряды Кимбли тайно вывезли группу выживших ишварских учёных из Центральной тюрьмы именно в этот южный сектор. Я шёл по их багровому следу, пока не наткнулся на эту аномалию на реке. Военные развернули внизу по течению временный фильтрационный лагерь. Они используют подземные шлюзы старой гидроэлектростанции, чтобы задерживать воду и проводить какие-то запретные алхимические опыты над людьми. Жители окрестных деревень пропадают один за другим. По ночам над заводоуправлением разносится жуткий, механический гул.

— Эксперименты с Красной водой… — Ал побледнел, переглянувшись со мной. — Точно такие же, как в Ксенотайме и Пятой лаборатории. Они продолжают синтезировать Философский камень, используя людей как расходный материал.

— Именно, — Шрам сделал шаг вперёд, и в его красных глазах полыхнул холодный огонь праведного гнева. — Военная машина Аместриса не знает

жалости. Они выжигают этот регион ради своей выгоды. Я намерен штурмовать их фильтрационный лагерь этой ночью, уничтожить шлюзы и освободить выживших ишварцев. Если вы действительно ищете чистый путь, как утверждали в поезде, — вы пойдёте со мной. Если ваши серебряные часы обязывают вас защищать эту грязную систему — становитесь в круг, и моя правая рука не пощадит вас.

Я посмотрел на Ала, затем на Лиру. В её фиолетовых глазах горела та же самая решимость помочь невинным, которую мы обрели в Акуройе. Наш Синий Камень в кармане пульсировал теплом, требуя действия.

— Мы не служим Брэдли, Шрам, — твёрдо сказал я, пряча руки под плащ. — И мы не позволим им продолжать эту бойню. Мы пойдём с тобой. Мы уничтожим их алхимическую матрицу и выведем людей. Но наше условие остаётся прежним — никакого бессмысленного убийства конвойных. Мы спасаем жизни, а не отнимаем их.

Шрам долго, мучительно пристально всматривался в моё лицо из-под капюшона. Наконец он глухо хмыкнул, развернулся и стремительным, бесшумным шагом направился вниз по течению реки, скрываясь в прибрежном тумане. Наша невозможная лазурная команда — братья Элрики, Лира, Мартел и беглый ишварский каратель — начала свой прорыв к тайному логову военных, готовая к первому масштабному столкновению с истинным кошмаром этой страны.

Глава 38. Секрет Ишвара

Часть 1. Багровый туман Кишуа

Каменистая тропа, петляющая вдоль обмелевшего, илистого русла реки, вывела нашу немногочисленную группу к окраине провинции Кишуа. Земля здесь была мёртвой — серая, растрескавшаяся от безжалостного южного солнца глина, сплошь покрытая слоем едкой известковой пыли и чёрной копоти, которая не выветрилась отсюда за семь долгих лет, прошедших со времён Гражданской войны. Вокруг высились обугленные, оплавленные алхимическим пламенем остовы старых кирпичных зданий, чьи пустые глазницы окон зловеще смотрели на наше появление.

Воздух в низине каньона был сухим, горячим, пропитанным резким запахом серы, ржавого железа и застоявшейся болотной химии. Каждое движение отзывалось скрипом песка на зубах. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке, натужно скрежеща согнувшимися под нагрузкой поршнями, заставлял меня ежеминутно концентрироваться на симуляции скованности движений «инвалида». Под титановыми пластинами моя плоть была полностью цела, но перед Шрамом, шедшим чуть впереди, я обязан был удерживать этот ментальный каркас.

— Мы почти на месте, — Шрам резко остановился у края каменистого обрыва, подавая нам знак замереть в густой тени разрушенной арки. — Фильтрационный лагерь министерства расположен прямо внизу, в осушенном котловане старой гидроэлектростанции.

Я осторожно выглянул из-за валуна. Зрелище, открывшееся внизу, заставило моё сердце пропустить удар. Огромный бетонный котлован был обнесён тремя рядами высокого сетчатого забора с колючей проволокой, по периметру которого высились деревянные сторожевые вышки с прожекторами. Внутри, в тесных брезентовых палатках и ржавых железных бараках, ютились сотни выживших ишварских беженцев и местных жителей,

угнанных из окрестных деревень. Солдаты в синей форме Центрального командования методично прочёсывали ряды, вытаскивая ослабевших людей наружу. Я видел их лица — испуганные, осунувшиеся, с потухшими глазами. Они уже не надеялись на спасение. Они просто ждали конца.

Но самым страшным были не конвоиры. Прямо над центральным административным корпусом, соединённым со шлюзами плотины, медленно и зловеще поднимались клубы приторного багрового пара. Из массивных стальных труб в реку под колоссальным давлением била густая, вязкая жидкость темно-красного цвета.

— Красная вода… — тихо, со сдавленным выдохом произнёс Ал, и его перевязанные белыми бинтами пальцы судорожно сжались в кулаки. — Они развернули здесь точно такие же ректификационные установки, как Шоу Такер в Централе и Мугиар в Ксенотайме. Они продолжают фильтровать яд, чтобы искусственно стимулировать энергетические всплески у военных алхимиков. Но здесь масштаб больше. Гораздо больше.

— Они делают нечто худшее, Альфонс, — раздался за нашими спинами тихий, гибкий голос, заставивший меня инстинктивно вскинуть левую руку для защиты.

Из густой тени сухих кустов, плавно перекатываясь всем телом, выскользнула Мартел. Её длинные тёмные волосы были растрёпаны, а засаленный дорожный комбинезон покрыт слоями мазута. Она тайно следовала за нами от самого Дублита на трофейном армейском мотоцикле Жадности, контролируя наши тылы. Используя свои старые каналы связи с криминальным подпольем Юга, химера смогла разузнать то, что скрывали военные рапорты.

— Мартел? — Лира удивлённо опустила руку к сумке, где надёжно покоились три наших новых Синих Камня. — Как ты здесь оказалась?

— Я не могла оставить Ала одного, — Мартел горько ухмыльнулась, присаживаясь рядом со мной на корточки и кивая в сторону котлована. — Мои ребята из южного подполья перехватили внутренние депеши конвоя. Этот лагерь курирует лично Золф Кимбли — Багровый алхимик. Он прибыл сюда два дня назад по прямому секретному приказу Фюрера Брэдли. Они привезли сюда выживших ишварских учёных из Центральной тюрьмы. Они заставляют их настраивать древние круги декомпозиции плоти Марко, используя Красную воду как катализатор. Они хотят завершить синтез полноценного Философского камня прямо здесь, в этой южной глуши, используя пленных как расходный материал. И брат Шрама, Якоб… он находится в главном бункере плотины. Его привезли в самом первом вагоне.

Шрам резко повернулся к ней, и его красные ишварские глаза вскипели диким, первозданным огнём ярости. Его правая рука, сплошь покрытая татуировками разрушения материи, судорожно пульсировала багровым светом, готовая сокрушить сам бетон плотины.

— Мой брат жив… — его голос сорвался на глухой, прерывистый рокот. — Семь лет я искал его по всей пустыне, думая, что его кости давно сгнили в ишварском песке. Я молился за него, я оплакивал его, я ненавидел себя за то, что не смог защитить его. Военные псы ответят мне за каждую секунду его страданий. Я иду вниз. Я сотру этот лагерь в порошок. Кимбли заплатит за каждую каплю крови, пролитую здесь.

— Стой, Шрам! В лоб идти — самоубийство! — я мёртвой хваткой перехватил его левое плечо,

преодолевая жёсткое сопротивление его мышц. Экзоскелет на моей руке выпустил короткую струю пара. — У них пулемёты на вышках и регулярная пехота. Если ты поднимешь тревогу раньше времени, Кимбли просто взорвёт шлюзы и затопит котлован вместе со всеми пленными, чтобы скрыть улики. Мы должны действовать скрытно. Мартел, ты сможешь пробраться через дренажные системы и отключить подачу Красной воды к автоклавам?

Химера уверенно, хищно улыбнулась, разминая пальцы:

— Для моей змеиной гибкости эти трубы — обычная прогулка, Эдвард. Я отключу давление в центральном коллекторе. Когда автоклавы начнут остывать, на установках сработает аварийная сигнализация, и конвойные побегут к генераторам. Это будет ваш шанс.

— Отлично, — я вытащил из кармана наш Синий Камень. Кристалл в 23 миллиметра мягко, ровно отозвался лазурным сиянием на моё прикосновение. — Ал, Лира — вы прикрываете эвакуацию пленных из бараков, как только начнётся суматоха. Используйте воздушный купол, чтобы отклонять траекторию пуль с вышек. Шрам — мы с тобой прорываемся напрямую в главный бункер плотины, забираем твоего брата и уничтожаем алхимическую матрицу Кимбли. Наш Синий Камень перегрузит их систему декомпозиции без единого взрыва. Прорыв начинаем через три минуты.

Часть 2. Кровавый круг плотины

Прорыв в подземные ярусы гидроэлектростанции напоминал погружение в настоящий, раскалённый ад. Едва Мартел перекрыла вентили в дренажном туннеле, как по всему комплексу завыли пронзительные, механические сирены аварийного

сброса давления. Вспышки красных сигнальных ламп окрашивали серые бетонные стены коридоров в зловещие, пульсирующие багровые тона. Конвойные солдаты в панике метались по переходам, бросая оружие и пытаясь укрыться от клубов перегретого пара, который со свистом вырывался из лопнувших распределительных щитов. Крики, звон металла, гул сирен — всё смешалось в единый какофонический шум, который давил на уши и мешал сосредоточиться.

Шрам двигался впереди меня со сверхчеловеческой скоростью, бесшумным и смертоносным вихрем пробивая заслоны внутренней стражи. Его правая рука, заряженная разрушительным импульсом алхимии Ишвара, с одного короткого прикосновения крушила стальные гермодвери и выбивала пулемётные гнёзда вместе с бетонной кладкой. Он не убивал тех, кто бросал оружие и поднимал руки — наше условие союза держалось крепко, но его ярость была осязаемой, заставляя конвойных в ужасе разбегаться по углам. Я бежал за ним, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в правом плече, но я не мог остановиться. Мы были так близко.

Мы ворвались в гигантский круглый зал турбинного отделения, расположенный на самом дне плотины, и я замер на пороге, чувствуя, как удушающий ком подступает к горлу.

Прямо в бетонном полу зала, занимая всю площадь между массивными генераторами, был вырезан колоссальный алхимический круг декомпозиции. Его глубокие линии были до краёв заполнены бурлящей, пульсирующей Красной водой. Вся эта гигантская матрица светилась неестественным, ядовитым алым блеском, от которого воздух в зале казался раскалённым и тяжёлым, пахнущим застоявшейся кровью и жжёным железом. Вдоль стен, прикованные тяжёлыми алхимическими цепями к

распределительным щитам, стояли истощённые, бледные люди — выжившие ишварские учёные. Они едва держались на ногах от голода и истощения. Я видел их глаза — в них не было надежды, только тупая покорность судьбе. Но среди них я заметил одного, который смотрел на нас с удивлением и страхом. Это был Якоб.

А в самом центре этого багрового контура, на возвышении, лениво покачивая в пальцах блестящим Философским камнем и безумно, дико ухмыляясь, стоял Золф Дж. Кимбли. Его белый гражданский костюм казался ослепительно ярким в отсветах алого блеска, а глаза горели фанатичным, пугающим огнём безумца, который слишком долго ждал момента, чтобы снова нести разрушение.

— Надо же, какая трогательная, предсказуемая семейная встреча! — его визгливый голос эхом разнёсся по залу, перекрывая гул турбин. — Шрам, ты всё-таки пришёл за своим драгоценным братом. И привёл с собой нашего маленького Государственного сопляка со своими лазурными игрушками. Фюрер Брэдли был прав — вы сами прибежите в этот капкан.

Я посмотрел на распределительный щит в углу зала. Там, без сил повиснув на цепях, находился седовласый, сильно исхудавший ишварец. Его лицо было покрыто суровыми морщинами, а глаза — глубокие, полные невыносимой боли — мучительно долго всматривались в фигуру Шрама. Это был Якоб. Брат Шрама, которого тот искал долгих семь лет.

— Якоб... — Шрам сделал два медленных, тяжёлых шага вперёд по мокрому бетону. Его голос сорвался на глухой, прерывистый шёпот. — Я нашёл тебя, брат. Прости меня, что я так долго искал. Прости, что не смог защитить тебя раньше.

— Шрам… Уходи… — прерывисто, с трудом выдавливая из себя слова, прошептал Якоб, и из его уголка губ потекла тонкая струйка крови. — Это ловушка… Кимбли полностью настроил круг декомпозиции плоти… Если вы пересечёте внешнюю линию, матрица замкнётся, и все мы станем материалом для его камня… Уходи, спасай людей… Не дай ему использовать меня против тебя. Я уже потерял всё, но ты должен жить.

— Никто отсюда не уйдёт живым, ишварские крысы! — Кимбли безумно расхохотался, резко соединяя ладони. На его ладонях были вытатуированы зеркальные алхимические символы солнца и луны. — Эта матрица требует завершения! Семь тысяч душ регулярных корпусов на Юге уже готовы к зачистке, и ваш лагерь станет идеальным финальным топливом! Хлопок — и всё закончится! Твой брат станет частью моего величайшего творения, Шрам! Он будет жить вечно в моём камне!

Он занёс руки для сокрушительного удара по плите, намереваясь активировать круг и запустить необратимую реакцию декомпозиции. Я видел, как его пальцы дрожат от предвкушения, как его глаза горят безумным светом. Времени не было.

Я понимал, что у меня есть всего одна, ничтожная доля секунды. Если Кимбли успеет прижать ладони к полу, багровая волна декомпозиции плоти сотрёт в порошок и Якоба, и всех пленных учёных у стен, превратив их в кровавое месиво. Времени на черчение кругов или тактические манёвры не было вообще. Я должен был действовать на пределе своих возможностей.

Я резко, с громким хлопком соединил ладони и со всей силы бросился вперёд, совершая глубокий кувырок по мокрому бетону. Поршни моего экзоскелета на правой руке натужно взвыли

внутренними клапанами, с шипением выпустив струю горячего пара от колоссальной механической нагрузки. Я припечатал левую, живую ладонь прямо к центральной стальной распределительной плите алхимического круга за долю секунды до того, как Кимбли успел опустить руки.

Моя воля яростным, неукротимым лазурным потоком ворвалась в древнюю багровую матрицу Марко. Используя свой уникальный дар Врат Истины, который позволял мне видеть структуру материи без чертежей, я начал лихорадочно перестраивать молекулярные связи всей энергосистемы плотины. Я не собирался уничтожать бетон или взрывать генераторы. Я выхватил из кармана наш Синий Камень в 23 миллиметра и силой своей мысли намертво замкнул линии круга на формулу лазурного источника моего отца.

Свет вспыхнул — ослепительный, лазурный, чистый. Он залил весь зал, пробивая багровое марево. Я чувствовал, как энергия Врат Истины течёт через меня, перестраивая структуру круга, стирая его кровожадные линии и заменяя их новыми, чистыми. Кимбли закричал, пытаясь удержать контроль, но его алхимия была слабее. Багровый свет начал тускнеть, уступая место лазурному сиянию.

— Что ты делаешь, проклятый мальчишка?! — заорал Кимбли, его голос сорвался на визг. — Ты разрушишь мою работу! Ты уничтожишь мой камень!

— Я не разрушаю, — ответил я, стиснув зубы от напряжения. — Я перестраиваю. Твоя эпоха закончена, Кимбли. Философский камень не будет создан из крови невинных.

Я направил всю мощь Синего Камня в центр круга. Лазурная волна прошла по линиям матрицы, выжигая багровые соли, превращая их в чистый свет. Цепи,

державшие пленных, с лязгом упали на пол. Якоб пошатнулся, но Шрам успел подхватить его, прижимая к себе.

— Ты свободен, брат, — прошептал Шрам, и его голос дрожал от слёз. — Ты больше никогда не будешь в цепях.

Кимбли попытался атаковать, но его алхимия была бесполезна. Лазурный свет поглотил его, и он рухнул на колени, его камень выпал из рук и разбился о бетонный пол.

— Это… это невозможно… — прошептал он, глядя на свои пустые руки. — Мой камень… всё, что я создал…

— Это не твоя победа, Кимбли, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Это победа тех, кто верит, что алхимия может быть чистой.

Часть 3. Отступление Кимбли

Кимбли, обессиленный и лишённый своего камня, поднялся на ноги, шатаясь. Его лицо было бледным как мел, а в глазах больше не было прежнего безумного огня — только пустота и разочарование. Он посмотрел на нас, затем на разбитые остатки своего Философского камня, и глухо рассмеялся.

— Вы думаете, что победили? — прохрипел он, и его голос сорвался на шёпот. — Вы всего лишь отложили неизбежное. Брэдли и Данте не остановятся. Они пришлют новых карателей. Они сожгут этот лагерь дотла, как сожгли Ишвар. Вы ничего не изменили.

— Мы изменили достаточно, — сказал Ал, подходя ближе. — Ты больше не сможешь использовать людей как материал для своих камней. Твоя работа здесь закончена.

Кимбли горько усмехнулся и, шатаясь, направился к выходу. Солдаты, оставшиеся в зале, растерянно

переглядывались. Понимая, что их командир разбит, они один за другим побросали оружие и подняли руки вверх.

— Уходи, Кимбли, — сказал я. — Убирайся из этого лагеря и никогда не возвращайся. Если я увижу тебя снова, я не буду таким милосердным.

Кимбли остановился на пороге, обернулся и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты совершил ошибку, Стальной, — прошептал он. — Оставив меня в живых. Я ещё вернусь. И тогда ты заплатишь за всё.

Он вышел, и его фигура исчезла в темноте коридора. Через несколько минут мы услышали звук отъезжающей машины — Кимбли покидал лагерь. Его карательные отряды, лишившись командующего, начали поспешно отступать, бросая оборудование и оружие.

В лагере воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь редкими криками освобождённых пленных, которые выходили из бараков и оглядывались вокруг с недоверием и надеждой. Мы вывели всех людей из зала. Ал и Лира уже эвакуировали людей из бараков, и я видел, как они бегут к воротам, спасаясь от этого ада. Мартел ждала нас у входа, её лицо было бледным, но в глазах сияла гордость.

— Мы сделали это, — сказала она. — Мы спасли их.

— Да, — ответил я. — Мы сделали это.

Шрам стоял рядом с Якобом, его брат был слаб, но жив. Я видел, как Шрам сжимает его руку, как его лицо, наконец, смягчается после стольких лет ненависти и боли.

— Спасибо, Эдвард, — тихо сказал Шрам, и в его голосе не было прежней ненависти. — Ты спас моего брата. Ты спас мой народ. Я никогда не забуду этого.

— Мы просто сделали то, что должны были, — ответил я. — А теперь нам нужно решить, что делать дальше. Кимбли ушёл, но он предупредил, что Брэдли пришлёт новых карателей. Мы не можем оставаться здесь.

— Тогда мы идём в Централ, — сказал Шрам, и в его голосе послышалась твёрдая решимость. — Мы должны остановить их. Раз и навсегда.

Часть 4. Появление Елены

В этот момент, когда мы стояли у ворот лагеря, обсуждая дальнейшие планы, на пыльную дорогу, ведущую к котловану, медленно выехала изящная крытая повозка, запряжённая парой сильных лошадей. Из кабины неторопливо, плавно покачивая корпусом, вышла женщина.

Её золотистые, безупречно ухоженные волосы мягкими волнами падали на плечи, обрамляя лицо в аккуратное короткое каре, а серо-голубые глаза внимательно, с тёплой и успокаивающей улыбкой изучали нашу группу. На ней было надето простое, но элегантное фиолетовое дорожное платье. Она сделала два плавных шага навстречу нам.

— Привет, мальчики, — её бархатный голос прозвучал удивительно мягко, наполняя прохладный утренний воздух теплом. — Меня зовут Елена. Я знала, что найду вас в этих южных провинциях. Я слышала от беженцев на переправе, что карательные отряды Кимбли атаковали этот лагерь. Я приехала, чтобы помочь вам добраться до безопасного места. Я слышала, что вы разыскиваете Данте.

Я инстинктивно напрягся, моя левая рука сама потянулась к карману с Синим Камнем. Эта женщина знала слишком много о наших секретных планах. Я переглянулся с Алом — в его глазах читалось то же самое беспокойство.

— Откуда вы знаете про Данте? — спросил я с глубоким подозрением, прищурившись. — И кто вы вообще такая, Елена?

Она тихо, мелодично рассмеялась, и в её серо-голубых глазах мелькнула искра глубокой, вековой мудрости, природа которой мне тогда ещё была совершенно непонятна.

— Я обычная путешественница, Эдвард, — спокойно ответила она, поправляя воротник платья. — Я много лет скитаюсь по этим землям, помогаю сиротам и беженцам, когда могу. Я много слышала о Данте от её старых учеников в Дублите. Я знаю, что гомункулы сейчас охотятся за её секретами. Если кто-то в этой стране и способен помочь вам найти её след в Централе — то это я. Доверьтесь мне, Стальной алхимик. У нас общая цель — защитить этот мир от безумия Кимбли и Брэдли.

Я смотрел на неё, и внутри меня боролись сомнения и необходимость. Её слова звучали искренне, но что-то в этой женщине вызывало у меня тревогу. Однако у нас не было времени на долгие раздумья. Кимбли ушёл, но Брэдли мог прислать новых солдат в любой момент. Нам нужна была помощь.

— Мы обсудим это, — сказал я, бросив быстрый взгляд на Шрама, который стоял неподвижно, не сводя с незнакомки своих красных глаз. — Но сначала нам нужно позаботиться о раненых.

Елена мягко улыбнулась и кивнула, словно ожидала такого ответа.

— Конечно, Эдвард. Я помогу вам. У меня есть лекарства и бинты. А потом мы поговорим о вашем пути в Централ.

Я повернулся к Шраму. Его лицо было напряжённым, но он не сказал ни слова. Я знал, что он не доверяет этой женщине, но сейчас у нас не было выбора. Мы должны были двигаться дальше.

Лагерь медленно оживал. Освобождённые пленные, обессиленные, но живые, собирались вокруг импровизированных костров. Мартел и Лира раздавали воду и сухари. Я смотрел на всё это и чувствовал, как внутри меня разливается странное, незнакомое чувство — надежда. Мы сделали это. Мы вырвали людей из лап смерти. И теперь мы должны были идти дальше.

Вдалеке, у края лагеря, стояла Елена. Она смотрела на нас, и на её лице играла лёгкая, загадочная улыбка. Я не знал тогда, что эта женщина — та самая Данте, которую мы искали. Я не знал, что она омолодилась с помощью нашего Синего Камня и теперь ведёт нас в ловушку. Я просто чувствовал, что в этой пустыне не бывает случайных встреч.

Солнце клонилось к закату, и тени становились длиннее. Ночь опускалась на лагерь, принося с собой холод и тишину. Но внутри меня горел огонь, который не мог погасить никакой холод. Мы шли вперёд. И мы не собирались останавливаться.

Глава 39. Шрам

Часть 1. Предложение помощи

На следующее утро лагерь Кишуа встретил нас серым, хмурым небом и холодным ветром, который гнал по пустынным улицам обрывки пепла и пыли. Кимбли ушёл, но его присутствие всё ещё витало в воздухе — запах гари, разбитое оборудование, пустые палатки, в которых ещё недавно держали пленных. Освобождённые ишварцы и местные жители сидели у костров, согреваясь и перешёптываясь. Они смотрели на нас с надеждой и страхом одновременно. Мы были теми, кто спас их, но мы также были алхимиками — теми, кто приносил беду.

Я стоял у ворот лагеря, прислонившись к ржавому столбу, и смотрел на дорогу, уходящую вдаль. Нам нужно было двигаться дальше. Централ ждал нас. Там мы должны были найти способ остановить гомункулов и Данте раз и навсегда.

— Ты не спишь, Стальной? — раздался голос за моей спиной.

Я обернулся. Шрам вышел из тени палатки и остановился рядом со мной. Его лицо было бледным в утреннем свете, а красные глаза смотрели куда-то вдаль. Он выглядел уставшим, но в его взгляде больше не было той слепой ненависти, которую я видел раньше. Теперь в нём читалась глубокая, спокойная решимость.

— Много мыслей, — ответил я. — Слишком много всего произошло за последние дни. Лагерь, Кимбли, твой брат... Теперь эта женщина, Елена.

— Я не доверяю ей, — прямо сказал Шрам. — Она появилась слишком вовремя. Слишком много знает. Слишком правильно говорит. Люди, которые так много говорят о помощи, обычно скрывают что-то тёмное.

— Я знаю, — кивнул я. — Но у нас нет выбора. Мы должны добраться до Централа, и если она поможет нам обойти патрули Брэдли, мы воспользуемся этим. Мы будем настороже.

Шрам молчал несколько мгновений, затем медленно повернулся ко мне. В его глазах я увидел что-то, чего раньше не замечал — уязвимость.

— Я много лет искал брата, — сказал он. — Я думал, что месть — это единственное, что держит меня в живых. Я думал, что если я уничтожу всех алхимиков, которые причастны к гибели Ишвара, то я смогу найти покой. Но теперь, когда Якоб со мной, я понимаю, что месть не принесла мне облегчения. Она только опустошила меня.

— Ты можешь начать всё сначала, — сказал я. — Ты можешь жить мирной жизнью со своим братом. Ты заслуживаешь этого.

— Может быть, — ответил Шрам, и в его голосе послышалась слабая надежда. — Но сначала я должен помочь вам остановить тех, кто уничтожил мой народ. Я пойду с вами в Централ. Я защищу вас.

Я посмотрел на него и увидел в его глазах ту же решимость, что и у меня. Мы были разными, но у нас была одна цель — остановить это безумие.

— Спасибо, Шрам, — сказал я. — Мы будем рады твоей помощи.

Часть 2. Елена и раненые

В этот момент к нам подошла Елена. Её золотистые волосы были аккуратно уложены, а на лице сияла тёплая, материнская улыбка. Она держала в руках сумку с бинтами и лекарствами.

— Доброе утро, мальчики, — сказала она, останавливаясь перед нами. — Я надеюсь, вы хорошо

отдохнули. Я видела, что в лагере много раненых. Я хочу помочь им. Вы позволите?

Я переглянулся со Шрамом. Он ничего не сказал, но я видел, как его правая рука слегка дрогнула под плащом. Он явно не доверял ей, но не мог отрицать, что помощь была нужна.

— Конечно, — ответил я. — Мы будем благодарны за вашу помощь.

Елена улыбнулась и направилась к ближайшей группе раненых. Я смотрел, как она работает — её руки двигались уверенно, точно, с опытом опытного врача. Она промывала раны, накладывала швы, давала лекарства. Её движения были настолько быстрыми и точными, что я невольно залюбовался.

— Она явно знает своё дело, — сказал Ал, подходя ко мне. — Я наблюдал за ней весь вечер. Ни одной ошибки. Она лечит так, будто делала это всю жизнь.

— Или несколько жизней, — мрачно добавил Шрам, глядя на неё с подозрением.

Я ничего не ответил. Внутри меня всё ещё было сомнение, но я не мог отрицать, что она действительно помогала людям. Это было важно.

К вечеру Елена закончила перевязку последнего раненого и вытерла руки о чистую тряпку. Она подошла к нам, и на её лице сияла та же тёплая улыбка.

— Они справятся, — сказала она. — Им нужно несколько дней отдыха, но они выживут. Теперь, мальчики, давайте поговорим о вашем пути в Централ.

Часть 3. Ночь в лагере

Мы сидели у костра в центре лагеря. Пламя отбрасывало длинные, колеблющиеся тени на стены разрушенных зданий, и я чувствовал, как усталость после долгого дня медленно отпускает меня. Елена сидела напротив, её лицо было освещено языками пламени.

— Вы так и не рассказали мне, зачем вы ищете Данте, — тихо произнесла она. — Я знаю, что она была создательницей гомункулов. Но что именно вы хотите от неё?

Я посмотрел на Ала, затем на Лиру. Мы переглянулись, и я понял, что должны сказать ей правду — или, по крайней мере, её часть.

— Мы ищем способ навсегда остановить гомункулов, — ответил я. — Данте знает, как они созданы. Она знает их слабые места. Мы хотим использовать её знания, чтобы раз и навсегда запечатать их силу.

— И вы верите, что она поможет вам? — спросила Елена, и в её голосе послышалось лёгкое сомнение. — Я слышала, что она — опасная женщина. Она может использовать вас в своих целях.

— Мы знаем, — сказал Ал. — Но у нас нет другого выбора. Мы уже нашли способ превращать гомункулов обратно в людей с помощью Синего Камня. Если мы сможем выяснить, как действует их связь с Данте, мы сможем освободить всех.

Елена задумчиво посмотрела на огонь. В её глазах на мгновение промелькнула тень чего-то, что я не мог понять — может быть, грусти, может быть, сожаления.

— Синий Камень… — повторила она, и её голос стал чуть тише. — Я слышала о нём. Говорят, он может обойти закон эквивалентного обмена. Это правда?

— Да, — ответил я. — Мы создали его сами. Он не требует жертв. Чистая энергия, которую можно использовать для созидания.

Елена надолго замолчала, глядя на огонь. Я смотрел на неё и пытался понять, что она чувствует. Её лицо было спокойным, но в глазах я видел странную, древнюю тоску.

— Я рада, что вы нашли этот путь, — сказала она наконец. — Я много лет искала способ исцелить этот мир от боли. Возможно, вы — те, кто сможет это сделать.

Шрам, сидевший чуть поодаль, мрачно усмехнулся.

— Ты слишком много говоришь о мире и исцелении, женщина, — сказал он, и в его голосе послышалась сталь. — Слишком много правильных слов. Слишком много заботы. Люди, которые так много говорят о добре, обычно скрывают что-то тёмное.

Елена подняла на него взгляд, и на её лице появилась лёгкая, понимающая улыбка.

— Ты не доверяешь мне, ишварец, — сказала она спокойно. — И ты прав. Незнакомцам не стоит доверять сразу. Но я не прошу твоего доверия. Я прошу только позволить мне помочь вам. Если я окажусь предателем — ты сможешь убить меня. Я не буду сопротивляться.

Шрам нахмурился. Её слова прозвучали настолько искренне, что даже его суровое сердце дрогнуло. Он медленно опустился на камень у костра, и его плечи слегка расслабились.

— Ты говоришь странные вещи, женщина, — сказал он. — Но, возможно, в твоих словах есть правда. Я не доверяю тебе, но я не буду мешать тебе помогать моим людям.

— Это всё, что я прошу, — кивнула Елена.

Часть 4. Разговор со Шрамом

Позже, когда огонь начал угасать, а все вокруг погрузились в сон, я вышел из палатки и сел у края лагеря. Ночь была тёплой, звёзды ярко мерцали над пустыней, и вдалеке слышался вой шакалов. Я смотрел на бескрайнее небо и думал о том, что нас ждёт впереди.

Шрам подошёл ко мне и сел рядом. Его лицо было бледным в лунном свете, а глаза смотрели куда-то вдаль.

— Ты тоже не спишь? — спросил он.

— Не могу, — ответил я. — Слишком много мыслей.

— О чём ты думаешь? — спросил он.

— О том, что будет дальше, — честно ответил я. — Мы освободили лагерь, спасли людей, но это только начало. Впереди Централ, гомункулы, Данте. Я не знаю, сможем ли мы остановить их.

— Мы сможем, — сказал Шрам, и в его голосе прозвучала твёрдая уверенность. — Я видел, как ты сражался. Ты не сдаёшься. Ты идёшь до конца. Это то, что отличает тебя от других алхимиков.

— Спасибо, — сказал я. — Это много значит для меня.

Мы сидели в тишине, глядя на звёзды. Ветер дул с востока, и я чувствовал, как он приносит запах близкой грозы.

— Знаешь, Эдвард, — сказал Шрам, нарушая тишину. — Ты изменил моё мнение о Государственных алхимиках. Я думал, что все вы — бездушные убийцы. Но ты и твой брат... вы другие. Вы используете свою силу, чтобы защищать, а не разрушать. Я уважаю это.

— Мы просто пытаемся делать правильные вещи, — ответил я. — Иногда это трудно. Но мы не сдаёмся.

— Я тоже, — сказал Шрам. — Я больше не буду убивать без необходимости. Я буду защищать. Как ты.

Часть 5. Утро и решение

На следующее утро лагерь начал готовиться к отъезду. Елена уже сидела на козлах своей повозки, держа в руках поводья. Шрам стоял рядом со мной, его лицо было сосредоточенным.

— Мы едем в Централ, — сказал я, обращаясь ко всем. — Елена знает безопасные тропы, которые уведут нас от патрулей Брэдли. Мы должны добраться до столицы, прежде чем гомункулы завершат свой план.

— Я поеду с вами, — сказал Шрам, и в его голосе не было колебаний. — Я буду защищать вас. Это мой долг.

Якоб подошёл к брату и положил руку ему на плечо.

— Ты уверен? — спросил он. — Это может быть опасно.

— Я знаю, — ответил Шрам. — Но я должен это сделать. Ради Ишвара. Ради нашего народа.

Якоб кивнул, и я видел, как в его глазах мелькнула гордость.

— Тогда я буду ждать тебя здесь, — сказал он. — Я буду охранять этот лагерь и наших людей. Мы будем надеяться на твоё возвращение.

Шрам крепко обнял брата, и я видел, как его плечи дрожат. Затем он повернулся и подошёл к повозке.

— Мы готовы, — сказал я Елене.

Она улыбнулась и взмахнула поводьями. Лошади тронулись, и повозка медленно покатилась по каменистой дороге, унося нас прочь от лагеря, в сторону Централа.

Я сидел рядом с Алом и Лирой, сжимая в кармане Синий Камень. Шрам сидел на заднем сиденье, его глаза были устремлены вдаль, а правая рука лежала на колене, готовая в любой момент отразить атаку.

— Брат, — тихо сказал Ал, наклоняясь ко мне. — Ты веришь ей?

Я посмотрел на спину Елены, на её золотистые волосы, развевающиеся на ветру. Внутри меня всё ещё было сомнение, но я знал, что у нас нет другого выбора.

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но мы должны рискнуть. Если она действительно может помочь нам найти Данте, мы не можем упустить этот шанс.

— Я буду следить за ней, — сказал Шрам, не оборачиваясь. — Если она предаст — я уничтожу её.

Елена, сидящая на козлах, едва заметно улыбнулась, услышав его слова. Её серо-голубые глаза сверкнули в лучах утреннего солнца.

— Не бойтесь, мальчики, — произнесла она тихо, почти про себя. — Я приведу вас туда, куда вам нужно. И тогда вы узнаете всю правду.

Повозка продолжала свой путь, унося нас навстречу новым испытаниям. Впереди был Централ, гомункулы и, возможно, сама Данте. Но мы были готовы идти до конца. Шрам был с нами, и его сила была нашим щитом. Мы верили, что справимся.

Ветер дул с востока, и я чувствовал, как он приносит запах близкой грозы. Наша охота за правдой продолжалась. И мы не собирались останавливаться.

Глава 40. Святая мать

Часть 1. Дорога в Лиор

Повозка Елены мерно покачивалась на каменистой дороге, унося нас всё дальше от освобождённого лагеря Кишуа. За спиной остались дымящиеся руины, запах гари и слёзы освобождённых пленных, которые махали нам вслед, провожая в неизвестность. Впереди простиралась бескрайняя, выжженная солнцем пустыня, и я чувствовал, как внутри закипает тревога. Мы покидали относительную безопасность лагеря, чтобы нырнуть в самое сердце вражеской территории.

Я сидел на заднем сиденье повозки, прислонившись спиной к жёсткому деревянному борту, и смотрел на убегающую дорогу. Винри осталась в Ризенбурге с мамой и родителями, и я остро чувствовал её отсутствие. Ал и Лира сидели напротив, их руки были переплетены, и они тихо переговаривались о чём-то своём. Шрам сидел рядом со мной, его красные глаза были устремлены вдаль, а правая рука покоилась на колене, готовая в любой момент отразить атаку.

Елена правила лошадьми на козлах. Её золотистые волосы развевались на ветру, и я видел только её спину, но почему-то не мог отделаться от мысли, что эта женщина знает о нас больше, чем говорит. Я вспоминал её появление в лагере — слишком вовремя, слишком правильно. Она знала о Данте, о гомункулах, о наших поисках. Откуда? Она говорила о слухах, но я не верил в случайности.

— Мы скоро будем в Лиоре? — спросил Ал, нарушая тишину.

— Через несколько часов, — ответила Елена, не оборачиваясь. — Если погода не испортится.

— Лиор, — повторил Шрам, и в его голосе послышалась горечь. — Город, который мы не смогли защитить.

Я повернулся к нему. — Что ты имеешь в виду?

Шрам молчал несколько мгновений, глядя на дорогу. Затем он медленно заговорил, и его голос звучал глухо, словно он вытаскивал из себя давно похороненные воспоминания.

— После того как вы разоблачили Корнелло и уехали из Лиора, карательные отряды Брэдли вошли в город. Они искали тех, кто участвовал в сопротивлении. Они не разбирались, кто прав, кто виноват. Они просто расстреливали людей на улицах, сжигали дома, убивали женщин и детей. Те, кто выжил, бежали в пустыню, но многие погибли по дороге. Лиор стал кладбищем.

Я почувствовал, как холод пробегает по спине. Я помнил Лиор — город, который мы освободили от лжи Корнелло. Мы думали, что сделали доброе дело, что дали людям свободу. А вместо этого мы просто открыли ворота для смерти.

— Мы не знали, — тихо сказал я. — Мы думали, что…

— Ты не мог знать, Эдвард, — перебил меня Шрам. — Никто не мог. Брэдли и его гомункулы планировали эту бойню задолго до того, как вы появились в Лиоре. Они использовали Корнелло как приманку, а когда он пал, они просто пришли и уничтожили всех, кто мог свидетельствовать.

Я опустил голову. Вина тяжелым грузом легла на мои плечи. Мы с Алом спасали людей, но каждый раз, когда мы думали, что победили, оказывалось, что мы лишь откладывали неизбежное.

— Но не все погибли, — сказала Лира, сжимая руку Ала. — Мы видели тех, кто выжил. Они борются. Они не сдались.

— Да, — кивнул Шрам. — Есть те, кто продолжает сопротивляться. Они называют себя «Святое братство». И у них есть лидер — женщина, которую они называют Святой Матерью.

— Святая Мать? — переспросил я. — Кто она?

— Местная девушка, которая пережила резню, — ответил Шрам. — Она потеряла всё — семью, дом, голос. Но она не сломалась. Она стала помогать выжившим, ухаживать за ранеными, кормить сирот. Люди верят в неё. Они говорят, что её прикосновение исцеляет, а её молчание вдохновляет больше любых слов. Она стала их надеждой.

Я почувствовал, как внутри закипает странное чувство. Эта история напоминала мне о том, что мы видели в Йоусвелле и Лиоре — люди всегда ищут кого-то, кто даст им надежду. Но иногда эта надежда оказывается ложной.

Часть 2. Пепелище Лиора

Когда мы подъехали к Лиору, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в зловещие багровые тона. Город, который я помнил как цветущий и полный жизни, теперь лежал в руинах. Дома были разрушены, улицы завалены обломками, а в воздухе витал запах гари и смерти. Мы медленно ехали по главной улице, и я видел обугленные остовы зданий, пустые глазницы окон, груды щебня.

Шрам остановил повозку на краю площади, где когда-то стоял собор Корнелло. Теперь от него остались лишь обгоревшие стены. Он спрыгнул на землю и пошёл вперёд, к полю, усеянному деревянными крестами. Я последовал за ним.

— Это люди Лиора, — сказал Шрам, останавливаясь у первого креста. — Те, кто погиб после того, как карательные отряды вошли в город. Те, кого вы не смогли защитить.

Я опустился на колени перед крестом. Сухое дерево было старым, потрескавшимся от солнца, а его края обгорели. Я коснулся пальцами шершавой поверхности. На перекладине не было выбито ни имени, ни фамилии — только короткая, наспех нанесённая углём дата. Это было точно то время, когда мы с Алом впервые прибыли в Лиор. Мы думали, что даруем людям свободу, а на самом деле просто открыли ворота для карателей.

— Я не знал, — прошептал я.

— Ты должен был знать, Стальной алхимик, — сказал Шрам, и в его голосе не было злобы, только усталость. — Ты носишь на груди серебряные часы министерства. Ты служишь той самой системе, которая стерла с лица земли мою родину, а теперь пришла уничтожить Лиор. Военные не стали разбираться, кто прав, а кто виноват. Они просто пришли с пушками и начали истребление.

Ал подошёл ко мне и положил руку на плечо.

— Мы не можем изменить прошлое, брат, — сказал он. — Но мы можем изменить будущее.

— Он прав, — раздался голос за нашей спиной.

Мы обернулись. На краю поля стояла Елена. Её золотистые волосы мерцали в лучах заката, а серо-голубые глаза были устремлены на кресты. В её взгляде я увидел нечто, чего не замечал раньше — странную, древнюю печаль.

— Я много лет путешествую по этой стране, — сказала она, подходя ближе. — Я видела, как

умирают города, как гибнут люди. Но я также видела, как они возрождаются. Лиор не умер. Он просто ждёт того, кто даст ему надежду.

— Надежду? — горько усмехнулся Шрам. — Кто может дать надежду этому месту?

— Она может, — Елена указала на группу людей, которые появились у ворот города.

Это были беженцы, выжившие в резне. Они шли медленно, опираясь друг на друга, но в их глазах я видел не смирение, а упрямую, несокрушимую волю. Впереди них шла женщина. Её лицо было бледным, а одежда изорвана, но она держалась прямо, с достоинством. Её длинные тёмные волосы были заплетены в косу, а пышная розовая чёлка задорно торчала вверх, закрывая лоб.

Я узнал её сразу. Та самая девушка, которая когда-то отчаянно верила в Корнелло и ждала возвращения своего Кейна. Она выжила в этой бойне, но на её лице застыло выражение глубокой, невыносимой скорби. И она молчала. Абсолютно, безмолвно молчала, глядя на нас широко раскрытыми глазами, в которых застыл немой вопрос: «Зачем вы вернулись?»

— Роза… — тихо сказал я, делая шаг вперёд.

Она не ответила. Она просто смотрела на меня, и в её взгляде я увидел ту же боль, что и у всех, но также и что-то другое — силу, которую нельзя сломить. Её губы дрогнули, словно она пыталась что-то сказать, но из горла не вырвалось ни звука.

— Она потеряла голос, — тихо сказала Елена, подходя ближе. — После того, что случилось, она не может говорить. Она полностью немая. Шок был слишком сильным.

Я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Роза, которая когда-то так отчаянно кричала в соборе, теперь была обречена на вечное молчание. Но в её глазах я видел ту же решимость, что и раньше.

Она медленно подошла ко мне и протянула сложенный лист бумаги. Я развернул его. На нём было написано дрожащим, но твёрдым почерком:

«Я не могу говорить. Но я могу сражаться. Я буду вашим голосом в этом аду. Я поведу вас туда, где вы нужны. Я — Святая Мать этих людей. И я прошу вас помочь нам».

Я посмотрел на неё, и в её глазах я увидел слёзы, но не слабость. Она была сильной. Она была живым символом сопротивления.

— Мы поможем тебе, Роза, — сказал я. — Я обещаю.

Часть 3. Рассказ Розы

Мы разбили лагерь у ворот Лиора. Беженцы, которые пришли с Розой, разожгли костры и начали готовить еду. Я сидел у одного из костров, глядя на огонь, и думал о том, что мы оставили позади.

Роза подошла ко мне и села рядом. Она достала блокнот и карандаш и быстро написала несколько строк, затем протянула мне:

«Ты должен знать, что произошло после того, как вы уехали. Я хотела найти Кейна. Я знала, что он в госпитале в Централе, и я решила ехать к нему. Я думала, что если я смогу найти его, мы сможем начать новую жизнь вместе. Я оставила Лиор с первым же поездом, но мы не доехали. На полпути нас перехватил армейский патруль. Они сказали, что ищут бунтовщиков, и схватили меня. Меня отвезли в фильтрационный лагерь, где я провела несколько недель. Я не знала, что происходит в городе. Я не

знала, что Кимбли устроил резню. Я узнала об этом только когда меня освободили — после того, как вы разрушили круг в плотине. Когда я вернулась в Лиор, от города остались только руины».

Она замолчала, и я видел, как слёзы текут по её щекам.

«Я потеряла всё. Мою маму, моего отца, моих братьев. Я не знаю, живы ли они. Но я не могу сдаться. Я должна найти Кейна. Я должна убедиться, что он жив. И я должна помочь тем, кто выжил. Они называют меня Святой Матерью, потому что я не сдалась. Я стала их голосом. Даже если я не могу говорить, я могу писать. Я могу быть их надеждой».

Я прочитал её слова, и внутри меня закипел гнев. Гнев на Брэдли, на гомункулов, на всю эту прогнившую систему, которая уничтожала невинных людей.

— Ты сильная, Роза, — сказал я. — Ты сильнее, чем думаешь.

Она улыбнулась и написала:

«Я знаю. Но я не могу сделать это одна. Мне нужна помощь. И я думаю, что ты — тот, кто может помочь».

В этот момент к нам подошла Елена. Она несла кружку горячего чая и протянула её Розе.

— Выпей, — сказала она. — Это поможет тебе согреться.

Роза удивлённо посмотрела на неё, но взяла кружку. Она кивнула в знак благодарности.

— Вы та самая женщина, которая приехала с Эдвардом? — написала она на блокноте.

— Да, — Елена улыбнулась. — Меня зовут Елена. Я путешественница. Я помогаю тем, кто нуждается в помощи.

Роза посмотрела на неё с любопытством. Она написала:

«Вы выглядите так, будто знаете больше, чем говорите».

Елена рассмеялась, и в этом смехе я услышал что-то странное, древнее.

— Может быть, — сказала она. — Но сейчас это неважно. Важно то, что мы все здесь, и у нас есть общая цель.

— Остановить гомункулов, — сказал я.

— Именно, — кивнула Елена.

Роза снова взяла блокнот:

«Я хочу идти с вами в Централ. Я хочу найти Кейна. Я хочу видеть, как падёт Брэдли. Я хочу быть там, когда воцарится справедливость. Мои люди справятся без меня. Я оставлю их с моими помощниками. Но я должна идти с вами».

Я посмотрел на неё, и в её глазах я увидел ту же решимость, что и у нас.

— Ты уверена? — спросил я.

Она кивнула.

— Хорошо, — сказал я. — Ты пойдёшь с нами.

Она улыбнулась, и я видел, как в её глазах загорается тот самый огонь, который я видел в ней раньше.

Часть 4. Утро перед отъездом

На следующее утро мы готовились к отъезду. Елена запрягала лошадей, а мы собирали вещи. Роза стояла рядом со мной, её лицо было решительным. Она держала в руках блокнот и карандаш, готовая в любой момент написать то, что не могла сказать.

— Ты готова? — спросил я.

Она кивнула.

Мы двинулись в путь. Повозка покачивалась на дороге, унося нас прочь от Лиора, в сторону Централа. Впереди нас ждали новые испытания, новые битвы и, возможно, смерть. Но мы были готовы. Мы были вместе.

Люди вышли проводить нас. Они стояли у ворот города, и в их глазах я видел надежду. Они верили в свою Святую Мать, и теперь они верили в нас.

— Береги себя, Святая Мать! — крикнул кто-то из толпы.

— Мы будем ждать твоего возвращения! — крикнул другой.

Роза подняла руку в прощальном жесте. На её лице сияла улыбка, но в глазах я видел слёзы.

Часть 5. Штурм и бегство в туннели

Мы не успели проехать и нескольких миль от Лиора, как услышали нарастающий гул моторов и тяжёлый топот армейских сапог. Из-за ближайшего холма, поднимая клубы пыли, показались бронированные машины с гербами Главного командования. Это были карательные отряды Золфа Кимбли.

— Они нашли нас! — крикнул Шрам, вскакивая и вскидывая правую руку, готовую к бою.

— Нет, — сказал я, хватая его за запястье. — Мы не можем сражаться здесь, на открытой местности. Нас перебьют. Нужно уходить в подземные туннели под собором!

Елена немедленно развернула лошадей и погнала их в сторону руин собора, которые виднелись вдалеке. Повозка подпрыгивала на камнях, и я слышал, как пули свистят над головами, выбивая искры из каменных стен. Мы влетели в проём разрушенного собора, и я спрыгнул на землю, хватая Розу за руку.

— Быстро! Вниз! — крикнул я, указывая на провал в полу, где когда-то был вход в подземелье.

Мы все бросились в туннели. Вокруг было темно и сыро, пахло плесенью и старой кровью. Я слышал, как позади гремят шаги солдат, и понимал, что у нас мало времени.

Ал создал каменный барьер, преграждая путь преследователям. Лира использовала воздушную алхимию, чтобы создать защитный купол, который отклонял пули. Шрам стоял наготове с разрушительной энергией в правой руке. Елена с удивительным спокойствием вела нас вперёд, словно знала каждый поворот этого подземного лабиринта.

Мы бежали по узким коридорам, пока не вышли в просторный зал с высоким сводом. В центре зала был высечен древний алхимический круг, покрытый пылью и паутиной.

Роза бежала рядом со мной, прижимая к груди младенца. Её лицо было бледным, но в глазах горел тот самый огонь, который делал её Святой Матерью для выживших. Она не издавала ни звука, но её присутствие придавало нам сил. Даже немая, она была символом надежды для всех нас.

Часть 6. Ловушка в туннелях

Внезапно из темноты туннеля выскользнула фигура. Я замер, готовясь к бою, но это был не солдат. Это был Гнев — тот самый мальчик-гомункул, которого мы встретили в Дублите. Его глаза горели фиолетовым светом, а тело было покрыто каменной чешуёй.

— Эдвард Элрик, — прошипел он, и его голос эхом отразился от стен. — Ты думал, что сможешь скрыться от меня? Я искал тебя. Я хочу твоё тело. Я хочу стать человеком.

— Гнев, остановись! — крикнул я, выставляя вперёд левую руку. — Мы не враги тебе!

Он бросился на меня, и я едва успел увернуться от его каменных когтей. Ал мгновенно создал барьер, но Гнев пробил его с невероятной силой. Шрам шагнул вперёд, его правая рука вспыхнула багровым светом.

— Не убивай его! — закричал я. — Мы можем спасти его!

Я вытащил из кармана Синий Камень и направил его энергию на Гнева. Лазурный свет озарил зал, и мальчик закричал, но в этом крике не было боли — только освобождение. Его каменная чешуя начала исчезать, уступая место человеческой коже.

Роза стояла в углу, прижимая к груди своего младенца. Её глаза были широко раскрыты от страха, но она не отступала. Она прикрывала ребёнка своим телом, готовая защитить его любой ценой. Люди называли её Святой Матерью, и сейчас она действительно была похожа на мадонну с младенцем, стоящую в этом подземном аду.

В этот момент Гнев, ещё не до конца потерявший контроль, рванулся в её сторону. Его каменные когти занеслись над головой Розы и её ребёнка.

— Нет! — закричал я, пытаясь создать барьер, но было поздно.

Однако в следующее мгновение произошло нечто невероятное. Роза подняла голову, и из её горла вырвался звук — хриплый, сорванный, но настоящий. Она закричала:

— Эдвард! Вставай! Иди вперёд!

Её голос прозвучал чисто и сильно, разбивая тишину подземелья. Я замер, не веря своим ушам. Роза, которая была нема всё это время, обрела свой голос.

— Роза! — выдохнул я, чувствуя, как силы возвращаются ко мне.

Я использовал Синий Камень, чтобы создать мощный барьер, который отбросил Гнева назад. Лазурная энергия окутала его, полностью завершая трансмутацию. Мальчик рухнул на пол без сознания, но его тело больше не было покрыто каменной чешуёй — он стал обычным, человеческим ребёнком.

Роза стояла, тяжело дыша, и смотрела на свои руки, словно не веря, что снова может говорить. Крупные слёзы текли по её щекам, но это были слёзы облегчения.

— Я... я могу говорить, — прошептала она, и её голос звучал удивительно мелодично. — Эдвард... ты сделал это. Ты вернул мне голос.

— Это был не я, Роза, — сказал я, подходя к ней. — Это был ты. Твоя любовь к своему ребёнку, твоя сила — это они дали тебе голос. Ты спасла себя сама. Ты — Святая Мать этих людей, и ты доказала это сейчас.

Она улыбнулась сквозь слёзы и прижала младенца к груди. Её голос, обретённый в этом подземелье, звучал тихо, но уверенно:

— Я пойду с вами до конца, Эдвард. Я хочу найти Кейна. Я хочу видеть, как падёт Брэдли. Я хочу быть там, когда воцарится справедливость. Я буду голосом всех, кто потерял свой голос в этом аду.

Часть 7. Выход из туннелей

Мы помогли Гневу подняться. Он был слаб, но жив. Его глаза теперь были карими, тёплыми, без тени гомункульной злобы.

— Что... что ты сделал со мной? — прошептал он, глядя на свои руки.

— Я сделал тебя человеком, — ответил я. — Ты свободен, Гнев. Ты можешь начать новую жизнь.

Он смотрел на меня с изумлением, и на его лице появилась слабая, робкая улыбка.

Когда мы выбрались из туннелей на поверхность, нас встретили выжившие беженцы из Лиора. Увидев Розу, они опустились на колени, и некоторые из них заплакали от радости.

— Святая Мать! — закричал один из них. — Она жива! Она снова с нами!

Роза шагнула вперёд, и в её глазах я увидел ту же решимость, что и у нас. Она подняла руку, и толпа затихла.

— Я с вами, — сказала она, и её голос звучал чисто и сильно. — Я никогда не оставлю вас. Мы пройдём через этот ад вместе, и мы победим.

Люди закричали от радости. Её голос вернулся к ней, и он стал символом их надежды. Она была их Святой Матерью, и теперь она могла говорить.

Часть 8. Тень в туннеле

Когда мы вышли из туннелей на поверхность, я оглянулся. В темноте подземелья мне почудилась фигура с фиолетовыми глазами. Но когда я пригляделся, там никого не было.

Елена стояла рядом со мной, и я снова почувствовал тот странный, приторный запах её духов. Я не знал тогда, что она — Данте. Я не знал, что она ведёт нас в ловушку. Я просто чувствовал, что в этой женщине есть что-то древнее, что-то, что не вписывается в обычный мир.

Роза подошла ко мне и взяла за руку.

— Я верю в тебя, Эдвард, — сказала она. — Ты сделаешь это. Я знаю.

Я улыбнулся ей, чувствуя, как её слова придают мне сил.

— Мы найдём Кейна, Роза, — сказал я. — Я обещаю тебе.

Она кивнула, и в её глазах загорелся тот самый огонь, который я видел в ней раньше. Она была Святой Матерью, и она была готова идти до конца.

Мы двинулись вперёд, и наши тени удлинялись в лучах заходящего солнца. Впереди был Централ, и мы были готовы встретить его. Роза, Святая Мать, обрела свой голос, и теперь она будет кричать о справедливости для всех, кто пострадал.

Глава 41. Не зная его имени

Часть 1. Пепелище Лиора

Мы стояли на вершине холма и молча смотрели на Лиор. Город всё ещё горел, и я чувствовал, как едкий, горький дым щиплет глаза и оседает на губах вкупе с серой пылью. Ветер дул с востока, лениво разнося

запах гари, пороховой копоти и сожжённого камня по всей округе. Люди, которых мы только что чудом вывели из подземных туннелей, обессиленно сидели на каменистом склоне холма и смотрели вниз — туда, где их дома, улицы и святыни медленно исчезали в голодном багровом огне.

Роза стояла рядом со мной, её голос, который только-только вернулся к ней после долгих месяцев немоты, дрожал и был едва слышен сквозь шум далёкого пожара.

— Мы сделали это, Эдвард… — сказала она, и я видел, как слёзы текут по её лицу. — Мы вывели их. Они живы.

— Да, — ответил я, чувствуя, как свинцовая, удушающая усталость после подземного боя накатывает на меня. — Мы вывели их.

Роза прижала к груди своего младенца и тихо заговорила, и её голос звучал мягко, но в нём слышалась сталь:

— Я должна найти Кейна, Эдвард. Я должна убедиться, что он жив. Я не могу больше ждать.

— Мы найдём его, Роза, — сказал я. — Я обещаю тебе.

Она кивнула, и в её глазах загорелся тот самый огонь, который делал её Святой Матерью для выживших. Люди называли её так не просто так — она была их надеждой, их голосом, их верой в то, что даже после самого страшного ада можно подняться и идти дальше.

Я повернулся и украдкой посмотрел на Елену. Она стояла чуть в стороне от общей толпы беженцев, неподвижно глядя на полыхающие руины собора. Её лицо было абсолютно спокойным, почти безжизненным, но я заметил, как её тонкие пальцы

слегка дрожат, сминая ткань фиолетового платья. В лучах заходящего солнца её золотистые волосы казались охваченными бледным лазурным сиянием. На первый взгляд она казалась такой же измождённой и уставшей, как и все мы.

— Что теперь, Елена? — спросил я, медленно подходя к ней и поправляя ремни своего экзоскелета.

— Теперь мы должны найти способ остановить их, Эдвард, — ответила она, не поворачивая головы, и её бархатный голос прозвучал удивительно тихо. — Гомункулы не остановятся. Они будут преследовать нас по всей стране до тех пор, пока полностью не получат то, что хотят.

— И что именно они хотят? — спросил Ал, подходя ближе.

— Философский камень, — сказала она, и в её серо-голубых глазах на мгновение мелькнула тёмная, пугающая тень. — Они отчаянно хотят стать людьми. И для этого им нужна сила, которую может дать только великий круг декомпозиции плоти.

Я сжал в кармане куртки наш собственный Синий Камень. Двадцать четыре миллиметра. Кристалл становился всё меньше, его лазурное тепло медленно угасало, и я понимал, что время работает против нас.

— Мы должны найти Данте, — твёрдо сказал я, глядя на Елену. — Она — единственная, кто знает, как работает матрица запечатывания гомункулов. Мы обязаны её отыскать.

Елена медленно повернулась и посмотрела мне прямо в глаза, и я заметил, как на мгновение дрогнули её губы. Но она быстро, безупречно взяла себя в руки. На её лице снова появилась её фирменная, мягкая и успокаивающая улыбка.

— Да, Эдвард, — тихо произнесла она. — Мы обязательно должны найти её.

Я и близко не подозревал, что эта золотоволосая женщина, стоящая передо мной, и есть та самая древняя ведьма Данте, которую я искал. Я не знал, что она тайно выкрала наш четвёртый катализатор из руин Пятой лаборатории, вернула себе первородную молодость и теперь вела нас в свою собственную ловушку. Я просто смотрел на неё и чувствовал глубокое облегчение от того, что мы не одни в этой пустыне.

Роза подошла к нам и тихо сказала:

— Я пойду с вами, Эдвард. Я хочу найти Кейна. Я хочу быть там, когда всё закончится.

— Мы будем рады, Роза, — ответил я.

Часть 2. Ночь в палатке

Мы разбили временный лагерь на каменистом склоне холма, подальше от дымного шлейфа Лиора. Ишварские беженцы и выжившие горожане тихо переговаривались в палатках, укладывая детей спать, а я сидел у догорающего костра, безучастно глядя на тлеющие угли. Ал устроился напротив, его лицо было бледным и осунувшимся в тусклых отсветах пламени.

— Брат, — негромко сказал он, нарушая тишину. — Ты действительно веришь, что мы сможем найти Данте?

— Мы обязаны, Ал, — ответил я, подбрасывая сухую ветку в огонь. — Она — наш единственный ключ к разгадке этой гомункульной природы. Если Марко и Такер были правы, только она знает, как разомкнуть багровый круг смерти.

— А что, если она откажется помогать нам? — Лира сидела рядом с Алом, её пальцы были крепко

переплетены с его забинтованными ладонями. В её фиолетовых глазах отражались искры костра. — Мы ведь слышали, что она была наставницей Изуми, а Изуми говорила о ней с пугающей настороженностью.

— У нас три Синих Камня в твоей сумке, Лира, — я жёстко ухмыльнулся, и поршни моего помятого экзоскелета издали короткий металлический клик. — Если она откажется говорить добровольно, я заставлю её. Мне плевать на её древность, на кону стоит безопасность нашей мамы и Ала.

Я перевёл взгляд на соседний костёр, где устроилась Елена. Она сидела в окружении плачущих ишварских женщин, бережно помогая перевязывать раненого подростка. Её движения были плавными, мягкими, наполненными такой искренней заботой, что у меня сжималось сердце. Она казалась идеальным воплощением сострадания. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри утихает вся застарелая армейская настороженность.

— Невероятная женщина, — тихо произнёс Ал, проследив за моим взглядом. — Она прошла с нами через этот ад и ни разу не пожаловалась.

— Да, — согласился я, пряча руки в карманы. — Она помогает людям. И сейчас это самое главное.

Роза сидела у другого костра, держа на руках своего младенца. Она смотрела на огонь, и я видел, как она что-то беззвучно шепчет — может быть, молитву, может быть, слова надежды. Её лицо было бледным, но в глазах горел тот самый огонь, который делал её Святой Матерью.

Я подошёл к ней и сел рядом.

— Ты как? — спросил я.

Она повернулась ко мне, и я увидел, как по её щеке скатилась слеза.

— Я думаю о Кейне, — тихо сказала она. — Я не знаю, жив ли он. Я не знаю, помнит ли он меня. Но я должна найти его.

— Мы найдём его, Роза, — сказал я. — Я обещаю тебе.

Она улыбнулась сквозь слёзы и прижала младенца к груди.

— Спасибо, Эдвард. Ты даёшь мне надежду.

Часть 3. Утро и новые спутники

На следующее утро лагерь беженцев начал медленно сниматься с места. Роза приняла твёрдое решение остаться со своими людьми — она поправила свою пышную розовую чёлку, крепче прижала к груди младенца и посмотрела на нас с глубокой, немой благодарностью.

— Спасибо вам, Элрики, — сказала она, и её карие глаза блестели от слёз. — Вы вернули мне не только голос, вы вернули надежду всему Лиору. Я поеду в Централ, найду Кейна, и мы обязательно начнём всё сначала.

— Береги себя, Роза, — ответил я, ласково потрепав малыша по щеке. — И береги своего сына. Мы скоро увидимся в столице.

— Я буду ждать, — сказала она. — И я буду молиться за вас.

Мы двинулись в путь. Теперь наша лазурная команда стала ещё более странной и внушительной. Шрам и его обретённый брат Якоб шли чуть впереди, прокладывая тропу через каменистые каньоны. Правая рука Шрама, покрытая ишварскими татуировками декомпозиции материи, была скрыта

под плащом, но я знал, что он готов в любую секунду защитить брата. Мартел, химера Жадности, следовала за нами на своём мотоцикле, контролируя фланги. Елена шла рядом со мной, её золотистые волосы плавно развевались на сухом пустынном ветру, а из-под капюшона фиолетового плаща на меня смотрели спокойные, уверенные серо-голубые глаза.

— Куда теперь, брат? — спросил Ал, сверяясь со старыми картами Такера.

— В Централ, — ответил я, силой выпрямляя заклинивший поршень на левой ноге. Экзоскелет послушно лязгнул. — Все нити ведут обратно в столицу. Там скрываются те, кто устроил пожар в лаборатории, и именно там мы найдём архивные следы Данте.

Мы шли по пыльной, выжженной солнцем дороге, уходя всё дальше от Лиора, и я чувствовал, как сухой ветер бьёт в лицо, принося запах близкой грозы.

Роза осталась позади с беженцами, но её голос, обретённый в подземелье, всё ещё звучал в моей памяти. Она была Святой Матерью, и она дала надежду тем, кто потерял всё.

Часть 4. Встреча в лесу и ложная весть

Мы шли уже несколько часов, когда выжженная пустыня постепенно сменилась густым, мрачным лесом, который тянулся вдоль южной границы. Деревья стояли плотной стеной, их ветви переплетались под самым небом, почти полностью закрывая солнце и погружая тропу в прохладный, сырой полумрак. Внезапно Шрам резко остановился, вскинув левую руку вверх и подавая знак замереть.

— Из леса кто-то идёт, — хрипло прошептал он, и его правая рука под плащом напряглась.

Из густой чащи на дорогу медленно вышли трое. Они были одеты в потрёпанную, покрытую дорожной пылью одежду, и я сразу узнал в них ишварцев. Их лица были измождёнными, бледными, а глаза — бесконечно усталыми, полными вековой скорби своего уничтоженного народа. Они остановились, с глубоким подозрением и страхом оглядывая мою военную фору и серебряные часы на поясе.

— Кто вы такие и что ищете в этих проклятых землях? — спросил старший из них, сухой мужчина с глубокими морщинами на лице.

— Мы путешественники, — ответил я, делая шаг вперёд и стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более мирно. — Мы не из карательных отрядов Кимбли. Мы ищем алхимика по имени Данте. Вы слышали о ней?

Ишварцы резко переглянулись, и в их глазах мелькнул первозданный, дикий страх. Старший мужчина горько, безрадостно усмехнулся и покачал седой головой.

— Вы опоздали, мальчики, — сказал он, и его голос сорвался на шёпот. — Данте мертва. Она умерла несколько недель назад.

Я почувствовал, как ледяная волна ужаса и полного отчаяния накрывает меня с головой, а сердце в груди пропускает удар.

— Что?! — закричал я, хватая его за плечи. — Это ложь! Этого не может быть! Мы знаем, что она скрывалась в лесах!

— Её убили те самые чудовища с фиолетовыми глазами, которых она сама когда-то породила, — тихо, со вздохом ответил ишварец. — Гомункулы нашли её старое прибежище. Мы сами наткнулись на её разорванное тело в лесной чаще, когда бежали из

лагеря. Мы похоронили её останки под старым дубом. Данте больше нет в живых.

Я бессильно опустил руки, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Все наши планы, все многомесячные поиски, расшифровки Шески и надежды найти ключ к запечатыванию гомункулов в одно мгновение превратились в серый пепел.

— Записи... — прошептал я. — Все её знания уничтожены вместе с ней.

— Мы опоздали, — тихо сказал Ал, оседая на придорожный камень. — Мы опоздали.

Я медленно повернулся и посмотрел на Елену. Она стояла чуть позади меня, и на её молодом лице не отразилось ни единой секунды замешательства. Её серо-голубые глаза за куполом фиолетового капюшона оставались абсолютно бесстрастными. Данте (в облике Елены) со скрытым, зловещим торжеством слушала этот рапорт. Эта ложная весть о её собственной «смерти» была ей идеальным прикрытием — теперь ни братья, ни Мустанг не догадаются, что истинный кукловод всё это время идёт вместе с ними на передовую.

— Не отчаивайся, Эдвард, — Елена мягко подошла ко мне и бережно положила руку на моё плечо. Её прикосновение было тёплым, а бархатный голос прозвучал удивительно нежно. — Даже если Данте мертва, её книги и скрытые механизмы в Централе никуда не делись. Мы найдём другой способ. Мы всегда находили. Вы сильные, и я верю в вас.

Я посмотрел на её красивое, спокойное лицо, и удушающая лавина вины и страха в моей груди немного утихла. Я не знал, что эта женщина обвела нас вокруг пальца с самого начала. Я просто верил её словам.

Роза подошла ко мне и взяла за руку.

— Мы справимся, Эдвард, — сказала она. — Я верю в тебя.

— Спасибо, Роза, — ответил я.

Часть 5. Тень в лесу

Когда наша повозка медленно продолжила свой путь по извилистой лесной дороге, оставляя ишварцев позади, я и близко не подозревал, что за каждым нашим шагом пристально наблюдают.

В густой, непроницаемой чаще за вековыми деревьями неподвижно стояла Лень. Её фиолетовые глаза, точь-в-точь как у нашей мамы, зловеще сверкали в полумраке леса, насквозь пропитанные холодной, неукротимой яростью. Она неотрывно смотрела на фигуру Елены, и её водяная структура на правой руке судорожно пульсировала от нестабильного напряжения.

— Ты думаешь, что сможешь обмануть этих мальчишек своим новым лицом, Данте? — прошипела она в пустоту, и её голос сорвался на змеиный шёпот. — Ты думаешь, что сможешь вечно прятаться за этой лазурной маской Елены и использовать их Синий Камень в своих грязных целях?

Лень с силой сжала руку в кулак, и багровые искры затрещали на её коже.

— Я найду тебя, создательница. Я выслежу тебя прямо в Централе и сорву эту золотоволосую фальшивку на глазах у Эдварда. Ты заплатишь за то, что сделала со всеми нами. Охота продолжается.

Она бесшумно растворилась в клубах багрового пара, оставляя лес погружённым в могильный покой.

Часть 6. Ночь в придорожной гостинице

К вечеру мы добрались до небольшого провинциального городка на полпути к столице. Наша измотанная повозка остановилась у обшарпанного здания старой придорожной гостиницы. Воздух здесь был влажным, пахнущим дождём и мазутом от проезжающих мимо редких военных броневиков.

Мы сняли несколько тесных комнат на втором этаже. Роза сидела в своей комнате, укачивая младенца. Её лицо было бледным, но в глазах горела та же решимость, что и у нас. Она была Святой Матерью, и она не сдавалась.

Я сидел на краю жёсткой кровати, безучастно уставившись в потолок и прислушиваясь к монотонному стуку дождевых капель по ржавой карнизе. Голова раскалывалась от мыслей.

— Брат, — Ал тихо вошёл в комнату, плотно прикрыв за собой дверь. — Ты не спишь?

— Нет, Ал, — ответил я, не поворачивая головы. — Не могу уснуть. Всё думаю о том, что сказали эти ишварцы в лесу.

— Ты действительно веришь, что Данте мертва? — спросил он, садясь на стул рядом.

— Не знаю, Ал, честно, не знаю, — я тяжело вздохнул, потирая затекшее правое плечо. — Но внутри меня всё так и грызёт странное, нехорошее предчувствие. Что-то во всей этой истории глубоко не так. Эти ишварцы… они ведь могли просто наткнуться на пустой особняк. Или гомункулы намеренно пустили эти слухи, чтобы заставить нас прекратить поиски. Ловушка захлопывается, Ал.

— Мы должны быть предельно осторожными, — серьёзно сказал брат. — В Централе нас ждёт

Мустанг, но там же находится и Лень. Мы не имеем права ошибиться.

Я молча кивнул. Тревога застилала разум, но пути назад у нас уже не было.

Часть 7. Разговор у колодца

Час спустя, когда весь лагерь окончательно погрузился в сон, я вышел во внутренний двор гостиницы, чтобы подышать прохладным ночным воздухом. Дождь почти прекратился, и полная луна ярко светила сквозь разрывы тяжёлых туч, серебря мокрые камни брусчатки.

У старого каменного колодца в центре двора стояла Елена. Она сняла свой фиолетовый плащ, и её длинные золотистые волосы красивым водопадом спадали на плечи, мягко мерцая в лунном свете. Она неподвижно смотрела на звёзды, и её профиль казался высеченным из чистейшего мрамора.

— Вы тоже не спите, Елена? — тихо спросил я, подходя ближе.

Она вздрогнула и медленно повернулась ко мне. Её серо-голубые глаза были глубокими, внимательными, отражающими холодное сияние ночного неба.

— Да, Эдвард, — ответила она, и на её губах появилась та самая мягкая улыбка. — Думаю о том, что ждёт нас в столице. О смерти Данте, об Ишваре... Всё это — осколки одного большого, страшного зеркала.

— Вы верите, что она мертва? — спросил я прямо, вглядываясь в её лицо.

Елена на мгновение замерла, и я заметил, как её тонкие пальцы судорожно сжали край каменного колодца. Но её голос остался пугающе спокойным и ровным.

— Смерть — это естественный финал для тех, кто слишком долго играет с Законами Равноценного Обмена, Эдвард, — тихо произнесла она, возвращая взгляд к звёздам. — Данте совершила много страшных ошибок в прошлом, она создала монстров, и, возможно, её гибель была единственным способом разорвать этот круг. Но вы не должны останавливаться. Централ ждёт вас. Там скрываются истинные ответы.

— Мы не остановимся, — твёрдо сказал я, чувствуя, как её уверенность передаётся мне. — У меня есть Ал. У меня есть Лира и Винри. Я сделаю всё, чтобы защитить их от гомункулов.

— Ты очень хороший человек, Эдвард Элрик, — Елена ласково, по-матерински погладила меня по щеке своей тёплой ладонью. Её серо-голубые глаза на секунду вспыхнули странным, затаённым лазурным огнём. — Никогда не забывай, ради чего ты встал на этот путь. Сила Синего Камня принадлежит тебе по праву. Береги её.

Я улыбнулся ей на прощание и направился обратно в гостиницу, чувствуя, как на душе становится немного легче. Я по-прежнему ничего не знал о её подлинной личине. Я просто верил её тёплым рукам.

Часть 8. Тень у колодца

Едва звук моих шагов полностью затих в коридорах гостиницы, как мягкая, доброжелательная улыбка мгновенно и безвозвратно исчезла с лица Елены. Её черты лица разгладились, став холодными, жёсткими и абсолютно безразличными, а серо-голубые глаза налились леденящим, мертвенным фиолетовым светом гомункульной связи. Она медленно повернулась к густой тени за углом конюшни.

— Ты слишком долго крадёшься за мной по пятам, Похоть, — её бархатный голос прозвучал с пугающей

ледяной сталью, в которой не было ни капли прежней Елены. — Я чувствую твой багровый след ещё от самых границ Лиора. Зачем ты здесь?

Из чернильной темноты переулка медленно вышла Похоть. Её чёрное платье шуршало по мокрым камням, а на бледном лице застыла презрительная ухмылка.

— Я пришла посмотреть на твой новый призрачный театр, создательница, — ехидно прошипела она, останавливаясь в трёх шагах от Данте. — Ты разыграла перед этим глупым Стальным мальчишкой великолепный спектакль. Елена... добрая Елена, которая печёт хлеб и плачет над ранеными ишварцами. Какая изысканная, отвратительная ложь. Ты просто ведёшь их в свой подземный город, как овец на бойню. Ты хочешь использовать их Синий Камень, чтобы окончательно завершить формулу круга декомпозиции плоти под министерством Централа.

— Мои планы тебя больше не касаются, Похоть, — Данте высокомерно прищурилась, и её золотистые волосы слегка качнулись от порыва ветра. — Ты провалила расстановку сил в Лиоре, позволила Шраму завершить Философский камень и упустить Элриков. Ты стала бесполезным, капризным оружием. Убирайся прочь, пока я не приказала Зависти стереть твою матрицу.

— Я больше не буду безмозглой собакой на твоём поводке, Данте, — ледяным тоном ответила Похоть, и её фиолетовые глаза сверкнули в темноте. — Я видела, что Эдвард сделал с Жадностью. Он вернул ему человечность. Чистая лазурная сила Синего Камня способна очеловечить гомункулов без единой капли чужой крови. Я найду братьев, я раскрою им твой грязный секрет Елены, и они помогут мне стать настоящей, живой женщиной, свободной от твоих

мучительных воспоминаний! Твоя вековая диктатура окончена.

Данте снисходительно, со зловещим торжеством рассмеялась.

— Пытайся, Похоть, пытайся, — прошептала она. — Но ты забудешь одну маленькую деталь: Эдвард Элрик доверяет моим рукам. Он пойдёт туда, куда я его направлю. И когда вы все соберётесь под моим подземным куполом… я заберу всё.

Похоть яростно зашипела и мгновенно растворилась в чернильной темноте ночного переулка. Данте осталась одна у колодца. Она бережно поправила свои золотистые пряди, устремив ледяной серо-голубой взгляд на звёзды. Ловушка для нашей лазурной команды была полностью готова, и мы стремительно мчались прямо в её объятия, ничего не подозревая.

Часть 9. В гостинице

Когда я вернулся в гостиницу, Роза сидела в своей комнате, укачивая младенца. Она подняла на меня глаза, и я увидел в них ту же решимость, что и у нас.

— Я слышала, что ты разговаривал с Еленой, — тихо сказала она. — Ты доверяешь ей?

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но у нас нет выбора. Мы должны добраться до Централа.

— Я чувствую, что в ней есть что-то странное, — сказала Роза. — Но я не могу понять, что именно.

— Я тоже, — признался я. — Но мы будем настороже.

Роза кивнула и улыбнулась.

— Ты хороший человек, Эдвард. Я верю в тебя.

— Спасибо, Роза, — ответил я. — Береги себя и своего сына.

Я вышел из комнаты и направился к себе. В коридоре я столкнулся с Еленой. Она улыбнулась мне своей мягкой, материнской улыбкой.

— Спокойной ночи, Эдвард, — сказала она.

— Спокойной ночи, Елена, — ответил я.

Я лёг на кровать и закрыл глаза. Внутри меня всё ещё было сомнение, но я знал, что у нас нет другого выбора. Мы должны были идти вперёд.

Завтра нас ждал Централ. И мы были готовы встретить его.

Глава 42. Бродячий пёс в бегах

Часть 1. Прощание в лесу и новая дорога

Холодный предрассветный ветер гулял по лесной опушке, где мы остановились на ночлег после нашего побега из Централа. Роза стояла у края поляны, прижимая к груди своего младенца, и её глаза были устремлены на дорогу, ведущую обратно к разрушенному Лиору. За прошедшие дни она успела стать нашей опорой, нашим голосом в этом аду, но теперь её путь расходился с нашим.

— Я должна вернуться к ним, — тихо сказала она, и её голос, обретённый в подземелье, звучал твёрдо, хотя в нём слышалась боль. — Мои люди ждут меня. Они называют меня Святой Матерью, и я не могу их оставить. Лиор будет возрождён, но для этого я должна быть рядом с теми, кто выжил.

Я подошёл к ней, чувствуя, как внутри закипает смесь грусти и уважения. Она прошла через ад — потеряла голос, нашла его снова, пережила ментальный транс и освободилась от него. И теперь она делала выбор, который делал её настоящей героиней.

— Ты справишься, Роза, — сказал я, и мой голос прозвучал мягче, чем я ожидал. — Ты — Святая Мать. Ты дала им надежду, когда они потеряли всё. И ты дашь им будущее.

Она улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы. Она протянула руку и коснулась моего плеча.

— Спасибо тебе, Эдвард. За всё. За то, что вернул мне голос. За то, что показал, что даже в самой глубокой тьме есть свет. Я никогда не забуду этого.

Она перевела взгляд на Лиру, которая стояла рядом с Алом, и кивнула ей. Лира ответила тем же — молчаливым, понимающим кивком.

— Мы встретимся снова, — сказала Роза. — В мире, который мы построим заново.

Она развернулась и направилась к повозке, которая ждала её у края леса. Её фигура медленно исчезала в утреннем тумане, и я смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри разливается тепло. Мы потеряли попутчика, но мы обрели друга, который будет бороться за своё будущее.

Елена стояла чуть поодаль, опираясь на свою деревянную трость. Её золотистые волосы, уложенные в аккуратное каре, мягко мерцали в лучах восходящего солнца. Она смотрела на дорогу, по

которой ушла Роза, и на её лице играла лёгкая, загадочная улыбка.

— Ты тоже уходишь? — спросил я, подходя к ней.

Она медленно повернулась ко мне, и её серо-голубые глаза встретились с моими. В них не было ни злобы, ни хитрости — только спокойная, вековая мудрость, которую я так и не смог до конца понять.

— Моя дорога лежит в другом направлении, Эдвард, — ответила она, и её бархатный голос прозвучал удивительно мягко. — Я должна завершить то, что начала много лет назад. Встретиться с теми, кто ждёт меня. Искупить свои ошибки.

— Ты помогла нам, — сказал я, и в моём голосе послышалась искренняя благодарность. — Ты провела нас через пустыню, ты дала нам надежду, когда мы теряли её. Я не знаю, кто ты на самом деле, Елена, но я благодарен тебе.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то древнее, почти материнское.

— Ты узнаешь правду, Эдвард. Когда придёт время. Но сейчас ты должен идти своим путём.

Она шагнула ближе и положила руку на моё плечо. Её прикосновение было тёплым, почти родным.

— Береги себя, Стальной алхимик. И помни: иногда единственный способ победить врага — это понять его.

Она развернулась и направилась в противоположную сторону от Розы, вглубь леса. Её фигура медленно таяла в утреннем тумане, и я смотрел ей вслед,

чувствуя, как внутри закипает странное чувство. Она была загадкой, которую я так и не разгадал. Но я знал: она не была нашим врагом.

Мы остались втроём — я, Ал и Лира. Наша лазурная команда стала меньше, но от этого не слабее. Мы прошли через ад вместе, и теперь мы должны были идти дальше.

— Куда теперь, брат? — спросил Ал, подходя ко мне.

— В Ризенбург, — ответил я, сжимая в кармане Синий Камень. — Домой.

Часть 2. Бегство из Централа

Ночь плотным, удушающим саваном опустилась на Централ, когда мы спешно покидали Главный армейский штаб. Роза и Елена остались позади, и теперь только мы трое — я, Ал и Лира — должны были пробиваться сквозь патрули, которые прочёсывали каждый квартал в поисках беглецов.

Я поглубже засунул левую руку в карман куртки, нащупывая Синий Камень, и почувствовал, как его лазурное тепло мерно, успокаивающе пульсирует в такт моему бешено бьющемуся сердцу. Наш катализатор стремительно терял массу — после последних энергетических выбросов в Пятой лаборатории его ресурс зафиксировался на отметке в двадцать три миллиметра. С каждым использованием лазурное сияние становилось всё более блёклым, и этот безжалостный отсчёт времени грыз меня изнутри. Мы обязаны были сберечь остатки силы.

— Брат, мы не можем просто так сбежать, — Альфонс торопливо шёл рядом со мной, поминутно оборачиваясь на ярко освещённые арочные окна министерства. Его перевязанные белыми медицинскими бинтами пальцы нервно сжимали лямки дорожного рюкзака. — Полковник Мустанг… он ведь предупреждал, что Фюрер перекрывает кварталы. Нас объявят дезертирами.

— Мустанг сейчас ничего не сможет сделать, Ал, — процедил я сквозь зубы, сильно прихрамывая на левую ногу. Фальшивый металлический каркас моего экзоскелета без ювелирной настройки мастера Доминика противно, натужно скрежетал поршнями на каждом стыке мостовой. — Кинг Брэдли официально обвинил нас в пособничестве Шраму и штурме правительственных архивов. Если мы останемся в ведомственной гостинице хотя бы до рассвета, нас закроют в карцер. Или передадут Джульетте Дуглас. Ты сам видел её фиолетовый взгляд.

— Но мы ведь не помогали Шраму! Мы пытались спасти заключённых! — Лира решительно нагнала нас, крепче прижимая к груди свою походную сумку с тремя новыми Синими Камнями. Её чёрное каре растрепалось от резких порывов ветра, а в фиолетовых глазах стоял упрямый, осознанный блеск. — Это военные Брэдли привели тех людей в подвал на убой!

— В этой системе правда никого не интересует, Лира, — отрезал я, сворачивая в тёмный, заваленный пустыми деревянными ящиками переулок. — Фюрер и гомункулы просто зачищают Централ от лишних

свидетелей. Мы уходим в Ризенбург. Наш дом сожжён, но там, на холмах, у Пинако, нас никто не додумается искать. Это наша единственная безопасная нора. К тому же... — я на мгновение запнулся, переводя дыхание, — там нас ждут те, ради кого мы обязаны выжить. Слава Богу, Урей и Сара теперь в безопасности. После того как мы вытащили их из столичного плена и привезли на Север, Ризенбург стал настоящим оплотом нашей семьи. С тех пор как они воссоединились с Винри и Пинако, наш старый дом ожил. Нам нужно добраться туда, укрыть Лиру и решить, как защитить родных от наступающей тьмы.

Мы продвигались вперёд, стараясь держаться в густых, чернильных тенях каменных заборов и раскидистых тополей. Без Елены, которая так уверенно вела нас по пустыне, путь казался более опасным, но мы знали, что должны справиться сами.

Часть 3. Дорога в Ризенбург

Мы шли без остановки несколько бесконечных, мучительных часов, пока серые гранитные мостовые столицы окончательно не сменились размокшей от непрекращающегося ливня грунтовой дорогой. Ночь была непроглядно тёмной, ледяной ветер швырял нам в лица колкие капли воды, а промозглый холод пробирал до самых костей. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке налился свинцовой тяжестью, полые стальные пластины маскировочной автоброни больно врезались в моё настоящее плечо.

Под этим каркасом моя плоть была полностью цела, но симулировать движения «инвалида» на размокшей глине требовало колоссальных ментальных сил.

— Эд, сделай перерыв, ты едва держишься на ногах, — Лира испуганно перехватила меня за локоть, когда моё фальшивое колено в очередной раз намертво заклинило от резкого толчка. Её одежда была насквозь мокрой, а дыхание прерывистым.

— Нельзя... — выдохнул я сквозь зубы, силой выпрямляя заклинивший поршень. — Стоит нам сесть на этой обочине, и нас накроют. Думайте о Ризенбурге. О маме, о Винри, о её родителях. Урей и Сара только-только начали новую жизнь после долгих лет в карцерах Централа. Мы не имеем права снова подставить их под удар. Мы обязаны выстоять.

Внезапно звенящую тишину ночного леса разорвал нарастающий, тяжёлый гул мощного автомобильного мотора. Ослепительные, резкие лучи парных фар разрезали пелену дождя, выхватывая из темноты силуэты деревьев всего в нескольких метрах от нас.

— Назад! В кювет! Живо! — из темноты кустов бесшумно выскользнул Шрам. Его правая рука, сплошь покрытая татуировками декомпозиции материи, была готова в любую секунду сокрушить стальную обшивку машин. — Я ищу брата, Якоба. Мы договорились встретиться в Ризенбурге, у дома Рокбеллов. Если ищейки Джульетты Дуглас перехватят меня раньше, наша встреча не состоится. Я пойду с вами до самого дома, чтобы защитить вашу семью.

Мы замерли, затаив дыхание и уткнувшись лицами в сырую землю. Тяжёлый бронированный автомобиль Центрального командования с рёвом пронёсся мимо, обдав наши плащи фонтаном грязной воды. На его дверце отчётливо поблёскивал золочёный армейский герб Аместриса. Ищейки Джульетты Дуглас методично прочёсывали каждый выезд из столичного сектора.

— Они ищут лазурный след, — Шрам медленно поднялся, его красные ишварские глаза зловеще блеснули из-под капюшона. — Данте пустила по нашему следу всю военную полицию. Нам нужно уходить с этой дороги и пробираться через глухие горные тропы. Родители Винри… я помню их в Ишваре. Они лечили моего брата и спасали наших раненых. Я знаю, что они укрылись в Ризенбурге после того, как вы вытащили их из Централа. Мустанг совершил великий, благородный поступок, когда когда-то спас их от расстрела. Я пойду с вами, чтобы защитить этот дом.

Шрам пошёл с нами. Его присутствие было успокаивающим — он знал пустыню, знал, как уходить от погони, и его сила была нашим щитом. Но я также знал, что он ищет своего брата, и что его путь рано или поздно разойдётся с нашим.

Часть 4. Ризенбург

На самом рассвете третьего дня, когда первые блёклые, холодные лучи солнца только коснулись горизонта, из сумеречного тумана наконец-то

проступили знакомые, родные очертания зелёных холмов Ризенбурга. Воздух здесь был совершенно иным — чистым, свежим, насквозь пропитанным густым запахом цветущих яблоневых садов, влажной земли и далёкой реки. Столица с её грязным мазутным дымом и интригами осталась далеко позади.

— Мы дома, Альфонс… — тихо, со сдавленным выдохом произнёс я, останавливаясь у старой покосившейся изгороди. В горле пересохло, а на глаза невольно навернулись слёзы.

Шрам остановился на опушке леса, не доходя до дома.

— Я пойду дальше один, — сказал он, и в его голосе послышалась стальная решимость. — Я должен найти брата. Я чувствую, что он близко. Вы сделали своё дело, Элрики. Теперь моя очередь.

— Ты уверен? — спросил Ал. — Здесь безопасно. Ты можешь отдохнуть.

— Я не могу отдыхать, пока Якоб не будет со мной, — ответил Шрам. — Но я запомню ваш дом. Если мне понадобится помощь, я знаю, где вас искать.

Он развернулся и бесшумным шагом растворился в утреннем тумане, оставляя нас одних у ворот Ризенбурга.

Мы быстро подошли к крыльцу уютного деревянного дома Рокбеллов. Дверь мастерской с грохотом распахнулась, и на пороге, сжимая в руках свой неизменный тяжёлый гаечный ключ, появилась Винри. Её светлые волосы были растрёпаны, а на

лице застыло выражение глубокой тревоги, которое мгновенно сменилось безумным облегчением, когда она увидела нас.

— Эд! Ал! Вы живы! Господи, вы живы! — она со всего размаху бросилась со ступеней прямо к нам, крепко обнимая нас двоих за шеи, плача в полный голос и размазывая слёзы по нашим испачканным в копоти курткам. — В Ризенбург вчера пришла правительственная депеша! — Винри торопливо вытерла слёзы ладонью. — Мустанг тайно передал через своих связных, что Централ оцеплен, а на вас двоих выписан ордер за штурм Пятой лаборатории! Папа и мама места себе не находили от страха за вас, папа даже порывался ехать обратно в столицу, чтобы помочь вам! Едва удержали!

Из дверей дома торопливо вышли Урей и Сара Рокбелл. Их лица, хранившие следы ишварских переживаний, были полны тёплой родительской заботы. Сара немедленно подошла к Алу, бережно осматривая его бинты на руках, а Урей крепко пожал мне левую руку, понимающе заглядывая в глаза. Наша мама Триша шла чуть позади них, её каштановые волосы развевались на весеннем ветру, а на губах играла та самая лучезарная улыбка, ради которой мы перевернули весь мир.

— С возвращением, мальчики, — тихо произнесла мама, обнимая нас по очереди. — Мы знали, что вы справитесь. Пинако уже приготовила чай. Рассказывайте, что произошло в Централе.

— Нам нужно укрыться внутри, — сказал я, оглядывая дорогу. — С нами Лира. Ситуация сложная. Брэдли полностью перехватил контроль над патрулями, и

Мустанг сейчас готовит восстание. Ризенбург больше не безопасное место — ищейки гомункулов могут прийти за нами и за семьёй Рокбеллов в любой момент.

Винри торопливо подобрала выпавший ключ. Сара и Урей жестом пригласили Лиру войти в дом.

Шеска медленно вышла из прихожей, поправляя круглые стёкла очков. Её лицо было бледным от волнения, а в руках она судорожно сжимала массивный каталог.

— Вы приехали вовремя, Эдвард, — тихо, но очень серьёзно сказала она. — Но вы разминулись с ним всего на несколько часов. В Ризенбурге произошла ещё одна странная встреча. Твой отец... Ван Хоэнхайм. Он тоже был здесь.

Я резко замер на пороге, чувствуя, как внутри всё напряглось.

— Что ты имеешь в виду? Что он здесь делал?

— Он стоял у обгоревшего остова вашего старого дома вчера вечером, — Шеска сглотнула подступивший ком. — Он плакал, касаясь руками брёвен фундамента. Когда Сара и Урей подошли к нему, он замер и прошептал: «Сара, Урей... Вы живы. Вы дома, с Винри. Значит, Рой всё-таки сдержал клятву, а мои мальчики смогли спасти то, что я разрушил». Он знал, что вы давно вернулись, Винри! Он знал обо всём! А потом он развернулся и стремительным, широким шагом ушёл в сторону южных каньонов, словно почуяв приближение армейских патрулей. Он ищет вас, Эдвард. И он знает гораздо больше, чем мы могли предположить.

Часть 5. Разговор с Мустангом в каньоне

Мы не стали оставаться в доме Рокбеллов ни одной лишней минуты. Осознание того, что отец жив, находится где-то здесь, на этих холмах, знает обо всём и ищет встречи с нами, полностью перевернуло моё сознание. Я обязан был найти его, посмотреть в его карие глаза за стёклами очков и лично потребовать ответов на вопросы, которые мучили меня с пятилетнего возраста. Почему он ушёл? Что было важнее нашей семьи? И как лазурный Синий Камень связан с его прошлым?

Мы со всех ног бросились обратно на каменистую просёлочную дорогу, ведущую к южным каньонам. Прохладный весенний ветер Ризенбурга весело свистел в ушах, принося запах цветущих садов, но я не замечал этой красоты. Мы бежали, тяжело дыша, пока впереди не показались серые скалы ущелья.

Внезапно, на самом выезде из каньона, дорогу нам намертво преградили три бронированных армейских автомобиля. Из дверей машин, вскинув винтовки и чётко чеканя шаг коваными сапогами, мгновенно высыпали два десятка вооружённых солдат Центрального командования, беря нас в плотное полукольцо. Из переднего сиденья штабного авто неторопливо вышел полковник Рой Мустанг. На его руках были надеты белые хлопчатобумажные перчатки — катализаторы огненной алхимии, а лицо оставалось каменной, абсолютно непроницаемой маской. Старший лейтенант Риза Хоукай встала чуть

позади него, её винтовка была наведена точно мне в грудь.

— Эдвард и Альфонс Элрики, — произнёс Мустанг, и его низкий голос прозвучал леденяще сухо под сводами скал. — Вы официально объявлены государственными преступниками за несанкционированное проникновение на секретный объект Лаборатории №5 и соучастие в побеге заключённых. Вы арестованы. Сложите оружие и сдайте Синие Камни.

— Мустанг, убирайся с дороги! Нам некогда играть в твои армейские прятки! — в ярости закричал я, резко соединяя ладони. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке издал предупредительный металлический клик, выпуская струю горячего пара. — Фюрер и его гомункулы используют тебя как безвольную пешку! Джульетта Дуглас — это Лень, чудовище с лицом нашей матери! Они зачищают Централ, а ты послушно выполняешь их приказы?! Они уже ищут нас в Ризенбурге!

Мустанг даже не шевельнулся, его тёмные глаза оставались абсолютно холодными, но я заметил, как на мгновение дрогнули его пальцы в перчатках. Он сделал два медленных шага вперёд, сокращая расстояние между нами, и его голос опустился до едва различимого шёпота, перекрываемого шумом ветра в каньоне:

— Заткнись, Эдвард. Если солдаты Брэдли почуют, что я приехал сюда спасать вас, нас всех расстреляют на месте. Кинг Брэдли — гомункул Гордыня, и он установил за мной тотальную слежку через канцелярию Фюрера. Этот арест —

единственный способ увести подозрения от моей штабной группы и вывезти вас из-под прямого удара Кимбли, которого Фюрер уже отправил на Юг с карательными корпусами. Я знаю, что Урей и Сара укрылись у Пинако после вашего побега из Централа, моя разведка доложила об этом. Но теперь Брэдли копает под этот сектор, он знает, что беглые медики прячутся на Севере. Вы должны уходить, и немедленно. Но прежде, чем я отпущу вас, я хочу получить ответ на один вопрос, который мучает меня с той самой ночи в Ризенбурге.

Он перевёл взгляд с меня на Ала, и его глаза сузились.

— В ту ночь, когда я вошёл в ваш подвал, я видел уродливое, копошащееся месиво из костей и плоти. Ты назвал это «монстром» и сказал, что это результат неудачной трансмутации. Но я вижу вас сейчас — вы живы, вы сильны, вы ищете своего отца. И я знаю, что вы не те мальчишки, которые просто ошиблись. Скажите мне правду. Что это было? И какова настоящая цена, которую вы заплатили?

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как Альфонс напрягся рядом со мной. Мы переглянулись, и я понял: настал момент, когда ложь должна уступить место правде — но не всей правде. Мы должны были признаться в главном, чтобы сохранить второстепенное. И мы должны были сделать это так, чтобы Мустанг поверил.

— Хорошо, Рой, — сказал я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я чувствовал. — Ты хочешь правду? Получи её. Та трансмутация в подвале Ризенбурга… мы не пытались воскресить маму и потерпеть крах.

Мы сделали это. Триша Элрик жива. Мы вернули её душу обратно в тело.

Мустанг замер. Его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение потеряло свою маску, и я увидел в его глазах искреннее изумление, смешанное с чем-то похожим на благоговение.

— Она жива? — переспросил он, и его голос упал до почти шёпота. — Ваша мать... действительно жива?

— Да, — ответил Ал, делая шаг вперёд. — Мы нашли способ. Не тот кровавый путь, которым шли алхимики прошлого. Отец оставил нам синий камень — чистый источник энергии, который не требует жертв. Мы использовали его, чтобы вернуть её. Она ждёт нас в Ризенбурге, в доме Рокбеллов, под чужим именем.

Мустанг долго молчал, переваривая услышанное. Затем его взгляд снова стал острым.

— А монстр? — спросил он, и в его голосе послышалась сталь. — Что это было? И зачем вы его создали?

Я выдержал его взгляд. Это был самый опасный момент нашей лжи.

— Мы создали его нарочно, — сказал я, и каждое слово давалось мне с трудом. — Это была наша маскировка. Мы знали, что военные зафиксируют алхимическую вспышку. Мы знали, что кто-то придёт проверять. Если бы мы просто исчезли, нас бы нашли. Но если бы мы оставили после себя «провал» и «калек», нас бы списали как неудачников. Мы использовали те же химические вещества, что и для воскрешения, но намеренно испортили пропорции,

сломали формулы. Мы хотели, чтобы ты — и все остальные — увидели эту уродливую тварь и поверили, что мы просто глупые мальчишки, которые пытались вернуть мать и потерпели крах. Это был единственный способ защитить её.

Мустанг медленно кивнул, и я увидел, как его пальцы в белых перчатках слегка дрогнули.

— А цена? — спросил он. — Вы сказали, что заплатили равноценную плату за воскрешение. Что вы отдали?

Я медленно поднял свою правую руку, заставив стальные пластины экзоскелета звонко лязгнуть. Затем с трудом, симулируя боль, пошевелил левой ногой, изображая, что мне тяжело стоять.

— Это была цена, Рой, — сказал я, и в моём голосе прозвучала горечь, которая была наполовину настоящей, наполовину притворной. — Чтобы завершить трансмутацию и вернуть маму по-настоящему, нам пришлось отдать часть себя. Я потерял правую руку и левую ногу. Ал... — я взглянул на брата, и тот мгновенно понял мою мысль, — Ал потерял часть своей плоти, но мы смогли восстановить её с помощью синего камня. Мы заплатили равноценную плату. Мои конечности — это та цена, которую я отдал за её жизнь. Вот почему я ношу эту автоброню.

Я видел, как Мустанг смотрит на меня. В его глазах мелькнула тень сомнения, но он не стал копать глубже. Он уже знал правду о моих протезах — я был в этом уверен, — но он не подал виду. Он позволил мне солгать.

— Значит, вы намеренно создали монстра, чтобы отвести подозрения, и заплатили своими конечностями за воскрешение матери, — медленно произнёс он, и в его голосе послышалось что-то похожее на уважение. — Вы сожгли свой дом, инсценировали провал и бежали, чтобы защитить её. Это… это выше любой военной стратегии, которую я знаю. И вы сделали это, не пролив ни капли чужой крови. Это не просто алхимия. Это чудо.

Он шагнул ближе и положил руку на моё плечо, поверх стальных пластин экзоскелета. Его прикосновение было твёрдым, но не давящим.

— Я не буду спрашивать больше, — сказал он, и я почувствовал, что он намеренно обходит тему протезов, позволяя мне сохранить лицо. — Ваша тайна останется между нами. Но теперь вы должны идти дальше. Найдите своего отца. Найдите способ окончательно сокрушить Данте. И знайте: я всегда буду на вашей стороне, даже если мне придётся сжечь все бюрократические преграды в Централе.

— Спасибо, Рой, — сказал я, и в этом слове было больше, чем простая благодарность. Это было признание нашего союза, который выдержал проверку правдой, даже если правда была неполной.

Мустанг коротко кивнул, надел перчатки и, обернувшись к своим солдатам, громко скомандовал:

— Отряд! Они уходят в ущелье! Открыть огонь поверх голов! — и, добавив уже тише, для нас: — Бегите. Я задержу их надолго.

Мы с Алом, облегчённо выдохнув, нырнули в расщелину скал, оставляя позади дымовую завесу,

взрывы и человека, который только что принял нашу самую страшную тайну — и позволил нам сохранить вторую. Впереди был Ризенбург. Впереди была мама. И теперь мы знали: мы не одни.

Глава 43. Светлый Хоэнхайм

Часть 1. Раздор среди гомункулов

В старинном, погружённом в вековую сырость особняке на самой глухой окраине Централа горел лишь один тусклый, качающийся фитиль керосиновой лампы. Жёлтый, неверный свет отбрасывал на потемневшие деревянные панели стен длинные, деформированные тени. Воздух в просторной зале был тяжёлым, спёртым, насквозь пропитанным приторным, солоноватым привкусом алхимической извести, застоявшейся крови и серы.

Похоть стояла у огромного арочного окна, заложив руки за спину и неотрывно всматриваясь в непроглядную ночную тьму столичных улиц. Её безупречный, холодный силуэт замер, словно высеченный из куска чёрного мрамора. Внутри неё бушевал настоящий, неукротимый хаос. Всего несколько дней назад в особняке Данте она своими собственными глазами видела то, что канонический закон алхимии считал абсолютной, невозможной ересью. Жадность, её соратник, под воздействием лазурной энергии Эдварда Элрика превратился в обычного, дышащего живого человека. И просто ушёл. Этот факт грыз её душу, заставляя пробуждаться те самые чужие, похороненные глубоко внутри воспоминания женщины, чьё лицо она носила.

— Ты сознательно отказываешься идти по их следу, — раздался из густой тени за массивным книжным

шкафом ледяной, сорвавшийся на шипение голос Зависти. — Ты проигнорировала прямой приказ Фюрера. Почему?

— Потому что вся эта бесконечная охота больше не имеет никакого смысла, Зависть, — ответила Похоть, даже не оборачиваясь к нему, а её бархатный голос прозвучал удивительно тихо и устало. — Братья Элрики не просто ищут Философский камень. Они создали то, чего наша создательница не могла постичь четыреста долгих лет. Они нашли чистый лазурный источник. Они больше не представляют для нас угрозы.

— Они представляют смертельную угрозу для всего нашего существования! — Лень медленно вышла из дальнего угла комнаты, и её фиолетовые глаза, точь-в-точь как у Триши Элрик, зловеще сверкнули в тусклом свете лампы. — Они копают под фундамент Главного командования. Они собираются полностью разрушить Пятую лабораторию и разомкнуть круг декомпозиции. Если они сделают это, мы никогда не получим завершённый, стабильный Философский камень. Мы никогда не станем людьми.

— А ты уверена, что Данте вообще собиралась делать нас людьми? — Похоть резко развернулась к ним, и в её фиолетовом взгляде впервые полыхнул холодный, бритвенно-острый огонь подлинного бунта. — Посмотри на Жадность! Эдвард вернул ему человечность без единой капли чужой крови. А Данте? Она веками кормит нас обещаниями, заставляя разжигать войны по всей стране, использовать невинных жителей Лиора и Ишвара как дешёвое топливо для автоклавов. Она просто паразитирует на нашем стремлении жить. Она использует нас как безвольные клинки, чтобы защитить своё собственное, грязное бессмертие.

— Ты предательница, Похоть, — Зависть шагнул вперёд, его пальцы судорожно сжались, а тело на мгновение исказилось, багровые искры затрещали на коже. — Ты забыла, кто подобрал тебя, когда ты была лишь бесформенной гниющей массой в подвале. Ты забыла, кому обязана своим существованием.

— Я ничего не забыла, Зависть, — ледяным тоном отрезала она, плавно направляясь к выходу из залы. Её чёрное платье шуршало по мокрому паркету. — Но я больше не буду безмозглой собакой на её поводке. Наш контракт расторгнут. Я ухожу, чтобы найти свой собственный путь. И если вы попытаетесь встать у меня на дороге — мои когти не пощадят вас.

Она скрылась за тяжёлой дубовой дверью, оставив гомункулов в звенящей, удушающей тишине.

— Она официально объявила нам войну, — Лень процедила сквозь зубы, оборачиваясь к Зависти. — Мы обязаны ликвидировать её до того, как она доберётся до Элриков и выдаст им уязвимые узлы матрицы.

— Я лично займусь ею, — Зависть мерзко, торжествующе ухмыльнулся, и его лицо начало медленно плавиться, принимая очертания одного из конвойных офицеров. — Но сначала мы должны завершить расстановку сил в Лиоре. Фюрер уже отдал приказ Кимбли выдвигаться на юг во главе карательных корпусов. Ловушка для Шрама и старшего Элрика должна захлопнуться идеально.

Гомункулы бесшумно растворились в темноте коридоров, оставляя особняк погружённым в могильный покой.

Часть 2. Централ

На следующее утро мы с Алом и Лирой стояли в кабинете полковника Роя Мустанга в Главном армейском штабе. Вчерашний день был полон событий: мы бежали из Ризенбурга, встретили Мустанга в каньонах, он прикрыл наш побег, и теперь мы снова были в столице — грязные, уставшие, но полные решимости.

Мы пришли прямо с вокзала, даже не заезжая в гостиницу. Винри осталась в Ризенбурге с мамой и родителями, и я был рад, что она в безопасности. Но мысли об отце, о том, что он где-то рядом, не давали мне покоя. Мы должны были найти его, и Мустанг обещал помочь.

Кабинет полковника был залит утренним светом. Мустанг стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на плац, где маршировали солдаты. Рядом с ним сидела старший лейтенант Риза Хоукай, её пистолет был наготове, а у её ног дремал Чёрный Хаяте. В углу стояли лейтенант Хэвок и сержант Фьюри, их лица были напряжёнными.

— Полковник, — сказал я, входя в кабинет и сбрасывая с плеч плащ. — Мы должны поговорить. Это важно.

Мустанг медленно повернулся. Его тёмные глаза внимательно оглядели нас, задержались на моей фальшивой автоброне, затем на перевязанных руках Ала.

— Я слушаю, Элрик. Но предупреждаю: у меня мало времени. Брэдли ужесточил патрули, и каждый мой шаг отслеживается.

— Мы знаем, — сказал Ал, делая шаг вперёд. — Но вы должны знать правду. Кинг Брэдли — не человек. Он — гомункул. Гомункул Гордыня, созданный Данте.

В кабинете повисла звенящая тишина. Хэвок поперхнулся дымом от сигареты и закашлялся. Фьюри удивлённо поднял бровь. Даже Хоукай, обычно невозмутимая, слегка нахмурилась.

Мустанг не шевельнулся. Его лицо оставалось каменной маской.

— Я знаю это, — сказал он тихо, и его голос прозвучал пугающе спокойно. — Моя контрразведка докопалась до этого ещё несколько недель назад, после того как Хьюз передал мне свои отчёты. Но у меня не было доказательств. Теперь, когда вы подтверждаете это лично…

— Мы видели его, — сказал я. — Мы видели фиолетовый свет в его глазах, его неестественную силу. Он не человек, полковник. И он управляет этой страной по приказу Данте.

Мустанг медленно кивнул.

— Это объясняет многое. Почему он отправил меня на Север, почему он приказал арестовать вас, почему он поддерживает Кимбли. Я давно подозревал, что за всем этим стоит нечто большее, чем просто военная диктатура.

— Мы должны остановить его, — сказала Лира. — Но сначала нам нужно найти отца Эдварда. Ван Хоэнхайм. Он единственный, кто знает, как победить Данте.

Мустанг посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Ваш отец… Я слышал о нём. Он был легендой среди алхимиков, а потом исчез. Говорят, он искал способ обойти закон эквивалентного обмена.

— Он нашёл его, — сказал я. — Он создал Синий Камень. Мы использовали его, чтобы воскресить

маму. И теперь он здесь, в Централе. Мы должны найти его.

— У меня есть информация, — сказал Мустанг, подходя к столу и доставая карту. — Мои люди заметили странные перемещения в южных каньонах. Там, у старого дуба, недалеко от архивного сектора, часто появляется человек, который не числится в официальных документах. Возможно, это ваш отец.

— Мы отправимся туда, — сказал Ал.

— Нет, — отрезал Мустанг. — Вы не пойдёте туда через главные ворота. Брэдли установил за вами слежку. Я выведу вас через подземные коммуникации, а вы проберётесь к тому месту через старые туннели. У вас есть два часа, затем патрули сменятся. Если вы не вернётесь к тому времени, я не смогу вас прикрыть.

— Мы вернёмся, — сказал я, сжимая кулаки.

Мы двинулись к выходу, но на пороге я остановился.

— Полковник, — сказал я, оборачиваясь. — Спасибо, что верите нам.

Мустанг усмехнулся, и на его лице впервые появилась слабая улыбка.

— Я всегда верил в тебя, Элрик. Даже когда ты нёс чушь про свои «потерянные» конечности.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу. Он знал. Он всегда знал, что мои протезы — фальшивка.

— Иди, — сказал он. — Найди своего отца. А мы займёмся Брэдли.

Часть 3. Встреча с отцом

Мы выбрались из штаба через подземные коллекторы, чертежи которых нам передал Хьюз перед своим отъездом. Промозглый, сырой ветер Централа швырял нам в лица обрывки пыли и сухих листьев, когда мы выскочили на каменистый склон высокого холма, нависающего над южной окраиной столицы. Солнце медленно катилось к горизонту, окрашивая бескрайние облака в зловещие, багровые и золотистые тона.

Я тяжело дышал, опираясь на колени. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке противно скрипел, но я не обращал внимания на боль. Мы шли уже час, ориентируясь по карте, которую набросал Мустанг.

— Там, — сказала Лира, указывая вперёд. — Я вижу старого дуба.

Там, на самом краю обрыва, спиной к нам стоял высокий, широкоплечий мужчина в длинном, помятом дорожном пальто. Его золотистая борода была аккуратно подстрижена, а длинные волосы собраны в тугой узел на затылке. Он неподвижно смотрел на раскинувшийся внизу мегаполис, и вся его фигура дышала такой невыносимой, вековой усталостью, что у меня на секунду перехватило дыхание.

Ван Хоэнхайм. Наш отец.

Мы подошли ближе. Он медленно повернулся, и его усталые, тёплые глаза встретились с моими. В них была такая глубокая, вековая боль, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Вы пришли, — тихо произнёс он, и в его голосе послышалось облегчение. — Я знал, что вы найдёте меня. Я чувствовал вашу лазурную энергию ещё издалека.

— Ты знал, что мы ищем тебя? — спросил Ал, делая шаг вперёд.

— Знал, — ответил Хоэнхайм, и в его глазах мелькнула тень вины. — Я следил за вами издалека. Я видел, как вы росли, как вы искали ответы. Я хотел подойти к вам много раз, но боялся, что моё присутствие привлечёт внимание Данте.

— Почему ты ушёл? — спросил я, и мой голос дрогнул. — Почему ты оставил нас?

Хоэнхайм опустил голову, его широкие плечи вздрогнули.

— Я ушёл, чтобы защитить вас, Эдвард. Данте искала меня. Она хотела использовать мои знания, чтобы завершить свой план. Если бы я остался, она бы уничтожила всех, кто был мне дорог. Я должен был исчезнуть. Я оставил вам Синий Камень, надеясь, что вы сможете закончить то, что я не успел.

— Мы нашли его, отец, — сказал Ал. — Мы вернули маму к жизни. Она жива и здорова.

Хоэнхайм замер, его глаза расширились от изумления. Слёзы покатились по его щекам.

— Вы сделали это? Вы действительно смогли? Вы перешагнули через барьер, над которым я бился столетиями?

— Мы использовали твой камень, — ответил я. — Мы нашли способ обойти закон эквивалентного обмена. Без жертв.

Хоэнхайм обнял нас, и я почувствовал, как его руки дрожат.

— Мои мальчики… вы сделали невозможное. Простите меня… простите, что я не был рядом.

— Мы прощаем тебя, отец, — сказал я, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Но теперь ты должен помочь нам. Данте всё ещё здесь, и она охотится за нами. Мы должны остановить её.

— Я знаю, где она, — ответил Хоэнхайм, отстраняясь, и его лицо стало серьёзным. — Она в старом особняке на окраине архивного сектора. Я должен пойти туда. Это моя вина, мой вековой грех, и я обязан искупить его сам.

— Мы пойдём с тобой! — воскликнул я.

— Нет, Эдвард, — наотрез отказался он, преграждая нам путь. — Если вы пойдёте со мной, она использует вас против меня. Я должен встретиться с ней лицом к лицу. Ждите меня здесь. На этом холме. Я вернусь.

Он посмотрел на нас долгим, тёплым взглядом, словно хотел запомнить наши лица.

— Я люблю вас, мальчики. Знайте это. Что бы ни случилось… я всегда любил вас.

Он развернулся и стремительным, широким шагом направился вниз по склону холма, скрываясь в вечернем тумане правительственного квартала. Мы остались стоять на холме, глядя ему вслед.

— Он ушёл, — тихо сказала Лира. — Он хочет защитить нас.

— Я знаю, — ответил я, сжимая кулаки. — Но мы не можем просто ждать. Мы должны идти за ним.

— Нет, — сказал Ал, положив руку на моё плечо. — Он сказал ждать. Мы должны доверять ему.

Мы сели на траву под старым дубом и стали ждать. Время тянулось мучительно медленно. Солнце уже почти село, окрашивая небо в багровые тона. Ветер дул с востока, и я сжимал в кармане Синий Камень,

чувствуя, как его тепло пульсирует в такт с моим сердцем.

Часть 4. Тайная встреча *(То, чего братья не видели)*

Хоэнхайм уверенно подошёл к массивному, уединённому особняку из тёмного кирпича, который стоял на самом краю архивного сектора. Тяжёлая кованая дверь оказалась не заперта, и отец бесшумно вошёл внутрь, проникая в прохладный, затенённый полумрак заброшенного здания. Ни одной живой души не было рядом, никто не следил за ним из-за портьер, и весь особняк казался полностью вымершим. Он поднялся по мраморной лестнице и толкнул тяжёлые резные двери центральной залы.

В самом центре просторной, залитой мягким янтарным светом камина залы стояла женщина. Её золотистые, безупречно ухоженные волосы были аккуратно уложены в строгое, короткое каре, а на плечи спадало элегантное шёлковое платье тёмно-фиолетового оттенка. Она плавно повернулась на звук его шагов, и её серо-голубые глаза встретились со взглядом вошедшего Хоэнхайма. На её губах играла тонкая, издевательская и абсолютно уверенная в своём превосходстве ухмылка.

Хоэнхайм замер на пороге как вкопанный, его дыхание мгновенно перехватило, а пальцы судорожно впились в лацканы дорожного пальто. В его глазах за круглыми стёклами очков не отразилось ни единой секунды замешательства или недоумения. Как человек, который прожил с ней рука об руку две сотни лет, он мгновенно, в первую же долю секунды узнал это лицо.

— Данте… — низким, сорвавшимся на глухой рокот шёпотом произнёс Хоэнхайм. — Ты… ты омолодилась. Ты вернула себе своё первое тело. Ты использовала Синий Камень моих сыновей.

— Твои сыновья сделали это возможным, Хоэнхайм, — её бархатный голос эхом отразился от каменных стен залы. Она ступила вперёд, и её шаги были лёгкими, почти невесомыми. — Они создали Синий Камень в Пятой лаборатории, и я забрала его. Мне хватило этой чистой лазурной силы, чтобы запустить обратную матрицу, полностью выжечь старую гниющую плоть старухи и вернуть себе эту безупречную вечную молодость. Твои мальчики сами подготовили для меня этот подарок, даже не подозревая об этом.

— Ты чудовище, Данте, — Хоэнхайм в ярости вскинул руки, и его золотистая аура алхимической энергии затрещала вокруг его пальцев, готовая сокрушить стены особняка. — Ты использовала их труд, чтобы продолжить своё грязное паразитирование на этом мире! Я не позволю тебе прикасаться к моим сыновьям!

— Твоя сила больше не пугает меня, Хоэнхайм, — ледяным, бесстрастным тоном ответила она, делая короткий, едва заметный щелчок пальцами правой руки. — Этот мир принадлежит мне. И твои дети либо станут моими верными слугами, либо растворятся в багровом мареве декомпозиции плоти вместе со всем Лиором. Приведи их ко мне. Или они погибнут.

— Я не приведу их, — сказал Хоэнхайм. — Я скорее умру, чем позволю тебе использовать их.

В ту же секунду прямо из-под паркета залы, с корнем выламывая дубовые доски, с диким, утробным ревом выскочил Зависть, преграждая Хоэнхайму путь к алтарю. Началась схватка. Потоки багровой и

золотистой энергии столкнулись под куполом, сокрушая фундамент особняка, пока Хоэнхайм отчаянно пытался пробиться к своей вековой сопернице.

Он отбивался от Зависти, но гомункул был силён. Хоэнхайм понимал, что не сможет победить здесь. Он должен был уйти, чтобы защитить сыновей.

— Ты не сможешь остановить меня, Хоэнхайм, — сказала Данте, наблюдая за схваткой с холодной улыбкой. — Ты всегда был слабее меня. Иди к своим сыновьям. Я даю тебе один шанс. Приведи их, или я уничтожу их сама.

Хоэнхайм вырвался из объятий Зависти и бросился к выходу. Он бежал по коридорам особняка, слыша за спиной торжествующий смех Данте.

Он выскочил на улицу, и ночной воздух обжёг его лицо. Он остановился на мгновение, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Он думал о своих сыновьях, о том, как они ждут его на холме. Он хотел вернуться к ним, сказать им, чтобы они бежали. Но он знал: если он вернётся, Данте проследит за ним и найдёт их. Единственный способ защитить их — уйти. Навсегда.

Он развернулся и побежал в противоположную сторону, прочь от холма, прочь от сыновей, в темноту ночного Централа. Он исчез в лабиринте улиц, оставляя позади особняк, Данте и всё, что было ему дорого.

Данте осталась стоять в центре залы. В её глазах горел холодный, торжествующий свет.

— Они придут, — прошептала она. — Они не смогут устоять.

Часть 5. Ожидание

Мы сидели на холме под старым дубом, глядя на заходящее солнце. Прошло уже три часа, а отец не возвращался. Луна взошла, и ночь опустилась на Централ, окутывая город холодным, серебристым светом. Ветер дул с востока, и я сжимал в кармане Синий Камень, чувствуя, как его тепло пульсирует в такт с моим сердцем.

— Где он? — спросил Ал, и в его голосе послышалась тревога. — Он обещал вернуться.

— Может быть, он задержался, — сказала Лира, хотя в её голосе не было уверенности. — Может быть, он разговаривает с Данте.

— Слишком долго, — я покачал головой. — Что-то случилось. Я чувствую это.

Я встал и подошёл к краю обрыва, вглядываясь в темноту. Внизу, в правительственном квартале, горели редкие огни. Никаких признаков отца.

— Мы должны идти за ним, — сказал я. — Мы не можем просто сидеть здесь и ждать.

— Но он сказал ждать, — возразил Ал. — Он сказал, что вернётся.

— А если он не вернётся? — я повернулся к брату. — Если Данте схватила его? Если он нуждается в нашей помощи?

Ал посмотрел на меня, и в его глазах я увидел ту же борьбу, что и в своих. Он тоже боялся за отца, но он пытался верить его словам.

— Мы подождём до рассвета, — сказал он наконец. — Если он не вернётся к рассвету, мы пойдём в Централ и найдём его.

Я хотел возразить, но Лира положила руку на моё плечо.

— Он прав, Эд. Мы должны дать ему шанс. Если он сказал, что вернётся, значит, он постарается.

Я тяжело вздохнул и сел обратно на траву. Мы ждали. Час за часом. Ночь тянулась бесконечно. Я смотрел на звёзды, считал их, пытаясь отогнать тревогу. Ал и Лира сидели рядом, их руки были переплетены, и я замечал, как она время от времени касалась его плеча, успокаивая.

К рассвету небо на востоке начало светлеть. Первые лучи солнца коснулись горизонта, окрашивая облака в бледно-розовые тона. Я встал, чувствуя, как затекли ноги и спина. Ал и Лира поднялись следом.

— Он не пришёл, — сказал я глухо. — Он не вернулся.

Ал опустил голову. Его плечи поникли.

— Что мы будем делать? — спросила Лира.

— Мы пойдём в Централ, — ответил я, сжимая кулаки. — Мы найдём его. И мы найдём Данте. Мы должны остановить её.

Мы двинулись вниз по склону холма, оставляя позади старого дуба. Впереди нас ждал Централ, и мы не знали, что ждёт нас там. Мы не знали, что отец ушёл, чтобы защитить нас. Мы не знали, что Елена, которая так помогла нам в пустыне, была той самой Данте, с которой мы собирались сразиться. Мы просто шли вперёд, веря, что правда на нашей стороне.

Глава 44. Человеческая трансмутация

Часть 1. Возвращение в Централ

Мы вошли в Централ на рассвете, грязные, измученные, но полные холодной решимости. Ночной переход через южные каньоны, а затем через подземные коллекторы, которыми нас провёл Мустанг, вымотал нас до предела. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке, ювелирно перебранный Домиником в Раш-Вэлли, натужно скрипел при каждом шагу. Под стальными пластинами скрывалась моя абсолютно целая, живая плоть, но перед каждым встречным военным я продолжал симулировать скованность движений «инвалида». Наша маскировка была единственной защитой мамы, и мы не имели права ошибиться.

Ал шёл рядом, его перевязанные бинтами руки устало свисали вдоль тела. Лира держалась чуть позади, её фиолетовые глаза внимательно сканировали каждую тень, каждую арку, каждый переулок. Она несла на плече свою походную сумку, где были надёжно спрятаны три наших новых Синих Камня.

Мы направились прямо в Главный армейский штаб. Елена ушла от нас ещё вчера, когда мы только начинали путь из Централа в Ризенбург. Она сослалась на срочные дела, оставила нас на развилке, и больше мы её не видели. Мы так и не узнали, зачем она появилась в нашей жизни и почему так внезапно исчезла. Но сейчас это не имело значения. Отец ушёл на встречу с Данте и не вернулся. Мы должны были найти его.

В штабе нас уже ждали. Полковник Рой Мустанг стоял у окна своего кабинета, глядя на плац, где маршировали солдаты. Рядом с ним, сжимая в руках

пистолет, сидела старший лейтенант Риза Хоукай. У её ног, свернувшись калачиком, дремал Чёрный Хаяте. В углу стояли лейтенант Жан Хэвок и сержант Каин Фьюри.

— Полковник, — сказал я, входя в кабинет и сбрасывая с плеч плащ. — Мы должны поговорить.

Мустанг медленно повернулся. Его тёмные глаза внимательно оглядели нас — мою фальшивую автоброню, перевязанные руки Ала, усталое лицо Лиры.

— Я вижу, вы не нашли его, — тихо сказал он.

— Мы нашли, — ответил я, и мой голос дрогнул. — Он ушёл на встречу с Данте. Он сказал ждать, но не вернулся. Мы ждали до рассвета. Его нет.

Мустанг нахмурился. Его пальцы в белых перчатках сжались в кулаки.

— Значит, Данте всё-таки добралась до него.

— Мы должны найти его, — сказал Ал, делая шаг вперёд. — Мы не можем оставить его одного.

— Вы не можете просто так пойти в особняк Данте, — ответил Мустанг. — Весь правительственный квартал оцеплен личной гвардией Брэдли. На вас официально выписан ордер на арест. Если вы высунете нос из этого крыла, вас расстреляют на месте без суда.

— Тогда что нам делать? — спросила Лира. — Мы не можем просто сидеть и ждать.

— Вы будете ждать, — сказал Мустанг. — Я выведу свои верные подразделения Хэвока и Бреды на передовую. Мы заблокируем Кимбли и отвлечём внимание Брэдли. А вы тем временем… — он замолчал, и в его глазах мелькнула тень сомнения.

— Что? — спросил я.

— Вы должны найти способ проникнуть в особняк Данте через подземные коммуникации. Хьюз оставил нам карты старых туннелей, которые ведут прямо под архивный сектор. Это единственный путь.

Я стиснул зубы. Мы снова должны были действовать в тени, прятаться, ждать. Но я знал, что Мустанг прав. Безрассудная атака погубит нас всех.

— Мы сделаем это, — сказал я. — Мы найдём отца.

Часть 2. Встреча с Джульеттой Дуглас

Мустанг провёл нас через подземные переходы штаба, и мы вышли в главный холл министерства. Мраморная лестница казалась бесконечной, уходящей вниз, в холодную серость правительственного квартала. Мы спускались быстро, стараясь не привлекать внимания, но на полпути я замер, и Ал едва не налетел на меня со спины.

Навстречу нам по широкому пролёту неторопливо поднималась женщина в строгом, безупречно отутюженном синем мундире Главного командования.

У меня мгновенно пересохло во рту, а сердце пропустило удар. На меня смотрело лицо моей собственной матери. Те же мягкие каштановые волосы, аккуратно зачёсанные назад, та же тонкая линия скул, тот же изгиб губ, который я помнил с раннего детства. Но её глаза… они отливали холодным, бездушным и пронзительным фиолетовым светом гомункульной связи. Я застыл как вкопанный, чувствуя, как внутри всё покрывается ледяной коркой.

— Эдвард Элрик, — произнесла она мягким, тихим и пугающе знакомым голосом, от которого у меня поползли мурашки по спине. — Поздравляю с успешным возвращением в столицу. Я — Джульетта Дуглас, личный секретарь Фюрера. Впредь я буду лично курировать все ваши дела.

Я судорожно сглотнул, отчаянно пытаясь заставить свой ломающийся голос звучать ровно.

— Я… я помню вас, Джульетта, — выдавил я сквозь зубы, силой удерживая экзоскелет от дрожи. — Вы были на трибунах во время экзамена.

— Да, Эдвард, — она слегка прищурилась, и её фиолетовый взгляд на долю секунды скользнул по моим стальным пластинам. — Я очень внимательно слежу за всеми талантливыми алхимиками в этой стране. Особенно за теми, кто демонстрирует столь выдающиеся результаты в столь юном возрасте.

Ал за моей спиной замер, его дыхание перехватило. Лира стояла неподвижно, её рука инстинктивно потянулась к сумке с Синими Камнями.

— Прошу прощения, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. — Нам нужно идти. У нас дела.

— Разумеется, — улыбнулась Джульетта. — Я уверена, что мы ещё встретимся.

Она плавно прошла мимо, оставив после себя шлейф тонкого, приторного аромата дорогих духов. Я стоял неподвижно, пока звук её шагов не затих в конце коридора.

— Это она, — прошептал Ал. — Та самая женщина. Она… она вылитая мама.

— Я знаю, — ответил я. — Но это не мама. Это Лень. Гомункул, который родился из нашей ошибки. Она носит лицо мамы, но внутри неё лишь пустота.

— Она знает, кто мы, — сказала Лира. — Она видела нас.

— Пусть видит, — я сжал кулаки. — Мы не можем позволить ей запугать нас. Идёмте.

Часть 3. Мустанг на Севере *(То, чего мы не видели)*

Пока мы сражались с гомункулами в Централе, на далёком Севере происходили свои события.

Полковник Рой Мустанг стоял у огромного окна в своём кабинете в Северной крепости Бригс. Его лицо было холодным, непроницаемым, а в глазах горел опасный огонь. На самом деле, это был не настоящий Мустанг — он остался в Централе, готовя восстание против Брэдли. Вместо него в синей офицерской форме стояли лейтенант Жан Хэвок и сержант Каин Фьюри, наглухо застегнув воротники шинелей от пронизывающего холода. Они выглядели непривычно скованно, то и дело поправляя сползающие на глаза фуражки.

Подполковник Алекс Луи Армстронг стоял на плацу перед ровными рядами гарнизона. Его огромная, массивная фигура казалась незыблемой скалой посреди бушующей метели. Он сурово окинул взглядом замерших людей.

— Солдаты! Верные защитники Аместриса! До меня и до высших офицеров этого сектора дошли неопровержимые, страшные доказательства из самой

столицы! Наш Фюрер, Кинг Брэдли — не человек! Он — чудовище, гомункул Гордыня, созданный запретной алхимией! Он годами использовал нас как безвольных пешек в своей грязной игре!

Среди солдат пронёсся глухой шёпот. Армстронг сделал шаг вперёд.

— Мы не будем больше выполнять его преступные приказы! Отныне этот гарнизон объявляет северный мятеж против Центрального командования! Мы разворачиваем наши штыки и выдвигаемся обратно в столицу, чтобы помочь полковнику Мустангу свергнуть эту власть и вернуть закон и справедливость в Аместрис! Кто со мной — поднимите оружие!

Толпа на площади в едином порыве взревела. Сотни винтовок с лязгом взметнулись в морозный воздух. Армстронг чувствовал, как ледяной ветер бьёт в лицо, но внутри него горел чистый огонь надежды. Он знал, что этот штурм Централа станет его главным боем.

Хэвок и Фьюри стояли на балконе крепости, глядя на ликующий плац.

— Надеюсь, наш маскировочный манёвр сработает идеально, — тихо прошептал Хэвок, выпуская изо рта облачко пара.

— Должно сработать, лейтенант, — ответил Фьюри. — Иначе полковника в столице просто зажмут в угол.

Часть 4. Охота на Ала

Мы вышли из штабного крыла, когда солнце уже начало клониться к закату. Промозглый ветер гнал по

пустынным проспектам обрывки старых газет и серую пыль. Столица казалась огромным, бездушным склепом.

Мы решили срезать путь через заброшенные склады архивного сектора, чтобы незаметно добраться до ведомственной гостиницы. Но стоило нам углубиться в узкий переулок, как воздух вокруг нас резко налился тяжёлым статическим электричеством.

Из густой тени бесшумно выскользнули они. Гомункулы.

Похоть шла первой, её чёрное платье шуршало по мокрой брусчатке, а на губах играла холодная, высокомерная усмешка. Зависть шёл чуть позади с пугающей кошачьей грацией, его фиолетовые глаза горели диким, торжествующим огнём. Обжорство замыкал кольцо, его массивная туша тяжело переваливалась с ноги на ногу, а челюсти судорожно клацали.

— Эдвард Элрик, — прозвучал бархатный, мягкий голос Похоти. — Вы всё-таки вернулись. Вы принесли синий камень? Отдайте его по-хорошему, и, возможно, я разрешу этой девчонке уйти живой.

— Отвалите от нас, твари! — яростно рявкнул я, вскидывая вперёд правую руку. Полые металлические пластины экзоскелета издали резкий скрежет.

Зависть мерзко расхохотался, и его бледное тело начало плавиться. За долю секунды он принял облик испуганной Розы, а затем его плоть снова исказилась, превращаясь в сержанта Броша.

— Вы не сможете сбежать! — прорычал Зависть. — Хозяин требует камень! Обжорство, съешь младшего!

Толстяк с диким ревом бросился на Альфонса. Ал действовал на рефлексах: резко соединив ладони, он заземлил контур, и из мостовой взметнулись мощные гранитные пилоны, намертво сковавшие движения монстра. Но Похоть не собиралась стоять в стороне. Её тонкие пальцы с сухим щелчком удлинились, превращаясь в бритвенно-острые лезвия. Одним круговым движением она в щепки разнесла укрытия Ала.

Один из её выпадов пришёлся прямо по моему правому плечу. Стальное остриё с резким лязгом чиркнуло по наплечнику экзоскелета, согнув пластину и вогнав её края в мою настоящую, живую кожу. Я стиснул зубы от боли, сдерживая крик, чтобы не выдать наш главный секрет.

— Назад, Эд! — Лира вскочила вперёд, вскидывая руки. Её воздушная алхимия закружилась вокруг нас плотным вихрем, отбивая атаки гомункулов.

Под прикрытием воздушного урагана нам чудом удалось вырваться из капкана и нырнуть в сеть подземных коллекторов.

Часть 5. Похоть становится человеком

Позже той же ночью, когда над Централом разразился проливной холодный ливень, Похоть тайно нашла нас в заброшенном подвале старого склада у набережной. Она тяжело дышала, прислонившись спиной к сырой кирпичной стене. Её тело пульсировало от нестабильной, разрушительной энергии поглощённых красных камней. Из её пор сочилась густая сукровица, а фиолетовые глаза лихорадочно блестели в полумраке.

Я инстинктивно вскинул каменный клинок, готовый к новому бою, но она лишь бессильно опустила свои длинные лезвия обратно в пазы пальцев и медленно опустилась на колени прямо в грязную солому. Её плечи дрожали, а дыхание было прерывистым — я никогда не видел гомункула в таком состоянии.

— Я больше не могу… — тихо, с такой глубокой, нечеловеческой болью и тоской произнесла она, заставив меня замереть на месте. В её фиолетовых глазах впервые не было прежней жестокости — только бездонная усталость и отчаяние. — Я устала быть безвольной куклой в руках Данте. Она обманула нас. Она веками обещала сделать нас людьми, заставляла разжигать войны, уничтожать Ишвар и Лиор ради Философского камня, а сама… сама просто использует нас как расходное оружие.

Она подняла на меня глаза, и я увидел в них слёзы — настоящие, человеческие слёзы.

— Жадность… я видела, что ты сделал с ним в её особняке. Ты вернул ему человечность. Он стал настоящим… живым. Я тоже хочу, Эдвард. Я больше не могу выносить эти чужие, мучительные воспоминания. Я помню Якоба… — её голос сорвался на шёпот. — Помню его руки, его голос… Сделай меня человеком, Стальной. Я умоляю тебя.

Я посмотрел на Альфонса. Мой младший брат кивнул мне, и в его глазах я увидел то же самое милосердие, которое спасло Жадность. Лира подошла ближе, открывая свою сумку, и я увидел мягкое лазурное свечение, исходящее от наших новых Синих Камней. Наша алхимия была создана не для убийства, а для возвращения и защиты жизни.

— Хорошо, — сказал я, подходя к ней и вытаскивая из кармана наш Синий Камень. Его лазурное сияние ярко вспыхнуло в полумраке подвала, заливая сырые

стены чистейшим голубым светом. — Но ты должна понимать: я не знаю, что произойдёт. Этот камень перестраивает структуру гомункула, возвращая его к первородной человеческой форме. Но я никогда не делал этого с таким старым и сильным гомункулом, как ты. Ты готова рискнуть?

Она подняла на меня глаза, и в них горела такая отчаянная надежда, что у меня сжалось сердце.

— Я готова, — прошептала она. — Лучше умереть человеком, чем вечно существовать монстром.

Ал быстро начертил на полу круг обратной декомпозиции плоти, используя инструкции из каталогов Марко, которые мы запомнили после расшифровок Шески. Линии круга были сложными, переплетались в замысловатые узоры, но Ал работал уверенно и точно. Похоть встала в самый центр контура, её тело мелко дрожало, а из уголков глаз текли слёзы смешанные с багровой сукровицей. Я глубоко вздохнул, резко хлопнул в ладоши и со всей силы припечатал ладони к медной панели круга.

Лазурная вспышка колоссальной силы озарила всё пространство подвала, пробивая сырость и тьму. Чистая энергия Врат Истины лавиной ворвалась в тело гомункула, вступая в реакцию с поглощёнными ею когда-то красными камнями. Камень в моих руках ярко пульсировал, принимая на себя весь сокрушительный удар трансмутации плоти.

Похоть судорожно закричала, её тело выгнулось дугой от невыносимого напряжения, а багровые Философские камни со звоном и треском начали выпадать из её пор прямо на земляной пол, мгновенно превращаясь в серый, безжизненный пепел. Лазурное сияние полностью перестроило её молекулярную структуру, возвращая её к первозданному началу.

В этот момент я вдруг ясно осознал то, чего не понимал до конца. Сквозь ослепительный лазурный свет я увидел, как из бесконечной темноты Врат Истины медленно, словно драгоценность, вытягивается настоящая, когда-то погибшая душа. Это была душа той самой девушки, которая когда-то умерла от лихорадки — той, чьё лицо и воспоминания Похоть носила как проклятие все эти долгие годы. Синий Камень не просто перестраивал плоть гомункула — он возвращал украденное смертью, соединяя потерянную душу с очищенным телом.

Похоть — нет, уже не Похоть — смотрела на меня сквозь слёзы, и я видел, как её фиолетовые глаза медленно меняют цвет, становясь тёплыми, живыми карими. Багровая пелена уходила, уступая место мягкому человеческому свету.

Когда сияние наконец погасло, на коленях в соломе стояла молодая женщина. Её внешность полностью, кардинально изменилась. Алхимия лазурита вернула ей подлинную, первородную плоть той самой девушки, из неудачной трансмутации которой она когда-то родилась. Перед нами предстала хрупкая, бледная девушка с тонкими чертами лица, длинными каштановыми волосами и тёплыми, живыми карими глазами. Она приняла облик именно той возлюбленной Якоба, чьё лицо и образ теперь принадлежали ей не как дефектному гомункулу, а по праву живого, дышащего человека.

Под её грудью ровно, спокойно и сильно билось настоящее человеческое сердце.

Она медленно подняла руки, рассматривая их с благоговением. Пальцы больше не превращались в стальные лезвия — это были обычные, человеческие пальцы, немного дрожащие, покрытые тонкой кожей.

— Я… я чувствую тепло… — прошептала она, и её голос больше не был бархатным и холодным — он стал мягким, почти детским. — Я по-настоящему дышу… Я чувствую своё сердце… Моё имя… я помню его… — она зажмурилась, словно пытаясь удержать воспоминание. — Моё имя — Амелия. Я была невестой Якоба. Мы любили друг друга, но я заболела лихорадкой и умерла у него на руках. А потом… потом Данте создала из меня гомункула.

Слёзы текли по её щекам, но это были слёзы облегчения и радости.

— Я помню всё, — прошептала она. — Все эти годы я носила его лицо, его воспоминания, но не могла вспомнить себя. Теперь я снова Амелия. Ты вернул мне мою настоящую душу.

Я опустился перед ней на колени, чувствуя, как кружится голова от перенапряжения. Синий Камень в моей руке остывал, его масса уменьшилась на полмиллиметра — но это была ничтожная плата за спасение души, которая была украдена у смерти много лет назад.

— Ты… ты свободна, — сказал я, и мой голос сорвался от усталости. — Ты больше не гомункул. Твоё тело и твоя душа теперь по-настоящему живые. Ты можешь начать новую жизнь.

Принцип был прост: лазурный катализатор перестраивал багровую матрицу гомункула, возвращая его к первородной человеческой структуре. Чем больше красных камней гомункул поглотил, тем больше энергии требовалось. Но Синий Камень черпал силу напрямую из Врат Истины, поэтому жертв не требовалось. Он не убивал гомункулов — он возвращал им то, что было утрачено. Я понял это, когда перестраивал круг

Марко в Пятой лаборатории. Теперь я мог применять этот принцип к каждому гомункулу.

Амелия посмотрела на меня сквозь слёзы, и в её глазах была такая глубокая благодарность, что у меня перехватило дыхание.

— Ты… ты сделал меня человеком, — прошептала она. — Без жертв. Без смерти. Я снова могу дышать, чувствовать, любить. Спасибо тебе, Эдвард. Спасибо, что вернул меня к жизни.

Она улыбнулась сквозь слёзы и обняла себя руками, словно не веря, что это реальность. Мы дали ей шанс на настоящую жизнь.

Часть 6. Воссоединение

Мы не могли оставаться на складе ни минуты — гомункулы могли вернуться в любой момент. Под покровом ночного ливня мы тайно вывели Амелию из портового сектора и доставили её на самую дальнюю южную окраину Централа, где в полуразрушенном бараке лагеря беженцев скрывался Якоб. Лира шла рядом с ней, бережно поддерживая её под руку, так как новое человеческое тело Амелии было ещё слишком слабым и непривычным к движениям.

Я осторожно постучал в деревянную дверь барака. Через мгновение она приоткрылась, и на пороге появился Якоб — брат Шрама, высокий, исхудавший мужчина с глубокими морщинами на бледном лице. Он настороженно оглядел нас, но стоило его взгляду упасть на стоящую в центре девушку с каштановыми волосами, как он замер на месте, и его дыхание перехватило.

Он не узнал её прежнее лицо гомункула Похоти, но сейчас перед ним стояла его потерянная невеста в своём истинном, человеческом облике, который он помнил каждую ночь все эти семь лет своего заточения.

— Якоб… — тихо, дрожащим от слёз голосом произнесла Амелия, делая робкий шаг вперёд. — Это я… Амелия. Я помню всё. Я помню тебя. Помню нашу любовь. Помню, как мы мечтали о будущем. Я вернулась к тебе, Якоб. Я вернулась.

Мужчина ошеломлённо выдохнул, его глаза наполнились слезами, и он со всего размаху, исступлённо и крепко обнял её, прижимая к своей груди. Они воссоединились после долгих лет кошмара, войн и страданий, которые разрушили их прошлую жизнь. Амелия плакала, уткнувшись носом в его плечо, а Якоб лишь бережно гладил её по волосам, шепча её имя снова и снова.

Я стоял в стороне, глядя на них, и чувствовал, как тяжёлый стальной обруч вины, который давил на меня все эти недели, понемногу начинает ослабевать. Наш чистый Синий Камень сработал идеально. Мы дали ей шанс на настоящую жизнь, без единой жертвы и без пролития чужой крови.

Мы оставили их в лагере и медленно побрели обратно к городу под утихающими каплями дождя. Первая душа была спасена, но впереди нас ждал самый страшный кошмар — Лень уже шла по нашему следу.

— Мы сделали это, — тихо сказал Ал, когда мы вышли на пустынную улицу. — Мы превратили гомункула в человека. Мы вернули Амелию к жизни.

— Да, — ответил я, чувствуя, как усталость накатывает на меня. — Но это только начало. Лень всё ещё где-то там. И она не остановится, пока не уничтожит нас.

— Тогда мы будем готовы, — сказала Лира, сжимая мою руку. — Мы всегда готовы.

Я посмотрел на неё, на Ала, и почувствовал, как внутри закипает новая решимость. Мы спасли Амелию. Мы дали ей шанс на новую жизнь. И мы сделаем то же самое для всех остальных гомункулов. Мы остановим Данте. Мы защитим маму. Мы изменим этот мир.

Дождь стихал, и в разрывах туч начали появляться звёзды. Я сжал в кармане Синий Камень и посмотрел на ночное небо. Впереди нас ждал новый день. Новые битвы. Но теперь у нас была цель, и мы знали, что сможем её достичь.

Глава 45. Запечатывание гомункулов

Часть 1. След в темноте

Ночной Централ за окнами Главного армейского штаба тонул в липком, промозглом тумане, сквозь который блёклые уличные фонари пробивались лишь размытыми желтоватыми пятнами. Я сидел за массивным деревянным столом в нашей временной комнате, полностью погружённый в изучение расшифрованных заметок Марко. Мои пальцы методично перебирали листы, покрытые ровными строчками Шески, а в голове упрямо выстраивались сложные алхимические уравнения.

Нам нужно было спешить. Пятая лаборатория была разрушена, но скрытые механизмы Данте всё ещё продолжали работать. Время поджимало, и ощущение надвигающейся катастрофы вибрировало в самом воздухе. Мы превратили Похоть в человека — Амелию воссоединилась с Якобом, и это было нашей первой настоящей победой. Но впереди нас ждали другие гомункулы. Лень, которая носила лицо нашей

матери. Гнев, который считал себя её сыном. Обжорство, поглощённый бесконечным голодом. И сам Кинг Брэдли — Гордыня, управляющий всей этой военной машиной из тени.

Я чувствовал, как усталость давит на плечи, но не мог позволить себе остановиться. Ал сидел на соседней кровати, перечитывая блокнот отца. Лира уже спала в своей комнате — я слышал её ровное дыхание через тонкую стену. Всё было спокойно, но я знал, что это спокойствие обманчиво.

Внезапно гнетущую тишину кабинета нарушил едва заметный, тихий скрип открывающейся двери. Я резко поднял голову, ожидая увидеть Ала или Лиру, но комната была абсолютно пуста. Лишь холодный сквозняк шевельнул лежащие на столе бумаги, заставив их слабо зашелестеть.

— Ал? — позвал я, чувствуя, как внутри нарастает смутное, грызущее беспокойство, от которого перехватило дыхание. — Лира? Вы здесь?

Ответа не последовало. Я поднялся со стула, и поршни моего фальшивого экзоскелета издали короткий, чистый металлический лязг. Под полыми пластинами титановой брони моя настоящая рука была полностью цела, но привычка симулировать скованность движений сработала автоматически. Я подошёл к соседней комнате, толкнул дверь и замер.

Постель Ала была пуста. Одеяло отброшено в сторону, его дорожный плащ исчез. Лира мирно спала в своём крыле, совершенно ничего не подозревая. В этот момент я понял, что случилось что-то непоправимое.

Я опустился на корточки, оглядывая пол у порога, и похолодел. На запылённом паркете коридора отчётливо виднелись глубокие, грязные следы тяжёлых армейских сапог, которые вели к

техническому выходу из здания. Но среди них я заметил и другие отпечатки — лёгкие, едва различимые следы, которые оставляли бинты на ногах моего брата. Его не тащили волоком. На полу не было следов борьбы.

Ал ушёл сам. Шаг за шагом, словно лунатик, подчиняясь какому-то странному, непреодолимому ментальному зову, который я не смог услышать. Следы вели прочь из штаба, направляясь на самую дальнюю, заброшенную окраину портового сектора, к старому складу, который много лет считался заброшенным.

Я не стал будить Лиру или поднимать тревогу в штабе, понимая, что официальные патрули военных только всё испортят. Металлическая перчатка моего экзоскелета крепко сжала в кармане Синий Камень, масса которого после недавних трансмутаций зафиксировалась на отметке в двадцать два миллиметра. Он пульсировал мягким, ровным теплом, словно подбадривая меня. Время уходило.

Я бесшумно выскочил в окно первого этажа и сорвался на бег, на ходу кутаясь в плащ и упрямо хромая на левую ногу, чтобы уводить патрули от нашего главного секрета. Мой брат был в смертельной ловушке, и я обязан был вытащить его оттуда, чего бы мне это ни стоило.

Дождь снова начал моросить, превращая мостовые в скользкое зеркало, отражающее тусклые огни редких фонарей. Я бежал по пустынным улицам, и каждый мой шаг отдавался глухим эхом в ночной тишине. Где-то вдалеке слышались шаги патрулей, но я держался в тенях, перебегая от одного укрытия к другому.

Когда я добрался до портового сектора, туман сгустился, делая видимость почти нулевой. Старый

склад высился в конце тупика — тёмное, заброшенное здание с выбитыми окнами и облупившейся краской. Изнутри доносился странный, едва уловимый гул, похожий на вибрацию высоковольтных кабелей. Я почувствовал, как Синий Камень в моём кармане коротко, предупреждающе вспыхнул, словно откликаясь на что-то внутри.

Я ворвался в полуразрушенные, сорванные с петель деревянные двери склада, тяжело и прерывисто дыша, и мгновенно замер на пороге, выставив вперёд левую руку. Пространство внутри огромного, заброшенного пакгауза было насквозь пропитано тяжёлым статическим электричеством, от которого волоски на теле вставали дыбом. Воздух пах озоном и чем-то приторно-сладким, почти тошнотворным.

В самом центре зала, залитая тусклым, блёклым светом луны, пробивавшимся сквозь огромные прорехи в провалившейся крыше, стояла Лень.

На ней было надето то самое простое, скромное домашнее платье, которое я помнил с раннего детства, когда мы жили в Ризенбурге. Её густые каштановые волосы мягкими волнами падали на хрупкие плечи, а черты лица были точной, безупречной копией лица нашей матери, Триши Элрик. Те же ямочки на щеках, тот же изгиб бровей, та же линия скул. Но её глаза… они отливали холодным, мертвенным фиолетовым светом гомункульной связи, начисто лишённым человеческого тепла и жалости.

Ал стоял перед ней в пяти шагах, бледный как мел, и я видел, как он колеблется. Его рука была медленно протянута вперёд, а пальцы мелко дрожали. Он знал, что настоящая мама жива и ждёт нас в Ризенбурге, мы сами обнимали её на крыльце дома Рокбеллов. Но этот фиолетовый взгляд, этот голос, в точности копирующий интонации Триши, парализовали его

волю. В глубине души он поддался этому жуткому ментальному гипнозу лица, которое мы когда-то осквернили своей ложью.

— Альфонс, — говорила она мягким, тихим и пугающе знакомым голосом, от которого у меня внутри всё перевернулось, а к горлу подступил удушающий ком. — Я здесь, сынок. Я пришла за тобой. Иди ко мне, не бойся своего старшего брата. Мы снова будем вместе, как раньше. Я помню, как ты любил слушать сказки перед сном. Помнишь ту историю о мальчике, который нашёл синий камень?

Ал сделал ещё один шаг вперёд. Я видел, как его глаза затуманиваются, как он теряет связь с реальностью. Он почти касался её протянутой руки. Ещё секунда — и он коснулся бы её ладони, и тогда…

— Ал! — закричал я во весь голос, выходя из тени обломков и демонстративно заставляя шарниры экзоскелета жёстко лязгнуть. — Очнись, глупый ты младший брат! Не смей делать к ней ни шагу! Это не мама!

Он резко вздрогнул, повернулся ко мне, и в его глазах была невыносимая, разрывающая душу боль. По его лбу катились крупные капли пота, а пальцы судорожно сжимались и разжимались.

— Брат… — прошептал он, и его голос сорвался на болезненный хрип. — Но она… она помнит. Она помнит маму. Помнит наш дом. Помнит, как она напевала, когда развешивала бельё во дворе. Она помнит сказки, которые мы любили. Мне так тяжело, Эд. Её голос… он звучит совсем как настоящий. Я не могу отличить.

— Это ментальный гипноз, Ал! — крикнул я, делая три быстрых шага вперёд и заслоняя его своей спиной. — Это Лень! Чудовище, которое Данте вырастила из той уродливой, бесформенной

фальшивки, что мы сами создали в подвале из биомассы и химикатов для обмана военных и Мустанга! Мы сами породили этого монстра ради маскировки нашего побега, смешав реактивы с маминым волосами с расчёски! А Данте нашла это копошащееся месиво в лесу, силой всыпала в него горсть философских камней и вырастила гомункула, чтобы использовать против нас! Она питается твоей слабостью, Ал! Не поддавайся!

Лень издевательски, холодно улыбнулась, и в её фиолетовых глазах мелькнула зловещая, высокомерная искорка. Она медленно подняла правую руку, и её пальцы начали неестественно удлиняться, превращаясь в текучие струи.

— Он абсолютно прав, Альфонс, — сказала она, и её правая рука прямо на глазах начала плавиться, превращаясь в бурный, брызжущий поток хлёсткой, вязкой воды. — Я помню. Я помню вашу ложь, помню тот тухлый, тошнотворный запах жжёной кожи и костей, из которого вы меня слепили в своём подвале. Я помню, как вы подожгли дом и бросили меня умирать в огне пожара. Я помню всё. Каждую секунду той ночи. И я заберу то, что принадлежит мне по праву. Вы подарили мне это лицо, но отказали в праве на жизнь.

— Мы исправим эту ошибку! — яростно рявкнул я, вскидывая вперёд правую руку. Полые металлические пластины экзоскелета издали резкий скрежет, выпуская струю пара. Под этим железом моя настоящая рука напряглась до предела, удерживая боевой клинок. — Но не через твою месть, Лень! Мы вернём тебя к тому, чем ты должна была стать!

— Ты не сможешь остановить меня, Стальной, — ответила она, и её водяной кнут со свистом разрезал воздух, целясь мне прямо в шею.

Я едва успел совершить резкий кувырок в сторону, уклоняясь от смертоносного удара. Водяное лезвие с глухим грохотом раскололо бетонную плиту пола там, где я стоял секунду назад, превратив её в мелкое крошево и подняв тучу пыли. Я откатился в сторону, вскочил на ноги и вытащил из кармана Синий Камень. Его лазурное сияние озарило полумрак склада, заставив Лень на мгновение заслониться рукой от света.

Я знал, что должен остановить её здесь и сейчас, разорвав связь гомункула с её первоисточником. Я залез во внутренний карман куртки и достал пакет с волосами мамы. Настоящая, живая мама Триша отдала их мне перед самым нашим отъездом из Ризенбурга. Она мягко погладила меня по голове своими тёплыми руками и сказала: «Возьми это, Эдвард. Лень — это часть вашей боли, рождённая из вашей лжи. Ты никогда не знаешь, когда прошлое вернётся, чтобы потребовать расплаты. Верните её домой».

— Ты думаешь, что сможешь победить меня с помощью этих старых воспоминаний? — спросила Лень, занося руку для нового удара. На её лице застыла презрительная маска. — Я сильнее твоих детских привязанностей, Эдвард!

— Я не собираюсь побеждать тебя, Лень. Я собираюсь вернуть тебя домой, как просила мама! — ответил я, швыряя каштановые пряди прямо в центр алхимического круга, который Ал успел быстро начертить на полу склада за секунду до атаки.

Я хлопнул в ладоши и со всей силы прижал руки к контуру. Наш Синий Камень в кармане ярко вспыхнул, направляя лазурную, чистейшую энергию Врат Истины напрямую в биологический материал живой Триши. Линии круга на полу мгновенно

окрасились в ослепительный лазурный цвет, заливая весь зал чистым голубым сиянием.

Произошёл колоссальный алхимический сдвиг. Пряди волос мамы вспыхнули ярким золотистым пламенем, и эта чистая лазурная волна мгновенно опутала тело Лени плотным, светящимся коконом. Гомункул судорожно закричала, её водяная структура начала стремительно кристаллизоваться, теряя свою текучесть и агрессивность. Из её пор со звоном и треском начали выпадать красные Философские камни, собранные Данте, и мгновенно превращались в серый, безжизненный пепел на полу.

— Что происходит, Эд?! — крикнул Ал, заслоняя глаза ладонью от ослепительного сияния. — Что ты делаешь?!

— Лазурная энергия перестраивает структуру фальшивки! — ответил я, удерживая контур на пределе сил, чувствуя, как энергия Земли жжёт мои пальцы. — Синий Камень выжигает гомункульное проклятие, возвращая её к первородной матрице! Я возвращаю ей ту душу, которую она должна была иметь с самого начала!

Лень кричала, её голос ломался, а тело содрогалось от мощных судорог. Багровые камни продолжали выпадать из её тела, и с каждым из них она теряла свою гомункульную природу. Но она сопротивлялась до последнего момента. Собрав остатки своей водяной силы, она выстрелила бурным потоком из левой руки. Мощный удар пришёлся мне прямо в грудь, с треском разбивая защитную панель экзоскелета. Я с глухим стоном отлетел к стене, ударившись спиной о кирпичную кладку, но упрямо не размыкал ладони, удерживая связь с кругом.

Я должен был завершить трансмутацию. Я не мог позволить ей уйти. Не мог позволить этой боли, этой фальшивой ненависти продолжать существовать.

Когда лазурный свет наконец погас, она стояла перед нами на коленях, тяжело и глубоко дыша. Её тело полностью, кардинально изменилось. Она больше не была гомункулом, рождённым из уродливого месива костей и химикатов. Алхимия лазурита перестроила её, заполнив пустоту фальшивки чистой человеческой структурой живой Триши.

Её волосы стали мягкими, шелковистыми, каштановыми, а фиолетовые глаза полностью исчезли, уступив место карим, тёплым, живым и наполненным настоящими человеческими слезами. Она подняла руки и удивлённо рассматривала свои новые, гладкие пальцы, по которым больше не текла ядовитая вода. Её кожа была тёплой на вид, человеческой. Под грудью ровно и сильно билось настоящее сердце.

— Что… что ты сделал со мной, Эдвард? — прошептала она, и её голос впервые прозвучал чисто и мягко. — Я… я чувствую тепло. Внутри меня больше нет этой удушающей пустоты. Я чувствую, как кровь течёт по моим жилам. Я чувствую страх. Я чувствую надежду. Я чувствую себя живой.

— Я сделал тебя человеком, — ответил я, с трудом поднимаясь на ноги и вытирая кровь с разбитого лица левой рукой. — Я исправил нашу прошлую ложь. Я вернул тебе то, что было безвозвратно утрачено при создании той уродливой фальшивки. Ты больше не монстр. Твоё тело и твоя душа теперь по-настоящему живые.

Она смотрела на меня, и крупные слёзы облегчения текли по её щекам, капая на доски пола. Она прижала ладони к груди, где ровно и сильно забилось

настоящее сердце, и я видел, как её лицо озаряется осознанием того, что она больше не гомункул, не оружие, не марионетка.

— Я… я чувствую своё сердце, — прошептала она. — Оно бьётся. По-настоящему. Я могу дышать. Я могу плакать. Я могу любить.

Она подняла на меня глаза, и в них была такая глубокая благодарность, что у меня перехватило дыхание.

— Спасибо тебе, Эдвард. Ты дал мне жизнь. Настоящую жизнь.

Часть 2. Гнев и появление Изуми

Внезапно из густой тени в дальнем конце склада выбежал Гнев. Его лицо было искажено гримасой первозданного страха и боли, а тёмные волосы растрепались по плечам. Его тело, всё ещё нестабильное после долгих лет существования в качестве гомункула, мелко дрожало. Каменная чешуя проступала на коже, когда он терял контроль над эмоциями. В его глазах больше не было злобы — только страх и отчаянная надежда. Он с диким, пронзительным воплем бросился прямо к Лоре, падая перед ней на колени и хватая её своими тонкими пальцами за шёлковые рукава платья.

— Мама! — отчаянно, во весь голос закричал он, и этот крик брошенного всеми ребёнка заставил нас замереть. — Я нашёл тебя! Пожалуйста, не оставляй меня больше в этой темноте! Они хотели убить меня в Южной штаб-квартире, Арчер держал меня в цепях! Я так боялся, что никогда не увижу тебя! Забери меня отсюда, мама! Защити меня!

— Гнев, остановись, — тихо сказал я, делая шаг вперёд, а поршни моего помятого экзоскелета натужно скрипнули. — Посмотри на неё внимательно. Она не твоя мать.

— Ты лжёшь, Стальной! — мальчик резко обернулся ко мне, его глаза загорелись дикой, неукротимой яростью, а на пальцах снова проросли каменные когти. — Ты всегда лжёшь! Она моя мать! Я чувствую её лазурную энергию! Я чувствую её тепло! Она была со мной в подземелье! Она носит это лицо! Я помню её голос, помню, как она звала меня! Она моя мать!

Лора (бывшая Лень) бережно опустила свои новые, нежные руки на его плечи. В её карих глазах мелькнула глубокая, искренняя человеческая боль. Она аккуратно убрала растрёпанные волосы с его лба, и её прикосновение было тёплым, материнским — даже если она не была его настоящей матерью, в этом жесте было столько сострадания, что Гнев на мгновение замер.

— Я не твоя мать, малыш, — сказала она, и её голос дрожал от подступающих слёз сострадания. — Я родилась из фальшивки, которую эти мальчики создали ради маскировки своего побега. Я — лишь лазурное эхо Триши Элрик. Но я не она. И я не та, кто даровала тебе жизнь у Врат Истины. Твоя связь со мной была лишь обманом Данте, которая использовала твою тоску по материнскому теплу. Но я вижу твою боль, Гнев. Я чувствую её. И я хочу помочь тебе, даже если я не та, кого ты ищешь.

Гнев замер как вкопанный. Его каменные когти медленно втянулись обратно в пазы плоти, а глаза расширились от немого недоумения. Он смотрел на неё, переводя взгляд с её каштановых волос на свои ладони, и его руки мелко дрожали. Он абсолютно не понимал, что происходит, лишившись своей последней гомункульной опоры.

— Что?.. — прошептал он, и его голос сорвался на плач. — Но если ты не моя мама… тогда кто я? Кто я такой, если у меня нет никого в этом мире? Зачем моя создательница пыталась вернуть меня, если она породила лишь дефектное чудовище и бросила его там, за чертой?! Я не хочу обратно во Врата! Я не хочу быть один!

В этот самый момент тяжёлые двери склада с грохотом распахнулись от мощного алхимического удара. На пороге, тяжело дыша, окружённая клубами пыли, появилась Изуми Кёртис. Её лицо было бледным как полотно, из уголка губ текла тонкая струйка крови из-за колоссального перенапряжения и обострившейся внутренней болезни, но в её глазах горела всё та же непреклонная, стальная решимость учителя. Она обыскала весь портовый сектор, следуя за патрулями Арчера, и теперь стояла перед нами. Сиг Кёртис, её муж, замер чуть позади, готовый поддержать её в любой момент.

— Гнев… Мой мальчик… — тихо, сорвавшимся на глубокий выдох голосом произнесла она, делая робкий шаг вперёд по каменным плитам. — Я искала тебя повсюду. Я чувствовала твою боль. Я знала, что ты здесь.

Мальчик резко обернулся на звук её голоса. Он смотрел на неё, и в его глазах плескалась смесь страха, обиды и немого ожидания. Он узнал её. Он помнил эту женщину — ту, что стояла у Врат Истины, когда он родился. Ту, что плакала, когда его тело растворилось в лазурном свете.

— Твоя настоящая мать — Изуми Кёртис, Гнев, — мягко сказал я, указывая на неё рукой. — Она здесь. Она пришла за тобой, рискуя своей жизнью под пулями военных Арчера. Она все эти годы мучилась от этой страшной потери, её сердце было полностью разбито той ночью у Врат Истины. Она никогда,

слышишь, никогда не хотела тебя бросать. Она любит тебя. Ты — её сын, Гнев. Её настоящий сын, которого она потеряла и которого пыталась вернуть. Ты не ошибка. Ты не чудовище. Ты — её ребёнок.

Изуми медленно опустилась на колени прямо на холодный пол склада, протягивая к мальчику свои дрожащие руки ладонями вверх. На её лице впервые за всё время нашего знакомства не было прежней суровости — только безграничная, чистая материнская нежность, которая смывала все годы боли и одиночества.

— Гнев… Мой сын… — прошептала она, и слёзы покатились по её бледным щекам. — Прости меня… Прости, что я оставила тебя там, в темноте за Вратами. Я не знала… Я думала, что потеряла тебя навсегда, когда моя трансмутация рухнула. Я не знала, что ты выжил. Я не знала, что ты страдаешь все эти годы. Но я пришла, чтобы забрать тебя домой. К Сигу, ко мне… В наш дом в Дублите. Пожалуйста, вернись ко мне. Ты больше не будешь один. Я обещаю тебе, Гнев. Ты никогда больше не будешь один.

Гнев смотрел на неё, и вся его гомункульная спесь и агрессия мгновенно испарились без следа. Он медленно сделал один шаг вперёд, затем другой, его тело всё ещё дрожало от нестабильности, но в глазах появилась надежда. Он видел её слёзы, видел эту искреннюю, сокрушительную боль в её глазах и понял, что этот человек никогда не был его врагом. Она была его матерью. Настоящей.

С диким, очищающим плачем он со всего размаху бросился к ней, падая в её объятия. Изуми крепко, до хруста костей прижала его к своей груди, баюкая его тёмные волосы и рыдая в полный голос. Сиг подошёл к ним, опустился на колени и обнял их обоих своими огромными, сильными руками, закрывая их от всего

мира. Семья Кёртисов наконец-то воссоединилась в этом заброшенном складе, исправляя ошибку прошлых лет.

Лора (бывшая Лень) медленно подошла к ним и нежно положила руку на плечо плачущего мальчика.

— Я не могу заменить тебе маму, Гнев, — тихо, но удивительно тепло сказала она, и её голос прозвучал как точное эхо маминого. — Но я обещала тебе, что буду твоей первой, верной подругой. Я всегда буду рядом, буду навещать тебя в Дублите и помогать тебе учиться жить заново в этом мире как обычному человеку. Твой кошмар позади. Теперь у тебя есть семья. Настоящая семья. И я всегда буду частью её.

Гнев поднял голову от плеча Изуми, вытер слёзы ладонью и робко, но счастливо улыбнулся Лоре. В его глазах больше не было страха — только надежда и благодарность.

Я подошёл к ним, вытаскивая из кармана наш Синий Камень. Его лазурное сияние вновь озарило полумрак пакгауза. Я использовал остатки энергии катализатора, чтобы полностью завершить трансмутацию плоти Гнева, окончательно выжигая остатки дефектного контура из его тела. Гнев закричал на одно короткое мгновение, его тело вспыхнуло ярким лазурным светом, перестраивая структуру его плоти, избавляя его от гомункульной природы. Каменная чешуя осыпалась с его кожи, превращаясь в пыль. Когда сияние погасло, перед нами стоял обычный смертный ребёнок с тёплой человеческой кожей. Никаких каменных чешуй, никакой нестабильности. Только чистый, здоровый человек.

— Теперь ты полностью человек, Гнев, — сказал я, ласково потрепав его по тёмным волосам. — Твой долгий побег окончен. Ты больше не гомункул. Ты —

обычный мальчик, который может жить, расти и быть счастливым. И у тебя есть мама, которая будет любить тебя каждый день.

— Спасибо тебе, Эдвард, — тихо произнесла Изуми, поднимаясь на ноги с мальчиком на руках и уважительно кивая мне. В её взгляде горела глубокая благодарность, которую невозможно было выразить словами. — Мы возвращаемся в Дублит. Я научу его контролировать себя. Я дам ему ту жизнь, которую он заслуживает. Берегите себя, мальчики. Вы сделали то, что я считала невозможным.

Лора посмотрела на меня, и в её карих глазах была та же безграничная благодарность. Она подошла ближе и взяла мою руку в свои.

— Я провожу их до Дублита, Эдвард, — сказала она, поправляя платье. — Помогу Гневу освоиться в его новом доме. А потом… потом я выполню своё главное обещание. Я отправлюсь в Ризенбург. К маме. К Трише. Я хочу встретиться с ней. Мы обе теперь свободны от этой лжи. Мы обе заслужили новый шанс.

— Как мне тебя официально называть в отчётах, если Мустанг спросит? — спросил я с лёгкой улыбкой. — Джульетта Дуглас должна исчезнуть для этого мира.

Она задумалась на мгновение, затем улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что я на секунду забыл, кто она была раньше.

— Назови меня Лорой, — ответила она, и её голос прозвучал чисто и легко. — Это имя означает «победа». Победа над той уродливой фальшивкой и начало новой, честной жизни. Я хочу, чтобы это имя напоминало мне о том, что я смогла победить своё прошлое.

Я улыбнулся.

— Тогда иди, Лора, — сказал я. — Иди к своей новой жизни.

Она кивнула, и они вместе с Кёртисами и Гневом медленно вышли из дверей склада, растворяясь в утреннем тумане. Я смотрел им вслед, чувствуя, как внутри разливается долгожданное тепло. Наш Синий Камень в кармане стал чуть меньше, зафиксировавшись на отметке в двадцать один миллиметр, но это была самая лучшая и правильная плата за спасение двух человеческих жизней.

Часть 3. Воссоединение сестёр

Несколько дней спустя, когда весеннее солнце уже высоко поднялось над цветущими холмами Ризенбурга, Лора добралась до окраины нашей родной деревни. Грунтовая дорога вела её мимо извилистой реки прямо к уютному деревянному дому Рокбеллов. Её сердце в груди билось так сильно, словно готово было выпрыгнуть, а пальцы мелко дрожали, сминая ткань простого дорожного плаща. Она шла на встречу с женщиной, чьё лицо она носила как гомункульное проклятие, но которая теперь должна была стать её семьёй.

Наша настоящая мама, Триша Элрик, вышла на крыльцо дома, чтобы набрать чистой воды из колодца. Весенний ветер весело трепал её каштановые волосы, принося запах цветущих садов. Она опустила ведро на доски и вдруг замерла как вкопанная, устремив взгляд на тропинку, ведущую от ворот.

На краю сада стояла Лора. Две женщины с абсолютно одинаковыми лицами, одинаковыми каштановыми волосами и идентичной линией скул неподвижно

смотрели друг на друга сквозь кружево цветущих яблоневых ветвей. Время вокруг них словно полностью остановилось, и только лепестки цветов медленно опускались на траву.

— Кто ты, милая? — тихо, дрожащим от глубокого волнения знакомым голосом спросила мама, делая робкий шаг вперёд по зелёной траве и всматриваясь в её лицо. — Откуда ты пришла? Ты кажешься мне такой знакомой. Я чувствую, будто знаю тебя.

Лора остановилась, её карие человеческие глаза мгновенно наполнились крупными слезами, которые покатились по щекам, размазывая дорожную пыль. Она нерешительно протянула к ней свои новые, тёплые ладони ладонями вверх.

— Я… я сама не знаю, кто я по-настоящему, Триша… — прерывистым от слёз шёпотом ответила она, и её голос прозвучал как точное эхо маминого. — Твои сыновья, Эдвард и Альфонс… они создали в подвале уродливую, бесформенную фальшивку из химикатов и твоих волос с расчёски, чтобы обмануть военных и Мустанга, скрыв твоё истинное воскрешение Синим Камнем. Из этой фальшивки Данте позже вырастила гомункула Лень. Я долго носила твоё лицо, мучаясь от чужих воспоминаний и ненависти. Но Эдвард не стал уничтожать меня. На складе в Централе он использовал пряди твоих живых волос, запустил лазурную контр-трансмутацию и полностью перестроил мою структуру. Он выжег ту уродливую фальшивку, сделав меня человеком. Он сказал мне… он сказал, что я должна вернуться домой. Что я — твоя лазурная сестра.

Мама потрясённо замерла на месте, её рука прижалась к груди, ловя бешеное биение сердца. В её больших карих глазах не отразилось ни единой секунды страха, отвращения или осуждения перед существом, когда-то бывшим гомункулом. Только

безграничная, чистая и всепрощающая материнская любовь, которая была способна исцелить абсолютно любую, самую глубокую рану.

— Мои мальчики действительно сотворили истинное чудо… — тихо, едва слышно прошептала мама, и на её лице расцвела самая тёплая и лучезарная улыбка в мире. — У меня ведь никогда в жизни не было родной сестры. А теперь — есть. Мы исправим эту прошлую ложь вместе. Тебе больше не нужно бояться. Ты часть нашей семьи.

Она быстро пошла по сочной весенней траве навстречу Лоре и со всего размаху крепко, нежно обняла её за шею, прижимая её голову к своему плечу. Лора застыла на долю секунды, а затем судорожно, в полный голос разрыдалась, отвечая на это объятие и мёртвой хваткой вцепившись пальцами в её домашнее платье.

Вековой кошмар её искусственного существования, вся эта липкая грязь фальшивки полностью растворились в этом живом человеческом тепле. Две женщины с одинаковыми лицами стояли посреди цветущего ризенбургского сада, плача и смеясь от счастья.

— Как мне тебя называть, сестричка? — ласково спросила мама, бережно стирая слёзы с её лица и поправляя её каштановую косу.

— Эдвард назвал меня Лорой, — ответила она, и её голос впервые прозвучал свободно. — Это имя означает победу над прошлым. Над той фальшивкой. Над всей этой болью.

— Прекрасное, сильное имя, Лора, — кивнула мама, увлекая её за руку к крыльцу дома. — Добро пожаловать в нашу семью. Теперь ты дома. Твой долгий побег окончен. Мы будем жить здесь вместе, ухаживать за садом и ждать возвращения наших

мальчиков. Они справятся со всем, я знаю это. Пойдём в дом, я налью тебе чаю.

Они вошли в дом, плотно закрыв за собой дверь. Семья Элриков обрела свой незыблемый приют на этих холмах, и отныне Лора стала любимой частью нашего дома, свободной от грехов прошлых лет.

Я стоял на холме над Ризенбургом, глядя на дом Рокбеллов, где две сестры — одна по крови, другая по лазурному чуду — обнимались в лучах весеннего солнца. Винри стояла рядом, её рука лежала в моей. Ал и Лира были чуть позади, их пальцы переплетены.

— Мы сделали это, брат, — тихо сказал Ал. — Мы спасли всех.

— Нет, Ал, — ответил я, чувствуя, как тёплый ветер касается моего лица. — Это только начало. Впереди ещё Брэдли. И Данте. Но теперь мы знаем, что у нас есть сила. И мы знаем, как её использовать.

Я достал из кармана Синий Камень. Двадцать один миллиметр. Он был меньше, чем когда-либо, но его свет был таким же чистым, как в тот день, когда мы впервые нашли его в тайнике отца. Мы запечатали двух гомункулов. Мы вернули их к человеческой жизни. И мы сделаем это с остальными.

Винри сжала мою руку, и я почувствовал, как её тепло наполняет меня.

— Мы справимся, Эд, — сказала она. — Мы всегда справлялись.

Я улыбнулся ей, чувствуя, как внутри закипает новая решимость. Мы спасли Амелию. Мы спасли Лору. Мы спасли Гнева. И мы спасём всех остальных. Мы

остановим Данте. Мы защитим маму. Мы изменим этот мир.

Впереди нас ждал Централ, и финальная битва с Кингом Брэдли. Но теперь мы знали, что у нас есть сила, и мы знали, как её использовать. Мы были готовы.

Глава 46. Прощание

Часть 1. Северный мятеж

На самом Севере Аместриса, где вечные льды и заснеженные скалы граничили с воинственной Драхмой, высились серые, угрюмые корпуса Северной крепости Бригс. Свирепый порывистый ветер с рёвом проносился над плацем, швыряя в лица солдат колючую ледяную крошку. Подполковник Алекс Луи Армстронг стоял на деревянном помосте перед ровными рядами гарнизона. Его огромная, массивная фигура казалась незыблемой скалой посреди бушующей метели. Он сурово окинул взглядом замерших людей, кутавшихся в тяжелые шинели, и его зычный, раскатистый голос загремел над замерзшей пустошью:

— Солдаты! Верные защитники Аместриса! До меня и до высших офицеров этого сектора дошли неопровержимые, страшные доказательства из самой столицы! Наш Фюрер, Кинг Брэдли, которому мы присягали на верность — не человек! Он — чудовище, дефектный гомункул Гордыня, созданный запретной алхимией! Он годами хладнокровно использовал нас, честных солдат, как безвольных пешек в своей грязной, кровавой политической игре! Он разжигал войны по всей стране только ради того, чтобы собирать человеческие души для своих безумных экспериментов!

Среди солдат пронёсся глухой, испуганный шёпот. Офицеры переглядывались, крепче сжимая рукояти табельного оружия. Армстронг сделал шаг вперёд, и на его бледном лице, подёрнутом инеем, вспыхнула яростная, непреклонная решимость.

— Мы не будем больше выполнять его преступные, тиранические приказы! Наш долг — защищать мирных граждан, а не служить монстру! Отныне этот гарнизон объявляет северный мятеж против Центрального командования! Мы разворачиваем наши штыки и выдвигаемся обратно в столицу, чтобы помочь полковнику Мустангу свергнуть эту власть и вернуть закон и справедливость в Аместрис! Кто со мной — поднимите оружие!

Толпа на площади в едином порыве взревела, сотни винтовок с лязгом взметнулись в морозный воздух. Армстронг чувствовал, как ледяной ветер бьёт в лицо, но внутри него горел чистый огонь надежды. Он знал, что этот штурм Централа станет его главным, решающим боем.

На самом деле, в этом заснеженном северном отряде Армстронга находились не настоящие полковник Мустанг и лейтенант Хоукай. Рой Мустанг и Риза тайно остались в самом Централе, чтобы нанести сокрушительный удар в самое сердце заговора Брэдли. Вместо них в синей офицерской форме, наглухо застегнув воротники шинелей от пронизывающего холода, стояли лейтенант Жан Хэвок и сержант Каин Фьюри. Они выглядели непривычно скованно, то и дело поправляя сползающие на глаза фуражки, но держались стойко, симулируя присутствие высшего командования перед солдатами.

— Надеюсь, наш маскировочный, отвлекающий манёвр сработает идеально, — тихо прошептал

Хэвок, выпуская изо рта густое облачко пара и нервно грызя потухшую сигарету.

— Должно сработать, лейтенант, — так же тихо, одними губами ответил Фьюри, косясь на ликующий плац. — Иначе полковника в столице просто зажмут в угол личные патрули Гордыни, и мы все погибнем в этих снегах.

Часть 2. Ловушка для Трингамов

Тем временем в Централе, в тихом переулке правительственного сектора, располагался маленький, пыльный книжный магазин. Солнечный свет едва пробивался сквозь засиженные мухами стёкла витрины, освещая мириады пылинок, танцующих в воздухе. Братья Расселл и Флетчер Трингамы лихорадочно перелистывали пожелтевшие, хрупкие страницы старых алхимических справочников. Они тайно прибыли в столицу на самом раннем утреннем поезде, скрываясь от армейских патрулей. Их главная цель была ясна — они обязаны были во что бы то ни стало найти нас с Альфонсом, чтобы передать нам важнейшую, спасительную информацию, которую они успели скопировать из потайного дневника своего отца перед отъездом из Ксенотайма.

— Уважаемый, нам срочно нужна комната в тихой гостинице на этой улице, — Расселл Трингам подошёл к старому продавцу за стойкой, безуспешно пытаясь пересчитать оставшиеся в кошельке медные гроши. — Нам не хватает денег, но мы можем оставить эти редкие фолианты по биологии и минералогии в счёт полной оплаты. Посмотрите, они в отличном состоянии.

Пожилой продавец через круглые стёкла очков с глубоким подозрением оглядел их помятые, покрытые дорожной пылью плащи и растрёпанные волосы.

— Только официальные Государственные алхимики имеют право совершать подобные сделки и регистрироваться в ведомственных кварталах без наличных денег, — ответил он сухо, отодвигая книги в сторону. — У вас есть документы или серебряные часы министерства?

Расселл тяжело вздохнул, его лицо исказилось от усталости. Он нервно огляделся по сторонам, проверяя, нет ли прохожих на улице, и решительно достал из внутреннего кармана фальшивые серебряные карманные часы — ту самую копию, которую они раньше использовали для маскировки в Ксенотайме.

— Я — Эдвард Элрик, Государственный алхимик, — сказал он, стараясь, чтобы его ломающийся голос звучал как можно увереннее и жёстче. — Мой титул — Стальной. Поставьте отметку в ведомости, армия всё оплатит.

Флетчер за спиной брата испуганно заколебался, его лицо побледнело, и он отчаянно дёрнул Расселла за рукав плаща.

— Расселл, прекрати сейчас же! Ты снова за своё… — панически прошептал младший брат. — Нас поймают!

Но было уже слишком поздно. Тяжёлая дубовая дверь магазина с громким треском распахнулась, ударившись о стену. Внутрь узкого помещения, вскинув винтовки и гремя коваными сапогами, мгновенно ворвались шестеро вооружённых военных полицейских. Этот сектор уже несколько часов находился под плотным скрытым наблюдением ищеек Джульетты Дуглас.

— Всем стоять на месте! Руки за голову! — громко рявкнул предводитель патруля, выбивая фальшивые часы из пальцев Расселла. — Вы арестованы за незаконное самозванство, ношение поддельных знаков отличия министерства и пособничество государственным преступникам!

— Мы просто шутили! Это обычное недоразумение! — отчаянно закричал Расселл, пытаясь вырваться, но солдаты уже грубо заламывали ему и Флетчеру руки за спину, натягивая тяжёлые стальные наручники. Их под конвоем поволокли к выходу, швыряя в крытый тюремный фургон.

Часть 3. Приказ фюрера

В роскошном, погружённом в полумрак кабинете Фюрера на верхнем этаже Главного командования царила звенящая, зловещая тишина. Кинг Брэдли лениво стоял у огромного панорамного окна, заложив руки за спину. На его гладком лице застыла его фирменная, пугающе идеальная и абсолютно неестественная улыбка. Позади него, вытянувшись в струнку и мелко дрожа от волнения, стоял бледный адъютант со стопкой свежих рапортов в руках.

— Господин Фюрер, — прерывистым от страха голосом проговорил офицер, поправляя воротник мундира. — В книжном квартале только что задержаны двое подростков, которые пытались выдать себя за братьев Элриков. При обыске у них обнаружены зашифрованные страницы из личного дневника Нэша Трингама. Что прикажете делать с задержанными? Куда их этапировать?

Брэдли медленно, с неподражаемой хищной грацией повернул голову в его сторону. Его единственный

открытый глаз сверкнул мертвенно-холодным, безжалостным фиолетовым светом гомункульной связи Гордыни. В этом взгляде не было ни грамма человеческого сострадания.

— Казнить, — спокойно, тихим и пугающе ровным тоном ответил он, словно отдавал приказ о списании старого армейского имущества. — Немедленно. Без проведения официального следствия и судебных разбирательств. Лишние свидетели и фальшивые алхимики в столице мне больше не нужны.

Адъютант буквально застыл на месте, его лицо вытянулось, а рука с карандашом судорожно дернулась.

— Но… господин Фюрер… — пробормотал он, сглотнув подступивший ком. — Они ведь всего лишь дети… Обычные провинциальные мальчики из Ксенотайма… Казнь несовершеннолетних без суда вызовет огромный бунт среди гражданских…

— Ты плохо слышишь мои приказы, капитан? — Брэдли сделал один короткий шаг вперёд, и от его фигуры повеяло такой осязаемой аурой смерти, что адъютант инстинктивно отшатнулся назад. — Исполнить. Прямо сейчас.

— Слушаюсь, господин Фюрер… — офицер торопливо поклонился, бледный как полотно, и пулей выскочил из кабинета, оглушительно хлопнув дверью. Брэдли остался один, поворачиваясь обратно к стеклу и устремив свой фиолетовый взгляд на засыпающий Централ.

— Моя великая игра продолжается, — тихо, со зловещей ухмылкой прошептал он сам себе.

Часть 4. Побег из тюрьмы

Расселл и Флетчер сидели на сыром каменном полу в самом глубоком, изолированном карцере Центральной тюрьмы. Стены подземелья были покрыты плесенью, а сквозь узкую решётку под потолком доносился монотонный шум капель воды. Они уже знали от пьяных конвоиров, что смертный приговор подписан лично Фюрера и их казнят на рассвете. Флетчер тихо плакал, уткнувшись лицом в колени, а Расселл крепко, до белизны суставов сжимал в кулаке вырванную страницу из дневника отца — это было единственное ценное алхимическое знание, которое они успели спасти при обыске.

— Похоже, это наш финальный тупик, Расселл, — хриплым от слёз голосом произнёс Флетчер, прижимаясь к плечу брата. — Мы так и не смогли найти Элриков. Нас просто убьют здесь, в темноте…

— Заткнись, Флетчер, — твёрдо, хотя у самого внутри всё сжималось от страха, ответил Расселл. — Мы не сдадимся без боя. Мы Трингамы, и мы обязаны передать им отцовский шифр.

Внезапно звенящую тишину тюремного коридора разорвал оглушительный взрыв. Вся камера содрогнулась, с потолка посыпалась каменная крошка и известь. Снаружи послышались панические крики охраны, частые автоматные очереди и лязг металла. Не успели братья подняться на ноги, как тяжёлая стальная дверь их карцера с жутким скрежетом сорвалась с петель и вылетела наружу.

В проёме, тяжело дыша, окружённая клубами серого порохового дыма, появилась лейтенант Мария Росс. Её синий мундир был разорван на плече, а лицо покрыто чёрной копотью. В руках она крепко сжимала дымящийся армейский автомат.

— Быстро! Поднимайтесь, мальчишки! У нас мало времени! — отчаянно крикнула она, хватая Расселла за руку. — Уходим через нижние канализационные коллекторы!

За её спиной, прикрывая коридор и непрерывно отстреливаясь от набегающих охранников, стоял сержант Денни Брош. Они полностью, сознательно нарушили армейский устав и пошли на этот безумный штурм, чтобы спасти ребят от неминуемой казни.

— Как… как вы нас нашли? — ошеломлённо спросил Флетчер, кашляя от дыма.

— Мы вели слежку за патрулями Джульетты Дуглас, — быстро на ходу ответил Брош, пинком отправляя пустую обойму на пол. — Идёмте быстрее, пока весь этот сектор не перекрыли броневиками!

Часть 5. Штурм штаба

В это же самое время мы с Изуми Кёртис ворвались в Главное здание Центрального командования. Наша цель была предельно ясна — мы знали, что Брэдли должен находиться в своих покоях. Мы стремительно пробивались сквозь длинные коридоры, сокрушая заслоны Внутренней стражи. Я чертил круги прямо на ходу, используя знания дара Врат для создания каменных барьеров, а Изуми с криком крушила стальные двери своей сокрушительной алхимией. Но когда мы с грохотом выбили массивные дубовые двери кабинета Фюрера, роскошная канцелярия оказалась абсолютно пуста.

— Чёрт! Его здесь нет! — в ярости закричал я, тяжело дыша и оглядывая пустой стол. Мой фальшивый экзоскелет на правой руке натужно скрипнул

поршнями. — Этот трусливый ублюдок спешно уехал на официальное празднование дня рождения своего приёмного сына Селима, чтобы обеспечить себе идеальное алиби перед генералами из Централа!

— Мы обязаны найти его, Эдвард, — Изуми тяжело опустилась на край стола, её лицо было бледным, а из уголка губ вытекла тонкая струйка крови из-за колоссального перенапряжения и обострившейся внутренней болезни. Но в её глазах по-прежнему горела всё та же непреклонная, стальная решимость учителя. — Это наш единственный шанс сокрушить Гордыню до того, как он задействует всю армию.

Внезапно из потайного технического прохода в стене, тяжело дыша, выбежали Расселл и Флетчер, ведомые Марией Росс и Брошем. Их лица были бледными, испачканными в копоти, но когда Расселл увидел меня, его глаза загорелись диким восторгом.

— Эдвард! Альфонс! Мы нашли вас! — закричал Расселл, подбегая ближе. — Мы обыскали всю столицу!

— Расселл? Флетчер? Что за чертовщина, что вы здесь делаете? — удивился я, опуская руки. — Вас же везли на казнь!

— Мы принесли вам это, — Флетчер дрожащими руками протянул мне ту самую помятую страницу, которую они спасли в тюрьме. — Это из личного дневника нашего отца, Нэша Трингама. Здесь указаны точные геодезические координаты тайного места, скрытого глубоко под фундаментами Центрального министерства. Отец писал, что на глубине пятидесяти метров погребены руины древнего города, и именно там Данте обустроила своё главное логово, где находится её круг декомпозиции плоти!

Я быстро выхватил страницу, пробегая глазами по строкам. Чертежи были безупречны. Это был наш единственный, самый главный шанс пробиться к кукловоду.

Но договорить мы не успели. Массивная стена кабинета с оглушительным, страшным грохотом взорвалась, разлетаясь на миллионы мелких кирпичных осколков. В пролом, тяжело и ритмично топая стальными конечностями, ворвался генерал-лейтенант Арчер. Его тело после Ишварской войны было наполовину заменено громоздкой военной автоброней. Правая рука превратилась в колоссальную шестиствольную пушку, извергающую свинец, а из механической челюсти торчали направленные стволы пулемётов. Из его поршней со свистом вырывался раскалённый пар.

— Эдвард Элрик, — проскрежетал его механический, полностью лишённый человеческих интонаций голос. — Я наконец-то нашёл тебя.

— Арчер… — я встал в боевую стойку, и поршни моего сомнительного маскировочного экзоскелета издали сухой клик. — Ты всё-таки выжил после той бойни на юге.

— Я стал идеальным оружием государства, Стальной! — взревел он, и его пушка начала бешено вращаться. — И я уничтожу вас всех прямо здесь!

Ураганный огонь в упор прервал его слова. Свинец градом посыпался на нас, кроша мраморные стены и дубовую мебель. Мы бросились в укрытие за массивные колонны. Изуми Кёртис мгновенно хлопнула в ладоши и прижала руки к полу, возводя мощнейшие гранитные барьеры, но пули Арчера с пугающей лёгкостью пробивали камень, превращая его в щебень.

— Уходите, мальчики! Живо! — сквозь кашель крикнула Изуми, её алхимический контур заискрил от перенапряжения. — Я сама задержу эту железку! Росс, Брош — выводите Трингамов через нижние коллекторы!

— Но, учитель, мы не можем оставить вас одну! — крикнул Ал, пытаясь прорваться к ней.

— Иди, Эдвард! — Изуми яростно топнула ногой, возводя новый барьер. — Найдите Брэдли! Спуститесь в этот подземный город и уничтожьте того, кто управляет гомункулами! Это ваш долг!

Я стиснул кулаки, понимая, что она права. Схватив Ала и Лиру за рукава, я увлёк их за собой в потайной технический лаз за камином, оставляя Изуми сдерживать натиск обезумевшего киборга.

Часть 6. Последний разговор (Получение паспорта в Централе)

Мы выскочили из вентиляционной шахты на заднем дворе Главного министерства под проливной, холодный дождь. Вода мгновенно залила глаза, смешиваясь с потом и копотью. Возле высокой каменной стены, туша фары, стоял заведённый штабной армейский автомобиль. Дверца со стороны водителя резко распахнулась, и из салона высунулся полковник Рой Мустанг.

— Эд! Садитесь! Живо! — громко крикнул он, перекрывая шум ливня.

Мы не раздумывая запрыгнули на заднее сиденье, тяжело дыша. Рядом с Мустангом, сжимая в руках винтовку, сидела старший лейтенант Риза Хоукай.

Машина с рёвом сорвалась с места, разрезая ночную тьму Централа и унося нас прочь от оцепленного квартала.

— Что ты здесь делаешь, Мустанг? — спросил я, вытирая воду с лица левой, живой ладонью. Мой экзоскелет на правой руке натужно скрипнул. — Твой отряд ведь официально отправили на зачистку северных границ Бригса!

— Это был спланированный, масштабный отвлекающий манёвр, Эдвард. Вместо нас на Север уехали Хэвок и Фьюри в нашей форме под общим командованием Армстронга. Я намеренно тайно остался в столице, чтобы нанести личный, финальный удар по Кингу Брэдли.

— Ты хочешь убить его в его собственном доме? — тихо спросил Ал, подаваясь вперёд.

— Да, — лицо Мустанга в зеркале заднего вида стало жёстким как гранит, а глаза полыхнули опасным огнём. — Он гомункул Гордыня, он лично ранил Маеса Хьюза в том тюремном коридоре. Брэдли заплатит за каждую каплю ишварской крови и за то, что он сделал с нашей разведкой. Мы обязаны защитить выживших людей.

Я смотрел на его профиль и чувствовал, как внутри закипает глубокое, немое понимание.

— Если ты пойдёшь на этот штурм и убьешь Фюрера, тебя объявят государственным преступником и предателем, Мустанг, — тихо произнёс я, глядя на его белые перчатки. — Ты нарушишь устав. Ты никогда в жизни больше не сможешь официально занять пост Фюрера и исполнить свою главную, давнюю мечту о демократической реформе этой страны.

— Я знаю это, Эдвард, — Мустанг на мгновение прикрыл глаза, и на его бледных губах появилась слабая, горькая улыбка. — Но в этой жизни есть вещи, которые стоят гораздо выше любой, самой красивой личной мечты и амбиций. Безопасность граждан и окончательное уничтожение этой прогнившей системы важнее моей карьеры.

Он резко остановил машину у старого канализационного люка на самой окраине площади перед архивным кварталом. Полковник повернулся к нам, и в его тёмных глазах я увидел глубокое, искреннее уважение.

— Мы во многом похожи с тобой, Стальной, — тихо, но веско сказал он. — Мы оба готовы пожертвовать всем, что у нас есть, ради спасения тех, кто нам по-настоящему дорог.

— Ты прав, — ответил я, крепко сжимая ладонь Ала. — Мы действительно похожи.

Я быстро, без утайки рассказал ему всё, что мы успели узнать из расшифровок Шески и страницы Трингамов. Рассказал о том, что за всеми действиями гомункулов стоит древняя Данте, и что под Главным министерством на глубине пятидесяти метров скрываются руины заживо погребённого города, где находится её главный алтарь декомпозиции плоти.

— Значит, наши дороги окончательно расходятся здесь, Эдвард, — Мустанг протянул мне свою руку в белой перчатке. — Я иду в особняк Брэдли, чтобы навсегда покончить с Гордыней. А вы спускайтесь в эти руины. Ваш Синий Камень — наше единственное, лазурное оружие против её круга. Уничтожьте её логово.

Я встретил его взгляд, но перед тем как выйти, заставил поршни экзоскелета замереть.

Изголодавшаяся по правде система требовала закрыть еще один важный вопрос.

— Раз уж ты теперь без пяти минут Фюрер, а твое слово скоро станет законом, мне нужно от тебя одно неофициальное одолжение. Джульетта Дуглас. Твой бывший секретарь. Контрразведка начнет искать её, едва уляжется хаос переворота. Я хочу, чтобы ты официально объявил Джульетту Дуглас погибшей при штурме.

Мустанг удивленно приподнял бровь, всматриваясь в меня через зеркало.

— Инсценировать смерть личного секретаря канцелярии? — проговорил он. — Зачем тебе этот призрачный театр, Эдвард? Она ведь была Ленью. Гомункулом.

— Она больше не гомункул, Рой. Мы выжгли ту фальшивку, из которой Данте её вырастила. Наш Синий Камень перестроил её плоть и соткал ей настоящую человеческую душу. Теперь Лора — живой, дышащий человек. И она отправляется в Ризенбург, к нашей маме Трише. Они будут жить вместе.

Я вытащил из внутреннего кармана чистый гражданский бланк регистрационной ведомости, который Шеска тайно успела вынести из архива, и протянул полковнику.

— Выпиши новые документы. На имя Лоры Элрик. Чтобы ни одна министерская ищейка не докопалась до её прошлого.

Мустанг занес острие пера над гербовой бумагой, но на секунду остановился:

— Лора Элрик… Новая личность. Какую дату рождения мне поставить в её паспорте, Эдвард?

Чтобы столичные архивариусы не заподозрили подлог при первой же сверке провинциальных метрик?

Я посмотрел на Ала, чувствуя, как наш лазурный катализатор в кармане отзывается ровным, спокойным теплом искупления.

— Поставь в них ту же самую дату рождения, что и у Триши Элрик. День в день. Месяц в месяц. Год в год.

Мустанг замер, и его рука на секунду зависла в воздухе. В его взгляде полыхнуло глубокое, немое восхищение всей структурой нашей лазурной маскировки.

— Две абсолютно одинаковые женщины с одной датой рождения в документах в одной тихой северной деревне… — тихо, почти заговорщически произнёс он, и на его закопчённом лице впервые за эту страшную ночь появилась слабая, но уважительная улыбка. — Вы делаете из неё сестру-близнеца для своей матери. Юридически безупречно, Стальной. Ни одна ищейка контрразведки не докопается до этой связи, посчитав обычным семейным сходством. Раз уж ваша настоящая мама Триша жива, когда они встанут рядом на крыльце, никто даже не догадается искать здесь гомункула.

Он выпрямился, быстро, размашисто вписал нужные цифры в бланк, поставил свою личную подпись и с силой припечатал к листу тяжёлый металлический штамп Главного командования. Металл штампа сочным, глухим стуком опустился на гербовую бумагу, ставя окончательную точку в прошлой багровой истории гомункула Лень.

Мустанг протянул мне подсохший паспорт.

— Забирай, Лора Элрик официально существует для этой страны, — сказал он, возвращаясь взглядом к

дороге. — А теперь выполняй свою часть договора. Прощай, Эдвард.

— Прощай, Мустанг. Береги себя, — сказал я, бережно убирая готовый паспорт Лоры во внутренний карман, прямо к нашему катализатору.

Мы выскочили из машины под проливной дождь, Мустанг нажал на газ, и автомобиль мгновенно скрылся за поворотом, унося его навстречу своей судьбе. Я повернулся к Алу и Лире. Мы повернули засов старого люка и прыгнули в темноту подземного туннеля, оставляя на поверхности Централ, охваченный огнём военного переворота. Наша последняя битва против Данте начиналась.

Глава 47. По ту сторону Врат

Часть 1. Дневник Трингамов и погребённый заживо город

Мы прыгнули в темноту подземного туннеля, и люк с глухим металлическим лязгом захлопнулся за нашими спинами, отрезая нас от проливного дождя и охваченного огнём военного переворота Централа. Вокруг была только тьма, сырость и запах вековой пыли, смешанный с едкими испарениями древней серы. Я достал из кармана маленький карманный фонарик, и его тусклый луч выхватил из темноты каменные стены старого коллектора, покрытые слоем чёрной копоти и ржавчины.

— Мы на правильном пути? — спросил Ал, его голос эхом отразился от сырых стен. Его перевязанные бинтами руки крепко сжимали лямки рюкзака.

— Должны быть, — ответил я, вытаскивая из внутреннего кармана помятую страницу из дневника Нэша Трингама, которую нам передали Расселл и

Флетчер. Я подсветил фонариком сложные геодезические схемы и координаты. — Тringамы не ошиблись. Отец писал, что на глубине пятидесяти метров под фундаментами Главного министерства погребены руины древнего города. И именно там Данте обустроила своё главное логово.

Лира шла следом за мной, её фиолетовые глаза внимательно сканировали темноту, а рука лежала на лямке походной сумки, где были надёжно спрятаны три наших новых Синих Камня. После того как мы использовали один для превращения Лоры в человека, у нас осталось два целых и один почти израсходованный, в котором зафиксировалось восемнадцать миллиметров чистой лазурной энергии.

— Я чувствую её, — тихо сказала Лира. — Энергию Данте. Она просачивается сквозь стены, как туман. Она знает, что мы идём.

— Пусть знает, — я сжал кулаки. — Мы идём за ней. Мы должны найти отца и остановить её.

Мы двинулись вперёд по узкому туннелю, который постепенно расширялся, превращаясь в величественный подземный проход, высеченный в монолитной скале древними мастерами. Стены были покрыты барельефами, изображающими сцены из жизни давно ушедшей цивилизации — алхимики в длинных мантиях, сложные круги трансмутации, фигуры людей и зверей, переплетённых в странных, почти жутких позах. Я чувствовал, как от этих изображений исходит древняя, тяжёлая энергия.

Спуск занял несколько долгих, томительных часов. Технические коллекторы военного министерства, пахнущие ржавчиной и мазутом, постепенно сменились грубой, покрытой вековой чёрной копотью каменной кладкой. Воздух становился всё более спёртым, тяжёлым, пропитанным едкими

испарениями и могильной сыростью. Наш шаг гулко отдавался от невидимых стен, а свет фонарей едва пробивал плотную, оседающую на лицах пыль.

Наконец туннель оборвался колоссальной, величественной каменной аркой, и нашему взору открылся погребённый заживо город прошлых веков. Перед нами во всей своей пугающей, мёртвой грандиозности простирались бесконечные пустые улицы, тёмные глазницы брошенных каменных домов, полуразрушенные мосты и колоссальные площади, над которыми висела звенящая, леденящая душу тишина. Это было колоссальное кладбище целой цивилизации, запертое под фундаментами новой военной диктатуры.

— Боже мой… — прошептал Ал, и его голос сорвался от благоговейного ужаса. — Это целый город. Они похоронили его заживо.

— Четыреста лет назад, — сказал я, вспоминая слова Расселла. — Правительство Аместриса стерло его с лица земли, чтобы скрыть сам факт самого первого в истории масштабного синтеза Философского камня. Именно здесь Данте провела свои первые эксперименты. Именно здесь она создала первых гомункулов.

Лира подошла ближе и взяла меня за руку. Её пальцы были холодными, но в них чувствовалась сила.

— Мы должны идти дальше, — сказала она. — Она ждёт нас в центре. Я чувствую это.

Мы двинулись по пустым улицам мёртвого города. Наши шаги гулко отдавались от каменных стен, и тишина вокруг казалась осязаемой, почти живой. Где-то вдалеке капала вода, и этот монотонный звук нарушал могильное спокойствие. Я сжимал в кармане Синий Камень, и его тепло пульсировало в такт с моим сердцем, словно подбадривая меня.

В центре города высилось полукруглое величественное здание древнего амфитеатра. Его массивные, полуоткрытые парадные двери, украшенные барельефами мифических существ, излучали мягкий, неестественный и пугающе тёплый жёлтый свет. Мы осторожно переступили порог и замерли: до наших ушей донеслись тихие, ритмичные звуки музыки. Это был старый, монотонный, удушающе приторный вальс, от которого по коже мгновенно пробежал ледяной мороз. Звуки скрипки и фортепиано казались нереальными в этом склепе, они словно просачивались сквозь сами стены.

На огромной, заваленной обломками старых декораций сцене в полном одиночестве медленно кружилась Роза. Её движения были плавными, затянутыми, почти призрачными, а взгляд карих глаз оставался абсолютно пустым, остекленевшим, подёрнутым мутной пеленой глубокого ментального подчинения. Она двигалась в такт заунывной музыке, словно кукла на невидимых, натянутых кем-то нитях. Её длинные тёмные волосы, некогда заплетённые в косу, теперь были распущены и плавно покачивались в такт её движениям.

— Роза! — я не выдержал и рванулся вперёд, быстро взбегая по истёртым деревянным ступеням подиума прямо к подмосткам.

Она резко замерла, её голова как-то неестественно, рывком повернулась в мою сторону. Словно подчиняясь заложенной в неё чужой, безжалостной воле, девушка беззвучно, плавно протянула мне руки. Музыка под куполом амфитеатра взвилась с новой, оглушительной силой. Чтобы не дать Розе упасть и попытаться силой разорвать этот ментальный транс, мне пришлось перехватить её холодные ладони, вовлекая её в этот безумный, призрачный танец посреди пыльных руин.

— Я люблю тебя, Эдвард… — её губы, накрашенные тёмной помадой, едва заметно шевелились, но голос звучал сухо, тихо и пугающе механически. — Останься здесь, со мной… Стань частью этого великого камня… Наш путь завершён…

— Роза, очнись! Посмотри на меня! Ты в ловушке! — закричал я, силой останавливая её вращение и отчаянно пытаясь заглянуть в её расширенные, неподвижные зрачки. — Кто-то полностью выжег твою волю! Ты должна бороться, слышишь меня?! Вспомни своего ребёнка! Вспомни Кейна! Он ждёт тебя в Централе!

Но она не слышала. Её глаза оставались пустыми, а тело продолжало двигаться в такт музыке, словно я был лишь частью её танца.

— Она совершенно не слышит тебя, мальчик, — раздался вдруг из ложи амфитеатра бархатный, пугающе знакомый голос.

Я резко обернулся, отпуская Розу. Ал и Лира встали по обе стороны от меня. Лира со стальной решимостью перехватила походную сумку с камнями, её фиолетовые глаза бесстрашно сканировали фигуру, появившуюся из тени.

Из густой, непроницаемой тени тяжёлых бархатных портьер неторопливо, покачивая изящным корпусом, вышла женщина. Её золотистые, ухоженные волосы были безупречно уложены в аккуратное, строгое каре, а серо-голубые глаза светились ледяным, вековым превосходством и торжеством. В руках она бережно, с лёгкой улыбкой держала плачущий свёрток — новорождённого ребёнка Розы. Она мягко покачивала его, и ребёнок, словно загипнотизированный, постепенно затихал.

У меня в одно мгновение пересохло во рту, а сердце пропустило удар. Это была Елена. Та самая «простая,

добрая путешественница», которая так легко и искусно втиралась к нам в доверие в Южных трущобах, подкармливала нас. Та, которая провела нас через пустыню, которая помогала в Лиоре, которая оставила нас перед встречей с отцом. Но сейчас её аура полностью изменилась. От неё веяло той самой удушающей, пугающей древностью и сыростью, которую я ощутил в её особняке в Дублите. Это была та самая женщина, которую я видел тогда, когда Изуми рассказывала о своей учительнице.

— Ты… ты не просто путешественница, — выдохнул я, тяжело хромая назад, отступая на шаг и заслоняя собой безвольную Розу. Ал и Лира встали рядом со мной, образуя защитную стену. — Я помню этот приторный запах духов! Ты была на вокзале в Централе, ты неотступно следила за нами в пустыне, ты манипулировала нами в Лиоре, ты ушла, когда мы искали отца! Кто ты такая на самом деле?! Отвечай!

Женщина тихо, мелодично рассмеялась, и от этого звука у меня поползли мурашки по спине. Она медленно, торжественно расправила складки своего изящного фиолетового платья, ни на секунду не сводя с меня своего пронзительного взгляда.

— Ты удивительно проницателен, Стальной алхимик, но твоя великая догадка слишком сильно затянулась и запоздала, — произнесла она, и её серо-голубые глаза сверкнули холодным, торжествующим огнём. — Я не Елена. Я — Данте. Та самая Данте, которую ты со своим упрямым братом так отчаянно, упрямо и глупо искал по всему Аместрису. Та самая Данте, которая веками создавала гомункулов, направляла войны и единолично управляла всей этой страной из глубокой, недосягаемой тени. И которая вернула себе свою первородную молодость с помощью вашего же Синего Камня.

— Но это невозможно! — закричал я, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Я видел Данте! Я лично был в её доме в Дублите! Она была старухой, которая доживала свои дни в глухом лесу! Изуми Кёртис училась у неё! Ты не можешь быть ею!

— То, что ты видел в лесу, было лишь изношенным, старым сосудом, который мне смертельно надоел, — ответила Данте, и на её губах заиграла зловещая, высокомерная ухмылка. — Каждые несколько десятилетий, когда моё текущее тело начинало стареть и отказывать, я просто пересаживала своё сознание в новую, чистую и молодую плоть. Четыреста лет я воровала чужие жизни, чтобы просто продолжать дышать. Но сейчас, Эдвард, перед тобой моё истинное, первородное лицо. То самое тело, в котором я родилась четыре века назад и по которому успела соскучиться. Я смогла вернуть его себе благодаря твоей работе. Твои Синие Камни дали мне колоссальный, чистейший объём лазурной энергии для этой сложнейшей трансмутации. Ты и твой брат были лишь послушными, слепыми пешками в моей партии. Я забрала четвёртый Синий Камень, который ты по своей детской глупости оставил лежать на рабочем столе Марко в Пятой лаборатории! Мне хватило этой чистой лазурной силы, чтобы запустить обратную матрицу, полностью выжечь старую гниющую плоть и вернуть себе эту безупречную вечную молодость!

Лира сделала уверенный шаг вперёд, её чистый голос звенел от глубокого возмущения под сводами амфитеатра:

— Ты использовала алхимию Эда и его чистый лазурный источник, чтобы просто продлить своё паразитическое бессмертие! Но твоя игра окончена, Данте! Мы больше не твои безвольные куклы, и этот мир больше не будет подпитывать твои Философские камни! Мы остановим тебя!

— Конец определяю здесь только я, девочка, — ледяным, бесстрастным тоном ответила она, и её взгляд стал мертвенно-холодным. — Ты должен умереть, Эдвард. Или стать моим верным, послушным учеником. Третьего не дано. Я вижу в Розе и в тебе тот колоссальный алхимический потенциал, который могла бы направить в нужное, полезное для меня русло. Роза уже практически готова стать моей преемницей, её разум полностью чист от лишних человеческих сомнений, она идеально исполняет каждую мою команду, как ты только что видел. Вы все могли бы веками править этим миром вместе со мной, управляя этим глупым, доверчивым человеческим стадом. Что ты скажешь на это?
— Я никогда, слышишь, никогда не буду твоим учеником! — выкрикнул я, тяжело и прерывисто дыша, а сталь экзоскелета давила на плечо. — И я не дам тебе использовать Розу и её ребёнка в твоих безумных, извращённых целях! Мы уничтожим твой круг!
Данте лишь снисходительно, с глубоким сожалением покачала головой, и её серо-голубые глаза сузились.

— Ты всего лишь глупый, самонадеянный мальчик, который играет с силами, природа которых ему совершенно непонятна, — произнесла она, делая короткий, едва заметный жест рукой в сторону Обжорства. — Ты свято веришь в свой Равноценный Обмен, думаешь, что эта детская сказочка способна победить вековую мудрость? Этот мир жесток, Эдвард. И сильные всегда забирают то, что принадлежит им по праву, не считаясь с потерями Обжорство, уничтожь их. Мне надоели эти разговоры.

Прямо из-под гранитных плит пола, с корнем выламывая вековую брусчатку сцены, с диким, нечеловеческим рёвом бросился на нас Обжорство. Его массивная туша, покрытая слоями жира и мышц, казалась непробиваемой, а пасть была разинута до

невероятных размеров, обнажая ряды острых, готовых крушить камень зубов. Он ринулся вперёд, намереваясь сожрать нас всех вместе с гранитным подиумом.

Альфонс и Лира мгновенно приняли основной удар на себя. Лира вскинула руки, и её воздушная алхимия со свистом закружилась вокруг них плотным, спрессованным куполом, который отражал летящие осколки камней. Альфонс заземлил контур, и из-под ног Обжорства с глухим грохотом вырвались тяжёлые гранитные пилоны, намертво сковывая его движения.

Но это было лишь отвлечение. Данте тем временем стремительно активировала скрытый под ковром сцены круг декомпозиции. Багровые молнии с сухим треском располосовали полумрак старого амфитеатра, воздух налился озоном, и пространство вокруг меня начало стремительно плавиться, превращаясь в текучее, вязкое и мутное стекло. Я почувствовал, как земля уходит из-под моих ног, как колоссальная сила хватает меня за душу и вырывает из реальности.

— Эд! — закричал Ал, пытаясь прорваться ко мне, но ветвистые энергетические молнии швыряли обломки гранита и арматуры во все стороны, не подпуская его ни на шаг.

— Брат! — это был последний крик Ала, который я услышал, прежде чем земля с грохотом ушла из-под моих ног, и я с головой рухнул в ослепительную, леденящую кровь бездну распадающейся материи, сокрушительным импульсом выталкиваемый по ту сторону Врат Истины.

Часть 2. Ментальный сдвиг и чужая плоть

Я очнулся от резкого, бьющего в лёгкие запаха гари, дешёвого табака, мазута и жжёной резины. Я лежал на жёстком, невероятно неудобном матрасе, а над моей головой висел серый, закопчённый потолок, покрытый густой, зловещей сетью глубоких трещин. В ушах всё ещё стоял торжествующий, холодный голос Данте, но мир вокруг меня теперь был совершенно, пугающе иным.

Я попытался по привычке поднять правую руку. Всю свою сознательную жизнь после воскрешения мамы я носил полный, громоздкий экзоскелет Винри, скрывавший под стальными поршнями и паровыми клапанами мои абсолютно живые, здоровые и целые конечности. Я привык ежесекундно совершать физические усилия сквозь жёсткое гидравлическое сопротивление этого маскировочного каркаса. Но теперь моя рука отозвалась странной, пугающей и лёгкой свободой. На мне совершенно не было тяжёлой стали. Никаких накладок, никаких полых пластин, никаких винтов.

Взглянув на свои ладони, я похолодел: кожа была бледной, тонкой, покрытой мелкими ссадинами и слоем въевшейся угольной пыли. Это были руки обычного человека, но это были абсолютно не мои руки.

В полной панике я сорвался с кровати. Ноги подчинялись неестественно, скованность шарниров полностью исчезла. Под чужой кожей перекатывались живые, но сильно истощённые, слабые мышцы. Я быстро, спотыкаясь, подскочил к овальному мутному зеркалу на стене и отшатнулся в первозданном ужасе.

Из стекла на меня смотрел совершенно чужой мальчик. На вид ему было около тринадцати лет, его лицо было измождённым, бледным, с тонкими, заострёнными чертами. Но самым страшным были

волосы. Они были не золотистыми, как у нас с Альфонсом, а пепельно-белокурыми, почти мертвенно-белыми, словно выгоревшими на жестоком солнце. Они падали на плечи неровными, сухими прядями, и я машинально провёл по ним своей новой, дрожащей ладонью. Они были жёсткими, совсем не такими, как мои собственные волосы. Я абсолютно, до дурноты не знал этого лица.

— Что… что это такое?! Где моя алхимия?! Где моё тело?! — закричал я, но из горла вырвался лишь чужой, ломающийся подростковый хрип, сорвавшийся на панический шёпот.

Я инстинктивно хлопнул в ладоши, со всей силы прижал ладони к поверхности старого деревянного стола, пытаясь перестроить молекулы древесины, но ничего не произошло. Не было ни синих искр, ни лазурных вспышек, ни привычного гула энергии. Энергия Земли в этом странном месте была абсолютно, безнадёжно мертва, словно сами Врата Истины были закрыты для меня наглухо. Моя связь с алхимией исчезла. Я был пуст. Беспомощен.

Снаружи раздался протяжный, оглушительный и завывающий звук сирены, от которого мгновенно заложило уши. Следом земля содрогнулась от колоссального по силе удара. Оконное стекло с дребезгом разлетелось на миллионы мелких осколков, и в комнату ворвался холодный, пахнущий озоном, порохом и гарью ветер. Я бросился к окну и увидел ночное небо, разрезаемое яркими, перекрещивающимися лучами колоссальных военных прожекторов. Огромные, сигарообразные дирижабли медленно и зловеще плыли над крышами ночного города, сбрасывая тонны смертоносного железа на жилые кварталы.

Это была война. Но в ней не было ни грамма алхимии — только грубая, бездушная механика, шестерни, сталь и порох.

Дверь комнаты с треском распахнулась, ударившись о стену, и на пороге вырос высокий мужчина в длинном, помятом дорожном пальто. Его лицо было бледным, покрытым слоем чёрной угольной копоти, но золотистая борода и до боли знакомые очки заставили моё сердце пропустить удар.

Это был Ван Хоэнхайм. Мой отец.

— Эдвард! Назад от окна, живей! — рявкнул он, его голос сорвался на крик. Он подскочил ко мне и мёртвой хваткой вцепился в моё бледное запястье, увлекая за собой в коридор. — Начинается воздушный налёт! Немецкие цеппелины уже над Темзой! Мы должны бежать в убежище, пока дом не рухнул!

— Отец? — выдохнул я, чувствуя, как мир окончательно переворачивается с ног на голову. — Что… что происходит? Где я? Где Ал? Где моё тело?

— Потом, Эдвард! Сначала мы должны выбраться живыми! — он буквально волок меня по коридору, уклоняясь от падающих обломков штукатурки.

Мы выбежали на лестницу и помчались вниз, огибая груды кирпича и битого стекла. Лестничный пролёт дрожал от каждого взрыва, и я чувствовал, как здание медленно, но верно разрушается вокруг нас. В коридорах мелькали испуганные лица людей, которые бежали в убежище, прижимая к себе детей и хватая самые ценные вещи. Мы выскочили на улицу, и я увидел ночной город, охваченный огнём и хаосом. Огромные цеппелины медленно плыли над крышами, сбрасывая бомбы, которые взрывались с оглушительным грохотом, оставляя после себя воронки и пожары.

Отец силой затащил меня в тесное, душное подземное бомбоубежище, где у сырых стен ютились сотни таких же перепуганных, бледных и плачущих людей. Мы тяжело дышали, прислонившись спинами к холодному, вибрирующему бетону. Снаружи гремели взрывы, и бетонный свод содрогался от каждого удара.

— Отец… — начал я, но он поднял руку, жестом прося подождать.

— Дай мне перевести дух, Эдвард, — сказал он, вытирая пот со лба. — Я знаю, что у тебя тысяча вопросов. Я отвечу на все. Но сначала — ты должен понять, где ты оказался и что с тобой случилось.

Часть 3. Исповедь отца под бомбами

Мы сидели на холодном бетонном полу бомбоубежища, прижимаясь спинами к вибрирующей стене. Вокруг нас плакали дети, шептали молитвы женщины, а мужчины молча сжимали кулаки, глядя в одну точку. Отец сидел рядом со мной, и его лицо было бледным, но в глазах горел тот же тёплый свет, который я помнил из детства.

— Эдвард, — начал он, и его голос был тихим, но отчётливым, перекрывающим гул взрывов. — Ты находишься в другом мире. Совершенно другом. Здесь нет алхимии, нет Врат Истины, нет философского камня. Здесь люди пошли по совершенно другому пути — пути создания машин, оружия, технологий. Они воюют друг с другом с помощью этих машин, уничтожая целые города. Ты сейчас в Лондоне, столице страны, которая называется Англия. Идёт война. Самая страшная война, которую когда-либо знало человечество.

— Но как я здесь оказался? — спросил я, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — Где моё тело? Я же был в подземном городе, я видел Данте…

— Данте использовала на тебе круг Врат Истины, Эдвард, — тихо, но отчетливо произнес он, пока над нашими головами содрогался бетонный свод от очередного страшного удара бомбы. — Она просто вытолкнула твою душу из твоего родного мира, лишив тебя опоры. Моя собственная душа прошла через этот кошмар много лет назад. Этот мальчик… его душа только что погибла во время первой волны бомбёжки, и твоё ментальное тело просто заняло эту пустую, свободную оболочку.
— Но почему ты ушёл?! — слёзы брызнули из моих новых серых глаз, я буквально задыхался от подступившей горькой обиды, сжимая его ткань. — Ты оставил маму умирать в одиночестве на этой кровати! Ты оставил нас совсем одних в Ризенбурге! Мы сожгли наш дом дотла, Альфонс едва не потерял свою человечность в подвале! Зачем была нужна вся эта ложь про твои бесконечные, важные «исследования»?! Ты предал нас!
Хоэнхайм опустил голову, его широкие плечи судорожно вздрогнули от невыносимой внутренней боли.
Я ушёл только ради того, чтобы спасти вас, Эдвард, — его голос сорвался на глухой, прерывистый шёпот, и он крепче сжал моё запястье. — Четыреста лет назад мы с Данте создали самый первый Философский камень. Но цена за это знание была слишком чудовищной, отвратительной. Каждый раз, когда моё текущее тело начинало стареть и отказывать, Данте силой пересаживала мою душу в тела молодых, ничего не подозревающих юношей, полностью выжигая их собственные сознания. Когда я наконец осознал, что стал настоящим, бездушным

чудовищем, я сбежал от неё, проклиная эту науку. Я встретил вашу мать, Тришу. Её чистая, искренняя любовь вернула мне человечность, подарила мне душу. Я смог рассчитать формулу Синего Камня — лазурного катализатора, который черпает силу напрямую из Врат без человеческих жертв. Я синтезировал его лишь однажды и надёжно спрятал в тайнике нашего кабинета перед уходом, чтобы он достался вам. Но Данте всё же вычислила меня, её ищейки шли по моему следу шаг за шагом. Если бы я остался в Ризенбурге хотя бы еще на одну неделю, она бы уничтожила всю деревню до основания, чтобы забрать формулу лазурита и отомстить мне. Мой уход... Мой вынужденный побег в этот параллельный мир через Врата Истины был единственным способом увести её карательные отряды гомункулов подальше от нашего дома. Я сознательно пожертвовал возможностью быть вашим отцом, чтобы вы с Альфонсом просто остались живы.

Он замолчал на мгновение, и я видел, как его пальцы сжались в кулаки. В его глазах мелькнула та же боль, что я видел, когда мы встретились на холме в Централе.

— Я должен был вернуться к вам, — продолжал он, и его голос дрогнул. — Я пытался. Я нашёл способ пробиться через Врата, и я вернулся в Аместрис. Я пришёл в Централ, чтобы найти вас и встретиться с Данте лицом к лицу. Я должен был остановить её раз и навсегда.

— Ты встретился с ней, — сказал я, вспоминая ту ночь, когда мы ждали его на холме. — Ты пошёл в её особняк. Ты сказал нам ждать, но не вернулся.

Он опустил голову, его широкие плечи вздрогнули.

— Да, я встретился с ней. В старом особняке на окраине архивного сектора. Я думал, что смогу убедить её, что смогу потребовать, чтобы она оставила вас в покое. Но я ошибся. Она была уже не той Данте, которую я знал. Она омолодилась. Она вернула себе своё первое тело — то самое, в котором она родилась четыре века назад. Она использовала ваш Синий Камень, чтобы выжечь старость и восстановить свою первородную плоть. Она была сильнее, чем когда-либо.

— Что произошло? — спросил я, чувствуя, как холод пробегает по спине.

— Она хотела, чтобы я привёл вас к ней, — ответил он, и его голос стал глухим. — Она угрожала уничтожить всех, кто мне дорог, если я не сделаю этого. Я отказался. Мы сражались. Её гомункулы напали на меня, и я понял, что не смогу победить её в одиночку. Мне пришлось бежать.

— Ты сбежал, — сказал я, и в моём голосе послышалась горечь. — Ты снова оставил нас.

— Я сбежал, чтобы защитить вас, Эдвард! — он схватил меня за плечи, и его глаза горели отчаянным огнём. — Если бы я остался, она бы схватила меня и использовала как приманку, чтобы заманить вас в ловушку. Я должен был увести её внимание от вас. Я открыл Врата Истины и прыгнул обратно в этот мир — в Лондон. Я знал, что она не последует за мной сюда, потому что здесь нет алхимии, нет для неё силы. Она не рискнёт оставить своё логово в Аместрисе ради погони за мной в мир, где она бессильна.

— Но ты оставил нас одних с ней, — прошептал я. — Мы не знали, что ты сбежал. Мы ждали тебя на холме до рассвета.

Он закрыл глаза, и я увидел, как по его щекам текут слёзы.

— Я знаю, Эдвард. И я буду нести эту вину до конца своих дней. Но у меня не было другого выбора. Если бы я остался, она бы использовала меня, чтобы уничтожить вас. Я должен был уйти, чтобы дать вам шанс. И я знал, что вы сильные. Я знал, что вы справитесь без меня. Вы уже доказали это, когда нашли Синий Камень и воскресили маму.

Я смотрел на него, и внутри меня боролись гнев и понимание. Он снова ушёл. Он снова оставил нас. Но теперь я знал, что это была жертва. Он пожертвовал собой, чтобы защитить нас.

— Почему ты не вернулся к нам потом? — спросил я. — Почему ты остался здесь, в Лондоне?

— Потому что я боялся, — признался он, и его голос был едва слышен. — Я боялся, что если вернусь, она снова найдёт меня и использует против вас. Я боялся, что моё присутствие только навредит. Поэтому я остался здесь, в этом мире, пытаясь найти другой способ остановить её. Но я не нашёл. Я просто ждал. Ждал, пока вы сами не придёте ко мне.

Я молчал, переваривая его слова. Вина, гнев, понимание — всё это смешалось в моей душе. Но я знал одно: он не был предателем. Он был отцом, который пытался спасти своих детей любой ценой.

— Я прощаю тебя, отец, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Я понимаю, почему ты ушёл. Но теперь ты должен помочь мне вернуться. Ал и Лира ждут меня. Я должен остановить Данте.

Он посмотрел на меня, и в его глазах блеснула надежда.

— Ты сможешь вернуться, Эдвард. Твоя связь с Алом — это самый мощный ментальный якорь. Сфокусируйся на лазурном свете, вспомни структуру Синего Камня. Врата откроются сами. Я помогу тебе.

Он положил руку мне на плечо, и я почувствовал, как его тепло передаётся мне.

— Я люблю тебя, сын, — прошептал он. — И я горжусь тобой. Ты стал тем, кем я всегда мечтал видеть тебя.

Я закрыл глаза, полностью отсекая реальность бомбоубежища. Грохот лондонских взрывов начал медленно отдаляться, заглушаемый внутренним ритмом моей памяти. В моём сознании ярким, ослепительным пламенем вспыхнули три лазурные грани Синих Камней. Я отчётливо почувствовал ментальный толчок, структуру собственной, настоящей плоти и изо всех сил рванулся вперёд, навстречу лазурному сиянию.

Последнее, что я услышал, был голос отца:

— Возвращайся, Эдвард. Спаси их. Я найду способ вернуться к вам. Обещаю.

Часть 4. Возвращение в реальность

Я открыл глаза и судорожно, со свистом вдохнул полной грудью холодный, влажный воздух подземного зала. Я снова лежал на разбитых гранитных плитах амфитеатра мёртвого города. Мои руки и ноги снова были со мной. Я почувствовал привычное, плотное мышечное напряжение внутри полых металлических пластин экзоскелета, которые Винри закрепила поверх моей целой плоти. Каркас отозвался надёжным, тяжёлым весом. Я снова был собой.

— Брат! Ты вернулся! Слава Богу! — Альфонс буквально рухнул рядом со мной на колени, его перевязанные бинтами руки судорожно сжали мои плечи. — Твой взгляд полностью исчез на несколько минут, ты совершенно не дышал, глаза стали стеклянными! Я думал, что Данте выжгла твою душу своим кругом навсегда!

— Всё в порядке, Альфонс… — я легко, уверенно приподнялся, опираясь на его крепкое плечо. Живые мышцы внутри экзоскелета послушно сработали, заставив внешние шарниры издать короткий, чистый металлический лязг. — Я видел его. Я видел нашего отца. Он рассказал мне всю правду. Он ушёл из дома только ради того, чтобы защитить нас от Данте и увести её ищеек. Он действительно любит нас. Мы ошибались насчёт него все эти годы. Он снова сбежал от неё в Лондон, чтобы она не использовала его против нас. Но теперь я знаю, что он вернётся, когда мы победим.

Лира быстро подбежала к нам, её фиолетовые глаза сияли от искреннего облегчения, а из её открытой сумки по-прежнему шло мягкое, лазурное свечение наших новых катализаторов. Данте на сцене амфитеатра полностью отсутствовала. Пользуясь минутной неразберихой и мощным алхимическим выбросом, она спешно отступила в самые глубокие, неисследованные ярусы подземного города, увлекая за собой подчинённую Розу. Обжорство, полностью истощённый воздушными ударами Лиры и каменными тисками Ала, тяжело дышал среди обломков разрушенных колонн.

Я надёжно нащупал в кармане наш новый Синий Камень. Внутри меня больше не было никаких сомнений, не было той застарелой слепой ярости к Хоэнхайму. Теперь у нас была абсолютная, кристально чистая правда и полное знание нашего пути.

— Идёмте, — я решительно выпрямился, заставив шарниры маскировочного экзоскелета звонко лязгнуть. — Данте не сможет уйти далеко в этих руинах. Мы разомкнём её круг смерти раз и навсегда. Лира, держи Синие Камни наготове! Финал близко!

Мы двинулись в глубь древнего города, оставляя позади разрушенный амфитеатр. Впереди нас ждала финальная битва с Данте, и теперь я знал, что мы готовы. Мы знали правду. Мы знали, кто она такая. И мы знали, как её остановить.

ГЛАВА 48. Жизнь

Часть 1. Встреча с Завистью и истинное лицо

Тёмные, сырые коридоры погребённого под землёй древнего города казались бесконечными, засасывающими в бездну. Тяжёлый, спёртый воздух, насквозь пропитанный удушающим запахом древней серы, вековой пыли и перекаленного спирта, буквально давил на грудь, мешая сделать полноценный вдох. Каждый наш шаг отзывался гулким, зловещим и раскатистым эхом от монолитных каменных стен, а тусклый свет карманных фонарей едва пробивал плотную, оседающую на лицах известковую дымку. Альфонс шёл рядом со мной, его перевязанные белыми медицинскими бинтами руки были крепко сжаты в кулаки, а бледное лицо оставалось сосредоточенным. Мы оба молчали, но я отчётливо знал, что он чувствует то же самое — ту самую невыносимую, свинцовую тяжесть от осознания того, какая страшная цена стоит за бессмертием этого прогнившего мира. Лира неотступно следовала за нами, контролируя малейшие колебания воздуха в подземных проходах.

Мы шли по коридору, который постепенно расширялся, превращаясь в просторный круглый зал с высоким куполообразным сводом. В самом центре зала, небрежно прислонившись спиной к обломку несущей колонны, стоял он. Зависть.

Его лицо было абсолютно холодным, а бледная кожа казалась почти прозрачной в полумраке подземелья. Он смотрел на меня с той самой дикой, первозданной ненавистью, которую бережно копил, лелеял и взращивал в себе сотни долгих лет. Его длинные тёмно-зелёные волосы растрепались по плечам, а фиолетовые глаза с вертикальными зрачками зловеще сверкали, отражая лазурные отсветы наших Синих Камней. От всей его подтянутой фигуры исходила осязаемая, леденящая кровь аура смертельной опасности.

— Надо же, Стальной алхимик всё-таки выполз из бездны Врат Истины, — его насмешливый, ехидный голос эхом отразился от каменных плит пола. — Ты действительно думаешь, что твоя жалкая лазурная игрушка способна остановить великий круг декомпозиции Данте?

— Я не просто думаю, я уничтожу ваше прибежище, Зависть, — твёрдо и резко сказал я, делая шаг вперёд и на ходу соединяя ладони. Металл моего маскировочного экзоскелета звонко и гидравлически жёстко звякнул, симулируя сопротивление тяжёлой автоброни. — Ваша эпоха кровавых Философских камней окончена навсегда!

— Ты ничего не сможешь сделать, Эдвард Элрик, — гомункул презрительно усмехнулся, и его тело внезапно начало деформироваться, плавиться и менять очертания прямо на глазах. Через секунду передо мной уже стоял доктор Тим Марко, устало протирающий очки. Ещё мгновение — и его плоть исказилась, превращаясь в майора Маеса Хьюза с его

неизменной доброй улыбкой и стопкой фотографий. А затем… затем его лицо разгладилось, волосы удлинились, приобретая каштановый оттенок, и на меня мёртвыми карими глазами уставилась моя мать, Триша Элрик.

— Эдвард, почему ты борешься со мной? — её мягкий, пугающе знакомый голос заставил меня внутренне сжаться от невыносимой боли. — Сдайся. Позволь мне забрать твой камень…

— Заткнись! Хватит кривляться и прятаться за чужими лицами, трус! — в ярости закричал я, чувствуя, как кровь приливает к лицу, а в горле стоит удушающий ком. — Покажи мне своё настоящее лицо! То лицо, которое ты так отчаянно ненавидишь и пытаешься стереть каждый божий день!

Зависть в облике матери внезапно замер. Его карие глаза расширились, а фальшивая улыбка Триши мгновенно превратилась в жуткий, перекошенный оскал. По его телу пробежала мощная алхимическая судорога, багровые искры затрещали на его коже, и он на мгновение полностью потерял ментальный контроль над своей текущей формой. Из багрового марева распадающейся материи начала медленно, торжественно проступать его подлинная, первозданная сущность.

Линия ослепительного белого света прошла сверху вниз, стирая фальшивую плоть. Когда дым окончательно рассеялся, перед нами на коленях стоял молодой человек. У него были длинные, светлые волосы, правильные, благородные черты лица и серо-голубые глаза, в которых сейчас плескалась такая бездонная, вековая тоска, что у меня перехватило дыхание. Он был пугающе, до дрожи похож на Ван Хоэнхайма.

— Что… что это такое? Кто ты?! — ошеломлённо прошептал я, опуская руки и делая невольный шаг назад.

— Ты так сильно хотел увидеть моё истинное лицо, Стальной? Смотри же! — гомункул закричал, и его живой, чистый человеческий голос сорвался на болезненный, судорожный хрип. Он медленно поднялся с колен, и его пальцы мелко дрожали от переполнявшей его ярости. — Это моё настоящее лицо. Лицо, которое Хоэнхайм подарил мне четыреста лет назад. Я — самый первый, первородный сын твоего драгоценного отца, Эдвард! Я умер от лихорадки, будучи совсем ребёнком, и этот трусливый ублюдок попытался воскресить меня с помощью человеческой трансмутации плоти. Но вместо любящего сына он создал меня — бездушную, дефектную тварь! И когда он осознал, какой страшный грех совершил, он испугался своего творения и просто бросил меня умирать в темноте! Он сбежал, оставив меня Данте, а сам создал себе новую, чистую и счастливую семью в Ризенбурге! Он никогда не любил меня! Он наотрез отказался от меня, заменив меня вами двумя!

Я потрясённо смотрел на него, чувствуя, как ледяная волна понимания накрывает меня с головой. Теперь вся картина заговора гомункулов окончательно сложилась воедино. Я понимал, почему Зависть с такой дикой, неукротимой жестокостью преследовал нас все эти месяцы. Мы были теми, кто занял его законное место в сердце Хоэнхайма. Мы были живыми детьми любви, пока он оставался багровым памятником отцовской ошибки.

— Ты ошибаешься, Зависть… Он не бросал тебя из-за ненависти, — тихо, сквозь слёзы произнёс Альфонс, делая шаг вперёд и протягивая к нему свои перевязанные бинтами руки. — Он бежал от собственного кошмара, потому что его сердце было

полностью разбито этой потерей. Он любил тебя, но тогда у отца еще не было Синего камня, и классическая алхимия превратила его попытку спасти тебя в багровое проклятие. Он не мог смотреть на тебя, потому что ты стал напоминанием о его величайшей ошибке. Но он не ненавидел тебя. Он ненавидел себя.

— Замолчи! Не смей читать мне свои дешёвые лекции, металлолом проклятый! — с диким рёвом Зависть бросился на меня, превращая свои пальцы в длинные, бритвенно-острые когти.

— Не убьёт… Я не позволю! — выкрикнул я, едва успевая выставить блок.

Его когти с оглушительным скрежетом полоснули по стальным накладкам моего экзоскелета, выбивая сноп ярких искр. Сила его удара была колоссальной, меня отбросило назад на несколько метров. Он атаковал снова и снова, круша каменные глыбы и яростно выкрикивая проклятия в адрес Хоэнхайма.

Я не хотел его убивать. Глядя в его серо-голубые глаза, я видел в них не врага, а несчастного, брошенного всеми ребёнка. Пользуясь своим уникальным даром Врат, я резко хлопнул в ладоши и прижал ладонь к полу, но направил энергию на деструкцию его внутренней багровой матрицы. Я вытащил из кармана наш новый Синий Камень и направил его лазурный, чистый поток прямо в грудь гомункулу.

Лазурный свет озарил весь зал, пробивая багровое марево. Чистая энергия Врат Истины лавиной ворвалась в тело Зависти, вступая в реакцию с поглощёнными им когда-то красными камнями. Гомункул судорожно закричал, падая на колени, и из его пор начали со звоном выпадать багровые кристаллы, мгновенно превращаясь в серый пепел.

Его искажённая природа полностью перестраивалась под воздействием лазурного источника.

Когда сияние наконец погасло, Зависть лежал на полу, тяжело и прерывисто дыша. Его тело больше не пульсировало зловещей энергией, а когти исчезли, уступив место обычным человеческим пальцам. Его кожа налилась здоровым, тёплым румянцем.

— Что… что ты сделал со мной, Стальной? — прошептал он, медленно поднимая свои новые, дрожащие руки к лицу. Его серо-голубые глаза были полны немого недоверия.

— Я сделал тебя человеком, — тихо ответил я, опускаясь рядом с ним на корточки и пряча Синий Камень в карман. — Твоя вековая связь с Данте и её Философскими камнями полностью уничтожена. Ты больше не монстр и не оружие в её руках. Ты свободен, слышишь? Ты можешь начать свою собственную, настоящую жизнь с чистого листа. Ты больше не Зависть. Ты можешь выбрать новое имя. Новую судьбу.

Зависть бережно коснулся пальцами своей груди, чувствуя, как под кожей ровно, спокойно и сильно бьётся настоящее человеческое сердце. Слёзы облегчения брызнули из его глаз, и он тихо, судорожно разрыдался, закрыв лицо руками. Вековой кошмар его существования наконец-то был завершён. Альфонс мягко помог ему подняться, оставляя его приходить в себя в безопасности древнего зала, пока мы торопились дальше.

— Я… я помню своё имя, — прошептал он сквозь слёзы. — Моё имя — Адриан. Я был сыном Хоэнхайма. Я умер от лихорадки в детстве. Он пытался вернуть меня… но создал монстра. Теперь я снова человек. Спасибо тебе, Стальной. Спасибо, что вернул мне жизнь.

— Ты заслужил этот шанс, Адриан, — сказал я, сжимая его плечо. — Ты не ошибка. Ты — человек, который получил второй шанс. Используй его с умом.

Мы оставили Адриана в зале, и он медленно, неуверенно пошёл к выходу из подземного города, готовый начать свою новую жизнь. Мы же поспешили дальше, в самое сердце руин.

Часть 2. Финальное противостояние с Данте

Мы поспешили дальше вглубь руин. Наш путь лежал в самое сердце подземного мегаполиса — к древнему ритуальному алтарю Данте.

Зал алтаря встретил нас колоссальными масштабами. Высокие гранитные колонны уходили далеко вверх, теряясь в непроглядной тьме, а на полу был высечен гигантский, пульсирующий багровым светом круг декомпозиции плоти. В самом центре этого круга, на возвышении, стояла она — Данте. Её золотистые волосы мерцали в тусклом свете факелов, уложенные в аккуратное каре, а серо-голубые глаза смотрели на наше появление с ледяным спокойствием и высокомерием. Рядом с ней, словно безжизненная статуя, замерла Роза с младенцем на руках.

— Вы всё-таки пришли, упрямые мальчишки, — её бархатный голос эхом отразился от стен зала. — Но вы опоздали. Мой великий круг декомпозиции полностью настроен. Столица Аместриса станет идеальным материалом для завершения моей формулы.

— Это конец, Данте! Твой круг смерти будет разрушен прямо сейчас! — яростно крикнул я, демонстративно сбрасывая плащ и активируя

фиксаторы своего экзоскелета. Металл послушно звякнул, шарниры встали в боевой режим. — Мы знаем правду о твоей грязной науке!

— Ты ничего не знаешь о настоящей науке, Эдвард Элрик, — Данте высокомерно усмехнулась, и её пальцы коснулись медной панели управления контуром. — Я веками защищала этот мир от глупых, самонадеянных людей, которые погубили бы себя без моего чуткого руководства. Их жизни — лишь необходимая, Равноценная плата за стабильность этой страны!

— Ты не защищала мир, ты трусливо использовала его ради собственного, фальшивого бессмертия! — крикнул Альфонс, прижимая ладони к основанию центрального пилона. — Но Хоэнхайм нашёл другой, чистый путь! И мы докажем тебе это!

Я достал из кармана один из трёх лазурных кристаллов, синтезированных в Пятой лаборатории. Он был почти на исходе — всего восемнадцать миллиметров чистой энергии, — но этого должно было хватить, чтобы завершить начатое. Остальные два мы берегли как неприкосновенный запас. Лазурный катализатор ярко вспыхнул в полумраке зала, заливая гранитные плиты чистейшим, ослепительным голубым сиянием. Я соединил ладони и со всей силы припечатал их к поверхности центральной алтарной плиты. Моя воля яростной лавиной ворвалась в древнюю багровую матрицу Данте. Пользуясь своим уникальным даром Врат Истины, я начал лихорадочно перестраивать молекулярные связи всего подземного комплекса, стирая её формулы смерти и заменяя их на чистую кристаллическую структуру лазурного источника моего отца.

Пытаясь защитить хозяйку, из задымлённых ниш на нас внезапно бросился огромный Обжорство, дико

рыча и щёлкая зубами. Но Ал и Лира сработали на опережение. Лира мгновенно вскинула руки вверх, её фиолетовые глаза ярко вспыхнули. Воздушная алхимия со свистом закружилась вокруг нас плотным, спрессованным куполом, удерживая колоссальное атмосферное давление перегруженной системы и отбрасывая монстра назад. Альфонс заземлил контур, и тяжёлые рунические каменные глыбы намертво сковали Обжорство, прижав его к полу.

Я направил всю мощь Синего Камня напрямую в тело Данте. Я не собирался уничтожать её плоть — я хотел дать ей то, чего она так отчаянно и преступно добивалась все эти четыреста лет. Истинное, чистое бессмертие без кражи чужих тел, без пролития невинной крови и без страшного проклятия гниения души.

Лазурная энергия окутала фигуру Данте плотным светящимся коконом. Она закричала, но в этом крике не было физической боли — только великое, сокрушительное освобождение от векового груза её грехов. Синий свет полностью стабилизировал структуру её первородной плоти и навечно зафиксировал её молодость.

Когда сияние наконец погасло, Данте стояла на коленях перед алтарём, тяжело и глубоко дыша. Её тело больше не испытывало скрытого распада, а серо-голубые глаза смотрели на свои ладони с немым, потрясённым благоговением. Ментальные путы с Розы мгновенно спали, и девушка, пошатнувшись, испуганно прижала к себе младенца, приходя в сознание. Она огляделась, пытаясь понять, где находится, и, увидев меня, тихо ахнула.

— Эдвард? — прошептала она, и её голос дрожал. — Что… что случилось? Где я?

— Всё хорошо, Роза, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты в безопасности. Ты была под контролем Данте, но теперь это закончилось. Твой ребёнок с тобой. Ты свободна.

Она прижала младенца к груди и заплакала от облегчения, а я повернулся к Данте.

— Моё тело больше не разрушается… Душа полностью стабилизирована… — прошептала Данте, и её голос дрожал от подступивших слёз. Она медленно подняла взгляд на меня. — Ты действительно подарил мне истинную жизнь, Эдвард Элрик… Без единой жертвы…

— Ты будешь жить вечно, Данте, — тихо, но твёрдо сказал я, пряча остывающий Синий Камень обратно в карман. — Но отныне твоё бессмертие — это твоё великое искупление. Ты останешься здесь, в мире людей, но будешь использовать свои колоссальные знания только ради созидания, исцеления и помощи тем, чьи жизни ты когда-то разрушила. Ты больше никогда не посмеешь переступить черту.

— Это не просто вечная жизнь, Данте, — я сделал тяжёлый, уверенный шаг вперёд по разбитым плитам амфитеатра, чувствуя, как поршни моего экзоскелета послушно и тихо лязгнули на стыке камней. Я медленно опустил левую, живую руку и спрятал остывающий Синий Камень обратно в карман жилета, но взгляда от неё не отвёл ни на секунду. — Посмотри на себя. Это то, чего ты так отчаянно и преступно добивалась четыре сотни лет. Я вернул тебе твоё первородное, чистое лицо, полностью выжег скверну паразита и подарил тебе абсолютную, пугающую неуязвимость. Твою новую лазурную плоть теперь не выжгут миллионы градусов ядерного пламени, и она не расколется в ледяном вакууме космической пустоты при абсолютном нуле. Тебе больше никогда в жизни не придётся красть чужую

молодость, убивать и ломать невинных людей, чтобы просто продолжать дышать. В этом моё величайшее милосердие к тебе, Данте. Я не стал опускаться до твоих методов, я не стал мстить. Но не вздумай радоваться. Потому что это лазурное бессмертие — одновременно и твоё самое суровое, неотвратимое наказание.

Я подошёл к ней почти вплотную, сверху вниз глядя на её ошеломлённое, омолодившееся лицо. Внутри меня не было злобы — только холодная, свинцовая решимость Государственного алхимика, который наконец-то закрыл эту вековую партию.

— Отныне ты наглухо лишена права на смерть, — процедил я сквозь зубы, и мой собственный голос показался мне непривычно взрослым и тяжёлым в этой могильной тишине руин. — Ты не сможешь трусливо сбежать от ответственности через самоуничтожение или забвение, когда вековой груз вины, когда лица всех убитых тобой в Ишваре и Лиоре начнут каждую ночь разрывать твой разум изнутри. Твоя вечность — это твоя нерушимая, бесконечная епитимья. Ты будешь жить миллионы лет, до самого скончания времён, и каждую чёртову секунду этого бытия ты обязана созидать, исцелять раненых на Юге и служить живым, непробиваемым щитом для человечества. Ты будешь выстраивать этот мир заново, шаг за шагом, уравновешивая каждую каплю пролитой тобой крови. Это твоя плата за то, что ты вернула своё имя. Живи с этим, Данте.

Я замолчал, тяжело дыша, и в мёртвой тишине погребённого города было слышно только, как с потолка срываются и разбиваются о гранит редкие капли грунтовой воды. Данте медленно, словно всё ещё не верив в реальность происходящего, подняла свои новые, безупречно гладкие человеческие ладони к лицу. Она всматривалась в свои тонкие пальцы, проводила ими по золотоволосым прядям волос, а из

её серо-голубых глаз — тех самых, первородных — крупными каплями покатились слёзы. В них мелко дрожали и ошеломляющее, дикое облегчение от возвращения к себе, и первозданный, леденящий душу ужас перед лицом той бесконечной дороги, которую я ей только что открыл.

Она медленно подняла на меня взгляд, и её бархатный голос, начисто лишённый прежней высокомерной издёвки, эхом раскатился под гранитным куполом:

— Ты… ты действительно гений, Эдвард Элрик, — она хрипло, вымученно усмехнулась, и в её глазах фиолетовый отблеск гомункульной связи окончательно уступил место живому человеческому свету. — Какая изощрённая, сокрушительная и по-настоящему великая алхимия разума. Ты не опустился до банального убийства, не стал мстить мне за Лень или за Ишвар. Ты дал мне то, ради чего я четыреста лет выжигала целые города и ломала тысячи чужих жизней, — моё собственное, вечное и неуязвимое тело. Ты очистил меня от скверны паразита, вернул мне моё имя… Но вместо трона ты заковал меня в эту лазурную плоть, как в самую прочную тюрьму во вселенной.

Она тяжело поднялась с колен, распрямляя спину, и хотя её тело теперь могло выдержать миллионы градусов и абсолютный ноль, плечи её поникли под невидимым грузом веков.

— Какая ирония… Все эти столетия я слепо верила, что моё бессмертие совершенно, — её голос стал тише, приобретая глубокий, исповедальный тон. — Но мои прежние методы были лишь грязной, убогой суррогатной подделкой. Каждые несколько десятилетий я была вынуждена воровать чужие жизни, заживо выжигать души молодых девушек, чтобы просто пересадить в их плоть своё стареющее

сознание. И мой разум задыхался от удушающей пустоты и чужих, мучительных воспоминаний. Моё «бессмертие» требовало рек ишварской крови и постоянного страха. А твой Синий Камень… твой лазурный источник перешагнул через весь этот багровый кошмар декомпозиции. Он не взял платы, он взял силу напрямую из Врат и навечно стабилизировал мою собственную, первородную структуру. Моя плоть стала прочнее звёзд, и энтропия больше не властна надо мной. Но самое поразительное… самое пугающее и прекрасное, Эдвард… — она вдруг прижала ладонь к низу своего живота, и её дыхание перехватило от благоговейного шока. — Твой лазурный свет не превратил меня в бесчувственный энергетический монолит или в пустое, холодное существо. Я чувствую, как в моих жилах пульсирует горячая кровь. Я чувствую каждый вдох. Я осталась женщиной, Эдвард. Настоящей, живой женщиной. Моё чрево больше не бесплодно, как у гомункулов, твоя магия сохранила во мне способность даровать и рождать новую человеческую жизнь… Высшее милосердие, соединённое с вечным долгом.

Данте посмотрела на меня, и в её серо-голубых глазах вспыхнула кристально чистая, суровая честность раскаяния.

— Миллионы лет… — прошептала она. — Я не смогу закрыть глаза и трусливо сдаться, когда лица тех, кого я погубила, станут невыносимой пыткой для моей памяти. Твоё милосердие вернуло мне душу, Эдвард, но эта же душа теперь будет каждую чёртову секунду вечности гореть в огне моего собственного покаяния. Я не смогу умереть, даже если сама этого захочу. Я буду жить, буду строить этот Аместрис заново, лечить бедняков и закрывать людей своим телом от любых грядущих войн. Ты победил, Стальной алхимик. Ты превратил мою

величайшую алчность в мой вечный, нерушимый долг перед этим миром. Я принимаю твою лазурную епитимью.

Она низко, с глубоким вековым уважением склонила передо мной свою золотоволосую голову, признавая полное поражение своей старой философии. Я молча смотрел на неё, чувствуя, как стена застарелой лжи и багрового кошмара прошлых лет окончательно рушится под ногами, открывая дорогу к нашему общему лазурному рассвету.

Данте молча опустила голову, и крупные слёзы раскаяния покатились по её молодому лицу. Её вековая тирания над Аместрисом была окончательно и безвозвратно завершена. Ал и Сиг, который неожиданно появился из тени, плотно заковали ослабевшего, плачущего Обжорство в алхимические цепи, чтобы под конвоем поднять его на поверхность.

Часть 3. Возвращение отца

Едва круг декомпозиции полностью погас, как пространство в самом центре ритуального зала внезапно и мощно задрожало. Воздух налился тяжёлым озоном, и с глухим, раскатистым гулом колоссальные Врата Истины приоткрылись сами собой, заливая руины ослепительным белым сиянием.

Из этого чистого, неземного света медленно, размеренным и уверенным шагом на гранитный подиум вышел мужчина. Его длинное дорожное пальто было распахнуто, золотистая борода аккуратно подстрижена, а за стёклами очков горели тёплые, живые глаза. Ван Хоэнхайм.

Он выглядел немного старше и уставшим после своего долгого пребывания по ту сторону Врат, в далёком механическом Лондоне, но он был здесь. Живой, настоящий, из плоти и крови.

— Отец? Ты… ты действительно смог пройти обратно через Врата? — мой голос сорвался на тихий, дрожащий шёпот, и я сделал невольный шаг ему навстречу.

— Да, Эдвард, — тихо ответил Хоэнхайм, и на его лице появилась слабая, невероятно тёплая улыбка. Он медленно подошёл к нам, оглядывая зал. — Твой мощный лазурный импульс, который ты запустил во время перестройки круга, пробил пространственный барьер и открыл для меня проход. Я понял, что моё место здесь, рядом с вами. Я слишком долго, четыреста долгих лет убегал от собственного прошлого, пытаясь спрятаться от Данте в других мирах. Но теперь всё по-настоящему позади. Я вернулся домой, чтобы быть частью вашей жизни, защищать нашу семью и помогать вам строить новый мир. И самое главное… я знаю, что вы сотворили чудо. Ваша мать, Триша… Пинако передала мне в Ризенбурге, что она жива. Я должен немедленно увидеть её.

Я смотрел на него, и весь тот удушающий ком обиды, который я носил в груди с самого детства, окончательно растаял. Я сделал шаг вперёд и изо всех сил обнял его за плечи, чувствуя тепло его сильного отцовского тела.

— Я прощаю тебя, отец… — прошептал я, уткнувшись носом в его пальто и не скрывая слёз.

— Спасибо тебе, Эдвард… Мой великий, упрямый Стальной алхимик, — Хоэнхайм ласково прижал меня к себе, и его голос заметно задрожал от переполнявших его чувств.

Альфонс подошёл к нам, на его лице сияла счастливая, открытая улыбка. Он шагнул вперёд, и они с отцом крепко обнялись, соединяя нашу семью воедино после стольких лет разлуки и лжи. Лира стояла чуть позади, её фиолетовые глаза блестели от слёз радости за нас. Данте медленно поднялась на ноги и посмотрела на Хоэнхайма. В её серо-голубых глазах больше не было прежней ненависти — только усталость и глубокое сожаление.

— Хоэнхайм, — тихо сказала она, и её голос дрогнул. — Я… я не знаю, что сказать. Ты должен был прийти и уничтожить меня. А вместо этого твой сын дал мне жизнь.

— Ты получила то, что заслужила, Данте, — ответил он, и в его голосе не было злобы. — Ты будешь жить и искупать свои грехи. Это больше, чем мы могли дать тебе когда-либо раньше.

Она кивнула, и в её глазах блеснули слёзы.

— Я принимаю это, — прошептала она.

Часть 4. Становление людьми

Когда Данте приняла своё бессмертие как вечное искупление, а подземный круг декомпозиции был навсегда погашен, мы с Альфонсом и Лирой бережно вывели Розу с младенцем на поверхность. Столица медленно приходила в себя после ночной бури и переворота. Рой Мустанг, официально занявший пост Фюрера, вызвал нас в свой новый кабинет.

— Осталось последнее незаконченное дело, Элрик, — мрачно произнёс Мустанг, снимая белые перчатки и глядя на плац. — Кинг Брэдли. Ночью мы с Армстронгом и Хоукай взяли его штурмом в особняке.

С помощью черепа его первоисточника нам удалось полностью подавить его силу. Сейчас он скован руническими цепями Изуми в самом глубоком подземном карцере министерства. Военный трибунал требует его немедленной казни. Но я знаю, что ты сделал с остальными.

— Казнь ничего не исправит, Мустанг, — твёрдо ответил я, сжимая в кармане наш Синий Камень, в котором после всех битв осталось ровно семнадцать миллиметров чистой энергии. — Смерть — слишком лёгкий выход для него. Он должен жить и своими глазами видеть, как меняется страна, которую он пытался уничтожить. Я превращу его в человека.

Мы спустились в холодные, пахнущие сыростью и бетоном подземные карцеры тюремного ведомства. У первой железной двери нас встретили лейтенант Росс и подпоручик Брош, наотрез отказываясь впускать нас без усиленного конвоя, но я лишь молча отодвинул их плечом.

Кинг Брэдли сидел в центре пустой каменной камеры. Бывший грозный правитель Аместриса, гомункул Гордыня, сейчас выглядел на удивление спокойно. Тяжёлые алхимические цепи Изуми Кёртис намертво сковывали его руки и ноги, блокируя регенерацию. Его единственный открытый глаз посмотрел на наше появление без всякого страха или злобы — в нём читалась лишь бездонная, вековая усталость существа, с которого наконец-то сорвали его фальшивую маску.

— Пришёл, Стальной алхимик, — тихо, но на удивление ровно произнёс он, даже не пытаясь пошевелиться. — Трибунал вынес приговор? Расстрел?

— Нет, Брэдли, — я подошёл к нему вплотную и достал из кармана наш Синий Камень. Лазурный

катализатор мгновенно вспыхнул в полумраке карцера, заливая серые стены чистейшим, ослепительным голубым сиянием. — Ты будешь жить. Но не как бессмертное оружие Данте, а как обычный, стареющий смертный человек. Ты будешь каждый божий день помнить о своих преступлениях, воспитывать своего приёмного сына Селима и всю оставшуюся жизнь честно трудиться на благо Аместриса ради искупления своей великой вины перед Ишваром и Лиором. Это твоё наказание.

Брэдли мучительно долго смотрел на светящийся лазурный кристалл в моей руке, а затем на его бледном лице появилась слабая, горькая, но подлинная человеческая улыбка.

— Я принимаю это условие, Эдвард Элрик, — тихо, но твёрдо ответил он. — Я слишком долго был рабом её Философских камней и чужих амбиций. Сделай то, что должен.

Я резко хлопнул в ладоши и прижал ладони прямо к его груди, наводя лазурный поток Синего Камня внутрь его тела. Чистая энергия Врат Истины лавиной ворвалась в его организм, вступая в реакцию с багровыми солями гомункула. Кристаллы Философского камня со звоном и треском начали выпадать из его пор прямо на бетонный пол, мгновенно превращаясь в серый, безжизненный пепел.

Лазурное сияние полностью перестроило его структуру, возвращая к первородному человеческому началу. Повязка с его левого глаза упала — под ней больше не было зловещего знака Уробороса, только старый, затянувшийся человеческий шрам.

Когда свет наконец погас, Кинг Брэдли тяжело опустился на колени, глубоко и спокойно дыша. Тяжёлые рунические цепи с лязгом сами упали с его

рук, так как гомункульная магия запечатывания больше не находила в нём прежней тёмной силы. Он медленно поднял свои новые, слегка подрагивающие руки, коснулся лица и удивлённо прислушался к тому, как под его мундиром ровно, спокойно и правильно забилось настоящее человеческое сердце.

— Я… я по-настоящему чувствую усталость… чувствую время… — прошептал он, и крупные слёзы облегчения впервые за все годы покатились по его лицу. — Спасибо тебе, Эдвард.

Он медленно поднялся, низко, по-военному уважительно поклонился нам с Альфонсом на прощание и размеренным, спокойным шагом вышел из камеры Главных ворот. Бывший Фюрер возвращался к своей жене и маленькому Селиму, готовый начать свой долгий, трудный, но честный путь созидания.

Затем я прошёл к соседней камере, где под усиленной охраной сидел Обжорство, прикованный к стене цепями Сига. Он выглядел измождённым, тяжело и мучительно выл от тоски, а из его глаз текли крупные слёзы.

Мой Синий Камень уже был готов. Я знал, что лазурная энергия универсальна. Она не требует жертв, не требует крови. Она просто перестраивает, возвращая то, что было искажено.

— Обжорство, послушай меня, — я подошёл к нему ближе, бережно протягивая левую руку. — Хватит выть. Твоя Лень больше не гомункул. Она полностью искупила свой грех, стала обычным человеком, Лорой, и сейчас мирно живёт в Ризенбурге. Ты хочешь стать человеком, чтобы вернуться к ней и быть рядом навсегда?

Монстр мгновенно замер. Он поднял на меня свои огромные глаза, в которых сейчас вспыхнула такая отчаянная надежда, что у меня сжалось сердце.

— Я… я смогу обнять её? Смогу быть человеком? — прошептал он. — Да… Я хочу! Пожалуйста, Стальной!

Я без промедления использовал остатки энергии Синего Камня. Лазурный поток прошил его массивное тело, запуская заново декомпозицию поглощённых им солей. Его бесформенная туша начала стремительно уменьшаться, черты лица разглаживались, приобретая нормальные, мягкие человеческие пропорции. Через минуту на полу перед нами сидел плотный, коренастый молодой человек с добрыми, немного наивными карими глазами. Он удивлённо рассматривал свои новые, гладкие человеческие ладони, плача от счастья.

— Я… я человек! — закричал он, и его голос дрожал от радости. — Я могу ходить, говорить, чувствовать! Я смогу обнять Лору!

— Да, — сказал я, улыбаясь. — Ты сможешь. Иди к ней. Она ждёт тебя.

Когда мы выбрались из подземного карцера в коридоры тюремного блока, навстречу нам, тяжело дыша, бежал подполковник Алекс Луи Армстронг. Его мундир был покрыт копотью, а на лице сияла победная улыбка.

— Полковник! — крикнул он, обращаясь к Мустангу, который как раз спускался по лестнице с Ризой Хоукай. — Северный гарнизон полностью перешёл на вашу сторону! Мы идём к вам! Бригс зачищен, все офицеры, верные Брэдли, арестованы!

Мустанг на мгновение замер, затем коротко кивнул. В его взгляде мелькнула тень облегчения.

— Отлично, Армстронг. Передай войскам — мы входим в Главное командование через час. Вся страна должна знать, что эпоха гомункулов окончена.

Часть 5. Воссоединение

Мы вышли из подвалов Главного министерства на поверхность. Яркое, ослепительное утреннее солнце вставало над Централом, окрашивая бескрайнее небо в тёплые золотистые, розовые и багровые тона. Столица Аместриса медленно просыпалась после этой долгой ночи, которая навсегда изменила ход мировой истории. Прохладный весенний ветер весело дул нам в лица, унося прочь остатки подземной гари и копоти.

Я стоял на вершине холма, глядя на просыпающийся город, и чувствовал, как внутри меня разливается долгожданное, безграничное спокойствие. Альфонс встал рядом со мной, его рука была в ладони Лиры, и на его лице сияла самая счастливая улыбка в мире. Хоэнхайм подставил лицо первым лучам солнца, готовый к новой жизни.

— Мы действительно сделали это, брат, — тихо сказал Альфонс, поворачиваясь ко мне. — Мы спасли всех. И Лира… она с нами. Своё собственное тело, своя собственная жизнь.

— Да, Альфонс, — ответил я, открыто улыбаясь навстречу восходящему солнцу и крепко сжимая Государственные часы в левой руке. — Мы победили. И теперь мы наконец-то возвращаемся в Ризенбург. К маме. Все вместе. Навсегда. Наш путь завершён, и впереди только чистый свет.

ГЛАВА 49. Эпилог

Часть 1. Возвращение в Ризенбург и вручение паспорта Лоре

Весеннее солнце щедро заливало Ризенбург ослепительным, кристально чистым золотистым светом, разгоняя остатки ночной прохлады и согревая прогретый воздух до самого горизонта. Бескрайние зелёные холмы, покрытые густой, сочной молодой травой, плавно сбегали к извилистой реке, чья прозрачная вода шумно искрилась, плескалась и переливалась в полуденных лучах. Наша деревянная повозка, запряжённая парой сильных, сытых лошадей, мерно и неторопливо катилась по сухой, пыльной грунтовой дороге. Каждый оборот больших деревянных колёс отдавался тихим, привычным скрипом, и с каждым метром моё сердце в груди билось всё быстрее и сильнее, содрогаясь от нахлынувшего предвкушения. Наконец-то этот безумный, изнурительный, растянувшийся на долгие месяцы марафон по серым, закопчённым городам Аместриса был полностью завершён. Мы возвращались домой. Насовсем.

У невысокого деревянного крыльца дома Рокбеллов нас уже преданно и взволнованно ждали. Винри стояла в самом первом ряду, крепко сжимая в руках свой неизменный тяжёлый гаечный ключ, но на её лице сияла самая тёплая, открытая и искренняя улыбка. Её светлые волосы, заплетённые в аккуратную косу, мягко переливались на солнце, а глаза сияли таким счастьем, что у меня перехватило дыхание. Она смотрела на меня, и я видел в её взгляде всё — и тревогу за эти долгие месяцы разлуки, и гордость за то, что мы сделали, и безграничную любовь, которая ждала меня всё это время.

Её родители, Урей и Сара, которых мы с Алом вытащили из столичных застенков и вернули домой, стояли на крыльце, бережно обнимая друг друга за плечи и наконец-то наслаждаясь мирным небом Аместриса. Их лица, хранившие следы долгих лет подземного плена и ишварских переживаний, теперь сияли от счастья и покоя. Сара нежно прижималась к плечу Урея, и я видел, как они смотрят на свою дочь с бесконечной родительской гордостью.

Бабушка Пинако стояла на своём привычном, насиженном месте на завалинке, неторопливо дымя старой трубкой, выпуская сизые клубы дыма и понимающе, с добрым прищуром глядя на нас из-под кустистых бровей. Она не говорила ни слова, но в её взгляде читалось всё — и облегчение, и гордость, и та особая мудрость, которая приходит только с годами и пережитым.

Но мой взгляд был намертво, целиком прикован к женщине, стоявшей чуть в стороне под густой тенью раскидистой яблони. Триша Элрик — наша живая, абсолютно здоровая, спасённая от лап смерти мама — сделала несколько медленных, робких шагов вперёд по траве. Она аккуратно прикрывала глаза ладонью от бьющих лучей солнца. На её округлившихся щеках играл здоровый, нежный румянец, а каштановые волосы, полностью отросшие после чудесного лазурного воскрешения, мягкими густыми волнами падали на её плечи. В её глазах плескалась бездонная материнская нежность, и она смотрела на нас так, будто видела впервые за много лет.

Ван Хоэнхайм медленно, тяжело и глубоко дыша, спустился с подножки повозки прямо на мягкую пыльную траву. Его движения были непривычно нерешительными, почти робкими, словно он смертельно боялся нарушить хрупкость этого невероятного момента. Человек, который прожил на

этой земле четыре долгих века, своими глазами видел гибель древних цивилизаций и разгадал самые тёмные тайны Врат Истины, сейчас стоял перед своей женой как напроказивший, растерянный мальчик. Его сильные, широкие руки мелко дрожали, а за круглыми стёклами очков блестели крупные слёзы, которые он больше даже не пытался скрывать или смахивать рукавом.

— Триша… — тихо, со сорвавшимся на глухой рокот шёпотом произнёс он, делая один короткий шаг навстречу. — Я… я всё-таки дошёл до тебя. Спустя столько лет тьмы, спустя столько миров, спустя четыреста лет бегства… я здесь. Я вернулся к тебе.

Мама замерла на мгновение, неотрывно всматриваясь в его лицо, покрытое сеткой глубоких морщин, слоем дорожной пыли и копоти. В её больших карих глазах не было ни капли прежнего гнева, ни единого упрёка за долгие годы кусачего одиночества и грызущей тоски. Только безграничная, чистая, всепрощающая материнская любовь, которая ждала этого момента вопреки всему.

— Ты всё-таки вернулся, Хоэнхайм, — мягко, со слабой улыбкой произнесла она, и её голос прозвучал для нас как самая прекрасная, долгожданная музыка в мире. — Я знала, что ты не забудешь дорогу к дому. Мальчики рассказали мне всё. Я знаю, что ты сделал. Я знаю, что ты снова сбежал в Лондон, чтобы защитить их. Я знаю, что ты вернулся, когда они победили. И я больше не держу на тебя обид.

— Я не должен был уходить тогда так внезапно… — Хоэнхайм опустил голову, его голос прерывался от подступивших рыданий. — Я думал, что спасаю вас от Данте, а в итоге оставил тебя угасать в одиночестве. Я сбежал в другой мир, когда она нашла меня в Централе, вместо того чтобы сражаться. Это моя

вечная вина. Я не могу простить себя за это. Я не могу…

— Хватит, Хоэнхайм, — Триша ласково приложила пальцы к его губам, прерывая его покаяние. — Прошлое осталось по ту сторону Врат. Твой уход сохранил жизнь нашим сыновьям, а они вернули меня. Мы живы, и мы стоим здесь. Это единственное, что имеет значение. Ты вернулся. Ты здесь. Этого достаточно.

Она быстро пошла по сочной весенней траве навстречу ему и со всего размаху крепко, нежно обняла его за шею, прижимаясь к его широкой груди. Хоэнхайм уткнул лицо в её мягкие каштановые волосы, его широкие плечи судорожно вздрогнули, и он разрыдался в полный голос, впервые за четыреста лет полностью сбросив с себя невыносимый, леденящий душу груз своего векового одиночества. Он плакал, как ребёнок, и я видел, как его руки дрожат, когда он прижимает маму к себе.

— Я так боялся, что никогда не увижу тебя, — шептал он сквозь слёзы. — Я так боялся, что умру в том чужом мире, так и не успев сказать тебе, как сильно я люблю тебя. Я так боялся…

— Тш-ш-ш, — мама гладила его по голове, баюкая, как ребёнка. — Ты здесь. Ты дома. Всё позади.

Они снова были вместе. Семья Элриков наконец-то воссоединилась на этих холмах, и теперь это было навсегда.

Я сошёл с повозки, чувствуя, как лёгкий весенний ветер Ризенбурга бьёт в лицо. Мои настоящие, полностью живые руки больше не были скованы тяжёлым, помятым каркасом фальшивой автоброни. Я снял этот маскировочный костюм навсегда, оставив его в прошлом вместе со всей этой ложью. Я запустил левую ладонь во внутренний карман жилета,

бережно нащупал Синий Камень — его масса теперь зафиксировалась на отметке в семнадцать миллиметров, но он продолжал ровно, спокойно пульсировать лазурным теплом, напоминая о том чуде, которое мы совершили.

Затем я достал ту самую плотную, пахнущую свежими чернилами гербовую бумагу, которую Мустанг подписал и скрепил печатью Фюрера перед нашим отъездом из столицы.

Я медленно подошёл к Лоре. Она робко смотрела на воссоединение мамы и отца, и в её карих глазах всё ещё читалась лёгкая, затаённая настороженность существа, которое всю жизнь считало себя лишь дефектным гомункулом Лень. Она стояла чуть поодаль, сжимая руки и не зная, куда себя деть. Её каштановые волосы были аккуратно заплетены в косу, и она была одета в простое, но элегантное платье, которое ей подобрала мама.

— Лора, — тихо позвал я, привлекая её внимание.

Она вздрогнула и повернулась ко мне. Мама и Хоэнхайм тоже медленно отстранились друг от друга, внимательно наблюдая за моими движениями. Ал, Лира и Винри подошли ближе, встав полукругом. Обжорство — теперь уже коренастый, добродушный юноша — стоял чуть поодаль, но я видел, как он смотрит на Лору с такой преданностью, что у меня сжалось сердце.

Я протянул ей официальный гражданский бланк регистрационной ведомости Главного командования Централа.

— Твой долгий бег полностью окончен, — сказал я, и мой собственный голос прозвучал удивительно веско и спокойно. — Джульетта Дуглас официально погибла при ночном штурме Пятой лаборатории, армейские архивы полностью зачищены. Теперь ты

свободный гражданин Аместриса. Посмотри на этот лист. Это твоё законное имя. Твой паспорт.

Лора дрожащими, тонкими человеческими пальцами бережно приняла документ. Её глаза лихорадочно пробежали по строгим министерским строкам, задерживаясь на каждой букве. Когда её взгляд упал на верхнюю графу, она испуганно прикрыла рот ладонью, а крупные слёзы облегчения покатились по её щекам. На бумаге чётко и размашисто пером Мустанга было выведено: Лора Элрик.

— Элрик?.. — прерывистым, сорвавшимся на шёпот голосом произнесла она, переводя взгляд с документа на меня и Альфонс. — Эдвард… Вы действительно записали меня в свою семью? Вы дали мне своё имя?

— Ты — часть нашего дома, Лора, — Ал мягко шагнул вперёд, улыбнувшись ей своей самой доброй улыбкой. — Ты прошла через этот ад вместе с нами, Синий Камень соткал для тебя чистую человеческую душу. Ты больше не фальшивка. Ты не ошибка. Ты — Элрик. Ты — наша сестра.

Но Лора всё ещё не могла оторвать взгляда от нижней строчки. Она указала подрагивающим пальцем на графу «дата рождения», где рукой нового Фюрера были выведены аккуратные цифры, и удивлённо посмотрела на маму.

— Посмотри, Триша… — прошептала она. — Здесь… здесь стоит твоя дата рождения. Двадцать девятое ноября. День в день. Месяц в месяц. Год в год.

Мама Триша подошла к ней вплотную, ласково, по-матерински положила ладони на её хрупкие плечи и заглянула в её лицо. На губах мамы расцвела самая лучезарная, тёплая улыбка, ради которой мы с Алом перевернули весь мир.

— Я же говорила тебе, милая, — мягко произнесла мама, поправляя выбившуюся каштановую прядь Лоры. — Эдвард и Альфонс исправили всю прошлую ложь. У меня ведь никогда в жизни не было родной сестры. А теперь — есть. Юридически ни одна министерская ищейка в этой стране не докопается до подлога, посчитав наше абсолютное сходство обычным генетическим феноменом близнецов. Мы родились в один день, Лора. Отныне мы будем праздновать наш общий день рождения вместе, здесь, на этих холмах.

Лора закрыла лицо руками и судорожно, в полный голос разрыдалась, но это были слёзы абсолютного, очищающего счастья. Она со всего размаху прижалась к маме, мёртвой хваткой вцепившись пальцами в её домашнее платье. Триша крепко, нежно обняла её в ответ, баюкая её каштановые волосы.

— Я так боялась, что буду одна, — рыдала Лора. — Я так боялась, что меня никогда не примут. Что я всегда буду монстром, которого нужно уничтожить.

— Ты не монстр, — шептала мама. — Ты — моя сестра. Ты — часть нашей семьи. Теперь и навсегда.

Хоэнхайм подошёл к ним, его лицо выражало глубочайшее, потрясённое благоговение перед силой лазурного катализатора. Он медленно опустил свою огромную ладонь на плечо Лоры, молча признавая её законной, любимой частью нашего обретённого дома.

— Добро пожаловать домой, дочь, — тихо сказал он, и в его голосе слышалась такая искренность, что Лора подняла на него заплаканные глаза и слабо улыбнулась.

Я стоял рядом с Винри, чувствуя, как её тёплые пальцы переплетаются с моими живыми руками. Наш Синий Камень в кармане пульсировал мягким, ровным

светом. Прошлое было полностью искуплено, законные документы лежали в руках Лоры, и впереди нас ждал только чистый, лазурный рассвет.

Обжорство, превратившийся теперь в обычного коренастого юношу с добрыми, наивными глазами, осторожно, робко коснулся её руки, словно пытаясь без слов передать ей свою поддержку. Она взглянула на него, шмыгнула носом и открыто улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты тоже здесь, — прошептала она.

— Я всегда буду рядом, — ответил он, и его голос дрожал от счастья.

Амелия и Якоб стояли рядом с родителями Винри, их пальцы были крепко переплетены, и на их лицах тоже были слёзы радости. Амелия больше не носила фиолетовые глаза и чёрное платье гомункула Похоти — она была просто девушкой с каштановыми волосами и карими глазами, которая наконец-то обрела свою настоящую душу. Она прижималась к Якобу, и он обнимал её так, будто боялся, что она исчезнет.

Зависть, обретший человеческое имя Адриан, стоял чуть поодаль, в тени дерева, внимательно и сосредоточенно наблюдая за этой сценой. В его серо-голубых глазах больше не было прежней разрушительной ненависти — только тихое изумление и робкая надежда на то, что мир действительно может быть созидательным. Он смотрел на Хоэнхайма, на Тришу, на нас — и я видел, как его глаза наполняются слезами.

— Я тоже мог бы быть частью этой семьи, — прошептал он так тихо, что никто не услышал. — Если бы он не бросил меня…

Но Ал услышал. Он подошёл к Адриану и положил руку на его плечо.

— Ты уже часть её, — сказал Ал. — Ты — сын Хоэнхайма. Ты — наш брат. И ты всегда можешь быть здесь, если захочешь.

Адриан поднял на него глаза, и в них блеснула такая надежда, что у меня сжалось сердце.

— Я… я могу? — прошептал он.

— Ты можешь, — ответил Хоэнхайм, подходя к нему и кладя руку на его другое плечо. — Я был глупцом, когда бросил тебя. Я боялся своей ошибки. Но ты — мой сын. И я люблю тебя. Я всегда любил тебя, даже когда пытался забыть.

Адриан разрыдался, уткнувшись лицом в плечо отца, и Хоэнхайм обнял его, прижимая к себе так же крепко, как минуту назад обнимал меня и Ала.

Часть 2. Секрет Изуми, синий катализатор и великое исцеление

Два дня спустя мы собрались в просторном, прохладном подвале дома Рокбеллов. Винри аккуратно разложила свои инженерные инструменты на верстаке, проверяя калибровку зажимов, а Альфонс и Лира помогали мне чертить линии огромного круга контр-трансмутации на каменном полу. Мы использовали перестроенный круг в Пятой лаборатории Централа для налаживания непрерывного, точного синтеза, и теперь на дубовом столе ровными рядами лежали новые, безупречно гладкие Синие Камни. Каждый из них был концентрированным, мощным источником чистой,

безопасной энергии Земли, черпаемой напрямую из самого потока Врат Истины. Мы создали целую коллекцию лазурных кристаллов — достаточно, чтобы исцелить всех, кто нуждался в помощи.

В подвал медленно вошла Изуми Кёртис, бережно поддерживаемая под руку Сигом. Её дыхание было прерывистым, тяжёлым, а лицо оставалось бледным. Много лет назад, совершив страшную ошибку человеческой трансмутации, она потеряла свои внутренние органы, расплатившись за запретное знание вечной, изнуряющей болью. Каждый день был для неё борьбой, каждое движение — испытанием. Но теперь, когда закон декомпозиции Данте был полностью уничтожен, у нас в руках был чистый лазурный ключ к спасению.

Рядом с ней шёл Гнев — теперь уже обычный мальчик с карими глазами и тёплой кожей, без всяких каменных чешуй и фиолетовых вспышек. Он держал её за руку, и я видел, как его пальцы дрожат от волнения.

— Учитель, — я подошёл к ней ближе, держа на ладони крупный, ярко сияющий Синий Камень. — Наша алхимия способна созидать без потерь, без крови и без боли. Ваш грех полностью искуплен, и я верну вам то, что заложили Врата. Доверьтесь мне.

— Эдвард, ты уверен в расчётах? — Изуми строго, сквозь силу прищурилась, пытаясь скрыть накатившую судорогу боли. — Моё тело разрушено изнутри. Контур Врат выжег всё до основания. Избыток лазурной энергии может просто разорвать мою кровеносную систему. Я не хочу, чтобы ты рисковал ради меня.

— Я перепроверил полярность по записям Марко, учитель, — твёрдо ответил я, помогая ей сесть в центр матрицы. — Мы убрали багровый распад.

Камень не берёт плату, он делит и восстанавливает. Сиг, держи её за плечи. Кайто, не бойся, всё будет хорошо.

Кайто, бывший Гнев, стоявший у самого входа в подвал, сжал кулаки и испуганно кивнул, ловя взгляд матери. Изуми слабо, но невероятно гордо улыбнулась, и её стальной взгляд на мгновение смягчился. Она медленно опустилась на колени в самый центр начертанной на полу лазурной матрицы. Сиг встал рядом, его огромные руки заметно дрожали от волнения.

— Я верю тебе, Эдвард, — прошептала она. — Ты никогда не подводил меня.

Я глубоко вздохнул, резко, с громким хлопком соединил ладони и со всей силы припечатал их к поверхности центральной алтарной плиты.

Лазурный свет ослепительной волной мгновенно затопил весь подвал, пробивая сырость и полумрак. Чистая, высокочастотная энергия Синего Камня хлынула в тело Изуми, запуская заново декомпозицию и перестройку органов. Я направлял потоки энергии напрямую в её повреждённую брюшную полость, силой своей воли восстанавливая молекулярные цепочки и заново формируя уничтоженные ткани. Я видел каждую клетку, каждое волокно, каждый орган, который должен был быть восстановлен.

Изуми резко закричала, но в этом крике не было физической агонии — это был крик великого, сокрушительного освобождения от многолетнего проклятия. Внутренние органы восстанавливались, заполняя пустоту внутри её тела. Её лицо, до этого бледное и осунувшееся, начало наливаться здоровым румянцем. Дыхание выровнялось, стало глубоким и полным.

Когда сияние наконец погасло, Синий Камень со звоном покатился по полу, уменьшившись на пару миллиметров. Изуми сидела в центре круга, тяжело и глубоко дыша. Её лицо мгновенно налилось здоровым, ярким румянцем, а глаза засияли прежней, молодой силой. Она прижала ладони к своему животу, чувствуя, как внутри ровно, спокойно и правильно течёт жизнь. Боль, мучившая её долгие годы, исчезла навсегда. Она была полностью исцелена.

Кайто рванулся к ней со ступеней и крепко обнял её за шею. Изуми прижала его к себе, зарывшись лицом в его тёмные волосы, и слёзы текли по её румяным щекам.

— Всё кончено, мой маленький, — прошептала она. — Мы справились. Болезнь ушла, и мы теперь настоящая, здоровая семья.

— Мама… Ты больше не будешь кашлять кровью? — Кайто поднял на неё свои карие, сияющие глаза. — Больше никогда?

— Никогда, сынок, — Сиг опустился рядом с ними, его мощные руки обхватили их обоих. — Наш Стальной алхимик вернул нам жизнь. Спасибо тебе, Эдвард. Спасибо, что вернул мою жену.

Изуми подняла на меня глаза, и в них была такая глубокая благодарность, что я невольно отвёл взгляд.

— Ты сделал невозможное, Эдвард, — сказала она. — Ты вернул меня к жизни. Ты дал мне шанс вырастить сына. Я никогда не забуду этого.

— Вы были моей учительницей, — ответил я. — Я просто вернул долг.

Следом за ней в круг по очереди встали Лора, Обжорство и Амелия, которая теперь преданно сжимала руку Якоба. Короткие, точные лазурные вспышки Синего Камня овеяли каждого из них, даруя им вечную, чистую структуру стабильности плоти. Они больше не были дефектными монстрами Данте — теперь они были свободными людьми, получившими шанс на новую жизнь. Теперь их тела были навечно зафиксированы в их человеческой форме, и никакая алхимия не могла вернуть им гомункульную сущность.

Затем настала очередь Хоэнхайма и Триши. Они стояли в центре круга, держась за руки, и я видел, как их пальцы переплетены.

— Отец, мама, — сказал я, подходя к ним с новым Синим Камнем. — Вы оба будете жить вечно. Но не так, как Данте. Ваше бессмертие будет даром, а не проклятием. Вы будете стареть, но медленно — так медленно, что ваши жизни будут измеряться веками. Вы будете видеть, как растут ваши дети, внуки, правнуки. Вы будете хранителями нашей семьи. Это не наказание, как у Данте. Это благословение.

— Мы принимаем это, Эдвард, — сказал Хоэнхайм, и его голос был твёрдым. — Мы будем жить ради вас, ради наших детей и внуков. Мы будем хранить этот мир, который вы спасли.

Мама кивнула, и я увидел, как слёзы текут по её щекам.

— Я так боялась, что умру и не увижу, как вы вырастете, — прошептала она. — Теперь я увижу всё. Каждый ваш шаг, каждую вашу победу. Я буду рядом всегда.

Я направил лазурную энергию в их тела. Свет окутал их мягким, тёплым сиянием, и я чувствовал, как их структура перестраивается, становясь более

стабильной, более прочной. Они больше не будут стареть быстро. Их жизни растянутся на века, и они будут свидетелями всей истории, которую мы создадим.

Когда сияние погасло, они стояли, обнявшись, и их лица сияли от счастья.

— Мы будем жить вечно, — прошептала мама. — Вместе.

— Навсегда, — ответил Хоэнхайм.

Часть 3. Встреча с Мустангом, освобождение Марко и Баска Гранда

Перед тем как окончательно вернуться к мирной жизни на холмах Ризенбурга, мы с Альфонсом должны были завершить все дела в Централе. Рано утром мы вошли в массивное Главное здание министерства обороны и направились прямо на верхний этаж, где располагалась центральная канцелярия.

Рой Мустанг стоял у огромного окна в своём новом, роскошном кабинете Фюрера. На нём был безупречно отутюженный синий мундир с золотыми эполетами, но взгляд его тёмных глаз оставался прежним — острым, цепким и невероятно внимательным. Он смотрел на город, который теперь принадлежал ему, но в его глазах не было гордости — только усталость и решимость сделать этот мир лучше.

Старший лейтенант Риза Хоукай стояла чуть позади, скрестив руки на груди, а у её ног преданно дремал подросший Чёрный Хаяте. Она была спокойна, но я

знал, что она готова в любой момент защитить своего командира.

Я решительно подошёл к его массивному дубовому столу. Мои живые, абсолютно целые и здоровые руки двигались свободно, без всякого каркаса. Я со звоном отстегнул Государственные часы от жилета и положил их на полированное дерево.

— Я больше не собираюсь носить эти протезы, полковник, то есть, господин Фюрер, — прямо сказал я, глядя ему в глаза. — Наша маскировка выполнила свою задачу. Мама в безопасности, Данте остановлена, а Синий Камень полностью изучен. Я возвращаю тебе эти часы. Я больше не собака военных и не собираюсь выполнять ваши приказы.

Мустанг медленно повернулся к нам от окна. На его губах заиграла едва заметная, тонкая и понимающая ухмылка. Он даже не взглянул на лежащие часы.

— Ты действительно думал, что обманул меня со своей автоброней, Эдвард? — спокойно спросил он, откидываясь на спинку кресла. — Я знал, что твои протезы — фальшивка, с самой первой нашей встречи в подвале Ризенбурга. Ты двигался слишком плавно, гибко и естественно для человека с реальной ампутацией. Но я промолчал, потому что увидел в твоих глазах ту силу, которая была необходима этой стране для уничтожения заговора гомункулов. И ты справился. Забери часы, Эдвард. Отныне ты остаёшься Государственным алхимиком, но твоя единственная задача — использовать Синие Камни ради созидания, восстановления и процветания Аместриса. Это не армейский приказ, это моя личная просьба к другу.

— Хитрый же ты лис, Мустанг, — я невольно усмехнулся, возвращая серебряный корпус обратно в

глубокий карман жилета. — Ладно, уговорил. Но отчёты я писать всё равно не буду.

— От тебя их никто и не ждёт, Стальной, — подала голос Риза Хоукай, и на её строгом лице на миг промелькнула тёплая улыбка. — Для этого у Фюрера есть целый штат писарей.

Мустанг протянул мне плотную папку с правительственными печатями.

— Это твой первый официальный приказ в качестве Фюрера, — Мустанг посерьёзнел. — Спускайся в подземные карцеры тюремного ведомства. Доктор Тим Марко и генерал Баск Гранд должны быть освобождены. Их дезертирство и ишварские дела официально аннулированы моим решением. Они нужны нам живыми для восстановления страны. И ещё, Эдвард… — Мустанг вытащил отдельный лист с золотым гербом Фюрера. — Передай это Урею и Саре Рокбелл. Это указ об их полной юридической реабилитации и амнистии. Семь лет они были безымянными узниками, а затем — беглецами. Теперь они могут открыто жить в Ризенбурге под своими настоящими именами, не опасаясь трибунала.

Мы с Алом, не теряя ни секунды, спустились в самые глубокие, мрачные подвалы Центральной тюремной инспекции. Тяжёлые стальные двери карцеров, сорванные с петель во время штурма лаборатории, были временно заколочены, но стража беспрекословно пропустила нас по личному распоряжению нового командования.

После падения Брэдли Гранд был переведён из подземелий гомункулов в обычную тюрьму Централа. Мустанг лично допросил его и, увидев искреннее раскаяние, решил дать шанс на искупление.

Я толкнул дверь первой камеры. В тусклом свете керосиновой лампы на жёстких нарах сидел доктор

Тим Марко. Его седые волосы были растрёпаны, а лицо осунулось от долгих дней неведения, но взгляд оставался ясным и прямым. Он поднял голову, когда увидел нас, и в его глазах мелькнула искра надежды.

— Доктор Марко, вы свободны, — громко сказал я, делая шаг внутрь помещения. — Война полностью окончена. Гомункулы больше не имеют власти над Главным командованием. Рой Мустанг стал новым Фюрером, и он официально аннулировал ваш арест. Справедливость восторжествовала.

— Свободен… Слава Богу, Эдвард, — прошептал он, и его голос сорвался от волнения. — Я думал, что эти подземелья станут моей окончательной могилой, я думал, что никогда больше не увижу солнце. Что с моими записями? Что с катализатором Хоэнхайма?

— Шеска полностью восстановила ваши каталоги по памяти, доктор, — улыбнулся Альфонс, подступая ближе. — Мы разгадали формулу отца. Синий Камень полностью изучен, и мы наладили его безопасный синтез в Пятой лаборатории Централа. Ваша лазурная медицина теперь станет доступна абсолютно каждому бедняку в этой стране. Вам больше не нужно прятаться.

— Хоэнхайм… Он смог вернуться? — тихо спросил Марко, протирая очки рукавом.

— Да, доктор, он прошёл обратно через Врата, — ответил я. — Он сейчас в Ризенбурге, с мамой. Они ждут вас. Вы должны поехать к ним.

Марко опустил голову и тихо, со вздохом облегчения выдохнул, шепча слова немой благодарности. Его многолетние скитания, страх и грызущая душу вина за Ишвар были наконец-то полностью искуплены.

В соседней камере сидел генерал Баск Гранд. Его пышные стальные усы были помяты, а на лице

больше не было прежнего спесивого военного пафоса или агрессии. После удара Шрама и заточения в карцере он выглядел глубоко сломленным офицером, полностью осознавшим крах всей своей жёсткой армейской системы. Он сидел на нарах, опустив голову, и я видел, как его плечи дрожат.

— Вы тоже свободны, генерал, — сказал я, останавливаясь на пороге его камеры. — Но вы выходите отсюда не ради наград, званий или парадов. Фюрер Мустанг приказал вам немедленно возглавить инженерно-строительные корпуса на юге. Вы лично отправитесь в Ишвар и будете своими собственными руками восстанавливать каждый разрушенный вами жилой квартал, строить дома, школы и больницы, пока коренной народ не вернётся в свои дома. Это ваше единственное искупление перед людьми.

Гранд медленно поднялся, выпрямляясь во весь свой немалый рост. Он сурово посмотрел на Государственные часы на моём поясе, а затем низко, уважительно поклонился нам с братом на прощание, признавая нашу правоту.

— Я принимаю это условие, Эдвард Элрик, — тихо, но твёрдо ответил он, и в его голосе впервые послышалась подлинная человеческая честь. — Я совершил много страшных вещей на той войне, слепо подчиняясь приказам Брэдли. Я сделаю всё, чтобы исправить то, что натворила наша армия на юге. Я буду работать на благо Ишвара до своего последнего вздоха.

— Помните, генерал, — строго добавил Ал. — Ишварцы не забудут то, что случилось. Но они умеют ценить честный труд. Постройте им мир, который у них отняли.

— Я построю его, Альфонс. Даю слово офицера, — Гранд кивнул, его взгляд был абсолютно твёрд.

Он размеренным, военным шагом вышел из камеры, направляясь к выходу из тюремного блока, готовый посвятить всю оставшуюся жизнь честному труду ради искупления грехов прошлых лет.

Когда мы с Алом вышли из тюремного блока, у входа нас ждал Шрам. Он стоял, прислонившись к стене, и сжимал в руках пульсирующий багровый камень. Увидев нас, он выпрямился и сделал шаг вперёд. Его красные ишварские глаза больше не горели ненавистью — только усталость и облегчение.

Мы обменялись понимающими взглядами, и Шрам развернулся, бесшумным шагом растворяясь в утреннем тумане Централа, оставляя прошлое позади. Я смотрел ему вслед и чувствовал, как внутри разливается спокойствие. Ещё одна душа обрела покой.

Часть 4. Будущее Альфонса и Лиры. Путь к новой надежде

Когда суматоха в столице окончательно улеглась, Альфонс и Лира проводили меня до гостиницы, но сами не спешили возвращаться в купе поезда. На следующее утро они вдвоём стояли на залитой солнцем веранде особняка Такера, где теперь вовсю хозяйничала обретшая человеческое счастье Элеонора. Кайто, бывший Гнев, сидел на ступенях, увлечённо вырезая из дерева фигурки птиц, а огромный пёс Александр лениво помахивал хвостом у его ног. Маленькая Нина играла с новой рыже-золотистой химерой в саду, и её звонкий смех разносился по всему просторному двору.

Элеонора стояла на крыльце, улыбаясь, и я видел, как она смотрит на свою дочь с бесконечной любовью. Такер вышел из дома, держа в руках чашку чая, и его лицо больше не было бледным и осунувшимся — он улыбался, и в его глазах не было страха.

Ал подошёл к Лире ближе и мягко, бережно взял её за руку, переплетая свои пальцы с её тонкими ладонями. Его живое, полностью обретшее плоть тело больше не сковывал страх ложных воспоминаний или гомункульных иллюзий. Он чувствовал себя абсолютно целым, сильным и по-настоящему живым человеком, способным созидать. Лира сохранила свою собственную жизнь, тело и душу, полностью избавившись от каноничной страшной участи.

— Лира, — тихо произнёс он, вглядываясь в её глубокие фиолетовые глаза, в которых сейчас отражалось бескрайнее весеннее небо. — Наш путь не заканчивается в Ризенбурге. Камни, которые мы создали в подвале лаборатории, — это величайший дар, но и огромная ответственность перед людьми. Я хочу поехать в Раш-Вэлли вместе с тобой. Мы с Винри планируем разработать совершенно новые, облегчённые гражданские медицинские механизмы, которые помогут ветеранам войн и калекам. Но помимо этого… я хочу, чтобы мы вместе с тобой изучали теорию Врат Истины. Твой дар воздушной катализации помог мне удержать энергию на алтаре Данте. Ты нужна мне, Лира. Не только как талантливый алхимик. Как человек, без которого я больше не представляю своего будущего.

— Ты зовёшь меня с собой в Раш-Вэлли? — Лира слабо, невероятно нежно улыбнулась, её щёки слегка порозовели. — Но ведь я так долго была рабом чужих амбиций в Йоусвелле, когда была Лайлой… Я думала, что полностью разрушила свою жизнь, служа

угнетателям. Ты уверен, что я смогу принести пользу?

— Я уверен в этом больше, чем в законах алхимии, Лира, — Ал крепче сжал её ладонь, заглядывая ей в глаза. — Ты вернула мне веру в себя, когда гомункулы пытались доказать, что я фальшивка. Наша лазурная сила спасала нас всех. Теперь твоя плоть и твоя душа принадлежат только тебе, и мы направим наш дар на спасение людей. Ты — моя опора, Лира. Моя надежда. Моя семья.

— Я поеду с тобой куда угодно, Альфонс, — её голос слегка дрожал от подступивших слёз чистого счастья. — На край света, в Раш-Вэлли, за любые Врата Истины. Мы будем изучать этот мир вместе, защищать то, что создал Эдвард, и помогать тем, кто пострадал от старых войн. Я всегда буду рядом с тобой, Ал.

Ал притянул её к себе и крепко, нежно обнял, утыкаясь лицом в её ровные чёрные волосы. Между ними больше не было стен, недомолвок, лжи или страха. Это был союз двух исцелённых душ, готовых идти по дороге жизни рука об руку, создавая совершенно новое, созидательное будущее.

Я стоял чуть поодаль, глядя на них, и чувствовал, как внутри разливается тепло. Мой брат был счастлив. Он заслужил это счастье больше, чем кто-либо.

Часть 5. Роза, Кейн и возрождение Лиора

Тем временем на южной окраине Центрального госпиталя происходило событие, которого Роза ждала долгие, мучительные месяцы своего одиночества. В небольшой, залитой тёплым

солнечным светом палате у окна стоял молодой человек в простой гражданской одежде. Это был Кейн. Благодаря лечению чистыми Синими Камнями, его амнезия полностью и безвозвратно отступила. Его глаза, некогда пустые и тусклые, теперь светились ровным, живым и осознанным теплом. Он смотрел в окно, на просыпающийся город, и улыбался.

Дверь палаты тихо приоткрылась, и в комнату вошла Роза. В её руках был маленький, тихо посапывающий свёрток с новорождённым младенцем. Её длинные тёмные волосы были аккуратно заплетены, а розовая чёлка задорно торчала вверх, закрывая лоб. Она остановилась на пороге, её губы задрожали, а из глаз покатились крупные слёзы облегчения.

Кейн медленно повернулся на звук шагов. Он посмотрел на неё, на ребёнка, и его лицо мгновенно исказилось от нахлынувших, подлинных человеческих чувств. Он сделал два быстрых шага вперёд, и его широкие руки крепко, до хруста костей обняли её вместе с младенцем, прижимая к своей груди.

— Роза… Моя Роза… — прошептал он, и его голос сорвался на счастливый, судорожный хрип, а слёзы потекли по щекам. — Я всё вспомнил. Я помню нашу деревню, помню Лиор, помню твои письма… Прости меня, что я так долго заставил тебя ждать в этой темноте. Я здесь. Я живой, настоящий, и я с вами.

— Кейн… Ты действительно помнишь? — Роза прижалась лицом к его сильному плечу, её пальцы мёртвой хваткой впились в ткань его куртки. Ментальный транс Данте и удушающая ложь Корнелло полностью исчезли из её жизни. К ней окончательно и безвозвратно вернулся её собственный, сильный и мелодичный голос. — Я думала, что потеряла тебя навсегда, что Корнелло сотворил чудо, а это была лишь слепая птица…

— Корнелло жив, — сказал Кейн, и в его голосе не было ненависти — только спокойная уверенность. — Его ложь полностью развеяна, и он больше не обманывает людей. После того как братья Элрики разоблачили его перед всем Лиором, его заставили работать на благо города. Он строит дороги, чинит дома, ухаживает за больными — искупает свою вину перед каждым, кого обманул. Он больше не проповедник, не лжец. Он просто человек, который пытается исправить то, что натворил. И знаешь, Роза… он действительно старается. Каждый день. Он встаёт на рассвете и работает до темноты. И люди видят это. Они не простили его, но они дали ему шанс.

Роза смотрела на Кейна, и в её глазах блеснули слёзы — но это были слёзы облегчения.

— Значит, он не умер… — прошептала она. — Он получил шанс искупить свою вину.

— Да, — Кейн кивнул, бережно стирая слёзы с её щёк. — Теперь всё будет совершенно по-другому. Фюрер Мустанг уже выделил огромные средства на полное восстановление Лиора. Генерал Баск Гранд отправлен туда во главе строительных инженерных отрядов. Мы вернёмся домой, Роза. Мы отстроим наш собор заново, но теперь в нём не будет фальшивых богов, кукол или обманных чудес. В нём будет звучать смех нашего ребёнка и настоящая вера людей друг в друга. Мы поднимем наш город из пепла вместе, и он станет чистым.

— Мы вернёмся домой… — повторила Роза, и на её лице расцвела счастливая, лучезарная улыбка. — Наш Лиор снова будет цвести, Кейн. Я знаю это. Мы сделаем его лучше, чем он был когда-либо. Мы построим новый собор — честный, без обмана.

Они стояли у окна, качая засыпающего сына, и предвечернее солнце Централа согревало их своими мирными лучами. Они прошли через обман, потерю памяти и ментальное рабство, но выстояли, сохранив свою любовь. Лиор ждал их возвращения, готовый стать символом честного возрождения всей страны.

— Знаешь, Роза, — тихо сказал Кейн, глядя на закат. — Корнелло тоже будет там. Он будет строить дороги, восстанавливать дома. И каждый день он будет помнить, что он сделал. Это будет его наказание — и его искупление. А мы будем рядом, чтобы напоминать ему, что он должен быть лучше.

Роза улыбнулась и прижалась к нему.

— Мы все должны быть лучше, — прошептала она. — И мы будем.

Часть 6. Новые дороги химер и триумф в особняке Армстронгов

На окраине Ризенбурга, в цветущем саду дома Рокбеллов, наконец-то наступил долгожданный покой. За просторным деревянным столом под сенью старой раскидистой яблони сидел Обжорство — теперь обычный, крепко сбитый юноша с наивными и бесконечно добрыми карими глазами. Он неуклюже, но очень старательно помогал Трише Элрик перебирать спелые красные яблоки, то и дело радостно улыбаясь тёплым лучам весеннего солнца. Рядом с ним стояла Лора — бывшая Лень. Её густые каштановые волосы были заплетены в аккуратную длинную косу, а в глазах больше не было прежнего смертельного льда. Она ласково, бережно провела ладонью по его плечу, заставив парня смущённо и счастливо покраснеть.

— Посмотри, Лора, какое большое яблоко! — Обжорство с гордостью протянул ей спелый плод. — Триша говорит, из него получится отличный пирог!

— Да, очень красивое, — Лора нежно улыбнулась, глядя на его новые, абсолютно человеческие руки. — Ты прошёл через этот ад ради меня, и теперь ты здесь. Ты сыт?

— Я всегда сыт, когда ты рядом, Лора, — ответил он, аккуратно складывая яблоко в плетёную корзину. — Теперь я обычный человек. И я никогда больше никуда не уйду от тебя. Мы всегда будем вместе, будем помогать Трише и растить этот сад.

Триша Элрик мягко, лучезарно улыбнулась, наблюдая за ними из своего кресла-качалки. В её доме нашлось место для каждого, кто пострадал от интриг и жестокости старого мира. Она смотрела на Лору и Обжорство, на Адриана, который сидел чуть поодаль и учился играть на гитаре, и её сердце наполнялось тихой радостью.

Адриан — бывший Зависть — сидел на траве под яблоней и неуклюже перебирал струны старой гитары, которую ему подарил Ал. Его пальцы были ещё неловкими, но он упрямо пытался извлечь мелодию. Рядом с ним сидел Кайто, показывая ему аккорды.

— Нет, смотри, вот так, — говорил Кайто, переставляя пальцы Адриана. — Ты слишком сильно давишь.

— А как иначе? — ворчал Адриан, но в его голосе не было злобы. — Я четыреста лет только убивал. Теперь учусь жить.

— Научишься, — улыбнулся Кайто. — У нас у всех получилось. И у тебя получится.

А далеко на востоке Аместриса, у самого подножия диких скалистых гор, началась совершенно другая история. Из клубов дорожной пыли на каменистую тропу уверенно выкатился старый армейский мотоцикл с коляской. За рулём сидела Мартел — её движения по-прежнему оставались гибкими и стремительными, выдавая в ней бывшую химеру, но на лице больше не было маски затравленного беглого зверя. В коляске мотоцикла, лениво закинув ноги на приборную панель, сидел Жадность. Он полностью обрёл человеческую плоть, его углеродная броня исчезла навсегда, оставив лишь тёплую кожу и уверенный, живой взгляд человека, который сам выбирает своё будущее. Он улыбался, глядя на проплывающие мимо пейзажи, и я видел, как его пальцы сжимают ручку мотоцикла.

— Приехали, Жадность, — Мартел заглушила мотор, и над ущельем воцарилась тишина. — Ксенотайм. Расселл и Флетчер Трингамы уже ждут нас у старой шахты. Они сказали, что им нужны наши сильные руки для полного восстановления водопровода и очистки почвы от остатков Красной воды.

— Опять копаться в грязи? — Жадность картинно вздохнул, но на его лице играла всё та же наглая, уверенная ухмылка. Он легко спрыгнул на землю, его пальцы привычно и крепко сжали рукоять слесарного инструмента. — Ладно, Мартел, уговорила. Всё-таки это лучше, чем сидеть взаперти в особняке Данте. К тому же, Трингамы обещали показать мне чертежи декомпозиции их отца.

Рядом с ними из кабины грузовой машины спокойно вышли Роа и Дольчетто. Их звериные черты химер, изменённые лазурной энергией наших Синих Камней, стали почти незаметны в лучах полуденного солнца. Они больше не были рабами чужих амбиций или монстрами — они были вольными мастерами, которые восстанавливали города.

— Будем строить этот мир заново, — твёрдо сказала Мартел, поправляя ремень. — Без боли, без жертв и без чужих дурацких приказов. Нам есть ради чего трудиться.

В маленькой, тихой провинциальной деревне на самом юге Аместриса Адриан открыл небольшую школу для детей местных бедняков и сирот. Его имя теперь было Адриан — он выбрал его сам, когда начал новую жизнь. Каждые несколько месяцев у ворот его уютного деревянного дома останавливалась изящная крытая повозка. Из неё неторопливо выходили двое — величественный Ван Хоэнхайм и молодая, ослепительно красивая Данте, которая теперь согласилась использовать свои колоссальные знания только ради созидания, исцеления и помощи людям. Эти регулярные встречи медленно, но верно лечили их общие старые раны, возвращая Адриану его настоящую семью.

Данте больше не носила маску Елены. Она жила в небольшом доме на окраине Ризенбурга, и её знали как целительницу, которая лечит бедняков бесплатно. Она работала в местной больнице, помогала Трише по хозяйству и училась прощать себя. Её золотистые волосы, уложенные в аккуратное каре, мягко мерцали на солнце, а серо-голубые глаза больше не светились холодным, фиолетовым светом. Она была человеком. И она училась быть им.

Часть 7. Тройная свадьба в особняке Армстронгов

На самом исходе тёплой, цветущей весны в старинном, роскошном особняке Армстронгов состоялась грандиозная тройная свадьба, о которой

вся страна будет говорить ещё очень долго. Стены огромного торжественного зала были сплошь усыпаны нежными белыми розами, а в воздухе витал запах праздника, свободы и новой жизни.

Я стоял у алтаря в своём лучшем парадном костюме. Мой маскировочный экзоскелет навсегда остался лежать в мастерской Винри — я сбросил это железо, продемонстрировав полковнику Мустангу и всему штабу свои абсолютно целые, живые и сильные руки и ноги. Винри медленно шла ко мне по ковровой дорожке в ослепительно белом пышном платье. Её светлые волосы были украшены мелкими живыми цветами, а в глазах блестели слёзы чистого, неподдельного счастья. Она была прекрасна.

— Эдвард Элрик, — тихо, но удивительно уверенно произнесла она, останавливаясь напротив и крепко беря меня за руки. — Я люблю тебя. Я верила в тебя каждую секунду нашего долгого, опасного пути. И я рада, что сталь больше не разделяет нас.

— Винри Рокбелл, — ответил я, и мой собственный голос дрогнул от переполнявших меня чувств. — Я люблю тебя. Я отдаю тебе половину своей жизни, а ты отдай мне половину своей. Это мой единственный, самый честный Равноценный Обмен. Мы заслужили этот мир.

— Ты опять за свои алхимические термины? — Винри шутливо прищурилась сквозь слёзы, но её руки крепко сжали мои пальцы. — Никаких обменов, Эдвард. Я забираю твою жизнь целиком, а ты забираешь мою. И это не обсуждается.

— Согласен, — улыбнулся я, и мы обнялись под оглушительные овации сотен присутствующих гостей.

Рядом со мной у алтаря стоял Альфонс, нежно сжимая руку Лиры. Она была в изящном голубом

платье, и её фиолетовые глаза светились от счастья. Они тоже обменялись своими клятвами верности, навсегда переплетая свои судьбы.

— Я люблю тебя, Альфонс, — прошептала Лира. — Ты дал мне новую жизнь и показал, что такое настоящая свобода.

— Я люблю тебя, Лира, — ответил он. — Ты сделала меня целым. Мы пройдём все дороги вместе.

Третьей парой были Роза и Кейн, который полностью вернул свою память после лечения лазуритом и теперь не отпускал свою «Святую Мать» ни на один миг. Их ребёнок, маленький Кристофер, мирно спал в колыбельке рядом с алтарём, убаюканный тихой музыкой оркестра.

После того как Мустанг стал Фюрером, он официально отменил все обвинения против Хьюза и вернул его в строй. Майор приехал на свадьбу с Грейсией и Элисией, сияя от счастья. Он показывал всем новые фотографии своей дочери, и в его глазах была такая гордость, что я невольно улыбнулся.

Наша мама Триша сидела в самом первом ряду, нежно прижимаясь к плечу улыбающегося Ван Хоэнхайма. Лора и Обжорство сидели рядом с ними, весело переговариваясь с майором Хьюзом. Адриан сидел с ними, и я видел, как он улыбается. Он всё ещё учился быть человеком, но он был счастлив.

В разгар торжества, когда музыка на мгновение затихла, а гости подняли бокалы за здоровье молодых, я подошёл к Данте. Она стояла у высокой мраморной колонны, залитая тёплым светом праздничных ламп. Её золотистые волосы аккуратно обрамляли лицо, а серо-голубые глаза блестели от набежавших слёз.

— Данте, — тихо сказал я, остановившись рядом с ней. На мне больше не было фальшивого экзоскелета, и я чувствовал себя удивительно легко. — Я смотрю на тебя и до сих пор вспоминаю наши дороги на Юге. В пустыне ты назвалась Еленой. Ты пекла нам хлеб, приносила воду, заботилась как родная. Скажи мне честно, теперь, когда всё позади… Неужели в имени Елены не было вообще ничего настоящего? Неужели всё это было лишь хладнокровной ложью ради слежки за нами?

Данте медленно повернулась ко мне. На её молодом, гладком лице появилась слабая, горькая, но удивительно искренняя улыбка. Она нежно коснулась пальцами ткани своего фиолетового платья, чувствуя живое тепло собственного, дышащего тела.

— Елена… — её человеческий голос прозвучал мягко, начисто лишённый прежнего высокомерия. — Какое странное, чужое имя. Да, Эдвард, когда я примерила эту маску, я думала, что это идеальное прикрытие. Елена должна была стать очередной временной оболочкой, удобным притворством, чтобы следить за вами и выведать формулу лазурита. Но я не хочу, слышишь, я наотрез отказываюсь от этого имени. Я ненавижу его. Оно напоминает мне о том, кем я была — лживой, пустой, паразитирующей.

Она посмотрела на Хоэнхайма и Адриана, которые сидели в первом ряду и внимательно прислушивались к нашему разговору.

— Четыреста долгих лет я была вынуждена менять тела, как изношенные шинели. Я воровала чужие лица, чужие голоса, чужие судьбы. Я заставляла себя притворяться кем угодно — молодой девушкой, зрелой женщиной, дряхлой старухой в лесной глуши. Я играла сотни ролей, строила из себя Елену, надеясь обмануть саму смерть. Но за каждым этим фальшивым именем скрывался мой самый страшный,

удушающий страх. Страх окончательно позабыть, кто я есть на самом деле. Каждый раз, заглядывая в зеркало, я видела там чужую плоть и умирала от тоски по своему собственному началу.

Она перевела взгляд на меня, и в её серо-голубых глазах вспыхнула кристально чистая, суровая честность раскаяния.

— Твой Синий Камень сотворил чудо, Эдвард. Он не просто исцелил мою душу, он вернул мне мою подлинную, самую первую плоть, в которой я когда-то родилась четыре века назад. Я наконец-то вернулась к себе. И именно поэтому здесь, на вашем празднике, перед лицом всей вашей большой семьи, я навсегда отказываюсь от имени Елены и от всех прошлых масок. Я совершила чудовищные, невыносимые преступления перед этой страной, я готова нести этот крест, искупить вину и трудиться ради созидания каждый божий день, как ты и требовал. Но я буду делать это официально, открыто. Под своим настоящим именем. Я — Данте. И я всегда, каждую секунду этого четырехвекового кошмара, желала быть только собой. Теперь я наконец-то обрела эту честность. И я счастлива быть здесь, с вами, видя счастье твоей семьи.

— Мы все совершали ошибки, Данте, — тихо сказал подошедший Хоэнхайм, кладя руку на её плечо. — Главное — мы нашли путь назад. К нашему первому лицу. К нашей настоящей жизни.

После свадьбы Данте поселилась в небольшом доме на окраине Ризенбурга, где лечила больных и помогала Трише по хозяйству. Хоэнхайм навещал её каждую неделю, и они медленно учились прощать друг друга.

Данте опустила голову, её плечи вздрогнули, и она тихо, облегчённо заплакала, принимая своё новое,

трудное, но честное человеческое будущее. Настоящие слёзы текли по её щекам, смоченным весенним ветром, унося прочь остатки вековой тьмы.

Кайто, который уже несколько дней гостил в Ризенбурге вместе с Изуми и Сигом, захотел лично поблагодарить меня:

— Я хочу учиться у тебя, — сказал он. — Я хочу стать таким же сильным, как ты.

Я улыбнулся и потрепал его по тёмным волосам:

— Ты уже сильный, Кайто. Но если хочешь — приходи, я покажу тебе, как работает лазурная алхимия. Ты должен знать, что сила не в том, чтобы сокрушать врагов. Сила в том, чтобы защищать тех, кто тебе дорог. Запомни это.

Часть 8. Новый рассвет

После завершения официального торжества мы вышли на широкий мраморный балкон особняка Армстронгов. Ночь была тёплой, тихой, и миллиарды ярких звёзд мерцали над притихшим Централом. Я стоял, бережно обняв Винри за плечи, и смотрел на огромный город, который мы спасли от тотального уничтожения.

— Мы действительно сделали это, Эд, — тихо сказала Винри, поворачиваясь ко мне и кладя голову на мою грудь. — Мы изменили этот мир. Навсегда.

— Нет, Винри, — ответил я, нежно целуя её в висок и чувствуя тепло её тела. — Мы только начали этот путь. Нам предстоит сделать ещё очень многое, отстроить города и помочь тысячам людей. Но теперь

мы точно знаем, как созидать. И мы знаем, что у нас есть сила, чтобы сделать это.

— Я знаю, — улыбнулась она, поднимая на меня свои сияющие глаза. — И я буду рядом с тобой на каждой новой дороге. Мы будем делать это вместе.

Ал и Лира вышли на балкон вслед за нами. Ал нежно обнимал Лиру за талию, и они стояли, молча глядя на звёздное небо, ловя прохладные порывы ветра. Их лица были спокойны, и я видел, как они счастливы.

— Знаешь, брат, — сказал Ал, поворачиваясь ко мне с открытой улыбкой. — Я никогда в жизни не думал, что наше безумное путешествие, начавшееся в подвале Ризенбурга, закончится именно так. Это лучше, чем любая сказка. Это реальность, которую мы создали сами.

— Оно не закончилось, Ал, — ответил я, сжимая Государственные часы в левой руке. — Настоящая жизнь только начинается. Для каждого из нас. Для Лоры, для Адриана, для всех, кого мы спасли. И для тех, кого ещё спасём.

Мы стояли на балконе, глядя на ночной Централ. Вокруг нас, внутри залы, смеялись наши друзья, наша семья, наша любовь. Мы прошли через бездну Врат Истины, разрушили вековой заговор, превратили гомункулов в людей и спасли абсолютно всех, кто был нам по-настоящему дорог. Наш Синий Камень в кармане ярко и ровно пульсировал лазурным источником, созидая новую жизнь, и я точно знал: впереди нас ждёт долгое, счастливое, наполненное чистым светом и любовью будущее. Мир алхимии наконец-то обрёл свой истинный, незыблемый покой.

— Домой? — тихо спросила Винри, крепче сжимая мою руку.

— Домой, — уверенно ответил я.

И мы вместе, об руку, повернулись и пошли обратно в залитый тёплым праздничным светом зал, оставляя позади ночную тьму прошлых лет. Навсегда.

В зале нас встретил смех Лоры и Обжорства, которые танцевали в центре, неловко, но счастливо переступая с ноги на ногу. Адриан играл на гитаре, и его мелодия была простой, но чистой. Данте стояла у стены, наблюдая за ними, и на её лице играла слабая, но искренняя улыбка.

Хоэнхайм и Триша сидели за столом, держась за руки, и смотрели на нас с бесконечной любовью.

Мы были семьёй. Мы были вместе. И это было главное.